

An aerial photograph of an archaeological excavation site. The ground is dark brown soil, with numerous wooden planks and beams scattered across it. Some of the wood is arranged in a grid-like pattern, possibly representing a structure's foundation. A white dashed line is visible in the upper left corner, and a white and black striped measuring tape is placed horizontally across the lower right portion of the site. The overall scene depicts a well-documented archaeological find.

РУСЬ В XIII-XV ВЕКАХ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ
В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
THE INSTITUTE OF RUSSIAN HISTORY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

RUS' IN THE 13th – 15th cc.

RECENT DISCOVERIES IN ARCHAEOLOGY AND HISTORY

INDRIK
MOSCOW 2021

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

РУСЬ В XIII–XV ВЕКАХ

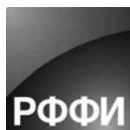
НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ

ИНДРИК
МОСКВА 2021

УДК 94(47)
Р89

Утверждено к печати Учеными советами
Института археологии РАН и
Института российской истории РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 21-19-00023, не подлежит продаже)

Ответственные редакторы:
Л.А. Беляев, Е. Л. Конявская

Редколлегия:
*П.Г. Гайдуков, Д.Г. Давиденко (отв. секретарь), В.Н. Захаров,
Н.А. Макаров, Ю.А. Петров, С.М. Шамин (отв. секретарь)*

Рецензенты:
Н. М. Рогожин, Вл. В. Седов

Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории / Институт археологии РАН, Институт российской истории РАН; [редколл.: Л.А. Беляев (отв. ред.), Е.Л. Конявская (отв. ред.) и др.]. М.: Индрик, 2021. – 296 с.; илл.

ISBN 978-5-91674-655-6

DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-91674-655-6

Коллективный труд представляет опыт соединения фундаментальных исследований археологов и историков, работающих над проблемами XIII–XV вв. Работы имеют источниковедческую направленность и затрагивают сферы истории удельных княжеств в ордынский период, культуры, быта, городской и сельской жизни, государственного и общественного устройства. Предназначен археологам, историкам, искусствоведам, студентам исторических специальностей и всем интересующимся историей и культурой России.

Редактор переводов на английский язык: *А.А. Калинин*

=Rus' in the 13th–15th cc. Recent discoveries in archaeology and history / Institute of Archaeology, Institute of Russian History; [eds. Belyaev L.A. and Konyavskaskaya E.L.]. Moscow: Indric, 2021. – 296 p.: Ill.

The book represents the first Russian attempt to merge archaeological and historical scholarly studies of the New Time. The studies of the written and archaeological records deal with the history of culture and casual life; courtly and country life; of urbanism, industry and military affairs; state and society. For students and researchers in archaeology, history and art studies.

English translations: *A. A. Kalinin*

ISBN 978-5-91674-655-6
DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-91674-655-6

© Институт археологии РАН, 2021
© Институт российской истории РАН, 2021
© Коллектив авторов, 2021
© Издательство «Индрик», редакционно-издательская подготовка, оформление, 2021

Вступление

Л.А. Беляев, Е.Л. Конявская

Московская Русь: первые шаги¹

Предлагаемая вниманию коллег книга продолжает серию трудов, созданных в сотрудничестве историков и археологов, изучающих историко-культурные процессы в России более чем за тысячелетие ее существования. Поле исследований коллективного труда — Северо-Восточная Русь и ее соседи в период от монгольского нашествия до освобождения от иноземного владычества, отстройки нового Кремля и образования Русского государства. По сути дела, особенно если говорить о XIII–XIV вв., это наименее освещенный источниками, самый сложный период русской истории, и о последующем, и о предшествующем этапах мы знаем (в первую очередь в области археологии) больше. Это определяет фундаментальную важность труда. Актуальность проведенного исследования усиливалась необходимостью готовить материалы для составления соответствующих томов двадцатитомника «История России»². Важно также заполнить пробелы в общем сквозном исследовании, базирующемся на интерпретации новых, недавно открытых источников в области истории и археологии. Периоды до XIII в. и с конца XVI в. уже охвачены³,

и том, посвященный XIII–XV вв., заполняет один из двух оставшихся промежутков.

Таким образом, подготовленный коллективный труд отражает нарастающее, все более тесное сотрудничество историков и археологов, те совместные научные дискуссии, которые в последнее десятилетие стали систематическими. Они неизменно оказываются взаимно полезными, причем трудно сказать, в чем более: в обмене новейшей информацией или в освоении новых форм, в упрочении тесного знакомства ученых, изучающих близкие периоды и даже конкретные сюжеты, но по источникам разных видов, или в выработке междисциплинарного подхода.

Дело в том, что развитие методики историков и археологов, а также сама форма источника и, соответственно, приемы его критического анализа различаются столь существенно, при этом постоянно совершенствуясь, что без взаимной экспертной оценки и проверки их просто невозможно использовать — слишком велик риск совершить серьезную ошибку⁴. Таким образом, общая дискуссионная

чила в себя еще три тома: Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.Е. Лентьев; сост. И.Е. Зайцева. М.; Вологда, 2014; От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.: Материалы науч. конф. / Отв. ред. Л.А. Беляев, А.В. Юрасов. М.; Вологда, 2016; Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. / Отв. ред. Л.А. Беляев, В.Н. Захаров. М., 2020. К серии прилагается также совместный археолого-исторический том: Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская империя и их соседи: Материалы науч. конф. / Отв. ред. Л.А. Беляев, Н.М. Рогожин. М., 2016.

⁴ Это очевидная, но малообсуждаемая проблема. См.: Беляев Л.А. Жизнь и смерть в Российской империи: археология истории // Жизнь и смерть в Российской империи... 2020. С. 6–8.

¹ Подготовлено в рамках НИОКТР АААА-А18-118021690056-7 «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи Великого переселения народов до Московской Руси — археологическое измерение».

² Формой первичной апробации материалов были специальные тематические встречи институтов Археологии РАН и Российской истории РАН, такие как семинар «Московская Русь. Новые открытия в области археологии, истории и топографии XII — середины XV в.» 2018 г. и отдельная секция на 10-й Международной научной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси», подготовленной к юбилею журнала «Древняя Русь: вопросы медиевистики» (2019 г.).

³ Эта серия трудов начиналась почти десятилетие назад томом: Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012, и с тех пор вклю-

площадка не просто полезна, но жизненно необходима. На ней уже апробированы достигнутые историками и археологами результаты, всесторонне охвачены многие области общей истории, культуры, книжности, эпиграфики и других разделов источниковедения, которые изучаются на основе анализа памятников письменности, археологии, искусства и отчасти фольклора.

Эта общая тематика весьма разнообразна и охватывает фактически все формы исторического бытия: проблемы социально-экономического развития древнерусских земель в начале XIII в. (систему управления, внешнеполитическую деятельность князей, генеалогию правителей, топографию городов и поселений, церковную историю), историю и культуру княжеств Северо-Востока в эпоху владычества Орды вплоть до обретения ими полной независимости; обычаи, быт и формы взаимодействия народа с окружающей средой.

В последние десятилетия накоплен существенный объем новых источников, которые могут служить яркими примерами расширения исторических знаний с помощью археологии. Существовали разногласия в вопросе о маршрутах передвижения монгольского войска по ярославским землям и о возможном (но не очевидном по письменным источникам) разгроме их столицы. Сомнения разрешились с помощью археологии: раскопки под руководством А.В. Энговатовой нарисовали яркую картину гибели Ярославля под ударом монгольского нашествия зимой 1237 года: десятки трупов людей со следами насильственной гибели (в том числе в бою) лежали непогребенными до весны, а затем были собраны в «санитарные захоронения» (колодцы и погребя на месте сгоревших зданий)⁵. Этот отдельный факт взятия города, ставший теперь достоверным и исполненным драматизма, подкреплен свидетельствами явного упадка городской жизни, растянувшегося на 200–300 лет, который демонстрируют слои и кладбища XIV–XVI вв. Один из важных вопросов культурного развития Руси, характеристик состояния ее военно-политических возможностей — вопрос о быстром успехе монгольского нашествия. Он тесно связан с вопросом городской фортификации, устройства крепостных стен, которые строились в массовом порядке, но без применения камня. Линии укреплений погибших городищ дошли до нас в виде задернованных земляных насыпей, чуть ли не типового элемента культурного ландшафта России в XVIII–XIX вв. Их изначальное

устройство археологи реконструировали почти так же, как видели: высокие насыпи, поверх которых представляли деревянные срубы. В последние десятилетия (Ю.Ю. Моргунов и др.) пересмотрели эту точку зрения: многие валы вокруг городищ — это развалы деревянных стен, чьи срубы часто ставили в уровне земли и заполняли вынутым из рва грунтом. Эти свободно стоящие деревянные рубленые засыпные конструкции и образовали своеобразные руины, выраженные в ландшафте как рукотворные холмы.

Массу новых данных приносит археология и о развитии старого соперника Москвы — Твери, письменные источники по раннему периоду которой крайне недостаточны. Зато материалы по исторической топографии города и княжества, полученные при широких работах тверскими археологами, весьма обильны и показывают, что на рубеже XII–XIII столетий в Твери уже были два посада, храмы и приходские кладбища, а в XIV в. за Волгой появляются новые церкви и пригородные монастыри с их слободами, формируя городскую округу. В этой картине важное место занимают следы тверского Спасо-Преображенского собора — первого каменного храма, воздвигнутого *ex novo* после 70-летнего перерыва, вызванного монгольским нашествием. Его остатки, раскопанные в середине 2010-х годов, позволяют только схематическую реконструкцию здания, но неоспоримо свидетельствуют о наследовании тверскими мастерами владимиросуздалской традиции белокаменного строительства с обильной фасадной резьбой.

Уже традиционным стало введение в историю XIII–XV вв. новых данных благодаря раскопкам в Новгороде Великом с его берестяными грамотами, во Владимиро-Суздальской земле, в том числе в Москве, и в окружающих исторических городах, монастырях и селах. Исключительный вклад в сбор и анализ источников по истории Руси всех видов внесло празднование 800-летия со дня рождения князя Александра Ярославича Невского, проходившее в 2021 г. Приуроченные к нему конференции и издания показали не только возможность дальнейшей верификации известных из летописей и житий фактов периода его правления, но и перспективы восстановления контекста всей жизни Руси в XIII в.⁶

Представляемый новый труд продолжает движение в заданном направлении. На первом плане стоят давно знакомые проблемы, такие

⁵ Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия (по материалам Ярославской экспедиции ИА РАН) / Сост. А.В. Энговатова. М., 2012; Энговатова А.В. Ярославль накануне нашествия Бату-Хана: результаты археологического исследования // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: Сб. науч. трудов. Барнаул, 2017. С. 1195–1196.

⁶ См. специально посвященный юбилею номер журнала «Исторический вестник» (Т. 35, № 5. М., 2021), а также многочисленные статьи в журналах по истории («Древняя Русь. Вопросы медиевистики» и др.). В ближайшее время выйдут из печати сборники: Александр Невский. Личность, эпоха, историческая память: Материалы Международной научной конференции к 800-летию со дня рождения (Москва, 25–27 мая). М., 2021; Реликвии Александра Невского / Ред. А.В. Сиренов. СПб., 2021.

как обстановка в Древнерусском государстве и локальные формы устройства княжеств и земель накануне монгольского нашествия, последовавшее разделение их судеб, новая государственная система на Северо-Востоке Руси, ее судьба и взаимодействие с владими́ро-суздальским наследием. Затем — выделение присущих ей культурно-исторических черт, построение независимого государства, его пространственное движение на восток, новые опыты вестернизации. Внутри этих больших проблем кроется бездна вопросов (тоже не всегда маленьких), которые без системного междисциплинарного подхода просто не могли быть решены, несмотря на значительные усилия аналитиков. Разумеется, эти проблемы предстают в форме конкретно-исторических исследований, того, что сейчас называют *case studies*.

Конечно, в одной работе невозможно показать на материале все сюжеты, но совершенно очевидно, что археологическая карта послемонгольской Руси выглядит все более насыщенной, а ее интерпретации — все более самостоятельными и убедительными. В нашем исследовании мы обращаемся прежде всего к еще одной большой теме — теме судьбы владими́ро-суздальского наследия и его связи с зарождающейся московской культурой XIII–XIV вв. Эта преемственность во многом остается непроявленной и требует поиска новых фактов для периода, пока мало изученного археологией и недостаточно освещенного в иных источниках. Один из путей, которые ранее практически не были осмыслены, — изучение церковных кладбищ, которые, чуть ли не единственные среди памятников, образуют непрерывную линию, тянущуюся через монгольский рубеж. В фокусе оказываются ранние каменные надгробия и ящичные саркофаги, производство которых не прекращалось, как выясняется, со второй половины XII до конца XV в., по крайней мере, во Владимире, в Ростове и Переяславле. Возможно, именно это обеспечило передачу навыков добычи известняка и искусства резьбы по нему, востребованных затем при возобновлении монументального строительства. Формы погребальных знаков в части орнаментов надгробных плит, крестов и, возможно, саркофагов-ящичков были усвоены в Москве, а их трансформация в XIV–XVI вв. и распространение нового типа антропоморфного саркофага стали одним из образов самоидентификации москвичей. Единство линии погребальной традиции XII–XV вв. обещает доказать, при всей его видимой скромности, и материал сельских кладбищ Владимиро-Суздальского Ополя (см. статью А.М. Красниковой и А.Н. Федориной).

Главы труда, сообразно с традиционными представлениями о направлениях исследований на избранном хронологическом отрезке, составили три раздела. Первый трактует проблемы взаимоотношений Орды и Северо-Восточной Руси. В нем явственно

превалируют материалы традиционного источниковедения, поскольку на русских землях, за исключением слоев разгрома зимы 1237/38 года и связываемых с ним кладов, последствия монгольского вторжения заметны более по косвенным, чем по прямым свидетельствам, и здесь часто используются аргументы «от отсутствия», такие, например, как длительное (более полувека) зияние в череде монументальных построек.

В письменных памятниках этот период и эта проблематика фиксируются гораздо лучше, позволяя обсуждать такие сюжеты, как ордынский выход (В.А. Кучкин), состав монгольских чиновников по данным ярлыков (С.А. Маслова), первые акты интронизации московского князя на великокняжеский престол (А.А. Горский) или более узкие, такие как вопрос принадлежности Петра царевича Ордынского к клану чингисидов и дальнейшая трансформация самоидентификации рода Чириковых (Г. Ленхофф). Даже единственная глава, посвященная «визуализации» ордынцев, графической фиксации их облика на Руси, основана не на фресках или подготовительных рисунках к ним, как в ренессансной Италии, но на маргиналиях рукописей XI–XIV вв. Они оказываются неожиданно информативными, поскольку именно в таких прямых фиксации жизненных наблюдений отразились впечатления авторов, полученные от общения с этнически чуждыми представителями государственной администрации Орды (Е.В. Уханова). Надо заметить, однако, что и чисто исторические на первый взгляд исследования оказываются по сути своей достаточно важными для археологии: вряд ли может быть сомнение в том, что исследование В.А. Кучкина о размерах ордынского выхода будет иметь значение для интерпретации нумизматических находок и иных материалов, свидетельствующих об обращении ценностей в Восточной Европе XIV–XV вв.

В главах второго раздела, рисующего общую ситуацию XIII–XV вв. на обширном пространстве от Новгорода Великого до Волыни и от Твери до Рязани, анализируется уже больше материальных свидетельств. Для исследований Твери существенным вкладом станет отдельная глава, которую И.В. Сафарова посвятила керамическим полам, особенно широко применявшимся именно тверскими мастерами XIII–XV вв., плитки для которых производили на месте. Эти материалы дополняют другие главы, посвященные уточнению фактов истории Твери по письменным источникам и общей оценке княжества как особого культурного пространства (Е.Л. Конявская).

Соединение археологических материалов с историческими производит особый эффект, когда удается найти логическую связь между появлением определенного рода находок и давно известными, но не всегда замечаемыми фактами прошлого. Находки нумизматических и сфрагистических

материалов (П.Г. Гайдуков, О.М. Олейников, А.В. Богомолов) удалось убедительно сопоставить с известными по письменным документам данными о победоносной войне Новгорода со шведами в 1348–1349 гг. — одним из эпизодов многовекового противостояния феодально-торговой республики натиску с Запада. Не менее важны выводы по социальной истории Новгородской земли и механизмам ее колонизации в XIV в. (С.З. Чернов). Другую сторону изучения Великого Новгорода образуют две главы, основанные на лингвистическом анализе новгородско-ганзейской документации (Е.Р. Сквайрс, Л.И. Постол), результаты которого позволяют судить о ментальных аспектах восприятия обеими сторонами юридических, дипломатических и конфессиональных феноменов. Анализ корпуса жалованных грамот рязанских князей позволяет составить представление о развитии вотчинного режима в социуме на юго-востоке Руси (Б.Н. Флоря). Д. Домбровским исследовались статьи Галицко-Волынской хроники, которые оформлялись в середине XIII столетия. Они касались фактов гораздо более раннего времени, но отражали последующие политические союзы и противостояния князей.

Если первый раздел оказался представлен в основном неархеологическими главами, а во втором археологические соседствовали с историческими, то третий, напротив, образован почти исключительно археологическими и картографическими исследованиями. Специальная глава посвящена работе по выделению особых видов изделий, которые формировали историческое своеобразие культуры памяти православных жителей Московской земли на основе развития погребального обряда (саркофаги, надгробия, ритуальная посуда и др.). В составе этой проблемы выявления черт «московской археологической культуры» определенное место занимает вопрос о появлении в ней новых видов строительных материалов, которые в домонгольской Руси практически не были известны, таких как черепица. Это показывает, что для соединения исторических и археологических открытий не всегда обращаются к эксперименту в форме специальных полевых работ. Постановка проблемы и ее решение возможны путем описания и анализа больших массивов ранее собранных материалов, сосредоточенных в музеях, и их сопоставления с неожиданными письменными источниками, в том числе зарубежными. Так, сравнительный анализ коробчатой кровельной черепицы Архангельского собора и редчайшей графической таблицы к ренессансному трактату (Л.А. Беляев, С.И. Баранова) позволил осветить одну из сторон участия строителей ранней Москвы в реализации витрувианской антикварной традиции формирования строительных технологий Европы XV–XVI вв. Между историей и археологией трудно разделить и аналитическую работу, в ходе которой бесформенные

комки из раскопок в Зарядье превратились во фрагменты роскошного шелка и шерсти (И.И. Елкина), обрисовав особенности бытования здесь в XIV–XV вв. текстильных изделий.

Исключительно важное место в формировании наших представлений об истории Москвы и ее земель в XIII–XIV вв. занимает постепенно накапливающийся материал по археологии, исторической географии, топографии, планировке и развитию отдельных городов. Коллектив авторов под руководством Н.А. Макарова (В.Ю. Коваль, Р.Н. Модин) представил анализ результатов первых системных исследований на холме Московского Кремля, позволивших предложить новую и фундированную версию развития исторической топографии его восточной части. Начинает постепенно вырисовываться и археология застройки Кремля, ожидаемо снабжающая науку эталонными комплексами. Собранные в различных точках материалы подтверждают распространение культурных отложений домонгольского времени на значительной площади, включая нижнюю часть склона Кремлевского холма (современный Тайницкий сад) и участки на вершине коренной террасы (культурный слой на месте разрушенного Чудова монастыря). В этой восточной части Кремля в последней трети XII в. сформировалась плотная усадебная застройка. Новые раскопки серьезно укрепили представление о ранней Москве как о большом городе, быстро растущем уже в предмонгольское время. Здесь выявлены усадьбы с остатками построек внушительных размеров и высокой концентрацией артефактов, четко соответствующих именно городской застройке (дворы московской элиты?), но не давших и намека на связь территории с князем и его двором, который по-прежнему логичнее видеть в южной части Кремля, вблизи Спасо-Преображенского собора, где его всегда показывали письменные источники XIV–XV вв.

В отдельной главе А.Б. Мазуров осветил общее развитие важнейшего, может быть, из ранних городов Московского княжества — Коломны, в те же столетия. В свою очередь, А.В. Дедук обратился к вопросу об истории Алексина в XIV–XVI столетиях. В этом историко-топографическом исследовании автор использовал как археологические данные, так и информацию писцовых и межевых книг, материал картографии. Добавим, что целый ряд многолетних полевых исследований южных районов Центральной России заставляют увидеть географическую подоплеку и зависимость их развития от природной среды в многотысячелетней перспективе.

Надеемся, что изложенное в книге в достаточной мере доказывает, что публикуемый труд следует воспринимать как важную ступень во всестороннем изучении наследия Северной и Восточной Руси от монгольского нашествия до обретения политической самостоятельности.

Список литературы

- Александр Невский. Личность, эпоха, историческая память: Материалы Международной научной конференции к 800-летию со дня рождения (Москва, 25-27 мая). М.: Индрик, 2021.
- Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия (по материалам Ярославской экспедиции ИА РАН) / Сост. А.В. Энговатова. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ИА РАН, 2012. 296 с.
- Беляев Л.А. Жизнь и смерть в Российской империи: археология и история // Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. М., 2020. С. 6–9.
- Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. / Отв. ред. Л.А. Беляев, В.Н. Захаров. М.: Индрик, 2020. 384 с.
- Исторический вестник. Т. 35. № 5. М., 2021. 232 с.
- От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.: Материалы науч. конф. / Отв. ред. Л.А. Беляев, А.В. Юрасов. М.; Вологда: Древности Севера, 2016. 520 с.
- Реликвии Александра Невского / Ред. А.В. Сиринов. СПб: Росспэн, 2021
- Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. 496 с.
- Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.Е. Леонтьев; сост. И.Е. Зайцева. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. 432 с.
- Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская империя и их соседи: Материалы науч. конф. / Отв. ред. Л.А. Беляев, Н.М. Рогожин. М.: ИА РАН, ИРИ РАН, 2016. 256 с.
- Энговатова А.В. Ярославль накануне нашествия Бату-Хана: результаты археологических исследований // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: Сб. науч. трудов. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 1195–1196.

Ключевые слова: Средние века, Древняя Русь, Золотая Орда, Московское княжество, Тверское княжество, Рязанское княжество, Московский

Кремль, летописание, источниковедение, нумизматика, саркофаги, строительная керамика, работа канцелярий

Introduction

L. A. Belyaev, E. L. Konyavskaya

Moscow Rus: the First Steps¹

The book we offer to colleagues' attention is a continuation of a series of works created in cooperation of historians and archeologists who study historical and cultural processes in Russia during its history which exceeds a millennium. The field of study is North-Eastern Rus and its neighbors in the period from Mongol invasion to the overthrow of the yoke. It was the time when a new Kremlin was built and the Russian state was formed. In fact, if we speak of the 13th–14th centuries, it is the period which is most poorly elucidated by sources and the most difficult, intricate period of history. We know more about preceding and subsequent stages (at least, in sphere of archeology). This defines the fundamental importance of the work presented. Relevance of the study is strengthened by the necessity to prepare materials for composition of the respective volumes of "History of Russia" in 20 volumes²². It is also important to fill the gaps in the general thorough research based on the interpretation of new, recently discovered sources in the spheres of history and archeology. The collective of authors has already overtaken periods from the end of the 13th century and from the

end of the 14th century³ and the volume on the 13th and 14th centuries fills one remaining gap.

Thus, the prepared collective work reflects the increasing, more and more intense cooperation between historians and archeologists, their joint discussions that have become systematic in the last decade. These discussions invariably prove to be mutually useful. It's difficult to say in what respect they are more useful: in respect of the newest information exchange or in respect of the new forms of assimilation and strengthening of the collaboration of researchers who study close periods or even specific topics using different sources, or in respect of the development of an interdisciplinary approach.

The point is that the development of methods employed by historians and archeologists as well as the very form of a source and, respectively, methods of its critical analysis differ so much that they cannot be used without mutual expert evaluation and checking due to a high risk to commit a mistake⁴. Thus, a uniform dis-

¹This article is prepared within the frameworks of "Dynamics of historical life and cultural identity from the Great Peoples Movement epoch to Moscow; archeological dimension" that is a part of the state program "Research, development and engineering works" AAA-A18-118021690056-7.

²The initial approbation of the materials took place in the form of special thematic meetings of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences and the Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences, such as the seminar "Moscow Russia. New Discoveries in the Field of Archeology, History and Topography of the 12th— mid-15th Centuries" in 2018 and a separate section at the 10th International Scientific Conference "Integrated Approach to the Study of Ancient Rus", prepared for the anniversary of the journal "Ancient Rus: Issues of Medieval Studies" (2019).

³This series of works began almost a decade ago with the volume "Russia in the 9th–10th Centuries: an Archaeological Panorama" / Ed. by N.A. Makarov. Moscow; Vologda: 2012; and since then has included three more volumes: "Russia in the 9th–12th Centuries: Society, State, Culture" / Ed. by N.A. Makarov, A.E. Leontiev; comp. by I.E. Zaitseva. Moscow; Vologda, 2014. "From the Time of Troubles Towards the Imperium. Recent Discoveries in the archeology and history of Russia in the 16th–18th Centuries Russia. The proceedings of the conference" / Ed. by L.A. Belyaev, A.V. Yurasov. Moscow; Vologda, 2016; "Life and Death in the Russian Empire. Recent discoveries in archeology and history of the 18th–19th Centuries Russia" / Ed. by L.A. Belyaev, V.N. Zakharov". Moscow, 2020. The series also includes a joint archaeological and historical volume "Medieval Personality in Written and Archaeological Sources: Moscow Rus, the Russian Empire and Their Neighbors: Materials of Scientific Conference" / Ed. by L.A. Belyaev, N.M. Rogozhin. Moscow, 2016.

⁴This is an obvious but poorly discussed problem. See: L.A. Belyaev Life and Death in the Russian Empire: Archeology of History // Life and Death in the Russian Empire... 2020. P. 6–8.

cussion platform is not simply useful. Such a platform is vital. The results achieved by historians and archeologists have been already approved at the platform, and many spheres of history, culture, book-learning, epigraphy and other sections of source studies have been covered, that are investigated on the basis of written monuments, monuments of archeology, art, and partially folklore.

This complex of general topics is very diverse and, in fact, embraces all forms of historical existence: the problems of social and economic development of old Russian lands in the early 13th century (the system of governance, foreign policy activities of princes, topography of towns and settlements, church history), history and culture of North-East principalities during the Horde dominance until principalities acquired complete independence; customs, every day life, and forms of peoples' interaction with the environment.

A considerable volume of new sources has been accumulated in recent decades. These sources can be used as examples of extending historic knowledge with the help of archeology. There were disagreements on the issue of routes used by Mongol troops to move across Yaroslavl lands and of possible (but not evident according to the written sources) destruction of Yaroslavl. Thanks to the excavations performed under guidance of A.V. Engovatova, all doubts were dispelled. The excavations helped to draw a bright and dramatic picture of Yaroslavl destruction under the attack of Mongols in winter of 1237. Dozens of human corpses with traces of violent death including people killed in a battle were left unburied until spring when they were gathered into "sanitary disposals" that were arranged in wells and basements of burnt houses⁵. This individual fact of the town destruction is now authentic and supported by evidences of obvious decline of urban life in subsequent 200-300 years that is demonstrated by layers and burial grounds of the 14th-16th centuries. One of the important questions of cultural development of Rus is the question of the country's military and political potential. It is connected with the question of prompt success of the Mongol invasion. In its turn, this question is connected with the issue of urban fortifications, arrangement of fortress walls that were built en masse but without use of stone. Fortification lines of destructed fortified settlements have come to us as grass-covered earth embankments that became a nearly typical feature of the cultural landscape in the 18th-19th centuries. Their original arrangements were reconstructed by archeologists as the latter saw them: high embankments and log

constructions atop of them. In recent decades these perceptions have been a bit revised by Yu.Yu. Morgunov and other archeologists: many embankments around fortified settlements are, in fact, ruins of log walls of constructions that were often made at the earth level and filled with ground dug out of the dykes. These individual log constructions with their filling formed a kind of ruins expressed in the landscape as hand-made hills.

Archeology provides a lot of new data on the development of Tver, the old rival of Moscow. Written sources on the early period of Tver are very poor, while materials on the historical topography of the town and principality gained in the process of wide works performed by archeologists are quite ample and show that at the turn of the 12th and the 13th centuries there were two trading quarters, churches and parochial burial grounds in Tver and in the 14th new churches and suburban monasteries with their trading quarters emerged and formed urban environment in the territories across the Volga. Remnants of Tver Spaso-Preobrazhenski Cathedral, the first stone church built *ex novo* after 70-years interruption caused by the Mongol invasion occupy important place in this picture. The remnants excavated in mid-2010s allow only a schematic reconstruction of the building but they are an incontestable evidence of inheritance of Vladimir-Souzdal tradition of limestone construction with ample facade carving.

Introduction of the new data gained due to the excavations in Veliky Novgorod that produced birchbark letters, in Vladimir-Souzdal land including Moscow and in surrounding historical towns, monasteries and villages has become a tradition. Celebration of the 800 anniversary of Prince Alexander Yaroslavich Nevsky in 2021 was an exclusive contribution in collection and analysis of sources on the Russian history. Conferences and publications timed to the event showed not only the possibility of further verification of facts that are known from chronicles and lives but also prospects of revival of all context of life in the 13th century⁶.

The new work we present continues the progress in the same direction. The long known problems such as the situation in the old Russian state and local forms of arrangement of principalities and lands on the eve of the Mongol invasion, subsequent division of their destinies, new state system that emerged in North-East of Rus, its destiny and interaction with Vladimir-Souzdal heritage are set to the fore. Then cultural and historical features are pointed out, and problems of independent state building, its spatial extension to the East and

⁵ "Archeology of the ancient Yaroslavl. Miracles and discoveries (based on the materials of the Yaroslavl expedition of the IA RAS)" / Compiled by A.V. Engovatova. M., 2012; A.V. Engovatova: Yaroslavl on the eve of the invasion of Batu Khan: Results of archaeological research // V (XXI) All-Russian archaeological congress: collection of scientific papers. Barnaul, 2017. P. 1195-1196.

⁶ See the issue of the journal "Historical Bulletin" specialy dedicated to the anniversary (V. 35, No. 5. Moscow, 2021), as well as numerous articles in journals on history ("Ancient Russia. Questions of Medieval Studies" and others). The collections "Alexander Nevsky. Personality, Era, Historical Memory. Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 800th Anniversary of his Birth (Moscow, May 25-27)". M., 2021; "Relics of Alexander Nevsky" / Ed. by A.V. Sirenov, SPb., 2021.

new experiences of 'westernization' are studied. A lot of questions that are not always minor are hidden inside these big problems. Despite analysts' considerable efforts it is obvious that these questions cannot be solved without a systemic interdisciplinary approach. These problems are presented as *case studies*.

Of course, this is impossible to show all the cases in the material, but it is quite obvious that the archeological map of post-Mongol Rus looks more impregnated and its interpretations look to be more and more independent and convincing. In our study, we, first of all, address one major problem, the problem of Vladimir-Souzdal heritage's destiny and its connection with the incipient Moscow culture of the 13th-14th centuries. This continuity remains to be unexpressed in many respects and requires a search of new facts for the period that is still poorly studied by archeologists and poorly elucidated by other sources. A way that has not been virtually comprehended earlier is the study of church burial grounds that are nearly the only monuments that form an uninterrupted line going through the Mongolian 'frontier'. Attention is focused on early grave-stones and box-like sarcophagi (production of these items didn't cease from the second half of the 12th century to the end of the 15th century, at least in Vladimir, Rostov and Pereyaslav). Possibly, it was precisely the circumstance that provided for transfer of limestone skills and skills of carving on limestone. These skills became useful later when monumental construction was resumed. Forms of burial signs (at least, in what is related to decoration of grave-stones, crosses and probably of sarcophaguses-boxlike kists) were assimilated in Moscow, and their transformation in the 14th-16th centuries and spread of a new type of antropomorphous sarcophagus became one of Muscovites' ways of self-identification. The materials gathered in village burial grounds of Vladimir-Souzdal field area in all its frugality promises to prove unity of the burial tradition line in the 12th-15th centuries (see article by A.M. Krasnikova and A.N. Fedorina).

In accordance with traditional notions on research directions at the selected span of time, we compiled three sections. The first section treats the problems of relations of the Horde and North-East Rus. In this section, written sources naturally prevail because the consequences of the Mongol invasion are more visible through indirect than through direct evidences, except for the layers of destruction in winter of 1237-1238 and hoards that are connected with the destruction. Arguments 'from the lack of', such as a long (over half of century) gap in the sequence of monumental building, are more often used in this section.

In written sources this period and problems are fixed better and written sources allow to discuss such topics as the Horde exit (V.A. Kouchkin), composition of Mongol officials according to labels data (S.A. Maslova), the first acts of prince accession to the great prince throne (A.A. Gorski) or more narrow topics such as the

question of belonging of Peter, Horde Tsarevitch, to the scions of Chengis Khan and further transformation of Chirikov family's self-identification (G. Lenhoff). Even the only chapter devoted to 'visualization' of people from the Horde, graphic fixation of their appearance is based not on mural paintings or preparatory draws to these paintings as it would be the case in Renaissance Italy, but on the sketches made in marginal notes of manuscripts of the 11th-14th centuries. These direct fixations of life observations prove to be surprisingly informative since they reflect authors' impressions from socialization with ethnically alien representatives of the Horde state administration and its single representatives (E.V. Ukhanova). However, it should be noted that even, at first glance, purely historical studies turn out to be sufficiently important for interpretation of numismatic findings and other materials that bear evidence to the circulation of values in Eastern Europe in the 14th-15th centuries.

More material evidence is analyzed in chapters of the second section that depicts a general situation of the 13th-15th centuries over wide space, from Veliky Novgorod to Volyn and from Tver to Ryazan. A chapter dedicated by I.V. Safarova to ceramic floors that were particularly widely used by Tver masters in the 14-15th centuries is a serious contribution to research of Tver. Floor plates were produced locally. These materials compliment other chapters devoted to the refinement of certain facts of the Tver history known from written sources and to evaluation of the Tver Principality as a peculiar cultural space. These materials are treated by E.L. Konyavskaskaya.

Combined analysis of archeological and historical materials produces a peculiar effect when we succeed to find a logical chain between emergence of findings of peculiar kind and facts that are long known but not always noticed. Findings of numismatic and sphragistic materials are material confirmations of the data gained from written sources. G.P. Gaidukov, O.M. Oleinikov, A.V. Bogomolov succeeded in comparing the facts known due to the written sources devoted to the victorious war of Novgorod with the Swedes in 1348-1349 with archeological materials. It was an episode of centuries-long opposition of the feudal trading republic to the onslaught from the West. Conclusions made by S.Z. Chernov on social history of the Novgorod land and mechanisms of its colonization in the 14th century are no less important. Two articles by E.R. Squires and L.I. Postol on linguistic analysis of documents made between Novgorod and the Hansa Union get results that allow to make judgments about mental aspects of perception of judicial, diplomatic and confessional phenomena. The analysis of Ryazan princes' patents of nobility allows to form a notion of patrimonial regime in South-East Rus (article by B.N. Florya). D. Dombrovsky studies articles of Galitsko-Volyn Chronicle that were written at the middle of the 13th century. These articles concerned

the facts that happened long before the time of writing but reflect subsequent political unions and feuds.

While the first section proved to be represented mainly by non-archeological chapters, and the second section is a mixture of archeological and historical chapters, the third section is formed nearly exclusively of archeological and cartographic investigations. A special chapter is dedicated to the work on pointing out particular types of items that formed historic peculiarity of the memory culture of the Moscow Land's Orthodox inhabitants based on the development of burial rites (sarcophagi, grave-stones, ritual vessels etc.). Within this problem of singling out the features of the 'Moscow archeological culture', the question occupies an important place, when new types of construction materials that were unknown in Rus before Mongols (as, for example, roof tiles) appeared in Rus. This shows that specialists not always use experiment to connect historical and archeological discoveries. The problem can be determined and solved by way of describing and analyzing big arrays of materials collected earlier and concentrated in museums and comparing them with unexpected written sources including foreign ones. So, comparative analysis of box-like roof tiles of the Archagelsky Cathedral and the most rare graphic table to the Renaissance treatise allowed to shed a light on one of the aspects of participation of early Moscow master builders in realization of the Vitruvian antiquities tradition of construction technologies development. This aspect is considered in article by L.A. Belyaev and S. I. Baranova. It is difficult to divide analytical work resulting in the transformation of shapeless coils found during excavations into precious silk and woolen fabrics (see article by I.I. Elkina).

The material on history of Moscow and the Moscow Principality towns is gradually accumulated. A collective of authors under guidance of N.A. Makarov presented analysis of the results of the first systematic studies carried out at the Moscow Kremlin hill (see article by V.Yu. Koval and R.N. Modin). The authors offer a new version of historical topography of Moscow hill's Eastern part. Their version is better founded and allows

to suggest a new version of Kremlin's historical topography. A general picture of Moscow development gradually takes shape. The Kremlin archeology expectedly provides reference standards. Materials gathered in various points confirm spread of occupational deposits over considerable area which includes the lower part of the Kremlin hill (nowadays it is the Tainitsky garden area) and at the top of the primary terrace (occupational layer at the location of the destructed Chudov Monastery). A dense urban construction was formed in the last third of the 12th century. New excavations considerably strengthened the ideas of Moscow as of a big town which developed swiftly as early as in the times prior to the Mongol invasion. Homesteads of impressive dimensions and with high concentration of artifacts exactly correspond to urban development (the yards of Moscow elite members (?)) but do not give even a hint to a link of the territory with the prince and his court, which is still more logically to see in the Southern part of the Kremlin near the Spaso-Preobrazhensky Cathedral. By the way, written sources of the 14th-15th centuries always indicated the Southern part of the Kremlin hill as the site of the prince's residence.

In a separate chapter, A.B. Mazurov lightened general development of Kolomna which was perhaps the most important of the early towns of the Moscow Principality during the 14th-16th centuries. A.V. Deduk, in his turn, addressed the issue of Akexin's history in the 14th-15th centuries. In this historical and topographic study the author used archeological data as well as the data taken from *pistsovyie* and *mezhevyie* books and cartographic material. We add that long observations and field studies performed in the Southern regions of Central Russia allow to see the geographic background and dependence of these settlements' development on the environment in the millennium perspective.

We hope that the materials presented above make it clear that the work published here is to be perceived as an important step in the comprehensive study of the heritage of the North and East Rus from the Mongol invasion before it acquired political independence.

References

- Aleksandr Nevskij. Lichnost', epoha, istoricheskaya pamyat'. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii k 800-letiyu so dnya rozhdeniya* (Moskva, 25-27 maya). M.: Indrik, 2021
- Arheologiya drevnego Yaroslavlya. *Zagadki i otkrytiya* (po materialam Yaroslavskoj ekspedicii IA RAN) / Sost. A.V. Engovatova. 2-e izd., dop. i pererab. M.: IA RAN, 2012. 296 s.
- Belyaev L.A. Zhizn' i smert' v Rossijskoj imperii: arheologiya istorii // *Zhizn' i smert' v Rossijskoj imperii*. Novye otkrytiya v oblasti arheologii i istorii. M.: Indrik, 2020. S. 6-8.

- Engovatova A.V. Yaroslavl nakanune nashestviya Batu-Khana: Rezultaty arkheologicheskij issledovaniy // V (XXI) Vserossiyskij arkheologicheskij syezd: sbornik nauchnykh trudov. Barnaul: AltGU, 2017. S. 1195-1196.
- Istoricheskij vestnik. T. 35. № 5. M., 2021. 232 s.
- Ot Smuty k Imperii. *Novye otkrytiya v oblasti arheologii i istorii Rossii XVI-XVIII vv.*: Materialy nauch. konf. / Otv. red. L.A. Belyaev, A.V. Yurasov. M.; Vologda: Drevnosti Severa, 2016. 520 s.
- Relikvii Aleksandra Nevskogo / Red. A.V. Sirenov, SPB: Rosspen, 2021.

Rus' v IX–X vekah: arheologicheskaya panorama /
Otv. red. N.A. Makarov. M.; Vologda: Drevnosti Severa,
2012. 496 s.

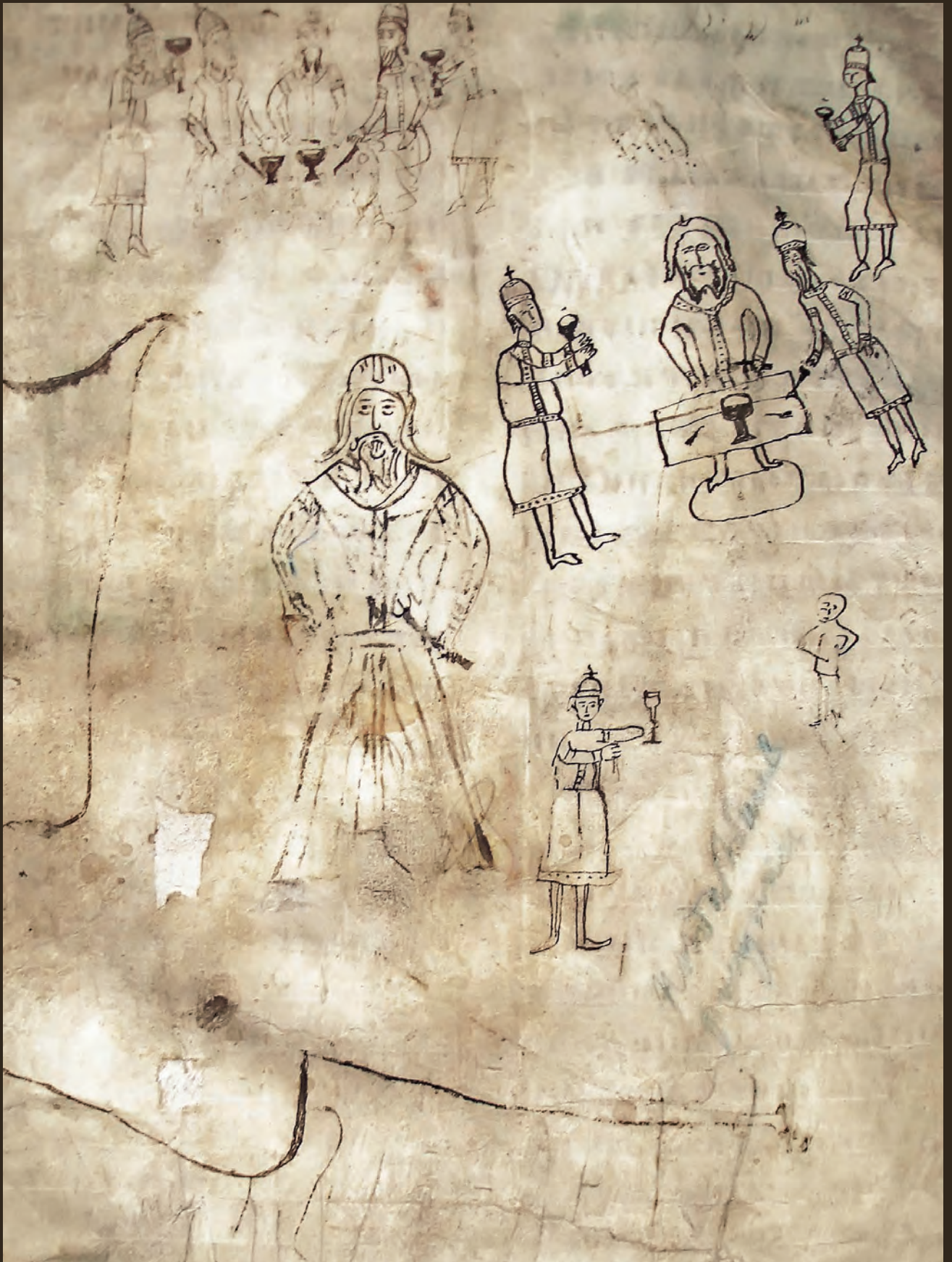
Rus' v IX–XII vekah: obshchestvo, gosudarstvo,
kul'tura / Otv. red. N.A. Makarov, A.E. Leont'ev; sost.
I.E. Zajceva. M.; Vologda: Drevnosti Severa, 2014. 432 s.

Srednevekovaya lichnost' v pis'mennyh i arheologich-
eskikh istochnikah: Moskovskaya Rus', Rossijskaya Imperiya
i ih sosedi: Materialy nauch. konf. / Otv. red. L.A. Belyaev,
N.M. Rogozhin. M.: IA RAN, IRI RAN, 2016. 256 s.

Zhizn' i smert' v Rossijskoj imperii. Novye otkryti-
ya v oblasti arheologii i istorii / Otv. red. L.A. Belyaev,
V.N. Zaharov. M.: Indrik, 2020. 384 s.

Keywords: Middle Ages, Old Rus', Golden Horde,
Moscow Principality, Tver Principality, Ryazan Princi-
pality, Moscow Kremlin, chronicle, source studies,

numismatics, sarcophagi, building materials, chancel-
lery activity

Раздел I

ОРДА И РУСЬ В XIII–XIV ВВ.

Первое вступление московского князя на великокняжеский престол: традиция и политические реалии

В 1317 г. московский князь впервые получил великое княжение владимирское. Обычно это событие рассматривается в контексте борьбы Москвы и Твери, Юрия Даниловича Московского с Михаилом Ярославичем Тверским, причем сам факт вступления московского князя на великокняжеский престол заслоняют последующие коллизии — разгром Михаилом Юрием в битве при Бортеневе в декабре 1317 г. и казнь тверского князя в Орде в ноябре следующего, 1318 г. Между тем происшедшее в 1317 г. имело весьма серьезные долгосрочные последствия.

Ко второй половине XIII столетия в Северо-Восточной Руси сформировалась политическая система, характеризующаяся наличием нескольких (более десятка) княжеств, управлявшихся определенными ветвями потомков Всеволода Юрьевича «Великое Гнездо», а также великого княжества Владимирского (в источниках именуемого «великим княжением»), самого крупного и освоенного. Великое княжение получал по ярлыку хана Орды правитель одного из княжеств. Причем его обладатель становился главным князем не только в Северо-Восточной Руси («Суздальской земле», как она именуется в источниках), но, пусть номинально, и на всей Руси. Он имел право именоваться «князем всея Руси» (с начала XIV в. — «великим князем всея Руси»). До конца XIII столетия это общерусское «старейшинство» владимирских князей было обусловлено тем, что они владели Киевом — древней столицей Руси. Позднее Киев был утрачен, но номинальное главенство владимирских князей над всей Русью продолжало признаваться¹.

¹ Горский А.А. Титулование «всея Руси» и русские князья XI–XIII вв. // Михаил Ярославич Тверской — великий князь всея Руси. Тверь, 2008.

Однако борьбу за ярлык на великое княжение могли вести не все князья Суздальской земли. Это было право только потомков Ярослава Всеволодича — первого князя, получившего ярлык на великое княжение от монгольских ханов². Великими князьями, следовательно, не могли стать князья ростовские, ярославские, углицкие, белозерские, стародубские, галицкие, дмитровские, происходившие от других сыновей Всеволода Юрьевича — Константина, Святослава и Ивана³. Круг претендентов ограничивался князьями перемыславскими, городецкими, московскими, тверскими, костромскими и суздальскими. Но и из этого круга права на великое княжение мог предъявлять не каждый. Монгольские правители в основном следовали нормам наследования княжеской власти, принятым на Руси. Соответственно ярлык должен был принадлежать «старейшему» среди потомков Ярослава Всеволодича. Оспорить его право мог только следующий, второй по старшинству — в случае если ему удавалось обосновать какую-либо вину «старейшего» перед ханом. Кроме того, необходимо было соблюсти принцип «отчины» — на великое княжение мог претендовать только тот князь, чей отец побывал на владимирском столе.

После княжения старшего сына Ярослава Всеволодича — Александра «Невского» (1252–1263 гг.) — на великокняжеском столе последовательно побывали его младшие братья Ярослав, князь тверской (1264–1271 гг.), и Василий, князь костромской (1272–1276 гг.). Далее пришел черед

² Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. СПб., 2016. С. 55–56.

³ О княжествах Северо-Восточной Руси в период после Батыева нашествия см.: Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 109–125.

внуков Ярослава Всеволодича. Великим князем стал старший из них — старший сын Александра Ярославича Дмитрий, князь переяславский (1277). Его права вскоре (с 1281 г.) стал оспаривать следующий по старшинству Александрович — Андрей, князь городецкий. В Северо-Восточной Руси сложились две княжеские коалиции: одна, во главе с Андреем Александровичем, ориентировалась на сарайских ханов, а другая, возглавляемая Дмитрием Александровичем — на Ногаю, фактически самостоятельного правителя западной части Орды⁴.

Московский князь, младший из сыновей Александра — Даниил, был сторонником Дмитрия. После смерти последнего в 1294 г. он стал вторым по старшинству после Андрея Александровича, возглавил коалицию сторонников Ногаю и начал борьбу за великое княжение. В 1296 г. Даниил некоторое время занимал княжение в Новгороде, бывшее частью великокняжеских прерогатив⁵. Но в 1300 г., после поражения Ногаю от хана Тохты и его гибели, коалиция, возглавляемая Даниилом, распалась: его двоюродный брат и главный союзник, тверской князь Михаил Ярославич, перешел на сторону Андрея Александровича. Тем не менее Даниил продолжил борьбу с братом (чему способствовал переезд в Москву большого количества служилых людей из княжеств Южной Руси, ранее входивших в сферу влияния Ногаю)⁶.

Ситуацию резко поменяла смерть Даниила Александровича 5 марта 1303 г. Великий князь Андрей пережил младшего брата — на один год (ум. 27 июля 1304 г.). В результате старейшим среди потомков Ярослава Всеволодича оказался Михаил Ярославич Тверской — он оставался единственным из поколения его внуков. Что касается московских Даниловичей, то они должны были навсегда выбыть из числа претендентов на великое княжение. Старший из сыновей Даниила, Юрий, был в 1304 г. третьим по старшинству среди потомков Ярослава — после Михаила Тверского и сына Андрея Александровича Михаила. Но даже если он в будущем оказался бы «старейшим» (такая ситуация возникнет после гибели Михаила Ярославича в 1318 г.), это не позволяло занять великокняжеский стол, ибо у Юрия отсутствовало на него «отчинное» право — его отец, Даниил, великим князем не побывал.

Тем не менее Юрий Данилович отправился наряду с Михаилом Ярославичем в Орду оспаривать великое княжение. Хан Тохта принял в 1305 г. решение в пользу тверского князя — в соответствии со старшинством⁷. Однако Юрий не прекратил

борьбы. До 1308 г. он претендовал на княжение в Новгороде, а в 1314 г., воспользовавшись пребыванием Михаила в Орде у нового хана Узбека, занял новгородский стол⁸. После этого последовал вызов Юрия к хану в Орду. Узбек принял здесь решение тоже в пользу Михаила: Юрий был задержан в Орде, а Михаил отправлен на Русь в сопровождении сильного отряда во главе с ханским послом Таитемером, поддержка которого позволила ему нанести в начале 1316 г. поражение стоявшим на стороне Юрия новгородцам⁹.

В 1317 г., после двухлетнего пребывания Юрия в Орде, Узбек принял решение о передаче великого княжения московскому князю, более того — замуж за Юрия была выдана сестра хана¹⁰ (причины такой перемены позиции правителя Орды из историков неясны).

Когда Юрий пришел на Русь с ханским послом Кавгадыем, Михаил уступил ему великое княжение и уехал в Тверь. Но после того как Юрий начал разорять собственное Тверское княжество Михаила, тот оказал сопротивление и разбил нового великого князя. Затем оба соперника договорились отправиться на суд в Орду. Здесь Михаил был обвинен в неуплате положенной дани, умерщвлении ханской сестры (жена Юрия попала в плен и умерла в Твери) и сопротивлении ханскому послу. 22 ноября 1318 г. Михаил Ярославич был казнен¹¹.

Юрий Данилович сохранял за собой великое княжение в течение пяти лет. В 1322 г. он не передал собранную дань ханскому послу, а уехал с ней в Новгород, чьи западные рубежи требовалось защищать от шведов и ливонских немцев. После этого тверской князь Дмитрий Михайлович, старший сын Михаила, отправился в Орду с жалобой на Юрия и получил великое княжение¹². Юрий, однако, продолжал считать себя великим князем¹³. В 1325 г. ему пришлось поехать на разбирательство в Орду. Здесь 21 ноября 1325 г. без ханского разрешения Юрий Данилович был убит великим князем Дмитрием Михайловичем¹⁴.

Несмотря на то что московский князь не сумел сохранить за собой великое княжение, факт

⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 92, 94.

⁹ Там же. С. 94–95; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922 (Рогожский летописец). Стб. 36.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 36–37; Т. 18. С. 88.

¹¹ Там же. Стб. 37–40; Т. 18. С. 88; Новгородская первая летопись... С. 96; Кучкин В.А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 137–155.

¹² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 41–42; Т. 18. С. 89; Новгородская первая летопись... С. 96–97.

¹³ В заключенном им 12 августа 1323 г. договоре Новгорода со Швецией Юрий именуется «великим князем» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 38. С. 67–68).

¹⁴ Новгородская первая летопись... С. 97; ПСРЛ. Т. 18. С. 89.

⁴ Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 69–80; Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 12–28.

⁵ Кучкин В.А. Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1. С. 99–101.

⁶ Горский А.А. Москва и Орда. С. 30–41.

⁷ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913 (Симеоновская летопись). С. 86.

его получения имел долгосрочные последствия. После 1317 г. перестали действовать оба основания для вступления на великокняжеский стол, нарушенные в результате деятельности Юрия Даниловича: «старейшинство» среди потомков Ярослава Всеволодича и «отчинное» право.

Вступивший на великое княжение в 1322 г. Дмитрий Михайлович Тверской имел на него «отчинные» права, но по принципу «старейшинства» уступал брату Юрия, московскому князю Ивану Даниловичу Калите. Аналогичная ситуация имела место у его брата Александра Михайловича, получившего ярлык на великое княжение в 1326 г. В 1328 г. великое княжение было поделено ханом Узбеком между Александром Васильевичем Суздальским и Иваном Калитой; оба не имели на него «отчинного» права. Ставший великим князем в 1340 г. Семен Иванович правом «по отчине» обладал, но не был «старейшим» среди потомков Ярослава Всеволодича, уступая младшим из тверских Михайловичей — Константину и Василию, а также Константину Васильевичу Суздальскому. То же самое следует констатировать в отношении его брата и преемника Ивана Ивановича (великий князь с 1354 г.). Занимавший великокняжеский стол в 1360–1362 гг. Дмитрий Константинович

Суздальский не имел на него «отчинного» права, а по принципу «старейшинства» уступал Василию Михайловичу Тверскому. Дмитрий Иванович Донской «отчинным» правом обладал, но с точки зрения «старейшинства» был младше нижегородско-суздальских Константиновичей, Василия Михайловича Тверского и сыновей Александра Михайловича Тверского. Таким образом, ни при одном вступлении на великое княжение после 1317 г. не были соблюдены оба действовавших с середины XIII по начало XIV в. принципа — «старейшинства» и «отчины». Традиция была сломана, и именно в 1317 г.

Для Москвы вокняжение Юрия во Владимире создало прецедент: после него брат Юрия Иван Калита, а затем его сыновья с полным правом могли претендовать на великокняжеский стол. Впервые Москва стала резиденцией главного из русских князей — «великого князя всея Руси». Сложилось так, что она переставала впоследствии быть ею только дважды — с 1322 по 1328 г. и с 1360 по 1362 г., в общей сложности не более восьми лет. Разумеется, это не было еще приобретением статуса общерусской столицы (таковой продолжал считаться Владимир), но 700 лет назад был сделан первый и необходимый шаг к этому, несмотря на то что традиционные нормы наследования власти такому шагу препятствовали.

Список литературы

- Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
- Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. СПб.: Наука, 2016. 185 с.
- Горский А.А. Титулование «всея Руси» и русские князья XI–XIII вв. // Михаил Ярославич Тверской — великий князь всея Руси. Тверь: СФК-офис, 2008. С. 43–50.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1949. 408 с.
- Кучкин В.А. Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1. С. 93–107.
- Кучкин В.А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 116–163.
- Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 350 с.
- Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. 178 с.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 640 с.
- ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. 186 с.
- ПСРЛ. Т. 18. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. 316 с.

А.А. Горский

**Первое вступление московского князя на великокняжеский престол:
традиция и политические реалии**

Ключевые слова: Московское княжество; великое княжение владимирское; Юрий Данилович.

Аннотация: В статье рассматривается факт первого вступления московского князя на великокняжеский стол в 1317 г. в контексте традиций

престолонаследия на Руси. Делается вывод, что вокняжение Юрия Даниловича во Владимире, происшедшее вопреки традиционным нормам, создало прецедент, после которого князья московского дома смогли законно претендовать на первенство на Руси.

A.A. Gorski

**The first accession of Moscow prince to the grand prince throne:
tradition and political realities**

Keywords: Moscow principality; the Vladimir grand prince reign; Yuri Danilovich.

Abstract: The first accession of Moscow prince to the grand prince throne in 1317 is considered in the article in the context of succession to throne tradition in Rus. The author arrives at the conclusion that

Yuri Danilovich's accession to the throne in Vladimir that occurred contrary to succession to throne traditional norms created a precedent upon which princes of Moscow dynasty could present legal claims to supremacy in Rus.

Завоевание Руси Батыем и ордынский «выход»¹

Походы Батыя против русских княжеств в 1237–1240 гг. не повлекли за собой немедленного установления в них чужеземной власти, как это часто утверждается в современных учебниках и даже в специальных исторических исследованиях. В покоренных русских княжествах Батый в указанные годы не оставлял своей администрации. Но когда летом 1242 г. тумены Батыя, воевавшие в 1241 — первой половине 1242 г. в Европе, повернули с берегов Адриатического моря на восток и остановились в низовьях Волги, основав в составе Монгольской империи новое политико-административное формирование — Золотую Орду, или просто Орду, в древнерусские княжества были отправлены специальные послы, потребовавшие от русских князей явки к Батю с изъявлением покорности. В 1242 г. для большинства русских княжеств началось иноземное иго, которое закончилось почти через четверть тысячелетия. Это очень большой период времени, но все-таки не многие сотни лет, как иногда провозглашают некоторые любители сомнительных исторических сопоставлений и обобщений.

В чем же выразалось господство монгольских завоевателей над Русью? Прежде всего в политической зависимости русских княжеств. В их города были посланы ханские наместники, которые, опираясь на приведенные вооруженные отряды, следили за тем, чтобы местное население сохраняло покорность чингизидам. По-монгольски такие наместники назывались «даругачи», по-тюркски — «баскаками». Указания на баскаков и даруг, или дорог, на Руси нередки в источниках XIII–XIV вв.

¹Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России». Публикуется в целях апробации.

Так, о баскаках в тех южных русских землях, через которые он проезжал в 1246 г., писал посол римского папы Иннокентия IV к монгольскому хану в Каракоруме францисканец Плано Карпини. О баскаке в Галичском княжестве в 1255 г. сообщает Ипатьевская летопись. Сохранились сведения о действовавших в 60-х гг. XIII в. баскаках в северном Устюге и южном Боровске. Под 1269 годом Новгородская I летопись поместила известие о владимирском (Владимира на Клязьме) баскаке Амрагане, прибывшем в Новгород Великий во главе большого военного отряда. Этот баскак назван в летописи «великим», но не потому, что таков был его статус, а потому, что располагал большими возможностями и военной силой. В конце XIII в. упоминается Ахмат, баскак хана Ногая в Курском княжестве. В 1305 г. ростовский летописец отметил смерть местного баскака Кутлубуги. В 30-х гг. XIV в. баскаки еще существовали в приграничных южных районах северо-восточных русских княжеств. Села с характерными названиями Баскаково, Баскаки, Баскач встречались еще в позапрошлом столетии в Смоленской, Калужской, Тверской, Новгородской, Рязанской, Костромской и Владимирской губерниях, свидетельствуя о достаточно широком распространении баскачества на русской территории². Количество баскаков на Руси сократилось в начале 60-х гг. XIII в., когда из Монгольской империи в качестве самостоятельного государства выделилась Золотая Орда, и в последние два десятилетия XIII в., когда сама Золотая Орда раскололась на Орду Тохты и Орду Ногая. К началу XIV столетия в основных центрах Северо-Восточной Руси, впоследствии ставшей территориальным ядром Русского государства, институт баскачества прекратил свое

²Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 19.

существование. Тем не менее несколько десятилетий он существовал. В этом отношении русские княжества ничем не отличались от других государств, завоеванных монголами, где наряду с местными правителями действовала административная система, созданная победителями.

Изменилось и положение русских князей. Хотя древнерусские юридические нормы владения княжествами и их наследования в своей основе оставались неизменными, в эти нормы властно вторгались ордынские правители. Князья должны были ездить в Орду, чтобы получать там ханские подтверждения своих прав. Каждому князю выдавался ярлык — особая ханская грамота — на его владения. Поездки русских князей в Орду часто сопровождалась унижениями, которым князья подвергались при дворах ханов. Вот как галичский летописец описал пребывание у Батыя в начале 1246 г. галичского князя Даниила Романовича: «Данилови Романовичю князю бывшоу великоу, обладавшоу Роускою землею, Киевомъ и Володимеромъ и Галичемъ, со братомъ си — инѣми странами, ннѣ³ сѣдить на колѣноу и холопомъ называется, и дани хотять, живота не чаеть, и грозы приходять. О злая честь татарская! Его же отецъ бѣ цесарь в Роуской земли, иже покори Половецкуюю землю и воева на иные страны всѣ; сынъ того не прия чести, то инии кто можетъ прияти?!»⁴ А в ряде случаев поездки в Орду кончались для русских князей трагически. Так, в ставке Батыя в 1246 г. был казнен могущественный черниговский князь Михаил Всеволодович. В столице Монгольской империи, далеко Каракоруме, в том же году был отравлен отец Александра Невского владимирский князь Ярослав Всеволодович. В XIV в. на протяжении 20 лет в Орде казнили трех тверских князей, до этого убили рязанского князя, там нашел смерть дмитровский князь (из подмосковного Дмитрова) и т.д.

Получение князем ханского ярлыка на собственное княжество сопровождалось приездом ордынского посла, под наблюдением которого происходило торжественное посажение обладателя ярлыка на княжеский стол. Владимирские князья, номинально считавшиеся главными князьями Северо-Восточной Руси, а со времени Дмитрия Донского превратившиеся и фактически в самых могущественных князей всей древней Суздальской земли, вплоть до Ивана III вынуждены были совершать торжественный обряд посажения на великокняжеский стол в Успенском соборе г. Владимира при обязательном присутствии ханских послов. Лишь Иван III избежал этой унижающей процедуры,

³ Так в рукописи.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 807–808. О дате см.: Грушевський М.С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 67.

символизировавшей политическое верховенство ханской власти. Такое верховенство проявлялось даже в мелочах. Так, около 1268 г. владимирский князь Ярослав Ярославич, воюя с захватившими эстонские земли немцами, запретил немецким купцам приезжать в свои владения. Те нашли способ пожаловаться на это запрещение ордынскому хану Менгу-Тимуру. Последовало ханское предписание: «Менгу Темерево слово кль Ярославу князю: даи путь немецкому гостю на свою волость». И Ярослав вынужден был повиноваться⁵.

Раздавая русским князьям ярлыки на их княжения, ордынские правители стремились регулировать политические отношения между подвластными им русскими княжествами. Нет ничего более ошибочного, чем полагать, будто чужеземное иго было некоей «внешней оболочкой», под которой русские князья продолжали жить и действовать так же, как это было до нашествия Батыя. Ордынские ханы не могли бы сохранять власть над Русью в течение почти четверти тысячелетия, не предпринимая никаких действий по упрочению своей власти, отлаживанию и совершенствованию ее механизма. Соблюдая во многих случаях имевшиеся на Руси традиции престолонаследия, ордынские ханы, когда это было им нужно, бесцеремонно нарушали их. Так, в конце 40-х гг. XIII в. монголы наиболее сильному и авторитетному из русских князей, Александру Невскому, предназначили опустошенные Киев и южную Русскую землю, которыми он до тех пор не владел, а полагавшийся Александру по наследству не столь сильно разоренный Владимир на Клязьме — его младшему брату Андрею. После антиордынского восстания 1327 г. в Твери, правитель которой властвовал и в главном городе Северо-Восточной Руси Владимире, хан Узбек, чтобы ослабить нараставшее влияние великого Владимирского князя, разделил великое княжество Владимирское на две части. Одну из них (Владимир и Поволжье) получил суздальский князь Александр Васильевич, другую (Кострому и право княжить в Новгороде Великом) — московский князь Иван Калита. Опасаясь усиления Москвы, Узбек в 1341 г. отнял у наследников Ивана Калиты Нижегородское княжество и передал его суздальским князьям. В 1360 г. ярлык на великое княжение Владимирское был отобран Ордой у московских князей и передан князьям Суздальского дома. Одновременно была восстановлена самостоятельность Галичского (Галича Мерского) и Ростовского княжеств, ранее находившихся в зависимости от московских князей. В 1371 г. Мамай передал ярлык на Владимирское великое княжество, которым владел московский князь Дмитрий Иванович (будущий Донской), тверскому

⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 30. С. 57.

князю Михаилу Александровичу. В 1383 г. хан Тохтамыш вернул этому князю Кашинское княжество, которое, по московско-новгородско-тверскому договору 1375 г., приобрело независимость от Твери. В 1445 г. ордынцы восстановили политическую самостоятельность Нижегородского княжества, еще в 1392 г. присоединенного к Москве. Московскому князю Василию II пришлось прилагать новые усилия, чтобы вернуть себе власть над этим княжеством. Таким образом, ордынские правители зачастую перекраивали политическую карту русских земель, препятствуя усилению того или иного князя, разжигая соперничество и распри между русскими князьями и извлекая из этого прямые выгоды и преимущество для себя.

Со временем даже выдача в Орде ярлыка на то или иное княжество стала сопровождаться беззастенчивыми требованиями со стороны правящей ордынской элиты денежных выплат и ценных подарков. Один тверской книжник начала XIV в. очень ярко описал поведение хана и ханского двора, свидетельствующее, по сути дела, о бесцеремонной торговле ярлыками на русские княжества, издавна принадлежавшие местным князьям: «Егда коему князем нашим достовашеся княжение великое, хожаше князи русстии в Орду ко цареви, носяще множество имѣния своего... Обычаи бѣ поганых и до сего дни: вмещуци вражду между братиею князи русскими (т.е. предлагая каждому из кандидатов больше заплатить за ярлык. — В.К.), себѣ множайшая дары възимають»⁶. Такие «множайшие дары» как раз и были одной из тех материальных выгод, ради которых и отлаживалась Ордой вся ее система политического властвования над русскими землями.

Подарки ханам, ханшам, их окружению хотя и были дорогостоящими, но носили спорадический, нерегулярный характер. Много несноснее для всех слоев русского населения были ежегодные платежи Орде, называвшиеся на Руси «выходом» (дословный перевод на древнерусский язык арабского термина «харадж»), или «ордынской данью». Хотя об этой повинности, самой тяжелой для подпавшего под иноземное господство русского народа, писали многие отечественные и зарубежные историки, детально эта проблема до сих пор изучена недостаточно, и для того, чтобы понять ее значимость и оценить современную научную трактовку, необходимо кратко изложить историографию вопроса.

В русской исторической науке внимание к «выходу» в Орду начало проявляться примерно с середины XIX в., когда стало ясно, что без учета экономической основы существования государств, анализа налоговых поступлений, шедших

⁶ Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 253–254.

на укрепление общественного строя и военной мощи различных стран, невозможно правильно судить об их социальной и политической истории. Первым из крупных русских историков, обратившим внимание на значение в отечественной истории выплат дани Орде, был С.М. Соловьев. Анализируя договоры и завещания русских князей XIV–XV вв. (на основе этих источников С.М. Соловьев написал свои магистерскую и докторскую диссертации), он заметил, что в целом ряде случаев в них рассматривался вопрос о сборе ордынской дани и указывались денежные суммы, которые должны были уплачиваться Орде. Так, в последнем завещании Дмитрия Донского, составленном в мае 1389 г., говорилось о том, что второй сын Донского Юрий должен давать в ордынский «выход» со своего Звенигорода 272 рубля в казну старшего брата, великого князя Василия, который затем отправлял собранные средства в Орду⁷. В завещании же самого Юрия Дмитриевича, написанном в 1432 г., отмечалось, что с Звенигорода надо было вносить в общемосковский 7000-рублевый «выход» 511 рублей, на 88% больше, чем при Дмитрии Донском. Такое значительное изменение суммы ордынского налога нельзя объяснить одним ростом финансовых требований Орды: установление «выхода» в 7000 рублей в 1432 г. вместо 5000 рублей во времена Дмитрия Донского. В последнем случае получается, что к 1432 г. «выход» вырос на 40% по сравнению с «выходом» конца 80-х гг. XIV в. Но для жителей Звенигорода ордынский сбор увеличился не на 40%, а на 88%. Как оценить такую несогласованность цифровых показателей? Чтобы не ошибиться в выводах, ограничимся здесь лишь констатацией факта и его частичным объяснением: в XV в. ордынские ханы стремились поднять уровень выплат с подчинявшихся им русских земель.

Иного рода пример извлекается из второго договора серпуховского князя Владимира Андреевича с великим князем Василием Дмитриевичем, заключенного в 1402–1404 гг., и из завещания Владимира Андреевича, составленного в конце 1408 г. В первом документе серпуховский князь обязуется в 7000-рублевый ордынский «выход» с Углича вносить 105 рублей⁸. Во втором документе тот же Владимир Андреевич завещал своим сыновьям выплачивать с Углича в 5000-рублевый ордынский «выход» те же 105 рублей⁹. При беглой оценке приведенных данных получается, что общее изменение на 40% размера

⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее — ДДГ). М.; Л., 1950. № 12. С. 35.

⁸ Там же. № 16. С. 44: статья 19 «А дати ми, г(о)с(поди)не, тебѣ с Углича Пола в сем(ь) тысяч руб(ловъ) сто руб(ловъ) и пят(ь) руб(ловъ)».

⁹ Там же. № 17. С. 49: статья 77 «А с(ы)нѣ, кн(а)зь Шндрѣи и кн(я)зь Василии, возмут дани с Углича пола сто | руб(левъ) и пят(ь) руб(левъ)».

выплат Орде никак не сказывалось на сборах с отдельных объектов: последние платили заранее оговоренные суммы, не больше, но и не меньше того.

Такие показания первоисточников, не соединяемые легко и скоро в обоснованные научные заключения, заставили С.М. Соловьева отказаться от подробного анализа эпизодически встречавшихся в договорных и завещательных княжеских грамотах цифр ордынского «выхода». Тем не менее на некоторые общие выводы историк решился. Он писал, что со временем «количество выхода, разумеется, стало зависеть от соглашений великих князей с ханами»¹⁰. Однако такое заключение более чем спорно. Во-первых, представление о зависимости размеров русских князей с Ордой не подтверждается источниками. С 1434 г., после смерти великого князя Юрия Дмитриевича, в договорных грамотах Василия II со своими родственниками появляется статья, согласно которой «выход» в Орду удельные князья могли платить «по старымъ девтеремъ», т.е. по старым налоговым документам¹¹. Последний договор сына Василия II Ивана III с верейским князем Михаилом Андреевичем, содержащий такую статью, датирован 1483 г.¹². Это означает, что на протяжении почти полувека размер «выхода» колебался слабо. Во-вторых, никаких договоров русских князей с ордынскими ханами относительно размеров «выхода» неизвестно. Нет даже намеков на их существование. Ордынская дань была мерой принудительной, а не добровольно-договорной. Ее размер определялся ордынскими, а отнюдь не местными правителями. Сам «выход» отражал зависимое положение русских князей от ордынских ханов, и его размер не мог быть определен согласительными нормами.

Существенные разъяснения относительно термина «тысяча» («тысяча рублей»), встречающегося в завещательных и договорных грамотах русских князей XIV–XVI вв., когда речь в них шла о «выходе», были сделаны В.О. Ключевским. Анализируя завещания московских великих князей конца XIV — начала XVI в., В.О. Ключевский проследил, как от завещания к завещанию возрастала роль во владельческих доходах и расходах старшего из дома московских Рюриковичей — великого князя. О первом завещании исследуемого им целого ряда таких документов — второй душевной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского — В.О. Ключевский писал: «Завещатель указывает, сколько должен вносить каждый из его наследников в состав каждой тысячи рублей ордынской дани. Очевидно, взнос каждого наследника соразмерялся с доходностью его удела. Старший сын, великий князь Василий,

должен был вносить в состав тысячи не пятую часть (согласно числу сыновей, наследников Дмитрия Донского, которых было пятеро. — В.К.), а 342 рубля, т.е. больше трети всей суммы»¹³. Эта цитата из работы В.О. Ключевского свидетельствует о том, что под «тысячей рублей» источников конца XIV — начала XVI в. исследователь понимал не реальную сумму в одну тысячу рублей, а условную единицу, по долям которой рассчитывались выплаты ордынским ханам каждого из владетельных потомков Даниила Московского. Сам размер условной единицы (не рубль, не сто, а тысяча рублей) указывает на то, что собиравшаяся с русских земель ордынская дань была большой, она исчислялась тысячами рублей. Выбор условной единицы ордынского «выхода» был удобен для выплачивавшей его стороны. В условную тысячу рублей можно было внести любую сумму. С деревни могли взять 1 гривну (0,1 рубля), а с крупного города — и несколько тысяч рублей. Все зависело от реальной суммы запрашиваемой Ордой выплаты.

Установление того факта, что «тысяча» ордынского «выхода» являлась условной единицей, а не реальной суммой «выхода», позволяет объяснить приведенные выше примеры уплаты серпуховским князем одинаковых 105 рублей с Углича как при сборе 7000-рублевого общего ордынского «выхода», так и 5000-рублевого «выхода». И в том, и в другом случаях в каждую тысячу должны были быть внесены от Углича по 105 рублей. Но в первом случае реальная выплата с этого города и его территории составляла 735 рублей (105 руб. × 7), а во втором — 525 рублей (105 руб. × 5).

В 1958 г. молодой преподаватель Красноярского университета П.Н. Павлов выступил со статьей «К вопросу о русской дани в Золотую Орду», в которой прямо ставил вопрос о размерах требуемого ханами «выхода» и изменении этих размеров под влиянием тех или иных исторических обстоятельств. Такая исследовательская задача была вполне корректной. П.Н. Павлов, используя материал русских летописей, записок иностранцев, для более позднего времени — договорных и завещательных грамот московских князей, сумел нарисовать пеструю и в принципе изменчивую картину налогов, которые взимались с населения Руси монгольскими завоевателями с 40-х гг. XIII в. до конца XV столетия. Общее заключение историка было таково: размер «выхода» был большим, но в XV в. он уменьшился. Уменьшение произошло после Куликовской битвы, исход которой существенным образом повлиял на финансовые отношения Руси и Орды¹⁴. Однако

¹³ Ключевский В.О. Сочинения. М., 1957. Т. 2. С. 40.

¹⁴ Павлов П.Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Красноярск, 1958. Т. 13. Вып. 2. С. 101.

¹⁰ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 2. М., 1988. С. 479.

¹¹ ДДГ. № 34. С. 88.

¹² Там же. № 78. С. 295.

этот главный итог своей работы П.Н. Павлов не сумел подкрепить конкретным материалом. Русские княжества перестали платить «выход» Орде, фактически возглавляемой темником Мамаем, за несколько лет до Куликовской битвы. Статья 11 договора 1375 г. Москвы и Новгорода Великого с Тверью постановляла, что «а с Татары шже будет нам миръ, по думъ. А будет нам дати выход, по думъ же, а будет не дати, по думъ же»¹⁵. О размерах же «выхода» с русских земель в первой половине 70-х гг. XIV в. сведений нет. После победы над Мамаем в 1380 г. Русь как не платила ему дани, так и продолжала ее не платить. Но преемники Мамаю дань получали, причем получали ее после острых столкновений с русскими князьями, главным образом, московскими. Если поражение Мамаю на Куликовом поле привело, по мысли П.Н. Павлова, к снижению нормы «выхода», то к каким же последствиям в этом отношении должно было привести взятие, разорение и сожжение Москвы ханом Тохтамышем в 1382 г.? Тоже к уменьшению выплат в Орду? На подобные вопросы работа П.Н. Павлова ответов не давала. Сам автор статьи их даже не ставил.

Долгое время проблема ордынских налогов с населения средневековой Руси не интересовала отечественных историков. Но в 2000 г. из печати вышла небольшая монография А.А. Горского «Москва и Орда». По целому ряду аспектов она уступала работе П.Н. Павлова, поскольку рассматривала вопрос об отношениях Орды с одним из многих русских средневековых княжеств, а не со всеми политическими формированиями, к тому же не с первых лет покорения Руси монголами, а с 70-х гг. XIII в., когда Москва стала столицей самостоятельного княжества. Но главные требования ордынских ханов распространялись не на одно, а на все княжества средневековой Руси. И А.А. Горский вынужден был коснуться такой всеобщей ордынской нормы, как получение «выхода» с русских земель.

По мнению автора указанной монографии, размеры ордынского «выхода» с течением времени менялись в сторону уменьшения. Особенно четко это проявилось при Дмитрии Донском. «Орде продолжала уплачиваться дань, — писал о времени правления этого князя А.А. Горский, — но она уже не могла, как прежде, влиять на внутреннюю структуру севернорусских земель...»¹⁶ Почему уплата дани влияла на «внутреннюю структуру», а не на экономическое положение населения туманных «севернорусских земель», а не всех подвластных Орде русских княжеств, автор не объяснял, но дело не только в этом. В работе не показано, зависело ли изменение суммы «выхода» Орде от расширения территории Московского княжества

или от того, получали ли московские князья военную помощь из Орды и за это уплачивали ей денег больше, чем требовалось для обычного «выхода». Совершенно отсутствует в работе А.А. Горского и анализ сведений источников о цифрах «выхода», реальны ли такие цифры, как думал С.М. Соловьев, или же условны, как полагал В.О. Ключевский.

В последнем случае характерна оценка А.А. Горским последствий для Руси «стояния на Угре» в 1480 г. Ивана III против хана Ахмата. Правитель Большой Орды не сумел осуществить своих планов и в начале ноября 1480 г. увел свои войска восвояси. Этим, по мнению А.А. Горского, сразу же воспользовался Иван III. «В договорах Ивана III со своими братьями Андреем Углицким и Борисом Волоцким, заключенных 2 февраля 1481 г., появляется новое изменение формулировки пункта об отношениях с Ордой — указание размера выплат в 1000 рублей»¹⁷ — констатирует А.А. Горский, забывая при этом разъяснить, почему до «стояния на Угре» Иван III ничего не платил Орде, а после — вдруг решил на выплаты. Тысяча рублей как определенная единица ордынского налогообложения впервые фиксируется не в 1481 г., а без малого на 100 лет раньше, в майском завещании 1389 г. Дмитрия Донского: «А то возмут в тысячу руб(ловъ), а будет боле или менши, ино по тому розочту» (статья 38)¹⁸. Совершенно очевидно также, что тысяча в завещании Дмитрия Донского выступает как расчетная единица, а не как цифра реальной выплаты Орде.

Некорректна и ссылка А.А. Горского на источники, две договорные грамоты Ивана III с братьями. В статьях 25 названных грамот говорится, что «в выход ти мнѣ давати, в тысячѣ рѣблевъ, сто рѣблевъ и тритцат(ь) алтын и три денги, доколѣ шпшемса, по д(у)ховной грамоте ш(т)ца н(а)ш(е)го» (грамота великого князя Ивана III удельному князю Андрею Угличскому)¹⁹.оборот «в тысячѣ рѣблевъ» употреблялся в договорных грамотах тогда, когда речь шла об условных единицах ордынского «выхода». Если же дело касалось реальных сумм, такой оборот не употреблялся²⁰. Но А.А. Горский принял условную единицу «выхода» за действительный размер выплаты, как в свое время это сделал П.Н. Павлов, и вслед за ним объявил, что после благополучного «стояния на Угре» Иван III сразу же уменьшил размер ордынского «выхода», хотя, как говорилось выше, до «стояния» московский великий князь, по утверждению самого А.А. Горского, вообще «выхода» не давал.

Странным выглядит и то обстоятельство, что из нескольких свидетельств грамот от 2 февраля 1481 г. о различных выплатах татарам в книге

¹⁷ Там же. С. 178.

¹⁸ ДДГ. № 12. С. 36.

¹⁹ ДДГ. № 72. С. 254.

²⁰ ДДГ. № 29, 38.

¹⁵ ДДГ. № 9. С. 26.

¹⁶ Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 188.

«Москва и Орда» приведено лишь одно — из статьи 25. Свидетельства статьи 26 («А с Романова городка давати ти тотарщинѣ къ Ярославлю по старинѣ. А коли, брате, ѣз в Орды не дамъ, и мнѣ и ѣ теба не взати») и статьи 27 («А ц(а)ревича намъ Даниара, или хто по нем на том мѣстѣ иныи ц(а)ревич бѣдетъ, и тобѣ его держати с нами с одного») тех же документов²¹ не только не анализируются, но даже не упоминаются, хотя прямо говорят о других сборах и выплатах в Орду и расходах на содержание татарского царевича Даныяра. Как велики были эти выплаты и расходы, А.А. Горский не определил, зато очень уверенно написал о том, что «выход» после 1480 г. уменьшился в разы.

Не вписываемые в показания источников суждения А.А. Горского не сразу обратили на себя внимание других исследователей. Но совсем недавно появилась статья, в которой ряд важных заключений автора книги «Москва и Орда» был подвергнут критическому разбору. Речь идет о работе В.А. Аракчеева «Порядок сбора ордынского “выхода” в русских землях во второй половине XV в.». Начав свое исследование с указаний на сохранившиеся документы, в которых назывались разные суммы «выхода», историк остановился и на свидетельствах грамот от 2 февраля 1481 г. «В договорах великого князя Ивана с углицким князем Андреем и волоцким князем Борисом 1481 и 1486 гг. общая сумма выхода определялась в 1000 рублей»²². Это утверждение В.А. Аракчеева — простое повторение мнений его предшественников. Об общей сумме реального «выхода» эти грамоты не говорили. Однако по мере изучения свидетельств источников о действительных размерах «выхода» и долей выплат в каждую тысячу такого «выхода» разных удельных князей В.А. Аракчеев вынужден был уточнять свою характеристику. Рассмотрев договоры 1481 и 1486 гг. Ивана III с братьями Андреем Угличским и Борисом Волоцким более тщательно, он нашел, что «небывалый прежде счет доли удельных князей на алтыны и деньги свидетельствует, скорее, в пользу условного характера выхода в 1000 руб., который мог в зависимости от обстоятельств как увеличиваться, так и уменьшаться»²³. А далее, ознакомившись с завещанием 1481 г. другого брата Ивана III вологодского князя Андрея Меньшого, где говорилось о долге Андрея великому князю в 30 000 рублей за то, что тот платил за него «выходы» в различные орды и давал займы ему

²¹ ДДГ. № 72. С. 254; № 73. С. 270 (здесь, естественно, отсутствует указание на выплату с Романова городка).

²² Аракчеев В.А. Порядок сбора ордынского «выхода» в русских землях во второй половине XV в. // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга). Калуга, 2017. С. 18.

²³ Там же. С. 29.

самому, В.А. Аракчеев стал более решительным. «Значит, — писал он, — 1000-рублевый оклад дани невозможно интерпретировать как точную исчерпывающую сумму; как писал Ключевский, это был условный оклад...»²⁴ Тем самым все рассуждения А.А. Горского относительно ордынских «выходов» Руси после «стояния на Угре» были представлены как неверные.

Впрочем, другие разделы исследования В.А. Аракчеева не всегда были написаны на должном уровне. Это касается расчетов размеров и сроков выплат «черного бора», собиравшегося с территории Новгорода Великого и через московского великого князя выплачивавшегося Орде; указаний на суммы, которые теоретически мог получать Андрей Вологодский на выплаты различным ордам. Главное же — не были устранены логические противоречия между утверждениями в разных местах его статьи о реальном и условном содержании фразы «в тысячѣ рѣблевѣ» грамот 1481 и 1486 гг.

Из приведенного краткого историографического обзора видно, что исследователи еще не имеют в своем распоряжении капитального научного труда, где были бы собраны все упоминания об ордынском «выходе» с русских земель за период с начала 40-х гг. XIII в. и до начала XVI в. и конкретно определено, в каких исторических источниках говорится о долях условной тысячи рублей, которые должны были уплачивать Орде московские князья, а в каких — о вполне реальных общих суммах ордынской дани.

Имея представление о том, как оценивают в настоящее время историки требовавшийся чингизидами «выход» с русских земель и в какую сторону менялся размер «выхода», перейдем к рассмотрению конкретных данных об этом налоге с самого начала действий монгольской власти на Руси.

Уже в 1246 г. Плано Карпини, о котором речь уже шла выше, засвидетельствовал, как один из монгольских баскаков «в Руссии», пересчитав жителей Киева, обязал каждого из них ежегодно отдавать 1 медвежью шкуру, 1 шкуру бобра, 1 шкуру соболя, 1 шкуру хорька, 1 шкуру черной лисицы. «И всякий, кто не даст этого, — добавлял папский посол к каракорумскому хану, — должен быть отведен к татарам и обращен в их раба»²⁵.

Этот рассказ Плано Карпини интересно сопоставить с данными одной русской грамоты, правда, не XIII, а XIV в. Между 1363 и 1374 гг. некий Евсевка решил переселиться из ставшего опасным в военном отношении Торжка в Кострому. Московский князь Дмитрий Иванович, которому тогда принадлежала Кострома, выдал ему грамоту, где было написано, что «не надобѣ ему никоторая дань, ни ямъ,

²⁴ Там же.

²⁵ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Введение, перевод и примечания А.И. Малеина. СПб., 1911. С. 33, 34.

ни подвода, ни тамга, ни осмн[ич]ее, ни вѣсчее, ни мыть, ни костки, ни побережное, ни гостиное, ни которая пошлина. А даетъ мнѣ оброка на год 5 куницъ»²⁶. Выясняется, что в 60–70-е гг. XIV в. оброчная повинность была определена в том же размере, что и в 1246 г.: в пять звериных шкур. Но в XIV столетии это были только куньи шкурки, а в XIII в. — шкуры пяти различных животных, причем добыть медвежью шкуру, организовав охоту на такого крупного хищника, было много сложнее, чем шкуру куницы. Очевидно, что монгольская подать 1246 г. была тяжелее, чем в Московском княжестве XIV в., не говоря уже о том, что охотник-оброкник XIV в. Евсевка получал от московского князя различные налоговые льготы, чего не имели русские люди XIII в., находившиеся под властью монгольского баскака.

В результате переписей, проведенных монголами в 50-х и 70-х гг. XIII в. в северо-восточных русских княжествах и в Новгороде Великом, внимание ордынской дани приобрело повсеместный и регулярный характер. Выплата же следуемого Орде «выхода» существенно подрывала имущественное состояние русского населения. Под 1262 г. в Рогожском летописце, одном из самых ранних памятников русского летописания, помещена запись о том, как «того же лѣта бысть вѣче на бесермены, и изгнаша их из градовъ, многу бо пакость творяху христианомъ»²⁷. Сходный текст под тем же 1262 г. сохранился в родственной Рогожскому летописцу Симеоновской летописи (московский свод 1493 г.): «Того же лѣта люди, не терпяще насилия бесерменъ, вѣсташа вѣчѣмъ, изгнаша и из города. Откупляху бо дань Татарскую и от того великую пагубу творяху, а прочии рѣзы порабошаху и ведяху разню многи души»²⁸. Еще более подробное описание этих событий 1262 г. содержится в Софийской I летописи старшего извода: «Избави б(о)г от лютаго томления бесерменскаго люди Ростовская земля м(о)л(и)твами с(вя)тыя б(огороди)ца и вложи ярость кр(е)стьяномъ в с(е)рдце, не терпящих насилия от поганых, съзвониша вѣче, и выгнаша я изъ городов: из Ростова, из Володимеря, изъ Суждаля, изъ Ярославля, ис Переяславля. Откупаху бо тѣ окании бесермена дани у татаръ и от того велику пагубу людемъ творяху, работающе люди крестьяньския в рѣзехъ, многи д(у)ша разведении бяху»²⁹. В итоге выясняется, что, по меньшей мере, три русских летописных свода, сформированных в 1411, 1423 и 1493 гг., сохранили сведения о массовом выступлении в 1262 г. в главных городах Северо-Восточной Руси — Ростове,

Суздале, Владимире, Переяславле и Ярославле местного населения против татарских сборщиков дани, откупщиков, собиравших татарскую дань, а должников, не имевших возможности заплатить такую дань по причине наросших на нее процентов (резов), уводили с собой в рабство. Сурового наказания со стороны Орды за такие действия ростовцев, суздальцев, владимирцев и горожан других центров не последовало только потому, что «выход» в то время собирался не ханом Орды, а представителями каракорумского хана Хубилая, с которым Орда враждовала.

Отток денежных и материальных средств из Руси в Орду был, несомненно, велик. Даже спустя 34 года после нашествия Батыева известного русский церковный деятель и проповедник Серапион Владимирский жаловался на то, что в его время (в 1274 г.) мы, русские люди, «в сласть хлѣба своего изъѣсти не можемъ»³⁰.

Приведенные данные XIII столетия, большинство которых отсутствует в работах современных исследователей, тем не менее не содержат сведений о точных размерах ордынского «выхода». В XIV в. такие свидетельства появляются. Так, летописи сообщают, что зимой 1321 г. князь московский и великий князь владимирский Юрий Данилович взял у тверских князей «сребро... выходное по докончанию»³¹. Само докончание (соглашение) между этими князьями было оформлено раньше, осенью 1321 г. Тверские князья согласились на выплату 2000 рублей³² и через несколько месяцев собрали и передали их великому князю. По-видимому, речь шла о выплате ордынского «выхода» с Тверского княжества.

Побывавший в 1334–1335 гг. в Золотой Орде марокканский путешественник Ибн Баттута писал, что у русских есть «серебряные рудники и из страны их привозятся *саумы*, т.е. серебряные слитки, на которые продается и покупается (товар) в этом крае», т.е. в Орде³³. Относительно серебряных рудников на Руси Ибн Баттута явно ошибался. Месторождений серебра на Руси в его время не было. Они были открыты только в конце XV в. Но марокканец был безусловно прав, сообщая, что главным поставщиком серебра в Орду была Русь. Русь получала серебро из Европы, но за товары, которые покупались европейцами. Основными из них были меха. Можно представить себе, сколько в Восточной Европе надо было уничтожить пушного зверья, чтобы наполнить серебром Золотую Орду. Конечно, размеры ордынской дани несколько колебались, и не всегда она выплачивалась

²⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. 3. № 248. С. 259–260.

²⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 32.

²⁸ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 72.

²⁹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 336.

³⁰ Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 5. С. 374.

³¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 41.

³² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 96.

³³ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 303.

исправно. Москва, например, не платила ордынской дани в 1361–1371 и в 1374–1380 гг.

Симеоновская летопись сохранила сообщение о том, что в 1339 г. рязанский князь Александр Михайлович Пронский пошел с «выходом» в Орду. На него напал его родственник князь Иван Иванович Коротопол, «выход» отнял, а самого князя Александра пленил, привел в Переяславль Рязанский и там казнил³⁴. Данное сообщение раскрывает не только взаимоотношения внутри рода рязанских Рюриковичей, но и характеризует отношения Рязанского княжества с Ордой. «Выход» Орде собирается в казну правящего князя, который и отвозит его в Орду.

После взятия Москвы ханом Тохтамышем в 1382 г. размер уплачиваемой Орде дани повысился. Летописец записал, что в 1384 г. «бысть великая дань тяжкаа но всему княжению великому, всякому без отъдатка, со всякие деревни по плътинѣ. Тогда же и златом даваша въ Орду, а Новгородъ Великий дал черной боръ»³⁵. Полтина (половина рубля) была по тем временам значительной суммой. Достаточно указать на то, что во Пскове, земли которого не отличались особым плодородием, в конце XV в. на полтину можно было купить примерно от 375 до 1950 кг зерна (23,5–121,5 пудов, смотря по урожайности года)³⁶. В центральных районах Северо-Восточной Руси в XV в. за полтину продавали 10 овец. Полтина XV в. была дешевле полтины XIV в. Поэтому не будет большой натяжкой утверждать, что в 1384 г. каждая русская деревня должна была отдать Орде примерно по 2 тонны зерна или же по 10 баранов. Так как деревни того времени состояли обычно из одного-трех дворов, понятно, насколько подрывала благосостояние сельского населения Руси ордынская дань.

Со второй половины 80-х гг. XIV в. сведений о «выходе» становится все больше, что позволяет определить общие тенденции в его колебаниях и обозначить периоды, в которые выплачивались разные суммы «выхода».

25 марта 1389 г., спустя примерно 5 лет после «великой дани тяжкой», Дмитрий Донской заключил договор со своим двоюродным братом серпуховским князем Владимиром Андреевичем, в котором, среди прочего, рассматривался вопрос о выплатах ордынской дани. В статьях 18 и 19 этого соглашения указывалось, что «(18.) ордыньскаа тагость, так(о) же и проторъ, дати ти мнѣ, брату своему старѣишему и о(т)цю, и с(ы)ну моему князю Василью съ своего оудѣла и со княгинина оудѣла Оульянина, съ [т]воее трети, в пять тысячъ руб(левъ) триста рублевъ и дватцать руб(левъ). (19.) А прибудет ли, оубудет

ли, ино по розочту»³⁷. Указанная здесь сумма 5000 рублей общего «выхода», судя по ее повторяемости в более поздних источниках, не являлась суммой «великой дани», а была стандартной суммой ежегодной выплаты Орде. По-видимому, хан Тохтамыш после 1384 г. несколько понизил «выход» с русских земель, резонно полагая, что платить каждый год «дань тяжкую» русские просто не смогут и вместо текущих из Руси солидных выплат можно получить разорительную войну. Удельный серпуховский князь должен был вносить в этот «выход» 320 рублей. Если считать, что такая цифра была исчерпывающей для Владимира Серпуховского³⁸, то получается, что в конце XIV в. великий князь платил Орде 4680 рублей «выхода», а удельный князь всего 320 рублей — 6,8% от великокняжеского платежа. Такого соотношения не наблюдалось даже в начале XVI в., когда было написано завещание Ивана III, содержание которого, как показано ранее, разобрал В.О. Ключевский и нашел, что будущий великий князь Василий III должен был давать в «выход» средств гораздо больше своих братьев, но все же в процентном отношении не столько, как предположено выше. Очевидно, что в договоре 1389 г. речь идет об условных 320 рублях. Их князь Владимир должен был вносить в каждую тысячу 5000-рублевого ордынского «выхода», т.е. реально заплатить Орде со своих владений 1600 рублей.

Примерно через 5–6 недель после заключения рассмотренного договора Дмитрий Донской составил свое предсмертное завещание, где ордынским выплатам было уделено внимания значительно больше. Этому были посвящены статьи 33–39 великокняжеской душевной грамоты: «(33.) А коли дѣтем моим взати дан(ь) на своеи о(т)ч(и)нѣ, чѣмъ есмъ их бл(а)г(о)с(ло)вилъ, и с(ы)нѣ мои, княз(ь) Василеи, возмет съ своего оудѣла с Коломны и со всѣх коломенских волости триста руб(ловъ) и сорок и два руб(ла), и княгини моя дастъ ему в то серебро с Пѣсочны 50 руб(ловъ) без 3-хъ, а с Канева дватцат(ь) руб(ловъ) и два руб(ла). (34) А княз(ь) Юрьи возмет съ Звенигород(а) и со всѣх съ звенигородских волости двѣстѣ руб(ловъ) и семъдес(а)тъ руб(ловъ) и два руб(ла), и княгини моя дастъ ему в то серебро съ Юрьевы слободы пят(ь)дес(а)тъ руб(ловъ), а съ Суходола полпатадес(а)тъ руб(ловъ), а съ Смоланых 9 руб(ловъ), а съ Скирменовъскиѣ слободки 9 руб(ловъ). (35) А княз(ь) Оньдрѣи возмет с Можайска и со всѣх волости можайских сто руб(ловъ) и семъдес(а)тъ руб(ловъ) бес трех, а с отъѣздных мѣстъ семъдес(а)тъ руб(ловъ) без дву, и княгини моя дастъ ему в то серебро дватцат(ь) руб(ловъ) и полтретья

³⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 93.

³⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 149.

³⁶ Павлов П.Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду. С. 110–111.

³⁷ ДДГ. № 11. С. 31.

³⁸ На этом настаивал в 1958 г. П.Н. Павлов. См.: Павлов П.Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду. С. 101.

руб(ла) с Вереи, а с Числова полосма руб(ла), а съ Запачкова дватцат(ь) руб(ловъ) и два, съ Холъхла дес(а)ть руб(ловъ), съ Желѣсковы 9 руб(ловъ), съ Исконьскиѣ слободки полсема руб(ла), съ Кропивны полсема руб(ла). (36) А княз(ь) Петръ возмет съ своего оудѣла сто руб(ловъ) и одиннатцат(ь), и княгини моа дастъ ему в то серебро съ Ижва тритцат(ь) руб(ловъ). (37) А княз(ь) Иванъ дастъ князю Василью съ Сохны пмт(ь) руб(ловъ), а съ Раменеица дастъ князю Петру пмт(ь) руб(ловъ). (38) А то возмут в тысячу руб(ловъ), а будет боле или менши, ино по тому розочту. (39) А перемѣнитъ б(ог)ъ Орду, дѣти мои не имуть давати выхода в Орду, и который с(ь)нѣ мои возмет дан(ь) на своем оудѣлѣ, то тому и есть»³⁹.

Обобщая приведенные данные о размерах взимаемой с каждого княжеского владения наследников Дмитрия Донского ордынской дани, можно прийти к следующим заключениям. Самый большой «выход» собирался с владений будущего великого князя Василия I — 342 рубля, в который свою лепту вносила мать Василия великая княгиня Евдокия — 69 рублей с двух коломенских волостей. Второй сын Дмитрия Донского Юрий, получивший в наследство Звенигород и Галич Мерский, с Звенигорода и его волостей должен был платить 272 рубля. Его мать со своих владений в уделе Юрия вносила в эту сумму 113 рублей. Можайский князь Андрей платил в «выход» 235 рублей, из которых 167 рублей собирались в Можайске и его волостях, а 68 рублей — с «отѣздных мѣстъ». Мать передавала Андрею в эту сумму 84 рубля. Петр, получивший в наследство Дмитров, выплачивал со своих владений 111 рублей. 30 рублей из них ему давала мать — великая княгиня Евдокия. Самый нездоровый из Дмитриевичей князь Иван уплачивал со своего скромного удела 10 рублей «выхода», которые составной частью входили в «выходы» его братьев Василия и Петра. Таким образом, намеченная завещанием 1389 г. Дмитрия Донского выплата «выхода» Орде с земель его прямых наследников достигала 960 рублей на 1 тысячу ордынского запроса. Это было ровно в три раза больше, чем платил дворянский брат Дмитрия Владимир Серпуховский — 320 рублей. К сожалению, общая сумма ордынского «выхода» во втором завещании Дмитрия Донского не указана, но едва ли она за месяц-полтора могла измениться, т.е. к лету 1389 г. по-прежнему составляла 5000 рублей.

Однако в начале XV в. общий размер ордынского «выхода» с московских земель повысился. Об этом свидетельствует второй договор великого князя Василия Дмитриевича с серпуховским князем Владимиром Андреевичем, заключенный в 1402–1404 г. Пять статей этого соглашения посвящены

условиям выплат «выходов» в Орду: «(19) А дати ми, г(о)с(поди)не, тебѣ с Углеца Пола в сем(ь) тысяч руб(ловъ) сто руб(ловъ) и пмт(ь) руб(ловъ). (20) А с Городца и с тѣх волостей, которые ми еси волости к Городцю придал, дати ми тебѣ в полторы тысячи руб(ловъ) сто руб(ловъ) и шестьдесят руб(ловъ). (21) А что к тому прибудет или оубудет, ино ми дати по розочту. (22) А что са остало на Новѣгородѣ на Нижнем долгу старого полчетверты тысячи руб(ловъ), а то ми, г(о)с(поди)не, тебѣ дати по выходу по розочту. (23.) А перемѣнит б(ог)ъ, г(о)с(поди)не, Орду, и мнѣ имати дань съ своеѣ вотчины и съ своего оудѣла собѣ, а тебѣ ми, г(о)с(поди)не, великому князю, не дати»⁴⁰. Из процитированной статьи 19 второго договора Василия I и Владимира Серпуховского следует, что Орда повысила размер «выхода». Теперь с московских владений собиралось 7000 рублей ордынской дани. 1500 рублей шли в Орду с Нижнего Новгорода и Городца. Была еще и старая задолженность Орде в 3500 рублей. На эту задолженность следует обратить особое внимание. Сам факт ее существования свидетельствует о том, что мера наказания налогоплательщика за неуплату «выхода» путем продажи его в рабство стала уходить в прошлое. Выгоднее оказывалось оставлять такого должника на свободе, чтобы он сам изыскивал возможности для выплаты «хараджа», но смириться с тем, что выплаты могут растянуться по времени. Это означало реформирование Ордой своей податной системы. Если же говорить об оценке других свидетельств процитированного источника, то из них можно заключить, что, когда речь велась о «выходе», дело шло о многотысячных суммах. Есть также основание полагать, что повышение ставки «выхода» на 2000 рублей, или на 40% прежней ставки в 5000 рублей, было вызвано особыми обстоятельствами. Второй договор великого князя Василия Дмитриевича с серпуховским князем Владимиром Андреевичем был заключен между 6 апреля 1402 г. и 20 июля 1404 г. Это было время, когда великий князь литовский Витовт энергично боролся за Смоленск, который и присоединил к своим владениям в конце июня 1404 г. Смоленский князь Юрий Святославич искал защиты у Василия I, но московский великий князь его не поддержал. Он и сам находился в затруднительном положении. Орда могла воспользоваться сложившейся ситуацией и потребовать большего «выхода» у московского князя. Но могла послать ему и военную помощь, а за нее надо было платить.

В более позднем завещании Владимира Андреевича Серпуховского, составленном, скорее всего, в декабре 1408 г., когда он защищал Москву от всесильного в Орде Едигея, об ордынских выплатах говорится иначе: «(69) А коли выдет дань

³⁹ ДДГ. № 12. С. 35–36.

⁴⁰ ДДГ. № 16. С. 44.

великог(о) кн(а)за к Орду въ пѣтъ тысяч рублевъ, имется дани дѣтем моим и кнѣгинѣ моеи и их оудѣлом триста рублев и дватцѣтъ руб(левъ), шприснь Городца и Оуглеча пола. (70) И кнѣгини моя възмет дани с Лужи и со всего своего оудѣла и с лужовских волостей и слобод, и школицъ, и сел, и с Козлова броду, и з Бадѣвы слободки восмѣдесѣтъ руб(левъ) и восмѣ рублев. (71) А с(ы)нѣ кн(а)зѣ Иванѣ възмет дани съ Серьпохова и со всего своего оудѣла пѣтъ десѣтъ руб(левъ) без полутора руб(левъ). (72) А с(ы)нѣ кн(а)зѣ Семенѣ възмет дани з Боровьска и со всег(о) своего оудѣла тритцѣтъ руб(левъ) и три руб(ла). (73) А с(ы)нѣ кн(а)зѣ Ёрославѣ възмет дани на Ёрослави и со всег(о) своего оудѣла семьдесѣтъ руб(левъ) и шесть руб(левъ). (74) А с(ы)нѣ кн(а)зѣ Вндрѣи възмет дани на Радонеже и со всего своего оудѣла сорок руб(левъ) и два руб(ли). (75) А с(ы)нѣ кн(а)зѣ Василеи възмет дани на Перемышлѣ и со всего своего оудѣла сорок рублевъ и руб(ль). (76.) А с(ы)нѣ, кн(а)зѣ Семен, кн(а)зѣ Ёрославѣ возмут дань з Городьца и з городечских волостей в новгородской выход, въ полторы тысячи руб(левъ), возмут сто руб(левъ) и шестьдесѣтъ руб(левъ) по нашему докончанию, шприснь Поръздны, а с Поръзны с(ы)нѣ кн(а)зѣ Семенѣ възмет дани в то же серебро по розочту. (77) А с(ы)нѣ, кн(а)зѣ Вндрѣи и кн(а)зѣ Василеи, возмут дани с Углеча пола сто руб(левъ) и пѣтъ руб(левъ). (78) А то возмут дѣти мои и кнѣгини моя дань с оудѣлов своих и з Городца и з городетских волостей, и с Углеча пола въ шестьсот руб(левъ) безъ патнатцѣти руб(левъ). А прибудет дани болѣ или меньше, ини возмут дань по тому ж(е) розочту. (79) А переменит б(о)гъ Врду, и кн(а)зѣ велики не имет выход[а давати во Вр]ду, и дѣти мои а что возмут дани на московских станѣх и на [го]родѣ на Москвѣ, и на численых людех, и дѣти мои возмут свою [трет(ь) дани московские и числ]еных людии, а подѣлатса дѣти мои с мате[р]ь[ю] вси равно, по частем. (80) А которой с(ы)нѣ мои възмет дань на своем [удѣле, и та дан(ь) тому и есть. (81) А что во]змет дани кнѣгини моя [на своем удѣле и на своих се]л[ѣ]х, что есмѣ подавал своеи кнѣгинѣ изъ удѣлов детеи моих сел]а и московские села, и с М[ет]кино, и Буболског(о), и из Б[ѣ]ним[ског(о)], а что възмет дани, и тѣ дани еи и есть, а дѣ[т]и мои в то не вѣст[у]паютса»⁴¹.

Из приведенного текста видно, что когда серпуховский князь Владимир составлял свою душевную грамоту, размер ордынского «выхода» изменился, он вновь вернулся к цифре в 5000 рублей. Наследники Владимира Андреевича должны были внести в каждую тысячу такого «выхода» по 320 рублей. Здесь завещатель повторял условия своего последнего договора с великим князем Дмитрием Донским от 25 марта 1389 г. Но в отличие от этого

договора в завещании 1408 г. была дана роспись («урок») того, какие суммы каждый из 6 наследников князя Владимира должен был собрать со своих серпуховских владений для выплаты ордынской дани. Подсчет (88 руб. + 48,5 руб. + 33 руб. + 76 руб. + 42 руб. + 41 руб.) показывает, что с населения предполагалось взять 328,5 рубля, хотя в статье 69 завещания 1408 г. говорилось о взносе в уплату ордынской дани традиционных 320 рублей. По-видимому, серпуховский князь собирал со своих владений ордынский «выход» в большем размере, чем ему это было необходимо по договоренностям с великим князем, хотя страдал от увеличившегося сбора не сам Владимир, а население его княжества, для которого любое превышение сбора ордынских выплат означало их рост.

Взимание с московских владений князей — потомков Ивана Калиты «выхода» в 5000 рублей продолжалось относительно долгое время. Однако, как уже отмечалось ранее, в завещании 1432 г. звенигородского и галичского князя Юрия Дмитриевича названа иная сумма выплаты ордынской дани — 7000 рублей, которая, впрочем, также встречалась в документе еще начала XV в. Повышение к концу первой трети XV в. ордынских выплат Орде объясняется, видимо, тем обстоятельством, что на Руси началась борьба между московскими князьями за великокняжеский стол. В Орде были хорошо осведомлены об этой борьбе и понимали, что при таком противостоянии соперники не смогут воспротивиться увеличению ордынского «выхода». Ведь в поддержке Орды нуждался каждый из претендовавших на верховенство князей.

Выплата повышенного «выхода» продолжалась, по меньшей мере, до начала 40-х гг. XV в. На это косвенно указывает договор между Василием II и Дмитрием Шемякой, заключенный в 1442 г. Одна из статей этого договора гласила: «А что еси, г(о)спод(и)не, взал на моеи штинѣ дань на Рузѣ и на Вышѣгородѣ, и тоба тое дани дошло четьрѣста рублев и дватцѣтъ(ь) рублев, и тобѣ то мнѣ завести в выход по росчету, а досталь ми тобѣ шдати» (грамота Дмитрия Шемяки великому князю Василию II)⁴². Руза действительно была отчиной Шемяки, но позднее была отобрана у него Василием II и завещана своему сыну Борису. Она вошла в Волоцкий удел князя Бориса. С этого удела Борис, согласно его договорным грамотам 1481 и 1486 гг. с Иваном III, должен был уплачивать 61 рубль и 61 деньгу в каждую тысячу рублей ордынского «выхода». Для Рузы как части Волоцкого удела это означает, что более названной суммы в 1442 г. с нее взять не могли. Скорее всего, долевая часть Рузы и Вышгорода в условной тысяче рублей ордынского «выхода» составляла 60 рублей.

⁴¹ ДДГ. № 17. С. 49.⁴² ДДГ. № 38. С. 111.

Тогда 420 рублей, собранные Василием II с отчины Дмитрия Шемяки, были взяты в счет уплаты 7000 рублей ордынской дани. Следует также отметить, что платеж доли «выхода» с земель Бориса Волоцкого в 80-е гг. XV в. был понижен, но из этого вовсе не следует, что были понижены общие выплаты Орде. Недостающее брал на себя великий князь.

Ценные данные о татарских выплатах сохранились в составленном в 1503 г. завещании Ивана III. Этот первый реальный государь всея Руси относительно «выхода» татарским ханствам постановлял, что «дѣти мои, Юрьи з брат(ь)ею, дают с(ы)нѹ моему Васил(ь)ю съ своих ѹдѣлов в выходы в ордынские и въ Крым, и в Азтархан(ь), и в Казан(ь), и во Царевичев городок и в ыные цари и во царевичи, которые бѹдѹт ѹ с(ы)на моег(о) ѹ Васил(ь)а въ землѣ, и в послы в татарские, которые придѹт къ Мѹсквѣ и ко Тѣѣри, и к Новѹгородѹ к Нижнемѹ, и къ Йрославлѹ, и к Торѹсе, и к Рязани къ Старои, и къ Перевитскѹ ко княж Ѳе(о)дѹровскомѹ жеребью рязанског(о), и во все татарские проторы, въ тысячу рублей. С(ы)нѹ мои Юрьи дает съ своег(о) ѹдѣла со всег(о) и с Кашина восьмьдесят рѹблев и два рѹбла без гривны. А с(ы)нѹ мои Дмитриеи дает съ своег(о) ѹдѣла со всег(о) и з Зѹпцова, и с Опок патьдесят рублей и восьмь рублей с полтиною и семь денег. А с(ы)нѹ мои Семен дает съ своег(о) ѹдѣла со всег(о) шестьдесятъ рѹблев и пать рѹблев без десяти денег. А с(ы)нѹ мои Андрѣи дает съ своег(о) ѹдѣла со всег(о) и з Старици, и з Холмѣских вотчины с Холмѹ, и с Новог(о) городка, и с Олешни, и съ Синие, и с ыных волостей с тверских, что емѹ дано, соржк рѹблев с полтиною и полчетверты денги. А с(ы)нѹ мои Василии дает в тѹ ж тысячу рѹблев с Москвы и со всег(о) великог(о) княжен(ь)а Московские земли, и со Тѣѣри, и со всеѣ Тѣѣрские земли, что емѹ дано, и с Рязани съ Старые и с Перевитска семьсотъ рѹблев и полшманатцата рѹбла и пѹлтрет(ь)и денги. А Борисов с(ы)нѹ братен(ь) Ѳе(о)дѹрѣ дает с(ы)нѹ моему Васил(ь)ю и въ тѹ же тысячу рѹблев съ своеи ѹтчины и Колпи, и з Бѹагорода тритцат(ь) рѹблев и пѹлшма рѹбла. А бѹдет того болѣ или менши татарскои протор, и с(ы)нѹ мои Василеи, и мои дѣти Юрьи з братею, и братанич мои Ѳе(о)дѹрѣ даю по розочтѹ»⁴³. Этот текст не раз цитировался в работах, посвященных ордынскому «выходу». Однако при этом исследователи уклонялись от общего подсчета размеров «выхода» в татарские орды со всех шести перечисленных в завещании Ивана III владений: собственно великого княжества и пяти уделов. Размеры выплат представлены в завещании Ивана III в рублях, полтинах, гривнах и деньгах. Московский рубль в начале XVI в. состоял из 2 полтин или 10 гривен, или 200 денег. Складывая 81 руб. 9 гривен + 58 руб.

1 полтина 7 ден. + 64 руб. 190 ден. + 40 руб. 1 полтина 3,5 ден. + 717 руб. 1 полтина 2,5 ден. + 37 руб. 5 полтин, получаем цифру в 997 руб. 10 полтин 9 гривен 203 ден., или 1003 руб. 9 гривен 3 ден. Эта сумма условной выплаты на 1000 рублей «выхода» на 43 рубля 9 гривен и 3 ден. превышала сумму в 960 рублей, которая собиралась в ту же условную тысячу во времена Дмитрия Донского. Превышение составляет около 4,5%. За 114 лет (с 1389 г. по 1503 г.) подобное превышение можно считать незначительным, тем более, что Иван III включал в свое завещание «выходы» с таких земель, которые в 1389 г. Москве еще не принадлежали (Тверское княжество, часть рязанских земель).

Можно, таким образом, констатировать, что на протяжении конца XIV — начала XVI в. размер «выхода» колебался в пределах 2000 рублей, но никогда не опускался до 1 тысячи рублей, т.е. в 5 или в 7 раз меньше по сравнению с фиксируемыми в источниках размерами «выхода» в 5000 или 7000 рублей. При всех колебаниях сумма ордынской дани, налагавшейся на русские земли, всегда оставалась большой.

Такое наблюдение отчасти подтверждается и документом более позднего времени — договором от 24 августа 1531 г., заключенным великим князем Василием III со своим родным братом, князем дмитровским Юрием. Это соглашение содержало раздел, в котором рассматривался вопрос об уплате Русью «выхода» татарам. Казалось бы, с уплатой дани главному татарскому государству — Большой Орде — было покончено давно, еще полвека назад в результате «стояния на Угре», и вспоминать о каких-то татарских «выходах» в грамоте 1531 г. было совсем необязательно. Однако договор 1531 г. был соглашением особого рода. В 1530 г. в семье до тех пор бездетного великого князя Василия III наконец-то родился сын, которого назвали Иваном. Это был будущий Иван Грозный. Появление на свет прямого наследника Василия III меняло вопрос о преемнике Василия III на московском великокняжеском столе. После смерти бездетного Василия III этот стол должен был бы занять старший из младших братьев Василия дмитровский князь Юрий Иванович. Но появление на свет маленького Ивана означало, что великим князем будет именно он. Договор от 24 августа 1531 г., в котором князь Юрий приносил клятву верности великому князю Василию III и его годовалому сыну Ивану, признавая права последнего на великое княжение, и решал вопрос об управлении в недалеком будущем Русским государством. Поэтому в соглашении 1531 г. были затронуты все крупные проблемы, которые влияли на положение и развитие Русского государства после кончины Василия III, в их числе — вопрос о «выходах».

Раздел о татарских ханствах и о получении ими выплат с Руси договора от 24 августа 1531 г.

⁴³ ДДГ. № 89. С. 362.

содержал следующий текст: «А шрды вѣдати и знати мнѣ, великомѣ кн(а)зю, и моемѣ с(ы)нѣ Иванѣ. А тобѣ шрдѣ не знати. А в выходы ти в ордынские і в Крым, і в Азсторокан(ь), и в Казан(ь), и в Ц(а)р(е)в(и)чев городок, і в ыные ц(а)ри и в ц(а)р(е)в(и)чи, которые бѣдѣт ѣ мена в земле и ѣ моег(о) с(ы)на Ивана, и во всѣ татарские проторы давати ти мнѣ и моемѣ с(ы)нѣ Иванѣ со всеѣ своеи штч(и)ны по томѣ, как штець нашѣ, князь велики, вѣ своеи д(ѣ)х(о)вной грамоте написал. А коли мы вѣ выходы в ордынские і в татарские проторы не дадим, и нам и ѣ теба не взати»⁴⁴. Из текста соглашения 1531 г. следует, что все права сношений с татарскими ханствами сосредоточивал в своих руках великий князь Василий III. Эти права должен был унаследовать и сын Василия III Иван IV. Юрий Дмитровский не должен был «знать» татарские «орды». Но в выплатах этим ордам он должен был принимать обязательное участие.

Перечень орд в договоре 1531 г. был заимствован из завещания 1503 г. Ивана III, на которое в договоре есть прямая ссылка. Это означает, что состав государств — наследников Золотой Орды к концу правления Василия III оставался таким же, каким он был к концу правления его отца Ивана III. Но в душевной грамоте Ивана III речь также шла о возмещении проторей, т.е. расходов на содержание татарских послов, которые должны были приезжать в различные русские города: Москву, Тверь, Нижний Новгород, Ярославль, Тарусу, города Рязанского княжества. Подобного перечня в договоре 1531 г. нет. Текст завещания Ивана III заменен в нем обобщающей формулой «во всѣ татарские проторы». Такое обобщение вместо более ранних и конкретных указаний душевной грамоты 1503 г. свидетельствует о том, что посещения послами из разных орд возглавляемого Василием III Русского государства стали к началу 30-х гг. XVI в. делом распространенным и обыденным, как и затраты русской стороны на содержание таких послов. По всей видимости, «выход» с населения Руси в 30-е гг. XVI в. продолжал собираться в тех же размерах, что и раньше, но прекратил считаться обязательной выплатой и расходовался великим князем по своему усмотрению в зависимости от того, кто из измельчавших чингизидов был в дружественных отношениях с Русским государством, а кто не был.

Рассматривая вопрос о размерах главного налога, взимаемого установившими свою власть над русскими землями монголами, необходимо указать, насколько точно сохранившиеся источники позволяют очертить территории, с которых он собирался. Это можно сделать на основании показаний завещаний и договоров московских князей конца XIV — начала XVI в., часть которых была рассмотрена выше.

Согласно данным договора от 25 марта 1389 г. Дмитрия Донского и серпуховского князя Владимира, а также последнего завещания Дмитрия Донского, написанного, скорее всего, в первой половине мая 1389 г., ордынский «выход» в 5000 рублей взимался с Московского княжества (его столицы Москвы и удельных центров: Серпухова, Звенигорода, Можайска и Дмитрова), а вместе с ним — с бывшего великого княжества Владимирского с городами Владимиром, Переяславлем, Костромой и Юрьевом, с бывших княжеств Галичского, Белозерского, Угличского, а также с части Ростовского княжества. Это была весьма значительная территория, к тому же достаточно заселенная. Примерно в то же время с Нижегородского княжества (с его Нижегородской и Городецкой частей) взимался «выход» в 1500 рублей. Тверское княжество, согласно значительно более ранним данным, платило в «выход» 2000 рублей. Процитированные ранее источники содержат также сведения об ордынских выплатах не с обширных территорий, а с отдельных центров. С Галича, например, взималось 525 рублей в 7000-рублевый «выход». Это значит, что расчетная доля Галича составляла 75 рублей уплаты в 1 тысячу рублей сбора. Такая цифра сравнима с 105 рублями с Углича или с 61 рублем с Волоколамска. В 5000-й сбор с этих трех центров взималось 1205 рублей. Всего в сумме с другими определяемыми размерами сборов с разных мест и территорий это дает цифру в 9705 рублей. При «выходе» в 7000 рублей общая цифра повышается до 13 587 рублей. К сожалению, в эти суммы не могут быть включены данные о размерах «выхода» с тех территорий, о которых точно известно, что такой налог с них взимался. Так, жители Новгорода Великого платили «черный бор», который шел в Орду, но суммы такой выплаты неизвестны. Ярославские и заозерские князья, а с ними, возможно, часть ростовских самостоятельно собирали и отвозили в Орду «выход» со своих земель, но каков был его размер, источники не говорят. Нет также сведений о «выходе» с владений стародубских князей, суздальской части Нижегородского княжества, с примыкавших к Северо-Восточной Руси Муромского и Рязанского княжеств, с располагавшихся в бассейне верхней Оки так называемых «верховских княжеств» (Козельского, Одоевского, Оболенского, Тарусского и др.), иных образований, возникших на землях домонгольского Черниговского княжества. Молчат источники и об ордынских поборах с населения бывших Переяславского (Переяславля Русского) и Киевского княжеств, княжеств Галичского и Владимира Волынского, Туровского и Пинского. Историкам остается оперировать данными, относящимися к территориям Северо-Восточной Руси и Новгорода Великого. Если основываться на приведенных цифровых показателях сумм «выхода» с этих земель и прибавить

⁴⁴ ДДГ. № 101. С. 417.

к ним предполагаемые суммы, которые взимались с тех территорий, что обойдены вниманием источников, то картина получается следующей. При самых скромных подсчетах, предполагая, что с Суздаля и Стародуба собирали в «выход» по 500 рублей, как с далекого от них Галича, что ярославские и заозерские князья вносили вместе 1000 рублей, а «черный бор» с Новгорода Великого составлял 2000 рублей, то в худшем для Орды случае северо-восточные княжества и Новгород Великий уплачивали

«выход» в размере около 14 000 рублей, а в лучшем — 19 600 рублей ежегодно. Чтобы представить себе покупательную значимость таких сумм, можно указать на то, что в XV в. московские Рюриковичи приобретали за 500 рублей 4 крупных села⁴⁵. Это означает, что, выплачивая ордынскую дань, на Руси ежегодно теряли возможность обзаводиться от 112 до 157 большими новыми селами.

⁴⁵ ДДГ. № 34. С. 88.

Список литературы

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М.: Наука, 1964. Т. 3. 688 с.

Аракчеев В.А. Порядок сбора ордынского «выхода» в русских землях во второй половине XV в. // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга). Калуга: Изд. Захаров С.И. («СерНа»), 2017. С. 17–31.

Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 5. 526 с.

Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 204 с.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1949. 408 с.

Грушевський М.С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 1–72.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. Л.В. Черепнин. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1950. 585 с.

Ключевский В.О. Соч. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1957. 468 с.

Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. М.: Наука, 1974. 289 с.

Насонов А.Н. Монголы и Русь. (История татар. политики на Руси). М.; Л., 1940. 178 с.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 640 с.

Павлов П.Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Красноярск, 1958. Т. 13. Вып. 2. С. 74–112.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ); Т. 2. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. 938 стб.; Т. 6. Вып. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. 581 стб.; Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. 186 стб.; Т. 18. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. 316 с.; *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 2. М.: Мысль, 1988. 765 с.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Введение, перевод и примечания А.И. Малеина. СПб.: Изд. А. Суворина, 1911. 272 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб.: Изд. на иждивение гр. С.Г. Строганова, 1884. Т. 1. 564 с.

В.А. Кучкин Завоевание Руси Батыем и ордынский «выход»

Ключевые слова: монгольское нашествие на Русь, экономические последствия, ордынский «выход», системы взимания, размеры выплат в 40-х гг. XIII в. — первой трети XVI в.

Аннотация: походы Батыя на русские земли в 1237–1240 гг. привели в 1242 г. к установлению господства завоевателей над большинством древнерусских княжеств. Самым тяжелым последствием этого для всех слоев населения таких княжеств стал введенный монголами ежегодный налог, называвшийся в русских источниках «выходом» (дословный перевод на древнерусский язык арабского термина «харадж»). Первоначально «выход» взимался только с мужчин независимо от возраста, затем с дворов

или домов, с начала XV в. — с имущества (посошное обложение). Данные о размерах «выхода» с различных русских княжеств и их административных единиц (княжеских уделов и городов) редки, но позволяют говорить о двух системах расчета «выхода»: реальной, указывавшей суммы действительных выплат, и условной, указывавшей, какую сумму должен вносить налогоплательщик в каждую тысячу рублей требуемого Ордой «выхода». Если «выход» составлял 500 рублей, то условный выход умножался на 0,5, если 5000 рублей, то условный выход умножался на 5. В итоге выясняется, что ордынский «выход» измеряется суммами в 5–7 раз большими, чем указывается в современной научной литературе.

V.A. Kuchkin Conquest of Rus by Batu Khan and “exit” to Orda

Keywords: Mongol invasion into Rus', economic consequences, “exit” imposed by the Horde, amounts to be collected, systems of collection, rates of payments in the 1240s — first third of the 14th century.

Abstract: Batu Khan's campaigns against Russian lands in 1237–1240 led to imposition of the Mongol domination over majority of old Russian principalities. The imposed by conquerors annual tax was the most hard consequence which was felt by all classes of population (In Russian sources the tax was called “exit” which was a translation of the Arabian term “haraj” into the old Russian language. Initially the tax was exacted only from males irrespective of age, but later it was exacted from yards or houses, since the early 15th century it was

exacted from the property, the plow imposition. Data on amounts of “exit” from different Russian principalities and their administrative units (princes appanages and towns) are rare but they allow to speak of two systems of “exit” calculation: the real one which indicated amounts of real payments and provisional system which indicated amounts a taxpayer had to pay in every thousand roubles of the “exit” required by the Horde. If the “exit” amount was 500 roubles, then the provisional exit was multiplied by 0.5, if the exit amount was equal to 5000 roubles, then provisional exit was multiplied by 5. In the end it turns out that the “exit” imposed by the Horde was measured by amounts that were from 5 to 7 times greater, then it is indicated in the modern scientific literature.

Монгольские чиновники по данным ярлыков XIII–XIV вв.

Чиновничий аппарат — важный элемент управления монголами покоренными землями. Посредством должностных лиц осуществлялась политика верховной власти. Для комплексного представления о системе монгольского управления русскими землями необходим анализ различных категорий монгольских чиновников. Уникальные сведения о представителях монгольской администрации предоставляют ярлыки, выданные русскому духовенству монгольскими правителями. В адресате этих документов содержится обширный перечень монгольских должностных лиц.

Ярлыки известны в виде собрания, составленного в конце XIV — начале XV столетия в московском митрополичьем доме. В это время на русский язык были переведены шесть ярлыков ордынских правителей. Вместе с послесловием они составляют краткое собрание ярлыков. Пространное собрание сложилось в середине XVI в. за счет интерполяций, сделанных в тексте краткого собрания и добавления подложного ярлыка хана Узбека.

В состав краткого собрания входят: 1) ярлык хана Тюляка, выданный в 1379 г. митрополиту Михаилу; 2) ярлык ханши Тайдулы, выданный в 1347 г.; 3) ярлык Менгу-Темира, выданный в 1267 г.; 4) ярлык Тайдулы, выданный в 1351 г. митрополиту Феогносту; 5) ярлык хана Бердибека, выданный в 1357 г. митрополиту Алексею; 6) ярлык Тайдулы, выданный в 1354 г. митрополиту Алексею; 7) заключение от составителя собрания.

Традиционное именование всех документов собрания «ярлыками» не совсем корректно. Ярлык — письменный указ, приказ, повеление, предписание собственным подданным или главам зависимых стран, исходящие от хана. Документы, принадлежащие лицам не ханского происхождения,

ярлыками не являются¹. Таким образом, грамоты ханши Тайдулы, супруги ордынского хана Узбека (1313–1341 гг.), матери хана Джанибека (1342–1357 гг.) и бабки хана Бердибека (1357–1359 гг.), не являвшейся полноправной правительницей и не принадлежавшей по происхождению к роду Чингисхана, ярлыками называться не могут.

Ханские ярлыки — источник, широко известный и востребованный в отечественной науке. Сведения ярлыков используются при изучении русско-монгольских отношений, в том числе для описания деятельности отдельных категорий монгольских чиновников². Подвергался анализу весь перечень должностных лиц адресата ярлыков. В середине XIX в. вышла работа И.Д. Беляева «О монгольских чиновниках, упоминаемых в ханских ярлыках». На основе ярлыков, выданных русскому духовенству (в том числе подложного ярлыка хана Узбека), исследователем была предложена трактовка монгольских должностей³. В 1864 году был издан труд И.Н. Березина «Внутреннее устройство Золотой Орды. (По ханским ярлыкам)». Исследование представителей монгольской администрации в этой книге представляет собой перечень должностных лиц с краткими комментариями⁴. Более обстоятельна работа И.Н. Березина

¹ Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. С. 7–8.

² Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства (историко-географическое исследование.) Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). СПб., 2006. С. 229–230; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 130–131, 220–221; Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 30–31, 93 и др.

³ Беляев И.Д. О монгольских чиновниках, упоминаемых в ханских ярлыках // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 1. М., 1850. [Отделение I]. С. 97–110.

⁴ Березин И.Н. Внутреннее устройство Золотой Орды. (По ханским ярлыкам.) СПб., 1850. С. 7–13.

«Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева», в которой содержится не просто перечень, но характеристика монгольских чиновников⁵. Монгольские ярлыки являются предметом многолетних исследований А.П. Григорьева. Изучая форму и состав ярлыков, исследователь уделил внимание должностным лицам адресата документов. Свои наблюдения он обобщил в монографии «Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов»⁶.

Представленные работы содержат сведения не только ярлыков, выданных русскому духовенству. Исследователи активно использовали данные других грамот монгольских правителей, сведения персидского историка Рашид-ад-Дина, францисканского монаха Иоанна де Плано Карпини, других источников. Материалы русского происхождения в исследованиях представлены незначительно.

Для анализа должностей, перечисленных в адресате ярлыков, сведения русских источников имеют особое значение. Оригиналы ярлыков, выданных русскому духовенству, не сохранились. Исследователям доступен только их перевод на русский язык, выполненный на Руси. Ярлыки во многом отражают русское понимание и употребление названий монгольских должностей⁷. Другие источники монгольского происхождения, относящиеся непосредственно к Руси, неизвестны. Для лучшего понимания употребления обозначений монгольских чиновников в ярлыках русским митрополитам необходимо привлечь сведения других ярлыков, выданных монгольскими правителями разных частей Монгольской империи. Задача настоящей работы — проследить употребление названий монгольских должностей, зафиксированных в кратком собрании ярлыков, в летописном и актовом материале русского происхождения, а также в ярлыках правителей-чингизидов. Хронологические рамки исследования ограничены временем составления краткого собрания ярлыков.

Адресаты ярлыков, выданных русскому духовенству:

Ярлык Менгу-Тимура 1267 г.: «слово людьским баскаком и князем и полъчным князем и к данщиком и к писцем и к мимояздящим послом и к соколником и к пардусником»⁸.

⁵ Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева // Труды Восточного отделения Императорского Археологического общества. Ч. 8. СПб., 1864.

⁶ Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004.

⁷ Факт существования ярлыков ордынских ханов, выданных русским митрополитам, только в виде перевода на русский язык затрудняет классификацию этих документов. Так, например, они не учтены в фундаментальной работе М.А. Усманова, посвященной жалованным актам улуса Джучи.

⁸ Памятники русского права (далее — ПРП). М., 1955. Вып. 3. С. 467.

В грамоте Тайдулы 1347 г. монгольские чиновники не указаны.

Грамота Тайдулы 1351 г.: «По Ченибекову ярлыку Таидулино слово татарьским улусным князем и волостным и городным и селным дорогам и тамошником и побережником и мимохожим послом, или кто на какове дело придеть ко всем»⁹.

Грамота Тайдулы 1354 г.: «По Дченибекову ярлыку Таидулино слово к темным и к тысячным, князем, и сотником и десятником, и волостелем, и городным дорогам, и князем, и к мимохожим послом, и ко многим людем и ко всем»¹⁰.

Ярлык Бердибека 1357 г.: «слово татарьским улусным и ратным князем Муалбугиною мыслию волостным самим дорогам и князем, и писцем, и тамошником, побережником и мимохожим послом и соколником, и пардусником, и бураложником, и заставщиком, и лодеищиком или кто на каково дело ни поидеть многим людем и ко всем»¹¹.

Ярлык Тюляка 1379 г.: «слово Мамаевою дядиною мыслию, татарьским улусным и ратным князем, и волостным самым дорогам, и князем, писцем, тамошником побережником и мимохожим послом и соколником и пардусником и бураложником и заставщиком и лодеищиком или кто на каково дело, ни поидеть многим людем и ко всем»¹².

Первым наименованием монгольских чиновников в самом раннем ярлыке собрания являются «баскаки». Упоминания баскаков в источниках немногочисленны:

Галицко-Волынская летопись под 1255 годом: «приѣхаша Татарѣ ко Бакотѣ и приложися Милѣи к нимъ Данилови же пошедшоу на воину на Литвоу на Новѣгородокъ бывшую раскалюю посла сына си Лва на Бакотоу посла Левъ дворяского перед собою изѣхавше яша Милѣя (и) баскака и приведе Левъ Мѣлѣя отцю си и бысть паки Бакота королева отца его»¹³.

Новгородская первая летопись под 1269 годом: «того же лѣта, на зиму, князь Ярославъ, съ новгородци сдумавъ, посла Святослава на Низовьскую землю плѣковъ копить, и совокупи всю князью и полку бещисла, и приведе въ Новѣгородъ; и ту бѣше баскакъ великыи володимирьскыи, именовъ Амраганъ, и хотѣша ити къ Колываню. И увѣдавше Нѣмци, прислаша послы с молъбою: “кланяемся на всеи воли вашей, Наровѣ всеи отступаемъ, а крови не проливаите”; и тако новгородци, гадавше, взяша миръ на всеи воли своеи»¹⁴.

В конце XIII в. на территории Курского княжества действовал баскак Ахмат. Рассказ о его

⁹ Там же. С. 468.

¹⁰ Там же. С. 470.

¹¹ Там же. С. 469.

¹² Там же. С. 465.

¹³ ПСРЛ. Т. 2. М., 2001. Стб. 828–829.

¹⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 319.

деятельности содержится в Лаврентьевской летописи, но не полностью — утеряно начало повествования. Оно восстанавливается по рассказу о баскаке Ахмате в составе Симеоновской летописи¹⁵. «Бесерменинъ здохитръ и велми золъ, имя ему Ахматъ, держаше баскачество Курьскаго княженіа, откупаша у Татаръ дани всякіа и тѣми даньми велику досаду творяше княземъ и чернымъ людемъ въ Курскомъ княженіи»¹⁶.

Московско-Академическая летопись под 1305 годом: «того же лѣта преставися баскакъ Кутлугубъ»¹⁷.

Новгородское летописание под 1331 годом: «пригнашася Киевський князь Феодоръ съ баскакомъ Татарскимъ въ 50 чловѣкъ разбоемъ»¹⁸. Баскакъ участвовал в нападении киевского князя Федора на отряд новгородского архиепископа Василия Калики.

Грамота митрополита Феоноста на Червленый Яр, датируемая временем около 1343–1352 гг.: «Благословенье Феоноста, митрополита всея Руси, к детям моим, к баскаком и к сотникам, и к игуменом и попом, и ко всем крестьяном Червленого Яру, и ко всем городом, по Великую Ворону»¹⁹.

Грамота митрополита Алексея 1356 г. на Червленый Яр: «Благословенье Алексія, митрополита всея Руси, к всем крестьяном, обретающимся в пределе Червленого Яру, и по караулом возле Хопор, по Дону, попом и дяконом, и к баскаком, и к сотником, и к бояром»²⁰.

Докончание великого князя Дмитрия Ивановича Донского с рязанским князем Олегом Ивановичем 1381 г.²¹: «А что место кн(я)зя великог(о) Дмитрия Ивановича на Рязанскоу стороне, Тула, как было при ц(а)р(и)це при Таидуле, и коли ее баскаки ведали, в то ся кн(я)зю великому Олгу не вступати, и кн(я)зю великому Дмитрию»²². Определяя границы между Московской и Рязанской землями, докончание относит город Тулу под юрисдикцию баскаков Тайдулы. По сообщению Рогожского летописца, Тайдула погибла в 1360 г.²³, значит, баскаки находились в Туле, по крайней мере, до этого времени. О пребывании баскака в городе после 1360 г.

сведений не сохранилось. В.А. Кучкин определил время «как было при ц(а)р(и)це при Таидуле» началом 40-х — первой половиной 50-х гг. XIV в.²⁴

Баскаки являлись первыми постоянными представителями монгольской администрации в завоеванных городах. Деятельность баскаков связана с обеспечением монгольских интересов на территории покоренной Руси, и прежде всего с организацией эффективной системы сбора налогов. Они контролировали сбор дани в пользу хана.

В ярлыке Менгу-Тимура баскаки названы «людскими». Вызывает доверие трактовка этого определения А.П. Григорьевым как «светский», «мирской»²⁵.

После термина «баскаки» в ярлыке Менгу-Тимура указан термин «князья». В актовом материале, кроме ярлыков монгольских правителей, это обозначение применительно к монголам не употребляется. В летописях встречаются упоминания о монгольских князьях в качестве представителей высших слоев монгольского общества²⁶.

В собрании ярлыков фигурируют князья «польчные», «улусные», «ратные», «темные», «тысящные».

Термин «польчный» означает «военный, войсковой», «воинский»²⁷, следовательно, «польчные» князья — войсковые князья. Улусные князья могли выступать в качестве правителей части государства²⁸. В ярлыках, выданных русским митрополитам, эта категория неотделима от наименования «ратные» князья: «слово татарским улусным и ратным князем» (ярлыки Бердибека и Тюляка). В грамоте Тайдулы 1351 г. определение «ратные» отсутствует. «Ратный» значит «военный»²⁹, таким образом, «ратные» князья — это военные администраторы. В совместном употреблении термины «улусный» и «ратный» могут обозначать гражданских и военных управленцев в целом.

В качестве военных должностей могли служить «темные» и «тысящные» князья, указанные в грамоте Тайдулы 1354 г., а также «сотники» и «десятники», зафиксированные в том же документе. Тьма (10 000), тысяча, сотня и десятка — традиционные единицы монгольского войска во главе с темником, тысячником, сотником и десятником соответственно. На Руси во время переписи 1257 г. были поставлены десятники, сотники, тысячники и темники с целью сбора дани: «тое же зимы приехаша численици исщетоша всю землю Сужальскую и Рязанскую и Мюромьскую и ставиша десятники и сотники и тысящники

¹⁵ Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. 1996. [Вып.] 1. С. 5–57.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 79.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 528.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 264; Новгородская первая летопись... С. 344.

¹⁹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСЭИ). Т. 3. М., 1964. № 312. С. 341.

²⁰ Там же. № 313. С. 343.

²¹ Обоснование датировки см.: Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в. Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 245–246.

²² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1950. № 10. С. 29.

²³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 69.

²⁴ Кучкин В.А. Договорные грамоты... С. 258.

²⁵ Григорьев А.П. Сборник... С. 24.

²⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 38, 70, 71, 80.

²⁷ Словарь русского языка XV–XVII вв. Вып. 16. М., 1990. С. 281–282.

²⁸ Усманов М.А. Жалованные акты... С. 210.

²⁹ Словарь русского языка XV–XVII вв. Вып. 22. М., 1997. С. 115.

и темники и идоша в Ворду»³⁰. Это единственное упоминание десятников в русских источниках в качестве монгольских администраторов. Сотниками в качестве представителей монгольской администрации могут выступать лица, упомянутые в грамотах митрополитов Феоноста и Алексея на Червленый Яр. Других сведений русских источников о монгольских сотниках не обнаружено. Известно существование русских десятников и сотников. Вероятно, в грамоте Тайдулы 1354 г., «темные» и «тысящные» князья, сотники и десятники — управляющие соответствующими территориальными единицами, без акцента на военную функцию.

В ярлыках, выданных русскому духовенству, термин «князья» выступает также в качестве уточнения к термину «дорога», подчеркивая статус чиновников. Таким же дополнением термин выступает к должности баскака ярлыка Менгу-Тимура.

После «полъчных» князей в адресате ярлыка Менгу-Тимура указаны «данщики». Других случаев применения термина к представителям монгольской администрации в русских источниках не найдено. Данщики занимались сбором дани — поземельной подати. В договорных грамотах московских князей второй половины XIV в. фигурируют русские «данщики»³¹.

Следующей категорией монгольских чиновников адресата ярлыка Менгу-Тимура являются «писцы». Этот термин в русских источниках применительно к представителям монгольской администрации не зафиксирован. Писцы — служащие государственных канцелярий.

После термина «писцы» в ярлыке Менгу-Тимура значится термин «послы». Монгольские послы довольно часто упоминаются на страницах русских летописей. В XIII–XIV вв. зафиксировано 47 случаев приезда монгольских послов на Русь³². По рассказам летописей, полномочия послов были разнообразны. Во время завоевания послы предлагали русским князьям добровольное сотрудничество, а после — передавали повеление хана приехать в его ставку, выступить в поход, обеспечивали вступление князей в права на княжение: привозили ярлыки от хана и в случае необходимости оказывали тому или иному князю вооруженную поддержку. Иногда послы приводили с собой вооруженные отряды и разоряли русские земли. В определенной степени послы были вовлечены в систему денежных выплат в пользу хана.

В адресатах ярлыков наименование «послы» дополняется определением «мимояздящие» (ярлык Менгу-Тимура) и «мимохожие» (документы Тайдулы, Бердибека и Тюляка). Подобное определение встречается только в собрании ярлыков. В летописях содержатся указания на прибытие монгольских послов с эпитетами «лют», «силен» и «велик». Известно 11 подобных посланников. Деятельность послов с определением «лют», «силен» или «велик» фиксируется только в XIV в. Разница в их полномочиях не прослеживается. Нет ее и в сравнении их деятельности с действиями прочих послов. Определение «посол силен» может указывать на численность вооруженного отряда посла³³. По наблюдению А.А. Горского, в отряде «сильного» посла могло находиться около 1000 человек³⁴. «Мимохожие» послы представляются рядовыми посланцами центральной власти. Их направляли по любому поручению в любой регион Золотой Орды.

В завершении адресата ярлыка Менгу-Тимура указаны «сокольники» и «пардусники». Применительно к монгольским должностным лицам зафиксировано только одно упоминание термина «сокольник». В конце XIII столетия в Курском княжестве действовали сокольники ордынского правителя: «Соколници же царевы ловившее ловь лебедии и звавше Олга къ Ногою». Сокольники ведали доставкой ко двору хана соколов. В XIV в. известны также русские «сокольники»³⁵. Термин «пардусник» встречается только в ханских ярлыках. Пардусники отвечали за доставку ко двору хана пардусов — барсов.

Кроме адресата ярлыка Менгу-Тимура некоторые обозначения должностных лиц указаны в заключении этого документа: «ни дани ни иного чего ни хотять ни възмутъ баскаци, княжи писци, поплужники, таможници»³⁶. «Поплужники» фигурируют только в ярлыке Менгу-Тимура. Очевидно, они взимали упомянутое в том же документе «поплужное» — вид земельной подати. Сведения о «таможниках» в качестве монгольских должностных лиц зафиксированы только в ярлыках ордынских правителей. В дальнейшем широко известны русские таможники, первое упоминание о которых относится к XIII в.³⁷ Под 1377 годом Рогожский летописец фиксирует существование таможника в г. Булгаре³⁸, однако его административная принадлежность, как и упомянутого в том же свидетельстве «дариги», точно не определена.

³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474–475.

³¹ Горский А.А. Русское средневековое общество: Историко-терминологический справочник. СПб., 2019. С. 102.

³² Новгородская первая летопись. С. 74, 82, 98, 265; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 468, 805, 846, 849, 876; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 316, 374, 382, 432, 436; Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 351; ПСРЛ. Т. 18. С. 88, 89, 92, 93; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 36, 37, 41–43, 48, 54, 57, 58, 65–67, 74, 77, 92, 95, 96, 110, 141, 142, 146, 147, 149, 151, 157, 162.

³³ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 205.

³⁴ Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 52.

³⁵ АСЭИ. Т. 3. № 2. С. 15–16.

³⁶ ПРП. Вып. 3. С. 468.

³⁷ Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963. С. 66.

³⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 116–117.

Эти чиновники могли представлять интересы монгольского хана³⁹ либо русских князей⁴⁰.

В ярлыках XIV в. зафиксирован термин «дорога». В других источниках русского происхождения термин известен в формах «дарига», «дарага», «дарога». В период XIII–XIV вв., кроме сведений ярлыков, встречается только одно упоминание термина — в рассказе о походе в 1377 г. русских войск на г. Булгар: «И высла изъ города князь Болгарьскыи Осанъ и Махматъ Солтанъ и добиста челомъ князю великому и другому 2000 рублевъ, а воеводамъ и ратемъ 3000 рублевъ. Наши же въ возвратишася, всю свою волю вземше, а даригу и таможника посадиша, а ссуды и села и зимници пожгоша, а люди посъкоша и отъидоша съ побѣдою»⁴¹. «Дороги» — административные лица, чья деятельность, по-видимому, была направлена на организацию налогообложения.

В ярлыках «дороги» названы «волостными», «городными» и «селными». Определение «сами» в ярлыках Бердибека и Тюляка очевидно является ошибкой и означает «селные». «Волостные», «городные» и «селные» дороги управляли волостями, городами и селами соответственно.

В грамоте Тайдулы 1354 г. значится термин «волостели». Применительно к монгольским чиновникам этот термин не зафиксирован. Волостели — княжеские должностные лица, управлявшие волостью⁴². Значение этой должности практически идентично значению должности волостных дорог ханской администрации. Вероятно, в грамоте Тайдулы термин оказался по ошибке, вместо волостных дорог.

В ярлыках монгольских правителей встречается термин «побережник». В других русских источниках этот термин не обнаружен. Побережники взимали «побережное» — вид торговой пошлины.

В завершение адресата ярлыков ханов Бердибека и Тюляка указаны «бураложники», «заставщики» и «лодейщики». Эти обозначения зафиксированы только в ярлыках, выданных русскому духовенству. Бураложники ведали ханской охотой на волков. Заставщики занимались сбором пошлин за проезд. Лодейщики обеспечивали транспортировку через водные преграды и взимали за это плату.

Упоминания монгольских административных лиц, перечисленных в адресате ярлыков русским митрополитам, в источниках русского происхождения малочисленны. О некоторых категориях монгольских чиновников в летописном и актовом материале Руси и вовсе нет никаких сведений. Уточнить номенклатуру представителей монгольской власти позволит обращение к другим ярлыкам XIII–XIV вв., выданных монгольскими правителями-чингизидами и представителями их семей.

³⁹ Григорьев А.П. Сборник... С. 156, 169–170.

⁴⁰ Горский А.А. Москва и Орда. С. 92.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 116–117.

⁴² Горский А.А. Русское средневековое общество... С. 63.

Известны 4 ярлыка ордынских ханов, адресованных итальянским купцам Азова: Узбека 1333 г., Джанибека 1342 и 1347 гг., Бердибека 1358 г. Они сохранились в составе комплекса документов ордынских правителей середины XIV в., хранящихся в архивах Венеции. Оригиналы грамот неизвестны. Ярлыки доступны только в виде перевода на латинский (Узбека и Джанибека 1342 г.) и итальянский (Джанибека 1347 г. и Бердибека) языки.

Адресаты документов:

Ярлык Узбека 1333 г.: “Osbach uerbum nostrum de pertinentia Cutluctemir ad Machmattoia principiter et maioribus de Tana et ad comercarios et pedacarios et multis hominibus et uniuersis”⁴³. Перевод В.П. Григорьева: «Наше, Узбека, слово относящимся к Кутлуг-Тимуру, особенно к Мухаммед-ходже и старшим Таны, и к сборщикам коммерция, и сборщикам дорожных пошлин, и многим людям, и всем»⁴⁴.

Ярлык Джанибека 1342 г.: “Nos magnificus imperator generalis Zanibech Ciniscan Zanibech, uerbum nostrum. Megalboa et omnes alij ad ipsurn expectantes et pertinentes, Siecho principaliter domino atque uniuersis alijs magnatibus in terra Tane, comerclarijs et illis de Tantanaco, et generaliter omnibus alijs in terra Tane et per totum imperium comorantibus”⁴⁵. Перевод В.П. Григорьева: «Мы, великий всеобщий император Джанибек Чингисхан, наше, Джанибека, слово. Могоулбуге и всем другим, ему подчиненным и к нему относящимся, особенно Зиху господину, а также всем вождам в городе Тана, сборщикам коммерция, а также тартанака, и вообще всем остальным, в городе Тана и во всей империи пребывающим»⁴⁶.

Ярлык Джанибека 1347 г.: “Allo puouolo di Mogoli, alli baroni di Thomani de li miera, de li centeneri e de le dexiene manda coraandando a tutti quelli che se sotto la obedientia de Mogalbei, a tutti li baroni et rectori de citade et a tutti etiamdio li comercleri et a tutti li mesadegi, che ua et che uien in tutti li seruisij e luoghi, che li ua ouer la che li andasse, et a sa zente et a tutti uniuersalmentre”⁴⁷. Перевод В.П. Григорьева: «К народу монголов, к баронам тюменов, тысяч, сотен и десятков возвещающее повеление, и ко всем тем, которые повинуются Моголбею, ко всем баронам и правителям крепостей, и ко всем также сборщикам коммерция, и ко всем послам, которые идут и которые направляются во все службы и места, в которые их отправляют, или туда, где им положено быть, и к их людям, и ко всем вообще»⁴⁸.

⁴³ Diplomatarium Veneto-Levanticum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. A. 1300–1350 / Ed. by G.M. Thomas. Venetiis, 1880. Pars 1. P. 243–244, No. 125.

⁴⁴ Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб., 2002. С. 11.

⁴⁵ Diplomatarium Veneto-Levanticum. Pars 1. No. 135. P. 261–263.

⁴⁶ Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция... С. 45.

⁴⁷ Diplomatarium Veneto-Levanticum. Pars 1. No. 167. P. 311–313.

⁴⁸ Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция... С. 89.

Ярлык Бердибека 1358 г.: «La parola de Berdibech del pouolo deli Mogoli a signori de Chumani C X Baroni e tuti quelli che se sotomesi a Molgabei e ali signori dele citade e a tuti li offitali e tuti mesadegi ambaxadori che ua e che viem e ali comercleri e a quelli del pedazo e a tuti quelli che se offitali delo imperio e a tuto lo pouolo e a tuti quanti»⁴⁹. Перевод В.П. Григорьева: «Бердибека слово народа монголов к правителям тюменов, сотен, десятков баронам и всем тем, кто подчиняется Молгабею, и к правителям городов, и ко всем чиновникам, и всем послам-посланникам, которые странствуют и которые путешествуют, и к сборщикам коммерция, и к тем, кто собирает дорожную пошлину, и ко всем тем, кто является чиновниками империи, и ко всему народу, и ко всем в целом»⁵⁰.

Сохранилось два ярлыка ордынских правителей конца XIV в. — Тохтамыш 1392 г. и Тимур-Кутлуга 1398 г.

Ярлык Тохтамыша подлинный, написан на тюркском языке арабским письмом. Перевод адресата, выполненный Я.О. Ярцовым: «Тохтамыш. Слово мое. Начальнику Крымской области Кутлу-Буге, Билярамъ городничимъ, Судьямъ народным, Законоведцам, Настоятелямъ монастырей и братии ихъ, Писцамъ дивановъ, Сборщикамъ пошлинъ и помощникамъ ихъ, Заставщикамъ и Разсылщикамъ, всякимъ людямъ ремесленнымъ и всемъ»⁵¹. Перевод адресата, выполненный И. Березиным: «Тохтамышево слово. Крымской области начальникамъ, во главе коихъ Кутлу-Буга, Бекамъ, духовнымъ судьямъ, духовнымъ законоведцамъ, настоятелямъ, старцамъ, секретарямъ палатъ, таможникамъ, весовщикамъ, букауламъ, заставщикамъ, какимъ бы то ни было мастерамъ, всемъ»⁵².

Ярлык Тимур-Кутлуга дошел в виде копии; написан на тюркском языке уйгурским и арабским письмом. Перевод адресата, выполненный И. Березиным: «праваго крыла леваго крыла Угланамъ, Бекамъ темнымъ, во главе коихъ Эдеку, Тысячнымъ, Сотнымъ, Десятнымъ, внутреннимъ селениямъ, духовнымъ судьямъ, духовнымъ законоведцамъ, старцамъ, отшельникамъ, секретарямъ палатъ, таможникамъ, весовщикамъ, архитекторамъ, дорожникамъ, букауламъ, заставщикамъ, почтмейстерамъ, кормовщикамъ, сокольникамъ, барсникамъ, ладейщикамъ, мостовщикамъ, находящимся на базаре»⁵³. Перевод обращения, выполненный А.Н. Самойловичем: «праваго крыла (и)

леваго крыла уланам; тысяцкимъ, сотскимъ, десятскимъ бегамъ во главе съ темникомъ Едигеемъ; внутреннихъ селений даругамъ, казиямъ (и) муфтиямъ, шейхамъ (и) суфиямъ, писцамъ палатъ, таможенникамъ (и) сборщикамъ подати; мимохожимъ (и) мимоезжимъ посламъ (и) посланцам, дозорамъ (и) заставамъ, ямщикамъ (и) кормовщикамъ, сокольникамъ (и) барсникамъ, лодочникамъ (и) мостовщикамъ, базарному люду»⁵⁴.

Известно довольно много грамот XIII–XIV вв., относящихся к канцелярии империи Юань. В основном они сохранились в виде надписей на каменных стелах китайских монастырей. Из множества документов было отобрано 4 акта квадратного письма на монгольском языке и 14 актов китайского письма на китайском языке.

Адресаты грамот правителей Юань на монгольском языке, выполненных квадратным письмом:

Грамота Мангалы (сына императора Хубилая, правителя области Аньси в Китае) 1276 г.: «Грамота, обращаемая к военным командирам, войсковым людям, даругам городов и селений, нойонам и едущим и идущим посланцам»⁵⁵.

Ярлык Аюрбарибады (Буянту хана) 1314 г.: «Указ, обращаемый к военным командирам, войсковым людям, даругам городов, нойонам и едущим и идущим посланцам»⁵⁶.

Второй ярлык Аюрбарибады 1314 г.: «Указ, обращаемый к войсковым командирам, войсковым людям, даругам городов, нойонам, едущим и идущим посланцам»⁵⁷.

Грамота Да-цзы (супруги принца Дармабалы, матери императора Хайсана) 1321 г.: «Указ, обращаемый к военным командирам, войсковым людям, даругам городов, нойонам, старшинам каждого аймака, едущим и идущим посланцам и народу»⁵⁸.

У грамоты Мангалы и второго от 1314 г. ярлыка Аюрбарибады есть текст на китайском языке. В целом он совпадает с текстом на монгольском языке. Некоторую разницу можно объяснить особенностями перевода.

Грамота Мангалы: «офицерам, командующим войсками, также рядовым воинам, должностным лицам даругам областей и городов, правительственным гонцам, которые приходят и уходят, чтобы выполнить указы императора»⁵⁹.

Ярлык Аюрбарибады: «указ, адресованный офицерам армии, людям армии, должностным лицам

⁴⁹ *Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia*. A. 1351–1454 / Ed. by R. Predelli. Venetiis, 1899. Pars 2. P. 47–51. No. 24.

⁵⁰ Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция... С. 131.

⁵¹ Григорьев В. [Ярцов Я.О.]. Ярлыки Тохтамыша и Сеадеть-Герая. Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. 1844. С. 339.

⁵² Березин И. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадет-Гирея. Казань, 1851. С. 15.

⁵³ Там же. С. 10.

⁵⁴ Самойлович А.Н. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга // Известия Российской Академии наук. VI серия. 1918. № 11. С. 1122–1123.

⁵⁵ Понне Н.Н. Квадратная письменность. М.; Л., 1941. С. 61.

⁵⁶ Там же. С. 65.

⁵⁷ Там же. С. 69.

⁵⁸ Там же. С. 73.

⁵⁹ *Chavannes Ed. Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole // T'oung pao*. Ser. II. Leide, 1908. Vol. 9. P. 376.

даругам, управляющим городами, и правительственным гонцам, которые приходят и уходят»⁶⁰.

Отобранные грамоты на китайском языке принадлежат императорам Хубилаю, Тэмуру, Хайсану, Аюрбарибаде, Тогон-Тэмуру. 5 из них относятся к XIII в., 9 документов — к XIV в.

В актах на китайском языке, написанных китайским письмом, регулярно встречаются даруги городов и сел или даруги, управляющие городами (14 упоминаний), правительственные гонцы, которые приходят и уходят (11 упоминаний), офицеры, командующие армией или офицеры армии (11 упоминаний), люди армии (11 упоминаний). Кроме того, упомянуты «главы районов, городов и сел»⁶¹, «должностные лица, которые судят дела»⁶², «гражданские чиновники»⁶³. Встречаются такие специфичные должности, как «сюаньфуши» (уполномоченный по умиротворению)⁶⁴, «сюаньвэйши» (комиссар по умиротворению)⁶⁵, должностные лица «син-шаншуншэн» (филиал Верховного секретариата на местах)⁶⁶ и «син-юйшитай» (филиал Цензората, органа, осуществлявшего надзор за чиновничеством и судопроизводством, на местах)⁶⁷.

Среди документов ильханов-хулагуидов было отобрано всего два акта — ярлыки Абаги 1267 или 1279 г. и Абу Саида 1325 г. Эти грамоты сохранились в подлинном виде; написаны на монгольском языке уйгурским письмом. Ярлык Абу Саида также имеет текст на персидском языке, написанный арабским письмом.

Адресат ярлыка Абаги: «Наше, Абаги, слово. Самагару, наместникам и командующим городами, что в пути, инспекторам почтовых станций, страже, людям, обслуживающим почтовые станции, лодочникам»⁶⁸.

Адресат ярлыка Абу Саида: «Наше слово людям Ардебиля, наместникам (наибам), налоговым комиссарам (мутасариффам) и финансовым секретарям, местности Барур главе (раису) и сельским старостам (кедхудам) и многочисленным подданным (райатам) и людям»⁶⁹. В персидском тексте наименования чиновников совпадают⁷⁰.

⁶⁰ Ibid. P. 407.

⁶¹ Ibid. P. 386–388.

⁶² Ibid. P. 420.

⁶³ Ibid. P. 381.

⁶⁴ Ibidem.

⁶⁵ *Chavannes Ed.* Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole // T'oung pao. Ser. II. Leide, 1904. Vol. 5. P. 397, 439.

⁶⁶ Ibid. P. 439.

⁶⁷ Ibid. P. 439.

⁶⁸ *Mostaert A., Cleaves F.W.* Trois documents Mongols des Archives secretes vaticanes // HJAS. Vol. 15. № ¾ (Dec. 1952). P. 434.

⁶⁹ *Herrmann G., Doerfer G.* Ein persisch-mongolischer Erlass aus dem Jahr 725/1325. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 125. H. 2. Wiesbaden, 1975. S. 342.

⁷⁰ Ibid. P. 320.

В представленных документах монгольских правителей содержится большое число наименований должностных лиц. Разнообразие наименований монгольских чиновников позволяет проследить наличие в документах монгольских правителей должностей, зафиксированных в ярлыках русским митрополитам.

В грамотах монгольских правителей часто встречаются даруги и послы. В ярлыках ордынских ханов Тохтамыша и Тимур-Кутлуга отмечены писцы и заставщики. В обширном перечне должностных лиц ярлыка Тимур-Кутлуга зафиксированы лодейщики и сокольники. Барсники этого документа соответствуют пардусникам ярлыков, выданных русским митрополитам⁷¹, а «тысяцкие», «сотские» и «десятские» беги — «тысячным» князьям, сотникам и десятникам. Вероятно, «тысячные» князья, сотники и десятники — это бароны тысяч, сотен и десятков ярлыков, сохранившихся на итальянском языке, а «темные» князья — «бароны» и «правители» тюменов. Военные, т.е. «польчные», и «ратные» князья зафиксированы в ярлыках правителей Юань, обычные князья — в ярлыке Тохтамыша. Улусные князья в качестве правителей части государства могут соответствовать «правого и левого крыла угланам» ярлыка Тимур-Кутлуга. Термин «данщики» в ярлыках монгольских правителей не фигурирует. Однако в грамотах ордынских ханов есть разные обозначения чиновников, собирающих подати. Также в грамотах монгольских правителей не встречаются термины «побережник», «бураложник», «баскак».

Источники свидетельствуют о деятельности на территории Руси значительного числа монгольских чиновников. Однако внушительный перечень представителей ханской администрации не означает, что у исследователей есть сколько-нибудь исчерпывающая информация о деятельности монгольских должностных лиц. Данные источников немногочисленны и отрывочны. Особое значение для изучения монгольской административной системы имеют ярлыки, выданные ордынскими правителями русским митрополитам. Эти документы по сравнению с другими источниками русского происхождения содержат наибольшее количество наименований представителей монгольской власти. Некоторые термины, обозначающие монгольских должностных лиц, зафиксированы только в ярлыках. Комплексное изучение источников, содержащих сведения о монгольских чиновниках, позволит составить наиболее полное представление о системе монгольской власти над Русью.

⁷¹ *Пардус* — барс, леопард, гепард. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. М., 1988. С. 152.

Список литературы

- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М.: Наука, 1964. Т. 3. 688 с.
- Беляев И.Д. О монгольских чиновниках, упоминаемых в ханских ярлыках // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М.: Тип. А. Семена, 1850. Кн. 1. [Отделение I]. С. 97–110.
- Березин И.Н. Внутреннее устройство Золотой Орды. (По ханским ярлыкам). СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1850. 24 с.
- Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева // Труды Восточного отделения Императорского Археологического общества. СПб.: Тип. Академии наук, 1864. Ч. 8. С. 387–494.
- Березин И. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань: В тип. Университета, 1851. 56 с.
- Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
- Горский А.А. Русское средневековое общество: Историко-терминологический справочник. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. 410 с.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 479 с.
- Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2004. 276 с.
- Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2002. 273 с.
- Григорьев В., [Ярцов Я.О.]. Ярлыки Тохтамыша и Сеадеть-Герая // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса: Гор. тип., 1844. Т. 1. 29 с.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. Л.В. Черепнин. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1950. 585 с.
- Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
- Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в. Внешнеполитические договоры. М.: Древлехранилище, 2003. 368 с.
- Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. [Вып.] 1. М.: Российское университетское издательство, 1996. С. 5–57.
- Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства (историко-географическое исследование). Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). СПб.: Наука, 2006. 412 с.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 640 с.
- Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV–XV вв. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1955. 528 с.
- Поппе Н.Н. Квадратная письменность. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 167 с.
- Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 512 с.
- ПСРЛ. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1997. 733 с.
- ПСРЛ. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2001. 648 с.
- ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг.: Тип. Я. Башмаков и К°, 1915. 320 с.
- ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с.
- ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. 186 с.
- ПСРЛ. Т. 18. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. 316 с.
- Самойлович А.Н. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга // Известия Российской Академии наук. VI серия. 1918. № 11. С. 1109–1124.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. М.: Наука, 1988. 311 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М.: Наука, 1990. 295 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М.: Наука, 1997. 298 с.
- Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 140 с.
- Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского университета, 1979. 317 с.
- Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.
- Chavannes Ed. Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole // T'oung pao. Ser. II. Leide, 1904. Vol. 5.
- Chavannes Ed. Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole // T'oung pao. Ser. II. Leide, 1908. Vol. 9.
- Diplomatarium Veneto-Levanticum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. A. 1300-1350 / Ed. by G.M. Thomas. Venetiis, 1880. Pars 1.
- Diplomatarium Veneto-Levanticum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. A. 1351-1454 / Ed. by R. Predelli. Venetiis, 1899. Pars 2.
- Herrmann G., Doerfer G. Ein persisch-mongolischer Erlass aus dem Jahr 725/1325. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 125. H. 2. Wiesbaden, 1975.
- Mostaert A., Cleaves F.W. Trois documents Mongols des Archives secretes vaticanes // HJAS. Vol. 15. № ¾ (Dec. 1952).

С.А. Маслова

Монгольские чиновники по данным ярлыков XIII–XIV вв.

Ключевые слова: Монгольская администрация, чиновники, Золотая Орда, Чингизиды, ярлыки.

Аннотация: В статье рассмотрено употребление названий монгольских должностей, зафиксированных в кратком собрании ярлыков, выданных

русским митрополитам, в летописном и актовом материале русского происхождения, а также в ярлыках правителей-Чингизидов различных частей Монгольской империи. Хронологические рамки исследования ограничены временем составления краткого собрания ярлыков.

S.A. Maslova

Mongolian officials according to the data of yarliks of the 13th–14th centuries

Keywords: Mongol administration, officials, the Golden Horde, Chengizides, tabs.

Abstract: Use of Mongolian offices recorded in a short collection of yarliks given for Russian metropolitans and

contained in the Russian annals and acts as well as in yarliks of Chengizide rulers of various parts of the Mongol empire. Chronologically frame of study is confined with the time when the short collection was compiled.

Рисунки представителей Золотой Орды в древнерусских рукописях XI–XIV вв.

Целью этой работы является привлечение внимания специалистов к рисункам на полях древнерусских рукописей с изображением монгольских завоевателей. Эти более поздние зарисовки были сделаны неискусно в качестве забавы кого-то из читателей или владельцев и оказались в этих кодексах, по сути, случайно. Они не имеют непосредственного отношения к основному тексту и потому не принимаются во внимание исследователями, изучающими сам кодекс. Однако эти рисунки интересны тем, что, будучи отражением несомненно актуального для художника явления, они могут считаться, вероятно, древнейшими русскими изображениями представителей Золотой Орды. В них зафиксирован не только внешний облик монголов, вассальную зависимость от которых Русь признавала более двухсот лет, но и непосредственное отношение авторов к своим персонажам.

Первый рисунок выполнен на последнем листе так называемой Саввиной книги — болгарского богослужебного Евангелия (апракос) конца X — первой половины XI в., названного так по имени своего создателя — писца Саввы¹. Оно является одной из древнейших сохранившихся старославянских кириллических рукописей и уникальным свидетельством того явления, что принято называть «первым южнославянским влиянием», когда на Русь после ее Крещения стали в массовом количестве поступать инославянские рукописи. Это единственный из сохранившихся старославянских кодексов, который попал на Русь до середины XI в.² В процессе его

бытования на Руси к основной части были добавлены две тетради (л. 154–165) с текстом одиннадцати утренних Евангелий, утраченных или зачитанных и потому угасших и требовавших замены. Это древнерусское добавление датируется по-разному — XI веком³, концом XI — началом XII в.⁴ или XII веком⁵. Палеографический анализ позволил нам отнести его создание ко второй половине XI в. Со временем Саввина книга вышла из литургического использования и перешла в частные руки. Вероятно, самое позднее восполнение утраты текста в ее начале, сделанное во конце XIII — начале XIV в.⁶, относится уже ко времени бытования рукописи вне литургической среды. Оно было сделано на вторично использованном пергамене (палимпсесте) непрофессиональным писцом — носителем псковского диалекта и обладателем бытовой системы письма. С этой средой можно связывать и появление изображения монгола на чистом фрагменте пергаменного листа этого кодекса.

На л. 165 под окончанием последнего Евангельского чтения находится гротескный чернильный

конференции в честь 75-летия д.и.н., чл.-корр. Афинской академии Б.Л. Фонкича. М., 2013. С. 333–340.

³ Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. № XXV. Отрывок из русского списка Евангельских чтений XI века // Сборник ОРЯС. СПб., 1867. Т. 1. Вып. 3. С. 44–57; Каринский Н.М. Перечень важнейших неточностей последнего издания Саввиной книги // Известия ОРЯС. СПб., 1914. С. 206–216; Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. М., 1969. № 23. С. 56.

⁴ Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII в. / Изд. подгот. О.А. Князевская, Л.А. Коробенко, Е.П. Дограмаджиева. Ч. 1. М., 1999. С. 35.

⁵ Щепкин В.Н. Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб., 1899. С. 3–7; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 30–33.

⁶ Саввина книга... С. 38–39.

¹ РГАДА. Ф. 381. № 14.

² Уханова Е.В. Саввина книга: отношение древнерусского писца к южнославянскому оригиналу // Палеография, кодикология, дипломатика: Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов: Материалы Международной научной

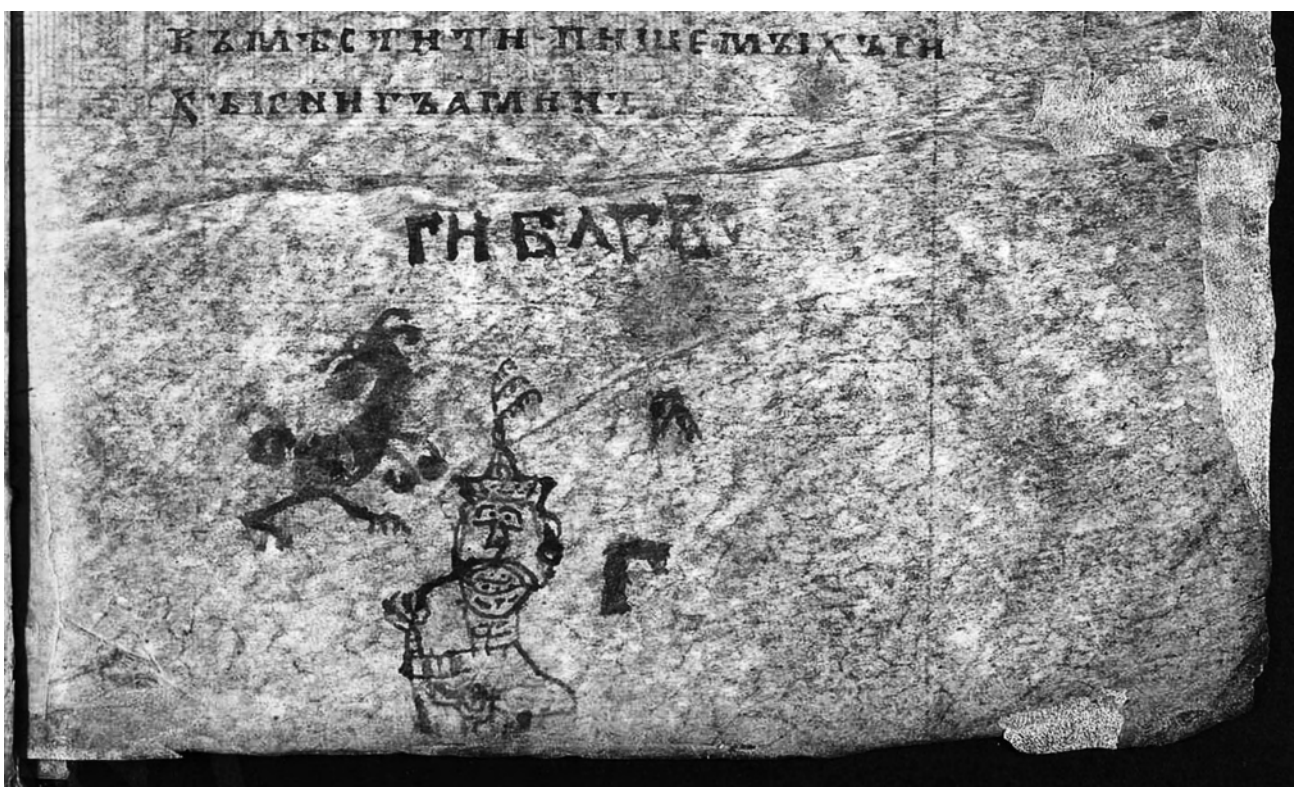

Рис. 1. Евангелие апракос (Саввина книга). Конец X — XI в. (РГАДА. Ф. 381. № 14). Л. 165.

контурный рисунок пером представителя Золотой Орды, выполненный непрофессиональным художником (рис. 1). Он сделал акцент на голове и выражении лица «портретируемого», которого нарисовал сидящим боком с вытянутыми вперед ногами и повернутым к зрителю лицом и торсом. Изображение ног и туловища расположено на самом нижнем краю листа, у обреза. Места на них художнику явно не хватало, поэтому он представил их схематично в уменьшенном масштабе. Позднее нижний край рисунка был смазан или частично стерт так, что его контур читается неотчетливо. Тем не менее все еще различимы вытянутые вперед короткие ноги с поднятыми вверх узкими носками сапог. Верхняя одежда изображена условно и тоже местами полустерта, поэтому нельзя определить длину надетого на монгола халата или кафтана. Возможно, она была не ниже середины голени, поскольку на рисунке отчетливо видны сапоги. Хорошо просматриваются только украшенный восточным орнаментом высокий воротник-стойка и узкие рукава с горизонтальными полосками. По центру халата изображена вертикальная полоса, смещенная влево. Что хотел изобразить неопытный художник — орнаментальную кайму по борту полы или запяч на левую сторону, отличающую тюркскую традицию ношения халата, сказать сложно.

На голове у человечка — монгольская шапка, состоящая из невысокой остроконечной тульи и поднятых широких полей-отворотов, расширяющихся кверху. По центру полей нанесены точки и непонятный нам контур, при помощи которого художник, вероятно, пытался передать какие-то конструктивные особенности или узор. Тулья украшена перекрестием, возможно обозначавшим составляющие ее сегменты. Навершие шапки венчает шарик с исходящими из него вверх волнистыми линиями, напоминающими пружинки. Этот шарик может быть соотнесен с металлическими навершиями головных уборов, которые встречаются на хулагуидской и тимуридской миниатюре, а также среди археологических находок на территории Золотой Орды. Они могли использоваться как самостоятельное украшение или быть держателями перьев или крашеного конского волоса на головных уборах знатных персон⁷. Похожий на рассматриваемый нами головной убор, только без перьев сверху, можно найти на опубликованном Н.В. Хрипуновым фрагменте персидской миниатюры из Шахнаме 1290-х гг. с изображением придворной охоты⁸. У монголов XIX–XX вв.

⁷ Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2002. С. 31–32; Хрипунов Н.В. Монгольская одежда знати Золотой Орды в 1266–1312 гг. // Золотоордынское наследие. 2013. Вып. 6. С. 257–258.

⁸ Хрипунов Н.В. Монгольская одежда... Табл. 11е.

разновидности такой шапки объединены названием «малгай»⁹. Волос на голове не видно: они либо убраны под шапку, либо сбиты. В левом ухе нарисована кольцевидная серьга, являвшаяся у монголов социальным знаком, символом мужчины-воина¹⁰. Правой рукой человек подносит ко рту длинную трубку. В левой руке, согнутой и отведенной в сторону, он держит небольшой округлый предмет, которым может быть камень для разжигания этой трубки. Черты лица изображены комично: яйцеобразная форма головы, большие щеки, сведенные у переносицы довольно большие глаза с опущенными уголками, широкий трапециевидный нос, длинные тонкие усы и, кажется, улыбающиеся губы. Не очень понятно, что имел в виду художник, изображая подбородок в виде отдельного полукруга, покрытого точками. Полагаем, что ряд деталей одежды позволяет уверенно отождествить изображенного со знатным монгольским воином. Художник, которым мог быть подросток, выделил на рисунке самые яркие и необычные для него черты представителя Золотой Орды: своеобразную шапку, кольцеобразную серьгу в ухе, тонкие длинные усы, курительную трубку, сапоги с острыми мысами, воротник-стойку с восточным орнаментом. Автор изобразил монгола в момент его отдыха комично и довольно добродушно.

Рядом, чуть левее и выше, чернилами того же оттенка, но в другой манере и более уверенной рукой выполнен еще один рисунок, вероятно, в то же время, но другим художником. Это изящная фигурка небольшого фантастического существа с телом и ногами петуха, но с небольшими раздвоенными копытами на поднятых верхних конечностях и закрученным спирально «свинным» хвостом. Профиль его головы, повернутой назад, напоминает голову собаки или лисицы. С большой степенью вероятности эту фигурку можно трактовать как изображение беса. Рядом находится сделанная чернилами того же цвета неоконченная молитвенная помета «ГҢ БЛҢВО», что означает, вероятнее всего: «Господи, благоволи». Буквы написаны неуверенной рукой, что позволяет отнести их к авторству первого «художника»-непрофессионала, нарисовавшего монгола. Еще две пробы того же ученического пера — буквы «а» и «г» — расположены друг под другом справа от рисунка человека и в зависимости от него. Это еще раз оправдывает наше предположение об общности происхождения букв и рисунков. Эта группа

⁹ Кочешков Н.В. Головные уборы монголов XIX — начала XX в. (По материалам музеев МНР и частного собрания У. Ядамсурэна) // Советская этнография. 1973. № 3. С. 134–141.

¹⁰ Иванов В.А. Убранство костюма кочевников Золотой Орды // Самарский край в истории России. Самара, 2001. С. 203; Каримова Р.Р. Серьги кочевников Золотой Орды: Типология и социокультурная интерпретация // Уфимский археологический вестник. 2012. № 12. С. 147.

изображений появилась в конце рукописи позднее ее создания. Их датировка может быть определена с учетом нескольких обстоятельств.

Заключительная часть Саввиной книги с рисунками и ученической пометой является вставной, восполняющей утраты оригинального болгарского текста, и датируется второй половиной XI в. Соответственно, рисунки и буквы при них появились позднее, не ранее XII в. Эмоциональное, добродушное отношение к монголу самого художника и не менее эмоциональное отрицательное отношение к нему создателя рисунка беса, с которым тот его отождествлял, свидетельствуют о том, что тема монголо-русских контактов была для авторов актуальной, т.е. рисунки появились с середины XIII в. до второй половины XV в. К концу XIII — началу XIV в. рукопись уже, вероятно, находилась в руках частных владельцев, что явилось сопутствующим условием появления рисунков монгола и беса, а также ученического упражнения в правописании при них. Палеографический анализ изображенных букв не дает твердой уверенности в их датировке. Эти девять букв можно рассматривать как ученические пробы пера. Они представляют ранний вариант устава. Квадратные пропорции букв, отсутствие сигнальной линии в их графике, занимающие лишь половину высоты буквы верхние и нижние петли, переключатель у буквы «и» в середине графемы, отсутствие поздних элементов — все это признаки древнерусского старшего устава XI–XIII вв. Необходимо учитывать тот факт, что автор этой ученической пробы пера наверняка пытался подражать графике основного текста XI в., однако делал он это очень последовательно. Полагаем, что системные особенности — широкий межбуквенный интервал и пропорции самих графем — вряд ли могли быть удержаны непрофессиональным подражателем, если бы полученные до этого знания и навыки серьезно отличались. Исходя из комплекса имеющихся данных, полагаем, что вторая половина XIII — XIV в. наиболее вероятный временной отрезок для создания рассматриваемой нами группы изображений. Это делает описанный выше рисунок монгола, вероятно, древнейшим изображением представителей Золотой Орды, выполненным на Руси.

Еще два рисунка, на которые нам хотелось бы обратить внимание, находятся в выдающемся иллюминированном Троицком списке «Хроники Георгия Амартола» первой половины XIV в. (ближе к ее концу)¹¹. Это древнейший из трех иллюминированных древнерусских списков хронографических произведений, которое излагает события

¹¹ РГБ. Ф. 173/1. № 100. Обзор мнений о времени происхождения памятника: Анисимова Т.В. Троицкий список Хроники Георгия Амартола (приписки на миниатюрах и на полях рукописи) // Древнерусское искусство. Искусство рукописной книги: Византия. Древняя Русь. М., 2004. С. 290–291.

Рис. 2. Хроника Георгия Амартола. Первая половина XIV в. (РГБ. Ф. 173/1. № 100). Л. 160об.

(Изображение взято из статьи Т.В. Анисимовой «Троицкий список Хроники Георгия Амартола...»).

из истории Древнего мира, обильно иллюстрируя повествование миниатюрами. На чистом обороте л. 160, разделяющего две части рукописи и потому не заполненного текстом основного произведения, находится группа более поздних перьевых контурных рисунков с изображениями княжеского пира и отдельных фигур людей, в том числе детей (рис. 2). Эти изображения были опубликованы и частично проанализированы Т.В. Анисимовой. Она рассматривала их появление в контексте бытования этого кодекса какое-то время в частном владении, возможно в княжеской среде. Исследовательница вскользь обозначает на этом листе две группы рисунков: выполненную взрослой рукой и детскую. К первой она относит изображение пира, ко второй — немелкое подражание этому рисунку и «авторизированный двойной портрет» княжеских детей. Ее основное внимание обращено к последнему рисунку, который автор определяет как «изображение княжеских детей приблизительно десяти- и трехлетнего возраста, подражающих застолью: старший княжич протягивает младшему чарку и два перышка лука...»¹². К сожалению, не все изображения на этом листе попали в зону внимания исследовательницы. Нас же заинтересовал прежде всего не отмеченный ею самый крупный центральный рисунок, представляющий собой стоящую фронтально мужскую

¹² Анисимова Т.В. Троицкий список Хроники Георгия Амартола... С. 307, 309.

фигуру с упертыми в бока руками¹³. Головной убор, тонкие длинные усы, прическа и своеобразная одежда не оставляют сомнения в том, что перед нами монгол. Несмотря на небрежность рисунка, по уверенности линий, грамотным пропорциям и умелому изображению ряда деталей (например, кисти левой руки) его все же можно отнести к работе профессионального художника. Это дает основание со вниманием отнестись к представленным здесь деталям костюма золотоордынца, тем более что его изображения крайне редки.

Насколько можно судить по схематичному рисунку, одяние монгола состоит из головного убора и распашной плечевой верхней одежды — длинного двубортного халата приталенного силуэта, перевязанного ниже талии поясом без украшений¹⁴ (рис. 3). Изображение ног и обуви отсутствует, вероятно, отчасти потому, что ноги монгола широко расставлены и скрыты от зрителя полами длинного халата. От пояса до нижнего края халата расходятся несколько прямых линий, обозначающих, вероятно, фалды или складки. Такую трактовку подтверждают соответствующие им неровности рисунка нижнего края подола. Гораздо более загадочным представляется конструкция его верха.

Традиционная плечевая распашная одежда народов евразийских степей имела два варианта застежки халата (кафтана) с широкими полами — с запахом направо (левая пола сверху) или налево (правая пола сверху). Для этого при крое предусматривалась специальная квадратная створка. Первый способ заха отличал китайскую традицию и подражание ей, второй — тюркскую¹⁵. В представленном на нашем рисунке халате створка отсутствует и застежка располагается строго посередине. Застежка встык на распашной одежде монголов Золотой Орды XIII–XIV вв. почти не встречается на известных изображениях и в вещах, найденных при раскопках. Кроме того, на обоих бортах халата изображены детали, напоминающие необычно большие треугольные лацканы, закрывающие всю ширину плеч наверху и сходящие на нет к поясу. Поверх них, возможно, лежит отложной круглый воротник (или большими

¹³ Приносим свою благодарность н.с. ОР ГИМ Е.Е. Ивановой, обратившей на него наше внимание.

¹⁴ «Халат (*хал'ат* — араб.) — верхняя распашная мужская и женская одежда. По покрою халат обычно длинный, широкий, с длинными рукавами. Используется он, как правило, с поясом и не имеет поперечного центрального шва (т.е. является цельнокроеным). Халат, в отличие от кафтана, может выступать в качестве как нижней, так и верхней одежды. В последнем случае он стеганный и утепленный» (Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. С. 33).

¹⁵ Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Об облике древних тюрок // Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н. Кононова. М., 1966. С. 177–187; Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая... С. 43–44.

полукругами на «лацканах» у ворота художник изобразил какие-то их конструктивные особенности). Лацканы являлись особенностью тюркской традиционной одежды, однако такие широкие, закрывающие все плечи вверху и напоминающие кокетку, вызывают вопросы в атрибуции. Еще одна необычная деталь на рисунке — перечеркнутая зигзагами в области лифа длинная полоса, идущая посередине между бортами по всей длине халата. Отделка орнаментальной каймой края одной верхней полы со створкой часто встречающаяся деталь в средневековых изображениях и реальных артефактах, однако в нашем случае непонятно, к какому из бортов могла относиться эта кайма. Также небесспорна трактовка изображенных рукавов. Очевидно, что они узкие, с манжетами. Нанесенная на них диагональная штриховка, обозначающая рисунок на ткани, кажется, отличает их от остального однотонного халата. Такая же штриховка как будто бы выглядывает из-под неглубокого овального выреза ворота (возможно, впрочем, что непонятные полоски слева — результат ошибки или небрежности художника). На верхнем крае рукавов, отходящем от линии лацканов, изображена горизонтальная орнаментальная полоса, которая могла обозначать их начало. Это означало бы, что этот одноцветный халат мог быть безрукавным и украшенные штриховкой рукава принадлежат нижней одежде. Впрочем, они могли быть и частью самого халата, поскольку полустертые на нашем рисунке линии по обеим сторонам «лацканов» можно трактовать как орнаментальный узор нагрудной вышивки или аппликации. В этом случае халат мог быть декорирован как на рукавах, так и на груди.

Поиски нами аналогий двубортному приталенному длиннополному халату (с рукавами или без) с симметричной застежкой привели нас к неожиданному результату. Вероятнее всего, данную одежду можно трактовать как шубу или теплый халат («шубный халат») с меховой опушкой по краю бортов (или одного из них), утепляющей стык двух половин. Полагаем, что зигзагообразная линия на лифе до пояса обозначает соединительную шнуровку или часто расположенные застежки, перекрывающие меховую опушку. Это может объяснить, почему таких зигзагов на рисунке нет ниже пояса, хотя обозначающая опушку полоса доходит до нижнего края. Вероятно, такой халат ради сохранения тепла не предполагал разрезов по бокам, и единственным удобным вариантом для наездника был разрез спереди, обеспечивающийся отсутствием застежек на халате ниже пояса.

Необходимо отметить, что современные представления об одежде монголов времени Золотой Орды, на наш взгляд, все еще довольно размыты. Непосредственных ее изображений в золотоордынских памятниках практически нет, и реконструкция костюма происходит на основании письменных

Рис. 3. Хроника Георгия Амартола.
Первая половина XIV в. (РГБ. Ф. 173/1. № 100).
Л. 160об., фрагмент.

Рисунок золотоордынского воина.
(Изображение взято из статьи Т.В. Анисимовой
“Троицкий список Хроники Георгия Амартола...”).

свидетельств современников, фрагментов отдельных экземпляров одежды из погребений чаще всего плохой сохранности, а также многочисленных изображений и аналогий в основном китайского происхождения (китайской станковой и настенной живописи, гравюры, погребальной пластики, персидской миниатюры и др.)¹⁶. Многие из них недостаточно ре-

¹⁶ Горелик М.В. Монгольский костюм и оружие в XIII–XIV вв.: традиции имперской культуры // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения. Казань, 2011. С. 450–451.

презентативны, поскольку содержат информацию преимущественно о представителях знати, также не учитывают местных особенностей одежды многочисленных этнических групп, вошедших в состав Золотой Орды. Вследствие этого облик реконструируемой одежды как у одного автора, так и у разных исследователей может отличаться заметным разнообразием.

В отечественной историографии длительное время господствовало мнение, что население Золотой Орды, состоявшее из половцев-кыпчаков, а также и других местных народов, не просто сохраняло свою этническую принадлежность и материальную культуру, но и создало (вместе с пригнанными уйгурами, хорезмийцами, русскими, китайцами и т.д.) «эkleктичную» культуру Золотой Орды. В последнее время эта концепция признана несостоятельной. Ей на смену широко распространилась идея господства «имперской культуры» — полного вытеснения в Улусе Джучи старых традиций унифицированной чингизидской имперской репрезентативной культурой¹⁷. В частности, это проецируется на изменение покроя традиционной одежды, где стал доминировать «имперский стиль». Этот процесс начался не ранее конца XIII в.¹⁸, а уже в первой половине XIV в. одежда и прическа этого единого стиля входили в тот набор репрезентативных признаков социально высоких слоев монгольской администрации, которые воспроизводились от Маньчжурии до Молдавии¹⁹. Рассматриваемый нами халат на рисунке в древнерусской рукописи не вписывается в выделенные М.В. Гореликом в мужском костюме этой культуры три вида халатов, имеющих присущую китайской традиции прямой силуэт, длину до середины голени и чаще всего правый запя́х. Тем не менее наш рисунок может иметь некоторые соответствия с выделенным автором зимним вариантом второго вида халата прямого силуэта — кафтана, который имел вертикальный осевой разрез на груди, чаще короткие рукава (реже — длинные, сужающиеся книзу), квадратный

или 8-угольный вырез у ворота и широкий отложной меховой воротник или пелерину²⁰. Этот тип одежды можно видеть и на деревянной статуэтке времени династии Юань с изображением сидящего человека в распахнутом ниже пояса безрукавном длиннополом халате с заниженной талией, симметричными полами и застежкой, оформленной вертикальной орнаментальной полосой²¹.

Репертуар фасонов мужской верхней одежды в Золотой Орде в XIV в., скорее всего, был намного разнообразнее выявленных М.В. Гореликом трех видов, и это разнообразие было обусловлено, как мы упоминали выше, сохранением в той или иной степени национальных традиций полиэтничного населения, городской или кочевнической средой, назначением одежды, социальным статусом и профессией ее владельца, а также неполнотой информации, проистекающей из недостаточной сохранности наших источников. Ряд положений концепции повсеместного распространения «имперской культуры» в Золотой Орде встретил справедливую критику. Так, В.А. Иванов убедительно показал, что это явление не было всеобъемлющим: оно наблюдается лишь в городской элитарной среде и не встречается у кочевников Степи²². Период «имперского стиля» в одежде не был слишком долгим в Золотой Орде. Ему на смену в городах пришла новая мода в одежде, связанная с исламизацией Улуса Джучи и ослаблением центральной власти²³. Целенаправленное насаждение норм ислама начинается в правление хана Джанибека (1342–1357 гг.). «Теперь всем ордынцам, занимавшим сколько-нибудь видное положение, предписывалось носить чалмы и ферязи»²⁴, — сообщает персидские авторы. «В этот период в моду входит общемуусульманская одежда, а также все большую силу набирают местные традиции. Все чаще на миниатюрах, относящихся к этому периоду, мы видим длинные халаты с разрезом посередине. Как правило, такие

¹⁷ Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С. 33–44; Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III — середина XVI в.). Казань, 2007; Крамаровский М.Г. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. Казань, 2009. С. 567–589; Горелик М.В. Монголы и подвластные народы в Золотой Орде (этносоциальная самоидентификация и ее внешнее выражение) // Золотоордынское наследие. 2011. Вып. 2. С. 77–90.

¹⁸ Хрипунов Н.В. Монгольская одежда знати Золотой Орды в 1266–1312 гг. // Золотоордынское наследие. 2013. Вып. 6. С. 239.

¹⁹ Горелик М.В. Монгольский костюм и оружие в XIII–XIV вв.: традиции имперской культуры // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения. Казань, 2011. С. 460, 461.

²⁰ Горелик М.В. Монгольский костюм и оружие в XIII–XIV вв. ... С. 456, 461–462, табл. III, 27–28, IV, 6–7, II, 2–3. В последних работах типология халатов Золотой Орды существенно расширилась. К встречающимся там предметам мужского гардероба была отнесена, например, одежда с откидывающимися рукавами (Хрипунов Н.В. Одежда с откидывающимися рукавами в Золотой Орде // Золотоордынское наследие. 2016. Вып. 9. С. 84–95).

²¹ Хрипунов Н.В. Монгольская одежда знати Золотой Орды в 1266–1312 гг. // Золотоордынское наследие. 2013. Вып. 6. Табл. 6.

²² Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды: история, культура, религия. Уфа, 2015. С. 77–127.

²³ Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде (историко-археологическое исследование). Астрахань, 2007. С. 35–52; Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). Астрахань, 2009.

²⁴ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений. М.; Л., 1941. С. 264.

одежды застегивается на пуговицы. Или не имеют застежек вообще»²⁵. К XV в., согласно наблюдениям В.В. Хабарова, вероятно, происходит полный отказ от одежды дальневосточного направления, особенно заметный после разгрома Золотой Орды войсками Тимура. Таким образом, тенденция к возвращению к местному традиционному костюму, наблюдаемая со второй половины XIV в., диктует необходимость выяснения его особенностей. К тому же нет никаких данных о том, прерывались ли эти традиции в одежде воинов или путевых одеяниях представителей Золотой Орды в земли данников, один из которых изображен на нашем рисунке.

Основное население Золотой Орды составляли тюрки. Если обратиться к особенностям самой распространенной традиционной тюркской плечевой мужской верхней одежды — кафтана (отличающегося от халата меньшей длиной и отрезным кроем), то обычно исследователи выделяют два его типа, сложившихся во второй половине I тыс. н.э. Первый — распашной, двубортный, приталенный, с длинными узкими рукавами и большими треугольными отворотами-лацканами. Вторым вариантом покроя отличается оформлением ворота — вырезом на груди, отсутствием отворотов и воротника. Еще одна разновидность верхней плечевой одежды — утепленный кафтан или шуба с меховым воротником. Изображения ее единичны, однако остатки ее найдены в ряде погребений²⁶. Другие исследователи к тюркским традициям относят также приталенно-расклеванный силуэт, левый запах кафтана (халата) или застежку встык, стоячий воротник, головные уборы с коническим навершием, длину до пола и некоторые другие²⁷. Третьи отмечают, что изобразительные источники демонстрируют «большое разнообразие облика наплечной одежды-кафтана (длины, оформления ворота, манеры ношения и декора), характерной для знати (не высшего ранга) раннетюркского общества.... Так, кафтан может быть коротким, выше колен или дониза таза, до колен, ниже колен, до щиколоток и до пят. Очень разнообразна манера его ношения: застегивание наглухо (ранние образцы); застегивание в самом низу, ношение внакидку, неглубокое запахивание налево с помощью завязок, одна пола лишь вплотную доходит до другой, скрепляясь поясом и, вероятно, завязками. В ранних сценах застегивание наглухо применялось, видимо, в особо торжественных ситуациях,

в остальных кафтан расстегивали вверху»²⁸. У нас нет уверенности, что атрибуции тюрков на всех рассмотренных последним автором разнообразных древних изображениях являются верными. К тому же часть описанных им вариантов покроя может относиться к узколокальным особенностям. Поэтому мы все же будем считать принятые в историографии детали — приталенно-расклеванный силуэт, застежку встык, большие лацканы, длину до щиколоток или до пят — традиционными тюркскими элементами верхней распашной одежды. Все они присутствует и на нашем рисунке.

Особенно хотелось бы остановиться на редкой детали кроя нашего халата — длинных и очень широких вверху «лацканах», закрывающих все плечи до внешнего края и сходящих на нет к поясу в виде длинных треугольников. В общих чертах схожие изображения лацканов мы можем найти на древнетюркских изваяниях²⁹. Однако, возможно, эту деталь одежды нужно трактовать иначе. Чрезвычайно похожий элемент встречается на парадном Катандинском халате на меховой подкладке (или шубе) IV–III вв. до н. э.³⁰, из погребения знатного кочевника пазырыкской культуры Алтая³¹. Принадлежность носителей этой культуры к тюркам не доказана³², однако отдельные особенности традиционной одежды кочевников евразийских степей могли, вероятно, быть общими и сохраняться столетиями. Широкие кожаные «лацканы» являются декоративным оформлением краев бортов Катандинского халата, носившегося внакидку. Каждый из «лацканов» представляет собой нашитую на край борта кожаную полосу, прямую в нижней половине поль, которая, не доходя до пояса, начинает расширяться кверху и у выреза горловины увеличивается на всю ширину плеча, как на рисунке из нашей рукописи. Она крепится в плечевом шве, горловина сзади оформляется почти невидимым (около 1 см) воротником-стойкой. Примыкающая верхняя задняя часть халата представляет собой кожаную кокетку³³.

²⁸ Яценко С.А. Древние тюрки: мужской костюм в китайском искусстве второй пол. VI — первой пол. VIII в. (образы Иных) // *Transoxiana (Internet-journal)*. 2009. Número 14. Buenos Aires (www.transoxiana.org/14/yatsenko_turk_costume_chinese_art-rus.html).

²⁹ Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая... С. 34–35, рис. 5: 1, 4, 5, 7, 16, 17, 26; рис. 6: 1, 5.

³⁰ ГИМ 54746. Оп. Б 1803.

³¹ Фирсов К.Б., Демиденко Ю.В., Лантратова О.Б. Уникальные одежды из Большого Катандинского кургана на Алтае: проблемы сохранения археологических памятников из собрания ГИМ // *Труды II (XVIII) археологического съезда в Суздале*. М., 2008. Т. 2. С. 90–95 (https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/arheologicheskie%20syezdi/ii/VAS_2008_2.pdf).

³² Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006. С. 86.

³³ Мы приносим свою благодарность реставратору Катандинского халата А. Мамоновой (Реставрационные мастерские ГИМ) за консультацию по особенностям его кроя.

²⁵ Хабаров В. К вопросу о костюме жителей городов Золотой Орды // Кондурча: реконструкция элементов культуры эпохи Золотой Орды. Самара, 2003. С. 21–27.

²⁶ Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая... С. 33, 43–44, 46.

²⁷ Вайнштейн С.И. Вопросы генезиса одежды // *Мир кочевников центра Азии*. М., 1991. С. 185–207; Доде З.В. Костюм населения Северного Кавказа VII–XVII веков (Реконструкция этносоциальной истории): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008. С. 28.

Такой крой может не отражать всех особенностей конструкции рассматриваемого нами халата на рисунке из рукописи, однако этот уникальный реально сохранившийся археологический артефакт дает нам новое направление в трактовке наших более поздних «лацканов». Они могли быть декоративными деталями, хорошо сочетающимися с узорами по бокам от них на груди. Поверх них мог крепиться отложной воротник, неявно, но все-таки присутствующий на рисунке. Не исключено, что считающиеся сегодня лацканами детали одежды, изображенные на каменных изваяниях степей и настенных росписях, можно в ряде случаев также трактовать как декоративное оформление, а не конструктивную особенность верхней плечевой одежды.

Предпринятый нами экскурс в эволюцию золотоордынских халатов показывает, что изображенный на рисунке древнерусской рукописи первой половины XIV в. монгольский халат в целом соответствует традиционной тюркской одежде и мало соотносится с «имперским стилем». Отсутствие следов последнего, впрочем, не может быть датирующим признаком, поскольку, как мы указывали выше, у нас нет достаточно репрезентативной источниковой базы для определения, оказал ли «имперский стиль» серьезное влияние в Золотой Орде на воинскую или путевую одежду. Скорее, датировка рисунка может отсчитываться от времени создания самой рукописи в первой половине XIV в. Рисунок монгола появился позднее, но был сделан, несомненно, на основе полученных непосредственных наблюдений, судя по точности и характерности деталей, а также по эмоциональному отношению художника к изображаемому (об этом ниже). Потому его появление логично отнести к периоду от середины XIV до середины XV в. Более ранняя датировка, на наш взгляд, предпочтительнее потому, что начавшаяся исламизация культуры Золотой Орды могла внести коррективы в традиционную одежду. К тому же появившиеся на других листах рукописи дополнительные более поздние миниатюры, пометы на полях и детские рисунки, расположенные в том числе и на рассматриваемом нами л. 160об., датируются большинством исследователей концом XIV — началом XV в.³⁴ или, реже, серединой XIV в.³⁵ Велика вероятность, что возможность использовать рукопись для добавления комментариев на полях и дополнительных рисунков была связана с каким-то определенным моментом в ее бытовании.

³⁴ Анисимова Т.В. Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв. М., 2009. С. 61; Попов Г.В. Заметки о тверской рукописи Хроники Георгия Амартола (позднейшие доделки и вопросы реконструкции первоначального облика кодекса) // Византийский временник. Т. 39. М., 1978. С. 125–131.

³⁵ Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М., 1980. С. 49.

Вернемся к другим деталям нашего изображения. Рисунок головы золотоордынца имеет немало характерных деталей: узкий разрез глаз (в одном случае — в виде горизонтального штриха с точкой-зрачком), тонкие длинные черные усы, кольцевидная серьга в правом ухе, прямые волосы до плеч, закручивающиеся на концах вверх. В нижней части лица от усов по обеим сторонам нарисованы доходящие до выреза ворота вертикальные линии, которые, к сожалению, не дают убедительной картины изображаемого. Их можно трактовать как разделенную надвое бороду³⁶. Однако справа эти линии находятся далеко от щеки — на линии уха и завивающихся волос, что вызывает сомнение в их атрибуции. Головной убор — округлая несколько возвышающаяся над головой шапочка с околышем — неширокой лентой или опушкой по краю. Из-под нее на лоб выбивается прядь волос. По центру, вероятно, поверх сшивки двух половин от затылка до лба — вертикальная широкая полоса со штрихами по обеим сторонам, возможно обозначающими какое-то украшение. Делать определенный вывод о конструкции шапки сложно, поскольку сзади и с боков могли быть какие-то дополнительные элементы (завязанные назад наушники, назатыльник), которые не видны на рисунке. К тому же анализ средневековых китайских миниатюр и сообщений путешественников, послов и купцов, посещавших Золотую Орду в XIII–XIV вв., приводит исследователей к выводу, что там могли носить самые различные шапки, изготовленные из ткани, тонкой кожи и меха. К сожалению, в реальных мужских захоронениях, принадлежащих золотоордынскому времени, головные уборы практически не встречаются³⁷.

Впрочем, одна из самых удивительных особенностей в этом рисунке — высунутый язык монгола. Вероятно, шесть столетий назад такая гримаса обозначала то же, что и сейчас, — ордынец дразнит зрителя. Эта комичная черта связана еще с одной неожиданной деталью на рисунке — крупной трезубой вилкой в левой руке. Нет сомнений, что она предназначена для еды. В верхней части этого листа непосредственно над нашим монголом находится чернильный перьевой набросок небольшой миниатюры с изображением княжеского пира — накрытого стола с чашами и угощением, вокруг которого расположены пять пирующих. Несомненно, это изображение пира и наш рисунок тематически связаны. Необходимо отметить, что вилка — изобретение китайцев, появившееся в бронзовом веке, но уже в конце I тыс. до н.э.,

³⁶ Ношение бороды означало высокий статус их владельцев (Яценко С.А. Древние тюрки...).

³⁷ Мыськов Е.П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // Российская археология. 1995. № 2. С. 36, 42.

по свидетельству всех источников, замененная палочками³⁸. В Древнем Египте и Римской империи она также была известна как кухонный прибор, использовавшийся для приготовления и раздачи пищи. В Византии вилка становится уже индивидуальным столовым прибором на пирах знати. В IX в. и в Персии она начинает использоваться представителями элиты, а уже в X в. столовая вилка распространяется на всем Ближнем Востоке³⁹. В XI в. она из Византии попадает в Италию, в XIV в. распространяется в Европе. Более того, известны эти приборы и в Новгороде: один экземпляр двузубой вилки, датируемый XIV веком, был найден археологами в 2015 г. на Нутном раскопе в усадьбе знатного горожанина⁴⁰. В фондах Рязанского историко-культурного музея-заповедника также хранится двузубая вилка XI–XIII вв.⁴¹ Появление этих приборов на Руси могло быть свидетельством влияния как Византии, так и стран Ганзейского союза, что требует отдельного исследования. Выяснение, когда и откуда вилка пришла на стол золотоордынской знати (простые воины-кочевники, несомненно, знакомы с ней в быту не были), в нашу компетенцию также не входит. Однако подтверждением знакомства с этим прибором в Золотой Орде XIII–XIV вв. являются найденные реальные артефакты. Нам удалось обнаружить в коллекции Чистопольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника Республики Татарстан крупную вилку с широким основанием и тремя зубцами, чрезвычайно похожую на изображенную в нашей рукописи. Она происходит из археологических находок 2016 г. раскопа III Староромашкинского городища Чистопольского района Республики Татарстан и датируется X–XIV веками⁴².

Таким образом, даже самым необычным деталям на рассматриваемом нами рисунке находятся реальные подтверждения. Изображение монгола демонстрирует, несомненно, шуточное и дружелюбное отношение художника к изображаемому — крупному

Рис. 4. Хроника Георгия Амартола.
Первая половина XIV в. (РГБ. Ф. 173/1. № 100).
Л. 160об., фрагмент.
(Изображение взято из статьи Т.В. Анисимовой
“Троицкий список Хроники Георгия Амартола...”).

мужчине в богатом наряде, с высунутым языком и большой вилкой в согнутой у пояса руке вместо традиционно крепившегося там оружия. Очевидно, что и «портретируемый», дразня художника с рисунка, испытывает к нему расположение. Вероятно, автор рисунка хотел посмеяться над его любовью вкусно поесть, а быть может, решил таким образом расширить или прокомментировать чернильный перьевой набросок миниатюры с изображением княжеского пира в верхней части этого листа. Нужно отметить, что первоначально рисунок монгола начали выполнять чернилами коричневого оттенка. Ими нарисована его правая рука, шапка и частично лицо. Затем подключился другой художник, работавший черными чернилами. Он поправил контур руки и глаз, дописал нижнюю часть лица и фигуру. Коричневый оттенок чернил первого художника, а также его манера рисовать кистью руки чрезвычайно близки к тем, что мы видим наброске верхней миниатюры (ср. с сидящим справа за столом). Поэтому мы можем предположить, что оба изображения были созданы примерно в одно и то же время и сюжетно связаны между собой.

Обращаясь к миниатюре, необходимо сразу сказать, что многие фрагменты контура ее рисунка полустерты, поэтому часть деталей реконструируются с трудом (рис. 4). На изображенном здесь пиру присутствуют пять мужчин высокого статуса, предположительно княжеском, в практически одинаковых кафтанах, длиной чуть ниже колен, с симметричными полами встык и застежками на груди до пояса поверх декоративной полосы на бортах. Такой же полосой украшены полукруглый или квадратный вырез у горловины, нижний край кафтанов. Скорее всего, кафтаны имеют короткие рукава, низ которых также обрамлен декоративной

³⁸ Needham J. Science and civilisation in China. Cambridge, 2011. Vol. 6: Biology and Biological Technology. Part 5. Fermentations and Food Science. P. 105–108.

³⁹ Ward Chad. The Uncommon Origins of the Common Fork // Leite's Culinaría (2009, May 6th) (<https://leitesculinaria.com/1157/writings-origins-fork.html>).

⁴⁰ http://old.archeo-news.ru/2016/02/blog-post_17.html. В информации для прессы после ее находки представители Новгородского государственного объединенного музея-заповедника заявили, что ранее начала XVII в. эти предметы на Руси еще не встречались. Однако нами на сайте Госкаталога Минкультуры РФ в фондах этого же Новгородского музея обнаружены еще три предмета X–XV вв. с названием «вилка», правда, без фотографий и информация о месте их происхождения (ГК № 5903321, ГК № 5903306, ГК № 6632507, ГК № 5905062).

⁴¹ ГК № 6483807 (<http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5769965>).

⁴² ГК № 11880163 (<http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11660319>).

каймой. Из-под них видны длинные узкие рукава с манжетами, принадлежащие нижней одежде. Трое из пирующих сидят за столом, двое — стоят по бокам с протянутыми к сидящим руками с чарками на длинных ножках. Стоящие по бокам более молоды: один справа безбород, другой слева, возможно, тоже. Сидящие по краям стола князья имеют густую недлинную бородку. Борода сидящего по центру примерно той же длины и разделена в середине на две части. На столе изображено угощение (обозначено кружками), напоминающие ножи три длинных тонких предмета и две чарки, аналогичные тем, что держат стоящие участники. Отличают пирующих их шапки. У четверых, кроме центрального персонажа, они имеют форму, напоминающую митру с разными навершиями, вероятно, из металла. У стоящего слева навершие напоминает крест, у трех остальных они пикообразные. У сидящего слева помимо околыша и навершия шапка украшена точками и окружностью на боку, обозначающей, вероятно, какую-то декоративную накладку. У остальных троих — на шапках тулья одноцветная, обрамленная внизу околышем, а сверху — вероятно, декоративным донцем. Рисунок головы сидящего по центру стола персонажа сильно угас, однако на нем все еще можно рассмотреть детали, сильно отличающие его от четырех князей по бокам. В то время как они имеют не доходящие до плеч волосы, он брит или лыс. На безволосом черепе сверху находится очень маленький предмет, обозначающий головной убор. К сожалению, рассмотреть его детали не представляется возможным из-за плохой сохранности рисунка. Перечень особенностей завершают длинные узкие усы и уже упоминавшаяся разделенная надвое борода до груди. Несомненно, что на почетном центральном месте на пиру между князей сидит монгол. Это подтверждает и наличие на столе всего двух чаш со спиртным напитком, а не трех по числу сидящих, поскольку ислам запрещал монголам алкоголь.

Таким образом, на обнаруженных нами трех рисунках мы имеем изображения ордынцев не фантазийные или условные, как, например, в Лицевом летописном своде конца 60-х — начала 70-х гг. XVI в., а актуальные для художников, их создавших.

Рисунки относятся к периоду второй половины XIII — первой половины XV в., что делает их древнейшими русскими изображениями представителей Золотой Орды, причем сделанными не в официальной хронике, а в частном порядке, возможно, с натуры или по воспоминаниям, без канонов и цензуры. Рисунок в Саввиной книге может быть старше двух других и предположительно относится ко второй половине XIII — XIV в. Рисунки в «Хронике Георгия Амартола» появились, вероятно, во второй половине XIV — первой половине XV в. Можно отметить ряд сходных черт в изображении монголов: узкие рукава халата или кафтана, длинные тонкие усы, серьга в ухе. Отличий гораздо больше: по-разному нарисованы головные уборы, прическа, ворот и длина одежды, редкие предметы в их руках. Даже монголоидные черты лица (разрез глаз, нос) на одном из рисунков отсутствуют. Отличия в костюме могут свидетельствовать о том, что рисунки созданы в разное время и отражают разную моду. Однако это необязательно, поскольку нам неизвестен статус и этническая принадлежность изображенных, а наши представления о разнообразии одежды того времени все же достаточно размыты. Необходимо отметить общую достоверность, а не условность ее деталей. Все три художника сделали акцент на внешних отличиях монголов от своих соотечественников — прическе и усах, одежде, специфических аксессуарах. Эти детали выступают маркерами иной культуры. Они представляют нам древнейшими уникальными свидетельствами о реальном облике знатных монголов, приезжавших на Русь в мирные периоды. Необходимо отметить, что все три художника продемонстрировали позитивное отношение к изображаемому монголам. На рисунке в Саввиной книге смешной человечек изображен улыбающимся в момент отдыха; в «Хронике Георгия Амартола» первый художник нарисовал свой объект комично и дружелюбно, с вилок и высунутым языком, второй — и вовсе представил сцену дружеского застолья, где ордынец посажен на центральное место за столом. Это удивительно контрастирует с общим негативным отношением летописцев к монголам. Вероятно, отношения представителей Руси и Золотой Орды были не такими линейными. Несомненно, эта тема нуждается в дальнейшем исследовании.

Список литературы

- Анисимова Т.В. Троицкий список Хроники Георгия Амартола (приписки на миниатюрах и на полях рукописи) // Древнерусское искусство. Искусство рукописной книги: Византия. Древняя Русь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 290–318.
- Анисимова Т.В. Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв. М.: Индрик, 2009. 463 с.
- Вайнштейн С.И. Вопросы генезиса одежды // Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. С. 185–207.
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Об облике древних тюрок // Тюркологический сборник к 60-летию А.Н. Кононова. М.: ГРВЛ, 1966. С. 177–187.
- Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде (историко-археологическое исследование). Астрахань: Астраханский ун-т, 2007. 191 с.
- Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). Астрахань: Астраханский ун-т, 2009. 178 с.
- Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. Казань: Фонд им. Султан-Галиева; Объединение художников Татарстана, 1993. С. 33–44.
- Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М.: Искусство, 1980. 551 с.
- Горелик М.В. Монгольский костюм и оружие в XIII–XIV вв.: традиции имперской культуры // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2011. С. 121–137.
- Горелик М.В. Монголы и подвластные народы в Золотой Орде (этносоциальная самоидентификация и ее внешнее выражение) // Золотоордынское наследие. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2011. Вып. 2. С. 77–90.
- Доде З.В. Костюм населения Северного Кавказа VII–XVII веков (Реконструкция этносоциальной истории): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008. 62 с.
- Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. 2-е изд. М.: Наука, 1969. 296 с.
- Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды: история, культура, религия. Уфа: Башкирский гос. пед. ун-т, 2015. 208 с.
- Иванов В.А. Убранство костюма кочевников Золотой Орды // Самарский край в истории России. Самара: Б/и, 2001. С. 200–206.
- Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III — середина XVI в.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.
- Каримова Р.Р. Серьги кочевников Золотой Орды: типология и социокультурная интерпретация // Уфимский археологический вестник. 2012. № 12. С. 136–152.
- Каринский Н.М. Перечень важнейших неточностей последнего издания Саввиной книги // Известия ОРЯС. СПб., 1914. С. 206–216.
- Кочешков Н.В. Головные уборы монголов XIX — начала XX в. (По материалам музеев МНР и частного собрания У. Ядамсурэна) // Советская этнография. 1973. № 3. С. 134–141.
- Крамаровский М.Г. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 567–589.
- Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2002. 363 с.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2005. 399 с.
- Мыськов Е.П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // Российская археология. 1995. № 2. С. 36–43.
- Попов Г.В. Заметки о тверской рукописи Хроники Георгия Амартола (позднейшие доделки и вопросы реконструкции первоначального облика кодекса) // Византийский временник. М.: Наука, 1978. Т. 39. С. 125–131.
- Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII в. / Изд. подгот. О.А. Князевская, Л.А. Коробенко, Е.П. Дограмаджиева. М.: Индрик, 1999. Ч. 1. 703 с.
- Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М.: Наука, 1984. 405 с.
- Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. № XXV. Отрывок из русского списка Евангельских чтений XI века // Сборник ОРЯС. СПб., 1867. Т. 1. Вып. 3. С. 44–57.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 307 с.
- Уханова Е.В. Саввина книга: отношение древнерусского писца к южнославянскому оригиналу // Палеография, кодикология, дипломатика: Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов: Материалы Международной научной конференции в честь 75-летия д. и. н., чл.-корр. Афинской академии Б.Л. Фонкича. М.: Институт Всеобщей истории РАН, 2013. С. 333–340.
- Фирсов К.Б., Демиденко Ю.В., Лантратова О.Б. Уникальные одежды из Большого Катандинского кургана на Алтае: проблемы сохранения археологических памятников из собрания ГИМ // Труды

II (XVIII) археологического съезда в Суздале. Т. 2. М.: ИА РАН, 2008. С. 90–95 (https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/arheologicheskie%20syvezdi/ii/VAS_2008_2.pdf).

Хабаров В. К вопросу о костюме жителей городов Золотой Орды // Кондурча: реконструкция элементов культуры эпохи Золотой Орды. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей, 2003. С. 21–27.

Хрипунов Н.В. Монгольская одежда знати Золотой Орды в 1266–1312 гг. // Золотоордынское наследие. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. Вып. 6. С. 233–272.

Хрипунов Н.В. Одежда с откидывающимися рукавами в Золотой Орде // Золотоордынское наследие. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. Вып. 9. С. 84–95.

Щепкин В.Н. Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1899. 349 с.

Яценко С.А. Древние тюрки: мужской костюм в китайском искусстве 2-й пол. VI — 1-й пол. VIII в. (образы Иных) // Transoxiana (Internet-journal). 2009. Número 14. Buenos Aires (www.transoxiana.org/14/yatsenko_turk_costume_chinese_art-rus.html).

Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Вост. лит. РАН, 2006. 661 с.

Needham J. Science and civilisation in China. Cambridge, 2011. Vol. 6: Biology and Biological Technology. Part 5. Fermentations and Food Science.

Ward Chad. The Uncommon Origins of the Common Fork // Leite's Culnaria (2009, May 6th) (<https://leitesculnaria.com/1157/writings-origins-fork.html>).

Е.В. Уханова

Рисунки представителей Золотой Орды в древнерусских рукописях XI–XIV вв.

Ключевые слова: древнерусские рукописи, маргинальные рисунки, монголы на Руси, изображения монголов, одежда Золотой Орды, вилка в Золотой Орде и средневековом Китае.

Аннотация: Статья посвящена трем изображениям представителей Золотой Орды, созданным их русскими современниками в конце XIII — первой половине XV столетия в качестве маргинальных рисунков в рукописях. Рисунки выполнены пером и чернилами

профессиональным и непрофессиональным художниками и представляют собой, вероятно, результат личного впечатления от контакта с изображенными, лишенный официальных условностей и канонов. В статье проанализированы особенности одежды и специфические черты, маркирующие представителей монголов. Значительная часть находит соответствия в реальных источниках и артефактах, некоторые из деталей на рисунках — уникальны.

E.V. Ukhanova

Pictures of the Golden Horde's representatives in old Russian manuscripts of the 11th–14th centuries

Keywords: Old Russian manuscripts, marginal drawings, Mongols in Ancient Rus, medieval images of Mongols, clothing of the Golden Horde, a fork in the Golden Horde and medieval China

Abstract: The article is devoted to three images of representatives of the Golden Horde, created by their Russian contemporaries at the end of the 13th — first half of the 15th century as marginal drawings in

manuscripts. The drawings were made in pen and ink by a professional and non-professional artist and are probably the result of a personal impression, devoid of formal conventions and canons. The article analyzes the features of clothing and specific features that mark the representatives of the Mongols. A significant part of them find correspondences in real sources and artifacts, some of the details in the drawings are unique.

К вопросу о чингисидской идентичности Петра, царевича Ордынского, и его рода

Принявший крещение ордынский царевич Петр и его наследники обосновались в Ростове, но продолжали претендовать на статус монгольских аристократов, потомков Чингисхана по прямой линии. История их столкновений с местными князьями — «Повесть о Петре, царевиче Ордынском» — давно привлекала внимание ученых, однако время и цель создания этого памятника остаются дискуссионными.

Текст дошел до нас в многочисленных религиозных сборниках под заглавием «Житие», при этом традиционные свидетельства о святости царевича отсутствуют¹. Некоторые исследователи предполагали, что тенденциозная легенда была составлена в правление Ивана III, чтобы отстаивать интересы семьи и домового Петровского монастыря². Достоверные детали, характеризующие монгольское господство в Северо-Восточной Руси, убедили большинство историков в том, что не дошедший до нас оригинал

создан в XIV в. и отражает реальные события первого столетия после нашествия Батыея³.

Переселение Петра в Ростов в это время нельзя считать исключительным явлением. Источники упоминают ордынцев, проживавших на русской территории по служебным, экономическим и личным причинам. Среди служилых людей, поставленных в Суздальской земле в 1257–1258 гг. для упорядочения сбора дани, называются «десятники», «сотники», «тысячники» и «темники»⁴. Ярлык, выданный Менгу-Тимуром русскому духовенству в 1267 г., упоминает среди служащих на Руси данщиков, полжужников, таможенников и баскаков⁵. Зимой 1259/60 г. татарские численники Беркай и Касачик появились в Новгороде «с женами своими»⁶. Погодная запись

¹ Обзор историографии, подробные аргументы по поводу датировки и целей создания памятника, а также научное издание «Повести о Петре, царевиче Ордынском» см.: *Ленхофф Г.* К истории Петра, царевича ордынского, и его ростовской вотчины // *Средневековая Русь*. Вып. 14. М., 2020. С. 97–128. Далее в круглых скобках цитируется рукопись, положенная в основу этого издания (ОР РГБ. Ф. 199. Собр. П.Н. Никифорова. № 421. 4^о. Конец XV в. Л. 141–147об.).

² Предположения о конкретных поводах к созданию памятника в 1470-х — 1480-х гг. см.: *Скрипил М.О.* Повесть о Петре, царевиче Ордынском // *История русской литературы*. Т. 2. Ч. 1. М.; Л., 1946. С. 351 (продажа Борисоглебской стороны Ростова великому князю Ивану III); *Белякова М.М.* «Повесть о Петре, царевиче Ордынском» в историко-литературном контексте (к вопросу о датировке произведения) // *ТОДРЛ*. Т. 46. СПб., 1993. С. 81–87 (отстаивание независимости монастыря от Ростовского епископа Вассиана Рыло); *Мельник А.Г.* К вопросу о времени возникновения «Повести о Петре, царевиче Ордынском» // *ТОДРЛ*. Т. 53. СПб., 2003. С. 626–627 (конфискация новгородских церковных земель в 1478 г.).

³ См., например: *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства (историко-географическое исследование). Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). 2-е изд. СПб., 2006. С. 263, 301; *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь; М., 2004. С. 175–176, 363; *Halperin C.* A Chingissid Saint of (sic!) Russian Orthodox Church: “The Life of Peter, Tsarevich of the Horde” // *Canadian-American Slavic Studies*. 1975. V. IX. No. 3. P. 330–331; *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. 2-е изд. СПб., 2003. С. 314–322.

⁴ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1997. Т. 1. Вып. 2. Стб. 474–475. По обоснованному мнению А.А. Горского, монгольские чиновники, ответственные за сбор дани на этой территории, «скорее всего, постоянно прибывали в Булгаре — ближайшем к Северо-Восточной Руси улусе» (*Горский А.А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // *Исторический вестник*. Т. 10 [157]: Монгольские завоевания и Русь. М., 2014. С. 67–68).

⁵ Ярлык Менгу-Тимура русскому духовенству (1267 г.) // *Памятники русского права* (далее — ПРП). М., 1955. Вып. 3. С. 467–468.

⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее НПЛ) / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 82 (под 6767/1260/61 г.).

1262 г. в Московской Академической летописи рассказывает об убийстве откупщика Изосимы, который жил в Ярославле⁷. Согласно Новгородской первой летописи, великий баскак Амраган имел двор во Владимире⁸, а баскак Кутулбуг (ум. 1305) — резиденцию в Ростове⁹. Баскак Ахмат, ставленник Ногая, организовал две ремесленных слободы в Курской волости в 1283 г.¹⁰ Летописи отмечают пять браков между князьями Северо-Восточной Руси и татарскими женщинами с 1257 по 1317 г.; из них названы две, принявшие христианство на Руси¹¹. Третья редакция Жития Феодора Ростиславича Черного сообщает, что второй женой князя стала татарская царевна, которая крестилась перед свадьбой в Орде¹². Топонимы и археологические находки убедили некоторых исследователей, что татары оседали в пределах Ростовского княжества — в Карашской слободе; однако нельзя уверенно датировать время возникновения поселения или определить, как они получили право жить на этой территории, чем они занимались и т.д.¹³

Итак, судя по имеющимся данным, взаимоотношения монголов с местным русским населением не были однозначными. Хотя сюжет о ростовских вотчинниках монгольского происхождения, считавших себя «православными чингисидами», явно не соответствует традиционному в древнерусской книжности образу «иноземных поработителей»¹⁴,

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 524 (под 6770 г.).

⁸ НПЛ. С. 88 (под 6777/1269/70 мартовского г.). См.: Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 148–149.

⁹ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 528.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 79; ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 482 (самый ранний, но дефектный текст). Подробнее см.: Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. М., 1996. Вып. 1. С. 5–57.

¹¹ В 1257 г. Глеб Василькович Белозерский, получивший Ростовское княжение после смерти брата Бориса в 1277 г., женился в Орде (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 474), и его жена крестилась на Руси под именем Феодоры (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 525, под 6781/1273 г.); в 1302 г. Константин Борисович Ростовский женился второй раз на дочери Кутлукортки, а Федор Михайлович Ростовский — на дочери Вельбласмыша (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 528); в 1305 г. Михаил Андреевич Суздальский женился в Орде (ПСРЛ. Т. 16. М., 2000. С. 58); ок. 1317 г. московский князь Юрий Данилович женился второй раз на Кончаке, сестре хана Узбека, которая крестилась под именем Агафьи (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 2000. Стб. 38).

¹² Ленхофф Г. Князь Феодор Черный в русской истории и культуре. М.; СПб., 2019. С. 32–35, 206–207 (текст). Аргументы в пользу предположения, что в 1246 г. Ярослав Всеволодович женился третий раз в Орде на близкой родственнице Батая, см.: Горский А.А. Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского // Российская история. 2020. № 4. С. 31–37.

¹³ Обзор историографии см.: Каретников А.Л. Ростовская волость Святославль-Караш в эпоху Средневековья: итоги и перспективы изучения // История и культура Ростовской земли. 2007. Ростов, 2008. С. 400–401.

¹⁴ Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных наше-

источники свидетельствуют о реальной возможности гибридной идентичности в обсуждаемый период русской истории.

Задача построения модели, представляющей цельную концепцию нарративов разнородных социальных групп домонгольской Руси, была поставлена П.С. Стефановичем в русле актуальной дискуссии о применении новых подходов к древнерусскому материалу¹⁵. Несомненно, что повесть содержит ценную информацию для изучения гетерогенной ментальности на Руси во время власти монголов. Однако из этого произведения мы не можем извлечь сведений, которые могли бы дать исчерпывающие ответы на вопрос об идентичности царевича и его рода. Например, можно предполагать перемены в самосознании более поздних поколений, принявших фамилию Чириков в правление Дмитрия Донского. Но непонятно, почему к тому времени, когда чингисидское происхождение стало выгодным и знатные семьи сочиняли легенды о фиктивном татарском предке, Чириковы не объявили себя родом «царского» происхождения. Необходимо определить как хронологию, так и причины исчезновения чингисидской идентичности. Ниже мы сопоставим детали повести, свидетельствующие о промонгольской установке Петра и его семьи, с источниками московского времени, чтобы выделить поворотные моменты в изменении самоидентификации Чириковых и сделать предварительные наблюдения о динамике интеграции монгольского рода в русское общество.

В целом ряде эпизодов повести подчеркиваются одновременно и благочестие царевича-вотчинника и его потомков, и их приверженность к родовому строю и обычаям монголов.

Согласно дошедшей до нас версии, молодой племянник хана Берке был увлечен проповедью Ростовского епископа Кирилла II. При первой возможности он переселился в Ростов, крестился, но не оставил царских утех. Когда во время охоты Петр уснул на берегу оз. Неро, ему во сне явились апостолы Петр и Павел, дали ему золота и серебра и повелели построить на этом месте церковь, посвященную им. Царевич ошибочно истолковал библейские намеки о процветании его рода на Руси как пророчество, что построение церкви «укрепит» его племя в Орде¹⁶. По инструкции

ствий и войн. X — нач. XX в.: Сб. науч. трудов. М., 1990. Вып. 1. С. 32. Отметим, что нестандартная «Повесть о Петре, царевиче Ордынском» не обсуждается среди примеров восприятия монгольской власти на Руси в кн.: Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII — XV в. М., 2014.

¹⁵ Стефанович П.С. Новые подходы к этничности в медиэвистике: взгляд из «древнерусской перспективы» // Историческая память и российская идентичность. М., 2018. С. 467–483.

¹⁶ По мнению Л.А. Дмитриева, царевич ошибочно принял апостолов за кого-то «из татарского племени, (кто) хотел его поддержать» (см. перевод в кн.: Памятники

апостолов, Петр обратился к епископу и затем к не названному князю, который согласился продать земли для церкви — но за невероятно большую сумму. Без колебаний заплатив деньги, царевич попросил выкопать ров вокруг участка — по монгольскому обычаю. Чтобы Петр не захотел вернуться в Орду, князь устроил его брак с дочерью местного татарского вельможи, подарил ему обширные земли с лесами и водами вокруг церкви, выписал ему грамоты на вотчинные права и даже совершил с ним церковный обряд побратимства. Перед смертью Петр постригся в монахи и был погребен у церкви Петра и Павла.

После кончины царевича внуки князя попытались отнять земли у его детей. Сын Петра поехал в Орду, заявил, что он потомок Чингисхана, и попросил отправить ханского посла в Ростов. Тот подтвердил права детей Петра на спорные земли и выдал сыну царевича грамоту с золотой ханской печатью. К началу XIV в. правнуки князя начали оспаривать права наследников царевича на рыбную ловлю в оз. Неро. Второй посол вынес судебное решение в пользу внука царевича, Юрия, и выдал ему еще одну грамоту с печатью хана.

В 1322 г. ордынский посол Ахмыл опустошил Ярославль и двинулся на Ростов. Правнук царевича Петра, Игнат Юрьевич, встретил монгольского командующего с подарками и сообщил ему: «А се есть село цареве и твое, господи, купля прадеда нашего. <...> Сии богомолци царевы и твои суть, да благословят тя!» (л. 147). Ахмыл подтвердил чингисидский статус рода: «Царева кость, наше племя! Еже ти здѣ будетъ обида, да не лѣнися итти до нас!» (л. 147об.).

Решение ханских послов о правах семьи на земли и воды, купленные прадедом в Ростове у местного князя, и утверждение Игната, что это *ханская вотчина*, могли иметь юридический авторитет только в то время, когда монголы господствовали в Ростовском княжестве. Логично предполагать, что первоначальная версия повести была написана в правление сильного хана Узбека (1313–1341), скорее всего до 1328 г., когда Константин Васильевич Ростовский женился на Марии, дочери Ивана Калиты, и когда, по мнению ведущих историков, Сретенская половина Ростова перешла к московскому князю¹⁷. В комплексном исследовании повести

литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 25; перепечатана в Библиотеке Литературы Древней Руси). Анализ грамматики и контекста фрагмента «Петръ же възрѣ на ня и видѣ акы челоуѣка, и взя мѣшца, и мнѣвъ, акы в татарех племя его укрѣпляетя, не разумѣ глаголемаго ими» (л. 143) не дает предпосылок для такой интерпретации.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 531. Предположение В.О. Ключевского (*Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник*. М., 1871. С. 42) о том, что повесть могла появиться только после того, как ростовские князья подчинились суровой московской власти, не учитывает политического значения брака. Об укреп-

мы привели аргументы в пользу следующего сценария создания текста. Нарушения признанных «по старине» прав на земли, купленные Петром, убедили его наследников в необходимости создания документа. Для фиксации условий покупки и удостоверения выдачи старшим ростовским князем жалованных грамот, подтвержденных ордынскими послами, была составлена запись повествовательного типа. Такое письменное свидетельство в случае конфликта могло быть предъявлено ответственным чиновникам актуального правителя.

Дальнейшие этапы интеграции семьи фиксируются в более поздних источниках. Фамилия «Чириков» впервые упоминается в Никоновской летописи, составленной в скриптории митрополита Даниила в 20-х гг. XVI в.¹⁸ Согласно сообщению под 6889 (1380) г., в сентябре «князь велики отпусти въ поле подъ Орду Мамаеву избраннаго своего боярина и крѣпкаго воеводу Семена Мелика и съ нимъ избранныхъ своихъ: Игнатиа Креня, Фому Тынину, Петра Горскаго, Карпа Александрова, Петра Чирикова, и иныхъ многихъ нарочитыхъ и мужественныхъ и на то устроеныхъ тамо вѣдомцевъ, да видятся съ стражи Татарскими и подадять скоро вѣсть»¹⁹. Родословная роспись, переданная Андреем Чириковым в Палату родословных дел в 80-х гг. XVII в., содержит дополнительную информацию: «у Игнатъя сын Петра, почалъ писатца Чириковъ и бысть с великим князем Дмитрѣемъ Ивановичемъ против Мамае в Сторожевом полку, и о томъ свидетельствуетъ летописная книга и печатная киевская хроника, что зовутца Ксинопсисъ. А у Петра сынъ Иванъ, а у Ивана сынъ Федоръ»²⁰.

Сообщение о том, что сын Игната Юрьевича, считавшего себя верным подданным хана, участвовал в сражении против Золотой Орды в 1380 г., вызывает вопросы. Следует ли смотреть на присоединение Петра Игнатьевича к сторожевому полку как на подтверждение исчезновения в пятом поколении рода социально-политической самоидентификации в качестве чингисидов? Уже в 30-х гг. XIV в., по общепринятому мнению историков, власть

пленни единовластия Константина Васильевича после 1328 г. см., например: *Пресняков А.Е. Образование Великокорусского государства*. Пг., 1918. С. 148–150; *Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв.* М., 1984. С. 268–269. Обзор историографии по поводу даты, когда Сретенская половина попала в московскую собственность, и другое мнение см.: *Городилин С.В. Сретенская и Борисоглебская стороны Ростова: происхождение и локализация // История и культура Ростовской земли*. 2011. Ростов, 2012. С. 15–23.

¹⁸ *Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков*. М., 1980. С. 96–130 (гл. IV).

¹⁹ ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 55.

²⁰ РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора (далее — ГК). Оп. 1. Кн. 449. Л. 520–522об. Опись см.: *Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в.* М., 1996. С. 330. Приносим благодарность А.В. Малову за сверку текста родословной с оригиналом.

московских князей в Северо-Восточной Руси укрепилась²¹. После смерти хана Узбека (10 марта — 7 апреля 1342) Орда начала слабеть, она переживала двадцатилетнюю междоусобную борьбу²².

Но можно и по-другому толковать сообщение росписи. Как известно, хотя Мамай был женат на дочери хана Бердибека²³, он не принадлежал к роду Чингисидов. По закону Золотой Орды, Мамай не имел права назвать себя ханом²⁴. Можно понять участие Петра Игнатьевича в сражении на стороне Москвы против Орды не как явный отказ от чингисидской идентичности, а как защиту исключительных привилегий прямых потомков Чингисхана. Молчание родословной росписи о перемене в социальном статусе Петра, сына Ивана и внука Федора позволяет сделать допущение, что ко времени Куликовской битвы Чириковы еще идентифицировали себя как ростовских вотчинников Чингисидской линии.

Следующий этап в ассимиляции Чириковых фиксируется около 1480 г. К этому времени роспись называет Власея Федоровича Чирикова «боярином» на службе князя Андрея Углицкого, брата Ивана III. В ней говорится, что правнук Петра Игнатьевича стоял с отрядом князя Андрея Большого на р. Угре напротив войска Ахмата — чингисидского хана Большой Орды. После неожиданного отступления Ахмата великий князь захватил Андрея Большого. Как служебник опального князя — соперника Ивана Третьего — Власей Федорович Чириков был сослан в Муром, где и умер. Его сын Семен с женой и детьми был сослан в Ярославль²⁵. Сообщение косвенно указывает на то, что до времени ссылки Чириковы еще владели землями, купленными монгольским предком в Ростове. Однако, судя по их готовности воевать против хана Ахмата, можно предполагать, что чингисидская самоидентификация у военных служилых членов рода уже стерлась.

Поворотный момент в социальном статусе Чириковых отмечается в жалованной грамоте, подписанной великим князем Василием Ивановичем 25 февраля 7019 (1511) г. и прикрепленной к родословной росписи. Василий III помиловал Семена Власевича Чирикова и его сына Константина и пожаловал им землю в волости Черемха Ярославского уезда — местности вокруг р. Черемуха, которая

²¹ См., например: *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства (историко-географическое исследование). Монголы и Русь... С. 300; *Кучкин В.А.* Формирование... С. 144, 268–269; *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2003. С. 66–67.

²² Подробнее см.: *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 101–136 (гл. IV).

²³ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 389.

²⁴ *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 146; *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды... С. 116.

²⁵ РГАДА. Ф. 286. ГК. Оп. 1. Кн. 449. Л. 520–520об.

впадает в Волгу там, где ныне расположен центр Рыбинска. Царская грамота, подписанная дьяком Василием Степановым 20 сентября 7067 (1558) г., свидетельствует о передаче деревни Третьяку сыну Гневашеву (племяннику Константина) при условии, что Третьяку «с того поместья служить и Костентина кормить»²⁶.

Изучение источников позволило Э.М. Клеймоле проследить распространение земельных пожалований Чириковым по уездам Русского государства и документировать подъем рода от военных служилых людей в ряды московской администрации. В 1590 и 1610 гг. акты упоминают владения в Черемошской волости²⁷. Земли в этом районе также фиксируются в Ярославских писцовых книгах 1627–1629 гг.²⁸ и в Писцовой книге ловецкой дворцовой Рыбной слободы²⁹. В течение XVII столетия, как было убедительно показано исследовательницей, большинство членов рода получили поместья в других областях Московии, они были прочно встроены в региональный служилый средний класс («городовые дети боярские»). К 1660-м гг. Чириковым удалось добыть более престижные посты московских дьяков, дворян и стольников, а в 1670-х гг. Андрей Иванов сын Чириков и его брат Илья названы окольными³⁰.

Сохранившиеся документы свидетельствуют об отсутствии интереса к своему чингисидскому происхождению как у московской ветви рода, так и у военных служилых людей во второй половине XVII в.

Запись устного заявления Михаила Никитича Чирикова в 1665 г., единственное дошедшее до нас местническое дело рода, отмечает службу его предков «при великих князьях... и при великих государях... по Великому Новгороду и по Ярославлю Большому и в иных городех, и ныне... служат в городех же по выбору и по дворовому списку»³¹.

Роспись потомков Тимофея (правнука Игната Юрьевича), переданная в Палату родословных дел

²⁶ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века / Сост. А.В. Антонов. М., 2008. Т. 4. № 481. С. 353–354; *Юшков А.* Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. 1257–1613 гг. М., 1898. № 81. С. 68–69.

²⁷ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века / Сост. А.В. Антонов. М., 1998. Т. 2. № 451/453. С. 383–385.

²⁸ Выпись из Ярославских книг письма и межеванья Ивана Никитича Головина да подьячего Никона Федорова 135-го (1627 г.) и 136-го (1628 г.) и 137-го году (1629 г.) // *Вахрамеев И.* Исторические акты ярославского Спасского монастыря. М., 1896. Т. 2. С. 11, 17, 19, 76, 77, 79, 80.

²⁹ Писцовая книга дворцовой ловецкой Рыбной слободы 1674, 1675 и 1676 гг. Н. Новгород, 2012. С. 41.

³⁰ Подробнее см.: *Клеймола Э.М.* Потомки Петра царевича ордынского: ростовский род Чириковых // *Средневековая Русь.* Вып. 14. М., 2020. С. 129–152.

³¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 366. Л. 30. Цит. по кн.: *Эскин Ю.М.* Описание подлинных местнических дел. М., 2017. С. 146 (152).

Иваном Чириковым в 80-х гг. XVII в., признает монгольскую этничность основателя рода, но не называет Петра племянником хана: «Петръ Игнатъевичъ породы татарские. А какъ начало и выездъ прежняго сродника ево Петрова к великому князю Борису Васильевичю Ростовскому о томъ написать подлинно ль именемъ того выезжаго прежняго сродника своего без свидетелства прямово и без писемъ за многимъ разорениемъ не помнимъ, а которые старые писма у сродников наших были и во время Московского государства разорения пропали и в пожарное время погорели»³².

Роспись потомков Федора (другого правнука Игната Юрьевича), переданная Андреем Чириковым, идентифицирует Петра как племянника Берке, но подчеркивает переход царевича к православной вере: «Какъ ходилъ в Орду къ Бъркаю, царю, Кирил, епископъ Ростовский, исправлении

ради церьковныхъ, и тутъ излюбилъ православную веру племянникъ Бъркаю, царя. И с Кириломъ, епископомъ Ростовскимъ, прииде тайно в Ростовъ и крестился в православную вѣру. А во крещени(и) имя ему Петръ, и о том свидетелствуетъ в жити(и) ево, Петрове»³³.

В итоге дошедшие до нас данные позволяют заключить, что самоидентификация Чириковых окончательно потеряла социальное и местно-территориальное содержание в последней четверти XV в. Отметим, что к этому времени первые известные рукописи повести под заглавием «Житие» фиксируют начало почитания основателя рода как святого и память царевича приобретает религиозно-конфессиональный характер. Возможное значение обнаруженного хронологического совпадения еще ждет отдельного исследования.

³²РГАДА. Ф. 286. ГК. Оп. 1. Кн. 449. Л. 522об.-523.

³³Там же. Л. 520.

Список литературы

Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века / Сост. А.В. Антонов. Т. 2. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 608 с.; Т. 4. М.: Древле-хранилище, 2008. 632 с.

Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. М.: Археографический центр, 1996. 416 с.

Белякова М.М. «Повесть о Петре, царевиче Ордынском» в историко-литературном контексте (к вопросу о датировке произведения) // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 46. С. 74–87.

Вахрамеев И. Исторические акты ярославского Спасского монастыря. М.: Синодальная типография, 1896. Т. 2. 95 с.

Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь; М.: ЛЕАН, АГРАФ (оформление), 2004. 479 с.

Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Академии наук СССР, 1934. 223 с.

Городилин С.В. Сретенская и Борисоглебская стороны Ростова: происхождение и локализация // История и культура Ростовской земли. 2011. Ростов: Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник, 2012. С. 15–23.

Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2003. 213 с.

Горский А.А. Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского // Российская история. 2020. № 4. С. 31–37.

Горский А.А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. М.: Руниверс, 2014. Т. 10 [157]: Монгольские завоевания и Русь. С. 58–79.

Каретников А.Л. Ростовская волость Святославль-Караш в эпоху Средневековья: итоги и перспективы изучения // История и культура Ростовской земли. 2007. Ростов: Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник, 2008. С. 396–407.

Клеймола Э.М. Потомки Петра, царевича Ордынского: ростовский род Чириковых // Средневековая Русь. М., 2020. Вып. 14. С. 129 - 152.

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. 312 с.

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Тип. Грачева и К, 1871. 465 с.

Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2003. 468 с.

Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. М.: Российское университетское изд-во, 1996. Вып. 1. С. 5–57.

Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — нач. XX в.: Сб. науч. трудов. М.: Б.и., 1990. Вып. 1. С. 15–69.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 350 с.

Ленхофф Г. К истории Петра царевича ордынского и его ростовской вотчины // Средневековая Русь. М., 2020. Вып. 14. С. 97–128.

Ленхофф Г. Князь Феодор Черный в русской истории и культуре. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2019. 349 с.

Мельник А.Г. К вопросу о времени возникновения «Повести о Петре, царевиче Ордынском» // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 53. С. 626–627.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства (историко-географическое исследование). Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). СПб.: Наука, 2006. 412 с.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 640 с.

Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М.: Худ. лит., 1984. 768 с.

Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV–XV вв. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1955. 528 с.

Писцовая книга дворцовой ловецкой Рыбной слободы 1674, 1675 и 1676 гг. Н. Новгород: Мининское братство, 2012. 76 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.; Т. 11. М.: Языки славянской культуры, 2000. 248 с.; Т. 15. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2000. 576 с.; Т. 16. М.: Языки русской культуры, 2000. 240 с.; Т. 18. М.: Знак, 2007. 328 с.

Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. Пг.: Тип. Я. Башмаков и К, 1918. 468 с.

Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII — XV в. М.: Квадрига, 2014. 265 с.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордов кн. изд-во, 1960. 276 с.

Скрипиль М.О. Повесть о Петре, царевиче Ордынском // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1946. С. 350–357.

Стефанович П.С. Новые подходы к этничности в медиевистике: взгляд из «древнерусской перспективы» // Историческая память и российская идентичность. М.: Изд-во Российской академии наук, 2018. С. 467–486.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб.: Изд. на ижд. гр. С.Г. Строганова, 1884. Т. 1. 564 с.

Эскин Ю.М. Описание подлинных местнических дел. М.: Квадрига, 2017. 220 с.

Юшков А. Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. 1257–1613 гг. М.: Унив. тип., 1898. 416 с.

Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М.: Наука, 1991. 381 с.

Halperin C. A Chingissid Saint of (sic!) Russian Orthodox Church: “The Life of Peter, Tsarevich of the Horde” // Canadian-American Slavic Studies. 1975. V. IX. No. 3. P. 330–331.

Г. Ленхофф
К вопросу о чингисидской идентичности Петра,
царевича Ордынского, и его рода

Ключевые слова: идентичность, чингисиды, Петр Ордынский, Чириковы, эмир Мамай, хан Ахмат.

Аннотация: На основе литературных источников, актовых известий и родословных росписей выделяются поворотные моменты в изменении самоидентификации рода Чириковых, основанного ордынским царевичем Петром, который переселился в Ростов и крестился между 1259 и 1260 гг.

По гипотезе автора, к 1480 г. потомки царевича, долго считавшие себя «православными чингисидами», полностью интегрировались в русское общество и перестали ссылаться на «царское» происхождение. Отмечается хронологическое соответствие между периодом ассимиляции семьи и датировкой первых рукописей, фиксирующих почитание царевича как святого.

G. Lenhoff
On the Chingisid Identity of Petr,
tsarevich of the Horde, and his Descendants

Keywords: Identity, Chingisids, Petr Ordynskii, Chirikovs, Emir Mamai, Khan Akhmat.

Abstract: Drawing on literary sources, charters, cadasters and genealogical materials, the author traces the changing mentality of the Chirikov family, founded by the Mongol tsarevich Petr who settled in Rostov and was baptized there between 1259 and 1260. Around

1480, the family whose members had long considered themselves Orthodox Chingisids, had become fully integrated into Russian society and no longer claimed “royal” descent. The article notes that the period of the family’s assimilation coincides with the dates of the earliest known manuscripts, attesting to veneration of the tsarevich as a saint.

Раздел 2

**НОВГОРОД, ТВЕРЬ,
РЯЗАНЬ И ДРУГИЕ ЗЕМЛИ**

Жалованные грамоты рязанских князей как исторический источник

Как известно, этот вид исторических источников уже в 20-х гг. XX в. привлек к себе внимание С.Б. Веселовского, посвятившего их анализу особый раздел в своей работе «К вопросу о происхождении вотчинного режима»¹. Исследователь отметил своеобразие формуляра этих грамот, серьезно отличающихся от грамот князей Северо-Восточной Руси, по его оценке, гораздо более архаического. Как справедливо указал С.Б. Веселовский, формуляр этот слабо изменился со временем. Он также убедительно раскрыл содержание ряда формул, использованных в этих документах. К настоящему времени наши представления о развитии древнерусского общества претерпели изменения, и в связи с этим может измениться оценка некоторых явлений, отмеченных С.Б. Веселовским при анализе рязанских грамот. Кроме того, к настоящему времени известно гораздо большее количество рязанских документов, чем то, которым располагал С.Б. Веселовский. Это оправдывает повторное обращение к рассмотрению данного типа источников по истории Рязанской земли.

Древнейший письменный акт, касающийся Рязанской земли, — это жалованная грамота князя Михаила Ярославича (нач. XIV в.) Рязанской епископской кафедре на земли («уезд») к с. Столпцы, которое дали епископам «деды и прадеды наши»². Земли были переданы «с резанкою [и с] шездесят, с виною и с поличным». Подобные формулы встречаются во всех жалованных грамотах рязанских князей и означают некий минимум прав, которые предоставлялись каждому землевладельцу. Содержание

этих формул было раскрыто С.Б. Веселовским³. Выражение «резанка и шездесят» (в более поздних грамотах в соответствующем месте читается «явка») означало освобождение от обязанности «являть» имущество при проезде и уплачивать «мыт». Передача «вины и поличного» означала предоставление судебно-административной власти над подданными (в данном случае — волостелю епископа). Княжеским волостелям запрещался въезд на переданную епископу территорию. Это, очевидно, означало освобождение владения и от кормов и каких-либо поборов в пользу волостелей. Такое понимание текста подтверждается свидетельством другого документа первой половины XIV в. — грамоты пронского князя Александра Михайловича епископской кафедре на с. Остромерское⁴. Здесь говорится о передаче села «со всеми пошлинами, как от меня волостели ведали».

В грамоте Михаила Ярославича особо говорится о предоставлении подданным епископа права «бобры бити в купли своей и в уезде по Проне по реке, в речках и в озере и в болотех». Очевидно, что в Рязанской земле ловля бобров была исключительным правом княжеских людей — «бобровников», поэтому и пришлось предоставить такое право на территории епископского владения людям епископа. Важно отметить, что в грамоте нет запрета на въезд в епископское владение княжеских «бобровников» и других групп княжеских людей, занятых промысловыми занятиями. Обе грамоты раннего XIV века не содержат записей об освобождении владения от каких-либо государственных налогов и повинностей.

¹ Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 52–58.

² Морозов Б.Н. Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 299–300.

³ Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении... С. 56–58.

⁴ Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край / Изд. подг. С.И. Катков, И.С. Филиппова. М., 1978. С. 102.

Текст этих двух грамот, сохранившихся в составе правых грамот XVI в., следует сопоставить с записями о пожалованиях рязанской кафедре великого князя Олега Ивановича в источниках XVII в.⁵, где говорится о передаче различных земель «с резанкою и шездесят, с виною и с поличным и со всею пошлиною». В одной из записей также отмечено, что «волостели резанстии не всылают в село во владычне». Обращает на себя внимание, что в объекте пожалования особо отмечены «бортные угожья и бобры». Очевидно, право собственности на соответствующие угожья заслуживало и в конце XIV в. особого упоминания. Заслуживает внимания и воспроизведение в этих записях выражения о передаче владения «со всеми пошлинами», «со всею пошлиною». Их позволяет раскрыть текст грамоты пронского князя Александра. Речь шла о «пошлинах», поступавших с этих земель в пользу волостелей. Какие-либо записи о грамотах преемников князя Олега рязанской епископской кафедре пока неизвестны.

Краткие формулы грамот XIV в. могут быть сопоставлены со сведениями о статусе владений кафедры в докончании рязанских князей 1496 г. Здесь читается: «знают владычни люди великого князя дан и ям, и город рубят», а также «суд... великого князя надо владычными людьми в душегубстве и в розбои и в татбе», «а меж владычных людей владычень суд»⁶. Судя по этим данным, в конце XV столетия владения кафедры не обладали податным иммунитетом от главных налогов и повинностей и по тяжелым уголовным преступлениям подданные кафедры подлежали великокняжескому суду⁷. Краткие формулы записей пожалований XIV в. не позволяют установить, каким точно был объем судебной юрисдикции епископских волостелей в XIV — первой половине XV в.

Для изучения вопроса о статусе церковного землевладения во второй половине XIV в. особое значение имеет грамота великого князя Олега Ивановича Ольгову монастырю⁸ (ок. 1371 г.). Она сохранилась в оригинале, а ее внешний вид (текст украшен изображениями святых, в том числе св. Иакова — патрона великого князя Олега) показывает, что документу придавалось особое значение. Село Арестовское передавалось монастырю «с винами и с поличным, с резанькою и с шездесят и со всеми пошлинами». Это показывает, что в списках документов рязанского архиерейского дома и записях о них соответствующие формулы переданы правильно.

⁵ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСЭИ). Т. 3. М., 1964. № 314–315. С. 345–346.

⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее — ДДГ). М.; Л., 1950. № 84. С. 340.

⁷ Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении... С. 53–54.

⁸ АСЭИ. Т. 3. № 322. С. 350–352.

Следует отметить особо внимательное описание объекта пожалования. Село передавалось «с бортными землями... и с озером и с бобры и с перевесищи». Таким образом, подтверждалось право монастыря на все виды угодий на этой территории. Очевидно, в специальном подтверждении такого права была необходимость. Особо следует выделить передачу монастырю всех этих угодий «с поземом», т.е. с оброком, взимавшимся с занятого разными промыслами населения. В разъезжей грамоте 1498 г. между княжеской и епископской землями читается: «направо вверх по Оце... позем владычен городецких бортников, а налево от переверт по Оце реце... позем княжих бортников дорошинских»⁹. Таким образом, монастырь (при участии епископа Василия) получил, по-видимому, определенный податный иммунитет по отношению к промысловым угожьям.

Ряд важных показаний содержит вторая часть документа, подтверждающая «давными грамоты» рязанских князей XIII в. на переданные монастырю «погосты». Здесь объект пожалования также описан с перечислением различных видов угодий и указано, что «волостели мои ать не вступаются в них ни о котором же деле». Получается, что властям монастыря предоставляется вся полнота власти над подданными.

В другом тексте указано: «А волостели и даньници и ямщики ать не заимают богородицких людей ни про што же». Этот текст показывает, что дань была основным налогом, а «ям» — основной повинностью населения уже во второй половине XIV в. Формулы, употребленные в грамоте, позволяют предполагать, что владения Ольгова монастыря были освобождены от «дани», и от «яма». Явно исключительный характер пожалования не дает оснований для каких-то более широких выводов.

Грамоту Ольгову монастырю следует сопоставить со сведениями о пожалованиях Олега Ивановича Солотчинскому монастырю — в XV — начале XVI в. главной рязанской обители. Сохранились сведения о двух таких грамотах, по которым монастырю передавались «Федорково селище»¹⁰ и Савицкий остров с различными угожьями¹¹. Оба пожалования были переданы «с резанкою и шездесят, с виною и с поличным». Запрещается въезд в оба владения волостелям. В отличие от грамоты Ольгову монастырю в обеих грамотах читаются разные перечни других людей, которым не разрешалось въезжать в монастырское владение.

⁹ Морозов Б.Н. Грамоты... С. 305. См. также упоминание в одной из грамот великого князя Олега, что владычный ижевский бортник «мед платил владыце» (АСЭИ. Т. 3. № 318. С. 347).

¹⁰ АСЭИ. Т. 3. № 324. С. 353–354.

¹¹ Там же. № 325. С. 354–355.

В грамоте на Федорково селище отмечено, что в него не должны были въезжать «ни ямщик, ни боровщик, ни бобровник». Подтверждалось право монастыря пользоваться угодьями на своей территории. Упоминание в перечне «ямщика» позволяет предполагать, что владение было освобождено от ямской повинности. Но от «дани» это владение явно не было освобождено — поселившиеся на селище освобождались от «тягости» только на три года.

В грамоте на Савицкий остров с разнообразными угодьями перечень таких людей более обширный. Во владение не могут въезжать помимо «ямника» и «боровника» (смешение в копии «боровщика» и «бобровника») также «чашники» и «ключники», занятые заготовкой меда на бортных угодьях, а также «ловчане» — рыболовы. Отмечено и здесь, что владение передается «с поземом». Запрет княжеским чашникам и ключникам въезжать во владение монастыря — уникальное свидетельство, не повторяющееся более ни в одной из рязанских жалованных грамот. Его появление говорит о том, что запреты княжеским людям разных занятий въезжать во владение грамотчика не закрывали эти земли для более высокопоставленных людей, ведающих разными отраслями княжеского хозяйства.

В грамоте на Савицкий остров отмечено, что владение передается с «безатщинами», т.е. с правом властей монастыря на выморочное имущество¹². Во вкладной книге Солотчинского монастыря сохранились записи о ряде других пожалований Олега Ивановича на «бортную землю и с поземом и с бобры и со всеми пошлинами». Монастырю также передавались заводь и озеро, «а ловчанам в ту завоть и озеро рыбы ловить въезжать не велено»¹³.

Сохранились сведения и об аналогичных пожалованиях на различные угодья его жены Евпраксии и сына великого князя Федора Олеговича¹⁴.

Рязанская земля выступает как территория, покрытая промысловыми угодьями, где обитает занятое промыслами население, оброк с которого — «позем» — передается в монастырь, и где также активно действуют разные группы княжеских «служилых людей», и, чтобы монастырь мог ими пользоваться, этим людям следовало закрыть въезд на эти земли. Возможно, близкие княжеской семье монастыри обладали податным иммунитетом, но об этом говорят лишь упоминания о «позем» и косвенные данные.

Ряд уточнений в эту картину позволяют внести сохранившиеся тексты жалованных грамот Солотчинскому монастырю внука Олега, великого князя Ивана Федоровича¹⁵. В обоих документах

говорится о передаче соответствующего владения «с виною и с поличным и с татиным рублем». В одной из грамот к этой формуле добавлено пояснение: «татин рубль волостелю моему не идет, что учинится татба в его уезде промеж его людей». Из этого ясно следует, что суд по делам о воровстве между монастырскими подданными передавался монастырским властям. В московско-рязанском договоре 1434 г. отмечалось, что следует «выдати по исправе» «татя, розбойника, душегубца»¹⁶. Отсутствие в грамотах Солотчинскому монастырю упоминаний о «душегубцах» и «разбойниках» говорит о том, что соответствующие дела находились в юрисдикции великокняжеского суда. Весьма возможно, что речь идет о новости, расширившей права местных землевладельцев.

В одном из документов (грамоте на с. Филипповичи) монастырскому владению предоставлялись определенные податные льготы: для пришельцев из других княжений предоставлялось освобождение от дани и яма на три года, местным жителям, пришедшим поселиться на монастырской земле, на два года. Этот текст ясно показывает, что на владения главной рязанской обители ложилась обязанность уплачивать дань и выполнять ямскую повинность.

Как и ранее, в этой грамоте помещен перечень «княжих» людей, которым закрывался въезд в монастырское владение: боровщик, бобровник, закосник, бортник. Список этот открывает «ямщик», и содержание данного документа показывает, что запрет въезда «ямщику» в монастырское владение не означает его освобождения от ямской повинности¹⁷. Во второй грамоте Ивана Федоровича такого перечня нет. Из этого определенно следует, что запрет ямщикам и данщикам въезжать во владения Ольгова монастыря во все не означал освобождения этих владений от дани и яма. Приведенный пример, как представляется, говорит в пользу того, что в кратких формулах грамот XIV в. не следует видеть свидетельство о предоставлении церковным землевладельцам значительного податного и судебного иммунитета¹⁸.

Во вкладной книге Солотчинского монастыря сохранились сведения¹⁹ о грамотах великого князя Ивана Федоровича, в которых он подтверждал более ранние пожалования. Одна из грамот была выдана им совместно с бабушкой Евпраксией в начале его княжения. В записях говорится о передаче «бортной земли» «со всеми пошлинами», села «с бортными угодьями и бобровыми ловли» «с поземом» и «с безатщинами».

¹⁶ ДДГ. № 33. С. 86.

¹⁷ На это справедливо указывал С.Б. Веселовский (*Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении... С. 55*).

¹⁸ Так толковал эти формулы С.Б. Веселовский (там же. С. 55, 58).

¹⁹ АСЭИ. Т. 3. № 341-а. С. 367–368.

¹² О значении этой формулы см.: *Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении... С. 56*.

¹³ АСЭИ. Т. 3. № 341-а. С. 367.

¹⁴ Там же. № 326–327. С. 355; № 341. С. 364; № 341-а. С. 367.

¹⁵ Там же. № 328–329. С. 355–358.

В сохранившихся грамотах Ивана Федоровича о передаче монастырю «всех пошлин» уже не говорится. Передача «позема» отмечается лишь в одной из грамот. Нет речи и о передаче монастырю «безатщин». Создается впечатление, что в княжение Ивана Федоровича привилегии Солотчинского монастыря были сокращены. При оценке грамот Солотчинскому монастырю (грамоты другим монастырям не сохранились) следует иметь в виду, что монастырь пользовался особым расположением великого князя Ивана Федоровича, который предоставил обителю право беспошлинной торговли по всей территории Рязанской земли²⁰.

К концу XV в. относится грамота великой княгини Анны на одно из владений Солотчинского монастыря²¹. Как и ранее, с владением передавались «вина» и «поличное», «резанка и шездесят», а также «татин рубль», т.е. такой же судебный иммунитет, как в грамотах Ивана Федоровича. В грамоте указывалось, что если игумен посадит в этом владении людей «с сыних сторон», то этим людям «тягость моя некоторая не надобна на 5 лет». Термин «тягость» явился, по-видимому, общим обозначением лежавших на монастырских землях налогов и повинностей, и очевидно, что какими-либо податными привилегиями эта монастырская вотчина не обладала. Как и ранее, закрывался доступ во владение целого ряда «княжих» людей: названы «ямщик, боровщик, бобровник».

Учитывая и особое положение Солотчинского монастыря в Рязанской земле, и сведения об иммунитете владений архиерейского дома, есть основания сделать вывод об ограниченном судебном иммунитете церковных земель и об отсутствии сколько-нибудь значительных податных привилегий. В этой связи могут быть упомянуты только некоторые неопределенные «пошлины» и «позем». В грамотах XV в. ни то ни другое уже не упоминается. Можно отметить и запрет въезда на земли монастыря ряда групп, занятых в княжеском хозяйстве «служилых» людей (и в одном случае княжеских чашников и ключников).

Представляет интерес сопоставить полученные результаты с результатами анализа жалованных грамот рязанских великих князей светским землевладельцам.

Особенность сохранившихся жалованных грамот рязанских князей состоит в том, что среди них заметное место принадлежит грамотам на владения светских лиц — не только рядовых землевладельцев, но и людей, принадлежавших к верхушке рязанского общества. Наиболее ранние из сохранившихся текстов относятся к правлению великого князя Ивана Федоровича.

К верхушке рязанского общества принадлежал Григорий Давыдович (Таптыков), получивший грамоту на ряд вотчинных сел²². Жители этих сел освобождались от «тягли великого князя» на три года, а пришельцы — на 5 лет. Следовательно, никаких постоянных податных привилегий этому владению не предоставлялось. Землевладельцу передавались «резанка и шестьдесят», «вина», «поличное» и «татин рубль». Волостели не должны были въезжать в это владение. В грамоте помещен был и перечень княжеских людей, которым закрывался доступ во владение, — бобровник, боровщик, ямщик, но бортника среди них нет, и в грамоте отмечено, что села утверждаются за землевладельцем «с лесом опричь моего дуба борьного».

К элите рязанского общества принадлежал и Григорий Иванович (Вердеревский), получивший от пронского князя Федора Ивановича грамоту на земли по р. Кишне «под Чижовским лесом»²³. Крестьяне, пришедшие поселиться на этой земле, освобождались от «тягостей» на три года. Землевладельцу передавались «резанка и шестьдесят», «вина», «поличное» и «татин рубль». Закрывался въезд во владения для волостелей, ямщика²⁴, боровщика, бобровника. Обращает на себя внимание начало документа: «дал есмь ему сести», чем, как представляется, подчеркивалось верховное право князя на эту землю.

Ряд грамот великого князя Ивана Федоровича был выдан землевладельцам более низкого положения.

Обычными вассалами великого князя были Иван и Федор Бузовлевы²⁵ и Константин Федоров сын Маслов²⁶. Землевладельцы Бузовлевы получали освобождение владения от въезда волостеля, ямщика, бобровника, боровщика, закосника. Им передавались «вина» и «поличное», «татин рубль», «резанка и шестьдесят». Освобождение от дани, яма и «тягости» давалось на три года для «новых людей с иных сторон».

Константин Федоров сын Маслов по первой из полученных грамот приобрел аналогичные права, только перечень служилых людей, которые не могли въезжать в его владение, был короче (не упоминался «закосник»). По второй из грамот он получил освобождение от «тягот» на 10 лет, но только для «новых людей с сыних сторон» и «не писменных».

Сопоставление грамот, выданных представителям разных слоев рязанских землевладельцев, позволяет говорить о существовании определенных

²² Ее текст см.: Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века (далее — АСЗ). Т. 1. М., 1997. № 277. С. 252.

²³ АСЗ. Т. 4. М., 2008. № 73. С. 58–59.

²⁴ В списке: «ямник».

²⁵ АСЗ. Т. 4. № 59. С. 45.

²⁶ АСЗ. Т. 3. М., 2002. № 240–241. С. 197.

²⁰ Там же. № 341. С. 364.

²¹ Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. № 3. С. 10.

общих норм, определявших характер отношений государственной власти с боярами и детьми боярскими Рязанской земли. Все они получали «резанку и шестьдесят», «вину», «поличное», и «татин рубль», а владения их освобождались от въезда волостелей и ряда групп княжих людей. Вместе с тем никто не получил постоянного освобождения от дани, яма и других «тягот». Лишь Г.Д. Таптыков смог получить трехлетнее освобождение для крестьян своей вотчины, во всех остальных случаях временное освобождение получали только пришельцы с «ыных сторон» и «не письменные» люди, что указывает на появление в Рязанской земле к середине XV в. писцовых описаний.

Обращает на себя внимание употребление в этих документах и некоторых других вступительных формул, что князь «дал» землевладельцу «сесть» на территории, являвшейся объектом пожалования. В некоторых случаях (как в одной из грамот К. Маслову) речь идет действительно о передаче князем землевладельцу данной земли, но в другой грамоте говорится, что князь «позволил ему сесть... на его ж вотчине»²⁷. В грамоте братьям Бузовлевым речь идет о селе, купленном у местных землевладельцев²⁸. В двух грамотах таким лицам, принадлежавшим к верхушке рязанского общества, как Глеб Батуринич, «пестун» великого князя Ивана Федоровича, или его окольный Семен Глебович, указано, что великий князь «дал... ему сести на ево купли»²⁹, что говорит об обязательном утверждении земельных сделок княжеской властью.

От рязанского правителя второй половины XV столетия великого князя Василия Ивановича сохранились тексты двух жалованных грамот — предстательство рязанского боярства Ф.Г. Таптыкову³⁰ и рядовым землевладельцам Бузовлевым (1464 г.)³¹. Бузовлевы получали те же права, которыми они пользовались по грамоте Ивана Федоровича. Они получили освобождение для пришельцев на 5 лет, но с важным уточнением, что пришельцы должны быть «из иных княжений, а не из моей вотчины великого князя». Ф.Г. Таптыков получил освобождение для пришельцев на 6 лет, а для тех, кто придет из Переделья, — на 10 лет, но в остальном повторяются традиционные формулы, отсутствует выражение «резанка и шестьдесят», что, возможно, объясняется небрежностью при написании копии документа в составе правой грамоты XVI в.

От конца XV — начала XVI в. сохранилось большое количество документов.

О положении вотчин крупного землевладельца позволяет судить ряд грамот на разные

владения, выданных в разные годы боярину Федору Васильевичу Вердеревскому³².

Грамоты воспроизводят уже традиционный комплекс норм с некоторыми уточнениями, которые иногда позволяют раскрыть содержание более ранних формул. Так, вместо формулы «резанка и 60», «вина» и «поличное» здесь читается: а «явка, вина и поличное волостелю моему не идет». Отмечается также, что с пришлых крестьян «из зарубежия» не будет взиматься «дань и ям, и некоторая тягль» на ряд лет. В грамотах постоянно отмечается, что аналогичные льготы для местных жителей распространяются только на «неписьменных людей». Формуляр всех грамот практически идентичный, различаются лишь сроки освобождения от «тягла». Какие-то особые права фигурируют лишь в грамоте 1504 г. его брату Павлу, где указывается, что наместники ростиславские и их тиуны во владение Павла «не всылают ни по что, ни судят его людей»; «их сужу яз сама, великая княгиня»³³. Такое же право суда великой княгини получил для одного из своих владений боярин Федор Иванович Сумбул³⁴.

Ряд других грамот был выдан обычным землевладельцам³⁵. В них перечисляются те же нормы, которые приведены в грамотах П.В. Вердеревскому и Ф.И. Сумбулу, кроме отмеченной выше особой привилегии — личного суда великой княгини.

Сохранившаяся грамота великого князя Ивана Федоровича³⁶ позволяет судить о статусе еще одной общественной группы — великокняжеских слуг. Согласно этому документу, такие слуги получали следующие права: «с горожаны им тягости не давати, и коня моего им не кормити и кади оброчной не давати». Такие слуги не имели земель с крестьянами, и поэтому им не представлялась судебно-административная власть. Их следовало отделить от обычных городских жителей, что и достигалось выдачей специального документа.

Важная особенность рязанских жалованных грамот — наличие указаний на лиц, содействовавших пожалованию. Такие указания встречаются и в грамотах московских князей, но редко, а в грамотах рязанских князей такие указания встречаются постоянно. Уже в грамоте XIV в. рязанскому архиерейскому дому упоминаются «ходатаи», по-видимому, представители епископской администрации³⁷. В жалованной грамоте Олега Ивановича Ольгову монастырю помещен перечень бояр, «сгадав» с которыми великий князь принял решения о пожалованиях

³² Там же. № 76/77. С. 60–61.

³³ АСЗ. Т. 4. № 79. С. 62.

³⁴ Там же. № 439. С. 326–327.

³⁵ АСЗ. Т. 3. № 242. С. 197–198; Т. 4. № 78. С. 61; № 93. С. 70.

³⁶ АСЭИ. Т. 3. № 353. С. 378.

³⁷ Морозов Б.Н. Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома... С. 300.

²⁷ Там же. № 240. С. 197.

²⁸ АСЗ. Т. 4. № 59. С. 45.

²⁹ АСЗ. Т. 3. № 208/209. С. 170–171.

³⁰ АСЗ. Т. 1. № 277. С. 256–257.

³¹ АСЗ. Т. 4. № 60. С. 45–46.

монастырю³⁸. В грамотах Олега Ивановича епископу Василию и Солотчинскому монастырю упоминаются, как «ходатаи» стольник, а также стольник и чашник³⁹. Грамоту Солотчинскому монастырю великий князь выдал, «поговоря с зятем своим с Иваном Мирославичем». Очевидно, что упомянутые в заключительной части документа стольник и чашник были ходатаями, а не участниками принятия решения.

В жалованной грамоте великого князя Федора Ольговича Даниле Александровичу фигурирует целая группа ходатаев — двое бояр, казначей и стольник⁴⁰.

Ко времени великого князя Ивана Федоровича относится, как уже отмечалось выше, целый ряд жалованных грамот церковным и разного положения светским землевладельцам. Грамоту Солотчинскому монастырю он выдал, «поговоря с дядею своим Григорием Ивановичем», а в качестве ходатаев выступают боярин, стольник и два чашника⁴¹.

В грамотах Ивана Федоровича светским лицам разного положения фигурируют (по 1–2 чел. в каждом документе) по преимуществу окольничий, дворецкий, казначей, чашник, стольник, в одном случае — «пестун»⁴². Так оформляются грамоты и членам боярских родов, и рядовым служилым людям.

Для грамот преемников Ивана Федоровича характерно то же самое. В грамотах рязанским боярам, как и в грамотах рядовым землевладельцам, фигурируют ходатаи. Это обычно один или два боярина, лишь в двух случаях упоминается казначей⁴³. Чем вызваны перемены в составе ходатаев, источники выяснить не позволяют.

На этом фоне выделяется грамота великого князя Ивана Васильевича вдове Ивана Корабы и его сыновьям⁴⁴, в которой великий князь подтверждал их права на земли Ивана и обещал справедливый разбор претензий. Участниками ходатайства были не менее 5 бояр.

При всей краткости этих данных они наглядно показывают участие разных частей аппарата власти, рекрутирующегося из среды рязанского боярства в распределении земель и привилегий.

Проделанный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Уже к началу XIV столетия в Рязанской земле сложился определенный комплекс прав, предоставлявшихся собственнику-землевладельцу. Он предусматривал предоставление судебно-административной власти над подданными (неясно, в каком

объеме) и запрет волостелям князя «въезжать» во владение, что означало, вероятно, и освобождение от кормов и поборов в их пользу, а также освобождение от проезжей пошлины — «мыта», одного из источников дохода волостелей. Документы XV в. показывают, что этот комплекс прав стал к этому времени принадлежностью каждого светского или церковного землевладения. Эта сумма прав не включала каких-либо податных привилегий по отношению к княжеской власти.

Сохранившиеся грамоты церковным учреждениям XIV в. показывают их заботы об обеспечении права пользоваться промысловыми угодьями на своей территории и получать с них продукты промыслов и доходы. Эти угодья специально отмечались в акте пожалования, отмечалось право подданных собственника заниматься соответствующим промыслом и право собственника взимать с них «позем» — оброк, наконец, устанавливался запрет княжеским людям, занятым соответствующим промыслом, въезжать на территорию владения. В одной из грамот даже был помещен запрет въезда на территорию владения княжеским чашникам — боярам, ведавшим заготовкой меда для княжеского двора. Выражение в ряде документов о передаче того или иного владения «со всеми пошлинами» позволяет предполагать существование у церковных собственников податных привилегий, но более убедительно, что речь идет об освобождении от «пошлин», поступавших волостелям. Прямого освобождения от каких-либо налогов или повинностей грамоты не содержат. Запрет же въезда во владения Ольгова монастыря ямщиков и данщиков не означал, как ясно видно из показаний документов XV в., освобождения владений монастыря от дани и яма. В одной из грамот Солотчинскому монастырю прямо указывается, что освобождение от «тягости» дается пришельцам лишь на краткий срок.

Ко второй четверти XV в. — правлению великого князя Ивана Федоровича — относится выработка единого формуляра пожалований как церковным, так и разным слоям светских землевладельцев. Формуляр не включал в себя никаких постоянных освобождений от налогов и повинностей. Освобождение от дани и яма или вообще от «тягла» (или «тягости») давалось только на определенный срок и только для крестьян, которые пришли поселиться в данном владении.

Как некоторую льготу в этом отношении можно отметить лишь воспроизведение уже традиционно к этому времени запрета волостелям «въезжать» в данное владение. Возможно, это означало освобождение от кормов и поборов в их пользу.

Частью этого формуляра было определение, что владение передается «с виною и поличным и таиным рублем». Последняя часть этого фрагмента может говорить о передаче землевладельцу права

³⁸ АСЭИ. Т. 3. № 322. С. 350–352.

³⁹ Там же. № 315. С. 346; № 324. С. 353–354.

⁴⁰ АСЗ. Т. 3. № 153. С. 130.

⁴¹ АСЭИ. Т. 3. № 328. С. 355–356.

⁴² АСЗ. Т. 3. № 207/208. С. 170; № 240/241. С. 197; Т. 4. № 59. С. 45.

⁴³ АСЗ. Т. 4. № 76. С. 60; АСЭИ. Т. 3. № 333. С. 360.

⁴⁴ АСЭИ. Т. 4. № 366. С. 387.

вершить суд над подданными по делам о воровстве. Нельзя, однако, исключить, что речь шла о праве на получение судебного штрафа.

Еще С.Б. Веселовский справедливо отметил⁴⁵ текст в докончании рязанских князей 1496 г., где читается «суд мои над владычными людьми в душегубстве, в розбои и в татбе»⁴⁶. Вряд ли рязанский епископ мог быть лишен права, которым обладал любой рязанский землевладелец — духовный или светский. Очевидно, что дела о тяжелых уголовных преступлениях, совершённых жителями церковных или светских вотчин, подлежали юрисдикции великокняжеских судей.

Важной частью формуляра являлся запрет людям ряда разных занятий въезжать во владение грамотчика. Это ямщик, боровщик, бобровник (в некоторых документах и «закосник»). Так как постоянного освобождения от ямской повинности никому не предоставлялось, следует согласиться с заключением С.Б. Веселовского, что, очевидно, «грамотчики несли ямскую повинность деньгами или натурой, но самостоятельно без вмешательства ямщика»⁴⁷.

Что касается других лиц, то закрытие въезда для них означало, что промысловые угодья на территории владения могут полностью использоваться землевладельцем. Великокняжеские «бобровники» не могли там ловить бобров, а «закосники» — косить сено. Но при этом следует иметь в виду, что не устанавливался запрет на въезд во владение лицам, ведавшим разными отраслями княжеского хозяйства (стольникам, чашникам, ловчим), — такой запрет по отношению к чашникам встречается лишь в одной из грамот Олега Ивановича Солотчинскому монастырю.

Также следует учитывать, что запрет касался далеко не всех групп занятых промыслами княжеских людей. Так, в докончании рязанских князей 1496 г. упоминаются такие группы «служилых» людей, как «ловчане» или «конокормы», которые в жалованных грамотах середины XV — начала XVI в. не упоминаются.

Особо следует отметить, что лишь в одной грамоте⁴⁸ содержится запрет бортнику въезжать

во владение монастыря. Между тем бортничество в Рязанской земле было, пожалуй, самой важной отраслью княжеского хозяйства. В докончании рязанских князей раздел между ними объединений княжеских бортников в разных частях Рязанской земли занимал видное место. Очевидно, обеспечить за собой исключительное право на сбор меда на территории своих владений светские и духовные землевладельцы Рязанской земли не смогли.

Грамоты великого князя Ивана Федоровича светским землевладельцам обладают одной важной особенностью. В них отмечается, что великий князь разрешил грамотчику «сести» на той или иной земле, которая тому принадлежала или была им куплена. На утверждение великого князя предлагаются земельные сделки. Это говорит о сильной позиции великокняжеской власти по отношению к светским землевладельцам во второй четверти XV века. В документах последующего времени такая формула не употребляется.

Охарактеризованный выше формуляр сохранялся в тексте жалованных грамот вплоть до присоединения Рязанской земли к Русскому государству. Можно отметить лишь одну существенную новацию. Для крестьян во владениях двух рязанских бояр в случае совершения ими каких-либо проступков устанавливался суд самой главы государства — великой княгини. Грамоты членам рязанских боярских родов более раннего времени по формуляру ничем принципиально не отличаются от грамот рядовым землевладельцам. Очевидно, лишь в начале XVI в. наметилась тенденция придать особый статус владениям рязанского боярства.

Исследование жалованных грамот рязанских князей XIV — начала XVI в. позволило составить определенное представление о важных сторонах отношений княжеской власти со светскими и духовными землевладельцами Рязанской земли, а по отношению к последним наметить определенную картину эволюции этих отношений. Как представляется, сопоставление полученных результатов со свидетельствами об отношениях княжеской власти со светскими и духовными землевладельцами на территории Владимирского великого княжения даст возможность выделить особые черты исторического пути Рязанской земли до ее присоединения к Русскому государству.

⁴⁵ Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении... С. 53.

⁴⁶ ДДГ. № 84. С. 340.

⁴⁷ Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении... С. 55.

⁴⁸ АСЭИ. Т. 3. № 328. С. 355–356.

Список литературы

Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 1 / Сост. А.В. Антонов, К.В. Баранов. М.: Археографический центр, 1997. 432 с.; Т. 3 / Сост. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2002. 680 с.; Т. 4. / Сост. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2008. 632 с.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. / Сост. И.А. Голубцов. М.: Наука, 1964. Т. 3. 688 с.

Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М.: РАНИОН, 1926. 127 с.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. Л.В. Черепнин. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1950. 585 с.

Морозов Б.Н. Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома // Археографический ежегодник за 1987 год. М.: Наука, 1988. С. 298–309.

Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край / Изд. подг. С.И. Катков, И.С. Филиппова. М.: Наука, 1978. 191 с.

Б.Н. Флоря

Жалованные грамоты рязанских князей как исторический источник

Ключевые слова: Рязанская земля, княжеская власть, духовные и светские землевладельцы, податной и судебный иммунитет.

Аннотация: В тексте выявляются и анализируются сведения жалованных грамот о взаимно-

отношениях светских и духовных землевладельцев Рязанской земли с княжеской властью и ее представителями на местах. Автор приходит к выводу о достаточно ограниченном объеме податных и судебных привилегий землевладельцев.

B.N. Florya

Patents of nobility given to princes of Ryazan as historical source

Keywords: Ryazan land, authority of princes, spiritual and secular landowners, tax and judicial immunity.

Abstract: Information contained in patents of nobility on mutual relations of spiritual and secular

landowners of Ryazan land with the princely authority and its representatives on-sites. The author arrives at conclusion that tax and judicial privileges were rather meager, limited.

Тверь: от Михаила Александровича до Михаила Борисовича¹

В 1365 г., судя по титулованию в летописях, великим князем тверским, по крайней мере де-факто, стал Михаил Александрович². Этому способствовали личные качества князя и целый ряд обстоятельств.

Для характеристики этой политической фигуры необходимо вспомнить о его чуть более ранних действиях. Летописи о таковых начинают сообщать с 1362 г. Рогожский летописец сообщает, что князь «ездилъ в Литву о миру и взял миръ съ Олгердомъ»³. Заключение этого мира было, видимо, актуальным в связи со случившейся зимой 1362 г. агрессией Литвы, захватившей некие тверские волости⁴. Едва ли эти «волости» имели отношение к Микулинскому уделу князя (в таком случае Ольгердовы войска должны были продвинуться далеко на территорию Тверского княжества). Михаил действовал в интересах Тверской земли в целом, поскольку именно он мог добиться успеха в силу родственных связей с княжеским домом Ольгерда. Ольгерд был женат на сестре Александровичей Ульяне. Кроме того, Михаил и Ольгерд были связаны родством с нижегородским княжеским домом. Женитьба Михаила в Нижнем Новгороде в 1352 г. на Евдокии, дочери князя Константина Васильевича, практически совпала по времени

со свадьбой дочери Ольгерда и сына того же Константина Васильевича Бориса.

Успех в заключении мира усилил позиции Александровичей. К тому времени все владения Александровичей имели единое управление, осуществляемое Всеволодом и матерью-княгиней⁵, но в 60-х годах, с отходом Всеволода от активной деятельности, лидерство начинает переходить к Михаилу.

Во время эпидемии чумы в Тверском княжестве (кон. 1365 — нач. 1366 г.) умерли мать Михаила Анастасия (20.11.1365), старший брат Всеволод Александрович Холмский (08.01.1366) и двое младших братьев. В результате Михаил Александрович получил возможность распоряжаться Холмским княжеством и владениями своих младших братьев. В эпидемию умер и двоюродный брат Михаила Александровича князь Семен Константинович, завещавший свою часть клинских земель Михаилу в обход родного брата князя Еремея Константиновича и дяди Василия Михайловича. Предвидя реакцию ближайших родственников Семена Константиновича, Михаил Александрович «нарядилъ Городокъ новыи на Волзѣ»⁶. В споре о клинском наследстве тверской епископ Василий и население Твери выступили на стороне Михаила Александровича. Владыка «по митрополичю приказу» должен был рассудить конфликтующих членов тверского княжеского дома. Епископ Василий «оправил» Михаила Александровича, чем вызвал недовольство Москвы. Продолжение этого конфликта зафиксировано под 1367 годом: Михаил Александрович уехал

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России». Публикуется в целях апробации.

² Этот же год имел в виду как год вступления на тверской стол и панегирист, написавший Похвальное слово на преставление Михаила Александровича, которое читается в Рогожском летописце. Здесь говорится, что он умер в 1399 г., «добрѣ удръжавъ столъ Тфѣрьскыи лѣтъ 34» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 167).

³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 73.

⁴ Там же. Стб. 72.

⁵ Анастасия также укрепляла связи с литовскими родственниками: в 1364 г. она вернулась от Ольгерда с внучкой, и последнюю крестил в Твери митрополит Алексей.

⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 81. Ныне Белый городок Кимрской области.

в Литву, а представители другой стороны инспирировали вызов «приставомъ митрополчимъ» «на Москву на соуд перед митрополита» тверского владыки, «что ихъ судиль о чясти о княжѣ о Семеновѣ. И тако на Москвѣ про тотъ судъ владыцѣ Василию бышетъ истома и проторъ великъ»⁷. По свидетельству «Предисловія лѣтописца княженія тферскаго благовѣрныхъ великихъ князей тверскихъ»⁸, супруга Василия Михайловича Елена, побуждая его к действиям против Михаила, утверждала, что племянник «хочеть княжи(ти) на град(ѣ) семь», и позиции его весьма серьезные: он «старшаго ти брата сынъ, и есть муж добліи, сладокъ всѣмъ, и весь градъ Тверскыи любить его»⁹.

Василий Кашинский, войдя в Тверь, «многимъ людемъ сотвориша досадоу бесчестиемъ и моукою, и разграблениемъ имѣниа, и продажеу бес помилованиа». Затем князь Василий с князем Еремеем и сыном Михаилом идет к Городку, приведя с собой московскую рать. Город не взяли, но «мнози тогды в полонъ поведени быша, а рать московскаа и волочане тако извоевали тфѣрьскыи волости на сеи сторонѣ Волги и церковныи волости святаго Спаса, великоу изгыбель сотворили христианомъ»¹⁰. Василий Михайлович поступает с тверичами и жителями других тверских городов как с врагами. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что они даже в столь критической ситуации оставались верны Михаилу Александровичу и не перешли на сторону его противника.

В октябре того же года ответные действия Михаила, пришедшего с литовскими войсками на тверские земли, привели к пленению супруги и бояр князя Василия. Войска Михаила двинулись к Кашину. Однако Василий Михайлович отправил навстречу ему послов, и при посредничестве тверского епископа был заключен мир.

Тогда же (в 1367 г.) московский князь и митрополит позвали Михаила Александровича в Москву «по цѣлованию любовию, а съдумавъ на него съвѣт золь»¹¹. А когда Михаил приехал, его вероломно арестовали. Арестовали и его бояр, «розно разведоша», добываясь, видимо, согласия на передачу Еремею Городка и Семеновою отчины. Михаила отпустили в связи с приездом посольства Орды, по-видимому, считая, что даже ордынцам такие действия могут показаться неприемлемыми. Части бывших владений Семена князь Михаил лишился.

В 1368 г. Дмитрий Иванович Московский предпринимает поход на Тверь, Михаил поехал в Литву звать на подмогу своего зятя Ольгерда. Ольгерд идет на Москву с братом Кейстутом и сыном

Витовтом, к союзникам присоединяются смоленские рати. Войска разоряют московские территории, «учинив лихо за лихо». Результатом так называемой «Первой литовщины» было возвращение Михаилу Александровичу всех отобранных владений, а Еремей был отправлен в Тверь.

В 1369 г. Михаил Александрович строит в Твери деревянные укрепления. Действия князя были небезосновательными: посольство Михаила, отправленное им к Дмитрию «любви крѣпити», было отослано обратно, а сам Дмитрий Иванович сложил с себя крестное целование. Московские силы двинулись в тверские пределы, они грабили территории великого тверского князя. Предвидя подобные действия Москвы, Михаил, видимо, обратился в Орду для подтверждения своего статуса. Ярлык привезли в Тверь уже во время военных действий. Сам Дмитрий приблизился к Твери, захватил Микулин и Зубцов. Второй приход Ольгерда с Кейстумом к Москве (1370 г.) закончился перемирием и договоренностью о браке дочери великого князя литовского с Владимиром Андреевичем Серпуховским.

В начале 1371 г. Михаил отправился в Орду, где получил ярлык на великое Владимирское княжение от Мухаммед-Булака. 10 апреля вместе с ханским послом Сарыхожей он приезжает в Тверь, а затем отправляется во Владимир. Дмитрий же, несмотря на требование ордынского посла, «не сступи сему» и во Владимир Михаила не пустил. Михаил Александрович, собрав войско, пошел на Кострому, но, не дойдя до нее, «увернуся», взял Мологу, сжег ее и другие города, а также Бежецкий Верх и 23 мая возвратился в Тверь. При этом тверской князь не захотел принять военную помощь Орды для того, чтобы укрепиться на Владимирском столе. Тверской летописец передает слова «окааний измаилтян»: «дали бы еси тебѣ княженіе великое, и рать еси тебѣ давали, и ты не захотѣлъ...»¹²

Известно, что в 1371 г. Михаил Александрович посылал некую жалобу на митрополита Алексия в Константинополь. Возможно, эти действия шли в одном ряду с обращением в том же году к патриарху Филофею литовского великого князя Ольгерда, который просил поставить вместо митрополита Алексия особого митрополита на Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижний Новгород¹³. Однако лишь действия Михаила имели результат: Алексию было предписано снять отлучение с тверского князя и епископа и предпринять шаги к примирению с Михаилом Александровичем.

15 июня 1371 г. уже Дмитрий Иванович отправился в Орду, где щедро одарил хана и получил новый ярлык на великое княжение.

⁷ Там же. Стб. 84.

⁸ Нарративно-панегирический текст в Тверском сборнике.

⁹ ПСРЛ. Т. 15. СПб., 1863. Стб. 468–469.

¹⁰ Там же. Вып. 1. Стб. 84.

¹¹ Там же. Стб. 87.

¹² ПСРЛ. Т. 15. Стб. 430.

¹³ Русская историческая библиотека. СПб., 1908. 2-е изд. Т. VI. Приложения. Стб. 140.

В этих условиях была составлена договорная грамота Михаила Александровича с Новгородом «О рубеже»¹⁴, поводом для заключения которой стали нападения и на определенное время захват князем Михаилом Бежецкого Верха. Впрочем, по справедливому мнению В.Л. Янина, этот договор «носит условный характер»¹⁵, поскольку завершается грамота именно условной формулой: если Михаилу «вынесут» из Орды княжение великое — «нам еси князь великий», если же не вынесут, то наместники князя должны идти «проць» из Новгорода и новгородских пригородов¹⁶.

Вражда Твери с московским князем продолжилась. На Бежецкий Верх Дмитрий наслал рать, там был убит Михайлов наместник, пограблены ближайшие территории. Михаил же послал свои рати на Кистьму, захватил там местных воевод. В этих условиях и кашинский князь Михаил Васильевич сложил крестное целование к Михаилу и поехал в Москву.

Весной следующего года Михаил Александрович, повоював Дмитров, с литовскими и полоцкими союзниками, которые до этого ходили на Переяславль, пошел к Кашину. Он взял с города окуп, а кашинского князя вернул в свое подчинение.

В том же году, в начале Петровского поста, новоторжцы при поддержке новгородцев «заратишася съ князем с великим с Михаилом съ Александровичем, намѣстника его съслада, а тѣричь изнимаша и биша, а лодьи их пограбиша». Со стороны Михаила Александровича последовали ответные действия: 31 мая он подступает к Торжку и посылает в город с требованием: «Кто моих тѣричь билъ и грабилъ, тѣх ми выдайте, а язъ оу вас не хочу ничего, а намѣстника моего посадите»¹⁷. Он требовал восстановления своих прав, подчеркивая, что «Тверская держава» не оставит безнаказанными «обиды» тверичей. Он ждал до утра, но новоторжцы предпочли биться, и в первой же схватке победили тверские войска. Торжок был сожжен.

А в июле 1372 г. тверские войска соединились с литовскими около Любутска, чтобы двинуться к Москве. Навстречу выступил Дмитрий Иванович. Стояние около Любутска продолжалось несколько дней и окончилось перемирием, которое было заключено в конце июля. Перемиренная московско-литовская грамота касалась и Михаила Александровича. Ольгерд был обязан обеспечить возврат Михаилом пограбленного в «отчине»

¹⁴ По уточнению В.А. Кучкина, грамота датируется временем после 15 июня — до октября 1371 г. (Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 94).

¹⁵ Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1990. С. 167.

¹⁶ ГВНиП. М.; Л., 1949. № 15. С. 30.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 101.

московского князя и в «великом княжении» начиная с зимы 1368/69 г. Возврат предполагался «по исправѣ». Подкреплялась эта статья и другой, где говорилось, что кроме послов «тѣричемъ нѣтъ дѣл» в великом княжении, а московским — в Тверском. Если Михаил Александрович попытался бы посадить своих наместников на этих территориях, Дмитрий мог их «сослати доловъ» и даже применить насилие. Ольгерд же впредь не мог оказывать военную помощь Михаилу против Дмитрия.

Согласно условиям заключенного мира, Михаил Александрович свел наместников с территорий великого княжения (в данном случае речь шла о Торжке). В Твери же рыли ров и сypали вал «от Волги до Тмаки», готовясь к обороне.

В 1373 г. Михаил Васильевич Кашинский умер, а Василий, его сын, «по одному слову с бабою съ княгиню со Оленою и з бояры с кашиньскими приехал въ Тѣрь къ князю к великому Михаилу с челобитиемъ и вдашася въ его волю». Но уже на следующий год кашинский князь «ступил со Тѣри на Москву ко князю к великому Дмитрию»¹⁸.

В 1374 г. в Тверь приезжают митрополит Алексей и будущий митрополит Киприан, тогда в качестве патриаршего посланника. Они ставят на епископскую кафедру владыку Евфимия. Состоялось знакомство Михаила Александровича с Киприаном, установившиеся их добрые взаимоотношения оказались в дальнейшем полезными для обеих сторон.

Великокняжеские амбиции проявились в действиях Михаила Александровича в 1375 г., когда он, поддавшись на авантюрные предложения Ивана, сына московского тысяцкого Василия Вельяминова, перебежавшего от московского князя в Тверь, и прибывшего с ним вместе Некомата-сурожанина, поехал в Орду, а затем получил ярлык на великое Владимирское княжение из рук вернувшегося позже из Орды Некомата.

Получив ярлык, Михаил заручился поддержкой Ольгерда, сложил крестное целование к Дмитрию Ивановичу и послал наместников в Торжок. Дмитрий Иванович с многочисленными союзниками, которых он разными путями объединял все предшествующие годы под своей рукой, двинулся на Тверь, опустошая территории княжества. 1 августа был взят Микулин, 5 августа союзные войска подошли к Твери, пожгли посад, а 8 августа двинулись на приступ. Тверичи отбились, москвичи отступили от города, и началась осада. Вскоре подтянулись новгородские войска. Князь Дмитрий стоял под Тверью около месяца, опустошая Тверское княжество. Ситуацию усугубил «моръ на люди и на скоть»¹⁹. Михаил Александрович, «свое изнеможение видя», послал владыку и бояр к Дмитрию

¹⁸ Там же. Стб. 105.

¹⁹ Там же. Стб. 112.

просить мира. 1 сентября 1375 г. был заключен договор между Москвой, Новгородом и Тверью, фиксирующий условия этого мира.

По договору 1375 г., подписанному на условиях Дмитрия Донского как победителя, великий князь тверской ущемлялся не только в свободе внешнеполитических действий и объявлялся «молодшим братом» Дмитрия, но и нес непосредственные материальные потери, утрачивал Кашинский удел и волость Ракитну. Московская сторона диктовала условия, спешила получить от Твери максимум в краткие сроки: «А отъдати ти все по Семенѣ дни за недѣлю»²⁰. Как показано В.А. Кучкиным, имеется в виду условие возвращения награбленного тверской стороной в течение недели после Семенова дня (1 сентября)²¹.

Таким образом, действия Михаила Александровича до переломного 1375 года были решительными и порой рискованными, в первую очередь направленными на борьбу с Москвой. В 80-е гг. его политика становится иной. После проигранной войны 1375 г. Тверь не воевала, и это позволило аккумулировать материальные ресурсы для внутреннего развития княжества. Осваиваются новые земли для хлебопашества, растут города. В завещании Михаила впервые упоминается Вертязин (Городня), Опоки, а также Вѣбрань и Радилов. Развивается церковное строительство²². В том же году во владение великого тверского князя возвращается Кашин, поскольку Василий Михайлович II умирает бездетным, и его удел становится выморочным.

Тверь снова становится богатым княжеством, торгующим с Востоком и Западом. В 1389 г. в Тверь прибывают пушки «из немец».

С Ордой у Михаила Александровича противоречий не было, но союзников он искал в ином направлении. Иван, старший сын, с 1377 г. был женат на дочери Кейстута, сестре Витовта. В 1386 г. заключены браки сыновей Михаила: Бориса — с дочерью Святослава Смоленского и Василия — с Анастасией, дочерью Владимира Ольгердовича Киевского.

В похвале Михаилу Александровичу тверской книжник подчеркивает, что князь обеспечивает безопасность граждан, он «великы стражу Тфѣрскаго града», «грады тфѣрскыя утверди», охранял княжество, «яко же орелъ гнѣздо свое». Заботясь о «земском справлении», он печется о благополучии боярских родов, заступает за обижаемых, проявляет милость к нищим и убогим и т.д. Судя по летописным данным, им были уменьшены (или ликвидированы вовсе) торговые пошлины.

²⁰ Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. С. 341.

²¹ Там же. С. 202.

²² Конявская Е.Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV вв. М., 2007. С. 187–188.

К концу XIV в. происходит «стабилизация застройки, выразившаяся в преемственности территории усадеб и появлении мощения улиц»²³. На княжескую службу стремятся многие, и «сынове сильных прилагахуться ему, и дворъ его день от дне множайше крѣпляшеса»²⁴. Все это делало Тверское княжество притягательным для людей с других территорий, и, как сообщает тверской книжник, Михаил Александрович «люди бещислено сладѣ и благочинно собра»²⁵. Таким образом, как и прежде, Тверское княжество увеличивало свои ресурсы и богатство за счет притока людей из других земель.

Докончание с московским великим князем Василием Дмитриевичем было заключено Михаилом Александровичем в 1399 г., незадолго до смерти. На то были весьма весомые причины. Витовт в 1398 г. заключил договор с Орденом, в нем речь шла о подчинении союзниками Новгорода и Пскова. Под 1399 годом в Рогожском летописце и Симеоновской летописи сообщается, что Михаил Александрович Тверской и великий московский князь «покрѣпиша миру, съединишася русстии князи вси заедин, и бысть радость велика всему миру». В других летописях эта информация отсутствует, и это показывает, что «покрепление мира» относится только к этим князьям, а высокопарность фразы отражает отношение летописца к событию, которое пишущий представляет как судьбоносное. Следующее же известие говорит о том, что в тот же год «князи русстии» послали «грамоты разметныи к Витовѣту»²⁶. Ясно, что и здесь «русстии князья» — это те же Василий Дмитриевич и Михаил Александрович. Именно они заключили окончание перед лицом литовско-немецкой угрозы.

Договор этот во многом нивелировал негативные для Твери нормы договора 1375 г., касающиеся как политической, так и экономической стороны. Устанавливались равноправные союзные отношения, равенство в титулах, одинаковые нормы торговли, равноправный характер носило и большинство социальных статей. Договор был благоприятным для торговли, развитию которой князь и раньше уделял серьезное внимание. Эти благоприятные для Тверского княжества нормы сохранялись и подтверждались новыми договорами в течение всего последующего времени — почти до утраты Тверью независимости в 1485 г.

Завещания тверских князей до нас не дошли, но духовная Михаила Александровича, по крайней мере ряд ее статей, пересказывается в Повести о преставлении Михаила Новгородской IV летописи. Из Повести известно, что, по завещанию

²³ Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV веках: Автореф. дис. ... д-ра наук. СПб., 2011. С. 25.

²⁴ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 468.

²⁵ Там же. Стб. 167.

²⁶ Там же. Стб. 165.

Михаила Александровича, старший сын Иван получал больше, чем другие (Тверь и семь городов: Новый Городок, Зубцов, Радиллов, Въбрынь, Опоки, Вертязин, Ржеву). Примечательно, что при этом названы и дети Ивана — Александр и Иван, которые должны были получить эти владения вслед за отцом. Сыну Федору предназначены два городка Микулина с волостями. Сыну Василию и внуку Ивану Борисовичу — Кашин и Кснятин. Иван Борисович — сын умершего к тому времени кашинского князя Бориса Михайловича, при этом указан и сам Борис²⁷; как показано В.А. Кучкиным, это указание проясняет, о чьем сыне идет речь и чем владел покойный Борис²⁸. Все это подчеркивает закрепление наследования за каждой линией потомков. Таким образом, в завещании Михаил Александрович устанавливает в своем потомстве порядок наследования от отца к сыну, видя в нем залог прекращения острого соперничества между дядьями и племянниками. В завещании предписывалось «брату брата чтити и любити, а старейшего брата всѣмъ слушати»²⁹.

Михаил Александрович умер 26 августа 1399 г. Его преемником, согласно завещанию, стал старший сын Иван. Для получения ярлыка на Тверское великое княжение он отправил послов в Орду. Там к власти после смерти Тимур-Кутлуга пришел хан Джанибек, который и дал Ивану Михайловичу искомый ярлык.

Ставший великим тверским князем Иван Михайлович не обладал авторитетом, сравнимым с авторитетом его отца, о котором говорится в Рогожском летописце: «бояху бо ся его, яко бѣ муж страшень», но из заповеди отца «брату брата чтити и любити, а старейшего брата всѣмъ слушати» в качестве руководства к действию усвоил только вторую часть и вскоре «захотѣша свою братию обидети, и повелѣша бояром своим цѣлование сложити къ своей братии ко князю Василию и ко князю Феодору Михайловичем, и ко князю Ивану Борисовичу»³⁰. Те обратились с жалобой к великой княгине Евдокии, вдове Михаила

Александровича³¹. Посланные княгиней и ее младшими детьми бояре апеллировали к «грамоте» Михаила Александровича, говоря о неправомерности поведения бояр великого князя. Положениям грамоты Иван противопоставил свою волю, сказав, что его бояре (по-видимому, те из них, кто проживал на территории удельных князей) сложили к братьям крестное целование по его слову, и начал на своих родственников «враждовати... и нелюбие дрѣжати». Вскоре братья встретились в Твери на годовину отца, но и это не привело к примирению. Вдова Бориса Михайловича поспешила заявить лояльность (свою и внука) по отношению к старшему в княжеском доме, за что князь через некоторое время передал Ивану Борисовичу оз. Лукое и слободку Вход в Иерусалим, отобранные у Василия Михайловича Кашинского. Василий посылает к Ивану Михайловичу, как свидетельствует Рогожский летописец, «отца своего владыку Арсения, прося суда общего»³².

Авторитет владыки, с которым у его отца было полное согласие, был очень велик. Согласно тексту Тверского сборника, перед смертью Михаил Александрович говорит владыке Арсению, что оставляет вместо себя старшего сына Ивана (как бы поручая тем самым ему попечение о преемнике). Именно Арсений, как сообщает летопись, велит звонить в колокола и, стоя «на высоком мѣстѣ», объявляет собравшемуся народу о том, что князь Иван «благословень своимъ отцемъ великимъ княземъ Михаиломъ на великий стол града Тѣри»³³. Отныне он будет блюсти тверской народ, как и его отец. Это должно означать, что Иван Михайлович воспринимает вместе с великокняжеским столом и неразрывный союз с владыкой. Но при первой же апелляции (в данном случае Василия Кашинского) к епископу новый великий князь отнюдь не следует примеру отца, а отвечает резко и определенно: «Суда ти о том не дам». Характерно, что Василию Кашинскому поддержку окажет затем не только их мать княгиня Евдокия, но и, как свидетельствует Рогожский летописец, «из Сергиева монастыря приеха честныи мужь игумень Никонъ»³⁴. Он крестил в Кашине родившегося у Василия и его княгини Анастасии сына Дмитрия. Относительно Евдокии и ее приезда в Кашин нужно иметь в виду, что она, скорее всего, именно *вернулась* в Кашин, т.е. и ранее Василий был ей наиболее близок, и после смерти супруга она жила в Кашине. Об этом можно судить по тому, что, по словам летописца, Василий «пришедъ ко своей матери» жаловаться на действия великокняжеских бояр, апеллируя при этом к духовной грамоте отца, за исполнением

²⁷ Э. Клюг и А.Г. Тюльпин объясняли это тем, что завещанию 1399 г. предшествовало завещание более раннее, составленное князем до 1395 г. (год смерти его сына Бориса) (Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 257; Тюльпин А.Г. Политическая история великого княжества Тверского в первой четверти XV в. // Великий князь Тверской и Владимирский Михаил Ярославич: личность, эпоха, наследие. Тверь, 1997. С. 162). Однако допущение, что летописец использовал текст старого завещания при имеющемся окончательном (и действующем), представляется весьма сомнительным.

²⁸ Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. С. 324–326.

²⁹ ПСРЛ. Т. 4. М., 2000. С. 387–388. Известно, что недостаточно подробно прописанные подобные нормы в завещании Дмитрия Донского привели впоследствии к серьезным коллизиям.

³⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 176.

³¹ Это подтверждает, что статья о роли княгини в семейных коллизиях в завещании Михаила была.

³² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 177.

³³ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 460–461.

³⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 177.

которой должна была следить вдовья княгиня. Характерно, что в Рогожском летописце употреблена формулировка «въ Тѣрь въ свою отчину» по отношению к поездке Василия на родину отца. Это могло быть глухим отголоском великокняжеских амбиций Василия Михайловича и показывает, что столь длительная и упорная борьба тверского великого князя с князем кашинским имела более сложный характер, чем стремление Ивана Михайловича к полному контролю над Кашином.

В великокняжеской летописи, отразившейся в Тверском сборнике, Иван предстает как создатель: осенью 1402 г. он укрепил пограничные Опoki, на Городке (Старице) построил каменную церковь св. Николы, затем слил колокол Благовестник для кафедрального собора. На этом фоне с явным осуждением летописец пишет о том, что «князь Василии Кашинский не почал слушати брата своего старишаго великого князя Иоанна, и поиде ратию къ Кашину»³⁵. Сын Ивана Александр «засяде» Кашин, а Василий бежал в Москву. Но уже через несколько месяцев Василий был пожалован Иваном Михайловичем его уже уделом (Кашином).

Зимой 1404/1405 г. Василий Михайлович приехал в Тверь, видимо, для каких-то переговоров, но вместе с боярами был арестован Иваном, а в его удел были направлены тверские наместники. 17 апреля 1405 г. Василий Михайлович был отпущен на свободу, братья целовали крест, и Василий уехал в Кашин³⁶. Спустя три месяца он разорвал отношения с Тверью и отъехал в Москву. Кашинским княжеством вновь стали управлять наместники Ивана Михайловича, которые подвергли людей князя Василия Михайловича новым «продажам» и «грабежам»³⁷. В мае 1406 г. Иван Михайлович и Василий Михайлович вновь примирились.

Осенью 1408 г. Иван Михайлович совершил новый поход на Кашин, на этот раз против Ивана Борисовича, который бежал в Москву, а его мать была заключена под стражу; во владения Ивана Борисовича были направлены великокняжеские наместники. Одновременно великий князь тверской заключил соглашение с кашинским князем Василием Михайловичем. Позже конфликт был урегулирован и с Иваном Борисовичем. Причем в связи с кашинскими князьями вновь фигурирует «Никон Маковский» (т.е. Радонежский): по его благословию Иван Михайлович «пожаловал» своего братанича³⁸.

Последнее обострение противостояния Ивана Михайловича с братом Василием пришлось

на 1412 г. 28 июня, получив от ханского посла приказ ехать в Орду, Иван Михайлович велел арестовать князя Василия Михайловича, его жену, бояр и слуг, но тому удалось совершить побег и отъехать в Москву. Вместе с великим князем московским Василием Дмитриевичем Василий Михайлович отправился в Орду. 14 августа туда же выехал и Иван Михайлович. Как Василий Дмитриевич, так и Иван Михайлович отправляются в Орду в связи со сменой правителя. Иван вернется в Тверь в 1413 г., «пожалован царем»³⁹. Вероятно, и Василию Михайловичу удалось добиться поддержки у хана Керим-Берди, так как, вернувшись раньше Ивана Михайловича, в отсутствие великого князя тверского он при поддержке татарского отряда 24 декабря предпринял попытку захватить Кашин, но князь Иван Борисович не пустил его в город. К концу 1414 г. великий князь тверской окончательно примирился с братом Василием, и в Кашине было восстановлено соправительство Василия Михайловича и Ивана Борисовича, после чего междоусобицы в связи с Кашином в Тверском княжестве прекратились.

Серьезные трения были у Ивана Михайловича и с удельным холмским князем Юрием Всеволодовичем. После смерти бездетного брата Ивана Всеволодовича он не получил часть его удела, который тот завещал сыну Ивана Михайловича Александру. Недовольный своим положением Юрий Всеволодович в 1402 г. уехал искать поддержки в Москву. Иван Михайлович, по словам летописца, не раз посылал к нему с призывом решать конфликт в Доме Святого Спаса, т.е. в Твери, при посредничестве владыки Арсения и бояр: «Многажды посылаша, сице рече: "не отлучаися, брате, дому святого Спаса и своего отчества, но поиди, живи на предѣли отца своего, а злых челоуѣкъ не слушаи; аще ли ты каа обида есть, да се о нас епископ Арсении и мужи честнии отець нашихъ"»⁴⁰. Однако Юрий в течение трех лет пребывал в Москве, а затем отправился в Орду, «ища великого княжения». Туда же поехал и князь Иван. В Орде тверской великий князь находится с 21 июля 1407 г. по 24 января 1408 г. Столь длительное пребывание, видимо, объяснялось тем, что в Орде разрешение спора тверских князей было обставлено как суд. В Тверском сборнике говорится: хан Булат «судивъ Ивана съ Юриемъ» и выдал ярлык на Тверское княжество Ивану Михайловичу. Тем не менее Юрий продолжал свои действия, пытаясь использовать смену власти в Орде, и сумел добиться ярлыка на Кашинское княжество и 10 тверских волостей, но реализовать свои права на них не сумел. Летом-осенью 1410 г. Иван Михайлович примирился с Юрием Всеволодовичем, который вернулся в свои владения.

³⁵ Там же. Стб. 470.

³⁶ Конявская Е.Л. Очерки по истории тверской литературы XIV-XV в. С. 256-257.

³⁷ ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897. С. 192.

³⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 186. Таким образом, игумен Сергиева монастыря вновь проявил особое внимание к кашинским князьям.

³⁹ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 486.

⁴⁰ Там же. Стб. 478.

Хотя в первой четверти XV столетия в Тверском княжестве налицо тенденции к централизации, процесс этот развивался не всегда последовательно. Так, в 1407 г. после смерти Дмитрия Еремеевича из его владений выделился Чернятинский удел, которым стал владеть его сын Иван Дмитриевич.

После смерти в 1409 г. тверского епископа Арсения Иван Михайлович посылает к митрополиту Фотию своего боярина, прося поставить нового владыку. На владычную кафедру было выдвинуто два кандидата — тверской и московский. Первый — федоровский игумен Парфений, второй — московский ильинский игумен Антоний. Иван Михайлович с князьями и боярами присутствовал на открытии жребия. Вынул жребий Антония, хотя «не хотевшимъ тферичемъ поставлень бысть епископомъ»⁴¹. Таким образом, в отличие от своего отца Иван не смог утвердить на владычной кафедре желанную ему кандидатуру.

Внешняя политика Ивана Михайловича с самого начала княжения была ориентирована на союзные отношения с Литвой. Видимо, после «разметных грамот», посланных Витовту Василием Дмитриевичем и Михаилом Александровичем в конце XIV в., были заключены какие-то новые соглашения с литовским великим князем. Об этом свидетельствует, в частности, повествование Тверского сборника о конфликте с Витовтом и стоянии на Плаве. Сообщается о сложении крестного целования к литовскому князю Василием Дмитриевичем Московским и Иваном Михайловичем Тверским в 1406 г.⁴² В отношении Василия Дмитриевича на наличие такого соглашения указывают упоминания в летописях договоренности с Витовтом о Смоленске (Василий не должен поддерживать Юрия). Летописи также свидетельствуют о постоянных контактах Твери с Витовтом: трижды с ним встречался сын Ивана Михайловича Александр, в 1405 г. к нему ездил сам Иван Михайлович. Переговоры, видимо, касались контроля Витовта над Смоленском, поскольку впоследствии в Новгород была послана грамота от имени Витовта и Ивана Михайловича с требованием выдать бежавшего туда бывшего смоленского князя Юрия Святославича⁴³.

Отношения с Литвой обострились после того, как войска Витовта напали на псковские территории. Конфликт 1406 г. не перерос в военное столкновение, а закончился перемирием. При этом перемирие, заключенное на Пашковой гати, послужило причиной разлада отношений между московским и тверским князьями. Василий Дмитриевич втайне

от бывших тут же тверских князей и воевод в перемирной грамоте с Витовтом «не написа честно имѣни брата своего великого князя Ивана Тферскаго, но написа и послѣ братиѣ своеи», которая тверским великим князьям приходилась «братией молодшеи». То есть, согласно нормам договора 1399 г., после имени Василия Дмитриевича должно следовать имя «его брата» Ивана Михайловича, а затем должны идти все прочие князья — «братия молодшая». Возмущенные князья и воеводы сообщают о случившемся Ивану Михайловичу, и тот сетует, что нарушил традиционно добрые отношения с Витовтом («яко же отци и дѣди наши всегда мирни бываху съ Витовтомъ, также и азъ») ради неблагоприятных московцев. Поэтому тверского князя особенно оскорбляет то, что его имя поставлено «безо чти» «въ вся страны», хотя в свое время Василий Дмитриевич в договоре с Михаилом Александровичем брал на себя обязательства с Витовтом и Литвою без тверского князя «любви не взят(и), ни без твоих детей, ни внучат»⁴⁴. В летописном повествовании Тверского сборника говорится, что в результате тверской князь «оттолѣ не въсхотѣ помагати москвичемъ»⁴⁵. Действительно, когда в 1408 г. Василий Дмитриевич вновь обратился к Ивану Михайловичу за помощью против Литвы, тот помощи не оказал.

В дальнейшем союзные отношения с Витовтом были продолжены: в 1422 г. тверская рать, посланная Иваном Михайловичем под предводительством воеводы Александра Одищева, участвует в походе Витовта против Тевтонского ордена.

Но, как можно видеть, союзнические отношения Тверское княжество поддерживало и с Москвой. К такому союзу стремился московский князь, еще в 1399 г. заключая договор с Михаилом Александровичем в условиях угрозы со стороны Литвы и Ордена.

В рассказах о нашествии Едигея упоминаний об Иване Михайловиче крайне мало. Согласно Троицкой летописи, Едигей «велел» последнему прийти под Москву с тверской ратью и «градобитным» оружием (что означает высокий уровень артиллерийской оснащенности тверских войск). Однако московский летописец (Троицкая летопись) говорит, что Иван Михайлович лишь сделал вид, что идет к Москве, — он шел без рати, а от Клина вернулся в Тверь. Видимо, это свидетельство соответствовало действительности, ибо татары позже, как информирует Рогожский летописец, повоевали именно Клинскую область («взяша волость Клиньскую и множество людий посѣкоша, а иных въ плѣнъ поведоша»⁴⁶). В московской летописи поступку Ивана Михайловича высказывается

⁴¹ ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 54.

⁴² Есть только в Забелинском списке Тверского сборника (ОР ГИМ. Муз. № 2886. Л. 191об.).

⁴³ Лукин П.В., Полехов С.В., Сквирс Е.Р. Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова (1392–1409 гг.) (в печати).

⁴⁴ Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. С. 346.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 476.

⁴⁶ Там же. Стб. 185.

ироническое одобрение: «таковымъ коварством перемудрова»⁴⁷.

Зимой 1421/1422 г. Иван Михайлович женил своего второго сына Юрия на дочери одного из виднейших московских бояр — Ивана Дмитриевича Всеволожского⁴⁸.

Весьма отрывочны сведения о политике Ивана Михайловича по отношению к Новгородской республике. Напряжение существовало, по всей видимости, на новоторжско-тверском рубеже — этим можно объяснить создание там Иваном Михайловичем крепости в 1412 г. Скорее всего, с какими-то порученными конфликтами связаны действия Ивана Михайловича в 1421 г., когда он «изнима» боярина новоторжского Ивана Кумганца с сыном Фомой, бил и заточил их в Новом Городке (Старице).

При Иване Михайловиче чеканится тверская монета, развивается международная торговля: есть археологические данные о поступлении тканей из Фландрии; западноевропейское происхождение имеют найденные в слоях этого периода ножи, металлическая оправа для зеркала, а также целый ряд деревянных футляров для зеркал. К первой трети XV в. относится и ряд других предметов импорта: части модных остроносых туфель, шахматная фигура, кубик для игры в кости и др.⁴⁹

Идет церковное и монастырское строительство. Растет и развивается основанный епископом Арсением Успенский Желтиков монастырь. В 1421 г. с июня по октябрь в Феодорове монастыре, бывшем тогда архимандритией, возводится новый каменный собор Феодора Тирона («а ветхую разориша»). В этом монастыре велась летописная работа, плоды ее хотя и не получили широкого распространения, но отразились в Тверском сборнике⁵⁰. Летописец фиксирует не только факты политической истории, но сообщает и о пожарах, особых погодных явлениях, нашествии насекомых-вредителей.

Иван Михайлович умер 22 мая 1425 г., возможно, от разгоравшейся эпидемии, которая, по словам летописца, к Ильину дню в Твери приняла уже катастрофические масштабы⁵¹. Этот мор унес его сына Александра, просидевшего на тверском столе лишь 5 месяцев. Ему наследовал Юрий Александрович, внук Ивана Михайловича, который, однако, тоже вскоре умер. В Твери вокняжился другой сын Александра Ивановича — Борис Александрович.

Действия Ивана Михайловича по ограничению прав владетельных родственников зачастую были весьма резкими. И такую политику

продолжил Борис Александрович, который в 1426 г. арестовал своего двоюродного деда Василия Кашинского, причем именно эта акция зафиксирована летописями как первое деяние молодого князя, взошедшего на тверской стол после смертей от морового поветрия других членов тверского княжеского дома. Столь радикальный шаг становится понятным, если принять во внимание сообщения Никоновской летописи и тверских летописных подборок Государственного архива Тверской области (ф. 1409. Оп. 1. № 1129 и № 1554) о том, что Василий Михайлович утвердился на кашинском столе, когда тверской стол получил недолго прокняживший Александр Иванович. Тогда силовая акция Бориса по отношению к удельному князю объясняется его стремлением восстановить контроль над Кашином, которого добился в свое время его дед. Впоследствии княжеский стол в Кашине был ликвидирован, о чем говорит упоминание под 1452 годом в Тверском сборнике и «Слове похвальном Борису Александровичу» инока Фомы находившихся в Кашине тверских великокняжеских бояр-наместников. Информация о том, что Борис Александрович строил укрепления в Клину, означает, что и над этим уделом был установлен великокняжеский контроль. И хотя Борис Александрович периодически наделял родственников уделами⁵², их владения все больше мельчали, а права сокращались.

К моменту вокняжения Бориса Александровича у Твери было немного возможностей расширить свое влияние, распространив его на соседние территории. На этом поле уже успешно действовала и закрепляла позиции Москва. И Борис стремился укреплять уже существующие тесные связи с Литвой, влияние которой в Восточной Европе усилилось. В 1427 г. князь Борис заключает с великим князем литовским Витовтом союз, обязуясь участвовать в его военных кампаниях и получая гарантию поддержки со стороны литовского князя. Характерно «самодержавное» заявление Бориса в договоре в 1427 г. с Витовтом: «А дадамъ моимъ и братьи мои, и племени моемъ, кн(а)з(е)мъ быти в моемъ послушь. Из, кн(а)зь велики Борисъ Александрович, воленъ: кого жалю, кого казню». Тогда процесс сосредоточения власти в руках великого тверского князя лишь начался. В отношении внешней политики очевидна зависимость Бориса от «господина деда» Витовта⁵³, но в Тверской земле князь действовал самовластно. По этому договору отъезжающий из Тверского княжества к Витовту утрачивал вотчину, которой мог распоряжаться теперь только тверской великий

⁴⁷ Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002. 2-е изд. С. 468.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 166.

⁴⁹ Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб., 2009. С. 165–167.

⁵⁰ Конявская Е.Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV вв. С. 176–177.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 488.

⁵² Так, вскоре после вступления на престол он наделил брата Ивана (вероятно, малолетнего) Зубцовским уделом.

⁵³ Так, тверские войска приняли участие в походе Витовта (1428 г.) на новгородские территории (на Порхов) (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 489).

князь, а «г(о)с(поди)ну, дѣдѣ, великомѣ князю Витовту, не вступатиса»⁵⁴. Вместе с тем в договоре 1427 г. отсутствовали обычные указания на пролонгацию норм на следующие поколения. Это связано с тем, что докончание заключалось в последние годы жизни Витовта, когда он был в весьма преклонном возрасте и при этом не имел сыновей. С новыми правилами Литвы Борису Александровичу предстояло выстраивать отношения заново. И такие усилия были предприняты: после смерти Витовта сменивший его Свидригайло в 1431 г. женился на дочери старицкого князя Ивана Ивановича, двоюродной сестре Бориса Александровича. Этому литовскому правителю тверские силы также оказывали военную поддержку, но затем (видимо, после поражения Свидригайла в Вилькомирской битве 1 сентября 1435 г.) Борис Александрович встает на сторону его врага Сигизмунда Кейстутовича: из текста докончания Бориса с Василием Темным (не ранее 1437 г.) следует, что между тверским великим князем и великим литовским князем Сигизмундом был заключен некий договор («целование»), которое теперь Борис Александрович обязался «сложить». В дальнейшем, после острого столкновения 1448 г., Борис Александрович заключил договор о мире и взаимной военной поддержке с великим князем литовскими и королем польским Казимиром (1449 г.).

Династический конфликт в Московском княжестве, приведший впоследствии к войне, не вовлек Тверь в активное участие в длительном противоборстве. Как отмечал Э. Ключ, «занять чью-либо сторону... по существу, вообще не соответствовало интересам Твери»⁵⁵.

В 1433 г. Василий Васильевич впервые спасается в Твери — после победы над ним его дяди князя Юрия Дмитриевича. А в 1434 г. в Тверь бежит сторонник побежденного Юрием Звенигородским Василия Васильевича Иван Можайский (вместе со своей матерью)⁵⁶. В следующем году Василий Косой, проиграв Василию Васильевичу сражение под Ярославлем, направляется в Кашин, видимо, рассчитывая, что кашинцы, в силу политики, проводимой ранее кашинскими князьями, могли оказать ему поддержку. Получил ли он военную помощь от кашинцев — неизвестно, но «гуманитарную» поддержку ему оказал Борис Александрович, возможно, тактически принимая сторону проигравших. Он, как свидетельствует летопись, послал Василию в Кашин «кони и порты, и доспех»⁵⁷. Возможно, имен-

но эти действия Бориса послужили причиной того, что войсками Василия Васильевича был нанесен урон тверским и кашинским территориям — об этом свидетельствует статья договора между Василием Васильевичем и Борисом Александровичем 1437 г.: «А полон ти, брат(е), нашъ твѣрьскы и кашиньскы ѿпустит(и) без ѿкупа. А кто купил полонаника, и внѣ возмет цѣну по целованию»⁵⁸. Этот договор между московским и тверским князьями был равноправным и предполагал совместные действия при угрозе со стороны «татар, ляхов, литвы и немцев».

После поражения в 1445 г. Василия Темного в битве под Суздаlem во время сильнейшего пожара в Москве в Тверь пытается бежать великая княгиня Софья, но Дмитрий Юрьевич Шемяка перехватил ее у Дубны и возвратил в Москву.

И московские летописи, и инок Фома повествуют о том, что сторонники Шемяки пытались получить Бориса в союзники, распространяя информацию о том, что татары хотят занять Москву⁵⁹, а Василий Темный собирается сесть в Твери⁶⁰. По версии московских летописей, Борис Александрович получил эти сведения еще до ослепления московского князя, «убоявся и бысть единомысленикъ с ними»⁶¹. Тверской источник говорит, что Борису сообщили о планах татар уже после пленения Василия — как объяснение этих действий. Тверской великий князь «послал своего воеводу князя Ондрыя Дмитриевича, а веля ему извѣстно опытати о великомѣ князѣ Василии, но и от очию слезы испущаше»⁶². Последнее, вслед за В.С. Борзаковским и Э. Ключом, следует признать более правдоподобным⁶³. Даже в 1327 г. планы Узбека и Чол-хана истребить русских князей во главе с Александром Михайловичем и установить на русских территориях прямое правление выглядели весьма сомнительными. В XV же веке силы татарских правителей и вовсе не позволяли страшиться подобного развития событий.

В 1446 г. Василий Васильевич оказывается в Твери по приглашению Бориса Александровича, который определенно встает на его сторону. Здесь происходит обручение их детей — Ивана Васильевича и малолетней Марии Борисовны, сюда же съезжаются верные Василию князья и бояре. Именно Борис Александрович, когда Дмитрий Шемяка занял Волок, предъявляет ему ультиматум, требуя, чтобы Дмитрий ушел в недельный срок⁶⁴.

Новгород 1477 г. уже под предводительством воевод, слушающих Ивану III.

⁵⁴ ОР РНБ. Q. XVII. 58. Копия 70-х гг. XV в. Л. 61.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 264; Слово похвальное инока Фомы. С. 114.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 264.

⁶¹ Там же.

⁶² Слово похвальное инока Фомы. С. 114.

⁶³ Борзаковский В.С. История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 196; Ключ Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). С. 297.

⁶⁴ Слово похвальное инока Фомы. С. 118.

⁵⁴ РГАДА. Разряд XXVII. Приказ Тайных Дел. № 2.

⁵⁵ Ключ Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). С. 287–288.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 251.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 183. Возможно, учитывая этот эпизод, уже незадолго до своей смерти Дмитрий Шемяка идет на Кашин, однако на этот раз встречает отпор кашинцев (Слово похвальное инока Фомы // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб., 1999. С. 128). Наконец, кашинские полки примут участие в походе на

За поддержку в этот острый момент князя Василия Борис получил Ржеву, которую, тем не менее, ему пришлось брать силой и надолго удержать не получилось. В 1448 г. она была захвачена войсками Казимира. Избежать серьезной войны с последним Борису Александровичу удалось.

Союзные отношения с Василием Васильевичем были закреплены во второй договорной грамоте (ок. 1456 г.), где, как и в предыдущем их докончании, подчеркнута равенство сторон: оба князя называют друг друга «братьями» и титулуются великим князьями, они обязуются действовать заодно при внешних угрозах, подтверждается приверженность нормам, установленным при их предках, и т.д. Исклучены же были конкретные статьи об отношениях с литовскими правителями и их возможной перспективе. При этом к прежним соглашениям добавляются актуальные пункты относительно того, чтобы Борису Александровичу не принимать у себя «отступников» Василия Васильевича: «кназ(ь) Иванъ Можайской да княж Дмитреевъ с(ы)нь Шемакинъ княз(ь) Иванъ или которои ти инии брат згрубит»⁶⁵. Для равновесия такой же пункт включен и со стороны Бориса Александровича, хотя сколько-нибудь серьезных «отступников» у тверского великого князя уже не было.

Неоднократно тверские войска нападали на новгородские территории. В 1440 г. тверичи участвовали в походе Василия Васильевича Московского на Новгород, который не привел к военному столкновению, — новгородцы выплатили великому князю 8 тыс. рублей, «а с ним была сила тверскаа, а воевода был Александръ Романович да Карпъ Федорович»⁶⁶. В 1444–1445 гг. тверичи вновь несколько раз приходили на новгородские территории. Был взят и разграблен Торжок, Бежецкий Верх, Заборовские земли. В 1446 г. новгородцы предлагали Борису Александровичу заключить договор (сохранился новгородский проект⁶⁷), где делалась попытка вернуться к старым рубежам и нормам, однако Борис поддержал Василия Васильевича, с которым у Новгорода были конфликтные отношения, и договор заключен не был.

Тверь в период княжения Бориса Александровича военные и политические конфликты, сотрясавшие Москву и другие земли, не затронули столь же остро. Завершая процесс централизации власти, князь Борис, по словам инока Фомы, обеспечил людям «бес печали житие въ славней земли»⁶⁸. Наряду с масштабным строительством храмов, упоминаемых в Тверском сборнике и славословиях инока Фомы, Борис Александрович занимается градостроительством: обновляет и восстанавливает запустевший Кашин, города в Клинской области. В 1430 г. в Твери

строится мост через Тьмаку. При его попечении основан Вознесенский Оршинский монастырь. В кратчайшие сроки восстанавливается тверской кремль после сильнейшего пожара 1449 г. (в Тверском сборнике говорится, что был поджог и виновники его — «Ростопчины дѣти, Иванко да Степура»⁶⁹), оставившего город без надежной защиты.

Сюда устремляются в период династической смуты жители Московской земли, в том числе и богатые купцы, о чем свидетельствуют данные актов⁷⁰. По словам Фомы: «и от князеи, и от велможь, и даже и до простыхъ людии желаютъ въ господарствѣ томъ быти»⁷¹.

Борис Александрович единственный из русских князей отправил посольство на Ферраро-Флорентийский собор. В напутствии посольству великий князь отмечал: «прилѣжно смотрити, и аще ли что от Седмаго собора примутъ или приложат, того слышати и не хотим»⁷². Но о его ходе и итогах в «Слове похвальном Борису Александровичу» не сообщается.

Сдержанно дипломатичным будет в дальнейшем поведение Бориса Александровича в отношении митрополита Исидора. По дороге на Собор в 1437 г. митрополит был встречен в Твери с почестями. Когда же он, в 1441 г. подвергнутый в Москве аресту Василием Васильевичем, бежит из-под стражи в Тверь, Борис не сразу может выбрать линию поведения: «а князь подержал его в себе, отпустилъ, и онъ поихал в Литву къ князю Казимеру, тогда ему владѣющу Литовскою землею»⁷³.

В облике князя, особенно в «Слове похвальном» инока Фомы, все более отчетливо проступают черты монарха. Фома называет Бориса Александровича самодержцем, царем, государем, при этом под влиянием византийских представлений особо подчеркивается то, что власть ему дана Богом. Внешнему антуражу, двору, придворной жизни отводится важная роль. Так, в 1438 г. Борис Александрович занимается обустройством своего двора — возводит на нем белокаменный храм Бориса и Глеба. В Тверской писцовой книге XVI в. указано, что храм стоял «на сенях» — видимо, княжеского дворца. Позже, в 1452–1455 г., он строит храм архангела Михаила «на сѣнѣхъ», очевидно, вместо прежнего домового храма, упоминавшегося при Михаиле Александровиче. Возводит Борис Александрович и новую резиденцию в крепости на острове на месте Феодорова монастыря — градъ Любѣлинъ (Любовин). Для созидания града он «призва мужи хитры и изобрете ихъ... и приста ви ихъ къ съвершенню такового дѣла в лѣтъ 6955,

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 494.

⁷⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее — ДДГ). М.; Л., 1950. С. 102, 104.

⁷¹ Слово похвальное инока Фомы. С. 82.

⁷² Там же. С. 74.

⁷³ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 491.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 135. Древлехранилище. Отд. I. Рубр. II. № 39.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 491.

⁶⁷ ГВНИП. № 20. С. 36–38.

⁶⁸ Слово похвальное инока Фомы. С. 74.

месяца апреля 23»⁷⁴. Нужно отметить, что перенос одного из старейших монастырей, который был архимандритией (после строительства крепости архимандрития была переведена в монастырь Григория Богослова), очевидно, был воспринят неоднозначно. В Тверском сборнике летописец говорит: князь «разорил монастырь святого страстотерпца Феодора Тирона», чтобы поставить «город»⁷⁵.

Упоминается двор Бориса Александровича во Ржеве.

Пиры в его резиденциях, о которых особо говорит Фома, видимо, были важной частью нового церемониала, который устанавливается при князе (они упоминаются и в рассказе об устройении Любнии и во Ржеве).

Известно, что Борис Александрович увенчался неким «царским венцом», а приближенные его должны были в княжеских палатах «ходить... въ красныхъ блистаниихъ»⁷⁶. Сам же он, по словам инока Фомы, красен лицом, ризами, умом и нравом.

Вероятно, на стремление Бориса к новому церемониалу и парадной придворной жизни повлияла его поездка в 1430 г. к Витовту, готовящемуся к коронации. Подобно Новым Трокам в Литве, тверской князь ставит «город среди озера, нареки имя ему Троки»⁷⁷. Но позже в Тверь вернулось посольство во главе с боярином Фомой, отправленное князем Борисом на Ферраро-Флорентийский собор. Очевидно, от членов посольства в Твери узнали о придворной жизни ренессансной Европы. В частности, в Грамоте охранной (*Salvus conductus*) папы Евгения IV (ОР РНБ. Q.XVII.50. Л. 354–355об.), данной этому посольству, упоминается некая «рухлядь», которую перевозят Фома с «товарищи» из Италии. Возможно, среди этой «рухляди» были и «красные ризы» для князя, и «красные блистания» для придворных.

Конечно, не только образцы придворного церемониала почерпнули тверичи в Ферраре и Флоренции (1438–1439 гг.). Инок Фома восхваляет Бориса как покровителя наук и искусств подобно тому, как за эти заслуги прославлялись маркизы (позже — герцоги) д'Эсте (Феррара) и флорентийские Медичи⁷⁸. Князь предстает покровителем искусств и ремесел: «всяко художество и хитрость управляетъ»⁷⁹. Уровень мастерства резчиков на зна-

менитой рогатине Бориса Александровича во многом превосходил достижения русского искусства XVI в., при этом в стиле и типологии ряда сюжетов отмечаются западноевропейские параллели⁸⁰. Сам же князь «чресь предѣлы и книгами гораздъ и х кому же хоцетъ, к тому бесѣдуетъ, и никтоже отвѣщати ему можетъ, но всѣми владѣетъ»⁸¹.

О торговле с западными странами говорят археологические находки, относящиеся ко времени Бориса Александровича: изделия из янтаря, ножи, оправы для зеркал и др. Развиваются отношения и с Востоком: инок Фома рассказывает о посольстве к Борису Александровичу с дарами от сына Тамерлана — Шахруха.

Продолжается чеканка монет, которые были весьма разнообразны («пул Кашинский», «денга Городенская» и др.).

При Борисе Александровиче велась систематическая летописная работа, о чем свидетельствует тверской материал за время его правления, сохранившийся в Тверском сборнике и других летописных памятниках.

Умер Борис Александрович 10 февраля 1461 г., а 15 февраля на тверской стол садится его сын от второго брака, последний независимый тверской князь Михаил Борисович, которому было 8 лет.

Уже в ближайшие годы был заключен договор между Михаилом и недавно вступившим на великокняжеский московский стол сыном Василия Темного Иваном. За образец молодые князья взяли договор их отцов 1454–1456 гг.

Первое время Тверь пребывала в согласии с Москвой, тверские войска принимают участие в походах на Новгород 1471 и 1477 гг., а затем на Ахмата в 1480 г.

При Михаиле Борисовиче развивалась торговля, активно шла чеканка пулов — медных монет низкого достоинства.

Но после того, как пал Новгород, очередь была за Тверью. Тверские удельные князья и бояре начинают отъезжать в Москву. Они сохраняют свои владения на территории Тверского княжества, будучи уже на московской службе. Однако Иван III проявляет по отношению к Михаилу Борисовичу знаки благосклонности. В связи с женитьбой в январе 1483 г. Ивана Ивановича Молодого Иван Васильевич посылает в связи «съ радистию его»⁸² подарки Михаилу, его супруге Софье Семеновне и матери Настасье.

7 февраля умерла первая жена Михаила Борисовича Софья. Михаил с матерью посещают Кашин (причина поездки в источниках не раскрывается). Когда же к тверскому князю с поклоном и дарами от Ивана III в связи с рождением у него 10 октября внука Дмитрия приходит Владимир Елизарьевич

⁷⁴ Слово похвальное инока Фомы. С. 98. Новая крепость была призвана охранять подступы к расположенным поблизости мосту и плотине.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 493.

⁷⁶ Слово похвальное инока Фомы. С. 82.

⁷⁷ Там же. С. 130.

⁷⁸ См. подробнее: *Конявская Е.Л.* Тверь в XV веке: мечта об идеальном городе // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2018. Вып. 11. С. 122–128; *Она же.* «Просвещенный правитель»: Борис Александрович Тверской // Вызов времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV–XVII в. М.; Калуга: Калужский гос. ин-т развития образования, 2019. С. 46–54.

⁷⁹ Слово похвальное инока Фомы. С. 92.

⁸⁰ *Попов Г.В., Рындина А.В.* Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI века. М., 1979. С. 520–521.

⁸¹ Слово похвальное инока Фомы. С. 92.

⁸² ПСРЛ. Т. 15. Стб. 498.

Гусев, Михаил Борисович неожиданно «поклона не принял, и выслал его вон из ызбы, и к матери ему ити не велѣл к великой книгини Настасии»⁸³. Этому враждебному выпадку в научной литературе давались различные объяснения⁸⁴, которые не могут быть признаны в полной мере удовлетворительными, хотя один из аргументов Л.В. Черепнина нельзя не принять во внимание. Он привел слова Софийской второй и Львовской летописей о порубежных конфликтах тверских и московских территорий, споры по которым всегда решались Иваном III в пользу московской стороны⁸⁵. Эти факты могли повлиять на «нарастание напряженности в отношениях между Тверью и Москвой»⁸⁶, но едва ли могут впрямую соотноситься со столь внезапным и резким демаршем. Вместе с тем известно, что в том же году Михаил Борисович вступает в сношения с Казимиром IV и заключает с ним договор⁸⁷. После смерти первой супруги тверской князь намеревался жениться на внучке Казимира, что еще прочнее связало бы его с Литвой,

на поддержку которой Михаил возлагал надежды. Уверенность в такой поддержке могла подвигнуть Михаила Борисовича на радикальные действия по отношению к послу от Ивана III. Сыграть свою роль могло и то, что участие Михаила Борисовича в походах Ивана III на Ахмата не было вознаграждено.

Такого рода контакты тверского и литовского правителей вызвали гнев московского великого князя, который пошел на Тверь войной. Расчеты на помощь от Казимира не оправдались. Михаил послал на переговоры владыку, соглашаясь на подчиненное положение по отношению к московскому князю. В договорной грамоте 1484/1485 г. устанавливается, что великий князь Михаил Борисович должен старейшим, также и Ивана Ивановича, Иван III в новом докончании называется «господином», а Михаил — «братом младшим».

Но и этот договор не изменил судьбу Твери. Вскоре на Михаила Борисовича Иван Васильевич идет войной «за его неправду, что он посылал грамоты к королю Литовскому Казимиру, а подымалъ его воинствомъ на великого князя Ивана Васильевича всеа Руси»⁸⁸. К Ивану III были посланы епископ Вассиан, князь Михайло Дмитриевич Холмский и бояре. Но великий князь подошел к Твери и осадил город. 12 сентября 1485 г. Михаил Борисович бежал в Литву, оставив в городе мать. Тверь сдалась на волю Ивана III и была присоединена к Москве.

⁸³ Там же. Стб. 499.

⁸⁴ Лурье Я.С. Из истории политической борьбы при Иване III // Ученые записки ЛГУ. Сер. истор. наук. Л., 1941. Т. 80. Вып. 10. С. 88–89; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 889–890; Ключевский Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). С. 362, 373.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2000. Стб. 321; Т. 20. СПб., 1910. С. 352.

⁸⁶ Ключевский Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). С. 362.

⁸⁷ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 1. СПб., 1846. № 79. С. 99–100; ДДГ. С. 483–484.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 271.

Список литературы

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 1. СПб.: В тип. II отд. Собственной ЕИВ Канцелярии, 1846. 419 с.

Борзаковский В.С. История Тверского княжества. СПб.: Изд. книгопродавца И.Г. Мартынова, 1876. 434 с.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1949. 408 с.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. Л.В. Черепнин. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1950. 585 с.

Ключевский Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь: РИФ, 1994. 431 с.

Конявская Е.Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV в. М.: Свой круг, 2007. 400 с.

Конявская Е.Л. «Просвещенный правитель»: Борис Александрович Тверской // Вызов времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV–XVII в. М.; Калуга: Калужский гос. ин-т развития образования, 2019. С. 46–54.

Конявская Е.Л. Тверь в XV веке: мечта об идеальном городе // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь: ТНИИР-Центр, 2018. Вып. 11. С. 122–128.

Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М.: Древлехранилище, 2003. 368 с.

Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV веках: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011. 35 с.

Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств, 2009. 534 с.

Лукин П.В., Полехов С.В., Сквайрс Е.Р. Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова (1392–1409 гг.) (в печати).

Лурье Я.С. Из истории политической борьбы при Иване III // Ученые записки ЛГУ. Сер. истор. наук. Л., 1941. Т. 80. Вып. 10. С. 88–89.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 4. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.; Т. 6. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. 447 стб.;

Т. 11. СПб., 1897. VII + 254 с.; Т. 15. Вып. 1. М.: Наука, 1965. 186 стб.; Т. 15. СПб.: Тип. Леонида Демиса, 1863. 504 стб.; Т. 18. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. 316 с.; Т. 20. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. 418 с.; Т. 24. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.; Т. 25. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. 488 с.; Т. 35. М.: Наука, 1980. 308 с.

Попов Г.В., Рындина А.В. Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI века. М.: Наука, 1979. 640 с.

Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб.: Наука, 2002. 2-е изд. 513 с.

Русская историческая библиотека. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. 2-е изд. Т. 6. 1472 с.

Слово похвальное инока Фомы // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 7. С. 72–132.

Тюльпин А.Г. Политическая история великого княжества Тверского в первой четверти XV в. // Великий князь Тверской и Владимирский Михаил Ярославич: личность, эпоха, наследие. Тверь: Изд-во ГЕРС, 1997. С. 162–176.

Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.

Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М.: Наука, 1990. 381 с.

Е.Л. Конявская

Тверь: от Михаила Александровича до Михаила Борисовича

Ключевые слова: Тверское княжество в XIV–XV вв., Михаил Александрович Тверской, Иван Михайлович, Борис Александрович, Михаил Борисович.

Аннотация: В статье рассмотрена политическая история Тверского княжества с середины 60-х гг. XIV в. до конца независимости княжества. Использован летописный и актовый материал, археологические данные.

E.L. Konyavskaya

Tver' from Michael Alexandrovich to Michael Borisovich

Keywords: Tver Principality in the 14th–15th cent., Mikhail Alexandrovich Tverskoy, Ivan Mikhailovich, Boris Alexandrovich, Mikhail Borisovich

Abstract: The article deals with the political history of the Tver Principality from the mid-60s of the XIV century to the end of the Principality's independence. Used chronicle and act material, archaeological data.

Керамические плитки покрытия полов Твери XIII – XVI вв.

Масштабные археологические исследования в Твери за последние два десятилетия позволили получить новые материалы, касающиеся различных аспектов материальной культуры русского средневекового города. До начала исследований в центре Тверского кремля, связанных с воссозданием собора Спаса Преображения и реконструкцией Императорского Путевого дворца, плитки пола периода Средневековья на отдельных раскопах были представлены в основном единичными находками даже на тех участках, которые примыкали к известным по письменным источникам храмам. Несколько десятков находок плиток (в основном фрагменты) происходили с двух исследованных участков, один из которых располагался на территории Загородского посада Твери, примерно в 500 м от центра кремля¹, второй — на участке локализации пригородного тверского монастыря Михаила Архангела² (рис. 1).

Во время раскопок в 2012–2014 гг. экспедицией ИА РАН на месте собора Спаса Преображения³ было обнаружено 2030 целых и фрагментированных плиток пола, что составило около 30% индивидуальных находок этого раскопа. Во время ремонтов первого каменного храма конца XIII в., а также при его

разборке перед строительством на том же месте нового собора в конце XVII в. остатки керамических полов попали в культурный слой и в заполнение располагавшихся рядом с храмом построек XV — XVI вв. 582 плитки пола найдено при продолжении раскопок на прилегающих к собору участках в 2015–2019 гг.⁴ 183 находки происходят из материалов исследований Императорского путевого дворца, расположенного к северу от собора, на месте которого в XV — XVII вв. располагался двор тверского архиерея⁵. Плитки пола обнаружены также при раскопках последних лет на территории тверских посадов (на прилегающих к известным по источникам храмам XVI — XVIII вв.). Всего в настоящей работе учтено 2940 находок керамических плиток пола на территории современной Твери. Наиболее представительная и разнообразная коллекция плиток из раскопок на месте воссоздания тверского кафедрального собора Спаса Преображения послужила основой для создания типологии этих изделий⁶. В настоящей статье исследован хронологический аспект данной темы⁷.

⁴ Раскопки экспедиции ИА РАН под руководством А.Н. Хохлова на месте прокладки коммуникаций к строящемуся собору. Автор раскопок — И.А. Сафарова.

⁵ Хохлов А.Н., Мелькова В.Р. Архитектурная керамика XV — первой половины XVIII в. из раскопок владычного двора в Твери (по материалам археологических исследований 2012–2013 гг. на территории тверского Императорского дворца) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2017. Вып. 10. С. 206–224.

⁶ Сафарова И.А., Беляев Л.А., Хохлов А.Н. Керамические плитки покрытия полов из раскопок на Соборной площади в Твери (по материалам исследований 2013–2014 гг.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2018. Вып. 11. С. 77–113.

⁷ Поскольку основная часть изученного материала представлена фрагментами изделий, типы определены лишь для 1741 находки.

¹ Хохлов А.Н., Орлова О.А., Нестерова М.Е. О находке следов производства средневековой поливной керамики в Твери: Доклад на XVI заседании научного семинара «Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья» (март 2003 г.).

² Сафарова И.А. Строительная керамика из исследований Загородского посада г. Твери (по материалам раскопа № 119) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь: Старый город, 2010. Вып. 6. С. 135–149.

³ Беляев Л.А., Сафарова И.А., Хохлов А.Н. Спасо-Преображенский собор в Тверском кремле: итоги раскопок 2012–2014 гг. // Российская археология. 2018. № 2. С. 148–161.

Рис. 1. План г. Твери (из Google): 1 — Спасо-Преображенский собор; 2 — остатки мастерской поливных изделий; 3 — раскоп у пригородного монастыря Михаила Архангела; 4 — местоположение церкви Алексея Человека Божия; 5 — церковь Белой Троицы; 6 — Успенский собор Отроча монастыря; 7 — церковь Сергия Радонежского; 8 — местоположение церкви Ильи Пророка.

Плитки пола XIII – XIV вв. Наиболее ранние для Твери остатки керамических покрытий полов относятся ко времени до строительства первого каменного собора Спаса Преображения в 1285–1290 гг. (рис. 2). Находки таких плиток обнаружены в ямах, сохранившихся за южной границей фундаментного рва собора; верхняя часть заполнения этих комплексов относится к середине — второй половине XIII в. Хронология ранних находок плиток позволяет отнести их к убранству деревянной церкви Космы и Дамиана, на месте которой, по летописным данным, был сооружен каменный собор. О статусе церкви свидетельствует погребение в ней первого тверского князя Ярослава Ярославича в 1271 г.⁸ К существовавшему на этом участке деревянному храму было приурочено исследованное раскопками 2012–2014 гг. кладбище середины XII — XIII в.⁹

⁸ ПСРЛ. Симеоновская летопись. Т. 18. СПб., 1913. С. 74.

⁹ Беляев Л.А., Сафарова И.А., Хохлов А.Н. Некрополь середины XII — XIII в. на месте Спасо-Преображенского собора в Тверском кремле // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 10. С. 61–98.

Плитки раннего типа (*mun A*) представлены 27 фрагментированными изделиями квадратной и треугольной формы, изготовленными из ожелезненной глины с примесью крупнозернистого песка (рис. 3). На плитках зафиксированы следы деревянной формы (причем для треугольных использовалась специальная форма). Размер стороны — 11 или 13 см при толщине от 2,2 до 2,8 см. На плитках частично сохранилась непрозрачная полива желтого, желто-зеленого, коричневого или оливкового цвета. Информации о находках подобных плиток где-либо еще на территории Твери нет. На всех ранних плитках отмечены следы воздействия огня, что свидетельствует о пожаре в той постройке, пол которой они украшали. Возможно, это косвенное свидетельство упоминаемого в летописи пожара 1276 г., во время которого могла сгореть и деревянная церковь Космы и Дамиана¹⁰.

К следующему по хронологии типу плиток (*mun B*) относятся квадратные и треугольные изделия из ожелезненной глины с грубым тестом,

¹⁰ ПСРЛ. Никоновская летопись. Т. 9–10 (10). М., 1965. С. 153.

Рис. 2. Раскоп на месте собора Спаса Преображения (1285–1290 гг.). Фото августа 2014 г. Вид с запада.

насыщенным разными примесями (песок, мелкая дресва, зола, мелкие камни) (рис. 4). Боковые стороны плиток — прямые или очень слабо скошены, размер стороны — 10,5–11 или 12,5–13 см при толщине 2,5–3,5 см. На большинстве плиток сохранилась качественная полива желтого, желто-зеленого, оливкового, коричневого цвета. На некоторых экземплярах зафиксированы следы деревянной формы, а на тыльной стороне — отпечатки кожи или грубой ткани. Треугольные плитки изготовлены в специальных треугольных формах. По основным морфологическим и технологическим признакам эти плитки близки к изделиям раннего типа А, что указывает на незначительный хронологический разрыв между ними. Плиток данного типа среди исследованных существенно больше — учтено 134 экз. (99 экз. из них найдены на месте собора Спаса). Предположительно именно эти изделия могли украшать пол собора сразу после его строительства, т.е. в конце XIII — первой половине XIV в. Находки подобных плиток, датированных тем же временем, известны на территории, прилегающей к пригородному тверскому монастырю Михаила Архангела¹¹, а также среди материалов,

связанных с мастерской по изготовлению керамических изделий с поливой на территории Загородского посада¹².

К 1359 г. относится летописное свидетельство о мощении плитками пола тверского кафедрального собора: «Федор владыка Тверьский у себя в соборной церкви... намости дно мраморено»¹³. Судя по хронологии и топографии находок, в изученной коллекции с этим периодом связаны изделия трех типов (рис. 5). Большинство составляют плитки, изготовленные из ожелезненной глины (*mun B* — учтено 648 экз.) (рис. 5: 3, 4), меньше — плиток из неожелезненной глины (*mun Г* — 95 экз.) (рис. 5: 1); все они имеют плотное тесто с разными примесями (мелкая дресва, редко — песок, зафиксированы также включения мелких камней, золы и кусочков обожженной глины). Плитки — квадратные и треугольные, в отличие от ранних, имеют углубление-ковчежец квадратной или прямоугольной формы на тыльной стороне. Длина стороны — 12,5–13,5 см при толщине 2,5–3 см. Такие плитки

¹¹ Сафарова И.А. Строительная керамика... С.135-149.

¹² Орлова О.А. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории Загородского посада г. Твери в 2003 г. (раскоп 52 участок 3). Архив ТНИИР-Центра (б/н).

¹³ ПСРЛ. Никоновская летопись. Т. 9–10 (10). С. 232.

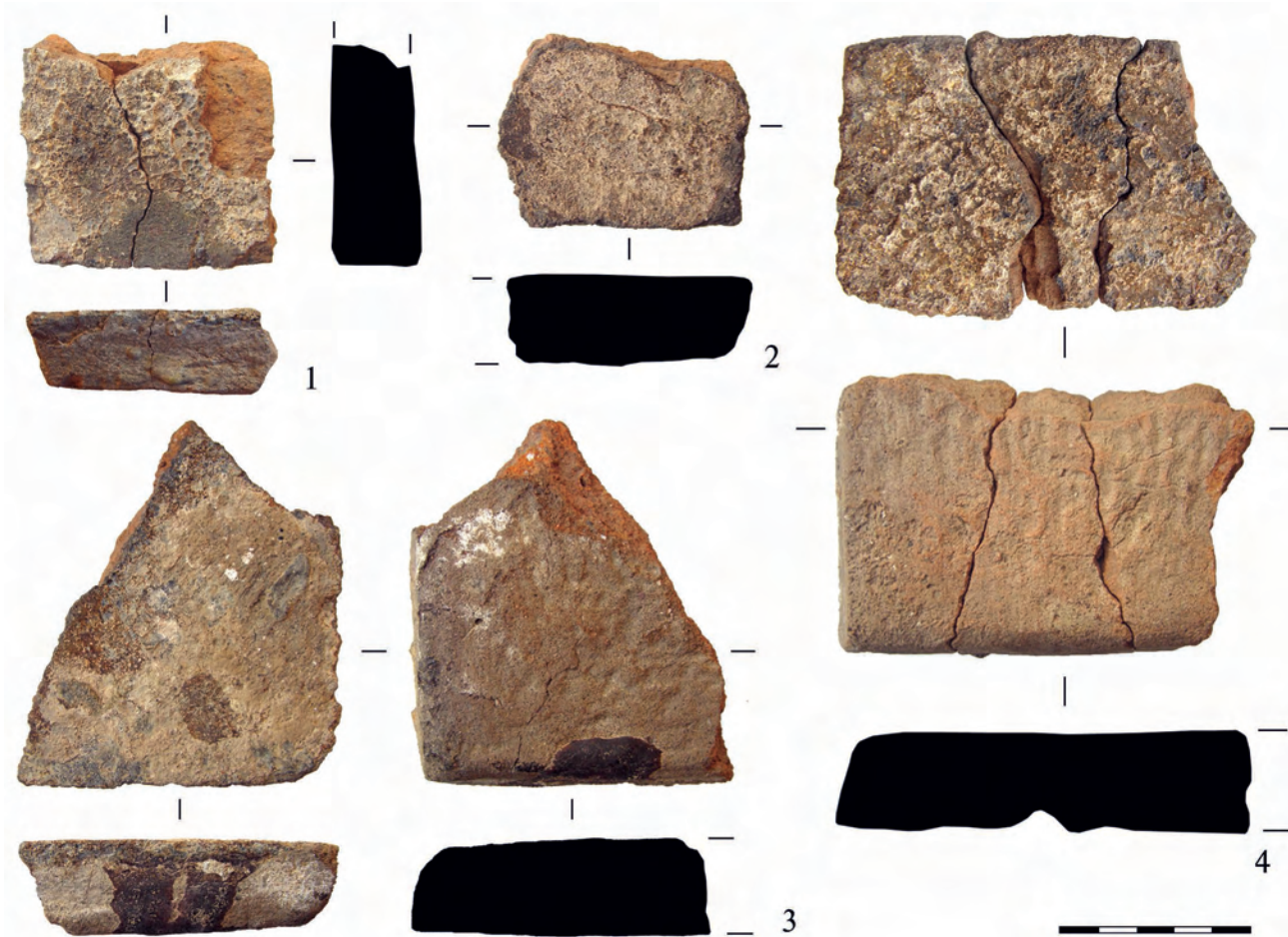

Рис. 3. Керамические плитки пола XIII в. (церковь Космы и Дамиана): 1–4 (тип А).

изготавливались, вероятно, в неразборных деревянных формах с дном. Треугольные плитки получены путем разрезания квадратных по диагонали. Лицевая сторона изделий покрыта непрозрачной поливой желтого, зеленого, оливкового или коричневого цвета. Почти у всех изделий наблюдается сильный износ лицевой поверхности, что свидетельствует об их долговременном использовании. Судя по имеющимся данным, такие плитки укладывались на толстый слой известкового раствора. 6 плиток (*тип Д*) (рис. 5: 2) имеют трапециевидную форму, сделаны они из нежелезненной глины с примесью песка (размер длинной стороны — 12 см, коротких — 5 и 7 см, толщина — 2–3 см), покрыты оливковой или коричневой непрозрачной поливой. По технологическим признакам эти изделия близки к плиткам типа Г. Трапециевидными плитками могли выстилаться небольшие участки пола сложной конфигурации. Плитки указанных трех типов (В, Г, Д) составляют более 40% изученных находок. Они украшали пол каменного собора Спаса на протяжении длительного времени (вплоть

до XVII в.)¹⁴. На других участках города находки таких плиток пока неизвестны¹⁵.

Плитки пола XV – XVI вв. В этот период расширяется топография находок, фиксируется появление 8 новых типов керамических плиток пола. Переходным типом представляются изделия из ожелезненной глины (*тип Е*) (рис. 6: 1) квадратной и треугольной формы со стороной 12 см, толщиной 2,5–3 см, с ковчезцем на оборотной стороне. Главное отличие их от плиток XIV в. — способ украшения лицевой поверхности: лощение мореных или ангобированных изделий. На двух плитках

¹⁴ В 2018 г. при исследовании траншеи теплотрассы к строящемуся собору Спаса, в 25 м к югу от здания, был раскопан подклет сгоревшей постройки, заполненный строительным мусором, в котором содержались детали интерьера собора (в том числе плитки пола типов В и Г). Комплекс датируется серебряными монетами царя Михаила Федоровича Романова (1613–1645 гг.).

¹⁵ В 2019 г. при раскопках автором статьи на территории бывшего Реального училища, в 150 м к востоку от собора Спаса, был обнаружен фрагмент плитки типа Г (в переотложенном состоянии в комплексе XVI в.).

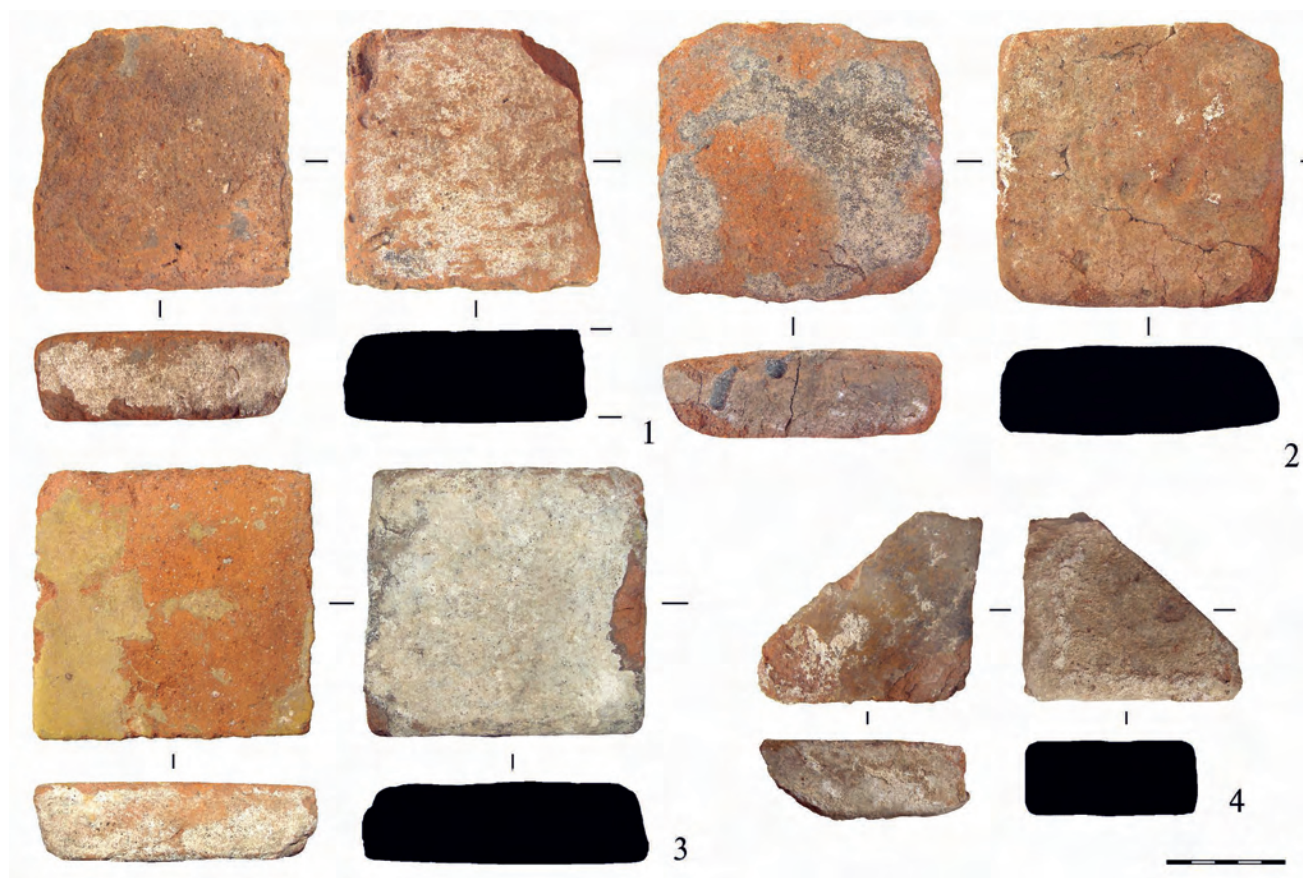

Рис. 4. Керамические плитки пола конца XIII — первой половины XIV в. (собор Спаса Преображения): 1–4 (тип Б).

внутри ковчежца отмечены выпуклые знаки — многолучевая фигура и крест. Плиток данного типа немного — учтено 97 находок. Почти все они происходят из прослоек строительного мусора, связанного с ремонтом собора Спаса в XVI—XVII вв.¹⁶

Другие плитки с ковчежцем этого хронологического периода, изготовленные как из ожеженной (тип Ж) (рис. 6: 3, 4), так и нежеженной глины (тип З) (рис. 6: 2) с грубым тестом, содержащим крупнозернистый песок и мелкую дресву, выделяются значительной толщиной (от 3,5 до 4 см). Размеры сторон плиток при этом невелики — от 11–12 до 14–15 см. Кроме квадратных и треугольных изделий¹⁷ встречено четыре пятиугольных (это квадратные плитки с одним стесанным уже после обжига углом). Среди этих плиток есть ангобированные и мореные экземпляры, на которых

сохранилось лощение. Плиток указанных типов среди изученных довольно много — 383 находки. Большая часть их происходит с приборной территории, из засыпки комплексов, сгоревших в пожаре в первой половине XVI в. (в 1537 г.)¹⁸. Много таких плиток обнаружено на месте двора тверского владыки¹⁹. Найдены они и на посадах города, в слое, в комплексах конца XV — XVI в.: в Затьмачье, рядом с локализуемой церковью Алексея Человека Божия, упоминаемой в источниках XVII в.²⁰, на Загородском посаде, на участке, прилегающем к церкви Ильи

¹⁶ Единственная находка такой плитки за пределами Тверского кремля — раскоп на территории Загородского посада, рядом с участком, где располагалась церковь Ильи Пророка (2016 г., автор А.Б. Сиволапова).

¹⁷ Для получения треугольных плиток квадратное изделие надрезалось по диагонали примерно на половину толщины, затем обламывалось по намеченной линии.

¹⁸ Сафарова И.А., Хохлов А.Н., Беляев Л.А. Постройки XV–XVI вв., расположенные вблизи апсид собора Спаса Преображения в Тверском кремле (по материалам раскопок 2013–2014 гг.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2019. Вып. 12. С. 196–220.

¹⁹ 2012–2014 гг. — исследования в процессе реставрации Путеевого дворца (автор В.Р. Мелькова). Благодаря автору раскопок за предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы.

²⁰ 2003 г. — раскоп № 31А (автор И.А. Сафарова) (Хохлов А.Н. О местоположении церкви Алексея Человека Божия в Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 1997. Вып. 2. С. 257–261).

Рис. 5. Керамические плитки пола XIV в. (собор Спаса Преображения):
1 — тип Г; 2 — тип Д; 3, 4 — тип В.

Пророка²¹, а также на территории пригородного монастыря Михаила Архангела²².

Плитки двух типов (**типы И, К**), изготовленные из красножгущейся глины с разными примесями, квадратной и треугольной формы со стороной 10,5–11 см при толщине около 3 см, имеют рельефные изображения внутри ковчежца (большинство — в виде многолучевой фигуры, у единичных экземпляров — в виде креста). Треугольные плитки получены путем разрезания квадратных. На боковой грани некоторых изделий фиксируется рельефный знак в виде буквы N древнерусского алфавита. Различия между изделиями двух указанных типов носят технологический характер: большая часть плиток **типа К** (рис. 7: 3) имеет качественный восстановительный обжиг (сохранились следы лощения лицевой и боковой поверхности), лишь на нескольких экземплярах отмечено лощение по ангобу, возможно, есть изделия и с поливой²³. Плитки **типа И** (рис. 7: 1) имеют

неравномерный обжиг, очень грубое тесто с примесью крупнозернистого песка и даже мелких камней и ракушек. Зафиксированный на некоторых экземплярах восстановительный обжиг получен, вероятно, случайно. Среди изделий этого типа есть образцы, подражающие чернолощеным и ангобированным изделиям типа К. Плиток двух указанных типов немного — 140 находок. Все они происходят из заполнения комплексов (ям и подклетов служебных построек) XVI в., обнаруженных за апсидами собора, а также с территории двора тверского владыки. Близкие аналогии плиткам с рельефными изображениями многолучевой фигуры в ковчежце известны по раскопкам на территории Старицкого городища²⁴.

Плитки **типа Л** изготовлены из ожелезненной глины, имеют качественное тесто с примесью мелкозернистого песка (рис. 8: 1, 3). Плитки квадратной и треугольной формы, размеры сторон — 14–15 см при толщине 2,5–3 см или 18–19 см при толщине 3–3,5 см. Характерная особенность этих плиток — маленький квадратный (размерами

²¹ 2016 г. — раскоп № 189 (автор А.Б. Сиволапова). Благодарю автора раскопок за предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы.

²² 2006 г. — раскоп № 119 (автор И.А. Сафарова).

²³ На лицевой поверхности некоторых плиток зафиксированы остатки какого-то покрытия (возможно, поли-

²⁴ Благодарю Е.Л. Хворостову за любезно предоставленную информацию о находках.

Рис. 6. Керамические плитки пола XV–XVI вв.:
1 — *тип E*; 2 — *тип З*; 3, 4 — *тип Ж*.

4,5–5 см) или прямоугольный (размерами 5,5 × 7 см) ковчезец по центру тыльной стороны. На нескольких изделиях сохранился ангоб, много экземпляров с сильным износом. Всего учтено 48 находок. Одно скопление таких плиток обнаружено к северо-востоку от собора Спаса Преображения — в засыпке сгоревшей служебной постройки первой половины XVI в. (пожар 1537 г.)²⁵. 12 находок происходят из комплекса того же времени на территории, прилегающей к пригородному Архангельскому монастырю²⁶, один экземпляр — с территории Загородского посада Твери (рядом с церковью Ильи Пророка)²⁷. О распространении таких плиток свидетельствуют находки в сгоревшей постройке первой половины XVI в., исследованной на территории тверского Савватьевского монастыря²⁸. Близкие

²⁵ Сафарова И.А., Беляев Л.А., Хохлов А.Н. Керамические плитки... С. 77–113.

²⁶ Сафарова И.А. Строительная керамика... С. 135–149.

²⁷ 2016 г. — раскоп № 189 (автор А.Б. Сиволапова). Благодарю автора раскопок за предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы.

²⁸ Салимов А.М., Данилов В.В., Романова Е.А., Зиновьев А.В. Сретенский собор тверского монастыря Савватьева пустынь: история, архитектура и археология. Тверь, 2018.

по морфологии плитки украшали пол собора тверского Отроча монастыря²⁹.

Плитки ромбической и треугольной формы³⁰ с ковчезцем (лишь в одном случае — без него), объединенные в *тип M*, изготовлены из ожелезненной глины с грубым тестом, насыщенным различными примесями (песок, мелкие камни, зола) (рис. 7: 2, 4, 5). Они разделяются на несколько вариантов, различающихся наличием или отсутствием ковчезца, его формой (одинарный или двойной), размерами ковчезца, наличием или отсутствием внутри него рельефной многолучевой фигуры. Размеры стороны большинства плиток — 20–21 см, при толщине 3,5–4,5 см (несколько изделий меньшего размера — со стороной 16–18 см). Разнообразны способы декорирования плиток — ангоб, морение с лощением, полива. Всего плиток этого типа учтено 102 экз. И практически все они происходят с одного участка к северо-востоку от собора Спаса. Много таких плиток найдено в сгоревшей служебной постройке XVI в. (пожар 1537 г.),

²⁹ Хворостова Е.Л. Успенский собор Отроча монастыря в Твери (проблемы реконструкции) // Тверской археологический сборник. Тверь, 2001. Вып. 4. Т. 2. С. 343–351.

³⁰ Треугольные получены путем разрезания ромбических по короткой диагонали.

Рис. 7. Керамические плитки пола XV–XVI вв.: 1 — тип И; 2, 4, 5 — тип М; 3 — тип К.

вход которой был расположен со стороны двора тверского владыки. Известны единичные находки подобных изделий и на территории посадов Твери: Заволжского — у церкви св. Сергия Радонежского, известной по писцовым книгам XVII в.³¹, Затьмацкого — у церкви Белой Троицы (1564 г.)³². Аналогичные плитки были найдены при раскопках на Старицком городище³³. На территории Старицкого Успенского монастыря, в соборе Успения Богородицы 1530 г., сохранился участок пола из ромбических плиток³⁴.

Среди плиток данного хронологического периода изделия лишь одного типа не имели углубления-ковчезца на оборотной стороне (*тип Н*) (рис. 8: 2, 4). Это плитки из ожелезненной глины квадратной

и треугольной формы (треугольные получены путем надреза и последующего обламывания квадратных) с длиной стороны от 14,5–16 до 18,5–19 см при толщине 2,5–4 см. На лицевой поверхности некоторых плиток зафиксирован ангоб. Общее количество учтенных находок — 62 экз. Лишь треть из них обнаружена рядом с собором Спаса. Большая часть находок происходит из раскопок в Затьмачье — у церкви Белой Троицы (1564 г.)³⁵, на месте локализации церкви Алексея Человека Божия³⁶, а также у пригородного Архангельского монастыря³⁷. Обнаружены такие плитки также при раскопках на территории Савватеевского монастыря³⁸. Известны находки подобных изделий со Старицкого городища³⁹.

³¹ Раскопки 2016 г. А.Б. Сиволаповой на ул. Розы Люксембург, 28. Благодарю автора раскопок за предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы.

³² Раскопки 2004 г. автора статьи (раскоп № 68, траншея газопровода).

³³ Благодарю Е.Л. Хворостову за любезно предоставленную информацию о находках.

³⁴ Салимов А.М. Средневековое зодчество Твери и прилегающих земель. XII–XVI века: В 2 т. Тверь, 2015. Т. 2.

³⁵ Раскопки 2004 г. автора статьи (раскоп № 68, траншея газопровода).

³⁶ 2003 г. — раскоп № 31А (автор И.А. Сафарова).

³⁷ Сафарова И.А. Строительная керамика... С. 135–149.
³⁸ Салимов А.М., Данилов В.В., Романова Е.А., Зиновьев А.В. Сретенский собор...

³⁹ Плитки эти относятся к полу белокаменных палат 30-х гг. XVI в. Благодарю Е.Л. Хворостову за любезно предоставленную информацию о находках.

Рис. 8. Керамические плитки пола XV–XVI вв.: 1, 3 — тип Л; 2, 4 — тип Н.

Предварительные выводы. Проведенное исследование тверских материалов позволило выделить несколько хронологических этапов использования керамических плиток для мощения полов. Первые известные нам находки плиток пола в Твери относятся к XIII в. Все они связаны, вероятно, с одним летописным памятником — деревянной церковью Космы и Дамиана, которая предшествовала первому каменному собору Спаса Преображения. Это квадратные и треугольные плитки из ожелезненной глины размерами 11 или 13 см при толщине от 2,2 до 2,8 см, покрытые непрозрачной поливой желтого, желто-зеленого, коричневого или оливкового цвета. Близкие по морфологии к ранним плиткам изделия — квадратной и треугольной формы с желтой и зеленой непрозрачной поливой — небольших размеров (10–11 см), вероятно, украшали и построенный в конце XIII в. каменный собор. Около середины XIV столетия при обновлении пола собора использовались плитки других типов — большего размера (12,5–13,5 см), с ковчезцем, украшенные поливой тех же цветовых тонов⁴⁰. Способ укладки плиток, судя по со-

⁴⁰ Поскольку среди найденных плиток преобладают близкие по тону изделия желтого, желто-зеленого и зеленого (светлого) тонов, а более темных — коричневых и оливковых — очень мало, то маловероятно создание кон-

отношению изделий двух форм, в XIII — XIV вв. был одинаков — квадратные плитки прямыми линиями располагались по диагонали храма, треугольные — в местах примыкания к стенам. Плитки конца XIII — XIV в. составляют более половины учтенных находок, их концентрация на одном участке — важное свидетельство месторасположения каменного собора Спаса и масштаба самого здания, основные каменные конструкции которого почти полностью разрушены. Причем есть доказательства долговременного использования керамических полов, уложенных в конце XIII — XIV в., их частичная разборка продолжалась во время ремонтов храма еще в XVI — XVII вв. Нам известно еще только одно место, где в конце XIII — XIV в. существовали постройки с полом, украшенным керамическими плитками, — пригородный мемориальный монастырь Михаила Архангела, где несколько раз в XIV столетии встречали тела убитых в Орде тверских князей⁴¹.

трастного цветового рисунка пологового покрытия, так что порядок укладки плиток разного цвета мог быть вполне произвольным.

⁴¹ Хохлов А.Н. Последний путь первого великого князя всея Руси (к вопросу о возникновении традиции) // Михаил Ярославич Тверской — великий князь всея Руси. Тверь, 2008. С. 80–88.

Типы тверских плиток, датирующихся XV — XVI вв., более разнообразны, а по количеству соотносятся с общим числом ранних изделий. Отличает их способ декорирования — в основном это ангоб и морение с лощением, что косвенно свидетельствует об использовании наборного пола с контрастным двухцветным решением — сочетанием темных и светлых экземпляров. Замечено также увеличение со временем размеров изделий, как длины сторон — от 14–15 до 18–20 см, так и толщины — от 2–2,5 до 3,5–4 см. В этот период преобладали

плитки с ковчезцем, изготовленные в неразборных формах с дном, что позволяло создавать у изделий рельефные знаки на дне ковчезца и на боковых сторонах плиток. Заметно расширяется топография находок плиток на территории Твери. Хотя более 90% из них были обнаружены в центре Тверского кремля, у кафедрального собора и на месте владычного двора, находки плиток зафиксированы и на тверских посадах, вблизи каменных или деревянных храмов, а также на территории пригородных тверских монастырей.

Список литературы

Беляев Л.А., Сафарова И.А., Хохлов А.Н. Некрополь середины XII — XIII в. на месте Спасо-Преображенского собора в Тверском кремле // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь: Институт археологии, ТНИИР-Центр, 2017. Вып. 10. С. 61–98.

Беляев Л.А., Сафарова И.А., Хохлов А.Н. Спасо-Преображенский собор в Тверском кремле: итоги раскопок 2012–2014 гг. // Российская археология. 2018. № 2. С. 148–161.

Орлова О.А. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории Загородского посада г. Твери в 2003 г. (раскоп № 52 участок 3). Архив ТНИИР-Центра (б/н).

ПСРЛ. Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. Т. 9–10. 256 + 244 с.

ПСРЛ. Симеоновская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. Т. 18. 316 с.

Салимов А.М. Средневековое зодчество Твери и прилежащих земель. XI–XVI века. Тверь: ФГБОУ ВПО «ГАСК». 2015. Т. 2. 678 с.

Салимов А.М., Данилов В.В., Романова Е.А., Зинovieв А.В. Сретенский собор тверского монастыря Савватьева пустынь: история, архитектура и археология. Тверь: Изд. Алексей Ушаков, 2018. 228 с.

Сафарова И.А. Строительная керамика из исследований Загородского посада г. Твери (по материалам раскопа № 119) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь: Старый город, 2010. Вып. 6. С. 135–149.

Сафарова И.А., Беляев Л.А., Хохлов А.Н. Керамические плитки покрытия полов из раскопок на Соборной площади в Твери (по материалам исследований 2013–2014 гг.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные

территории в эпоху Средневековья. Вып. 11. Тверь: Ин-т археологии, ТНИИР-Центр, 2018. С. 77–113.

Сафарова И.А., Хохлов А.Н., Беляев Л.А. Постройки XV–XVI вв., расположенные вблизи апсид собора Спаса Преображения в Тверском кремле (по материалам раскопок 2013–2014 гг.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь: Ин-т археологии, ТНИИР-Центр, 2019. Вып. 12. С. 196–220.

Хворостова Е.Л. Успенский собор Отроча монастыря в Твери (проблемы реконструкции) // Тверской археологический сборник. Тверь: ТГОМ, ТНИИР-Центр, 2001. Вып. 4. Т. 2. С. 343–351.

Хохлов А.Н. О местоположении церкви Алексея Человека Божия в Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 2. Тверь: Старый город, 1997. С. 257–261

Хохлов А.Н. Последний путь первого великого князя всея Руси (к вопросу о возникновении традиции) // Михаил Ярославич Тверской — великий князь всея Руси. Тверь: ТНИИР-Центр, 2008. С. 80–88.

Хохлов А.Н., Мелькова В.Р. Архитектурная керамика XV — первой половины XVIII в. из раскопок владычного двора в Твери (по материалам археологических исследований 2012–2013 гг. на территории тверского Императорского дворца) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь: Ин-т археологии, ТНИИР-Центр, 2017. Вып. 10. С. 206–224.

Хохлов А.Н., Орлова О.А., Нестерова М.Е. О находке следов производства средневековой поливной керамики в Твери: Доклад на XVI заседании научного семинара «Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья» (март 2003 г.).

И.А. Сафарова
Керамические плитки покрытия полов Твери XIII–XVI вв.

Ключевые слова: Тверь, кремль, посады, собор Спаса Преображения, плитки пола, типология, хронология.

Аннотация: В работе рассмотрена эволюция керамических покрытий полов на протяжении четырех столетий по данным археологических раскопок на территории Твери. На основании изучения

морфологии находок выделены типы плиток пола, распространенные в определенные хронологические периоды. Проведен анализ топографии находок. Основной базой исследования является большая коллекция плиток пола, обнаруженных при раскопках на месте собора Спаса Преображения (1285–1290 гг.) в центре Тверского кремля.

I.A. Safarova
The floor tiles of Tver' of the 13th–16th centuries

Keywords: Tver', Kremlin, settlements, Saviour of Transfiguration, floor tiles, typology, chronology

Abstract: The ceramic coverage of floors evolution over four centuries is considered in the article. Material is provided by archeological excavations in the territory of Tver'. On the ground of morphology of findings

study types of floor tiles are detached. These tiles were widely spread in certain chronological periods. Analysis of findings' topography is carried out. The main base of study is a big collection of tiles gathered at the place of the Savior's Transfiguration cathedral (1285–1290) at the center of Tver' kremlin.

Грамматика коллективных обозначений социальных институтов в ганзейско- новгородской документации

Отношения Ганзы и Новгорода с давних пор являются предметом исследования ученых разных специализаций. Наличием большого количества письменных памятников, в которых эти отношения зафиксированы, обусловлен интерес к теме Новгорода и Ганзы лингвистов, занимающихся исследованиями как древнерусского, так и средненижненемецкого языка. Особую ценность представляют собой двуязычные тексты, которые позволяют рассмотреть описываемую ситуацию с двух точек зрения и таким образом могут оказаться полезными при исследовании феноменов лексической и грамматической неоднозначности в одном из языков: значение рассматриваемой лексемы или конструкции может быть уточнено при анализе параллельного текста, перевода или оригинала.

В данной статье описывается опыт контрастивного анализа параллельных текстов на древнерусском и средненижненемецком языках с целью семантической и грамматической характеристики нижненемецкой лексемы *kopman* «купец». Исследование проводится на материале ганзейско-новгородской и внутриганзейской документации, а также корреспонденции Ганзы с западными зарубежными партнерами. Основным материалом являются древнерусский и нижненемецкие тексты договора Ганзы и Новгорода 1392 г., которые сравниваются в ходе исследования, а также нижненемецкий текст IV Новгородской скры, устав ганзейского купеческого двора в Новгороде, сложившийся к 1370–1371 гг.¹ Кроме того, в ходе исследования анализируются 96 внутриганзейских грамот и грамот отношений Ганзы с зарубежными торговыми

партнерами, относящихся к середине XIV — первой половине XV в.²

Обозначим проблемы исследования. Лексема *kopman* «купец» полисемична: согласно *Mittelniederdeutsches Wörterbuch*, «Средненижненемецкому словарю» К. Шиллера и А. Люббена, в ряде юридических контекстов она может употребляться в значении «купеческая гильдия, купечество вообще»³ и приобретать качества собирательного существительного, т.е. существительного, обладающего формой единственного числа и значением множественного⁴.

Примечательно, что словоформа (*de*) *kopman* может указывать не только на отдельного представителя купеческого сословия или на купеческую гильдию, но и на нескольких отдельных ее представителей. Образование лексемой *kopman* формы множественного числа сопряжено с явлением грамматической неоднозначности. Слово *man* «человек», являющееся определяемым в композите *kopman*, имеет несколько форм плюралиса: для одних диалектов нижненемецкого характерна супплетивная форма *lude*, для других — образованные от основы единственного числа *manne*, *mannen*, *mans* или форма с нулевым окончанием *man*⁵. Таким образом, и компо-

¹ *Schülter W.* Die Nowgoroder Schra: in sieben Fassungen vom XIII bis XVII Jahrhundert. Dorpat: Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands, 1911. S. 29.

² Источники грамот: Die Rezesse und andere Akten der Hansetage. Abt. 1. in 8 Bd.: 1256–143 / Bearb. v. Karl Koppmann. Leipzig: Dunker & Humblot, 1870–1877. Bd. 1–6. (Далее — HR.)

Hansisches Urkundenbuch: in 11 Bd. Bd. 5–6: 1392–1433 / Bearb. v. Karl Kunze. Leipzig: Dunker & Humblot, 1899–1905; Bd. 7: 1434–1441 / Bearb. v. Hans-Gerd v. Rundstedt. Weimar: Hermann Böhlhaus Nachf, 1939. Bd. 5–7. (Далее — HUB.)

³ *Schiller K., August L.* Mittelniederdeutsches Wörterbuch: in VI Bd. / Hrsg. v. Karl Schiller und August Lübben. Bremen: Kührtmann [u. a.], 1875–1888. Bd. II. S. 529.

⁴ *Dal I.* Kurze deutsche Syntax auf historischer Grundlage. 4. Auflage / I. Dal, hrsg. und bearb. v. H.-W. Eroms. Berlin: De Gruyter, 2014. S. 184.

⁵ *Lasch A.* Mittelniederdeutsche Grammatik. Halle: Niemeyer, 1914. S. 102.

зит *kopman* имеет омонимичные формы сингуляриса и плюралиса. Неоднозначность при этом не снимается и с помощью артикля: в средненижненемецком языке значения единственного числа мужского рода и множественного числа всех родов передаются омонимичной формой *de*⁶.

«Средненижненемецкий словарь», однако, не указывает, что лексема *kopman* образует несколько форм плюралиса, одна из которых совпадает с формой сингуляриса. Омонимия форм единственного и множественного числа слова *kopman* позволяет поставить под сомнение высказывание К. Шиллера и А. Люббена о том, что эта лексема может наполняться собирательным значением.

Собирательные существительные, обозначающие группу людей, обладают особым синтаксическим поведением: они могут вызывать в слове, с которым согласуются, как форму единственного, так и форму множественного числа: они сочетаются с глаголами как в сингулярисе, так и в плюралисе⁷. При этом согласование в единственном числе традиционно называется согласованием «по форме», или грамматическим, а согласование во множественном — «по смыслу», или семантическим⁸.

Совпадение значений единственного и множественного числа в одной словоформе *de kopman* приводит к тому, что принадлежность последней к собирательным существительным оказывается недоказуемой при помощи анализа синтаксиса предложения. Характерная для собирательных существительных вариативность в согласовании в случае слова *de kopman* может быть истолкована как реализация грамматического согласования при существительном единственного или множественного числа. Таким образом, цель нашего исследования состоит в том, чтобы определить, может ли лексема (*de*) *kopman* употребляться в качестве собирательного существительного, в каких контекстах реализуется ее собирательное значение, а также какое синтаксическое поведение ее характеризует.

Как указано выше, «Средненижненемецкий словарь» К. Шиллера и А. Люббена утверждает, что одно из значений существительного *de kopman* — «купеческая гильдия, купечество». Наиболее часто упоминаемой в ганзейских грамотах купеческой гильдией является сама Ганза. С одной стороны, лексема *de kopman* употребляется в значении «ганзейская купеческая община какого-либо города» (1), а с другой — он может наделяться более широким значением и использоваться для обозначения Ганзы в целом (2).

⁶ Сквайрс Е.Р. Нидерландский и нижненемецкий: Хрестоматия по истории языков: Учеб. пособие. М., 2009. С. 88.

⁷ Corbett G. Greville. Number. Cambridge, 2000. P. 210.

⁸ Dal I. Kurze deutsche Syntax... S. 184.

(1) ...*by dem aldermanne und ghemeynen copmanne van der Dueytfsschen Henze oppe dey tyt to Londen wesende...*

«...от старейшины и объединенного купечества немецкой Ганзы, в это время в Лондоне пребывающего...»⁹.

(2) ...*van des gemeynen copmans wegene van der Dudeschen hense beyde van overze unde van dessiit der ze...*

«...от объединенного купечества немецкой Ганзы, и заморского, и по эту сторону моря...»¹⁰.

Приведенные выше примеры (1) и (2) показывают, что при обозначении как отдельной купеческой общины, так и всей Ганзы лексема (*de*) *kopman* употребляется в составе формулы *de gemene kopman van der dudeschen hense*. Широко распространен и сокращенный вариант этой формулы, *de gemene kopman* (3). Эти же значения может принимать и отдельно стоящее слово *de kopman* (4). При этом зачастую остается неясным, указывает ли формула номинации или отдельно взятое слово *de kopman* на ганзейскую купеческую общину или на ганзейский торговый союз в целом, так как конкретные указания на это присутствуют в тексте грамоты не всегда.

(3) ...*die poynte der alden ordinanchen, die gheordineert waren bi dem ghemeenen coopman...*

«...условия старых договоров, принятые объединенным купечеством...»¹¹.

(4) ...*weret dat de kopman in gheneghen schaden queme in der waghe...*

«...если купечество потерпит какой-либо ущерб в связи с весами...»¹².

Для доказательства того, что лексема *kopman* при указании на ганзейскую инстанцию приобретает собирательное значение, а также для определения контекстов, в которых слово *kopman* употребляется в этом значении, следует обратиться к контрастивному материалу, каким являются тексты «Нибурова мира», договора между Ганзой и Новгородом 1392 г. Договор был создан на древнерусском языке и переведен на нижненемецкий, причем известно три нижненемецких варианта перевода: любекский (L) и два ревелских (R1 и R2)¹³. В своей статье «Особенности языка нижненемецких переводов договоров Ганзы с Новгородом» Е.Р. Сквайрс приходит к выводу, что L и, скорее всего, R1 составлены для хранения информации, тогда как R2 использовался ганзейской стороной

⁹ HUB. V. Nr. 229.

¹⁰ HR1.4. Nr. 45.

¹¹ HR1.1. Nr. 200.

¹² HR1.1. Nr. 169.

¹³ Нижненемецкие тексты L, R1 и R2 цитируются по: HR1.4. Nr. 45.

для публичных функций: R2 отличает более детальная переработка текста¹⁴. В то время как переводчик L сохраняет верность оригиналу, составляя свой список от лица русской стороны, но придерживается немецких терминов (*vor uns, alse deme borchgreven Thimofe Jurjevitze, deme hertoghen Mikiten Fodervitzen* «перед нами, а именно перед бургграфом Тимофеем Юрьевичем, герцогом Микитой Федоровичем»), R1 и R2 написаны от лица стороны немецкой, однако для R1 характерно употребление русских терминов (*de podsadnicke unde de tisadtzeke* «посадники и тысяцкие»), а R2 предпочитает немецкие синонимы (*de borchgreve unde hertoge* «бургграфы и герцоги») ¹⁵.

Для обозначения ганзейской стороны древнерусский текст использует существительное в форме множественного числа: «...от **всихъ купцовъ** заморскихъ и се сторонъ поморья...»¹⁶ В нижненемецких текстах древнерусский термин переводится с помощью лексемы (*de*) *kopman* как в плуралисе, так и в сингуларисе, в том числе в составе формулы наименования Ганзы. Распределение форм множественного и единственного числа в трех переводах договора подчинено строгим закономерностям, подтверждающим отмеченные Е.Р. Сквайрс тенденции: в переводе R1 древнерусское название немецкой стороны переносится без изменений, тогда как в переводах L и R2 заменяется немецким эквивалентом. В примерах (5–10) представлены фрагменты древнерусского и нижненемецких текстов Нибурова мира, использованные нами при сопоставительном анализе древнерусских обозначений Ганзы и соответствующих им нижненемецких.

- (5) ...и **от всихъ купцовъ** заморскихъ и се сторонъ поморья...
L: ... **van des meynen kopmannes weghene...**
«...от объединенного купечества...»
R1: ...**von al den overseschen kopluden van alle den syden umme de ze...**
«...от всех заморских купцов и от всех по эту сторону моря...»
R2: ...**van des gemeynen copmans wegene van der Dudeschen hense, beyde van overze unde van des-siit der ze...**
«...от объединенного купечества немецкой Ганзы, и заморского, и по эту сторону моря.»
- (6) ...с **нъмъцькими купцы** миръ опишьнии и грамотъ опишьнии...
L: ...**eynen sonderghen vrede mit deme Dudeschen kopmanne unde sonderghe breve...** «...особый мир

с объединенным немецким купечеством и особую грамоту...»

R1: ...**unde vor de overseschen Dudeschen coplude eynen vrede besunder, unde ere breffe besunder...**
«...и заморские немецкие купцы особый мир и особую грамоту...»

R2: ...**dat de overseschen stede unde de gemeyne Dudesche kopman hebben <...> enen vrede unde breve...**

«...что заморские города и объединенное немецкое купечество имеют <...> договор и грамоту...».

- (7) ...а **то купцамъ** не надобъ...

L: ...**dar en schal de kopman neyne not umme liden...**
«...из-за этого объединенное купечество не должно терпеть ущерба...»

R1: ...**des en dorven coplude nich...**

«...из-за этого купцы не потерпят ущерба...»

R2: ...**van alle den saken sal de kopman nene nod liden...**

«...из-за всего этого объединенное купечество не должно терпеть ущерба...».

- (8) ...а **купцамъ нъмъцькимъ** путь цистъ...

L: ...**de Dudesche kopman schal eynen reynen wech hebben...**

«...объединенное немецкое купечество должно иметь чистый путь...»

R1: ...**unde de Duddesschen solen eren reynen wech hebben...**

«...и немецкие купцы должны иметь чистый путь...»

R2: ...**unde de kopman schal enen reynen wech hebben...**

«...и объединенное купечество должно иметь чистый путь...».

- (9) ...а **купцамъ** торговати <...> с **объ** половинъ...

L: ...**unde to kopslaghende...**

«...и следует заключить договор...»

R1: ...**unde de coplude solen copslagen <...> van beyden delen...**

«...и купцы с обеих сторон должны заключить договор...»

R2: ...**unde de coplude scholen kopslagen van beyden siiden...**

«...и купцы с обеих сторон должны заключить договор...».

- (10) ...а **туда новгороцькому купцю** путь цистъ...

L: ...**dar schal ok de Noughardesche kopman eynen reynen wech hebben...**

«...а туда должен новгородский купец иметь путь чистый...»

R1: ...**unde dar zal syn der Nowerdschen kopluden ere wech reyn...**

«...а туда должен быть новгородским купцам путь чистый...»

R2: ...**dar scholen de Nougarden enen reynen wech hebben...**

«...туда должны новгородцы чистый путь иметь...».

¹⁴ Сквайрс Е.Р. Особенности языка нижненемецких переводов договоров Ганзы с Новгородом (Нибуров мир 1392 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 4. С. 76.

¹⁵ Сквайрс Е.Р. Особенности языка... С. 80.

¹⁶ Здесь и далее древнерусский оригинал цит. по: Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. С. 80–83. № 46.

В примере (5) текст R1, отличающийся буквальным переводом, сохраняет древнерусское выражение *от всихъ купцовъ заморськихъ и се сторонъ поморья* без изменений, используя супплетивную форму множественного числа *koplude*, тогда как в L и R2 древнерусский термин заменяется нижненемецкой формулой наименования Ганзы, в первом случае — сокращенной (*des gemene kopmans wegene*), во втором — полной (*des gemeunen copmans wegene van der Dudeschen hense*). Определяющее слово *des kopmans* в обоих переводах стоит в сингулярисе, что подтверждается формой определенного артикля (*des*). Таким образом, в переводах L и R2 существительное в форме единственного числа (*de*) *kopman* является эквивалентом существительного в форме множественного числа *купцовъ* в древнерусском оригинале, что указывает на общность значений приведенных древнерусской и нижненемецкой лексем, а следовательно, и на принадлежность последней к собирательным существительным.

Анализ фрагментов в примере (6) подтверждает наблюдения об эквивалентности древнерусского термина в форме множественного числа и нижненемецкого в форме единственного. Переводчик R1 калькирует обозначение Ганзы, использованное в древнерусском тексте: *с ньмъцькыми купцы* — *vor de overseschen Dudeschen coplude*. В свою очередь, L и R2 используют нижненемецкую формулу, причем L — более сокращенную (*mit deme Dudeschen kopmanne*), а R2 — более полную (*de gemeune Dudesche kopman*).

Примеры (7) и (8) показывают, что, в отличие от древнерусского оригинала и буквального перевода R1, тексты L и R2 используют собирательное существительное *de kopman* в форме единственного числа: подлежащее *de kopman* согласуется в обоих случаях со сказуемым, выраженным глаголом в единственном числе (*schal* или *sal*). В нижненемецких текстах Нибурова мира подлежащее, выраженное собирательным существительным *de kopman* в значении «объединенное купечество», как правило, согласуется со сказуемым в единственном числе, «по форме».

Следует обратить особое внимание на то, в каком значении в примерах (5–8) употребляется собирательное существительное *de kopman*: в тексте присутствуют указания на то, что договор заключается между Новгородом и Ганзой в целом, а не между Новгородом и ганзейской общиной. Так, в примере (5) отмечается, что для заключения договора приехали послы «и *от всихъ купцовъ заморськихъ и се сторонъ поморья*» — *van des gemeunen copmans wegene van der Dudeschen hense, beyde van overze unde van dessiit der ze*. Между тем фрагменты из других примеров не содержат намеков на смену масштаба и упоминаний ганзейской купеческой общины в Новгороде. Таким образом, собирательное существительное *de kopman* употребляется в нижненемецких текстах

Нибурова мира в качестве обозначения всей Ганзы, а не отдельной купеческой общины.

Пример (9) позволяет уточнить семантику собирательного существительного *de kopman* и отделить ее от семантики множественного числа. Для обозначения обеих заинтересованных групп — и ганзейских, и новгородских купцов — R1 и R2 используют супплетивную форму множественного числа *koplude*. R1, следуя древнерусскому тексту, не единожды употребляет существительное *koplude* и для обозначения немецких купцов, тогда как R2 всегда в таких случаях заменяет множественное число единственным, т.е. преобразовывает древнерусское выражение в нижненемецкую формулу наименования Ганзы *de (gemene) kopman*. Таким образом, собирательное существительное *de kopman* в ганзейской документации употребляется по отношению к купцам одной гильдии, тогда как для совокупного обозначения нескольких торговых организаций используется форма множественного числа (*coplude*).

В примерах (5–8) собирательное существительное *de kopman* употребляется в качестве самостоятельного обозначения Ганзы или в составе формул наименования Ганзейского союза, тогда как пример (10) показывает, каким образом в языке нижненемецкой документации обозначаются торговые партнеры Ганзы, новгородские купцы. В тексте оригинала для их номинации используется словосочетание, согласованное в форме единственного числа: *новгороцькому купцю*. Примечательно, что в соответствующих фрагментах всех нижненемецких текстов использованы разные переводческие решения. Текст R1 здесь отстает от буквы оригинала и употребляет форму множественного числа (*der Nowerdschen kopluden*), тогда как в тексте L сохраняется форма сингуляриса (*schal ok de Noughardesche kopman*). Тем самым обозначение группы новгородских купцов становится в один ряд с формулой наименования Ганзы *de gemene dudesche kopman*, также представляющей собой словосочетание, согласованное в форме единственного числа. Переводчик же, работавший над текстом R2, заменяет древнерусское словосочетание лексемой *de Nougarden* «новгородцы».

Таким образом, в древнерусском оригинале для обозначения ганзейской стороны используется существительное в форме множественного числа (например, *с ньмъцькыми купцы*). Нижненемецкий перевод R1, характерный своей буквальностью, сохраняет термин, распространенный в языке древнерусской документации, и также использует существительное в форме множественного числа для обозначения немецких купцов (*koplude*). В отличие от R1, L и R2 в большинстве случаев заменяют древнерусский термин формулой наименования Ганзы, принятой в языке нижненемецкой грамоты. Синтаксический анализ приведенных примеров

доказывает, что лексема (*de*) *kopman* «объединенное купечество», используемая для обозначения всей Ганзы, стоит в форме единственного числа, тогда как соответствие ее древнерусскому термину **купци** позволяет утверждать, что словоформа *de kopman* обладает собирательным значением. При этом подлежащее, выраженное существительным *de kopman* «объединенное купечество», как правило, согласуется со сказуемым в единственном числе, «по форме».

Особенности синтаксического поведения существительного *de kopman* в значении «ганзейская купеческая община» можно рассмотреть на примере текста IV Новгородской скры¹⁷. В тексте документа лексема *de kopman*, а также формулы наименования Ганзы в большинстве случаев употребляются с указанием топонима *Nougarden*, ограничивающим семантику слова *de kopman* значением «ганзейская купеческая община в Новгороде» (11).

- (11) ...*de meyne dudesche copman, de do to Nougarden was...*
«...купеческая община, которая тогда была в Новгороде...».

В тексте IV Новгородской скры лексема *de kopman* «купеческая община» согласуется с глаголом-сказуемым как в единственном числе, так и во множественном. В примере (12) являющееся частью формулы ганзейской номинации существительное **de copman** согласуется со сказуемым относительного придаточного в единственном числе (**was**), «по форме», тогда как в примере (13) при схожих условиях согласование происходит во множественном числе (**soken**), «по смыслу».

- (12) ...*dat des hoves olderman unde sine wisesten unde demene dudesche copman, de do to Nougarden was, des overen gebreghen hebben dor nut des meynen copmannes...*
«... что старейшина подворья, и его советники, и купеческая община, которая тогда была в Новгороде, пришли к согласию на благо объединенного купечества...».
- (13) ...*unde schedelich is deme meynen duseschen copmanne, de den hof to Nougarden soken...*
«...и вредит купеческой общине, которая посещает (буквально: посещают) двор в Новгороде...».

Таким образом, результаты анализа древнерусского и нижненемецких текстов Нибурова мира, а также текста IV Новгородской скры показывают, что лексема (*de*) *kopman*, употребленная в значениях «Ганза» или «ганзейская купеческая

община», является собирательным существительным. При этом синтаксическое поведение этого существительного зависит от того, обозначает ли оно торговый союз в целом или его часть — купеческую общину. Если в первом случае подлежащее *de kopman* согласуется со сказуемым, как правило, в единственном числе, то во втором наблюдаются примеры согласования как «по форме», так и «по смыслу».

Данное наблюдение подтверждается при анализе материала более широкого охвата, текстов внутриганзейской документации и корреспонденции Ганзы с зарубежными партнерами середины XIV — второй половины XV в. В табл. 1 показано, как результат согласования подлежащего *de kopman* со сказуемым соотносится со значением собирательного существительного *de kopman*. При существительном *de kopman* в значении «объединенное купечество» согласование происходит преимущественно «по форме», тогда как согласование «по смыслу» встречается лишь в порядке исключения. При существительном *de kopman* в значении «ганзейская купеческая община» согласование «по форме» также доминирует, однако согласование во множественном числе происходит более регулярно, чем в предложениях с *de kopman* в значении «объединенное купечество».

Таблица 1. Согласование подлежащего **de kopman** с глаголом-сказуемым в зависимости от значения **de kopman**

Значение <i>de kopman</i>	Количество примеров	% Pl.
Объединенное купечество	108	2
Ганзейская купеческая община	69	12

Таким образом, синтаксическое поведение собирательного существительного *de kopman* зависит от того, обозначает ли оно Ганзу в общем и целом или же отдельную ганзейскую купеческую общину. В то время как Ганза благодаря непрерывной корпоративной традиции осознается как нечто устойчивое и цельное, купеческая община дискретна, она состоит из отдельных представителей купеческой гильдии. По сравнению с понятием «объединенное купечество» термин «купеческая община» ближе к значению множественного числа лексемы *de kopman*, чем и обусловлено относительно большее количество свидетельств согласования «по смыслу» в предложениях, где этот термин выступает в качестве подлежащего. То, что одна лексема обладает сразу двумя собирательными значениями, является уникальным явлением. Различия между этими двумя значениями, которые влияют на согласование при существительном *de kopman*, делают уникальным и его синтаксическое поведение. При этом тип согласования зачастую

¹⁷ Текст рукописи IV Новгородской скры цитируется по оригиналу, хранящемуся в РНБ.

является единственным признаком, по которому можно определить значение лексемы *de kopman*, и может, таким образом, существенно облегчить

интерпретацию текста: семантическая неоднозначность лексемы частично снимается на уровне синтаксиса предложения.

Список литературы

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. 408 с.

Сквайрс Е.Р. Нидерландский и нижненемецкий: Хрестоматия по истории языков: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Макс-пресс, 2009. 239 с.

Сквайрс Е.Р. Особенности языка нижненемецких переводов договоров Ганзы с Новгородом (Нибуров мир 1392 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 4. С. 72–81.

Corbett G. Greville. Number / G.G. Corbett. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 358 p.

Dal I. Kurze deutsche Syntax auf historischer Grundlage. 4. Auflage / I. Dal, hrsg. und bearb. v. H.-W. Eroms. Berlin: De Gruyter, 2014. 292 S.

Die Rezesse und andere Akten der Hansetage. Abt. 1. in 8 Bd. 1256–1430 / Bearb. v. Karl Koppmann. Leipzig: Dunker & Humblot, 1870–1877. Bd. 1–6.

Hansisches Urkundenbuch: in 11 Bd. / Bd. 5–6: 1392–1433 / Bearb. v. Karl Kunze. Leipzig: Dunker & Humblot, 1899–1905. Bd. 7: 1434–1441 / Bearb. v. Hans-Gerd v. Rundstedt. Weimar: Hermann Böhlau Nachf, 1939. Bd. 5–7.

Lasch A. Mittelniederdeutsche Grammatik / A. Lasch. Halle: Niemeyer, 1914. 286 S.

Schiller K., August L. Mittelniederdeutsches Wörterbuch: in VI Bd. / Hrsg. v. Karl Schiller und August Lübben. Bremen: Kühtmann [u. a.], 1875–1888. Bd. II.

Schülter W. Die Nowgoroder Schra: in sieben Fassungen vom XIII bis XVII Jahrhundert. Dorpat: Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands, 1911. 145 S.

Л.И. Постол

Грамматика коллективных обозначений социальных институтов в ганзейско-новгородской документации

Ключевые слова: Ганза, Новгород Великий, грамматика, собирательные существительные.

Аннотация: Статья посвящена вопросу номинации Ганзы в новгородско-ганзейских грамотах XIV–XV вв. Лексема *kopman*, первичное значение которой — «купец», в текстах нижненемецкой документации употребляется в составе формулы наименования Ганзы *de gemene kopman van der Dudeschen hanse* «объединенное купечество немецкой Ганзы». С помощью этой формулы, зачастую сокращаемой до одного слова

de kopman «купец/купечество», в большинстве случаев переводится на нижненемецкий язык древнерусское обозначение Ганзы «немецкие купцы», включающее существительное в плуралисе. Контрастное сравнение нижненемецких и древнерусских текстов показывает, что в нижненемецком языке существительное в форме единственного числа может наполняться семантикой собирательности, близкой к семантике множественного числа, и употребляться в качестве коллективного обозначения.

L.I. Postol

Grammar of collective designations of social institutes in documents of the Hanseatic League and Novgorod

Keywords: Hanseatic League, Great Novgorod, grammar, corporate nouns.

Abstract: The article is devoted to the issue of the Hanseatic League nominations in documents of the Hansa and Novgorod. The lexeme *kopman* primary meaning of which is “a merchant” is used in the Middle Low German documents as a part of formula of the League’s designation *de gemene kopman van der Dudeschen hanse*, ‘the united merchantry of the German Hansa’ which often

is abridged to a single word *de kopman*, ‘merchant/merchantry’. This singular noun can also be found in the Middle Low German documents translated from Old Russian although the Old Russian designation included a plural noun. The contrast comparison of the Middle Low German and Old Russian texts shows that Middle Low German nouns in singular form can become corporate nouns whose semantics is close to semantics of plural and be used as collective designations.

О языковой работе канцелярий Ганзы над текстами посланий в Новгород¹

1. Введение

С середины XIII в. до середины XV в., т.е. на протяжении большей части периода отношений Великого Новгорода с городами Ганзы, взаимоотношения между партнерскими сторонами в языковом аспекте обеспечивались немецкой стороной; в письменном обмене документами и корреспонденцией ганзейские канцелярии выполняли функции двустороннего перевода, делая немецкие копии текстов, полученных из русских инстанций, и составляя письма на русском языке для отправки в Новгород. Многочисленные юридические тексты, отражающие историю новгородско-ганзейских связей, позволяют проследить характер филологической работы немецких канцелярий в условиях русско-нижнегерманского языкового контакта.

Эта тематика включает несколько аспектов. *Первый* связан с уровнем владения обоими языками со стороны ганзейских писцов и качеством их текстов²; *второй* касается специфики правовых жанров: влияния древнерусского языка права на нижнегерманский формуляр и структуру текста и специфики данного языкового взаимодействия³.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ 20-09-00065 А.

² В этом аспекте было выяснено, что нижнегерманские тексты доброкачественны в языковом отношении, отдельные ошибки касаются распознавания русских имен и реалий. Пока, к сожалению, не изучалось качество древнерусского языка в узусе ганзейских писцов, а это значит, что мы не располагаем свидетельствами о том, где они его изучали; первые наблюдения обещают интересные и важные результаты. Ср.: *Полехов С.В., Гиппиус А.А., Лукин П.В., Сквайрс Е.Р.* Новая грамота о новгородско-ганзейских взаимоотношениях (1425 г.) // Труды Института российской истории РАН. Вып. 7. М., «Наука». Т. 16. С. 41–75.

³ Сведения об отражении языкового контакта в формуляре и структуре нижнегерманских грамот, относящих-

ся к связям с Новгородом, получены ранее, так что общая модель контакта в целом описана. См.: *Сквайрс Е.Р.* Русь и Ганза: модель языкового контакта. М., 2000; *Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н.* Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002; *Squires C.* Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen... Köln, etc., 2009.

- как ганзейские писцы воспринимают особенности русского языка права и передают по-немецки те из них, которые считают важными;
- как они вследствие этого пишут по-русски: как формулируют и как составляют текст (вопросы конкретной грамматики при этом оставим в стороне);
- как координируют работу немецко- и русскоязычных канцеляристов.

2. Языковая недостаточность

Для языка средневекового права характерна не только упомянутая выше формульность и клишированность, но и определенная языковая недостаточность. Обе эти особенности различны в своем проявлении в каждом из языков, что создает немалые трудности при двуязычной работе у ганзейских писцов, работавших над переводом и составлением русских текстов. Их труд включал принятие филологических решений с учетом многих факторов, как лингвистического, так и прагматического характера.

Аналогичные трудности (возможно, даже в большей степени) испытывает сегодня историк или филолог при интерпретации или переводе исторического источника; для иллюстрации

ся к связям с Новгородом, получены ранее, так что общая модель контакта в целом описана. См.: *Сквайрс Е.Р.* Русь и Ганза: модель языкового контакта. М., 2000; *Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н.* Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002; *Squires C.* Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen... Köln, etc., 2009.

упомянутой языковой недостаточности можно привести следующий пример на средненижненемецком языке из письма в Ревель от 1 июля 1407 г. Речь идет о конфликте между немецким двором в Новгороде и местными властями, каких было много за историю двусторонних отношений. Обсуждая меры воздействия на новгородцев, немецкие города вводят запрет на русскую торговлю:

*Vnde des sy wy hir ens geworden, dat nemant den kop sal angan by 50 mark vnde by des houes rechte bette to der tiit, dat wy en antworde van iuw hebben*⁴.

В буквальном переводе следовало бы написать: «И поэтому мы здесь совместно решили, что **никто не должен заключать торговые сделки за пятьдесят марок и право двора** вплоть до того времени, пока мы не получим от вас ответ», однако сравнение с другими подобными контекстами подсказывает, что фразы *by 50 mark* и *by des houes rechte* сокращены в результате жесткого эллипсиса и их следует понимать как «под страхом штрафа на сумму в пятьдесят марок» и «лишения пользования правом торговать по правилам Немецкого двора», так что перевод приобретает смысл, противоположный тому, который получался при буквальном прочтении:

«И поэтому мы здесь совместно решили, что **никто не должен заключать торговые сделки [под страхом штрафа на сумму в] пятьдесят марок и [лишения пользования] правом [торговать по правилам Немецкого] двора** вплоть до того времени, пока мы не получим от вас ответ».

Подчеркнем, что приведенный пример не содержит ошибок или искажений — напротив, он совершенно типичен для юридических формулировок нижненемецких канцелярий⁵. Неполнота и неточность были, как ни странно это может выглядеть, чертой средневекового языка права.

Проблема адекватности языковой формы структуре и сложности смыслов, передаче и фиксации которых она служит, актуальна и в современном контексте и активно обсуждается у правоведов и лингвистов, работающих в области юридического

языка⁶. Понимаемая обычно как проблема многозначности терминов, она затрагивается и в диахроническом плане. Для правовых текстов средневековой Европы, как и для современного состояния, отмечается недостаточная дифференцированность правовых понятий, однако в диахронии она в основном изучается в работах по истории языка, а не права. Отмечается в первую очередь недостаточность в терминологии (т.е. назывного аппарата языка), например в обозначении участников юридической ситуации (истца, обвиняемого, сообщника, свидетеля, различных этапов процесса и т.д.) и способах уточнения этих субстантивных терминов при помощи адъективных и номинативных атрибутов. Как мы видим, это может касаться обозначения противоположных сторон правового действия — субъекта и объекта, т.е. языкового агенса и пациенса, — и потому затрагивать не только назывные, но и синтаксические средства языка. К последним относится и выражение логических правовых моментов: направленности действия, описываемого в норме или предписанного санкцией; противоили однонаправленности действий и оценок и др. А между тем особенно в области исторического синтаксиса совершенствование языковых средств связывают с развитием юридических жанров в XIV–XV вв., так как именно в них возрастают требования «крайней точности в выражении различных логических отношений»⁷. В то же время, с точки зрения лингвиста, между состоянием языка в определенную эпоху, правовыми представлениями людей и их способностью осознавать логические связи может не быть прямой и непосредственной связи: «развитие строя языка далеко не непосредственно направляется мышлением»⁸. Поэтому в эпоху развитой системы права в Европе XIV–XV вв., опиравшейся на достаточно давнюю традицию его кодификации и реализованного в целом спектре конкретных жанров, в области правового языка все же наблюдаются явления, которые можно охарактеризовать как неэксплицированность и неоднозначность языковой формы. Например, на материале древнерусского языка (в источниках X–XV вв.) важные наблюдения сделаны в филологическом исследовании Н.Н. Лыковой (на базе сравнения с французскими текстами права XII–XIII вв.)⁹. По данным

⁴ Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch / Hrg. Friedrich Georg von Bunge, fortges. Hermann Hildebrand. Riga; Moskau. Bd. IV (1859); VII (1881); X (1896) (далее — LECUB). IV. № 1730.

⁵ Подробнее эллипсис в текстах права описан в других работах. См.: Сквайрс Е.Р. Эллипсис, синтаксический синкретизм и конденсация правовой информации в языке Новгородской скры (XIII–XIV вв.) // Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований. 2020. Т. 16. № 2. С. 690–710.

⁶ Библиографические данные см.: Сквайрс Е.Р. Эллипсис, синтаксический синкретизм и конденсация правовой информации... (прим. 5).

⁷ Адмони В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963. С. 117; см. также: Irmtraud Rösler. Satz — Text — Sprachhandeln: Syntaktische Normen der mittelniederdeutschen Sprache und ihre soziofunktionalen Determinanten. Heidelberg, 1997. S. 92–98, 212–214.

⁸ Адмони В.Г. Исторический синтаксис... С. 15.

⁹ Лыкова Н.Н. Генезис языка права: начальный этап: на материале французских и русских документов X–XV веков: Дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2005.

этого исследования, полисемия (полифункциональность) обозначений, общность наименований для реалий, находящихся в антонимических отношениях, и непоследовательность в привлечении уточняющих слов характерны для обоих языков; автор отмечает при этом, что они проявляются в древнерусском и старофранцузском по-разному, в различных частях терминологической системы. Эту несимметричность достаточно наглядно иллюстрирует тот факт, что в количественном отношении зафиксированная русская терминология (ок. 1000 лексем) сильно отличается от французской (ок. 2000 терминов)¹⁰.

Обращаясь к материалу русско-ганзейских правовых контактов, необходимо, следовательно, учитывать, что проблемы, связанные с трудностью однозначного понимания и толкования источников, существуют в каждом из этих языков отдельно (древнерусском и средненижнемецком), но в связи с описанной несимметричностью в двустороннем контакте они должны были многократно усиливаться и представлять значительные трудности и для письменного перевода, и в ходе устных переговоров. Именно в этих частях систем русского и нижнемецкого языков права можно ожидать наиболее трудные и интересные моменты в работе ганзейских канцелярий.

3. Языковое выражение юридических антонимов

Дифференцирующее наименование для реалий, находящихся в антонимических отношениях (например, противных сторон юридического казуса), очень важно для понятного описания правовой ситуации, однако русский и немецкий языки в этом отношении нередко различаются. В древнерусском, по данным Н.Н. Лыковой, одним общим термином обозначается истец и ответчик, т.е. не существует различия в обозначении противостоящих участников процесса: вместо пары антонимов используется одно слово (*истцы*). Во французском же существовали как различные конкретные обозначения, так и общая лексема, подчеркивающая противопоставление сторон: *partie*¹¹.

Последнее парное (в отличие от синкретного, как в древнерусском) обозначение сторон знакомо и ганзейским источникам на латинском (ср. *ex una pars ... ex altera* «с одной стороны — с другой [стороны]») и на нижнемецком языке (*van der enen side ... bi der anderen*), например, в документе из Бремена 1303 г.:

¹⁰ Там же. С. 6, 17–18.

¹¹ Лыкова Н.Н. Генезис языка права... С. 20. О наименовании тяжущихся сторон как «истцов» в Новгородской судной грамоте см.: Лукин П.В. Суд на корабле в Новгороде XV в. // Исторический вестник. М., 2016. Т. 17. С. 136–152.

En scele was tuschen NN van der enen side unde MM bi der anderen side

«Спор возник между NN, с одной стороны, и MM — с другой»¹².

В немецком языке ганзейских канцелярий существуют и отдельные обозначения каждой из противных сторон судебного спора: *anklagere, ankleger* «истец, сторона обвинения», производное от глагола *anklagen* «обвинять», и *antworder, antwerder* «ответчик» от глагола *antwerden* «явиться (лично), держать ответ». Они являются антонимами, что ясно проявляется в контекстах, где их оппозиция подерживается синтаксической конструкцией с союзом *noch — noch* «ни — ни», например:

De richter schall nemende schaden offte vromen, noch ankleger noch antworder

«Судья не должен никому вредить или способствовать, ни истцу, ни ответчику» (LübR)¹³.

В обмене документами и посланиями между Новгородом и канцеляриями ганзейских городов, таким образом, немецкой паре антонимов «истец» — «ответчик» противостояло недифференцированное русское обозначение «истцы». В данной, типично интерферентной ситуации (системе с большим количеством оппозиций противостоит система с меньшим количеством) существует несколько возможных вариантов контакта. Поскольку речь идет о реакции нижнемецкой (а не русской) системы с ее бинарной оппозицией, то в ней возможно «доставление» второго члена оппозиции для русской ситуации (т.е. «назначение» одной из сторон ответчиком) или же адаптация меньшего числа оппозиций и неиспользование своего «лишнего» термина.

Возможно, переводчик мог бы разобраться в ролях сторон и «выбрать» ответчиком одного из «истцов», но это означало бы вторжение в юридическое представление ситуации в тексте. Этот фактор юридического свойства учитывался переводчиком в его языковом выборе. В своих контактах с Новгородом немцы (при формулировке своих текстов) приспосабливались к правовым условиям русской стороны.

4. Координация в двуязычной работе

В данном случае у немцев встречаем недифференцированное, как в русском, обозначение обеих сторон (истца и ответчика), например в этом отрывке из проекта договора Новгорода с Любеком, Готским берегом и заморским купечеством 1371 г.:

¹² Schiller K., Lübben A., August L. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bremen. Bd. I (1875); III (1877); V (1880) (далее — Schiller-Lübben), I, 112.

¹³ Любское право цит. по: Schiller-Lübben, I, 112.

Weret dat wes ghescege, dat were van slactinge eder van morde, dar ensolde de Düssche copman neyn doent mede hebben; des ghelikes ensolen ok de Nowersschen dar neyn doent medehabben, men sakewolden solde sich mit sakewolden beweten, vn[de] na der cruce küssinge sal men recht gheuen.

«Если случится что-то, драка или убийство, то немецким купцам до того дела нет; также и новгородцам дела до того нет, но должен **истец договориться с истцом**, и нужно решить [это] по праву и в согласии с крестным целованием»¹⁴.

Сделанный нами буквальный перевод («истец с истцом») воспроизводит формулировку немецкого текста, речь же идет об истце и ответчике, которые должны судиться, не привлекая других русских или ганзейцев.

Оговоримся, что употребление термина *sacewolde* в отношении истца и ответчика возможно и для немецкого языка, однако выбор в пользу общего названия при наличии дифференцированных терминов сделан по русскому образцу. Что в немецком возможны оба варианта, показывает пассаж из Любского права, который существует в двух вариантах (с *sakewolden* и с *klegere*): уличенный в неправильном обвинении невинного должен возместить [это нарушение] денежной суммой, одна треть которой полагается городу, еще одна треть судье, а третья — тому самому *sakewolden/klegere*, ср.: *scal eme beteren mit sestich schillingen, des horet der stat de dridde del, deme richtere dat dridde del vnde deme sakewolden / klegere*¹⁵.

Как выработалось у писарей предпочтение к недифференцированному обозначению противных сторон процесса, показывает сравнение с более ранним случаем: ту же фразу содержит дважды договор 1338 г. между Новгородом и ганзейцами:

vn(de) de sacwolde scal sic mit deme / sakewolden bewethen. Is dat sake, dat hirnach ein vnghemac schege, it were van dotslage ofte ander slachtinge, dar ne / scal de gast nicht mede to donde hebben, de sacwolde scal sik beweten mit dem sakewolden...

«...должен **истец договориться с истцом**. Если же после этого случится несчастье, будь то убийство или иная драка, то гостю до этого дела нет, а должен **истец договориться с истцом**»¹⁶.

Немецкому проекту 1371 г., таким образом, предшествует более раннее (вряд ли единичное)

¹⁴ Hansisches Urkundenbuch / Hrg. Konstantin Höhlbaum. Bd. II. Halle 1879; Bd. IV. Halle, 1896; Bd. V / Hrg. Karl Kunze. Leipzig, 1899 (далее — HUB). IV. Nr. 397.

¹⁵ Любское право цит. по: Schiller-Lübben, IV, 13.

¹⁶ HUB, II, Nr. 614.

употребление такой же формулировки в тексте уже заключенного договора. Поскольку известно, что средненижненемецкие списки заключенных новгородских договоров являются вторичными по отношению к оригиналам договорных грамот, которые в эту эпоху составлялись на древнерусском языке, то для договора 1338 г. перевод недифференцированным способом объясняется тем, что он следует русскому оригиналу. Очевидно, что этот русский способ был принят немецкими писарями, и в проекте 1371 г. ганзеец уже самостоятельно формулирует по русскому образцу. Он несомненно учитывал, что его проект в дальнейшем станет основой для переговоров по-русски, а в конечном счете может перейти в итоговый древнерусский договор. Фраза проекта могла сознательно составляться так, чтобы соответствовать будущей русской форме. Ганзейский писарь как бы пишет «немецкими словами по русскому шаблону», понимая важность соблюдения этих особенностей и подготавливая текст для работы своего коллеги-переводчика. Нам предоставляется возможность приоткрыть методы совместной работы двух писцов над составлением русского текста: в немецкий текст могли на этапе выбора вариантов закладываться нужные русские конструкции и клише, которые затем оформлялись по-русски. В этом можно увидеть приспособление немецкой формулировки к предстоящему переводу на русский язык. В результате ганзейские канцелярии модифицировали не только формуляр и структуру текста своих посланий Новгороду, но и употребление собственных немецких терминов.

5. Этикет, или Дипломатический фактор

Для древнерусского языка права характерно, как показал материал Н.Н. Лыковой, различие семантических вариантов термина при помощи пояснительных слов, эту роль могут играть адъективные атрибуты. Хотя аналогичная черта присуща и французской терминологии, она имеет там иное происхождение (из средневекового римского права); русская же терминология, как и немецкая, развивается в эту эпоху в стороне от образцов римских письменных законов. Поэтому интересно проследить на материале русско-ганзейских связей двусторонний контакт в группе номинативного термина с атрибутом.

Таковыми группами являются обращения и обозначения русского адресата. В официальных письмах, адресованных партнерам, русская и немецкая адресные формулы несколько различаются. Традиционное русское обращение *соусьди наши* регулярно встречалось ганзейцам в посланиях

из Новгорода¹⁷. При переводе этих писем ганзейские писцы сохраняли его, но в видоизмененной форме. Они не ограничиваются передачей сочетания слова «соседи» с притяжательным местоимением, а прибавляют третий член, прилагательное *gude* «хорошие, добрые» или *leve* «любезные, милые», приспособлявая русскую формулу к немецкому чину письма, где обращения традиционно имеют прилагательное (*leven vrunde* «милые друзья», *ersamen heren* «досточтимые господа» и др.). Такие контаминированные формы обращения («соседи» с прилагательным) реализуются в трехчленном варианте (например, *unse guden/leven nabers* «наши добрые/милые соседи») или в двучленном, без местоимения: *leven nabers* «милые соседи». Они характеризуют традицию передачи русских формул в немецких переводах ганзейцев, и в письме Ревеля Новгороду от марта 1425 г. в средненижнегерманском черновике¹⁸ употреблено именно это — древнерусское по происхождению, но измененное по немецкому образцу — трехчленное обращение *vnsen leuen nabeeren*. Следуя черновику, составитель русской версии сохраняет этот вариант — трехчленную структуру с местоимением и прилагательным *нашимъ добрымъ сусьдом*. У него, как уже сказано, была и другая возможность перевода: например, двучленный вариант *leven nabers* употреблен в ряде других писем в Новгород из ревельской, дерптской и рижской канцелярий в 1420, 1421, 1425, 1426 гг. и др.¹⁹

Этот пример подтверждает сделанное выше предположение, что немецкий составитель первичного текста и переводчик на русский язык работали по методу, когда в немецкий текст закладывались «русские» конструкции, но не буквально те, которые используют сами новгородские корреспонденты, а те, которые разработали ганзейцы, «совместив» формулы обоих языков.

Следует подчеркнуть, что данная контаминация обеих синтаксических моделей (русской и немецкой) происходит в частях грамоты, которые содержат обозначение партнерской стороны и обращение к ней и потому подчинены традициям этикета. Очевидно, в традиции ганзейских городов соблюдались этикетно обусловленные правила обеих сторон, касавшиеся употребления атрибутов. Очевидно, писари работали с языком этой части текста, имея в виду ее важный дипломатический смысл.

¹⁷ Ср.: Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород... С. 204–205, 243–244.

¹⁸ О том, что первичным был именно нижнегерманский текст, а древнерусский — его переводом, говорит ряд наблюдений. См.: Полехов С.В., Гиппиус А.А., Лукин П.В., Сквайрс Е.Р. Новая грамота... (в печати) (как в прим. 2).

¹⁹ Abt. I. Hrg. Karl Koppmann. Bd. 6. Leipzig, 1889; Bd. 7. Leipzig, 1893; Bd. 8. Leipzig, 1897; Abt. II. Hrg. Goswin von der Ropp. Bd. 4. Leipzig, 1883 (далее — HR) I-7. № 138, 302. 757; I-8. № 87.

6. Конфессиональный фактор

Употребление в обращении к русскому адресату его традиционных адресных формул интересно наблюдать, когда кроме этикетных соображений учитываются другие, например религиозные, факторы. Например, в обращении к новгородскому архиепископу 1417 г. употреблена русская формула: *wii bidden dy hilge vader, ertzebisschop van Nougarden, Smone* «мы просим тебя, святой отец, архиепископ Новгорода, Симеон», которая знакома немцам по русским посланиям. В данном случае послание предшествовало письму, полученное от новгородцев, в котором, судя по переводу немцев, содержится русское обращение: *unse hilge vader, ertzebisschop van Nougarden, Smone*²⁰. Аналогичные образцы встречаются и в других письмах из Новгорода и отражаются в немецком переводе. Так, в письме 1421 г. Новгород пишет Дерпту и упоминает о присылке послов *unsen erwerdigen vader, deme bioscope van Nouwerden...* «к нашему достопочтенному отцу, епископу Новгорода»²¹, и переводчик ставит в немецком тексте трехчленную контаминированную структуру (с местоимением и прилагательным), подобную описанной выше. Обзор контекстов из писем городов Новгороду, написанных в первой половине XV в., однако, показывает, что было несколько немецких вариантов этой русской формулы:

а) двучленная русская модель с опущенным местоимением «наш», ср. *hillige vader* «святой отец» в письмах из Дерпта 1425 г. и *dem hilgen vaderen Eufemuyen* «святому отцу Ефимию» в письме ливонских городов Новгороду 1453 гг.²²;

б) трехчленная (контаминированная) модель с немецким и русским прилагательными: *erwerdigen hilligen vader ertzebischoep* «достопочтенному святому отцу архиепископу» в письмах Риги 1425 и 1426 гг.²³;

в) более распространенное обращение употребляют писари магистрата г. Любека 1420, 1435 и 1449 гг.: *Erwerdigeste gestlike vader in Gode unde mechtige here, her ertzebischoep* «Достопочтеннейший духовный отец в Боге и владыка, господин архиепископ»²⁴.

Здесь стоит обратить внимание на корреляцию вариантов с исходными инстанциями: различие немецких реализаций в письмах Дерпта (а), Риги (б) и Любека (в), возможно, объясняется самостоятельностью канцелярий, имевших собственные привычные способы перевода. Это касается дополнительных немецких элементов: они отсутствуют в дерптских (а), прилагательное «достопочтенный» употребляется в рижских письмах (б), и очень характерная форма с цепочкой русских (*mechtige here*

²⁰ HR, I-6, № 483.

²¹ HR I-7, 304.

²² LECUB VII, Nr. 261; HR II-4, Nr. 181.

²³ LECUB VII, № 346. 526.

²⁴ HR, I-7, № 137; HR II-4, № 466; LECUB X, № 631.

«владыка») и немецких (*erwerdigeste* «достопочтеннейший», *her* «господин») элементов, дополненная религиозными титулами «духовный отец в Боге», характеризует манеру Любека на протяжении, по крайней мере, 30 лет, судя по датам посланий. Однако всех их объединяют общие базовые черты: соблюдение этикета в обращении к новгородскому владыке как церковному иерарху, но опущение (по сравнению с переводом русских посланий) местоимения «наш» в обращениях немцев.

Выше отмечалось, что прилагательные в адресных формулах имеют не столько уточнительный, сколько этикетный смысл. Однако в контексте обращений к духовному лицу другой конфессии уточняющая функция все же важна. Поэтому, очевидно, несмотря на уважительные немецкие эпитеты и подчеркнута почтительные именованья, немцы в собственных письмах опускают инклюзивный атрибут «наш».

В целом работа канцелярий по передаче адресных формул свидетельствует о готовности обойти религиозные препятствия ради успешного торгового сотрудничества. Избегая ссылок на конфессиональные различия, немецкие писцы, однако, осознают границы допустимого компромисса, не включая в свои обращения инклюзивное уточнение «наш». При обращении к светским адресатам, как мы видели, они используют контаминированные формулы, включающие притяжательное местоимение.

7. Юридические реалии и перевод

Иначе протекает работа немецких писцов, когда картину не осложняют мотивы этикета и дипломатической вежливости, а речь идет о конкретных правовых понятиях. Например, в древнерусском праве, как показано у Н.Н. Лыковой, важное место в названиях суда имеют уточняющие атрибуты: одно общее существительное (*суд*) используется с адъективными терминами-пояснениями: *суд княж*, *суд владычный*, *волостной*, *городской*, *посадничий*, *суд общий*, *торговый*. Во французском языке отмечается различие правомочности суда (*haute justice* / *basse justice*). Таким образом, атрибутивное уточнение занимает важное место как способ устранения многозначности у наименований суда.

Обратившись к материалу средненижнемецкого языка, обнаруживаем, что здесь общее название суда *richt* употребляется далеко не так часто; оно встречается в атрибутивных сочетаниях как обозначение суда земного *vor wertlikem richte* «перед земным судом» и суда небесного, например: *dat geistlike richte*. В отличие от русского в нижнемецком различные инстанции, выполняющие судебные функции (часто наряду с другими), не уточняются при помощи атрибутов, а имеют

дифференцированные субстантивные названия. С судебными делами можно было *vor dat richte kommen*²⁵, т.е. *предстать перед судом*, обычно в самом широком смысле — *обратиться за законным решением*. Слово *richt* сохраняет поэтические приметы своего древнего употребления в аллитерирующих парных формулах со словом *recht* «право, закон», например: *mit richte unde rechte* «по суду и по праву»; *men dat hie hir wille en recht richte holden* (Bremen) «но чтобы вершил суд по закону»²⁶.

К древней правовой лексике относится и снем. *ding*, *dink*, прежде обозначавшее германский племенной тинг, а в источниках ганзейской эпохи — собрание, решавшее наряду с другими также юридические вопросы, в том числе и не ганзейское: немецкие переводчики употребляли его для обозначения новгородского веча²⁷. Значение «суд» в это время уже далеко не основное у этого многозначного слова. Эта «разбросанность» семантики старых обозначений суда становится понятной, если сравнить различные новые названия конкретных официальных инстанций, исполнявших судебные функции в эпоху Ганзы. В текстах часто идет речь о слушании в городском магистрате, и в этом случае употребляется снем. *rat*. Судебные компетенции имели и собрания различных организаций и объединений; например, снем. *steuene* обозначало собрание, а также день, назначенный для разбирательства в этом собрании. Например, так называется собрание общины немецких купцов в Новгороде (см. ниже).

Понятно, что в социальной структуре Новгорода не было точных аналогов западного магистрата или цеховых и торговых объединений с судебными функциями. В ганзейско-новгородском корпусе слово *steuene* употребляется только в отношении закрытого собрания немецкой купеческой общины в Новгороде, решавшего ее внутренние дела. В уставе немецкого двора, Новгородской скре, встречаются такие судебные контексты:

de voget mach beyden bi XV kunen; de dat vorsete vnde queme it vor de steuene

«Фогт может штрафовать до 15 кун; кто этому не подчинится, и это будет разбираться на собрании» (назначается штраф)²⁸.

²⁵ Примеры и цитата из Саксонского зеркала по: Schiller-Lübben, III, 471.

²⁶ Эстетические и поэтические моменты сопровождают право, начиная с ранних памятников германского права (законы англосаксов), и в юридических текстах последующих веков. Ср. о нижнемецком: Сквайрс Е.Р. Молитва и клятва: об одном новгородско-немецком контексте 1425 года // Атлантика. М., 2018. Вып. 15. С. 165–182.

²⁷ Лукин П.В. Новгородское вече. М.: Индрик, 2014. С. 253–256, особенно 254, 268–274.

²⁸ Schlüter W. Die Novgoroder Skra in sieben Fassungen vom 13. bis 17. Jahrhundert. Dorpat, 1911. Bd. I. S. 137 (§ 36).

Этих примеров достаточно, чтобы увидеть, что в обозначениях суда и судебных собраний в средненижненемецком преобладают номинативные термины, достаточно конкретные и не требующие уточняющих атрибутов, как это наблюдается в древнерусском. При этом немецкие термины нередко полифункциональны и значение «суд» у них лишь одно из нескольких, наряду с обозначением политического органа (городской магистрат *rat*), собрания коллектива (*steuene*), что соответствует выведенной Н.Н. Лыковой категории обозначений, совмещающих терминологическую «судебную» семантику с общеразговорными значениями.

В юридических ситуациях, возникавших между новгородцами и немцами (споры по поводу денег, товара или притеснений купцов), в Новгороде фигурирует вече как юридическая инстанция, а немецкие писари называют его неспецифическим старым термином *ding*²⁹. Например, купец Иван Кочерин, у которого был конфликт с немецкими партнерами, возвратившись в Новгород, является по своему делу на вече; в немецком документе: *do was he in dem dinghe*³⁰. Очевидно, это обозначение было достаточно близко по смыслу новгородскому вечу, но важно было и то, что оно не вызывало ненужных ассоциаций с конкретным правовым органом Германии. Во всяком случае, употребление слова *ding* в отношении веча было стойким и не нуждалось в уточняющем атрибуте.

8. Юридические действия и незаменимые формулы

Благодаря недавно обнаруженной в архиве Таллина фотокопии древнерусского перевода одного ранее опубликованного документа из Ревеля 1425 г.³¹ впервые представилась возможность сравнить «парные тексты» — магистратский проект и его русский перевод, сделанный ганзейскими писцами. Это позволяет не только подтвердить на конкретном текстовом материале, что немцы писали письма по-русски, но и проследить языковые стратегии и качество филологической работы ганзейских переводчиков.

Поводом, побудившим ревельские власти написать письмо, был типичный для ганзейско-новгородских отношений конфликт: в ответ на избиение новгородских купцов и захват их товаров у эстляндского побережья в 1424 г. Новгород, считавший виноватыми немцев, в начале 1425 г. арестовал их купцов. Письмо магистрата Ревеля от марта

1425 г. было направлено властям Новгорода и архиепископу с целью защитить ганзейскую сторону от несправедливых обвинений и было одним из многих шагов, сделанных для этого ганзейской стороной. Летом 1424 г. в Ливонию приехал новгородский посол Андрей, а следующим летом в Новгороде побывало ганзейское посольство. Переговоры оба раза были неудачны, лишь в сентябре 1425 г., после третьего письма (от городов Ревеля, Дерпта и Риги), удалось убедить новгородцев, и в октябре немецкие купцы были наконец освобождены. В этом успехе важная роль принадлежала письменным обращениям ливонских городов, поэтому интересно выяснить, какими языковыми средствами удалось достичь цели и разрешить юридическую коллизию.

В письмах Ревеля от марта и Риги от сентября 1425 г. немецкая сторона отвергает обвинения, употребляя формулу, почти не известную в русско-ганзейском корпусе; приведем один контекст:

dat wij der sake rades, dades vnde alles medewetendes vnschuldich sin

«что мы в этом деле ни словом, ни делом, ни знанием не виноваты».

В древнерусском переводе ганзейский писарь воспроизводит это место почти дословно:

*тое же дѣло не д(н)лом ни думою ни виновати*³².

Парная формула *rades — dades* имеет, как выяснилось, глубокие исторические корни в языке средневекового немецкого права. Она известна с древнегерманских времен как устная клятва, произносимая в суде для отрицания обвинения («очистительная клятва»: *Reinigungseid*, лат. *juramentum purgatorium*) и распространенная в английском, фризском, нидерландском, нижне- и верхненемецком языках различных исторических периодов³³. Появление варианта этой формулы в немецком, где она зафиксирована в основополагающем кодексе *Саксонского зерцала*, не вызывает никаких вопросов, однако в древнерусском правовом языке соответствующая формула не засвидетельствована в данный период (до XV в.)³⁴. В то же время похожий фразеологизм *словом и делом* или *ни словом, ни делом* распространен в современном русском языке, как и его аналог — в немецком. Как удалось выяснить, у обоих фразеологизмов действительно есть общие корни через связь с покаянной молитвой, известной христианскому миру из византийских

²⁹ См.: Лукин П.В. Новгородское вече... (прим. 27), также с. 267.

³⁰ НУВ V, S. 393.

³¹ Полехов С.В., Гиппиус А.А., Лукин П.В., Сквайрс Е.Р. Новая грамота... (прим. 2).

³² LECUB, 7, № 261.

³³ Сквайрс Е.Р. Молитва и клятва... (прим. 26).

³⁴ Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (последнее обращение 25.08.2018).

литургий Василия Великого и Иоанна Златоуста. В католической традиции эта молитва имела на латинском языке форму: *quia peccavi nimis cogitatione, verbo et opere* «что я согрешил много мыслью, словом и делом». Общая история в качестве молитвы и дальнейшее параллельное существование в русском и немецком в качестве фразеологизмов сближает обе фразы, однако в роли судебной клятвы встречается только немецкая. Употребление русского аналога в письме Ревеля и Риги требует объяснения, так как именно данными контекстами, судя по анализу писем, их составители намеревались переубедить новгородцев; никаких других аргументов в письмах не приводится, также не были обнаружены ни настоящие преступники, ни украденные товары. Очевидно, что составителю черновика нельзя было не привести немецкую формулу, так как в ней был главный смысл письма и она к тому же отсылала к совершённой официальной клятве — перед послом Андреем в 1424 г. и во время немецкого посольства в Новгород в 1425 г., что становится понятным, если взять более широкие контексты:

Vnde wi zeggen juw bij der krucekussinge <...> dat wij der sake rades, dades vnde alles medewetendes vnschuldich sin, also wi dat ok juwem boden Andree tho zomere zegeden bij der krucekussinge (март 1425 г.)

«И говорим вам по крестному целованию <...> что мы в этом деле ни словом, ни делом никаким знанием не виноваты, как мы и вашему послу Андрею говорили по крестоцелованию».

Ghii zullen des geloven bii der krutzekussinge unde bi allen Godes rechten, dat id also is, also unse boden dar bii juw zegeden, dat wii unde alle de Dutzsche copman in der Dutzschen hensze rades, dades unde alles medewetendes unschuldich sin, dat juwe brodere gedodet sin unde ere gud genomen is (сентябрь 1425 г.)

«Вам следует поверить по крестному целованию и по всякому Божьему праву, что дело обстоит так, как наши послы у вас говорили, что мы и все немецкое купечество немецкой Ганзы ни словом, ни делом и никаким знанием не виноваты, что ваши братья убиты, а их товар украден».

Следует заметить, что в обоих контекстах приведена и русская правовая процедура: целование креста в качестве клятвы, подтверждающей правдивость сделанного высказывания. Немецкая сторона была знакома с этим местным юридическим действием; например, при правовых разбирательствах по поводу денег и долгов ответчик приносил клятву целованием креста:

Hiir is her Cord, de but ziik to rechte, dat he dy nicht schuldich ene sii, he sal dy dat cruce kussen, dat machstu Naugarden zeggen, dat dy hir gheynes rechtes ghewegert ene sii.

«Господин Корд явился для разбирательства [утверждая], что он не должен тебе, он готов целовать крест, и можешь сообщить об этом в Новгороде и что тебе здесь не отказано ни в каком законном праве» (документ магистрата Ревеля от 17 сентября 1393 г.)³⁵.

Возвращаясь к письму из Ревеля, подчеркнем, что контексты с формулой «ни словом, ни делом» представляют трудный случай, для которого в опыте ревельской канцелярии не было готового рецепта. Притом трудность здесь — в отличие от других примеров — не в том, что у русских не было эквивалентных формул; напротив, формулы имелись: словесная формула и обряд крестоцелования у русских и немецкая клятва с формулой «ни словом, ни делом». Но в письме описаны оба обряда одновременно, что было необычно. В соглашениях новгородцев с Ганзой с ранних договоров был пункт, прописывавший способ улаживания конфликтов: на той же стороне, где они возникали:

— договор 1262 г.: *A гдъ ся тяжя родитъ, ту ю кончати.*

— договор 1269 г.: *So war so dhe twist ge schut dhar sal man se endegen.*

«Где спор возникнет, там его и кончать».

В письмах 1425 г., однако, поскольку описаны два эпизода с принесением клятвы — в Ливонии и в Новгороде, — то оба обряда и обе словесные формулы должны были стоять в тексте бок о бок. Ни обойти, ни заменить одну из формул писарь, составлявший проект, не мог. Фактически он и его коллега-переводчик были принуждены перенести немецкую формулу в русский перевод слово в слово. Возможно, их правоту доказывает успех всего дела.

9. Выводы

Юридический язык в Новгороде и городах Ганзы характеризует не только формульность, но и определенная недостаточность, различным образом проявляющаяся в обоих языках. Для преодоления этой проблемы переводчики Ливонии используют филологические приемы «совмещения» единиц обоих языков.

В этикетных частях (адресные формулы) они применяют контаминацию русских и немецких

³⁵ HUB. Bd. V. № 119. S. 69.

формул, соблюдая нейтральность языкового выражения, отвечающую дипломатическому смыслу их работы.

Однако в обращениях к новгородскому владыке этот метод ограничен: избегая ссылок на конфессиональные различия, писцы вместе с тем отказывались от инклюзивного уточнения («наш»), опуская его в обращениях. В целом Ганза была готова закрыть глаза на различия веры, уступая политическим и экономическим мотивам, однако, судя по текстам разных городов, существовало общее понимание допустимых границ этого компромисса.

В наименьшей степени трансфер и контаминация допускаются в передаче немецких юридических понятий и смыслов; преобладает перевод с помощью

собственных терминов (названия суда), в особо сложных правовых контекстах встречается буквальный перевод формулы (судебная клятва).

Выбор языковых средств в посланиях новгородской стороне отражает иерархию целей и ценностей Ганзы в ее отношениях с Новгородом. В общем, работа ганзейских писцов с немецким и с русским языком показывает преобладание религиозного фактора над дипломатическим (этикет), но безусловное главенство над ними правового.

Можно предположить, что в своей совместной работе писцы действовали методом координации, при котором формулировки немецкого проекта выбились с учетом предстоящего перевода на русский язык.

Источники и сокращения

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (последнее обращение 25.08.2018).

IV Скря — *Schlüter W.* Die Novgoroder Skra in sieben Fassungen vom 13. Bis 17. Jahrhundert. Dorpat, 1911. Bd. I.

HR — Abt. I. Hrg. Karl Koppmann. Bd. 6. Leipzig, 1889; Bd. 7. Leipzig, 1893; Bd. 8. Leipzig, 1897; Abt. II. Hrg. Goswin von der Ropp. Bd. 4. Leipzig, 1883.

HUB — Hansisches Urkundenbuch / Hrg. K. Höhlbaum. Bd. II. Halle, 1879. Bd. IV. Halle, 1896; Bd. V. Hrg. Karl Kunze. Leipzig, 1899.

LECUB — Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch / Hrg. Friedrich Georg von Bunge, fortges. Hermann Hildebrand. Riga, Moskau. Bd. IV (1859); VII (1881); X (1896).

Schiller/Lübben — *Schiller K., August L.* Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bremen. Bd. I (1875); III (1877); V (1880).

Список литературы

Адмони В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963. 335 с.

Полюхов С.В., Гиппиус А.А., Лукин П.В., Сквайрс Е.Р. Новая грамота о новгородскоганзейских взаимоотношениях (1425 г.) // Труды Института российской истории РАН. Вып. 7. М., «Наука». Т. 16. С. 41–75.

Лукин П.В. Новгородское вече. М.: Индрик, 2014. 608 с.

Лукин П.В. Суд на корабле в Новгороде XV в. // Исторический вестник. М., 2016. Т. 17. С. 136–152.

Лыкова Н.Н. Генезис языка права: начальный этап: на материале французских и русских документов X–XV веков: Дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2005. <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/genezis-jazyka-prava-nachalnyj-jetap-na-materiale-francuzskih-i-russkih-dokumentov.html> (последнее обращение: 28.08.2019).

Сквайрс Е.Р. Молитва и клятва: об одном новгородско-немецком контексте 1425 года // Атлантика: Записки по исторической поэтике. М., 2018. Вып. 15. С. 165–182.

Сквайрс Е.Р. Русь и Ганза: модель языкового контакта // Славяно-германские исследования. Т. 1–2 / Ред. А. Гугнин, А. Циммерлинг. М.: Индрик, 2000. С. 436–540.

Сквайрс Е.Р. Эллипсис, синтаксический синкретизм и конденсация правовой информации в языке Новгородской скры (XIII–XIV вв.) // Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований. 2020. Т. 16. № 2. С. 690–710.

Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М.: Индрик, 2002. 366 с.

Rösler. Satz — Text — Sprachhandeln: Syntaktische Normen der mittelniederdeutschen Sprache und ihre soziofunktionalen Determinanten. Heidelberg: Winter, 1997. 316+XXV S.

Squires C. Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen, mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England. Köln, 2009. 278 S.

Е.Р. Сквайрс

О языковой работе канцелярий Ганзы над текстами посланий в Новгород

Ключевые слова: Новгород и Ганза, русско-немецкие контакты, переводчики Ганзы, формульность и эллипсис юридического языка, конфессиональные различия

Аннотация: В работе над посланиями в Новгород ганзейские писцы разработали способы передачи информации на русском языке, но с учетом важных для Ганзы принципов. Выбор языковых средств

отражает иерархию целей Ганзы в ее отношениях с партнерами: компромисс в выражении религиозных моментов ради практических целей, но подчинение дипломатических форм (этикета) конфессиональным ограничениям; в передаче юридических понятий языковых инноваций не найдено.

C.R. Squires

Hanseatic chanceries and their work on the correspondence with Novgorod

Keywords: Novgorod and the Hanseatic League, Russian-German contacts, translators of the Hansa, formulaic patterns and ellipsis in legal language, confessional differences.

Abstract: In their work on the Hanseatic correspondence with Novgorod, German chanceries developed specific translation techniques that combined information transfer in a correct Russian form with strict

observance of their own principles and rules. Their choice of linguistic means reflects a hierarchy of aims pursued by the Hansa in the relations with Russian partners: expression of religious content was compromised for the sake of practical considerations, whereas diplomatic etiquette remained subject to confessional restrictions, and no linguistic innovations were allowed in legal terminology.

Археологическое свидетельство новгородско-шведской войны 1348–1349 гг.

Летом 2018 г. Новгородская экспедиция Института археологии РАН провела масштабные исследования на Торговой стороне Великого Новгорода, на ул. Знаменская, 15, на месте строительства жилого дома. Площадь раскопа составила 144 кв. м при мощности культурного слоя до 5,3 м (рис. 1). Здесь получена важная информация по исторической топографии центральной части Славенского конца средневекового Новгорода, а также собрана многотысячная коллекция находок XI–XV вв., характеризующих хозяйство и быт жителей изученных усадеб¹.

Хозяйственное освоение этого места началось в XI столетии. В раскопе прослежены участки двух наделов, примыкавших к северной стороне средневековой Павловой улицы. Она обнаружена в шурфах под коммуникации в непосредственной близости от исследованного участка (рис. 2). Граница усадеб оставалась почти неизменной с XI до XV в. С двух сторон к межусадебному частоколу примыкали жилые и хозяйственные постройки.

Судя по значительной концентрации статусных находок (берестяные грамоты, монеты, вислые свинцовые печати, товарные русские и западноевропейские пломбы, зеркала, оружие, музыкальные инструменты), можно заключить, что на исследуемой территории проживали зажиточные люди, имевшие отношение к властным структурам и торговле.

Представительная коллекция находок собрана в слоях второй половины XIII — XV в. Здесь обнаружено 11 вислых свинцовых печатей: новгородских

архиепископов и их наместников, новгородского посадника и городской администрации, князей и их представителей. Свидетельством активной торговли, осуществлявшейся жителями изученных усадеб, является целый комплекс находок. К ним относятся гирьки для малых взвешиваний, а также русские свинцовые товарные пломбы конца XIII — XIV в., обнаруженные в Новгороде впервые. В отличие от домонгольских пломб, широко распространенных на территории всей Руси, послемонгольские

Рис. 2. Ситуационный план раскопа на ул. Знаменская, 15 и средневековой уличной сети центральной части Славенского конца Великого Новгорода.

¹ Гайдуков П.Г., Олейников О.М., Богомолов А.В., Короткова Е.В., Перейма Д.В. Археологические исследования на Торговой стороне Великого Новгорода в 2018 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы XXXIII науч. конф. СПб., 2020. Вып. 33. С. 24–26.

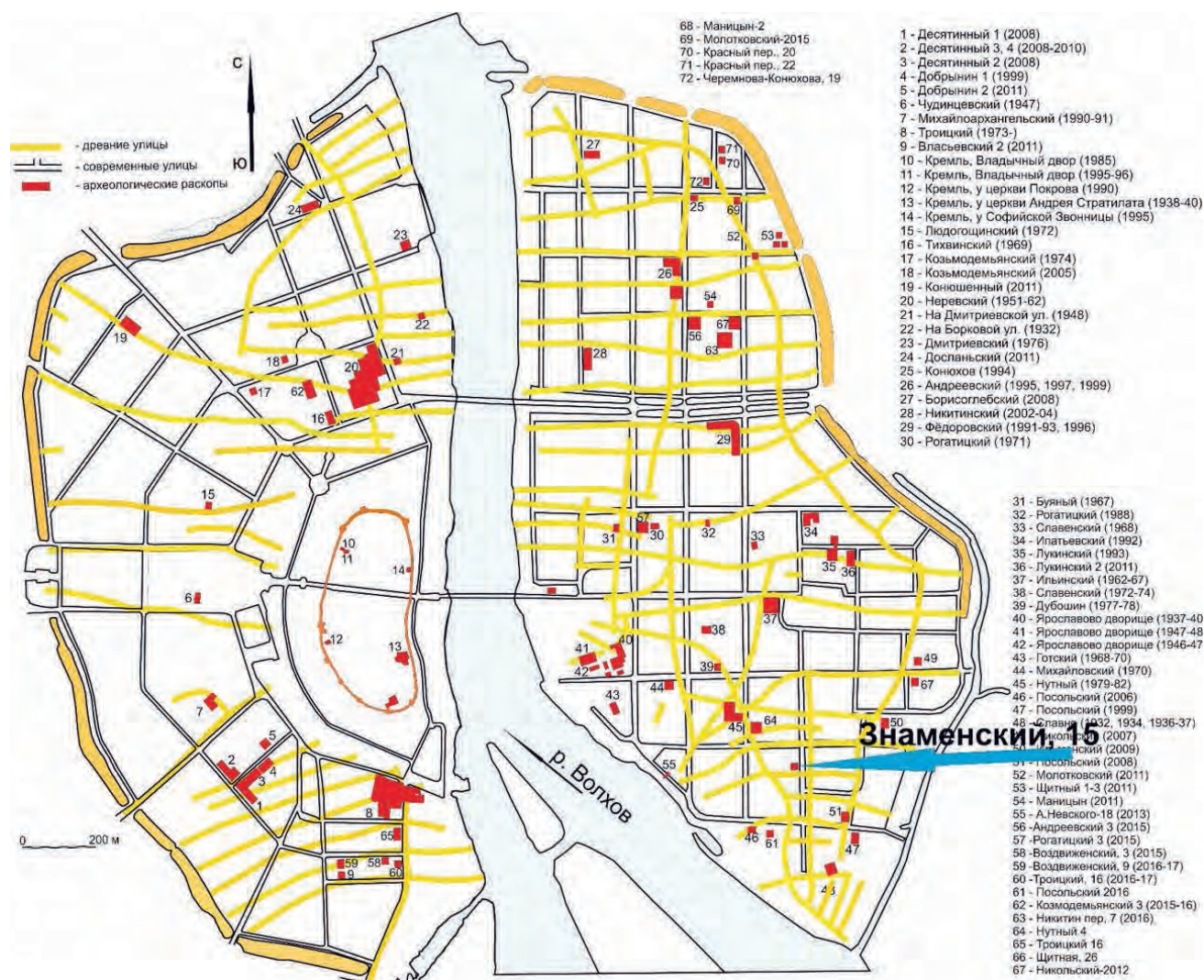

Рис. 1. Ситуационный план раскопов в Великом Новгороде. Стрелкой показан раскоп на ул. Знаменская, д. 15.

пломбы были известны до этого в находках археологов лишь в Москве и Вязьме².

В слоях XIV — первой половины XV в. собрано более 20 западноевропейских свинцовых товарных пломб, которыми опечатывались упаковки с тканями, поступавшими в Новгород благодаря международной ганзейской торговле.

На этом привычном по другим новгородским раскопам фоне совершенно неожиданными находками оказались две небольшие серебряные монеты, обнаруженные в слое третьей четверти XIV в.³

² Gaydukov P. The topography of finds of early medieval small lead seals from East-Central and Eastern Europe: catalogue // The Sphinx of Slavic sigillography – small lead seals of “Drohiczyn type” from Czermno in their East European context / A. Musin, M. Wołoszyn (eds.). Kraków; Leipzig; Rzeszów; SPb.; Warszawa, 2019. P. 187–192, 199–209 (fig.), 211–302, 405–440.

³ Датировка стратиграфическая. Более точно о времени попадания монет в культурный слой можно будет гово-

рить после проведения дендрохронологического анализа образцов древесины соответствующего горизонта.

⁴ Анализ состава металла обеих монет провел научный сотрудник ИГЕМ РАН А.И. Якушев в марте 2019 г. на рентгенофлуоресцентном спектрометре последова-

Монеты залегали в темно-коричневом слое со щепой и углями, в жилой постройке, расположенной в юго-восточном углу усадьбы «А» (рис. 3).

Обе монеты относятся к одному типу. Приводим их описание, паспортные данные и параметры.

Л. с. Изображение льва в короне (?) в геральдической позе, влево; вокруг точечно-линейный ободок.
О. с. Изображение трех корон, по кругу, в центре буква или символ; вокруг точечно-линейный ободок.
 1. Паспорт: кв. В-5, гл. 165 см, пол. № 228, найдена 13.07.2018 г. Вес 0,21 г; размер 13 × 14 мм. Химический состав металла, %: Ag — 76,28; Cu — 20,24; Au — 0,23; Fe — 0,26; Pb — 2,25; Sn — 0,53⁴ (рис. 4, 1).

ритель после проведения дендрохронологического анализа образцов древесины соответствующего горизонта.

⁴ Анализ состава металла обеих монет провел научный сотрудник ИГЕМ РАН А.И. Якушев в марте 2019 г. на рентгенофлуоресцентном спектрометре последова-

Рис. 3. Вид раскопа на ул. Знаменская, 15, с юга. Слой третьей четверти XIV в. Стрелками отмечены места находок монет.

2. Паспорт: кв. В-6, гл. 177 см, пол. № 306, найдена 14.07.2018 г. Вес 0,06 г (корр.); размер 11 × 12 мм. Химический состав металла, %: Ag — 85,58; Cu — 7,58; Au — 0,24; Fe — 4,68; Pb — 1,82; Zn — 0,03 (рис. 4, 2).

Подобные монеты найдены в Новгороде впервые. Они атрибутируются как пеннинги короля Магнуса II Эрикссона, правившего Швецией с 1319 по 1364 г.⁵

Монеты Магнуса разделяются на четыре типа, последовательно сменявших друг друга. Тип I пеннингов представляет собой двусторонние монеты со львом (герб рода Фолькунгов) на одной стороне и одной короной на другой. Тип II тоже двусторонние монеты с изображением фолькунгского льва и тремя коронами, между которыми — буква или символ. Тип III — односторонние пеннинги

тельного действия с дисперсией по длине волны, модель PW 2400 (Philips Analytical 1997 г.).

⁵ Краснобаева Ю. Памятные древности свеев. Нумизматическая коллекция Элиаса Бреннера и Павла Григорьевича Демидова. М., 2017. С. 124. № 38–41.

(так называемые брактеаты) с короной или литерой в рубчатом кольце. Тип IV также брактеатный, с литерами в гладком кольце. Новгородские находки относятся к типу II. Шведские нумизматы датируют их чеканку 1340–1354 годами⁶.

Каким образом монеты Шведского королевства, с которым Новгородское государство на протяжении XIII–XIV вв. не имело никаких торговых отношений, а находилось в активном противостоянии, могли попасть в культурный слой Новгорода? Обращение к внешнеполитической истории этого региона, детально изученной И.П. Шаскольским, позволяет предложить вариант ответа на этот вопрос.

В августе 1323 г., после 30 лет военных действий, в только что построенной в истоке Невы крепости Ореховец был заключен мирный договор

⁶ Lagerqvist L.O. Svenska mynt under vikingatid och medeltid (ca 995–1521) samt gotlaendska mynt (ca 1140–1565). Stockholm, 1970. S. 88–89; Rundberg J., Holmberg K. Svenska vikingatida och medeltida mynt präglade på fastlandet. (Uppsala Universitets myntkabinett. Studia numismatica upsaliensia. 3). Uppsala, 2008. S. 17.

между Новгородом и Швецией. Впервые между государствами была установлена граница от Финского до Ботнического залива⁷.

В первые полтора десятилетия после заключения Ореховецкого договора его условия соблюдались. Но позже пограничные конфликты возобновились. В 1348 г. по инициативе короля Магнуса был предпринят «крестовый поход» для покорения и обращения в католическую веру русского и карельского населения Новгородского государства. Как и более ранние шведские походы 1240 и 1300 гг., поход Магнуса преследовал главную цель — захват берегов Невы, жизненной артерии новгородской внешней торговли⁸.

Огромное шведское войско на кораблях двинулось к Ореховому острову и осадило крепость, которая после шестинедельной осады 6 августа 1348 г. была захвачена. По словам летописца, король добился сдачи Ореховца «лестию», т.е. обманом, пообещав отпустить защитников крепости за выкуп. Рядовые воины, горожане и наместник князя Наримонта действительно были отпущены. А около 10 бояр, включая тысяцкого Аврама, стали пленниками короля и были увезены в Швецию⁹.

Король Магнус оставил в Ореховце сильный гарнизон (около 800 воинов) и с основным войском уплыл в Швецию. Уже 15 августа новгородско-псковское войско осадило крепость, но взять ее не смогло. Началась полугодовая блокада крепости, значительно подорвавшая силы ее осажденного гарнизона. В феврале 1349 г. русские воеводы решили пойти на штурм. 24 февраля осаждавшие подожгли крепостные стены и 25-го ворвались в город. Часть шведов погибли в огне, часть были убиты, оставшихся взяли в плен. Пленных (их по летописному известию насчитывалось несколько сотен) отвели в Новгород, часть из них отправили к князю Симеону Ивановичу в Москву¹⁰. В мае 1351 г. в Юрьеве Ливонском (Дерпте) состоялись переговоры и был заключен очередной мир со Швецией. Взятые в плен в Ореховце новгородские бояре были обменены здесь на шведских пленников, побывавших в Новгороде и Москве¹¹.

Пеннинги короля Магнуса могли попасть в Новгород либо как военные «трофеи» участво-

⁷ Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л., 1987. С. 112–141.

⁸ Там же. С. 142–146.

⁹ Там же. С. 150–155.

¹⁰ Там же. С. 157–158.

¹¹ Там же. С. 163.

Рис. 4. Пеннинги короля Магнуса II Эрикссона (1319–1364) чеканки 1340–1354 гг. из раскопа на ул. Знаменская, 15.

1 — монета 1; паспорт: кв. В-5, гл. 165 см, пол. № 228; 2 — монета 2; паспорт: кв. В-6, гл. 165 см, пол. № 306; 3 — прорись подобного пеннинга типа II (по: Краснобаева Ю.Е. Памятные древности свеев... С. 124. № 38).

вавших в штурме крепости новгородцев, либо вместе с пленными шведами. Как бы то ни было, но две эти маленькие и на первый взгляд невзрачные находки являются ярким свидетельством новгородско-шведской войны 1348–1349 гг.¹²

¹² В марте 2020 г. при проведении работ по археологическому сопровождению строительства Софийской набережной, между бывшим медо-пивоваренным заводом «Богемия» и театром драмы, Новгородской экспедицией ИА РАН в одном из шурфов обнаружен еще один пеннинг Магнуса Эрикссона. Это брактеат с изображением литеры S в гладком кольце, отчеканенный в г. Сёдерчёпинг. Монета относится к типу IV пеннингов Магнуса и датируется 1363–1364 годами.

Авторы признательны Ю.Е.Краснобаевой за существенную консультативную помощь при подготовке статьи.

Список литературы

Гайдуков П.Г., Олейников О.М., Богомолов А.В., Короткова Е.В., Перейма Д.В. Археологические исследования на Торговой стороне Великого Новгорода в 2018 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы XXXIII науч. конф. Вып. 33. СПб.: Первый издательско-полиграфический холдинг, 2020. С. 24–31.

Краснобаева Ю. Памятные древности свеев. Нумизматическая коллекция Элиаса Бреннера и Павла Григорьевича Демидова. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2017. 342 с.

Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л.: Наука, 1987. 176 с.

Gajdukov P. The topography of finds of early medieval small lead seals from East-Central and Eastern Europe: catalogue // The Sphinx of Slavic sigillography — small

lead seals of “Drohiczyn type” from Czeremno in their East European context / Sfinks słowiańskiej sfragistyki — plomby “typu drohiczyńskiego” z Cermna na wschodnioeuropejskim tle porównawczym / A. Musin, M. Wołoszyn (eds.). (U źródeł Europy środkowo-wschodniej / Frühzeit Ostmitteleuropas. T. 6, cz. 1 / Bd. 6, T. 1.) Kraków; Leipzig; Rzeszów; SPb.; Warszawa, 2019. P. 187–192, 199–209 (fig.), 211–302, 405–440 (на англ. яз.); 193–198, 199–209 (fig.), 303–440 (на польск. яз.).

Lagerqvist L.O. Svenska mynt under vikingatid och medeltid (ca 995–1521) samt gotlaendska mynt (ca 1140–1565). Stockholm, 1970.

Rundberg J., Holmberg K. Svenska vikingatida och medeltida mynt präglade på fastlandet. (Uppsala Universitets myntkabinett. Studia numismatica upsaliensia. 3). Uppsala, 2008.

П.Г. Гайдуков, О.М. Олейников, А.В. Богомолов

Археологическое свидетельство новгородско-шведской войны 1348–1349 гг.

Ключевые слова: Новгород, археологические раскопки, Швеция, король Магнус, военный поход, пеннинги.

Аннотация: В 2018 г. в Великом Новгороде при проведении спасательных археологических работ на ул. Знаменская, 15 (центральная часть Славенского конца средневекового Новгорода), в слое середины XIV в. обнаружены два пеннинга шведского короля Магнуса Эрикссона. Подобные монеты найдены впервые не только в Новгороде,

но и в Северо-Западной Руси. Их попадание в новгородский культурный слой можно объяснить событиями новгородско-шведской войны середины XIV столетия. В августе 1348 г. шведы захватили новгородскую крепость Ореховец, но в феврале 1349 г. она была отвоевана после полугодичной блокады. В Новгород монеты могли привезти или пленные шведы, или участники штурма крепости в качестве своеобразных трофеев.

P. G. Gajdukov, O. M. Oleynikov, A. V. Bogomolov

Archaeological evidence of the Novgorod-Swedish War of 1348–1349

Keywords: Novgorod, archaeological site, Sweden, King Magnus, military campaign, pennings.

Abstract: In 2018 two pennies of Swedish King Magnus Ericsson were found in Veliky Novgorod during rescue archaeological works on st. Znamenskaya, 15 (the central part of the Slavensky End of medieval Novgorod) in the layer of the middle of the XIV century. Billon coins of this type are the first find not only in Novgorod, but also in whole North-Western Russia.

Falling of these coins into the Novgorod cultural layer can be explained by the events of the Novgorod-Swedish war in the middle of the XIV century. In August, 1348 the Swedes have captured the Novgorod fortress Orekhovets, but in February 1349 it was recaptured after a six-month blockade. The coins could have been brought to Novgorod by Sweden prisoners or by Russian warriors, who could have been involved in recapturing of the fortress, as a kind of “trophies”.

Два погоста — одно «племя»: Мировая грамота 1375 г. и механизмы вепсской колонизации новгородского Обонежья¹

Прошлое погостов Обонежской пятины не случайно привлекает внимание исследователей. Приобретая в 1480-х гг. статус дворцовых волостей, а в 1550-х гг. — права местного самоуправления, северные погосты получили новую жизнь². Путешественники и исследователи, посещавшие этот край в XIX в. и принадлежавшие по большей части к критическому направлению общественной мысли, были заворожены картиной слаженного хозяйства и гармоничного общественного уклада, утраченного в других частях империи. Зримыми символами этого уклада являлись грандиозные храмы Вытегры, Кижей, Кондопоги, Чёлмужей и других погостов, стоящие по берегам Онежского озера.

По меркам русского Средневековья, погосты Обонежской пятины отражены в источниках достаточно обстоятельно. Погосты Приладжья, располагавшиеся на реках Сясь, Паша, Оять, Свирь и на Олонце, упоминаются в приписке XIII в. «А се Обонезьский ряд» к Уставной грамоте Святослава Ольговича 1137 г. В писцовой книге Ю.К. Сабурова 1495 г., где имеются отсылки к «старому письму», сохранилось описание 12 погостов Обонежской пятины³ (рис. 1). Полное описание погостов

с отсылками к порядкам новгородской старины имеются в Писцовой книге Андрея Лихачева 1563/1564 г. Далее следует ряд описаний: 1582/1583, 1619/1620, 1628, 1647, 1720 гг. вплоть до ревизии 1782 г.⁴ и Генерального межевания (1788 г.)⁵. А.А. Фроловым создана картографическая база данных по локализации всех новгородских погостов⁶.

Впрочем, как только мы начинаем изучать новгородский погост как элемент управления, расселения, судопроизводства и как корпорацию крестьянского населения, мы сталкиваемся с серьезными трудностями. Полноценные данные на этот счет имеются лишь для конца Новгородской независимости (1478 г.), когда большая часть погостов управлялась уже не боярами-кормленщиками, но боярами-вотчинниками, обладавшими правами на хозяйственную эксплуатацию земель⁷. В новгородских актах, которые отражают более ранний период (XIV–XV вв.), фигурируют институты, которые не пережили рубежа XV–XVI вв., что значительно усложняет интерпретацию текстов. В результате

Колгушах (в верховьях р. Паши), Михайловский в Озерах в верховьях р. Тихвинки (правый приток р. Сяси) и Михайловский на р. Черной. Еще южнее, на Ладожско-Волжском водоразделе, в районе древнего волока с р. Сяси на р. Чагоду (приток Мологи), располагалось два погоста — Климецкий в Колбагах на р. Воложке (приток р. Сяси) и погост Готслав волок на верховьях Чагоды и близ Новгорода — погост Мытенский на Вишере.

⁴ Обзор источников см.: *Витов М.В., Власова И.В.* География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М., 1974. С. 6–11.

⁵ Генеральный уездный план Повенецкого уезда 1788 г. // РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 67, 67а-д. Масштаб 1 верста в одном английском дюйме.

⁶ ГИС «Новгородский административный справочник расстояний середины XVI века (“Роспись погостов”)» // https://histgeo.ru/rp_rus.html

⁷ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971.

¹ Статья подготовлена в рамках НИОКТР ААА-А-18-118021690056-7 «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи Великого переселения народов до Московской Руси — археологическое измерение».

² Жуков А.Ю. Управление заонежскими крестьянскими погостами в конце XV — начале XVII в. // Рябининские чтения. 1995 / Музей-заповедник «Кижы». Петрозаводск, 1997.

³ Это Шунгский и Толвуйский погосты в Северном Заонежье, Вытегорский и Оштинский — на южном берегу Онежского озера. В Нагорной части Обонежья (в Юго-Восточном Приладжье) описан Венецкий погост на верховьях р. Ояти (один из 10 погостов, существовавших на этой реке), погосты Никольский на Пелушах, Егорьев в

Рис. 1. Схема расположения Имоченского погоста на р. Сясь и Челмужского погоста на Онежском озере в Обонежской пятиине Новгородской земли в конце XV в. В качестве основы использована карта «Центр Новгородской земли в X — третьей четверти XV в.» (Фролов А.А. Административная система центральных районов Новгородской земли в X — начале XVII в. (в контексте истории территориальных юрисдикций) // Историческая география. Т. 1 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2012).

I — центры погостов, исследованных в работе; II — центры погостов; III — границы Обонежской пятиины; IV — памятники археологии на р. Оять — нумерация по: Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. СПб., 1995. Ч. 2.

от понимания ускользают существенные моменты, которые определяли ход жизни в XIV–XV вв., а эволюция новгородского погоста до сих пор остается не вполне ясной.

За пять веков (X–XV вв.) погосты Новгородской земли не оставались неизменными. Об общем характере этих изменений (скорее, чем об их содержании) дают представление результаты исследований в Северо-Восточной Руси, где погосты домонгольского времени претерпели кардинальные перемены во второй половине XIII–XIV в. На водоразделах, прилегающих к староосвоенным приречным территориям, фактически заново сформировались группы одно-трехдворных деревень (число которых порой доходило до сотни), тяготеющие к крупным селам. Эти группы поселений представляли собой «служебные организации» — корпорации свободных крестьян, обязанных выполнять государственные повинности, и именовавшиеся «волостями», которые управлялись князьями посредством «кормлений». С середины XIV в. на окраинах волостей, а порой и на части их территории возникли вотчины⁸.

Для новгородского погоста подобные трансформации практически не изучены. Тем не менее исследователи достигли значительных успехов в ряде сюжетов, которые не освещены источниками Северо-Восточной Руси. Поэтому использование полученных на новгородском материале выводов может продвинуть вперед изучение погостов Северо-Восточной Руси XI–XIII вв., о которых мы знаем очень мало.

Исследованиями В.Л. Янина, Е.Н. Носова и А.А. Фролова установлены точные границы погоста Ляховичи на Ловати в Шелонской пятиине, которые описаны в грамоте князя Всеволода Мстиславича новгородскому Юрьеву монастырю 1134 г. В частности, А.А. Фролов показал, что центру погоста (локализован у д. Кулаково) соответствовала группа поселений и сопки, датируемых X веком. Периферия погоста в XII в. использовалась как покосы и охотничьи угодья и была освоена земледельческим населением лишь в XIV–XV вв.⁹ Для Взвядского

погоста, расположенного на южном берегу Ильменя, была установлена система внутреннего деления земель между Новгородом и великими владимирскими князьями, которое было закреплено договором 1264 г. и соглашениями более позднего времени¹⁰. Начато изучение структуры землевладения окрестностей Новгорода¹¹.

Прорыв в изучении раннего новгородского погоста связан с проектом по археологическому исследованию верхнего течения р. Луги в Водской пятиине (Копорский, Петровский, Передольский)¹². В ходе его реализации были установлены археологические реалии, отражающие начальный этап формирования погостов во второй половине X — XI столетия. В центре Передольского погоста было открыто протгородское торгово-ремесленное поселение этого времени¹³. Находки вислых свинцовых печатей, в том числе печатей новгородского князя Всеволода

Новгородский исторический сборник. СПб., 2003. Вып. 9 (19). С. 57–65.

¹⁰ Янин В.Л. К истории взаимоотношения Новгорода с князьями // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 92–104; Чернов С.З. Историческая география Взвядского погоста // Там же. С. 104–12; карта.

¹¹ Анкудинов И.Ю. Историко-географическое изучение Ильменского Поозерья // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2007. № 4 (49). С. 43–51; Анкудинов И.Ю. Историко-географическое изучение окрестностей Новгорода Великого XV–XVII веков // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2010. № 3 (60). С. 27–35.

¹² Лебедев Г.С., Платонова Н.И., Лесман Ю.М. Археологическая карта Верхнего Полузья (вторая половина I — первая половина II тыс.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья. Л., 1982. С. 43–49; Залевская Н.И. (Платонова Н.И.) К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге // Там же. С. 49–54.

¹³ На поселении были обнаружены подвеска с геральдическим знаком, золотой перстень с эмалью, материалы, отражающие широкие торговые связи (Клеева А.В., Платонова Н.И. Золотое ювелирное изделие из Передольского погоста // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем Средневековье. СПб., 2009. С. 89–93; Белецкий С.В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. СПб., 2004. С. 247, 256, 314; Платонова Н.И., Жеглова Т.А., Лесман Ю.М. Древнерусский протгородский центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007. С. 142–194; Платонова Н.И. Передольский погост в системе административного управления Новгородской земли // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. С. 322–329).

⁸ Чернов С.З. Структуры землевладения Великого Московского княжества XIV–XV вв. по данным микрорегиональных комплексных исследований: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.

⁹ Фролов А.А. К дискуссии о характере пожалования Юрьеву монастырю «Терпужского» погоста Ляховичи //

Мстиславича (1117–1132, 1132–28.05.1136) свидетелем о том, что здесь уже в XII в. происходил документооборот, связанный, возможно, с поземельными отношениями¹⁴. Проанализировав известия письменных источников о древнерусских погостах, Н.И. Платонова пришла к заключению, что они возникли во второй половине X — XI столетия в связи с созданием на основной территории Древнерусского государства нового порядка судопроизводства и налогообложения, который пришел на смену архаическому полюдью. При этой форме регулярный сбор дани по округам производился при участии верхушки местного населения¹⁵.

Перемены в развитии новгородского погоста, связанные с началом освоения водоразделов и формированием новой дисперсной структуры поселений в XIII в., описаны В.А. Бутовым в микрорегиональном исследовании погоста Жабны, который в XV в. принадлежал новгородским владикам и не был обращен в вотчину¹⁶.

Хотя, как уже отмечалось, формирование в XIII–XIV вв. новгородского погоста как корпорации крестьянского населения пока слабо изучено, о существовании таких корпораций говорит договор Новгорода и князей 1264 г. («а кто смерд, тот посягнет в свой погост»)¹⁷ и более позднего времени. О том, что подобная корпорация смердов¹⁸ имела право на распоряжение землей, свидетельствует Новгородская берестяная грамота № 211 второй половины XIII в.¹⁹ О землях «сельских смердов» псковских погостов, благодаря исследованию Ю.Г. Алексеева, известно значительно больше. Как свидетельствует грамота великого князя Александра и посадника Твердила Рожичанам границы их земель были закреплены в «смердьеи

грамоте»²⁰. Л.М. Марасиновой выявлена купчая грамота Григория и Федора, по которой они приобрели «у старостѣ у Родиона и у всего погоста у сельских смердовѣ смердью землю и воду»²¹.

Совершенно неожиданные возможности для изучения новгородского погоста XIII–XIV вв. и его роли в колонизации открылись в связи с находкой, сделанной Б.И. Чибисовым в ходе его монографического исследования этнической картины Новгородской земли в XV в. посредством выделения неславянских этнических групп по антропонимам и топонимам новгородских писцовых книг конца XV — XVI в.²² Эта находка связана с новым прочтением Мировой грамоты Вымоченского погоста, шунгских смердов, толвуян и кузарандцев с челмужским боярином Григорием Семеновичем и его детьми 1375 г., которая сохранилась в составе архива Палеостровского монастыря, расположенного на острове Палей в Повенецком заливе Онежского озера (рис. 1).

Для того чтобы новое прочтение этого документа помогло извлечь содержащуюся в нем историческую информацию, следует рассмотреть его в источниковедческом, историко-правовом, антропонимическом и археологическом контекстах в той мере, в какой это возможно на уровне наших сегодняшних знаний. Осознавая трудности, которые могут возникнуть в ходе подобного междисциплинарного «диалога», я полагаю тем не менее, что он необходим для понимания этого источника.

Источниковедение актов Палеостровского монастыря

Мировая грамота 1375 г.²³ и комплекс актов Палеостровского монастыря, частью которого она является, изучаются давно. Напомним основные вехи исследований по этой теме. Как известно, архив монастыря пострадал в 1613 г. в ходе рейдов «лисовщиков» и в 1687 и 1689 гг., когда монастырь перешел в руки крестьян соседних погостов, стоявших за старую веру. Первая публикация документов вотчинного архива Палеостровского монастыря — каким он был в середине XIX в. — принадлежит Е.В. Барсову²⁴. Собственно, грамота 1375 г.

²⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... № 348. С. 338. См.: Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 119–121.

²¹ Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966. № 19. С. 59–60.

²² Чибисов Б.И. Этническая картина Новгородской земли в XV веке (неславянские этнические группы): Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2018.

²³ Грамота сохранилась в списке XVII в., который до 1941 г. хранился в Карельском государственном музее в собрании грамот Палеостровского монастыря.

²⁴ Барсов Е.В. Палеостров, его судьба и значение в Обо-нежском крае // ЧОИДР. М., 1868. Кн. 1.

¹⁴ Алексашин С.С., Белецкий С.В. Сфрагистические памятники Передельского погоста // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002. С. 205–206.

¹⁵ Платонова Н.И. Древнерусские погосты — новая старая проблема // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 377, 378.

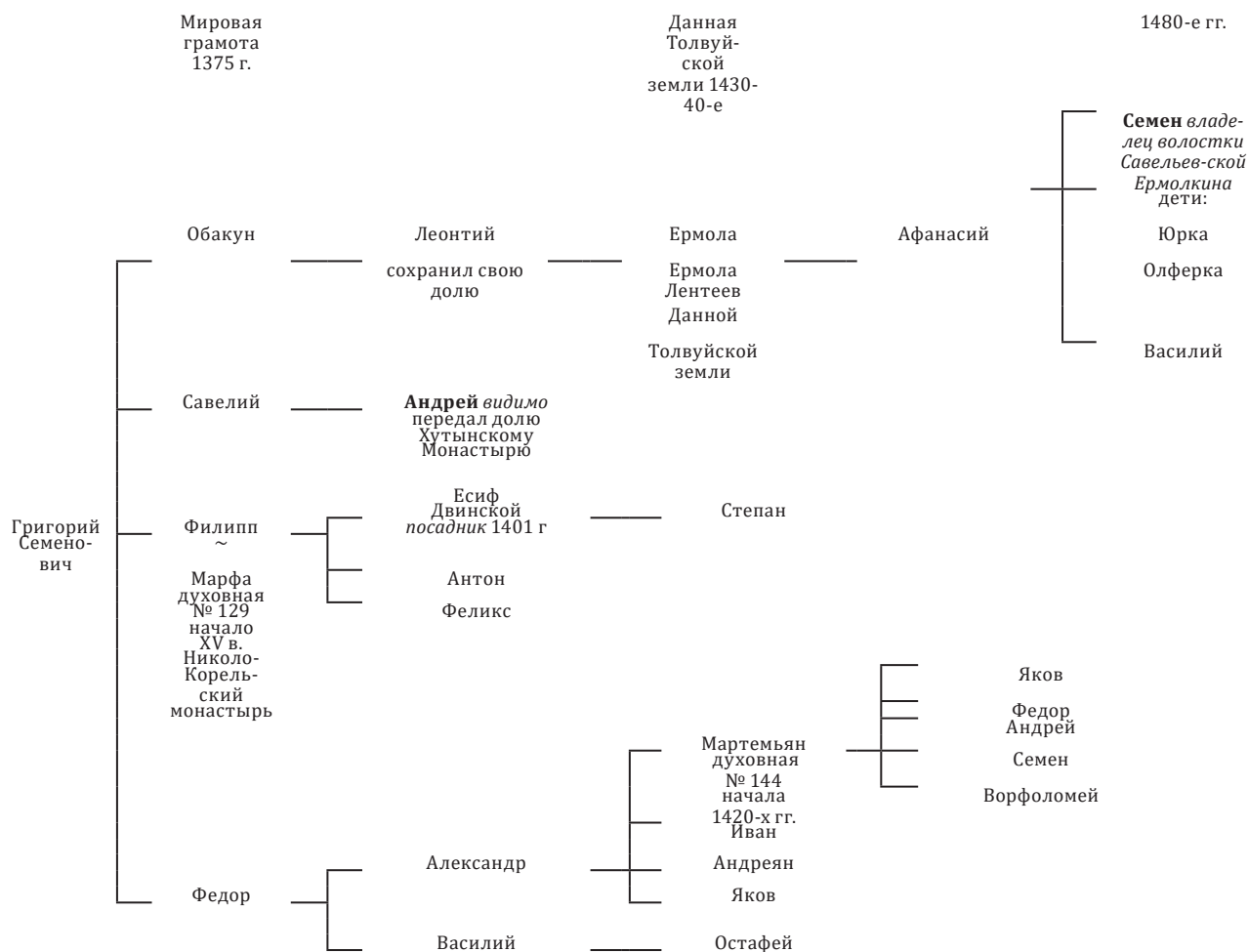
¹⁶ Бутов В.А. Два гнезда памятников VI–X вв. на р. Шлине и их судьбы в XI–XVI вв. // Славянская археология. 1990. Раннесредневековый город и его округа. М., 1995. С. 168–179; Он же. Жаровский конец Жабенской волости в VIII–XVI веках по историко-археологическим данным // Памятники железного века и Средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье: Сб. науч. трудов. Калинин, 1989. С. 74–84; Он же. «А погост Жабна пуст...». М., 1994; Он же. О времени возникновения новгородского погоста Жабна // Российская археология. 1995. № 2. С. 44–58; Он же. Погост Жабна по историко-археологическим данным // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1994. С. 212–218.

¹⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 13, 16, 20.

¹⁸ Аргументацию трактовки «смердов» «Пространной правды» как лично свободного населения см.: Горский А.А. Русское средневековое общество: Историко-терминологический справочник. СПб., 2019. С. 302–309.

¹⁹ Платонова Н.И. Древнерусские погосты — новая старая проблема... С. 375–376, 379.

Таблица 1. Родословие челмужского боярина Григория Семеновича

Источник: Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 243.

сохранилась в копии, снятой в Спасо-Хутынском монастыре при игумене Тихоне (1658–1660 гг.). Она была опубликована Е.В. Барсовым и позднее С.Н. Валком²⁵, который считал ее поддельной²⁶. С ним не согласилась Л.В. Данилова²⁷. В.И. Корецкий обнаружил в столбцах Новгородской приказной избы и ввел в научный оборот обширное (на 48 листах) дело XVII в. о землях Палеостровского монастыря. Наряду с рядом правоустанавливающих документов и выписок из писцовых книг в нем сохранились материалы более раннего дела 1590 г.,

²⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... 1949. № 284. С. 285.

²⁶ Валк С.Н. Начальная история древнерусского частного акта // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937. С. 314.

²⁷ Данилова Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства Новгородской земли XIV–XV вв. М., 1955. С. 16–17.

которое было начато в связи с обращением к царю игумена Палеостровского монастыря Геронтия с просьбой оградить обитель от вторжений на его земли крестьян Вяжищского и Спасо-Хутынского монастырей, а также Челмужского погоста. В составе последнего дела сохранились копии актов XV в., которые были опубликованы²⁸.

В.И. Корецкий, разобравший хитросплетения земельных споров Палеострова, Хутыни и Вяжищ, близко подошел к пониманию причин появления Мировой грамоты 1375 г. в архиве Палеостровского монастыря. Однако отсутствие этой грамоты в составе дела 1590 г. склонило его к признанию ее подложности²⁹. С этим решительно не согласился

²⁸ Корецкий В.И. Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958.

²⁹ Там же.

Рис. 2. Границы Челмужского погоста по Мировой грамоте 1375 г.
1 — центры погостов; 2 — Палеостровский монастырь; 3 — группы населенных пунктов и отдельные деревни; 4 — межа, описанная в Мировой грамоте 1375 г.;
5 — топонимы и гидронимы, упоминаемые в Мировой грамоте 1375 г.
Основа — карта ГУГК масштаба 1:500 000 1988 г.

В.Л. Янин. Исследователь присоединился к аргументам Л.В. Даниловой, которая показала, что все несообразности содержатся не в тексте грамоты, а лишь в приписке, составленный в 1658–1660 гг. В.Л. Янин сопоставил ряд грамот первой половины XV в. и реконструировал родословие потомков боярина Григория Степановича (табл. 1).

В частности, им было показано, что дети Григория Степановича — Обакум и Савелий — приходились дядьями двинскому посаднику Есипу, упоминаемому в Новгородской первой летописи в 1401 г. В результате было установлено, что боярщина Григория Степановича была разделена между его детьми. Доля Обакума (северная часть погоста) сохранилась за его правнуком Семеном Ермолиным до 1480-х гг., а доля Савелия (южная часть погоста) была передана новгородскому Хутынскому монастырю³⁰. Так была доказана подлинность основной части Мировой грамоты 1375 г.

Челмужский погост: землевладение, расселение, исторические ландшафты (1563 г.)

Перед тем как обратиться к разбору актов периода Новгородской независимости, связанных с Челмужским погостом, необходимо составить представление о структуре поселений и угодий на его территории. Без этого невозможно локализовать историко-географические реалии Мировой грамоты 1375 г. (рис. 2).

Наиболее раннее сохранившееся описание погоста содержится в Писцовой книге Андрея Лихачева 1563/1564 г.³¹ М.В. Витов и И.В. Власова провели сравнение этого описания с данными писцовых книг 1582/1583, 1619/1620, 1628, 1647, 1720 гг. и Планом Генерального межевания Повенецкого уезда (1788 г.). А.М. Спиридонов в 1987–1991 гг. провел археологическое обследование с. Челмужи и, совместно с И.А. Черняковой, исследовал его историческую топографию³².

³⁰ Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 236–244.

³¹ О редакциях писцовой книги см.: Фролов А.А. Новгородские писцовые книги: Источники и методы исследования. М.; СПб., 2017. С. 147–148.

³² Спиридонов А.М. Заселение центра Челмужского Петровского погоста (по археологическим материалам X–XVI вв.) // Европейский Север. История и современность: Тезисы докладов. Петрозаводск, 1990. С. 135–136;

Описание Петровского погоста (округа) «на Челможе» начинается с храмов — холодной церкви Петра и Павла и теплой церкви Богоявления Господня с дворами попа, дьяка и пономаря и их небольшим хозяйством (2,25 десятины пашни и покос в 5 копен сена). Церкви располагались на мысу при впадении р. Челмужи (Немена/Немина) в Челмужскую губу Онежского озера (рис. 3), на его южной, обращенной к озеру стороне (рис. 4, 5а). Богоявленский храм ныне утрачен, а деревянная шатровая церковь Петра и Павла конца XVI–XVII в. сохранилась (рис. 5б).

Далее следует описание двух крупных владений, на которые подразделяется погост как административное целое. Первое из них включало его центральную и северную части и именовалось «**волостка царя и великого князя Семенковская Ермолкина**»³³. В период Новгородской независимости волостка принадлежала Семену Ермоличу. Вблизи храмов («у погоста») располагались две небольшие деревни — Большой Двор (два двора) и Исаковская, которая тогда была «пуста», но после смуты восстановилась и к 1782 г. имела шесть дворов³⁴ (рис. 3). Она сохранилась на берегу р. Челмужи, к северо-востоку от церкви Петра и Павла. На ее территории зафиксировано селище XIV–XVII вв. (около 10 тыс. кв. м; рис. 4, 1б; рис. 6а).

«В Мучееве губе», к востоку от погостских храмов, писцы отметили деревни Окачевскую (один двор), Ивановскую Микулина (два двора), Ивашковскую Луткова (один двор), на Бору Мартемьяновский след (припущена в пашню Иваном Мануйловым), Семеновскую (два двора), безымянную (один двор), Онаньинскую Струйкова (три двора) и пустошь на Струеве наволоке, которая обрабатывалась жильцом предыдущей деревни «в потуг». По мнению А.М. Спиридонова, им соответствует обширное селище Мочгуба, которое обнаружено на северной стороне Мочгубы длиной 650 м (60 тыс. кв. м). Раскопками

Спиридонов А.М., Чернякова И.А. К проблеме топографии и размеров сельских поселений на Северо-Западе России в XV–XVIII вв. (по письменным и археологическим материалам Заонежья) // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 32–49.

³³ Писцовая книга Обонежской пятины Андрея Лихачева и подьячего Ляпуна Добрынина // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1. Материалы по истории Карельской АССР. Л., 1930. С. 165–168.

³⁴ Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья... С. 113.

Рис. 3. Челмужская губа. Основа — карта ГУГК масштаба 1:200 000 по состоянию на 1989 г., напечатанная в 1992 г.

(308 кв. м) установлена дата памятника — XIV–XVI вв. (рис. 4, 2). Деревня «на острове словет Марковская»³⁵ идентифицирована с селищем Немена I, которое было зафиксировано на останце между двух старичных понижений (рис. 4, 3).

«За рекой» «Челмовой» (Чёлмужей), т.е. к северу от нее, в 1563 г. упоминается группа из шести деревень: Вахновская (один двор), Ганкова (два двора), Федковская Дюкова (два двора), Андрейковский след Турбасова (пуста), Гавриловская Волкова (один двор) и починок старой Филиповской. В настоящее время, как и в 1788 г., здесь, выше Биржевого острова, старинная сельская застройка распространяется на 800 м (рис. 6а). Единственное селище, обнаруженное к северу от реки и датированное XIV–XVI веками (Немена V, 2 тыс. кв. м), идентифицируется с деревней Андрейковский след (рис. 4, 8). Еще одна группа деревень означена «на речке на Чолмове» (Игнатовая, Степановская и Машковская — по 2 двора) и «за речкой на Чолмове». Все они находят соответствие в археологических памятниках — это селища Немена II (13,6 тыс. кв. м),

Верхове (4 тыс. кв. м), Нимена III XV–XVI вв. и Немена IV XIV–XVI вв. (9 тыс. кв. м) (рис. 4, 4–7)³⁶.

Посреди этой большой группы деревень, внутри земель великокняжеской волостки, существовало особое поселение, которое принадлежало новгородскому Хутынскому монастырю и включало 12 дворов. Вот как оно описано в писцовой книге: «Деревня в Челможе у погоста слывет Марковская; в(о дворе) Огайанко Максемов да Степанко Осефов Спиров, в(о дворе) Лучка Микулин; Да в той же деревне бобыльских дворов беспашенных, торговые люди: в(о дворе) Конанко да Петелко Максемовы, торговый ч(еловек); в(о дворе) Ондрюшка Михайлов Отухта; в(о дворе) Тимошка Мануилов; в(о дворе) вдова Парасковьяца; в(о дворе) Сенка Затопляй; в(о дворе) вдова Акулинка; в(о дворе) вдова Матренка; в(о дворе) Парамонко Васильев Глухово; в(о дворе) Пахомка Федоров; в(о дворе) вдова Марфица да Федоска»³⁷. Кроме того, в Марковской располагался монастырский двор, в котором жил

³⁵ Писцовая книга Обонежской пятины Андрея Лихачева... Л., 1930. С. 166.

³⁶ Спиридонов А.М., Чернякова И.А. К проблеме топографии... С. 32–36.

³⁷ Писцовая книга Обонежской пятины... С. 167.

Рис. 4. Структура поселений Челмужского погоста по данным археологического обследования. Основа — космоснимок от 11 сентября 2015 г. (интернет-ресурс: Google earth).

Условными знаками показаны памятники археологии, выявленные А.М. Спиридоновым в 1987–1991 гг. 1 — селище Челмужский погост (западная часть — д. Маркова Гора, восточная часть — д. Исаковская), 2 — селище Мочгуба, 3 — селище Немена I, 4 — селище Немена II, 5 — селище Верховье, 6 — Немена III, 7 — Немена IV, 8 — селище Немена V, 9 — Богоявленская церковь на погосте.

в качестве приказчика старец Силуян. Без сомнения, что торговые люди жили на ином праве, чем монастырские крестьяне. О происхождении торговых людей книга 1563 г., составленная через 80 лет после «вывода» новгородцев, не сообщает. Зато в писцовой книге 1495/1496 г. на Толвуйском погосте³⁸ — по другую сторону Повенецкого залива — зафиксирована аналогичная торговая фактория — 18 дворов «торговых людей, которые приезжают из города на лодьях, купцы городские торгом помышляют, а пашни не пашут». Около половины торговых людей проживали в Новгороде³⁹.

³⁸ Название погоста происходит от гидронима «Толвуя» со значением «зимний ручей» (кар. *talvi*, вепс. *tal'v* — «зима», кар./вепс. *oja* — «ручей»).

³⁹ «Никифор Попов Фавустов с Петровские улицы с Неревского конца да Агафон Романов с Яковли улицы... Александр Милухнов с Яковли улицы... Палка Июдин да Михал с Яковли жу улицы... Андрюфейко Июдин с Холопыи улицы... новгородец Остах Онтропов з Даславли улицы... Ануфрей Агафонов новгородец с Петровские улицы с Простка из Неревского конца... Терех Кудрявец с Ёворовы

Как показал А.М. Спиридонов, д. Марковская располагалась к северу от церкви Петра и Павла, на мысу при впадении р. Челмужи в озеро. Она показана на плане 1788 г. (рис. 6а), а в 1913 г. ее застройка была зафиксирована инструментальной съемкой. Селище, которое было обнаружено на месте деревни, имеет площадь около 30 тыс. кв. м и датируется XIV–XVI веками (рис. 4, 1а). Исследователь установил восточную границу земель д. Марковской на начало XVII в. В 1616 г. писец Петр Воейков отвел часть земель великокняжеской волости попу Ермолаю Герасимову, который в 1614 г. был пожалован землей в Челмужском погосте за оказание услуг Ксении Ивановне, матери будущего царя Михаила Романова, сосланной в 1601–1605 гг. в Толвуй

улицы с Плотницкого конца...» (7004 — 1495/1496 г. Выпись на вотчину Никольского Вязицкого монастыря в Егорьевском в Толвуйском погосте из писцовой книги Юрия Константиновича Сабурова // Писцовые книги Новгородской земли. Т. 2. Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. / Сост. К.В. Баранов. СПб., 1999. С. 195, 196).

А

Б

Рис. 5. Храмы Челмужского погоста.

А — церковь Петра и Павла, панорамный вид с юга от озера, на заднем плане — деревни Маркова Гора и Исаковская и р. Немена (фото Е. Шелковникова); Б — церковь Богоявления (слева) и Петра и Павла (справа). Вид с северо-запада. Фото начала XX в.

Борисом Годуновым. Двор Ермолая Герасимова, который утверждал, что он принадлежит роду челмужских бояр эпохи новгородской независимости, находился в д. Исаковской. «А межа той вотчинной земле, — цитирует документ 1616 г. писец Никита Панин в 1628 г., — учинена от погоста, где стоит церковь, улицею подле бобыльских хутынских дворов через наволоку прямо к Немене речке»⁴⁰. Полностью граница д. Марковской показана на плане Повенецкого уезда 1788 г. Она действительно начиналась от церкви Богоявления и вела на север до р. Немены, далее переходила через реку и включала всю мысовую часть правого берега реки, а также Биржевой остров (рис. 6а). Таким образом, устанавливается, что поселение торговых людей в 1563 г. контролировало оба берега Челмужи.

В этой связи совершенно по-новому прочитывается свидетельство, оставленное дозорщиком Миной

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 308. Л., 869. Цит. по: Спиридонов А.М., Чернякова И.А. К проблеме топографии... С. 38.

Лыковым в 1620 г., о том, что церковь Богоявления располагалась «на вотчинной земле Спаса Футыня монастыря», а церковь святых апостолов Петра и Павла — «на вотчинной земле обельной на попове, на Ермолаеве»⁴¹. Можно предполагать, что в прошлом церковь Богоявления⁴² являлась владельческой, а церковь Петра и Павла, соименная названию Челмужского погоста, — мирской.

Вернемся к описанию 1563 г. Хотя большинство деревень «волостки царя и великого князя Семенковская Ермолкина» концентрировалось на устье р. Челмужи, были и исключения. Деревня «на губе на Чолмовской», которая в 1563 г. пахалась наездом, лежала, видимо, в 5 км севернее, в районе одноименного нежилого селения при впадении р. Шойвана, где на карте 1989 г. фиксируется группа зарастающих полей (рис. 3). В 1,7 км к западу от этого места в Челмужскую губу впадает р. Нелекса. К югу от нее, обращая Челмужскую губу в недоступное онежским ветрам пространство, лежит полуостров, в центре которого возвышаются гора Хиж (1 × 0,8 км). На вершине горы и у ее северного подножия сохранилась группа зарастающих лесом полей. Здесь локализуется пять деревень, обозначенных в описании «На Хиж горе»: Шавшаховская, У Соломяни Баталовщина, Лутьяновская, Елисейковский след и Одрейковский след. Все они в 1563 г. были «пусты», их пахали «наездом»⁴³.

«Деревня на сельге» («словет Мигновцына у Волочка пуста, пашут наездом»), известная описаниям 1583, 1620 и 1628 гг., идентифицирована М.В. Витовым с д. Небосельгой 1782 г. в 5 км от Онежского озера, между речками Тамбица и Пяльма на водораздельной гряде (по-карельски «сельга»⁴⁴) (рис. 2)⁴⁵.

⁴¹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 979. Л. 288. Цит. по: Спиридонов А.М., Чернякова И.А. К проблеме топографии... С. 40.

⁴² На плане 1788 г. она показана в юго-восточном углу земельной дачи д. Марковской (рис. 6а).

⁴³ Писцовая книга Обонежской пятины... Л., 1930. С. 166.

⁴⁴ В карельском *selkä* («каменистая гряда»); Ср.: вепс. *sel'g* («спина») (Зайцева Н.Г. Новый вепско-русский словарь. Петрозаводск, 2010. С. 372).

⁴⁵ Там, где сельгу пересекала речка Тамбица, на карте 1989 г. отмечено урочище Исельга. В 2 км к юго-востоку, на сельге, расположены Небосельгские озера, из которых берет начало речка Филиппа. К востоку от озер лежит озеро Набозеро. В послевоенное время от поселка Пяльма, расположенного на берегу Онежского оз., в глубь лесных массивов в северо-восточном направлении, была проложена лесовозная узкоколейка. Там, где она пересекала сельгу и разветвлялась, на карте помечены сараи в «ур(очище) Небосельга». Далее дорога вела на север и через 2 км достигала Набозера. На Плане Повенецкого уезда 1788 г. на берегах Набозера и Небосельгских озер показаны деревни (Набозеро и Пяльма). Видимо, одна из них упомянута в описании 1782 г. как д. Небосельга. А значит, здесь располагалась и деревня «на сельге словет Мигновцына у Волочка», которую пахали наездом в 1563 г. Данную локализацию подтверждает и Специальная карта

А

Б

Рис. 6. А — Челмужский погост по Генеральному уездному плану Повенецкого уезда 1788 г. (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 67). Масштаб 1 верста в дюйме;
Б — Онежское озеро вблизи Челмужского погоста. Вид с севера на Восточную косу («стрелку») на переднем плане и Западную косу на заднем плане (см. карту на рис. 3). Фото И.Г. Тимина.

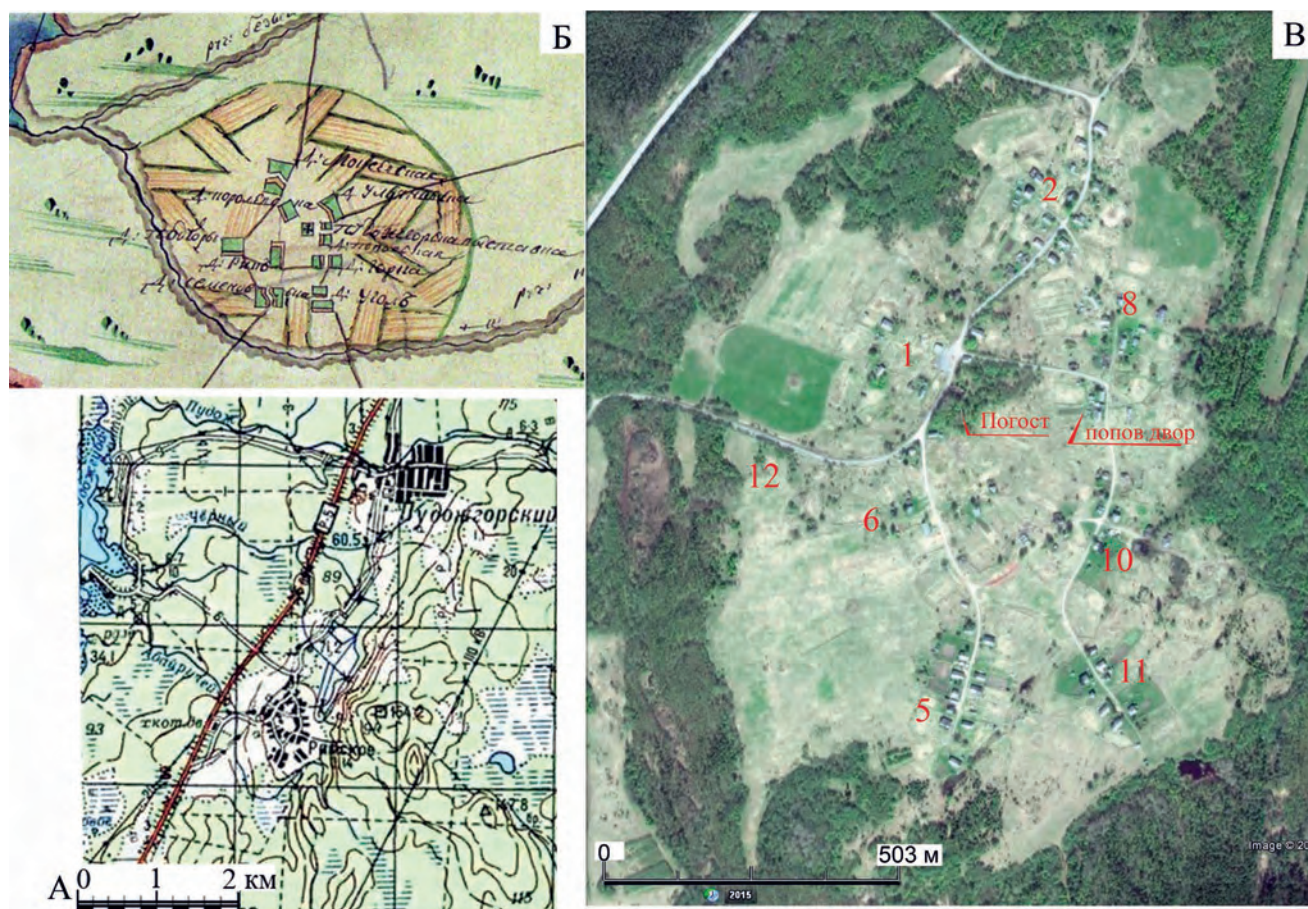

Рис. 7. Пудожская гора.

А — Пудожская гора по карте ГУГК масштаба 1:200 000 по состоянию на 1989 г.; Б — Пудожская гора по Генеральному уездному плану Повенецкого уезда 1788 г. (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 67). Масштаб 1 верста в дюйме; В — Пудожская гора. Локализация деревень, упоминаемых в писцовой книге 1563 г. и их идентификация с деревнями плана 1788 г., проведенная М.В. Витовым (названия 1788 г. даны в скобках). Основа: космоснимок от 20 июня 2015 г. (интернет-ресурс: Google earth). Погост — Церковь св. великомученика Егория, Двор попа и дьячка (Поповская); 1 — Кондратовская, 3 двора (Королевская); 2 — Макарьевская, 1 двор (Мокеевская); 3 — Никоновская, 2 двора (?); 4 — Степановская, пуста (?); 5 — Гавриловская, 2 двора (Семеновская); 6 — двор Харзейко Гарилова (Рим); 7 — Осташовская пуста (?); 8 — Ульяновская, 3 двора (Ульяновская); 9 — Прокшина (Пудожгорская выставка); 10 — Горка; 11 — Угол; 12 — (Подгоры).

Берег Онежского озера от впадения р. Челмужи до впадения Пяльмы, судя по описанию 1563 г., был безлюден. К югу от впадения Пяльмы лежала «Волостка Спаса-Хутыня монастыря на Пудоцкой горе, а в ней поставлена церковь ново Святой великомученик Егорей»⁴⁶. Пудоцкой (Пудожской) горой в XVI в. именовалась южная часть возвышенной гряды, которая пролегает от р. Пяльмы до Тубы и в настоящее

Европейской России Шуберта 1826–1840 гг., на которой д. «Набосельга» показана южнее озера, из которого берет начало р. Филиповская.

⁴⁶Рядом с церковью, «на погосте», стоял пустой двор попа и двор дьячка. Церковь показана на Плене Повенецкого уезда 1788 г. (рис. 7б) и на Генеральном атласе Российской империи В.П. Пядишева 1820 г. (с пометкой «П. Пудожгорский»).

время представляет собой полосу зарастающих полей длиной 10 км (рис. 7а). Обращение к Плану Повенецкого уезда 1788 г. показало, что тогда все деревни концентрировались на пространстве 3 × 2 км в районе храма с. Римское (рис. 7б). В 1563 г. здесь упоминается девять деревень с 13 дворами (рис. 7)⁴⁷.

⁴⁷Перечень деревень «на Пудоцкой горе» открывается Кондратовской (три двора) и Макарьевской (один двор). М.В. Витов идентифицировал их с деревнями Королевской (в описании 1647 г. деревня названа «Кондратовская а Королевская тож» — Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья... С. 114. № 11) и Мокеевской (в описании 1647 г. деревня названа «Макарьевская а Мокеевская тож») — Там же. С. 114. № 10). Д. Ульяновская (3 двора) сохранила свое название до 1788 г. (там же. Карта 1. Размещение поселений Западного Поморья по писцовой

Кроме того, в волостке имелись еще три освоенных участка: группа деревень «на Палье речке»⁴⁸ (р. Пяльма) при ее впадении в Онежское озеро (рис. 2), деревни «на Паж наволоке» и «на Тамбач-озере словет Савинская» (3 двора) в 25 км к востоку от центра погоста⁴⁹ (рис. 2).

Таким образом, две волостки, описанные в 1563 г., располагались в разных частях погоста. Былое единство Челмужского погоста сохранялось на уровне использования угодий. В писцовой книге 1563 г. они были описаны «по писцовым книгам Юрия Константиновича Сабурова» (1495/1496 г.) и включали «ловли рыбные» на реках «Челможи», «Палье» (р. Пяльма) и «Нинеме» (видимо среднее течение р. Немины, впадающей в Челможскую губу) (на реках ставили «колы»), а также на Онежском озере — «в губе Челможской», «на Онежском берегу Сухой наволок» (коса, вдающаяся в озеро у погоста) и «на Зайцовском полуострове» (южная часть косы, которая отделяет Челмужскую губу от Онежского озера). Все эти ловли находились у дворцовой волостки и у Хутынского монастыря «вопче» «по годам»⁵⁰, т.е. в каждый определенный год каждая волостка использовала лишь часть угодий на озере и на материке и переходила на другую часть на следующий год⁵¹.

книге 1563 г. № 11, 10, 12). За деревней, в которой жил Харзийко Гаврилов, в 1563 г. еще не успело закрепиться название. Но в 1583 г. она уже именовалась «Харичиха Гаврилова» — вепсский антропоним (прзвище «Харзийко», видимо, от *hardjoikas* — «широкоплечий» — *Зайцева Н.Г.* Новый вепско-русский словарь. Петрозаводск, 2010. С. 82) при превращении в топоним приобрел суффикс, свойственный русскому языку. В описании 1647 г. эта деревня значилась «Харичино Гаврилова Рим тож» и впоследствии стала называться Римской (*Витов М.В., Власова И.В.* География сельского расселения Западного Поморья... С. 113. № 8), дав название всему этому кусту деревень. На месте д. Семеновской (1788 г.) М.В. Витов локализовал деревню Гавриловскую (2 двора) (в 1620 г. она именовалась «Гавриловская Семеновская тож» — Там же. С. 112. № 16), а «Пудожгорскую выставку» (1788 г.) идентифицировал с д. Прокшиной 1563 г. (в описании 1647 г. говорится: «Выставка погост на Пудожской горе, к ней припущена д. на Пудожской горе Прокшина, Шукино тож, 3 двора крестьян» — Там же. С. 115. № 19). Нелокализованные деревни (Осташевская, Никоновская, Степановская), видимо, соответствуют деревням Горки, Подгоры и Угол, показанным на плане 1788 г. (рис. 7).

⁴⁸ Хорковская (3 двора), Семеновская Нерусова (1 двор), Офонасов след Карпова (1 двор), Михайловская да Селютинская (2 двора) и «у Ивановой деревни слывет за речкой Федотовская Кичеева» (2 двора). В 1628 г. последняя деревня обратилась в пустошь «что была д. в Пяле Ивашово за рекой Уляшевская», которую пахали из д. Харьковской (*Витов М.В., Власова И.В.* География сельского расселения Западного Поморья... № 40. С. 118).

⁴⁹ Изображена на Плане Повенецкого уезда 1788 г. и сохранилась между Верхним и Нижним Тамбич-озерами, на западном берегу последнего (*Витов М.В., Власова И.В.* География сельского расселения Западного Поморья... № 5. С. 113).

⁵⁰ Писцовая книга Обонежской пятины... Л., 1930. С. 166.

⁵¹ В конце описания Хутынской волостки говорится, что крестьяне «в губе Челможской и в островах Онежских ловят вопче по половинам» (Писцовая книга Обонежской пятины... Л., 1930. С. 167–168).

Как видно из описания 1563 г., древнее ядро погоста представляло собой куст из 27 поселений в устье р. Челмужи, которая до 1480-х гг. принадлежала боярину Семену Ермолиничу. Здесь 34 двора (31 человек) высевали 23,48 коробьи ржи на 23,48 десятины в одном поле или 70,44 десятины в трех полях, т.е. 2 десятины (немногим более 2 га) на двор. Эти миниатюрные северные поля были в 7 раз меньше запашки крестьянского двора в Шелонской пятине и Центральной России (до 15 десятин на двор) и уступали запашке Заонежских погостов (2,6 десятины)⁵². Сена ставилось 272 копы или по 0,8 десятины покоса (8 копен) на двор.

В 35 км к югу от центра погоста располагались владения Хутынского монастыря — 9 деревень на Пудоской горе, 5 — при впадении в Онежское озеро р. Пальи (Пяльмы) и деревня на оз. Тамбач близ водлозерского водораздела. 34 двора (44 человека) высевали 18,75 коробьи ржи на 18,75 десятины в одном поле или 56,25 десятины в трех полях, или по 1,65 десятины на двор — меньше, чем в центре погоста. Сена ставилось 157 копен или 0,46 десятины (по 4,6 копы) покоса на двор. Таким образом, земледелие даже в период хозяйственного подъема являлось лишь подспорьем в крестьянском хозяйстве.

У пристани, в центре погоста, располагалось поселение из десяти дворов торговых людей и двух пашенных дворов⁵³. Оно контролировало устье Челмужи и являлось опорным пунктом на торговом пути из Новгорода вверх по р. Немина и вниз по р. Выг к Белому морю.

Мировая грамота, к тексту которой мы теперь обращаемся, содержит свидетельства о Челмужском погосте и его окружении в период, который отстоял на двести лет от 1563 г. и находился за границей памяти поколения, которое застало конец Новгородской независимости (1478 г.). Тем не менее микротопонимия демонстрирует удивительную устойчивость.

Мировая грамота Челмужского погоста 1375 г.: юридический статус документа и отвод земли

Мировая грамота начинается без какой-либо преамбулы. В первой клаузуле говорится: «се докончаша миръ в миръ с челмужскимъ бояриномъ з Григорьемъ Семеновичемъ и со его детми». Предметом этого договора являются две позиции:

⁵² Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С. 347–349.

⁵³ 2 коробьи ржи высевались на 2 десятины в одном поле — 6 десятин в трех полях; выкашивалось 1,5 десятины (15 копен).

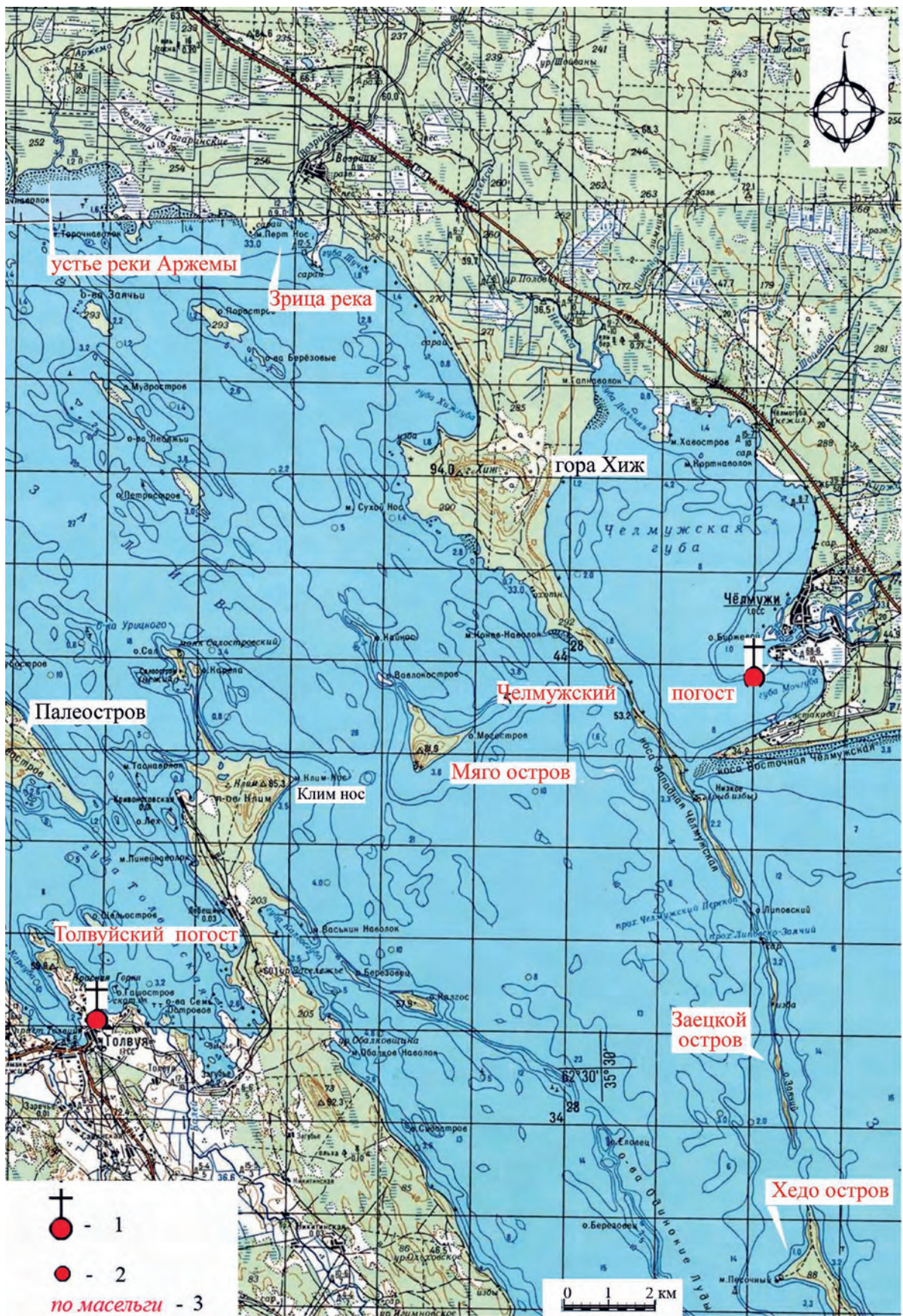

Рис. 8. Границы Челмужского погоста по Мировой грамоте 1375 г.
Акватория Онежского острова (северная часть).

1 — центры погостов; 2 — группы населенных пунктов и отдельные деревни; 3 — топонимы и гидронимы, упоминаемые в Мировой грамоте 1375 г. Основа — карта ГУГК масштаба 1:200 000 1988 г.

«миръ взяли и межу в Челмужскомъ погосте урядили»⁵⁴. В качестве одной из сторон (от ее имени составлен данный противень) выступают «староста Вымоченского погосту Артемеи, прозвищемъ Оря, со всѣмъ племянемъ», «да шунския смерды Иванъ Герасимовъ, да Василии, прозвищемъ Стоиворъ Глѣбовъ, да Игнатеи, прозвище Игоча, да Остафеи Перфильевы дѣти, да и вси шунжане, и вси толвыяне, і вси кузарандцы, і вси вымоченцы». Перед нами корпорации смердов тех самых погостов, которые известны по описаниям 1495/1496 и 1563/1564 гг. Помимо Вымоченского погоста, о котором пойдет речь ниже, мы видим здесь жителей трех заонежских погостов западного берега Повенецкого залива — Шунгского, Толвуйского и Кузарандского⁵⁵ (рис. 2). Противоположная сторона представлена «челмужскимъ бояриномъ Григориемъ Семеновичемъ и со его детьми, с Обакуномъ и Савелиемъ» (табл. 1).

Следующая клаузула документа перечисляет земли в Челмужском погосте и детально описывает их межу. Она завершается фразой: «И не вступаться намъ в тую Григорьеву землю да в ту межу». И наконец, последняя клаузула констатирует: «А та вся земля и вода и владѣти тою межею челмужскому боярину Григорью и его дѣтям во вѣки»⁵⁶.

Исследователи Мировой грамоты 1375 г. обходили стороной вопрос о характере и юридическом статусе этого документа, в котором судьба обширной населенной территории определена в форме простой сделки без санкции Господина Великого Новгорода или решения суда. Между тем содержание грамоты может быть непротиворечиво объяснено, если предположить, что перед нами письменное закрепление мирового соглашения сторон как одной из досудебных практик, известных «Пространной правде»⁵⁷. Сохранился противень, который был адресован боярину Григорию Семеновичу — после передачи части описанных

в грамоте земель Хутынскому монастырю этот противень оказался в архиве последнего. Не дошедший до нас противень, составленный Григорием Семеновичем и адресованный Артемию Оре, описывал, видимо, земли Заонежских погостов, в которые не должен был «вступаться» боярин и которые располагались по другую сторону межи.

Обратимся теперь к локализации межи, чтобы очертить земли, переданные Григорию Семеновичу, и проверить справедливость высказанного выше видения этого документа.

Описание межи предваряется перечнем земель, которые она охватывает, — «Челможской и Пялемской и Пудозгорской». В них мы узнаем описанные выше населенные участки погостокруга в районе Челмужской губы, устья р. Пяльмы и Пудозкой горы. Начало межи локализуется уверенно: «По Аржемы реки вниз в Онего озеро сельгою на Мяго остров к Кислякову носу». Река Аржема, судя по карте 1989 г., впадает в Онежское озеро в 20 км к северо-западу от центра Челмужского погоста, за Челмужской губой, Хиж-горой и речкой Зрицей (рис. 2, 8). Следовательно, мы находимся на северной границе земель погоста.

Далее межа пролегла по акватории Онежского озера. При всей непривычности такого рода описаний оно локализуется надежно, поскольку основные упомянутые в нем острова носят те же названия до сих пор. Одним из ключевых ориентиров является Мяго-остров (от вепс. *mägli* — «гора», «холм») ⁵⁸. Он идентифицируется с треугольным в плане Мегостровом (1,7 × 1,7 км)⁵⁹, расположенным в 7 км к западу от центра Челмужского погоста, в районе сужения озера между Хиж-горой и Климносом. Участок межи от устья Аржемы до Мяго острова (14 км) назван в грамоте «сельгою» — видимо, речь идет о подводной гряде, маркируемой рядом островов⁶⁰.

В рамках отмеченного выше сужения озера заканчивается Повенецкий и начинается Заонежский залив (рис. 8). «Да на Хедо островъ, на Ловецкий

⁵⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... № 284. С. 285.

⁵⁵ Кузарандский погост располагался к югу от Толвуйского (рис. 2). Название его происходит от прибалтийско-финского географического термина «еловый берег» (вепс. *Kuz* — «елка»; кар. *randu*; вепс. *rand* — «берег») (Зайцева Н.Г. Новый вепско-русский словарь... С. 191, 345).

⁵⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... № 284. С. 285.

⁵⁷ Подробнее см.: Чебаненко С.Б. Воздействие княжеской власти на общинные институты и процессуальные действия в сфере разрешения конфликтов в домонгольской Руси (XI — начало XIII в.) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2008. Вып. 2. С. 17–31.

⁵⁸ Зайцева Н.Г. Новый вепско-русский словарь... С. 263.

⁵⁹ Остров Мег (62°34' N, 35°26' E), окаймленный отмелью, высокий, поросший сосновым лесом и кустарником; на нем расположена гора Мег высотой более 40 м. Берега острова крутые и местами обрывистые; пологие берега имеются здесь лишь вблизи мысов (Лоция Онежского озера. Навигационное описание // <http://river.maps.Ru/doc/onega/onega-7>) (дата посещения: 15.06.2019).

⁶⁰ Ныне острова Заячий, Мудростров, Лебязь, Петро-стров (рис. 8).

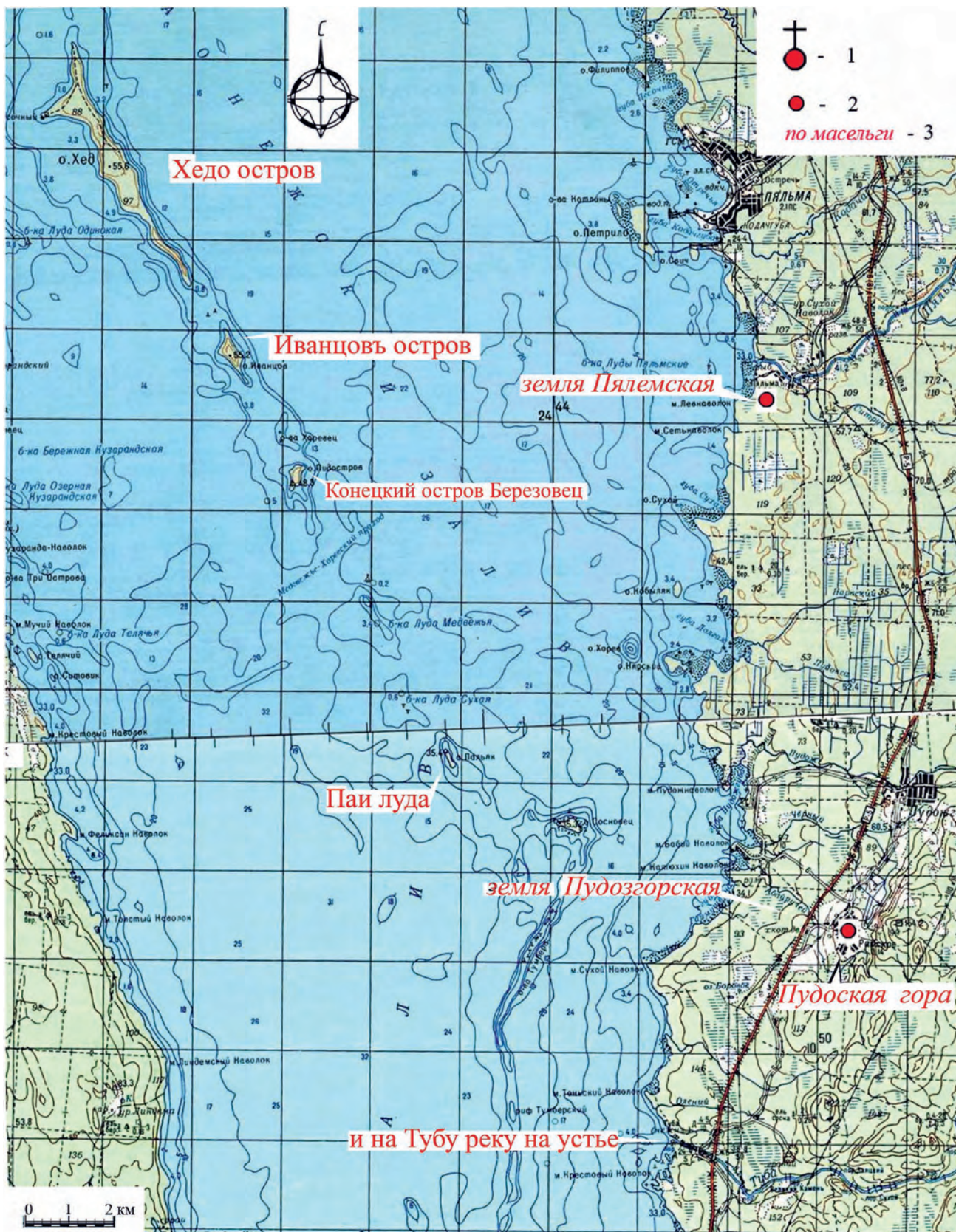

Рис. 9. Границы Челмужского погоста по Мировой грамоте 1375 г.
Акватория Онежского острова (южная часть).

1 — центры погостов; 2 — группы населенных пунктов и отдельные деревни; 3 — топонимы и гидронимы, упоминаемые в Мировой грамоте 1375 г. Основа — карта ГУГК масштаба 1:200 000 1988 г.

ность, — читаем мы далее в грамоте, — да на Иванцов островъ х Конецкому острову к Березовцу, да на Пай луду и на Тубу реку на устье». От Мяго-острова граница пролегла на протяжении 13 км, по середине Заонежского залива (на этом участке нет подводных гряд и глубина озера колеблется в пределах 10–20 м) до Хед-острова — наиболее крупного (6 × 1 км) в этой части озера⁶¹. Отсюда начиналась новая подводная гряда, отмеченная вереницей островов. В километре от Хед-острова на карте показан Иванцов остров, лежащий между Кузарандским погостом в Заонежье и устьем р. Пяльмы на Челмужском берегу (рис. 9). За ним, судя по карте, следует последний островок (Пид-остров), который, видимо, именовался «конечким островом Березовцем». Далее подводная гряда проявляет себя главным образом в виде мелководных участков (глубиной 1–3 м), которые на современных картах и в навигационных описаниях именуется «лудами» (от вепс. *lodo* — «мель в озере»)⁶². Посреди них показан островок Пальян, в котором угадывается «Пай луда» нашей грамоты. В том, что мы верно локализовали трассу межи по акватории Онежского озера, убеждает последний ее пункт — впадение р. Тубы в Онежское озеро (рис. 2).

Река Туба впадает в озеро в 50 км к юго-востоку от центра Челмужского погоста, близ южного края Пудоской горы, у южной его границы. Отсюда межа уходила в глубь материка: «Да по Тубе вверх на устье Анусары реки, да Анусарою рекою вверх на Великий камень, да на Ковъ ручей, да Ковъ ручьемъ внизу да в Пялму реку», т.е. вверх по р. Тубе на протяжении 12 км и далее по ее правому притоку Анусаре, название которого сохранилось. Вся эта местность в настоящее время покрыта лесами и не заселена. От верховьев Анусары межа пролегла водоразделом до притока р. Пяльмы (Ков-ручей) (рис. 2).

Далее следует текст, который с трудом поддается интерпретации: «Да Пялмою рекою вверх,

до верховья Пялемского, да маселгою, по Тамбичи рекъ до Тамбича озера до верховья». Здесь надежно локализуется только начало (верховья р. Пяльмы) и конец межи (Верхнее Тамбич-озеро), между которыми 47 км. Верхнее Тамбич-озеро расположено в 25 км к северо-востоку от центра Челмужского погоста. Остается предположить, что «масельгой»⁶³ составители грамоты именовали занятый болотами водораздел Онеги и Водлозера (рис. 2).

Далее читаем: «От Тамбича озера до Кочьмо озера и с Кочьмо озера по масельги до Аржемы реки, Аржемою вниз до Онега озера на Орлову луду и до Орлеца острова». Кочмо-озеро показано на карте 1989 г. к западу от Верхнего Тамбич-озера. Отсюда до верховьев Аржемы (исходной точки) межа могла идти по водоразделу с р. Выг, включая бассейн Немиги и ее притока Пажи.

Локализация межи свидетельствует о том, что по мировой грамоте боярину Григорию Семеновичу отходил весь Челмужский погост-округ на пространстве в 70 км вдоль восточного берега Повенецкого залива и на 25 км в глубину. Площадь его (около 170 тыс. десятин) была примерно равна трем заонежским погостам.

Угодья, лежащие в пределах этого довольно безлюдного края, описаны в грамоте кратко. Названы реки Аржема, Челмужа, Пялма и Туба, а также Пудоская гора, видимо, с земледельческими и рыболовецкими угодьями («и в лъшую пашню, ни в рыбную ловлю»). Затем перечислены рыбные ловли «на Онъжскихъ островъхъ», «во Зрицу реку» (на северной окраине погоста), «в сельги возле Онъга озера» (на Челмужской косе) и «в Заецкой островъ» (к северу от о. Хед) (рис. 8), многие из которых используются жителями Чёлмужей до наших дней⁶⁴. Судя по всему, в третьей четверти XIV столетия ведущим промыслом в Чёлмужах было рыболовство, которое сочеталось с небольшими пашнями в нижнем течении р. Челмужи. Упоминание Пудоской горы показывает, что там тоже начали «рассекать лес».

⁶¹ Остров Хед (62°27' N, 35°36' E), самый большой из островов средней части Заонежского залива, лежит в 7 кбт к NNW от о. Иванцов и отделен от него мелководным проливом. Остров порос густым лесом. Северная его часть — низкая, а южная — высокая, с обрывистыми берегами и песчаными оползнями, рельефно выделяющимися на фоне леса (Лоция...). Возможно, от вепс. *heb* — «лошадь» (*Hämäläinen M.M. Andreev F.A. Vepsa-venähine vajehnik. M.; L., 1936. С.16*).

⁶² Муллонен И.И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994. С. 13; Зайцева Н.Г. Новый вепско-русский словарь... С. 225.

⁶³ Масельга (кар.) — водораздел.

⁶⁴ Как сообщает современная лоция, «остров Заячий находится в 7 кбт к N от острова Хед и отделен от него мелководным проливом. Остров песчаный, средняя его часть высокая, покрытая низким хвойным лесом; у самой воды растет кустарник. Предупреждение. Вокруг островов Хоревец, Иванцов, Хед и восточнее острова Заячий расположен район, в котором выставляются орудия лова; район ограждается вехами» (Лоция...).

Погосты в системе управления: институты и институции

Если топографические реалии Челмужского погоста 1375 г. устанавливаются с большой определенностью, то его социальный ландшафт за последнее столетие Новгородской независимости сильно изменился. В связи с этим необходимо обратиться к ряду документов XIII–XV вв., относящихся к Заонежью.

Знаменитая харатейная данная грамота Толвуйской земли Палеостровскому монастырю, сохранившаяся в подлиннике и датированная 1430-ми — 1440-ми годами⁶⁵, содержит уникальные данные о Толвуйском погосте, жители которого ранее принимали участие в Мировом соглашении 1375 г. В грамоте перечислены должностные лица, причастные к управлению Толвуйского погоста (а может быть, и всего Заонежья), — скотники и помужники («скотнитѣ и помужникѣ Толвоской земли») — всего 21 человек.

Значение этих понятий разъясняется грамотой великого князя владимирского и новгородского Андрея Александровича 1294–1304 гг., в которой содержатся интереснейшие свидетельства о роли погостов Новгородской земли в организации доставки дани с Белого моря. Грамота написана «От великог(о) кн(я)зя Одрѣя к посадником и къ скотником и к старостам»⁶⁶. Из контекста следует, что в скотниках и помужниках нужно видеть кормленщиков, осуществлявших сбор налогов («скотник» — от «скот» — имущество, «помужник» — от «муж» — правоспособный хозяин двора, плательщик податей), суд, контроль за торговлей и руководство штатом типунов и доводчиков. Староста, возглавлявший корпорацию крестьян, выполнял иные функции. В Северо-Восточной Руси он вместе с «добрыми людьми» осуществлял наделение крестьян землей и контролировал раскладку повинностей⁶⁷. Таким образом, мы находим место старосты Имоченского погоста Артемия Ори в иерархии управления Новгородским погостом XIV в.

Опираясь на договор с властями Новгорода («Како есмь доканчал с Новым городом»), Андрей Александрович определяет порядок взаимоотношений трех великокняжеских ватаг данщиков,

отправляющихся на Белое море («ходити трем ватагам моим на море, а ватаман Одрѣи Критцкый»), с местной администрацией. В соответствии с грамотой посадники и скотники «дают с погостов кормъ и подводы по пошлинѣ» великокняжеским данщикам. Особенно информативна следующая клаузула грамоты: «А с(ы)нѣ ег(о) Кузма како поидет с моря, с потками с данными по данничу пути, дадут ему корму и подводы, по пошлинѣ, с погостов»⁶⁸. Из нее мы узнаем о существовании института («по пошлине») центральной власти Новгорода «даннич путь», который предполагал действия посадников, скотников и старост определенных погостов по обеспечению доставки дани. В данном случае речь шла о собираемой с «лопи» (саамов), обитающей на Терском берегу Белого моря, дани особого рода — охотничьих соколов и кречетов («потки»), которые ценились очень высоко.

Но вернемся к харатейной грамоте Толвуйской земли Палеостровскому монастырю. Список должностных лиц Новгорода, причастных к управлению Толвуйской земли, открывают «посадникъ новгородскѣи Одрѣи Иванович, тысяцкы новгородскѣи Дмитри Васильевичъ»⁶⁹. Далее следуют собственно бояре — кормленщики. Имена и отчества свидетельствуют об их славянском происхождении. Некоторые из них упоминаются «с дѣтми» — видимо, определенные должностные функции могли передаваться по наследству. Шестым в этом списке фигурирует «Ермола Лентѣев», в котором В.Л. Янин видит внука Обакума — владельца северной части Челмужского погоста (табл. 1). Если это предположение справедливо, то он не только владел Челмужским погостом на вотчинном праве, но и участвовал в управлении Толвуйским погостом — это лишний раз показывает, что вотчинники происходили из числа кормленщиков.

Данная грамота содержит перечень передаваемых монастырю островов («в Палья острова оба, земля и пожнѣ, и конецъ Палья острова, малѣи островкѣ с лудошами, и Кобылѣи островъ с лудошами, За[цов с пожняи и лудошами]»⁷⁰) (мелководьем) и список видов рыбной ловли и иной деятельности, которые запрещалось вести «селяном». Кроме того, грамота запрещала «вступати ся в тыи острова ни в ловища бояромъ, ни селникамъ, ни купьцамъ, ни их селяном». Таким образом,

⁶⁵ Дата по: Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. ... С. 244–245.

⁶⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси (далее — АСЭИ). М., 1958. Т. 3. № 1. С. 15.

⁶⁷ «Дал нам, господине, селище Дрочково Аргуновской волости староста Митька Бердяй и вси христиане», — заявлял на суде дворецкого П.В. Шестунова Т. Мамухин (АСЭИ. Т. 1. М., 1952. № 140). Анализ известий такого рода: Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 22.

⁶⁸ АСЭИ. Т. 3. М., 1958. № 1. С. 15.

⁶⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 90. С. 146. В.Л. Янин идентифицирует посадника Андрея Ивановича этой грамоты с Андреем Ивановичем, который упомянут в списке посадников Б на 121-м месте, занимал эту степень в 1434–1435 гг. и приходился отцом Исаку Борецкому. Дмитрий Васильевич упоминается с титулом тысяцкого в надписи на панагии 1435 г. (Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 361–363; Он же. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 52–54).

⁷⁰ Текст в квадратных скобках вписан по счищенному.

видно, что на территории погоста наряду с податным населением имелись владения бояр (на вотчинном праве), сельников (возможно, без права передачи по наследству) и купцов, которые были населены их зависимыми людьми («селянами»).

Благодаря просопографическому исследованию В.Л. Янина было реконструировано родословие потомков челмужского боярина Григория Семеновича, что позволяет составить представление об одном из новгородских боярских родов, управлявших погостами в Обонежье и Двинской земле (табл. 1)⁷¹. Акты Палеостровского монастыря XV в., сохранившиеся в деле 1590 г., рисуют нам примеры движения земельных имуществ вотчины детей Григория Семеновича. Сын одного из скотников и помужников Толвуйской земли Ермолы Леонтеева — Семен Ермолинич, владевший северной частью Челможского погоста, передал игумену Конану Палеостровского монастыря угодья на берегу Онежского озера «от Аржеме реки до Орлова острова Карныш губу и до Кута воду и болота», а также «в Куте губе малыи островок с поженю, что Ботало кашивал, и поженка у Карныш ручья на ужной стороне, а в лес, куды коса иметь»⁷². Это свидетельство говорит о хозяйственном освоении Челможского погоста в 1470-х гг. Оказывается, что даже на северной периферии погоста, между устьями рек Аржемы и Зрицы, где через столетие Писцовая книга 1563 г. не фиксировала каких-либо селений, жителем погоста выкашивался островок, а на берегу существовала пожня (рис. 8).

Вскоре Семен Ермолинич с двоюродным братом Василием Афанасьевичем передали в монастырь право «ловить им в Челможи неводом и сетем и в Кульи острове и на Озричьском берегу, где им любу в нашей отчине», подтвердив также прежнее пожалование⁷³. Около 1477–1478 гг. игумен Закхей Спасо-Хутынского монастыря, которому тогда уже принадлежала южная часть погоста, подтвердил это пожалование («ловить им в Челможи весне одним вотцом, а бразги им с т(о)г(о) (вот)ца не давать»)⁷⁴.

Факт обладания Палеостровским монастырем небольших рыбных ловель как в северной, так и в южной (перешедшей к Хутынскому монастырю) частях Челмужской вотчины делает понятным появление в архиве Палеостровского монастыря копии Мировой грамоты 1375 г., которая являлась одним из правоустанавливающих документов на владение этими землями потомками Григория Семеновича.

⁷¹ Янин В.Л. Новгородские акты... С. 239–243.

⁷² Корецкий В.И. Новгородские грамоты XV века... № 1.

⁷³ Там же. № 2.

⁷⁴ Там же. № 9. Все отмеченные владения сохранялись за Палеостровским монастырем и в 1563 г. (Писцовая книга Обонежской пятины... Л., 1930. С. 154).

Вепсский след

Новое прочтение Мировой грамоты 1375 г., как отмечалось выше, связано с ее рассмотрением в контексте этнической ситуации в Обонежье. В своей работе, посвященной этой теме, Б.И. Чибисов показал, что в Шунгском погосте и в волостке новгородского Вяжицкого монастыря в Толвуйском погосте описание 1495/1496 г. фиксирует среди правоспособных мужчин, соответственно, 4,5 и 2,5% вепсских или карельских имен и фамильных прозвищ.

Топонимия свидетельствует об участии в освоении этой территории прибалтийско-финского населения и об усвоении славянским населением уже сложившейся топонимической системы. Многочисленные топонимы-кальки рассматриваются лингвистами как свидетельство двуязычия насельников Заонежья на протяжении длительного времени и постепенного обрусения вепсов⁷⁵. В этой связи чрезвычайно интересно наблюдение И.И. Муллонен об ареале названий поселений с конечным *ицы/ици*, которые концентрируются в бассейне рек Ояти и Свири, фиксируются в Заонежье (на территории Кижского и Толвуйского погостов), а также на водоразделе Онежского озера и Выгозера. Исследовательница полагает, что эти названия маркируют путь от средневекового Челмужского погоста к Выгозерскому, который являлся частью пути из Обонежья к Белому морю⁷⁶. Об этом же свидетельствует существование «топонимического коридора» между Толвумом (в переводе с вепсского — «Зимний ручей») и Челмужами и появление русского варианта топонима Толвуй (прибалтийско-финское «а» («Талв») успело перейти в «о» («Толв»)) еще в период бытования древнерусского языка («все толвыяне» 1375 г.)⁷⁷. Таким образом, можно полагать, что население, пришедшее в Заонежье из Юго-Восточного Приладожья, принесло с собой не только вепсские, но и древнерусские формы номинации.

Мировая грамота 1375 г., отражающая этническую ситуацию за 120 лет до описания 1495 г., содержит ценные свидетельства на этот счет.

Загадкой этой грамоты являлось участие со стороны смердов Толвуйского, Шунгского и Кузарандского погостов в качестве более высокой инстанции старосты «Вымоченского» погоста Артемия Ори. Б.И. Чибисову удалось идентифицировать погост грамоты 1375 г. с Имоченским (Вымоченским) погостом в нижнем течении р. Ояти⁷⁸ в Южном Приладожье (рис. 1), в верховьях которой вепсское население

⁷⁵ Муллонен И.И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурным комментарием. Петрозаводск, 2008. С. 215.

⁷⁶ Там же. С. 192–193, рис. 14.

⁷⁷ Там же. С. 98, 99, 198.

⁷⁸ Название реки Оять от кар. / вепс. *oja* — «ручей» (Зайцева Н.Г. Новый вепско-русский словарь... С. 287).

фиксируется описанием 1495/1496 г. и где вепсы проживают до наших дней⁷⁹.

Учитывая вепские прозвища шунгских смердов (Стоивор, Игоча) и самого Артемия, Б.И. Чибисов высказал предположение о том, что жители Челмужского и соседних погостов были по своему происхождению вепсами, переселившимися с берегов р. Оять в Южном Приладожье⁸⁰. В таком случае становится понятным, почему без участия старосты Имоченского погоста и его «племени» сделка не считалась бы действительной.

Предложенное объяснение представляется верным и может быть уточнено. Как уже отмечалось, в качестве одной из договаривающихся сторон выступает «староста Вымоченского погосту Артемию, прозвищемъ Оря, со всѣмъ племянемъ». Исходя из значения слова «племя» в древнерусском языке⁸¹, в данном случае «племя» надо понимать как некую кровнородственную группу, в которую входил Артемий. Поскольку далее в тексте перечисляются «да и вси шунжане, и вси толвыяне, і вси кузарандцы, і вси вымоченцы», можно полагать, что часть членов этих корпораций смердов входила в кровнородственную группу, а часть — нет, что совершенно естественно для любой локальной популяции с нормальным кругом брачных связей. Следовательно, жители перечисленных погостов знали, что их предки пришли на берега Онежского озера с Ояти. Не было сомнений по этому поводу и у их контрагентов — новгородского боярского клана.

⁷⁹ Чибисов Б.И. Этническая картина Новгородской земли в XV веке (неславянские этнические группы): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. С. 72–77. В.Л. Янин связывал название «Вымоченского погоста» Мировой грамоты 1375 г. с одним из пяти карельских родов — «Вымолцами», которые владели землями на реках Выг, Шуе и Кемь, и предполагал, что так мог называться Выгозерский погост, примыкавший к Челмужскому с севера (Янин В.Л. Новгородские акты... С. 237). Однако все акты, на которые ссылается исследователь, упоминают «Вымолцов» как землевладельцев, и никаких данных о каком-либо ином именовании Выгозерского погоста в источниках нет. О «Вымолцах» см.: Чибисов Б.И. «Дети карельские» в контексте этнической истории Северо-Западного Приладожья // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 2 (68). С. 18–25.

⁸⁰ О нерусских именах Артемия Ори, Игочи и Стоивора писали и ранее (Агапитов В.А., Логинов К.К. Формирование этнической территории и этнического состава группы заонежан // Заонежье: Сб. науч. статей / Ин-т языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Петрозаводск, 1992. С. 61–76). Предположение о том, что Вымоченский погост находился на Ояти, а его колонизируемые земли располагались в Шунгском и Толвуйском погостах, высказал А.Ю. Жуков (Жуков А.Ю. Формирование границ Карелии: крестьянское освоение территории и государство (XII–XVII вв.) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов: Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2008. Вып. 1. С. 13).

⁸¹ Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 2. Ч. 2. П. С. 959; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1989. Вып. 15. С. 83, 84.

Предположение Б.И. Чибисова о вепских корнях челмужцев находит подтверждение при анализе имен и фамильных прозвищ крестьян Челмужского погоста 1563 г. Так, среди 29 жителей Челмужской губы упоминаются Гаврила Мануйлов, Мануилка Агапитов, Васюк Огапитов, Иванко Потафьев. Деревня на сельге «Мигновцына» обязана своим названием крестьянину, обладавшему прибалтийско-финским прозвищем⁸². Среди 22 жителей Пудоцкой горы также встречаются прибалтийско-финские антропонимы: Селиванко Степанов Минзин, Ивашко Агапитов Рогозка, Харзийков Гаврилов, Олешко Панфелов, Тимофей Микифоров Онтанов. А на далеком «Тамбач-озерке» жил Манулко Микулин⁸³. В целом около 20% крестьян Челмужского погоста сохраняли прибалтийско-финские черты в именах и прозвищах, несмотря на то что уже полтора века они использовали календарные русские имена.

Как было показано выше, Мировая грамота предполагала передачу всего Челмужского погоста в руки боярина Григория Семеновича. Соответственно «челмужцы» в составе договаривающихся сторон не упомянуты. Их интересы представлены в формуле «вси вымоченцы», в состав которых они, видимо, входили. Это еще раз подтверждает мысль о том, что Челмужский погост являлся дочерним по отношению к Имоченскому.

Имоченский погост на Ояти: историческая топография и этническая картина

Имоченский погост располагался на берегу р. Ояти, в 15 км от ее впадения в Свирь и в 20 км от впадения Свири в Ладожское озеро (рис. 1). Как следует из известного описания р. Ояти Ивана Хруцова, опубликованного в 1868 г., на этой реке имелось тогда 10 погостов. В нижнем течении реки (ок. 80 км) путешественник упоминает Введенский Сермакский, Никольский, Имоченский, Гедевичский и Соцкий погосты. Из древностей Имоченского погоста И. Хруцов отметил деревянную церковь Рождества Богородицы 1770-х гг., в которой сохранилась водосвятная чаша с надписью: «Лета 7108 мая в 5 день зделана быть сия чаша при благоверном царе и великом князе Борисе Федоровиче всея Руси, при митрополите Исидоре Великого Новгорода и великих Лук в честную обитель Пречистые Богородицы, честного и славного пять Рождества в Вымоченицы»⁸⁴. Надпись

⁸² Писцовая книга Обонежской пятины... Л., 1930. С. 166.

⁸³ Там же. С. 167.

⁸⁴ Хруцов И. Заметки о русских жителях берегов реки Оять // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1868. Т. 2. С. 58.

свидетельствует о существовании на погосте в 1600 г. монастыря. Название же самого погоста совпадает по своему написанию с его наименованием в Мировой грамоте 1375 г.

С Имоченским (Вымоченским) погостом связано явление Тихвинской иконы Богоматери. Помещенный в Воскресенскую летопись рассказ сообщает, что в 1383 г. икона «явилася на Ояти в Выченицахъ сто верстъ от града (Тихвина. — С.Ч.), а того никтоже вѣсть откуда явилася и бысть от тое иконы Пречистыа образа чюдеса многа, и ту поставиша церковь въ имя Рожество святыя Богородица. И не по мнозѣ времени оттолѣ сошла невидимо да явилася на Кожелѣ, а оттолѣ двадесито верстъ на Куковѣ горѣ, и на томѣ мѣстѣ поставиша церковь въ имя Покровѣ святыя Богородица; и оттолѣ явилася на Тихвинѣ...»⁸⁵. И. Хрущов отмечает местное предание, которое связывает одно из явлений иконы с деревней Ширничи (Смольково), куда из центра погоста совершался крестный ход⁸⁶.

О Соцком погосте с церковью великомученика Димитрия И. Хрущов пишет: «Местность дикая непроходимо лесистая». «Выше Соцкого погоста, — продолжает он, — начинают говорить по-чудски». Далее вверх по течению (на пространстве около 100 км) располагались Ярославичский («жители тут говорят по-чудски и по-русски»), Винницкий, Немжинский, Озерский и Ладвинский погосты, отделенные друг от друга таежными участками течения реки. Виноцы (седьмой погост вверх по течению Ояти), где находился торг хлебом и красным товаром, И. Хрущов именуется главным селением верховьев Ояти («говорят больше по-русски, чем по-чудски») и отмечает в 7 верстах от него церковь Введения на р. Шакше на месте древнего Колмова монастыря. Немжинский погост, с церковью великомученика Георгия, отделяло от Винницкого 50 верст корабельного соснового леса. Об Озерском погосте (церковь Богоявления и святителя Николая) И. Хрущов замечает, что «бабы не понимают по-русски», а о Ладвинском — что «жители почти вовсе не понимают по-русски»⁸⁷ (рис. 12, III).

Обращение к писцовой книге 1563 г. дает основания предполагать, что население нижнего

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 48.

⁸⁶ «Сказание о Тихвинской иконе Богоматери» 1658 г. сообщает, что икона, «светозарно шествуя по воздуху», семь раз являлась местным жителям: на Ладожском озере, в Смолкове, Имоченцах, на Кожеле, на Куковой горе, на берегу р. Тихвинки и на другом ее берегу, где и был построен храм Успения в Тихвине, который стал местом хранения святыни (Сказание о Тихвинской иконе Богородицы: Воспроизведение части рукописи // Известия общества любителей древней письменности. XXXVIII. [СПб.: Тип. Императорской Академии Наук], 1892. С. 65–119).

⁸⁷ Хрущов И. Заметки о русских жителях берегов реки Оять... С. 58–60.

течения реки было уже тогда почти полностью русскоязычным. К сожалению, описание Имоченского погоста очень краткое, зато подробно описан погост Сермакс. В перечнях дворовладельцев прибалтийско-финских антропонимов нет, а из топонимов обращают на себя внимание лишь деревни «а ныне зовут Карою» и деревня «в Мандере»⁸⁸ — родина Александра Свирского. Напротив, в Веницком погосте не менее 15 крестьян имели прибалтийско-финские имена и фамильные прозвища⁸⁹. Об активном воцерковлении населения погоста свидетельствует упоминание о трех церквях, поставленных «вновь» между 1495/1496 и 1563 гг.⁹⁰

Материалы писцовой книги Обонежской пятины 1495/1496 г. отражают лишь восточную часть Южного Приладожья. Это Оштинский погост на юго-западном берегу Онежского озера, Веницкий погост в верховьях р. Ояти, а также Пелушский и Койгушский погосты в верховьях р. Паши (рис. 11). Б.И. Чибисов фиксирует вепскую топонимию и отдельные прибалтийско-финские антропонимы на территории этих погостов, т.е. в зоне проживания средних (Рыборецкий сельсовет на Оште) и южных (с. Венницы на Ояти и др.) вепсов XIX — начала XXI в. Таким образом, можно заключить, что уже в конце XV — первой половине XVI столетия вепсы, сохранившие свой язык, остались лишь в долине Ошты на южном берегу Онежского озера, а также в верхнем течении Ояти и Паши, где их фиксировали этнографы в XIX в. и где анклав вепсского населения проживают и ныне (рис. 12, III)⁹¹.

Этнокультурная ситуация XIII–XV столетий в этом крае не освещена письменными и археологическими источниками. Зато археологические памятники X–XII столетий в долине р. Ояти изучены весьма обстоятельно.

⁸⁸ Писцовая книга Обонежской пятины Андрея Лихачева и подьячего Ляпуна Добрынина 1563 г. // Писцовые книги Новгородской земли. Т. 2. Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. СПб., 1999. С. 88, 97.

⁸⁹ В 1563 г. Веницкий погост состоял из 6 великокняжеских волосток, которые в период Новгородской независимости принадлежали боярам и монастырям. В волостке Онтонова монастыря упоминаются Цыгорко Степанов и Оказко. В волостке Ивановской Широкого Яковлева в деревнях «на Туске» значится Перка Костин да сосед его Пантешка, Игнатко Федоров да брат его Васко Перхин, а в деревне на Шатьзере — Васюк Кережа. В волостке Чикусурье значится Самша Иванов. В волостке Карганицы, «что была Ивановская Захарьина сына Овинова», писцы упоминают крестьян Орешко Перхина, Михайла да брата его Перха Юрьевых, Мишку да брата его Карпина Перхиных. В волостке Колмова монастыря упоминаются Самук Лукин да сосед его Пянтеж Сидоров да брат его Кирилло (Писцовые книги Обонежской пятины... Л., 1930. С. 238, 242–246).

⁹⁰ Писцовые книги Обонежской пятины... Л., 1930. С. 238, 241, 245.

⁹¹ Муллонен И.И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994. Карта на с. 4.

Археологические данные о Имоченском и Челмужском погостах в контексте древностей Юго-Восточного Приладожья и Прионежья

Следует напомнить, что первые раскопки курганов на **р. Ояти** были проведены Д. Европеусом (1877 г.), а в 1878–1884 гг. на соседних с Оятью реках — Паше и Сяси Н.Е. Бранденбургом было изучено около 200 курганов, что позволило создать фундаментальное исследование по археологии Юго-Восточного Приладожья X–XII вв.⁹² В конце 1920-х гг. новые раскопки на Ояти были проведены В.И. Равдоникасом, а в 1947–1948 гг. А.М. Линевский осуществил программу полного исследования курганных могильников Нижней Ояти и подготовил на этой основе статью «Общество Юго-Восточного Приладожья в XI в.»⁹³. Инвентаризацию курганных групп, исследованных ранее, проводили Г.С. Лебедев и В.А. Назаренко (1969 г.), а также С.И. Кочкуркина и А.М. Спиридонов (1982 г.), что нашло отражение в монографии «Курганы летописной веси» (1985 г.)⁹⁴ и «Археологической карте Ленинградской области» (1995 г.)⁹⁵. В 1970-х–1980-х гг. серию исследований о погребальном обряде курганов Юго-Восточного Приладожья подготовил В.А. Назаренко⁹⁶.

Благодаря археологическим данным ниже течение Ояти на этнокультурном уровне известно лучше, чем многие другие древнерусские микрорегионы. При этом наиболее изученным участком течения реки является именно территория Имоченского погоста (рис. 10). Из 170 курганных насыпей, исследованных на р. Ояти, на земли этого погоста приходится 122, причем бóльшая часть могильников изучена полностью⁹⁷.

Курганные могильники X — начала XIII в. «укладываются» в заселенные участки долины Ояти, которые известны как позднейшие погосты (рис. 12). Если следовать снизу вверх по течению реки, то на погост Сермакс приходится 3 курганных могильника, на Никольский — 8, на Имоченский — 12 могильников, 2 селища и клад, на Гедевский — 22 могильника,

⁹² Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья // Материалы по археологии России. СПб., 1895. № 18.

⁹³ Линевский А.М. Общество Юго-Восточного Приладожья в XI в. (По предварительным данным раскопок 1947–1948 гг.) // Известия Карело-финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР. 1949. № 1. С. 57–72.

⁹⁴ Кочкуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси X — начала XIII века. Петрозаводск, 1985.

⁹⁵ Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. Восточные и северные районы. СПб., 1995. С. 106–107, 109–115.

⁹⁶ Назаренко В.А. Погребальная обрядность приладожской чуди: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Л., 1983.

⁹⁷ Д. Европеусом и В.И. Равдоникасом изучено 19, а А.М. Линевским — 103 курганные насыпи.

на Соцкий — 8. Выше по течению курганных древностей нет, за исключением могильника в погосте Винницы в 75 км от Соцкого погоста⁹⁸.

Соотнести топографию курганных могильников XI — начала XIII в. со структурами расселения Имоченского погоста 1563 г. можно лишь в самом общем виде, поскольку селища X–XVI вв. и могильники XIII–XVI вв. здесь не выявлены (рис. 10). В нижней, западной, части погоста, на правом берегу Ояти, в XVI в. располагалось два поселения — Шангеничи и Шириничи. При первом из них исследованы две курганные группы.

Группа Шангеничи-лес (28 насыпей) располагалась к востоку от деревни на коренном берегу, в 0,25 км от р. Ояти, на высоте 23 м. Она содержала 6 трупосожжений и 20 трупоположений. В трупосожжениях 7 и 8 встречены скандинавские скорлуповидные фибулы (тип 51 по Я. Петерсону — рис. 11А, Б), однако по присутствию этноопределяющих украшений и особенностям погребального обряда финно-угорское происхождение погребений не вызывает сомнения. Четыре трупоположения совершены в срубках, в двух найдены тайники с черепами, три сопровождалась монетами. В кургане 4, включавшем мужское и женское трупоположения головой на восток, в захоронении женщины, погибшей от удара острым оружием по черепу, найдены привески из ранних дирхемов: омейядского — времени Хишама Васита 123 г.хр. (740/741 г.) и аббасидского — периода правления ал-Ма'муна 205 г.хр. (820/821 г.), кошелек с немецким денарием графа Германа (1059–1086 гг.) и вещи, датировка которых укладывается в XI в. В кургане 14 найдено парное трупоположение мужчины (без руки и с разбитой костью скулы) и женщины в яме, ориентированное на юг. На шее женщины найдена подвеска из византийской монеты Василия II и Константина VIII (класс II) (977–989 гг.), а при мужском скелете — половина немецкого денария Оттона I, чеканенная в Кёльне (936–962 гг.). Поскольку погребение не содержит выразительных вещей X — начала XI в., С.И. Кочкуркина не видит оснований для датировки его по монетам. В кургане 19 обнаружено два ориентированных на юг трупоположения в яме и захоронение черепа. При мужском встречен топор VI типа, при женском — четыре височных кольца, ожерелье из золоченых и серебряных бочковидных стеклянных бус и кошелек с немецкими денариями архиепископа Вильгельма Утрехтского (1054–1076 гг.), герцога Евера Ордульфа (1059–1071 гг.) и трех неопределенных монет, которые позволяют датировать погребение второй половиной XI в. В группе Шангеничи-село (13 насыпей) в кургане 3 найдены четыре височных кольца, полая пластинчатая

⁹⁸ Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. С. 115 (№ 1313–1315); с. 114, 115 (№ 1305–1312); с. 111–114 (№ 1290–1304); с. 110–111 (№ 1268–1289); с. 109–110 (№ 1258–1267); с. 107 (№ 1246).

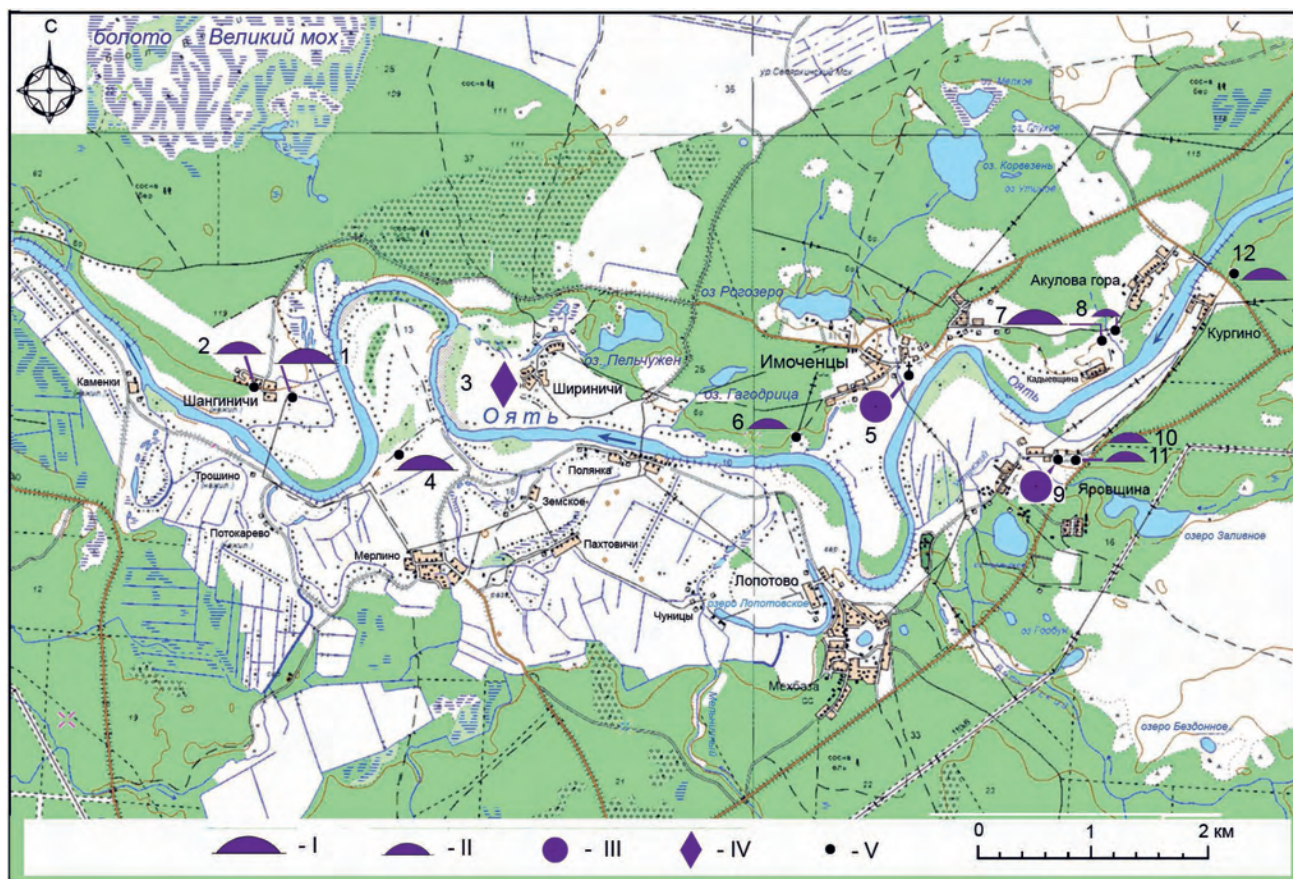

Рис. 10. Памятники археологии X–XIII вв. на территории Имоченского погоста на р. Оять. Основа — карта масштаба 1:100 000.

I — курганные могильники с более чем 20 насыпями; II — курганные могильники с менее чем 20 насыпями; III — селища; IV — монетный клад; V — точное местоположение памятника археологии. Список памятников археологии: 1 — курганный могильник Шангеничи-лес (28 насыпей); 2 — курганный могильник Шангеничи-село (13 насыпей); 3 — клад денариев у д. Шириничи (Смольково); 4 — курганный могильник у д. Мергино (28 насыпей); 5 — селище у церкви с. Имоченцы (Бор); 6 — находка меча в обрыве берега в 1928 г. в 1,5 км к юго-западу от с. Имоченцы; 7 — курганный могильник Акулова гора-1 (в парке имения В.Д. Поленова) (20 насыпей); 8 — курганный могильник Акулова гора-2 (в имении В.Д. Поленова) (3 насыпи); 9 — селище в д. Яровщина; 10 — курганный могильник Яровщина-1 (3 насыпи); 11 — курганный могильник Яровщина-2 (13 насыпей); 12 — курганный могильник Кургино (11 насыпей).

гривна, гривна глазовского типа и подвески из саманидского дирхема Наср ибн Ахмада (914–943 гг.) и английского денария Этельреда II (997–1003 гг.) типа «длинный крест». Поодаль, в кошельке, лежали 12 немецких денариев, позднейший из которых отчеканен в Ставерене при Экберте II (1068–1090 гг.). В целом погребения датируются X — началом XII в.⁹⁹ Исследователь могильника А.М. Линевский отнес его к «воинским заставам»¹⁰⁰.

⁹⁹ Кочкуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси... С. 35–72; Кочкуркина С.И. Приладожская курганная культура: погребения с монетами, весами и гирьками. Петрозаводск, 2013. С. 85–94.

¹⁰⁰ Линевский А.М. Общество Юго-Восточного Приладожья в XI в. С. 65–67.

В Ширинском найден клад из 213 денариев, из которых были определены 189 германских и один датский денарии, с позднейшей монетой 1070 г., что делает вероятным наличие здесь поселения в XI в., связанного с международной торговлей¹⁰¹. На противоположном, левом берегу Ояти, в 1 км к северу от д. Мергино и в 0,35 км от реки, на останце (220 × 100 м) среди заливных лугов, расположен могильник из 28 насыпей (раскопано 25). Центральный курган могильника (№ 10) состоял из двух круглых насыпей с трупосожжениями

¹⁰¹ Потин В.М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1967. Т. 9. С. 146.

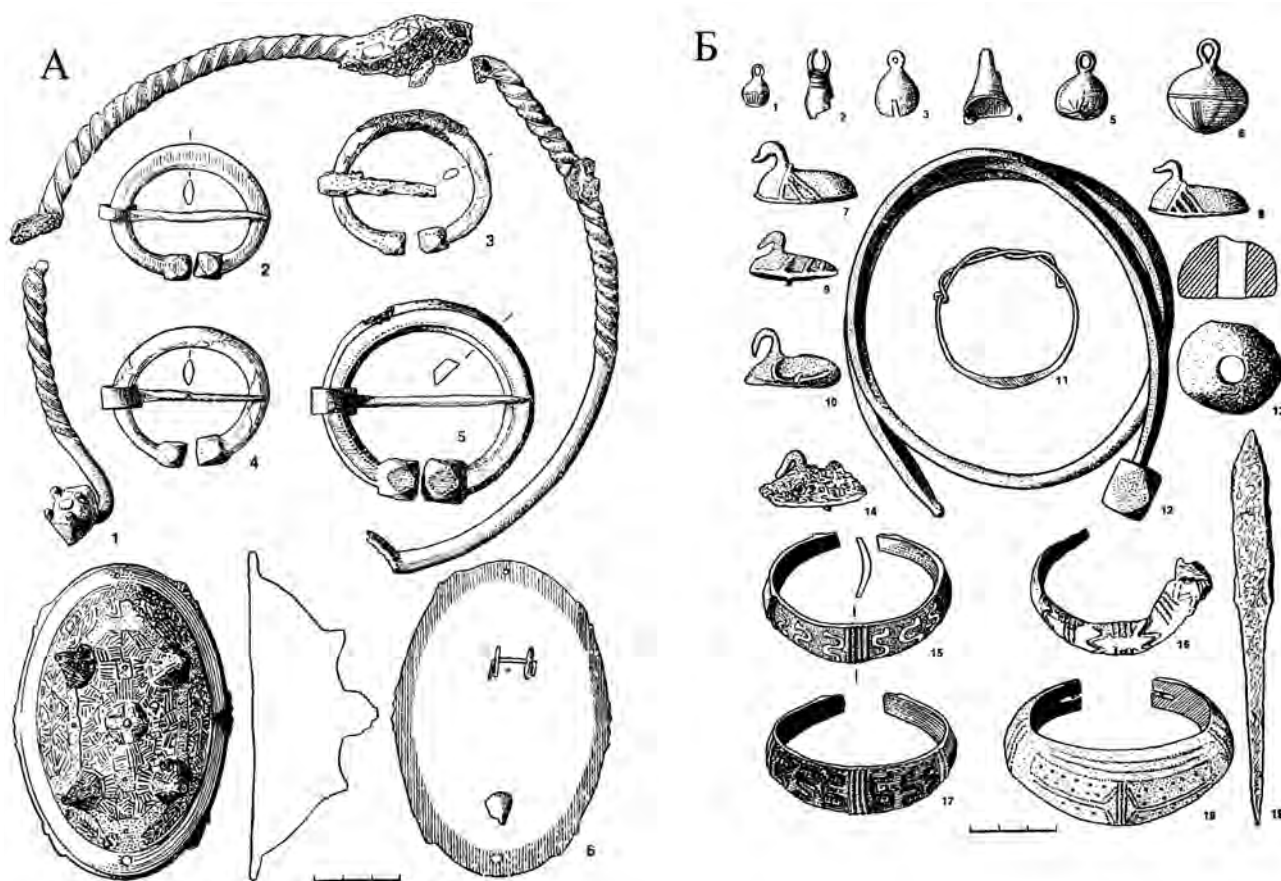

Рис. 11. Находки из курганного могильника Шангеничи-лес (раскопки А.М. Линевского 1947–1948 гг.). А — изделия из бронзы: гривна (1), подковообразные фибулы (2–5), овальная фибула (6); Б — изделия из бронзы: бубенчики и конусовидная пронизка (1–6), полые подвески-уточки (7–10, 14), браслеты (11, 15–18), гривна (12), пряслице глиняное (13), нож железный (19) (Кочкуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси X — начала XIII века. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 48, 39. Рис. 16, 17).

X — начала XI в. и двух удлиненных — с труположениями в срубках, сопровождавшимися погребениями черепов. В кургане 11 найдено два топора (V или VI тип) XI в. и немецкие денарии герцога Ордульфа (1059–1071 гг.) и графа Германа (1059–1071 гг.)¹⁰². Южнее, там, где к XVI в. сформировался массив полей с пятью деревнями (5 × 2 км), древнерусских памятников не найдено — видимо, эти земли были заселены лишь в XIV–XV вв. (рис. 10).

В центральной части погоста, в с. Имоченцы (Бор), у храма Рождества Богородицы, выявлено селище с круговой керамикой, однако время его появления не установлено¹⁰³. Ниже по течению

реки, в обрыве берега, в 1928 г. местным жителем найден меч X–XI вв. В.И. Равдоникас установил, что находка лежала на глубине 1 м и сопровождалась кальцинированными костями¹⁰⁴. Могильник не исследован, но, по-видимому, он маркирует еще одно поселение XI в. с воинским контингентом, которое отстояло от центра погоста на 1,5 км.

Выше с. Имоченцы по течению Ояти оба берега реки были освоены как в XI–XIII вв., так и в XIV–XVI вв. На правом берегу А.М. Линевским было раскопано 18 из 20 курганов могильника Акатова гора-1 (в парке усадьбы художника В.Д. Поленова), которую он также отнес к «воинским заставам», а ближе к усадьбе — еще один могильник из трех насыпей¹⁰⁵. Для этого

¹⁰² Кочкуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси... С. 72–87; Кочкуркина С.И. Приладожская курганная культура... С. 94–97.

¹⁰³ Кочкуркина С.И. Разведка по реке Ояти в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9433. Л. 10–11; Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. С. 114. № 1300.

¹⁰⁴ Равдоникас В.И. Отчет о палеоэтнологическом обследовании по рекам Оять, Паша и Сясь в 1928 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2 (ГАИМК). Оп. 1. № 113.

¹⁰⁵ Кочкуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси... С. 87–98; Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2... С. 113–114. № 1297, 1298.

могильника характерно разнообразие погребальных обрядов: квадратные курганы, трупосожжения в срубе и в могильной яме, трупоположения, сопровождавшиеся захоронением черепов (курганы 9, 11, 12, 16, 17), кострища. Могильник функционировал с XI по XIII в. Преобладали погребения вепсов, но имелись и погребения славян (курганы 16, 18)¹⁰⁶.

На левом берегу, на восточной окраине д. Яровщина, обнаружено селище с лепной и круговой керамикой и два курганных могильника, в которых Д. Европеусом было раскопано 3, В.И. Равдоникасом — 10 и А.М. Линевским — 3 насыпи. Большая часть курганов содержала трупосожжения X–XI в.¹⁰⁷ К северо-востоку от д. Кургино из 11 насыпей изучено 3, в том числе одно трупосожжение и два трупоположения, в одном из которых найден дирхем (с ушком для подвешивания) правителя из династии 'Укай лидов в Северной Мессопотамии (столица в Мосуле) — Му'таида ад-даул Кирваша, ал-Маусила 403 г. хр. (1012/1013 г.)¹⁰⁸ (рис. 10, 11). И наконец, у самой верхней по течению реки деревни погоста — Никоновщины — А.М. Линевским было изучено три небольших (по две насыпи) могильника с безынвентарными трупоположениями, которые, видимо, совершены в самом конце курганной эпохи¹⁰⁹.

Топографический обзор показывает, что население погоста XIV–XVI вв. использовало уголья, сформировавшиеся в X — начале XIII в., значительно расширив зону земледелия на левом берегу Ояти. В то же время лишь в четырех случаях из десяти можно предполагать преемственное развитие поселения с X по XVI в.¹¹⁰ В целом к 1375 г. Имоченский погост представлял собой новую структуру поселений по сравнению со структурой, существовавшей здесь в X — начале XIII в.

Курганные могильники Нижней Ояти, и в частности Имоченского погоста, фиксируют в X — начале XIII в. вепсское население¹¹¹. Около 5% курганов, главным образом первой половины XI в., отражают присутствие воинского контингента, что сочетается с наличием скандинавских вещей

¹⁰⁶ Кочуркина С.И. Приладожская курганная культура... С. 97–101.

¹⁰⁷ Кочуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси... С. 99–104; Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. С. 113. № 1294–1296.

¹⁰⁸ Кочуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси... С. 105–108; Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. С. 113. № 1293; Кочуркина С.И. Приладожская курганная культура... С. 101–103.

¹⁰⁹ Кочуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси... С. 108–109; Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. № 1290–1292. С. 111.

¹¹⁰ Этот показатель может увеличиться, если при обследовании существующих населенных пунктов будут обнаружены отложения XI–XIII вв.

¹¹¹ Назаренко В.А. Приладожская чудь // Финны в Европе. VI–XV века. Прибалтийско-финские народы: Историко-археологические исследования. М., 1990. Вып. 2. С. 82–93.

(в том числе женских украшений)¹¹². Подобные элементы, в более яркой форме представленные южнее — на р. Паше (Сязьниги — Вихмесь) и на Сяси (археологический комплекс у с. Городище), — трактуются исследователями как районы проживания смешанного вепско-скандинавского населения («колбяги») Ладожского ярлства, которым Ярослав Мудрый наделил свою супругу Ингигерд и которое находилось в управлении Ронгвальда (1020 — не позднее 1054 г.)¹¹³.

В отличие от Юго-Восточного Приладожья на берегах **Онежского озера** благодаря новейшим археологическим исследованиям изучены как памятники X–XIII вв. (поселения и могильники), так и селища XIV–XVI вв. В частности, благодаря многолетним разведкам и раскопкам А.М. Спиридонова в Челмужском погосте известно 8 селищ, курганный могильник и проведены раскопки на площади 308 кв. м¹¹⁴ (рис. 4), в Толвуйском, соответственно, 9 и 584 кв. м¹¹⁵, в Кижском — 21 и 984 кв. м¹¹⁶, в Шуйском — 18 селищ, могильник Шуя и 1350 кв. м¹¹⁷, в Шунгском — 2 селища (рис. 1).

Вблизи от центров погостов выявлены могильники и поселения с лепной и раннекруговой посудой, датируемые X–XI веками¹¹⁸. Одним из первых такой памятник был обнаружен в Челмужском погосте. В посвященной ему заметке 1890 г. говорилось, что восемь–девять насыпей, известных

¹¹² А.М. Линевский предполагал оседание здесь представителей варяжских дружин (Линевский А.М. Общество Юго-Восточного Приладожья в XI в. ...), однако сегодня антропологи говорят лишь об отдельных группах скандинавов (Санкина С.Л. О скандинавском присутствии на Русском Севере: могильник Куреваниха-2 (к историографии норманнской проблемы в антропологии) // Археологические вести. СПб., 1998. Вып. 5. С. 233–240).

¹¹³ Мачинский Д.А. Колбяги «Русской правды» и Приладожская курганная культура // Тихвинский сборник. По материалам историко-географической конференции. Вып. 1. Тихвинский, 1988. С. 99–103; Богуславский О.И. Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь в системе синхронных североевропейских древностей // Северная Русь и народы Балтики: Труды Института истории материальной культуры. СПб., 2007. Т. 24. С. 90–120; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005 (глава «Ладожское ярлство: «колбяги»»).

¹¹⁴ Спиридонов А.М. Заселение центра Челмужского Петровского погоста... С. 135–136; Спиридонов А.М., Чернякова И.А. К проблеме топографии... С. 32–49.

¹¹⁵ Спиридонов А.М. Средневековые поселения центра Толвуйского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. № 9.

¹¹⁶ Спиридонов А.М., Герман К.Э., Мельников И.В. Южное Заонежье в X–XVI вв. (Археология центра Кижского погоста). Петрозаводск, 2012.

¹¹⁷ Спиридонов А.М. Западное Прионежье: из «саамского железного века» в Средневековье. Петрозаводск, 2014; Он же. Колония эпохи викингов при устье Шуи под Петрозаводском // Ученые записки ПетрГУ. Серия «История». 2013. Август. № 5. С. 28–36.

¹¹⁸ Спиридонов А.М. Средневековое расселение в Прионежье (X–XVI вв.) // Рябининские чтения: Материалы конференции. Петрозаводск, 2011. С. 174.

Рис. 12. Обонежский ряд Новгородской земли в XIII–XV вв.

Местоположение Имоченского погоста на р. Ояти и современная территория проживания вепсов. I — погост; II — «волости новгородские», упоминаемые в договорах Новгорода с великими владимирскими князьями; III — современная территория проживания вепсов (Муллонен И.И. Очерки вепсской топонимики. СПб., 1994. С. 4); IV — восточная граница Новгородской земли; V — памятники археологии X–XIII вв. в нижнем течении р. Ояти; VI — территория Имоченского погоста, показанная на рис. 10. Основа — карта «Центр Новгородской земли в X–XV вв.» (Фролов А.А. Административная система центральных районов Новгородской земли в X — начале XVII в. в контексте истории территориальных юрисдикций // Историческая география. Т. 1. М., 2012) и Карта землевладения Белозерского края в конце XV в. (Копанев А.И. История землевладения Белозерского края в XV–XVI вв. М.; Л., 1951).

у крестьян как «сопки», расположены в 100–120 саженях от д. Кручихи¹¹⁹. В 1924 г. Б.Ф. Земляков обнаружил в разрушенной насыпи бронзовый браслет и наконечник копья. Раскопки курганов были проведены Беломоро-Байлтийской экспедицией ИИМК в 1934 г., работавшей в зоне строительства канала Беломоро-Балт. Сделанные крестьянами находки костей человека и бронзового браслета привлекли внимание археологов к уникальному для берегов Онежского озера курганному могильнику. Работы вели Г.П. Гроздилов и Н.Н. Чернягин. «На окраине д. Челмужи — отмечал Г.П. Гроздилов, — сохранилось 12 небольших насыпей, кучно расположенных на краю низкой террасы, у старого русла р. Нимены, впадающей в Онежское озеро»¹²⁰ (рис. 4 — старица к северу от селища 2). По мнению А.М. Спиридонова, могильник относится к раннему поселению, выявленному по находкам лепной и раннекруговой керамики в пределах селища Мочгуба (60 тыс. кв. м) к востоку от храма Петра и Павла (рис. 4, 2).

Наиболее крупные курганы имели в высоту до 2 м при диаметре 7–10 м, малые — не более 0,8 м при диаметре 5–7 м. Самый ранний курган был исследован в западной части могильника. Он содержал трупосожжение с двумя разбитыми горшками, каменным пряслицем, украшенным концентрическими кругами, бронзовой литой застежкой и пастовыми бусами. Остальные исследованные курганы располагались цепочкой вдоль берега р. Немены в восточной части могильника.

В кургане 2, на материке, зафиксирована могильная яма (3,75 × 3,6 м) глубиной 0,8 м, содержащая сруб из 6 венцов¹²¹. Сруб имел три стенки (северная стенка, обращенная к реке, отсутствовала), очаг из перекаленных камней и был перекрыт слагами, накрытыми кусками бересты. Внутри сруба, на подстилке из бересты, лежали три скелета, ориентированные головой на юг, — мужской и женский помещались рядом, второй мужской костяк поодаль. При женском костяке сохранилось множество украшений. У висков найдены колечки из серебряной проволоки, на груди — ожерелье из 9 сердоликовых граненых бусин, 446 стеклянных и пастовых бус и бисера, а также подвески из дирхемов и денариев. Сохранились застежки со следами ткани, нож. На левой руке был найден плоский браслет, а на поясе — две низки из бронзовых дутых бусин и 4 плоские литые бронзовые подвески с изображением коня со всадником и поляя фигурка уточки.

¹¹⁹ П.Д. Заметка о Челмужских сопках или курганах // Олонекские губернские ведомости. 1890. № 48. С. 487.

¹²⁰ Здесь и далее по: Гроздилов Г.П. Курганы у деревни Челмужи // Археологический сборник. Петрозаводск, 1947. С. 111–114.

¹²¹ Описание и анализ конструкции: Кочкуркина С.И. Приладжская курганная культура... С. 124.

Для изготовления привесок были использованы два саманидских дирхема — Нух ибн Мансура 378 г.хр. (988/989 г.) и Нух ибн Насра (годы правления 943–954) (чеканен в Самарканде), а также варварское подражание саманидскому дирхему. Две немецкие монеты чеканены в Регенсбурге герцогом Генрихом III (982–985 гг.) и в Наббурге герцогом Генрихом II (985–995 гг.), две чешские — Болеславом I (929–967 гг.) (целая и в обломках)¹²².

При мужском скелете обнаружены следы кожаного мешочка, кремь-огниво, костяной гребень с геометрическим рисунком. На поясе лежал нож в кожаном чехле, точильный брусок, бронзовое огниво с фигурной пластиной, у ноги — железные топор (тип VII) и втульчатый наконечник копья (тип III), у стенки сруба — три раздавленных лепных горшка (первый с выпуклым туловом, второй — баночной формы, третий — с выпуклым туловом и прямым венчиком, орнаментирован гребенчатым штампом) с обломком трубчатой кости молодого оленя. Еще один мужской костяк имел при черепе, серебряную бусину, а у пояса — кремневое кресало и железное кресало с прикрепленной к нему бронзовой пластиной с изображением двух борющихся медведей. Кроме того, найдены деревянная рукоятка ножа, обмотанная серебряной проволокой, железный топор (тип VII) со следами чехла и два лепных горшка (один баночной формы, другой — с округлым туловом и прямым венчиком). По сочетанию датированных находок курган отнесен С.И. Кочкуркиной к началу XI в.¹²³

В кургане 3 (высота 0,65 м, диаметр 5 м) на горизонте (на слое подзола) обнаружены два погребения, лежащие параллельно, но головами в разные стороны. По краям погребений прослеживались следы сруба. При одном из них на груди были найдены две бронзовые пуговицы, на поясе — обломки костяного складного гребня, в ногах — раздавленный горшок. Курган 4 (высота 0,55 м, диаметр 7 м) содержал остатки деревянного сруба (3,8 × 3,3 м), в котором лежали два мужских костяка. При первом найдены наконечник стрелы, два лепных горшка с вдавлениями треугольным штампом и волнистым орнаментом, топор, кремь, нож, огниво и обломки меча. При втором обнаружен лепной горшок, топор и 5 бронзовых бляшек.

Курган 5 (высота 0,9 м, диаметр 6,9 м) дал наиболее богатое погребение. На глубине 0,7 м в западной половине кургана был открыт лежащий на прослойке подзола (палеопочва), ориентированный по линии СВ–ЮЗ узкий сруб (0,65 × 2,92 м) из одного ряда бревен с тремя поперечными перемычками, рубленными «в обло», и сверху накрытый березовой

¹²² Кочкуркина С.И. Приладжская курганная культура... С. 125.

¹²³ Там же. С. 126.

корой. В срубе обнаружены женское и детское погребения, а рядом со срубом — мужское. Мужское погребение было разрушено. Женское сопровождалось множеством вещей: около шеи — ожерелье из 159 сердоликовых и стеклянных бусин (в том числе золотостеклянная), у черепа — два маленьких ромбоцитковых височных кольца, характерных для новгородских словен. В составе ожерелья оказались три монеты, использованные как подвески: 2 английские — Этельреда II (978–1016 гг.) (подражание), Эдуарда Исповедника (1042–1066 гг.), чешская Вратислава II (1061–1092 гг.) и 3 византийские: императоров Константина VII и Романа II (945–959 гг.), Василия II и Константина VIII (976–1025 гг.) и Иоанна Цимисхия (969–976 гг.). Вместе с бусами найдена бронзовая застежка с цепочками и привесками-крестами и фигуркой всадника с боевым топором. На руках у покойной были бронзовые браслеты с головками животных на концах и два пластинчатых серебряных перстня, на поясе — украшение с подвесками (ключами и ложечками), а у ноги — бубенчики и подвески (коньки, ложечки и крест). При детском скелете найдены бусы, в том числе сердоликовые бипирамидальные, а у черепа — проволочное височное колечко с тремя напущенными бусами¹²⁴. Погребение датируется второй половиной XI в.

Таким образом, на Челмужском погосте обнаружены поселение и могильник второй половины X — XI в., который демонстрирует сочетание вепсского погребального обряда, следов активной торгово-мелочной деятельности и доминирование древнерусской культуры.

На Кижском острове раскопками изучены следы усадеб этого времени в пределах селищ Наволок и Василево-2 (площадь 3,5 и 2,8 тыс. кв. м), расположенных, соответственно, в 0,6 и 1,6 км от погостских храмов и давших калачевидное кресало, фибулу с треугольным сечением дуги и коромысло для взвешивания монет¹²⁵.

Уникальные данные, раскрывающие характер подобных ранних военно-торговых факторий, получены на западном берегу Онежского озера, в районе Шуйского погоста (к северу от Петрозаводска). Поселения с лепной и раннекруговой посудой выявлены А.М. Спиридоновым в 1,7 км выше по течению р. Шуи от утраченного Никольского храма Шуйского погоста (селище Шуя-6, раскоп 136 кв. м), напротив храма (селище Шуйский погост-1), в 2,7 км ниже его по течению (селища Шуя-7, Шуя-8, местонахождение меча типа V или U по Я. Петерсону

(900–1050 гг.)) и на острове при впадении р. Шуи в Онежское озеро (селище Шуйский остров-6).

В 0,75 м выше Никольского храма по течению реки был открыт могильник Шуя, давший коллекцию предметов, отражающих дружинно-купеческую субкультуру эпохи викингов¹²⁶, которая ранее была известна почти исключительно по находкам из курганных могильников в Челмужском погосте¹²⁷ и Унской губе (Кокорино к северу от Шуйского погоста)¹²⁸. Оружие представлено мечом типа T-2 или V по Я. Петерсону (подобные мечи известны в среднем течении р. Паши) и боевыми топорами типа VI, IV или VI по А.Н. Кирпичникову. Из этноопределяющих украшений могут быть отмечены дротовые тордированные гривны, близкие к гривнам из курганного могильника Кокорино, подковообразные фибулы с гранеными головками, которые имеют аналогии с находками из окрестностей Повенца, Водлозера и р. Суны, обломки овально-выпуклых фибул типа 51 по Я. Петерсону и ладьевидные браслеты. Кресала типа 3 и 2 по Л.А. Голубевой найдены как в могильнике Шуя, так и в кургане 2 в Челмужах¹²⁹. Аналогии в Челмужском могильнике находят также подвеска-уточка и крест «скандинавского типа» из селища Шуя-6¹³⁰.

Интерпретируя подобные поселения и могильники, М.Г. Косменко — применительно к поселению Суна-6 — писал о «северных факториях населения курганной культуры Приладожья»¹³¹. А.М. Спиридонов рассматривает эти памятники более дифференцированно. Он полагает, что могильник Кокорино по погребальному обряду и инвентарю близок к синхронным погребальным памятникам на р. Ояти, тогда как могильники в Челмужах и на р. Шуйе имеют ряд отличий¹³².

Проведенные археологические исследования склоняют исследователей к выводу о том, что в XII — первой половине XIII столетия в освоении Обонежья наступает пауза, обусловленная нарушением налаженной системы транзитной торговли¹³³.

Новый этап колонизации берегов Онежского озера, сформировавший структуру расселения,

¹²⁶ Спиридонов А.М. Колония эпохи викингов при устье Шуи под Петрозаводском // Ученые записки ПетрГУ. Серия «История». Август. № 5. С. 28–36.

¹²⁷ Исследован в 1934 г. (Гроздилов Г.П. Курганы у деревни Челмужи... С. 111–114).

¹²⁸ Спиридонов А.М. Раннесредневековые памятники Кокорино // Заонежье (Заонежский сборник). Петрозаводск, 1992. С. 29–48.

¹²⁹ Спиридонов А.М. Западное Прионежье... С. 73–83; Кочуркина С.И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск, 1989. С. 250–252, 271.

¹³⁰ Спиридонов А.М. Западное Прионежье... С. 86.

¹³¹ Косменко М.Г. Многослойные поселения Южной Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 193–206.

¹³² Спиридонов А.М. Западное Прионежье... С. 57.

¹³³ Спиридонов А.М. Средневековое расселение в Прионежье (X–XVI вв.)... С. 174.

¹²⁴ Гроздилов Г.П. Курганы у деревни Челмужи... С. 111–114; Кочуркина С.И. Курганы северного побережья Онежского озера // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972. С. 103–112.

¹²⁵ Спиридонов А.М., Герман К.Э., Мельников И.В. Южное Заонежье в X–XVI вв. С. 55–56.

известную нам по описаниям конца XV в., начался во второй половине XIII — XIV в. Наиболее раннее поселение этого периода — Васильево-2 (исследовано 440 кв. м) — выявлено на Кижском острове. Найденные здесь браслетообразные височные кольца (бытовали до конца XIII в.), стеклянные браслеты (бытовали до середины XIV в.) и серьги (XIV–XV вв.) могли сосуществовать — с учетом радиоуглеродной даты 1290 ± 30 — в середине XIII — XIV в. Шесть селищ XIV в. обнаружены в Толвуйском, Челмужском, Шуйском и Кижском погостах¹³⁴. Наиболее надежные данные о заселении этого времени получены в 0,8 км к юго-западу от центра Толвуйского погоста, на селище Царевка-2 (1,5 тыс. кв. м, идентифицированном с одной из деревень, описанных в 1495/1496 г. при впадении р. Карбы в Каргубу (от вепс. *korb* — «глухой лес», «глушь», «дебри»¹³⁵) В ходе проведенных здесь раскопок (232 кв. м) найдены следы жилого сооружения, давшего комплекс керамики второй половины XIV — первой половины XV в. (58% белоглиняной и 42% красноглиняной), послуживший основой для создания типологии средневековой керамики XIV–XVI вв. Обонежья¹³⁶.

Выводы

Исследование Мировой грамоты Вымоченского погоста, шунгских смердов, толвуйан и кузарандцев с челмужским боярином Григорием Семеновичем и его детьми 1375 г. раскрывает механизмы функционирования новгородского погоста и позволяет описать некоторые его существенные характеристики: этнокультурные, институциональные и историко-ландшафтные.

Вепсы — потомки древних федератов Северной Руси IX–X вв. («чуди» Повести временных лет) — в первой половине XI столетия в рамках Ладожского княжения (ярлства) сформировали на Сяси, Паше и Ояти структуру погостов, предполагавшую активную роль местной элиты в управлении краем. Курганные древности Имоченского погоста второй половины X — XI в. дают яркое представление о материальной культуре, общественном укладе и мировоззрении одного из таких сообществ. Археологические исследования, проведенные на территории позднейших Челмужского, Толвуйского, Кижского и Шунгского погостов, показали, что в первой половине XI в. здесь возникли торговые и военно-торговые фактории, созданные носителями курганной культуры Юго-Восточного Приладожья

¹³⁴ Спиридонов А.М. Средневековое расселение в Прионежье (X–XVI вв.)... С. 175, 176.

¹³⁵ Зайцева Н.Г. Новый вепско-русский словарь. С. 175.

¹³⁶ Спиридонов А.М. Средневековые поселения центра Толвуйского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. № 9. Рис. 6, 7.

и положившие начало формированию структур по управлению Прионежьем, населенным тогда саамами. В Челмужском погосте, основанном на пути к оз. Выг и Белому морю, подобная фактория, как показали археологические исследования курганного могильника, существовала уже в начале XI в.

Судьба этих факторий в XII — первой половине XIII в. остается пока не проясненной, поэтому мы не имеем возможности судить о наличии или отсутствии институциональной преемственности между ними и погостами, возникшими в XIV в. на их месте. Тем не менее этническая преемственность сомнений не вызывает.

«Вепский след», проявившийся в Мировой грамоте 1375 г., как лакмусовая бумага, раскрывает нам механизмы колонизации на втором этапе заселения берегов Онежского озера, который по археологическим данным начался около середины XIII в. Оказалось, что с Ояти в Прионежье переселялись не отдельные семьи «новоприходцев», но группы насельников определенного погоста-метрополии, связанные кровнородственными узами. На новом месте они формировали дочерний погост по образу и подобию прежнего. Следует подчеркнуть, что переселения — как мы теперь знаем — происходили на весьма значительные расстояния (Имоченский погост отстоит от Челмужского на 380 км), что было возможным благодаря водному пути по Свири и Онежскому озеру (рис. 13, 14).

Участие старосты Имоченского погоста в споре жителей Заонежских погостов с боярским кланом в 1375 г. свидетельствует о том, что вепсы не только сохраняли свое активное присутствие в нижнем течении Ояти в этот период, но и продолжали контролировать свои дочерние погосты в Заонежье. При этом данные топонимии дают основание говорить о том, что именно они принесли в Заонежье древнерусские формы номинации, что свидетельствует об их двуязычии и присутствии среди них славянского компонента. Следовательно, на этническом уровне ситуация на Ояти оставалась неизменной на протяжении XIII и значительной части XIV в., а уход части вепсов в верхнее течение Ояти и их ассимиляция в нижнем течении имели место в XV в., а не ранее (рис. 12. III).

Мировая грамота, отражающая ситуацию третьей четверти XIV в., обнаруживает по обе стороны Повенецкого залива корпорации крестьян-«смердов». В Челмужском погосте наряду с рыболовным промыслом (на островах и «лудах» Онежского озера) ими были созданы пахотные угодья — как в центре погоста, так и на вновь осваиваемых землях «Пудозкой горы». Обустройство в суровом северном крае не могло не консолидировать эти сообщества и закрепить институции, на основе которых строилось их самоуправление.

Свидетельство Мировой грамоты 1375 г. о правах старосты Имоченского погоста Артемия Ори

Рис. 13. Нижнее течение р. Оять в районе Введено-Оятского монастыря. 2017 г.

Рис. 14. Челмужский погост и устье р. Немина с юга. Фото И.Г. Тимина. Июль 2019 г.

в решении поземельного спора жителей Челмужского погоста с боярами позволяет предполагать, что создание дочернего погоста происходило на определенной правовой основе, при которой в распределении земельных владений наряду с представителями

государства — новгородскими боярами-кормленщиками — участвовали и члены крестьянских корпораций. Не случайно они прямо перечислены в грамоте как правообладатели: «да шунския смерды Иванъ Герасимовъ да Василеи, прозвищемъ Стоиворъ

Рис. 15. Челмужский погост с юго-запада.
На переднем плане — погост. На среднем плане — д. Маркова Гора, д. Исакова (за дорогой) и старица.
На заднем плане: за р. Немена — д. Заречье. Фото Н. Андросенковой. Опубликовано 27 марта 2015 г.

Глѣбовъ, да Игнатеи, прозвище Игоча, да Осафеи Перфильевым дети, да и вси шунжане, и вси толвыяне, і вси кузарандцы, і вси вымоченцы»¹³⁷. Корпорация смердов Челмужского погоста в грамоте не упоминается, из чего можно заключить, что они рассматривались как часть «вымоченцев».

Таким образом, Мировая грамота 1375 г. фиксирует определенную стадию развития новгородского погоста, сопоставимую с кормленными волостями Центральной России. К сожалению, в нашем распоряжении пока нет источников, освещающих формы наделения земель смердов обонежских погостов.

В XIV в. на смену ранним военно-торговым факториям приходят поселения «торговых людей» — главным образом новгородцев, — из которых в основном формируется состав местных бояр-кормленщиков, образующих средний эшелон управления погостом («скотники» и «помужники»). Одно из таких поселений (д. Марковская) в Челмужском погосте удалось изучить более подробно (рис. 15). Оно контролировало устье р. Челмужи и имело собственный Богоявленский храм, который располагался рядом с мирским храмом

Петра и Павла. Вряд ли мы ошибемся, предположив, что именно здесь находилась резиденция «челмужского боярина» Григория Семеновича. Наместники и кормленщики, с помощью штата тиунов и доводчиков, обеспечивали сбор налогов, судопроизводство, контроль за торговлей, доставку дани из Беломорья по р. Выг («даннич путь»). Из их числа складывался круг вотчинников, которые после 1375 г. трансформировали кормленный погост в «боярщину».

Свидетельства Мировой грамоты 1375 г. интересны не только в плане истории Обонежской пятины. Они являются ключом для понимания механизмов функционирования погостов и на других территориях Древней Руси, которые в меньшей степени освещены письменными свидетельствами. В частности, в западной части Волго-Окского междуречья подобным же образом могло происходить заселение кривичами и новгородскими словенами Верхней Волги и Верхней Клязьмы. На этих землях, которые до 1130-х гг. управлялись из Новгорода, на протяжении длительного времени также могли сохраняться отношения погоста-метрополии и дочернего погоста, которые должны были учитываться их новыми сюзеренами — князьями Северо-Восточной Руси.

¹³⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 284. С. 285.

Источники

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. 1 / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 803 с.; Т. 3 / Сост. И.А. Голубцов. М.: Наука, 1964. 686 с.

Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. 8. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1859. 301 с.

7004 — 1495/96 г. Выпись на вотчину Вяжицкого Никольского монастыря в Егорьевском в Толвуче погосте из писцовой книги Юрия Константиновича Сабурова // Писцовые книги Новгородской земли. Т. 2. Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. / Сост. К.В. Баранов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 183–196.

Генеральный уездный план Повенецкого уезда 1788 г. // РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 67, 67а-д. Масштаб 1 верста в английском дюйме.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1949. 408 с.

Писцовая книга Обонежской пятины Андрея Лихачева и подьячего Ляпуна Добрынина 1563/1564 г. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1. Материалы по истории Карельской АССР. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1930. С. 57–254.

Писцовая книга Обонежской пятины Андрея Лихачева и подьячего Ляпуна Добрынина 1563/1564 г. Писцовые книги Новгородской земли. Т. 2. Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. / Сост. К.В. Баранов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 52–155.

Сказание о Тихвинской иконе Богородицы: Воспроизведение части рукописи // Известия Общества любителей древней письменности. XXXVIII. [СПб.: Тип. Императорской Академии Наук], 1892. С. 65–119.

Список литературы

Агапитов В.А., Логинов К.К. Формирование этнической территории и этнического состава группы заонежан // Заонежье: Сб. науч. статей / Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 1992. С. 61–76.

Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. / Руковод. авт. колл. А.Л. Шапиро. М.; Л.: Наука, 1971. 402 с.

Алексакин С.С., Белецкий С.В. Сфрагистические памятники Передольского погоста // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб.: ФГБУН ИИМК РАН, 2002. С. 205–206.

Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л.: Наука, 1966. 267 с.

Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Л.: Наука, 1980. 243 с.

Анкудинов И.Ю. Историко-географическое изучение Ильменского Поозерья // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2007. № 4 (49). С. 43–51.

Анкудинов И.Ю. Историко-географическое изучение окрестностей Новгорода Великого XV–XVII веков // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2010. № 3 (60). С. 27–35.

Барсов Е.В. Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае // ЧОИДР. М., 1868. Кн. 1. С. 20–63.

Белецкий С.В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. СПб.: Нестор-история, 2004. С. 243–319.

Богуславский О.И. Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь в системе синхронных североευропейских древностей // Северная Русь и народы Балтики:

Труды Института истории материальной культуры. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. Т. 24. С. 90–120.

Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья // Материалы по археологии России. СПб., 1895. № 18. 156 с.

Валк С.Н. Начальная история древнерусского частного акта // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. С. 285–318.

Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М.: Наука, 1974. 191 с.

Горский А.А. Русское средневековое общество: Историко-терминологический справочник. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. 416 с.

Гроздилов Г.П. Курганы у деревни Челмужи // Археологический сборник. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947. С. 111–114.

Данилова Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства Новгородской земли XIV–XV вв. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 440 с.

Жуков А.Ю. Управление заонежскими крестьянскими погостами в конце XV — начале XVII в. // Рябининские чтения. 1995 / Музей-заповедник «Кижы». Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1997. С. 266–271.

Жуков А.Ю. Формирование границ Карелии: крестьянское освоение территории и государство (XII–XVII вв.) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов: Гуманитарные исследования. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. Вып. 1. С. 7–19.

Зайцева Н.Г. Новый вепско-русский словарь. Петрозаводск: Периодика, 2010. 509 с.

Залевская Н.И. (Платонова Н.И.) К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 49–54.

Клеева А.В., Платонова Н.И. Золотое ювелирное изделие из Передольского погоста // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем Средневековье. СПб.: Нестор-история, 2009. С. 89–93.

Копанев А.И. История землевладения Белозерского края в XV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. 255 с.

Корецкий В.И. Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 437–450.

Косменко М.Г. Многослойные поселения Южной Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. 220 с.

Кочуркина С.И. Курганы северного побережья Онежского озера // Археологические исследования в Карелии. Л.: Наука, 1972. С. 103–112.

Кочуркина С.И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск: Карелия, 1989. 347 с.

Кочуркина С.И. Приладожская курганная культура: погребения с монетами, весами и гирьками. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 160 с.

Кочуркина С.И. Разведка по реке Ояты в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9433.

Кочуркина С.И., Линеvский А.М. Курганы летописной веси X — начала XIII века. Петрозаводск: Карелия, 1985. 223 с.

Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1995. Ч. 2. 232 с.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 639 с.

Лебедев Г.С., Платонова Н.И., Лесман Ю.М. Археологическая карта Верхнего Полужья (вторая половина I — первая половина II тыс.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 43–49.

Линеvский А.М. Общество Юго-Восточного Приладожья в XI в. (По предварительным данным раскопок 1947–1948 гг.) // Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР. 1949. № 1. С. 57–72.

Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М.: Изд-во МГУ, 1966. 211 с.

Мачинский Д.А. Колбьяги «Русской правды» и Приладожская курганная культура // Тихвинский сборник. По материалам историко-географической конференции. Тихвинский, 1988. Вып. 1. С. 99–103.

Муллонен И.И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 156 с.

Муллонен И.И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурным комментарием / Рец.:

А.С. Герд, К.К. Логинов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. 242 с.

Назаренко В.А. Погребальная обрядность приладожской чуди: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Л., 1983. 18 с.

Назаренко В.А. Приладожская чуда // Финны в Европе. VI–XV века. Прибалтийско-финские народы: Историко-археологические исследования. М.: ИА, 1990. Вып. 2. С. 82–93.

Платонова Н.И. Древнерусские погосты — новая старая проблема // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 328–388.

Платонова Н.И. Передольский погост в системе административного управления Новгородской земли // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. С. 322–329.

Платонова Н.И., Жеглова Т.А., Лесман Ю.М. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики: Труды Института истории материальной культуры. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 142–194.

Потин В.М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Труды Государственного Эрмитажа. Л.: Сов. художник, 1967. Т. 9. С. 106–188.

Равдоникас В.И. Отчет о палеоэтнологическом обследовании по рекам Оять, Паша и Сясь в 1928 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2 (ГАИМК). Оп. 1. № 113.

Санкина С.Л. О скандинавском присутствии на Русском Севере: могильник Куреваниха-2 (к историографии норманнской проблемы в антропологии) // Археологические вести. СПб.: ФГБУН ИИМК РАН, 1998. Вып. 5. С. 233–240.

Спиридонов А.М. Западное Прионежье: из «саамского железного века» в Средневековье. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 162 с.

Спиридонов А.М. Заселение центра Челмужского Петровского погоста (по археологическим материалам X–XVI вв.) // Европейский Север. История и современность: Тезисы докладов. Петрозаводск: Карельский научный центр АН СССР, 1990. С. 135–136.

Спиридонов А.М. Колония эпохи викингов при устье Шуи под Петрозаводском // Ученые записки ПетрГУ. Серия «История». 2013. Август. № 5. С. 28–36.

Спиридонов А.М. Раннесредневековые памятники Кокорина // Заонежье (Заонежский сборник). Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 1992. С. 29–48.

Спиридонов А.М. Средневековое расселение в Прионежье (X–XVI вв.) // Рябининские чтения: Материалы конференции. Петрозаводск, 2011. С. 173–176.

Спиридонов А.М. Средневековые поселения центра Толвуйского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск: Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижский», 2004. Вып. 9. С. 281–303.

Спиридонов А.М., Герман К.Э., Мельников И.В. Южное Заонежье в X–XVI вв. (Археология центра Кижского погоста). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. 165 с.

Спиридонов А.М., Чернякова И.А. К проблеме топографии и размеров сельских поселений на Северо-Западе России в XV–XVIII вв. (по письменным и археологическим материалам Заонежья) // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 1991. С. 32–49.

Фролов А.А. Административная система центральных районов Новгородской земли в X — начале XVII века в контексте истории территориальных юрисдикций // Историческая география. Т. 1 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Круг, 2012. С. 130–154.

Фролов А.А. К дискуссии о характере пожалование Юрьеву монастырю «Терпужского» погоста Ляховичи // Новгородский исторический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Вып. 9 (19). С. 57–65.

Фролов А.А. Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования. М., СПб.: Альянс-Архео, 2017.

Хрущов И. Заметки о русских жителях берегов реки Оять // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 2. СПб.: Тип. Майкова, 1868.

Чебаненко С.Б. Воздействие княжеской власти на общинные институты и процессуальные действия в сфере разрешения конфликтов в домонгольской Руси (XI — начало XIII в.) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2008. Вып. 2. С. 17–31.

Чернов С.З. Историческая география Взвядского погоста // Генезис и развитие феодализма в России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 104–112; карта.

Чернов С.З. Мужичи Площевичи: владения земель в раннемосковской волости XIV–XV вв. (археологическая экспертиза разьежей грамоты АСЭИ — I — 422) // История: Электронный научно-образовательный журнал. Т. 8. Вып. 8 (62). Собственность в средневековой Западной Европе (земля — власть — право) / Ред. П.Ю. Уваров, М.В. Винокурова, Е.Н. Кириллова, А.А. Майзлиш, Н.А. Хачатурян, С.К. Цатуров. М., 2017. [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001984-1-1> (дата обращения: 01.05.2018). DOI: 10.18254/S0001984-1-1.

Чернов С.З. Структуры землевладения Великого Московского княжества XIV–XV вв. по данным микрорегиональных комплексных исследований: Автореф. ... дис. д-ра ист. наук. М., 2005. 54 с.

Чибисов Б.И. «Дети карельские» в контексте этнической истории Северо-Западного Приладожья // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 2 (68). С. 18–25.

Чибисов Б.И. Этническая картина Новгородской земли в XV веке (неславянские этнические группы): Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 2018. 24 с.

Чибисов Б.И. Этническая картина Новгородской земли в XV веке (неславянские этнические группы): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 252 с.

Янин В.Л. К истории взаимоотношений Новгорода с князьями // Генезис и развитие феодализма в России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 92–104.

Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М.: Наука, 1981. 296 с.

Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М.: Наука, 1991. 383 с.

Янин В.Л. Новгородские посадники. М.: Языки славянской культуры, 2003. 512 с.

Hämäläinen M.M. Andreev F.A. Vepsä-venähine va-jehnik. M.; L., 1936.

С.З. Чернов

Два погоста — одно «племя»: Мировая грамота 1375 г. и механизмы вепсской колонизации новгородского Обонежья

Ключевые слова: Новгородская земля. Обонежская пятина. Вымоченский погост. Челмужский погост. Толвуйский погост. Юго-Восточное Приладожье. Вепсы. Палеостровский монастырь. Смерды. Вотчина.

Аннотация: «Мировая грамота Вымоченского погоста, шунгских смердов, толвуян и кузарандцев с челмужским боярином Григорием Семеновичем и его детьми 1375 г.» (ГВНИП. Л., 1949. № 284) рассматривается как источник, раскрывающий механизмы функционирования новгородского погоста (административное формирование, близкое к сотням Книги Страшного Суда (1085)). Автор опирается на новое понимание грамоты, предложенное Б.И. Чибисовым,

по которому вепсское население южного берега Ладожского озера создало дочерний *погост* на Онежском озере. Создание дочернего погоста исследуется в контексте формирования в Новгородской земле погостов как корпораций свободных крестьян — владельцев участков земли (смердов). Локализована граница Челмужского погоста, структура расселения и угодий на его территории. Благодаря археологическим данным, полученным А.М. Спиридоновым, определен период формирования этой корпорации (вторая половина XIII — первая половина XIV в.). Описан тип поселений «торговых людей» — место пребывания боярина Григория Семеновича и его потомков, превративших погост в вотчину в XV в.

S.Z. Chernov

Two pogosts — one «tribe»: The amicable agreement of 1375 and the mechanisms of the Veps colonization of the Novgorod Obonezhye

Keywords: Novgorod land. Obonejskaya Pyatina. Wymochenkiy pogost. Chelmujskiy pogost. Tolvuiskiyy pogost. South-Eastern Ladoga area. Veps. Paleostrovsky monastery. Smerds. Manor.

Abstract: “Amicable agreement between Wymochenkiy pogost, Shung smerds, tolvuens and kuzarands with the chelmujski lord Gregory Semenovich and his children, 1375” (ГВНИП. Л., 1949. No. 284) is considered as a source revealing the mechanisms of functioning of *pogost* in the Novgorod region (administrative formation resembling “hundreds” of Domesday Book (1085)). The author relies on a new understanding of the Charter proposed by B. I. Chibisov, according to which the Veps population

of the southern shore of lake Ladoga created a daughter *pogost* on lake Onega. The creation of a subsidiary administrative formation is studied in the context of the formation in the Novgorod land *pogosts* as community of free peasants possessions (“*smerd*”). Boundary, patterns of settlement and lands of Chelmujskiy *pogost* was localized. Thanks to the archaeological data obtained by A. M. Spiridonov, the period of formation of this community (the second half of the 13th — first half of the 14th century) was determined. Describes the type of settlement “trading people” — place of stay Lord Gregory and his descendants, who turned the “*pogost*” into a manor in the XV century.

Об обстоятельствах заключения союза Всеволода Святославича Чермного с Романовичами

Целью настоящей статьи является указание значения микроисторических исследований, позволяющих более точно, на наш взгляд, использовать свидетельства источников. В качестве отправной точки мы берем анализ хорошо знакомого исследователя¹, но фактически никогда тщательно и многосторонне не анализируемого следующего краткого фрагмента Галицко-Волынской хроники (Хроники Романовичей): «В та ж[e] лѣта кнѣжаше Всеволод[ъ] в[ъ] Киевѣ | С[ва]тославичь, | имѣа великою любовь къ дѣтем[ъ] Романовое»².

Начнем эти размышления с замечаний историко-ведческого характера. Приведенный отрывок (возможно, незавершенный или усеченный) является практически без контекста³ и во всех рукописях источника приводится в одном и том же месте, без существенных для нас отличий. При этом его размещение, несомненно, анахронично: данный фрагмент относится к периоду киевского правления Всеволода Святославича Чермного, скончавшегося летом 1212 г.⁴, но, несмотря на это,

он приводится среди сведений о событиях, разыгравшихся в Галицкой Руси и на Волыни после 28 сентября 1213 г., но до осени 1214 г. Их можно определить по принципу *terminus post quem* датой убийства Гертруды Меранской, первой жены венгерского короля Андраша II, что произошло 29 сентября 1213 г.⁵, и по принципу *terminus ad quem* — соглашением в Спиши между Андрашем II и польским князем Лешко Белым, датированным осенью 1214 г.⁶

Позволяет ли усомниться в достоверности этой заметки факт ее ошибочного размещения? На наш взгляд, нет. Здесь необходимо учитывать характер той части Галицко-Волынской хроники, в которой зафиксирован данный эпизод. Это, несомненно, часть Свода Даниила Романовича, прерывающегося на событиях 1258 г. (поход Бурундая на Литву) и отредактированного немногим позже. Эта часть Галицко-Волынской хроники носит сложный характер. Не исключено, что ее первая редакция появилась около 1246/1247 г.⁷ В ней, кроме прочих источников, мы видим использование многочисленных устных донесений. При этом следует согласиться с недавно высказанным мнением Адриана Юсуповича о том, что конкретный блок сведений, в который был внесен интересующий нас фрагмент, мог целиком возникнуть в окружении

¹ Паушто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 200; Dimnik M. The Dynasty of Chernigov 1146–1246. Cambridge, 2003 (Ed. 2. Cambridge, 2007). P. 269; Nagirnyj W. Polityka zagraniczna księstw ziemi halickiej i wołyńskiej w latach 1198(1199)–1264. Kraków, 2011. S. 165; Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna, Kraków, 2012. S. 73; Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) / Wydali, wstępem i przypisami opatrzyli D. Dąbrowski, A. Jusupowicz przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł, [w:] Monumenta Poloniae Historica nova series. T. XVI. Kraków; Warszawa, 2017 (далее — КНВ). Прим. 153 на с. 48–49.

² КНВ. С. 48. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. М., 2001. Стб. 729.

³ КНВ. Прим. 153 на с. 48–49.

⁴ Донской Д. Справочник по генеалогии Рюриковичей, ч. 1 (середина IX — начало XIV в.). Ренн, 1991. С. 93; Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 117; Войтович Л. Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 404. Ср.: Baumgarten N.

de. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du Xe au XIIIe siècle // Orientalia Christiana. Vol. IX–1. 1927. Num. 35. Табл. IV.

⁵ Huber A. Studien über die Geschichte Ungarns im Zeitalter der Arpaden, "Archiv für österreichische Geschichte". T. LXV. 1884. S. 163–175; Kosztolnyik Z.J. Hungary in the Thirteenth Century. New York, 1996. P. 46, 57; Ср.: Wertner M. Az Árpádok családi története. Nagy-Becskerekén, 1892. O. 419–420.

⁶ Włodarski B. Polityka ruska Leszka Białego. Lwów, 1925. S. 52.

⁷ Паушто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси... С. 68–92; КНВ. С. LXII–LXIX, LXXV.

княгини Романовой⁸, ведь она, бесспорно, еще жила в конце 1253 г.⁹ Можно предположить, что на основании этого донесения или рассказа кого-либо из приближенных автор редакции 1246/1247 гг. воссоздал описание событий, в числе которых появилось и упоминание о дружбе Всеволода Черного. Таким образом, его незначительное хронологическое смещение не должно удивлять. В другом месте мы предположили, что за таким смещением крылось несостоявшееся намерение зафиксировать факт выдачи за Михаила Всеволодича дочери Романа Мстиславича, который мог состояться в 1213 или 1214 г.¹⁰ Это был бы не единственный такой случай в нашем источнике: напомним, что автор той же редакции Галицко-Волынской хроники заявил о своем намерении описать историю возникновения Галича, что, однако, не было им исполнено¹¹. К проблеме даты заключения брака Михаила Всеволодича с Романовой обратимся чуть позже.

Если *terminus ad quem* проявления Всеволодом «большой любви к детям Романовой» не вызывает сомнений, то определение даты этого факта по принципу *terminus post quem* уже не столь очевидно и до сих пор не было предметом дискуссии в литературе. Для того чтобы выяснить этот вопрос, прибегнем к следующим аргументам. Разумеется, в первую очередь необходимо обратить внимание на сроки правления Всеволода Черного в Киеве, поскольку в нашем фрагменте четко обозначено: «В та ж[е] лѣта княжаше Всеволод[ъ] в[ъ] Киевѣ | С[ва]тославичѣ». Как известно, этот Ольгович княжил там трижды. Впервые это произошло между серединой августа и октябрём (?) 1206 г., во второй раз — между апрелем и концом октября 1207 г. и, наконец, в третий раз — с весны 1210 г. до середины июля 1212 г.¹² Как видим, два первых периода были слишком непродолжительными для того, чтобы могли возникнуть прочные дипломатические отношения с Романовичами. Такой вывод полностью подтверждается судьбами потомства Романа Мстиславича и его вдовы в тот период, а также наличием определенных действовавших в тот момент на Руси союзов и соглашений. Насколько известно, малолетний Даниил (родившийся около 1201 г.) благодаря венгерской поддержке получил формальную власть над всем государством павшего 19 июня 1205 г. отца до весны 1206 г. Именно тогда он лишился Галицкого княжества в силу

соглашения с венгерским королем Андрашем II, решившим посадить там Ярослава Всеволодича. Однако сына Всеволода Большое Гнездо опередил Владимир Игоревич — близкий родственник и союзник Всеволода Ольговича, которому удалось захватить Галич, прибыв туда за три дня до Ярослава¹³. Даже если действия Владимира не были направлены непосредственно против потомков Романа Мстиславича, поскольку незадолго до этого в силу соглашения Андраша II с Лешко Белым и группой русских князей уже было принято решение об ограничении их владений до Владимирского княжества, то и так в Галицко-Волынской хронике, отразившей придворную память о княгине Романовой и ее сыновьях, причиной потери Галича считался сговор местных бояр именно с Игоревичами, описанный следующими словами: «Малоу ж[е] времени ми[н]оув[ъ]ши, и приведоша Кормилчича, иже бѣ загал[ъ] | великий князь Романъ, невѣры ради, слова ж | бо Игоревича. Послушав[ъ]ше же ихъ галицкїи боаре, | и послаша по нихъ, и посадиша в Галичи Волдимера, Ро[м]ана въ Звинигородѣ. Княгини же Романова | възем[ъ]ши дѣти своа, бежа въ Волдимеръ»¹⁴.

Так или иначе, Романовичи отправились во Владимирское княжество, ставшее оплотом их вотчины. Они были изгнаны из него зимой 6714 г. (до 28 февраля 1207 г.) Владимиром Игоревичем, посадившим во Владимире своего брата Святослава¹⁵. Это изгнание стало уже вторым за непродолжительный период действием против Романовичей, на этот раз со стороны непосредственно Игоревичей. Обратим внимание на тот факт, что новые правители Галича вышли, таким образом, за рамки имевшихся у них наследственных прав. На Галицкое княжество они могли претендовать, будучи наследниками по материнской линии Ярослава Владимировича (так называемого Осмомысла), ведь их матерью была Ефросинья Ярославна¹⁶. Тем временем, изгнав Романовичей из принадлежавшей им вотчины, Игоревичи прибегли к политически мотивированному акту агрессии. Его причины красноречиво разъяснены в Галицко-Волынской хронике: «И еще ж[е] | хоташю Вълдимерю искоренити племя Рома[н]ово, поспѣвающим[ъ] же безбожным[ъ] галичанм[ъ]. По[с]ла же Вълдимеръ съ совѣтом галиц[ъ]ских[ъ] боаръ,

⁸ Jusupović A. Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) w latopisarskiej kolekcji historycznej. Kraków; Warszawa, 2019. S. 47.

⁹ Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów, książąt halicko-wołyńskich, Poznań; Wrocław, 2002. S. 43–44.

¹⁰ Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów... S. 53–56.

¹¹ КНВ. S. 25. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 722.

¹² Літопис руський за Іпатським списком / Перекл. Л. Махновець. Київ, 1989. С. 522.

¹³ ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. Стб. 427; Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264)... S. 43–47.

¹⁴ КНВ. S. 10–11. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 718.

¹⁵ КНВ. S. 11–13. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 718–719; Dąbrowski D. Dwa ruskie małżeństwa Leszka Białego. Karta z dziejów Rusi halicko-wołyńskiej i stosunków polsko-ruskich w początkach XIII wieku // Roczniki Historyczne. R. LXXII. 2006. S. 75.

¹⁶ Baumgarten N. de. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes. Табл. III, IV; Донской Д. Рюриковичи: Исторический словарь. М., 2008. С. 401, 672.

| нареч[е] а попум[ъ] к волвдимерцем[ъ], река им[ъ] “Не имат[ъ] встат[иса] град[ъ] вашъ, аще ми не выдасте Романовичов[ъ], | аще прїимете брата моего С[ва]тослава княжити || въ Волвдимери”¹⁷.

Вдова Романа с детьми вынуждена была бежать в Краков, где семья нашла убежище у Лешко Белого. Через определенное, но непродолжительное время князь Польши отправил Даниила в Венгрию к Андрашу II, оставив при себе вдовствующую княгиню с остальной частью семьи, а их пребывание продлилось не менее чем до 1208/1209 г.¹⁸ и сложно предполагать, что в тот момент княжна могла быть объектом какой-либо дипломатической заинтересованности со стороны Всеволода. Мало того, общеизвестно, что не позднее зимы 1208/1209 г. Лешко вместе со своим братом Конрадом организовал поход на Владимир. Он взял в плен сидящего там Святослава, посадив вместо него Александра Всеволодича Белзского¹⁹. Примерно в тот же период (по всей вероятности, зимой 1208/1209 г.) разгорелся конфликт между Владимиром и Романом Игоревичами, в ходе которого последний изгнал своего старшего брата из Галича, воспользовавшись венгерской помощью и завладев этим престолом²⁰. Если добавить к представленным аргументам наличие подтвержденного в данный период сотрудничества между Всеволодом Ольговичем и Игоревичами, ярко проявившегося прежде всего в виде участия последних в походе на Киев весны–лета 1207 г.²¹, то станет очевидно, что легший в основу наших размышлений фрагмент Галицко-Волинской хроники не может относиться к двум первым периодам правления в Киеве Всеволода.

Таким образом, можно перейти к третьему варианту. Исходя из ситуации Ольговича, проявление «большой любви к детям Романовой» теоретически имело бы смысл уже в начале третьего периода киевского правления, т.е. не ранее весны 1210 г. Однако это маловероятно, если учесть происходившие в тот период с Романовичами события и расстановку сил на Руси. Как известно, юный Даниил, которому в 1210 г. было без малого 10 лет, находился в тот момент в Венгрии. Его пребывание там, бесспорно, продолжалось до лета следующего года²². При этом Василько Романович,

вероятно с 1208/1209 г., правил в Бресте. По всей вероятности, при нем была мать с остальными членами семьи (сестрой князя)²³. Очевидно, в 1210 г. княгиня Романова обратилась с просьбой к Лешко Белому вынудить сидящего во Владимире и Белзе Александра Всеволодича поменять свои владения. Александру пришлось уступить и отдать Васильке Белз, заняв территорию, определяемую четырьмя населенными пунктами: Угровском, Верещином, Столпьем и Комовом. Не совсем ясно, но и не так важно с точки зрения наших размышлений, что произошло с Брестом²⁴.

Примерно в то же время, предположительно уже после захвата Всеволодом Киева, т.е. не ранее весны 1210 г., группа галичан обратилась к сидящему в Путивле Владимиру Игоревичу за помощью в изгнании венгров, осаждавших Галич с 1209 г. Просьба была выполнена. Игоревичам удалось оттеснить венгерские войска, и они поделились отвоеванным княжеством. Владимир вокняжился в Галиче, Роман — в Звенигороде, Святослав — в Перемышле, а Изяслав Владимирович — в Теребовле²⁵. Какое-то время спустя новые правители вступили в конфликт с группой подданных, после которого началось жестокое преследование боярской оппозиции²⁶. Обратим внимание и на участие в галицком походе Игоревичей Святослава, взятого в 1208/1209 г. в плен поляками. В литературе преобладают справедливые взгляды о том, что победившие Пясты довольно быстро договорились с пленником, а подтверждением такого соглашения стал брак Конрада I Мазовецкого с дочерью Святослава — Агафьей²⁷. В результате князь был освобожден из плена. Однако значит ли это, что параллельно могло быть заключено (например, при посредничестве Лешко Белого) соглашение Всеволода с Романовичами? Вряд ли, что, собственно, и подтверждают события позднего лета 1211 г.

Рассмотрим их детально. Именно тогда Игоревичам пришлось дать отпор выступившим в поход венгерским войскам, поддержавшим претензии на галицкий престол малолетнего Даниила Романовича. Добавим, что венгры заручились поддержкой

¹⁷ КНВ. S. 11–12. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 718.

¹⁸ Грушевський М. Хронологія подій Галицко-Волинської літописі // Грушевський М. Твори: У 50 т. Львів, 2005. Т. 7. С. 334, 379; Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264)... S. 66.

¹⁹ КНВ. S. 16–18. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 720; Грушевський М. Хронологія подій... С. 334, 379; Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264)... S. 58–64.

²⁰ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 107; Dąbrowski D. Dwa ruskie małżeństwa Leszka Białego... S. 75.

²¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 429; Грушевський М. Хронологія подій... С. 333, 379; Dąbrowski D. Dwa ruskie małżeństwa Leszka Białego... S. 75.

²² Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264)... S. 69–72.

²³ КНВ. S. 19. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 720–721.

²⁴ КНВ. S. 20. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 721; Грушевський М. Хронологія подій... С. 334, 379 (1209 г.?). Ср.: Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264)... S. 6. Не исключено, что в то время его взял Лешек Белый, который держал город еще в конце 1217 г.

²⁵ КНВ. С. 23–27. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 722–723; Грушевський М. Хронологія подій... С. 335, 379 (весной 1211 г.). Ср.: Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). S. 68. Прим. 143: там же обзор литературы и принятой датировки; Войтович Л. Галич у політичному житті Європи XI–XIV століть. Львів, 2015. С. 174.

²⁶ КНВ. S. 29–30. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 723–724.

²⁷ Włodarski B. Polska i Ruś 1194–1340. Warszawa, 1966. S. 44; Jasiński K. Rodowód Piastów małopolskich i kujawskich / Ed. Marek Górny. Poznań; Wrocław, 2001. S. 35–37.

дружины Василько Романовича из Белза, польского подкрепления во главе с Сулиславом Бернатовичем, направленного князем Польши Лешко Белым, отрядов Александра и Всеволода Всеволодичей из Владимира, Мстислава Немого из Пересопницы, а также войск из Луцка, Дорогобужа и Шумска, отправленных Ингваром Ярославичем под командованием его не указанного по имени сына²⁸. После ожесточенных боев союзники схватили Святослава и Романа, которые затем были повешены по настоянию галицких бояр. Вновь воссоединившееся Галицкое княжество возглавил Даниил, которого король Андраш II, несомненно, признал своим вассалом. Финал этих событий разыгрался, по сведениям Галицко-Волынской хроники, в сентябре 1211 г.²⁹

Таким образом, становится совершенно очевидно, что в тот момент не могло идти речи о каком-либо взаимодействии Лешко и Романовичей со Всеволодом Черным, имевшим прочные отношения с новгород-северскими родственниками. Однако возможно ли, что правитель Киева вскоре после беспрецедентного убийства Игоревичей во время похода, организованного в пользу Даниила, намеревался искать взаимопонимания с Романовичами? Это ключевой для определения достоверности анализируемого фрагмента вопрос, на который можно дать положительный ответ. Прежде всего, Всеволод Святославич — согласно новгородским летописям, относящимся не позднее чем к весне 1212 г., — обвинял смоленских Ростиславичей в подстрекательстве к убийству Игоревичей³⁰. Был ли это лишь предлог для изгнания из находящихся в пределах Руси владений членов этого рода? Ведь в Галицко-Волынской хронике, где галицкие события позднего лета 1211 г. описываются наиболее точно, вообще не упоминается об участии в них Ростиславичей, а вся ответственность за повешение князей возлагается на местных бояр и их желание отомстить за испытанную ими жестокость. Рассмотрим детально соответствующий фрагмент источника: «И́тым[ъ] же бывшим[ъ] князем[ъ] | Романоу, Ростиславоу, С[ва]тославоу. Оугршм[ъ] же хота[щим] [ъ] их[ъ] вести къ королеви галичане молащимса имь, | да быша их[ъ] повѣсили мѣсти ради. Оубѣжени же быв[ъ]ше | оугре великими дар[ъ]ми, предани быша на повѣше[н]іе м[ѣ]с[а] сен[та]бра»³¹. Как видим,

в нем даже венгры представлены в более выгодном свете (хотя и их, в конце концов, удалось подкупить), чем галицкие власть имущие. С другой стороны, полностью исчезли остальные участники похода во главе с Даниилом, который хотя и был в действительности лишь фигурантом, однако все осуществлялось от его имени и в его интересах. Таким образом, мы имеем дело с явным, вызванным идеологическими и политическими предпосылками искажением реальности, полностью подверженным более поздним и также не лишенным искажений польским сообщением XV в., достоверность которого прекрасно доказана Освальдом Бальцером³². Речь идет о свидетельстве родом из V доминиканской редакции Каталога краковских епископов: «Post hec Sulislaus castellanus Sandomiriensis secundum ducis Lestkonis mandatum cum exercitu Polonorum Russiam intrat et Swyantoslaum ducem patrem vxoris Conradi cum aliis quatuor ducibus captos in eculo miserabiliter suspendit, quoniam ita dux Lesthko iusserat»³³. Здесь мы видим подтвержденное польским источником активное участие поляков в казни. И хотя ведущая роль в ней Лешко Белого и исполнительская роль командующего его подкреплением была присвоена им источником из собственных соображений (подчеркивание значения польского правителя и специфический контекст эпизода), сам этот факт в Галицко-Волынской хронике замалчивается. Справедливости ради стоит подчеркнуть, что для упомянутого источника в целом характерно выставление галицких бояр исключительно в плохом свете — как врагов Романовичей. Кроме того, его редакция 1246/1247 г. была частично основана на так называемой Киевской летописи Ростиславичей³⁴, а сам Даниил Романович с 1217 г. был зятем Мстислава Мстиславича Удатного — одного из основных персонажей «смоленского лагеря» событий 1211–1212 гг.

Таким образом, с перспективы Даниилова двора не было причин выставлять Ростиславичей в невыгодном свете. Нельзя исключить и такой вариант: редактор соответствующей части Галицко-Волынской хроники не был осведомлен о каких-либо закулисных действиях смоленской линии Рюриковичей в 1211 г., тогда как вероятность их высока. *Во-первых*, Ростиславичи уже высказывали свои претензии на галицкий престол. Это сделал

²⁸ КНВ. S. 30–35. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 724–725.

²⁹ КНВ. S. 36–41. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 725–727. См., например: *Грушевський М.* Хронологія подій... С. 335, 379; *Пауто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси... С. 198; *Włodarski B.* Polska i Ruś 1194–1340... С. 47–49 (1210 г.); *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264)... С. 72–73. Прим. 161. Там же см. наиболее широкий обзор взглядов исследователей о дате события: *Александрович В., Войтович Л.* Король Данило Романович. Біла Церква, 2013. С. 46–48.

³⁰ ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 53, 251; Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 184.

³¹ КНВ. S. 40–41.

³² *Balzer O.* Genealogia Piastów / Wstęp do wyd. 2 J. Tęgowski. Kraków, 2005. S. 472–477.

³³ *Katalogi biskupów krakowskich // Monumenta Poloniae Historica series nova.* Т. X. 2. Warszawa, 1974. S. 90. («Затем кастелян судомирский Сулислав, согласно приказу Лешко с польскими войсками входит на Русь, и князя Святослава, отца жены Конрада, вместе с другими четырьмя пленными князьями скорбно вешает на виселице, потому что так приказал Лешко»).

³⁴ *Пауто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси... С. 21–67.

в 1205/1206 г. Рюрик Ростиславич³⁵, а затем в 1209 г. Ростислав Рюрикович³⁶. Нельзя не упомянуть и о том, что впоследствии прав на галицкий престол успешно добивался Мстислав Мстиславич Удатный³⁷. По нашим предположениям, это было связано с наличием у смоленских Рюриковичей наследственных прав на Галич по материнской линии³⁸. Во-вторых, Ростиславичи целенаправленно боролись с Всеволодом Святославичем за Киев и господство на Руси в узком смысле этого понятия. Мало того, на наш взгляд, они поддерживали хорошие взаимоотношения и с Лешко Белым, женой которого примерно в то же время стала (на наш взгляд) Гримислава — дочь тесно связанного с Мстиславом Мстиславичем Ярослава Владимировича³⁹. В целом нанесение удара Игоревичам даже косвенно — при помощи дипломатии и интриг — было для них как нельзя кстати, поскольку в результате ослабляло Всеволода Чермного.

Заключение соглашения между киевским князем и новым правителем Галича и его семьей в ситуации острого, разыгравшегося на разных фронтах соперничества Всеволода Чермного и Ольговичей с Ростиславичами за господство на юге Руси является наиболее вероятным из рассматриваемых решений. Учитывая время, необходимое на проведение переговоров, соглашение могло быть заключено еще в конце 1211 г. При этом вряд ли стоит передвигать дату заключения соглашения вперед — в связи с общеизвестными событиями поздней весны 1212 г.

Причины заключения союза проступают довольно четко. Для Всеволода это было прежде всего восстановление утраченных после падения Игоревичей связей с Галичем и предотвращение вступления Даниила в коалицию, создаваемую Ростиславичами. Использованный летописцем оборот: «имѣа великою любовь къ дѣтем[ъ] Романовое» — наталкивает при этом на мысль, что киевский князь представлял в этом соглашении инициативную и более сильную сторону. Сквозь цитируемые слова проглядывает также

характер этих взаимоотношений. Всеволод покровительствовал малолетним Романовичам. Таким образом, не удивляет тот факт, что он не считал Даниила ответственным за смерть Игоревичей, хотя с формальной точки зрения мог это сделать. Несмотря на то что потомки Романа Мстиславича были в тот момент слишком юны, они находились под попечительством матери, обладавшей, по многочисленным свидетельствам, незаурядными дипломатическими способностями. Кроме того, они располагали значительными военными силами (дружиной отца) и владениями на Волыни, что с перспективой Всеволода могло в какой-то мере нейтрализовать позицию Ингвара Ярославича, остававшегося, как показали события середины 1212 г., в союзе с Ростиславичами. Косвенно более ранние связи восточноволынского старейшины из смоленской линии Рюриковичей демонстрируют также его вовлеченность в борьбу против ту-ровских и пинских князей, участвовавших весной-летом 1207 г. вместе с Владимиром Игоревичем в крупном походе Всеволода Чермного на Рюрика Ростиславича и его родственников⁴⁰. Тем временем, как известно по сообщениям Галицко-Волинской хроники, Ингвар по договоренности со своим младшим братом Мстиславом и Лешко Белым в конце 1207 или в начале следующего года разбил отряды Владимира Пинского, напавшие на Западную Волинь⁴¹.

Связь с тогдашним киевским князем давала Романовичам потенциальный шанс укрепить независимость от короля Венгрии Андраша II, считавшего себя их сюзереном. Во-вторых, она упрочивала значение рода на Волыни по отношению к Ярославичам, в частности к Ингвару, а также (в первую очередь) по отношению к основному сопернику в западной части Волыни — Александру Всеволодичу, который в интересующий нас период получил преимущество перед Романовичами, заняв основной град этого владения — Владимир⁴². Возможно, княгиня Романова и ее советники (которые, несомненно, отвечали за заключение соглашения) рассчитывали также на укрепление шаткой позиции семьи в галицком окружении.

Так или иначе, кажется очевидным фактом, что союз был скреплен браком дочери Романа Мстиславича с Михаилом Всеволодичем. Состоялся ли он сразу же? Сложно ответить однозначно на этот вопрос, а причиной такого положения вещей является в первую очередь тот факт, что мы не располагаем никакими сведениями о более раннем периоде жизни Романовны: в источниках отсутствует

³⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 717–718; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425–427; *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). S. 39–40, 43–45; *Войтович Л.* Галич у політичному житті Європи... С. 169–171.

³⁶ *Dąbrowski D.* Dwa ruskie małżeństwa Leszka Białego... S. 75–76. Ср.: *Грушевський М.* Хронологія подій... С. 335, 379 (1210 г.).

³⁷ *Домбровский Д.* Вступление Мстислава Мстиславича в борьбу за Галич // *Средневековая Русь.* М., 2012. [Вып.] 10. С. 170–196; *Головко О.* Князь Мстислав Мстиславич «Удатный» і його доба. Кам'янець-Подільський, 2017. С. 92–139.

³⁸ *Dąbrowski D.* Genealogia Mściśławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2008. S. 132–134; *Он же.* Генеалогія Мстиславичей: первые поколения (до начала XIV в.). СПб., 2015. С. 133–134.

³⁹ *Dąbrowski D.* Dwa ruskie małżeństwa... S. 67–93; *Он же.* Генеалогія Мстиславичей... С. 642–648.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 429.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 720; *Dąbrowski D.* Dwa ruskie małżeństwa... S. 77–78.

⁴² КНВ. С. 16–18, 19–21, 35, 49, 52, 55. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 720–721, 725, 729–731.

прямая информация о ее браке с Михаилом. Как и прежде, исследователи для определения срока обручения интересующей нас пары обращали внимание на сведения из жизни их детей, не принимая во внимание политическую ситуацию. Начнем с жизнедеятельности детей. Что касается вопросов, связанных с браком Михаила с Романовной, обратим внимание в первую очередь на три аргумента. Из крайне малодостоверного, наполненного абсурдными сведениями, более позднего, составленного во второй половине XVI в. источника, которым является Житие Евфросинии Суздальской редакции Григория, известно, что дочь Михаила в возрасте 15 лет собирались выдать замуж за суздальского князя Мину Ивановича, однако тот скончался в день бракосочетания⁴³. Исследователи с определенными оговорками отождествляют жениха с Федором, сыном Ярослава Всеволодича⁴⁴. Однако, даже если упомянутое отождествление и сведения из Жития принять за чистую монету, следует упомянуть, что князь скончался 10 июня 1233 г.⁴⁵ Годом рождения его невесты (если это вообще была Михайловна) следовало бы считать, таким образом, 1218-й, а не 1211-й или ближайšie к нему годы, как это определяли исследователи⁴⁶. Кстати, сам Федор, действительно скончавшийся в день подготавливаемого бракосочетания, родился, согласно некоторым исследователям, около 1218 г.⁴⁷, по мнению других — в 1219 г.⁴⁸, а по мнению третьих — в 1220 г.⁴⁹ Определенно более подходящей по возрасту была для него княжна, родившаяся около 1218-го, а не около 1211 г. Очередным аргументом из анализируемой области могут стать сведения о юности сына Михаила — Ростислава. Здесь мы опять сталкиваемся с их скудностью и небольшой пригодностью для наших размышлений. Тем не менее приведем их. Этот сын Михаила впервые упоминается в Новгородской первой летописи лишь между 28 апреля и 17 декабря 1229 г.⁵⁰ К тому же неизвестно, сколько лет ему было в тот момент. Согласно тому же источнику, в следующем, 6738 (1230) г., после 19 мая, Ростислав был пострижен по приказу отца⁵¹. В свою очередь, по сведениям

Галицко-Волынской хроники, в 1238 г. Ростислав самостоятельно правил в Галиче и возглавил поход на Литву⁵². В частности, именно последний факт позволяет высказаться о возрасте князя: в 1238 г. ему должно было быть не менее 17–18 лет. В таком случае приблизительным годом его рождения следовало бы считать не позднее чем 1221-м, с возможностью смещения даты рождения на определенное время назад⁵³. Здесь стоит упомянуть о том, что в литературе можно встретить случаи некритичного повторения непроверенных или основанных на изначально ошибочных предположениях взглядов на концепцию о рождении Ростислава в 1219 г., у основ которых находится абсурдное утверждение Филарета (Гумилевского): «Старший из 5 братьев Феодули Ростислав посажен на коня в 1231 г., а ето бывало на 12 году»⁵⁴. Что касается второго предложения (т.е. 1223 г.), его основа также весьма сомнительна и непрочна — это непроверенное утверждение Василия Татищева о том, что интересующий нас сын Михаила и Романовны был пострижен в 1230 г., в возрасте 7 лет⁵⁵.

Однако ключевой с нашей перспективы является информация Лаврентьевской летописи о выдаче зимой 6735 г. дочери черниговского князя Михалковны за Василька Константиновича. Точно указанная дата «введения» молодоженов в Ростов («в первую субботу Поста месяца февраля на 12-й день»⁵⁶) позволяет бесспорно понять, что мы имеем дело с дионисийским 1228 г.⁵⁷ Как видим, это единственная конкретная информация, если речь идет о существенных для нас событиях из жизни детей Михаила и Романовны. На ее основании и с учетом правовой системы, функционировавшей на Руси, можно полагать, что княжна

⁵² КНВ. С. 203–204. Ср. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 777.

⁵³ Ср.: *Зотов Р.В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 284: 1223 г.; *Баумгартен Н.А.* Старшая ветвь Черниговских Рюриковичей // Летопись Историко-родословного общества в Москве. Год 2. 1906. Вып. 4. С. 14: 1223 г.; *Власев Г.А.* Потомство Рюрика: Материалы для составления родословий. Т. 1: Князя черниговские. Ч. 1. СПб., 1906. С. 16: 1219 г.; *Grala H.* Drugie małżeństwo Romana Mściławowicza... S. 125: 1225–1227 гг.; *Войтович Л.* Княжа доба на Русі... С. 418: ок. 1219 г.; *Донской Д.* Рюриковичи: Исторический словарь... С. 537: ок. 1223 г.; *Мандзяк В.* Ростислав Михайлович — “dux Galiciae et imperator Bulgarorum” // Княжа Доба. Історія і культура. Т. 5. Львів, 2011. С. 133–134: 1219 г.; *Харди Б.* Итинерарий Ростислава Михайловича. Сремска Митровица; Нови Сад, 2019. С. 19–20: 1223 г.

⁵⁴ *Филарет, архиепископ Черниговский [Гумилевский].* Русские святые, чтимые всей церковью или местно. Опыт описания жизни их. [Отделение 2.] Май, июнь, июль, август. СПб., 1882. С. 121. Прим. 221.

⁵⁵ *Татищев В.Н.* История российской. Ч. 2 (вторая редакция) // Собр. соч. М., 1995. Т. 2–3. С. 226; Ч. 2 (первая редакция) // Т. 4. С. 369.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 450.

⁵⁷ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания... С. 107–108.

⁴³ Житие Евфросинии Суздальской // *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М., 2001. С. 381–383.

⁴⁴ *Grala H.* Drugie małżeństwo Romana Mściławowicza // *Slavia Orientalis*. R. XXXI. 1982. Nr. 3/4. S. 125; *Донской Д.* Рюриковичи. Исторический словарь... С. 627.

⁴⁵ *Донской Д.* Рюриковичи. Исторический словарь... С. 627.

⁴⁶ *Войтович Л.* Княжа доба на Русі... С. 418.

⁴⁷ *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси... С. 184.

⁴⁸ *Baumgarten N.* de. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes. Табл. X; *Войтович Л.* Княжа доба на Русі... Р. 568.

⁴⁹ *Донской Д.* Рюриковичи. Исторический словарь... С. 627.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 1. С. 68; *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 269.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 1. С. 69.

родилась не позднее 1216 г. Очевидно, она была также старшим ребенком своих родителей, упомянутым в источниках. В этой ситуации можно принять, что брак Михаила и Романовны был заключен не позднее конца 1214 — начала 1215 г.

Отметим также (поскольку это немаловажный факт), что, приняв аргументацию Иеронима Грали о происхождении выданной за Михаила княжны от второго, византийского брака Романа Мстиславича, следовало бы считать годом ее рождения 1199-й или 1200-й⁵⁸. Этот параметр удивительно хорошо согласуется с «поздними» датами рождения детей Михаила и Романовны. С другой же стороны, нельзя полностью исключить идентификацию жены Михаила как Федоры — дочери Романа Мстиславича от первого брака. Разумеется, это маловероятно, — ведь в начале второго десятилетия XIII в. ей могло быть предположительно 26 лет — 31 год. Мало того, до этого она уже была однажды помолвлена. Тем не менее, несмотря на условность всей конструкции — если предположить, что она родилась около 1185 г., — ее разница по возрасту с Михаилом была незначительной, а ее возраст — детородным. Мы представляем здесь этот вывод лишь схематично, демонстрируя на его примере, сколь невелики еще наши знания о генеалогии важных ветвей Рюриковичей.

Перейдем к обсуждению аргументов политического характера. Известно, что после смерти отца сравнительно молодой Михаил мгновенно утратил свое значение. Очевидно, он получил какой-то удел на Черниговщине. По сути, мы не встречаем никаких конкретных сведений о нем вплоть до съезда русских князей перед битвой на Калке в начале 1223 г., когда он (а также Даниил) был перечислен в числе «младших» князей⁵⁹. В свою очередь, если речь идет о Романовичах, на протяжении нескольких лет, начиная с 1212 г., их судьбы были весьма бурными. И хотя предположительно уже в 1212 г. в результате венгерского вмешательства вдовствующая княгиня вернулась в Галич, однако она вновь была изгнана оттуда, на сей раз вместе с Даниилом, возможно, летом 1213 г. Они вдвоем отправились в Венгрию и, по всей вероятности, осенью того же года переехали к Лешко Белому. Тем временем под давлением князя Польши и Александра Всеволодича Василько Романович вынужден был переехать в Каменец на Случи. Спустя некоторое время к нему присоединились брат с матерью. К этому моменту владения Романовичей сократились до небольшой территории, находящейся на юго-восточном пограничье Волыни и Киевщины. Это произошло, вероятно, в конце 1213 — начале

1214 г. Несколько месяцев спустя, не позднее ранней осени 1214 г., Романовичи при поддержке Лешко Белого получили от Александра Всеволодича Тыхомль и Перемышль. На следующий же год, благодаря поддержке польского князя, они завладели Владимиром, что основательно укрепило и стабилизировало их позицию⁶⁰.

Как видим, дальнейшие судьбы Романовичей фактически исключают выдачу княжны из их дома за Михаила Всеволодича между серединой 1212 и переломом 1213/1214 г. Основную часть этого периода княжна Романовна и Даниил скитались, и, даже если где-то на Руси имели свои владения, это были непродолжительные периоды с малообещающими перспективами. Лишь с 1213/1214 г. они поселились на клочке бывшего государства Романа, постепенно расширяя свои владения. Таким образом, чисто теоретически можно предположить, что вторым сроком заключения брака Романовны с Михаилом Всеволодичем был приблизительно 1214 год (до осени). Однако с учетом всей представленной выше аргументации это решение следует признать гораздо менее вероятным, чем альтернативное (конец 1211 — первая половина 1212 г.). Таким образом (и в этом есть своего рода парадокс), совершенно иным путем, проложенным с помощью точного доказательного процесса, мы приходим к результату, полученному Геннадием Власевым⁶¹ и некритично принятому целым рядом исследователей⁶². Позволим заметить (поскольку это немаловажно с методологической точки зрения), что российский ученый не представил ни оснований для своего вывода, ни источников, с помощью которых он пришел к нему.

Перейдем к выводам. Союз между Всеволодом Святославичем Чермным и Романовичами оказался крайне непродолжительным, что, впрочем, было нередким для того времени явлением. Причиной такого положения вещей стал поход Ростиславичей на Ольговичей весной 1212 г., в котором Ростиславичей поддержал Ингвар Ярославич. Как известно, война закончилась поражением черниговского лагеря. Сам Всеволод, изгнанный из Киева, умер в заточении, в осажденном

⁶⁰ *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264)... S. 75–85.

⁶¹ *Власев Г.А.* Потомство Рюрика: Материалы для составления родословий. Т. 2. Ч. 1: Князья владимироволынские. Пг., 1918. С. VIII.

⁶² *Baumgarten N. de.* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes. Табл. XII (ок. 1211 г.); *Dworzaczek W.* Genealogia. Tablice. Warszawa, 1959. Табл. 27, 29 (ок. 1211 г.); *Dimnik M.* Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev 1224–1246. Toronto, 1981. P. 11 (до 1212 г.); *Europäische Stammtafeln. Stammtafeln zur Geschichte Europäischen Staaten. Neue Folge / Hrsg. Detlev Schwennicke.* Bd. II. Marburg, 1984. Табл. 131 (ок. 1211 г.); *Донской Д.* Справочник по генеалогии Рюриковичей. Ч. 1. С. 129 (ок. 1211 г.); *Он же.* Рюриковичи: Исторический словарь... С. 466. (ок. 1211 г.).

⁵⁸ *Grala H.* Drugie małżeństwo Romana Mścistawowicza... S. 125.

⁵⁹ КНВ. S. 92. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 741.

захватчиками Чернигове⁶³. У Романовичей, естественно, не было никаких шансов поддержать Всеволода. Намеревались ли они вообще это делать? Не исключено при этом, что Ростиславичам удалось склонить благоприятствовавших им власть имущих галичан изгнать мать Даниила, которая, по всей вероятности, покинула Галич и сына именно во второй половине 1212 г. Даже если предположить ее намерение поддержать Ольговичей, междоусобие в княжестве и переход контроля над малолетним

Даниилом к боярам должны были расстроить такие планы. Наличие связи между изгнанием княгини Романовой и войной за Киев кажется более чем вероятным.

Единственным прочным результатом соглашения стал брак Михаила Всеволодича с Романовой. Своего рода историческим парадоксом является тот факт, что деверь Даниила и Василько, а также его сын Ростислав надолго (1235–1245 гг.) превратились в основных врагов Романовичей в борьбе за Галич, основывая, по всей вероятности, свои права на него именно на браке Михаила с Романовой.

⁶³ ПСРЛ. Т. 25. С. 109.

Список литературы

- Александрович В., Войтович Л.* Король Данило Романович. Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2013. 238 с.
- Баумгартен Н.А.* Старшая ветвь Черниговских Рюриковичей // *Летопись Историко-родословного общества в Москве*. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1906. Год 2. Вып. 4. С. 13–16.
- Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 376 с.
- Власьев Г.А.* Потомство Рюрика: Материалы для составления родословий. Т. 1: Князья черниговские. Ч. 1. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906. 666 с.
- Власьев Г.А.* Потомство Рюрика: Материалы для составления родословий. Т. 2: Князья владимирово-волынские. Ч. 1. Пг.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1918. 128 с.
- Войтович Л.* Галич у політичному житті Європи XI–XIV століть. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2015. 478 с.
- Войтович Л.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2006. 784 с.
- Головко О.* Князь Мстислав Мстиславич «Удатний» і його доба. Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2017. 272 с.
- Грушевський М.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописі // *Твори: У 50 томах*. Львів: Світ, 2005. Т. 7. С. 327–387.
- Домбровский Д.* Вступление Мстислава Мстиславича в борьбу за Галич // *Средневековая Русь: [Сб. ст.] / Редкол.: А. А. Горский (отв. ред.) [и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории, Ин-т российской истории*. М., 2012. [Вып.] 10: К 1150-летию зарождения российской государственности. М.: Ин-дрик, С. 170–196.
- Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.) / *Пер. и вступ. слово к рус. изд. К. Ерусалимского, О. Остапчук*. (= *Studiorum Slavicorum Orbis*. Вып. 10). СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 879 с.
- Донской Д.* Рюриковичи: Исторический словарь. М.: Русская панорама, 2008. 788 с.
- Донской Д.* Справочник по генеалогии Рюриковичей. Ч. 1 (середина IX — начало XIV в.). Ренн: Реннский университет, 1991. 368 с.
- Зотов Р.В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб.: Археогр. комисс., 1892. 328, 48 с.
- Житие Евфросинии Суздальской // Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 374–405.
- Літопис руський за Іпатським списком / Перекл. Л. Махновець.* Київ: Дніпро, 1989. 592 с.
- Мандзяк В.* Ростислав Михайлович — “dux Galiciae et imperator Bulgarorum” // *Княжа Доба. Історія і культура*. Т. 5. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2011. С. 131–143.
- Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 332 с.
- ПСРЛ. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2001. 496 с. (Лаврентьевская летопись).
- ПСРЛ. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2001. 648 с. (Ипатьевская летопись).
- ПСРЛ. Т. 3. М.: Языки русской культуры 2000. 720 с. (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов).
- ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с. (Новгородская четвертая летопись).
- ПСРЛ. Т. 25. М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с. (Московский летописный свод конца XV века).
- Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М.: Изд-во МГУ, 1977. 264 с.
- Татищев В.Н.* История российской. Ч. 2 (вторая редакция) // *Собр. соч.* Т. 2–3. М.: Науч. изд. центр «Ладомир», 1995. 349, 333 с.; Ч. 2 (первая редакция) // *Собр. соч.* Т. 4. М., 1995. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1995. 555 с.

- Филарет, архиепископ Черниговский [Гумилевский].* Русские святые, чтимые всей церковью или местно: Опыт описания жизни их. [Отделение 2]. Май, июнь, июль, август. СПб.: И.Л. Тузов, 1882. 586 с.
- Харди Ё.* Итинерарий Ростислава Михайловича. Сремска Митровица; Нови Сад: Историјски архив СРЕМ Сремска Митровица — Филозовски факултет у Новому Саду Одсек за историју, 2019. 160 с.
- Balzer O.* Genealogia Piastów. wstęp do wyd. 2 J. Tęgowski. Kraków: Avalon, 2005. 1020 s.
- Baumgarten N., de.* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du Xe au XIIIe siècle // *Orientalia Christiana*. Vol. IX-1. 1927. Num. 35. 96 p.
- Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów, książąt halicko-wołyńskich. (= Biblioteka Genealogiczna, pod red Marka Górniego. T. 6). Poznań — Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 2002. 348 s.
- Dąbrowski D.* Два руские małżeństwa Leszka Białego. Karta z dziejów Rusi halicko — wołyńskiej i stosunków polsko-ruskich w początkach XIII wieku // *Roczniki Historyczne*. R. LXXII, 2006. S. 67–93.
- Dąbrowski D.* Genealogia Mściśławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków: Avalon, 2008.
- Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna. (= Monografie Pracowni Badań nad Dziejami Rusi UKW w Bydgoszczy. T. I) Kraków: Avalon, 2012. 538 s.
- Dimnik M.* Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev 1224–1246. (= Pontifical Institute of Mediaeval Studies. Studies and Texts. 52). Toronto, 1981. 199 p.
- Dimnik M.* The Dynasty of Chernigov 1146–1246. Cambridge, 2003. (Ed. 2. Cambridge, 2007). 437 p.
- Dworzaczek W.* Genealogia. Tablice. Warszawa: PWN, 1959. 183 tabl.
- Europäische Stammtafeln. Stammtafeln zur Geschichte Europäischen Staaten. Neue Folge / Hrsg. Detlev Schwennicke. Bd. II. Marburg: Verlag von J. A. Stargardt, 1984. 236 s.
- Grala H.* Drugie małżeństwo Romana Mściśławowicza // *Slavia Orientalis*. R. XXXI. 1982. Nr. 3–4. S. 115–127.
- Huber A.* Studien über die Geschichte Ungarns im Zeitalter der Arpaden, "Archiv für österreichische Geschichte", Bd. LXV. 1884. S. 153–230.
- Jasiński K.* Rodowód Piastów małopolskich i kujawskich / Ed. Marek Górny. (= Biblioteka Genealogiczna; pod red. M. Górniego. T. 3). Poznań; Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 2001. 264 s.
- Jusupović A.* Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) w latopisarskiej kolekcji historycznej. Kraków; Warszawa: IH PAN — Avalon, 2019. 204 s.
- Katalogi biskupów krakowskich // *Monumenta Poloniae Historica series nova*. T. X. 2. Warszawa: PWN, 1974. 376 s.
- Kosztolnyik Z.J.* Hungary in the Thirteenth Century. New York: Boulder, 1996. 510 p.
- Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) / Wydali, wstępem i przypisami opatrzyli D. Dąbrowski, A. Jusupović przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł, [w:] *Monumenta Poloniae Historica nova series*. T. XVI, Kraków; Warszawa: PAU — IH PAN, 2017. 710 s.
- Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziemi halickiej i wołyńskiej w latach 1198(1199)–1264. (= Prace Komisji Wschodnioeuropejskiej PAU. T. XII). Kraków: PAU, 2011. 364 s.
- Wertner M.* Az Árpádok családi története. Nagy-Becskereken: Pleitz Fer. Pál Könyvnyomdája, 1892. 638 o.
- Włodarski B.* Polityka ruska Leszka Białego. Lwów: Towarzystwo Naukowe, 1925. 84 s.
- Włodarski B.* Polska i Ruś 1194–1340. Warszawa: PWN, 1966. 352 s.

Д. Домбровский
Об обстоятельствах заключения союза
Всеволода Святославича Черного с Романовичами

Ключевые слова: микроисторические исследования, матримониальная политика, междукняжеские отношения, Русь, Олеговичи, Романовичи.

Аннотация: Автор на основе методологического предположения, что исследования, ориентированные на детальный анализ отдельных эпизодов, необходимы для дальнейшего развития знания о политической истории средневековой Руси, пришел к выводу, что невозможно представить синтез, не имея обширной проверенной фактологической

базы. Поэтому, исходя из единственного упоминания в Галицко-Волынской летописи, автор решил изучить обстоятельства создания союза между семьей Романовичей и Всеволодом Святославичем Черным. Таким образом прояснились образ борьбы за киевский престол и система политических сил на Руси в первой половине второго десятилетия XIII в. Одновременно верифицировались взгляды научной литературы на генеалогию рода Всеволода Святославича Черного.

D. Dombrovski
On circumstances of conclusion
of Vsevolod Sviatoslavich Chermnoi alliance with the Romanovichi

Keywords: microhistoric research, matrimonial policy, inter-princely relations, Rus', Olegovichi, Romanovichi

Abstract: The author made a methodological assumption that research focused on a detailed analysis of individual episodes is necessary for the further development of knowledge about the political history of medieval Rus'. It is impossible to present syntheses without having an extensive, verified factual base. Therefore, starting from a single mention of the Galician-Volhynian

Chronicle, he decided to examine the circumstances of the creation of the alliance between the Romanowicz family and Vsevolod Svytoslavich Chermnyi (the Red-Haired). In this way, the image of the struggle for the Kiev throne and the system of political forces in Rus' in the first half of the second decade of the 13th century became clearer. Literature views on the genealogy of the family of Vsevolod Svyatoslavich Chermnyi were verified after the occasion.

Раздел 3

СТАНОВЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА

Московские типы: к истокам традиций¹

Изучая материальную культуру Московского великого княжества, сразу сталкиваешься с двумя вопросами.

Первый: существуют ли выражено «московские» формы, не присущие культурной среде других русских земель в XIII–XV вв., характерные только для нее типы предметов? *Второй:* если да, то откуда они взялись и как долго жили, какие претерпели изменения?

Выделить такие категории в археологии, определить их истоки и раннюю хронологию — значит внести ясность в самые разные, не только культурные, проблемы (например, и в политические, а отчасти и в экономику), но главное, конечно, в понимание генезиса государства.

Эти вопросы поставлены довольно давно, хотя нельзя сказать, что их осознали всегда (разве что при исследованиях художественной среды, где и сейчас не избежать деления по историко-географическим «школам» в иконописи и архитектуре).

В последние два-три десятилетия постепенно подбирается серия положительных ответов, хотя нельзя сказать, что московское своеобразие фиксируется во всех формах одинаково. Тем не менее московские типы, несомненно, существовали, выделяя культуру Москвы в кругу других современных ей вариантов удельных княжеств и земель.

Достаточно характерна московская бытовая керамика — по крайней мере, со времени формирования Гончарной слободы (не позднее второй половины XV в.). Не вызывает вопросов и монетный чекан — типологически он не отличается от минтинга

других русских княжеств, но изображений и надписей достаточно для маркировки монет как московских. Как известно, монеты занимают промежуточное положение на границе материальной и духовной культур, поскольку выступают и как функции информации, пропаганды, идеологии, политики и др. Еще более значимы объекты духовной самоидентификации, такие как архитектура храмов и предметный мир христианской обрядности, особенно (благодаря массовости) погребальной. Здесь можно говорить об археологической фиксации такого, видимо, ранее не столь распространенного обряда, как пролитие на покойного еля, который первоначально закрепился только в Москве и, как показывает именно археология, распространился на связанные с ней центры (с конца XIV в.). Постепенно проясняются хронологические границы и сложная генетика антропоморфных гробов (саркофагов из камня, колод из дерева с выраженным оглавием), получающих распространение в XVI–XVII вв., но появившихся, видимо, также в конце XIV в.

По-видимому, именно к эпохе Дмитрия Донского, митрополита Алексия и митрополита Киприана относится появление особых черт московской культуры, которые найдут развитие во второй половине XV — начале XVI в. Не случайно, вероятно, именно за условные полвека, 1370-е–1420-е гг., вырабатывается новый тип архитектурной церковной композиции, существенно отличающийся от домонгольского и обнаруживающий черты ориентации на совершенно иной, ранее неизвестный источник: Крым с его смешанным восточнохристианским (армянским), близким к нему исламским (сельджуцким) и даже западноевропейским (генуэзским) культурным пространством. Примером могут служить такие памятники, как церковь Иоанна Лествичника в Кремле — триконх, имеющий ясный

¹ Статья подготовлена в рамках НИОКТР АААА-А18-118021690056-7 «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи Великого переселения народов до Московской Руси — археологическое измерение».

аналог в капелле столицы княжества Феодоро, и одностолпные храмы с трехчастным резными фризами из Звенигорода и Троице-Сергиевой лавры, мотивы которых восходят, через мечети Крыма, к резьбе Центральной Анатолии.

Большинство из этих новых типов уже рассматривались с точки зрения хронологии, истоков их формообразования и дальнейшего развития. Другие (такие как крымские контакты, а также сравнительно недавно выявленный особый тип московских белокаменных крестов XV в.) заявлены, но еще в процессе разработки.

Есть, однако, и такие типы, которые были отмечены как московские очень давно, их культурную идентификацию можно возвести даже к концу XIX в., а в их историографии насчитывается много фундаментальных работ. Таков местный тип надгробной плиты с характерной антропоморфной схемой орнамента, которая развивалась в течение XIV–XV вв. и окончательно устоялась к XVI в. — столетию, когда ранее неустойчивая по составу эпитафия (известна не ранее последней четверти XV в.) приобрела почти формулярную четкость. О появлении этой плиты писали уже во второй половине XX в. Б.В. Гиришберг, за ним Н.С. Шеляпина и другие исследователи, постепенно вводя в оборот ранние образцы таких надгробий. Однако после выхода моей монографии 1996 г. о русском средневековом надгробии и продолжающего ее очерка 2006 г. дискуссия о генезисе московского надгробия затихла. Представляется, однако, что это случилось в основном из-за чрезвычайно медленного и нерегулярного накопления новых примеров древнейших плит, часть которых не введена в оборот, а остальные рассеяны по малоизвестным публикациям.

Как мы видим, существенную часть этих вопросов составляет тема импульса, тема исходной точки для развития (иногда ее обозначают как «заимствование»), и это правильно, но следует помнить, что культура не заимствует явлений другой культуры, если не в состоянии их развивать, — в подобных случаях возникает версия «культы карго», чего в московской культуре совершенно не наблюдается).

Обычно при описании раннего этапа Московского княжества учитывают следующие возможные источники формирования его культуры: 1) древнерусская традиция; 2) опосредованные контакты с Европой через Псков, Новгород, генуэзские колонии в Крыму и в Танае; 3) привычные связи с восточнохристианским миром через тот же Крым, его армянские колонии и такой византийский город, как Херсонес; 4) восточный вектор, усилившийся включенностью Северо-Восточной Руси в состав Орды. Направленности определены правильно, но слишком широкими мазками, что не позволяет решать вопросы на конкретном историческом уровне, с точной хронологией

и деталями. Они проявляются только при углубленном источниковедческом анализе.

Например, проблема владими́ро-суздальского наследия в послемонгольское время стала яснее благодаря раскопкам Спасо-Преображенского собора в Твери в 2010-х гг.² В то же время связь с этим наследием первых каменных соборов Москвы 1326-х–1340-х гг. после критики имеющихся источников оказалась под сомнением³. Анализ путей проникновения в Москву арабеска позволил конкретизировать его связь, указав на районы Центральной Анатолии и сельджукской резьбы Крыма⁴.

Таким же образом проясняется (одновременно усложняясь) вопрос о генезисе саркофага. Н.Н. Воронин и его преемники уверенно связали происхождение антропоморфного каменного гроба с романской традицией (этой точки зрения придерживался и, с поправками, по-прежнему держится автор статьи). Позже была предложена восточнохристианская версия, основанная на появлении двух подобных гробов средневизантийского времени на кавказском побережье. Сейчас доказано, что европейцы познакомились с такой формой саркофага благодаря Крестовым походам, что возвращает нас к вопросу о конкретизации импульса⁵.

В то же время на Руси такая форма пока не фиксируется ранее конца XIV (скорее, начала XV) в. Два антропоморфных гроба из Боголюбова и Суздаля принадлежат, вероятно, XVI веку. Это все более ясно на фоне того, что и в домонгольское, и в послемонгольское время в этих городах для погребения использовали исключительно саркофаги прямоугольные и трапециевидные, причем в массовом порядке⁶.

² Беляев Л.А., Сафарова И.А., Хохлов А.Н. Спасо-Преображенский собор в Тверском кремле: итоги раскопок 2012–2014 гг. // *Российская археология*. 2018. № 2. С. 148–160.

³ Баталов А.Л., Беляев Л.А. Архитектура Твери и Москвы // *История русского искусства*. Т. 4. Искусство середины XIII — середины XIV века. М., 2019. С. 158–205.

⁴ Беляев Л.А. Исламский Восток и формирование материальной культуры Московской Руси: о методических подходах к оценке // *Поволжская археология*. 2016. № 2 (16). С. 18–43; Баталов А.Л. «Арабский цветок»: к вопросу о генезисе декоративных мотивов в московской архитектуре XIV–XV вв. // *Российская археология*. 2018. № 3. С. 154–164; Belyaev L. The Seljuk stone carving of the late 14th — early 15th century: Jerusalem, Anatolia, Crimea and Moscow // *Abstract book of the 25th EAA Annual Meeting* (Bern, 2019). Bern, 2019. P. 414.

⁵ Беляев Л.А. Заметки по истории антропоморфных саркофагов в Европе и России // *Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: К 60-летию академика Н.А. Макарова*. М.; Вологда, 2015. С. 365–374.

⁶ На это указал автор статьи, затем А.Е. Леонтьев, а в недавнее время к тому же выводу повторно пришел Вл.В. Седов (Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996. С. 108, 110 и др.; *Он же*. К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV–XVII вв. // *Краткие сообщения Института археологии*. М., 2018. Вып. 252. С. 219–232 (библиография); Леонтьев А.Е., Иоаннисян О.М.

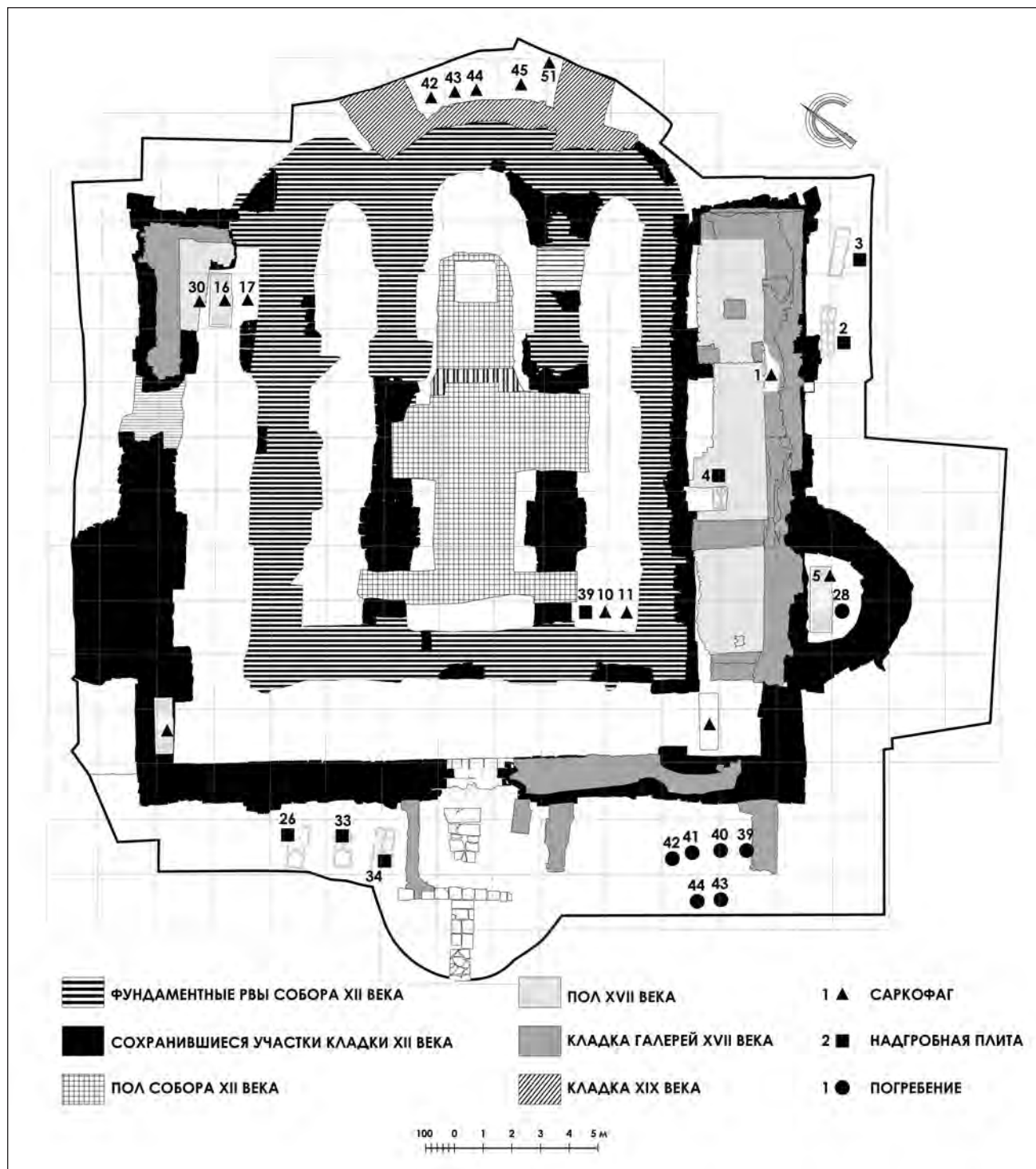

Рис. 1. Собор Рождества Богородицы во Владимире
 Обобщенный план работ 1997–2000 гг. с указанием основных погребений
 (по материалам объединенной экспедиции Государственного Эрмитажа и Государственного центра
 по учету, использованию и реставрации памятников истории и культуры Владимирской области.
 Рук. экспедиции — О.М. Иоаннисян и В.П. Глазов)

Не менее, чем форма саркофага, важен орнамент могильных плит. Его привычно определяют как московский, опираясь на близость техники и, отчасти, композиций XV–XVI вв. к орнаменту самых ранних (XII–XIV вв.) плит старых городов Владимиро-Суздальского княжества — Ростова Великого, Переяславля-Залесского, Владимира. Но, если взглянуть на ситуацию более пристально, окажется, что треугольно-выемчатый орнамент и линейно-круговые композиции, характерные для раннего надгробия, отнюдь не московское, но общее владими́ро-суздальское нововведение.

Чтобы это доказать, сведем вместе данные о погребальных сооружениях домонгольского и удельного времени. Пусть медленно, но число их растет, и давно стоило бы ввести их в оборот, сопоставить друг с другом, проанализировать контекст обнаружения. Это заполнит пробел между Владимиром и Москвой и в хронологическом, и в формальном, и в географическом отношении. (Отметим, что некоторые шаги в этом направлении уже делаются в Ростове, где А.Е. Леонтьев последовательно публикует находки, сделанные при изучении Успенского собора и Соборной площади.)

Причин появления этой лакуны две — общая и локальная. *Общая* состоит в том, что между специалистами по Руси до середины XIII в. и теми, кто изучает московский период, — традиционный разрыв, исследователи интуитивно сторонятся этой грани. *Локальная* — в том, что центр изучения археологии московского периода, естественно, Москва, а там материалов XII — первой половины XV в. мало, и у них почти нет точных дат. К тому же их стратиграфический контекст часто смутный, а серии короткие, обычно одно-два изделия, лишь изредка до десятка и более (с учетом фрагментов: Успенский собор Московского Кремля, собор Богоявленского монастыря за Торгом; кладбище церкви Троицы в Полях).

Гораздо надежнее материалы раскопок 1990-х–2000-х гг. в Рождественском монастыре Владимира и в зоне Успенского собора Ростова (О.М. Иоаннисян, А.Е. Леонтьев, В.П. Глазов, П.Л. Зыков и др.)⁷. Они включены в архитектурно-археологическую систему и позволяют наблюдать историческую последовательность развития плит и саркофагов на раннем этапе, в сравнительно крупных сериях

и с твердой нижней датой. Тем самым создается почва для сравнения московской традиции с владимирской, представленной в ростовских, собственно владимирских и переяславских образцах⁸. В стороне пока остается Суздаль, где известны каменные четырехгранные саркофаги, но не плиты или крышки с трехгранно-выемчатой резьбой; возможно, со временем они будут там обнаружены.

Материалы Владимира и Ростова использовались еще в очерке 1996 г.⁹, но за почти три истекших десятилетия о ключевом для истории древнерусской мемориальной традиции XII–XIV вв. материале, отчетов обработанном для публикации и еще на уровне отчетов, позабыли (в сравнении с архитектурно-археологическими сюжетами погребальные древности представлялись менее интересными; свою роль сыграла передача объектов Церкви).

Представим в общих чертах ранние погребальные сооружения церкви Рождества Богородицы во Владимире. Храм был построен, согласно Лаврентьевской летописи, в 1192–1196 гг.¹⁰, вероятно, *ex novo* и на новом месте (слой строительства перекрывает яму жилой постройки не ранее середины XII в., уничтоженной при возведении храма), возможно, сразу как собор монастыря, служившего также резиденцией епископа (сам монастырь впервые упомянут в 1206 г.)¹¹. Его обширный некрополь сформировался в четверике, нартексе и трехсторонней галерее, а также снаружи у стен. На нем довольно ясно выделяются группы погребений конца XII — XIV в. и более поздние, часто использующие саркофаги вторично, как костницы. В то же время нужно учесть, что памятник сохранился не целиком и вскрыт не полностью, что затрудняет оценку планиметрической последовательности погребений (рис. 1).

⁸ В 2020 г. в соборе Переяславля-Залесского был открыт прямоугольный саркофаг с округлым оглавием и нишей для головы. Подробное исследование о погребальных памятниках этого собора ожидаем от автора раскопок Вл.В. Седова.

⁹ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие... С. 12–14.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. Стб. 409, 413.

¹¹ Не повторяя историю собора, подробно реконструированную Н.Н. Ворониным и О.М. Иоаннисяном, укажем значимые этапы: в XVII в. собор перестроили, в 1859 г. полностью разобрали и заменили реконструкцией храма XII в. по проекту Н.А. Артлебена (в 1930-х гг. разберут и этот храм), сделав перед разборкой весьма точные обмеры древних частей. Обмеры и результаты раскопок показали, что первоначально Рождественский собор окружала галерея, разобранный до цоколя еще в XVII в. Реконструкцию XVII в. Н.А. Артлебен принял за достройку 1678 г. и не стал восстанавливать, реконструировал наос без галерей. Тем самым цокольная часть галерей домонгольского времени, включая полы, сохранилась до нашего времени — при полном сносе собора 1930-х гг. цокольные части оставались в земле и не были выбраны, в отличие от основного объема собора. См. литературу и изложение дискуссий: Иоаннисян О.М. Зодчество конца XII — первой половины XIII в. // История русского искусства. М., 2021 (в печати). Т. 2. Ч. 3.

Погребения XI в., церковь Иоанна Предтечи в Ростове и история саркофага св. Леонтия Ростовского // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры: К 60-летию Л.А. Беляева. М., 2008. С. 43–51; Седов Вл.В. Саркофаг князя Всеволода Большое гнездо в Успенском соборе (по данным Н.Н. Воронина) // Краткие сообщения Института археологии. М., 2017. Вып. 248. С. 278–289.

⁷ Работы велись объединенной экспедицией Государственного Эрмитажа и Государственного центра по учету, использованию и реставрации памятников истории и культуры Владимирской области (рук. экспедиции О.М. Иоаннисян и В.П. Глазов).

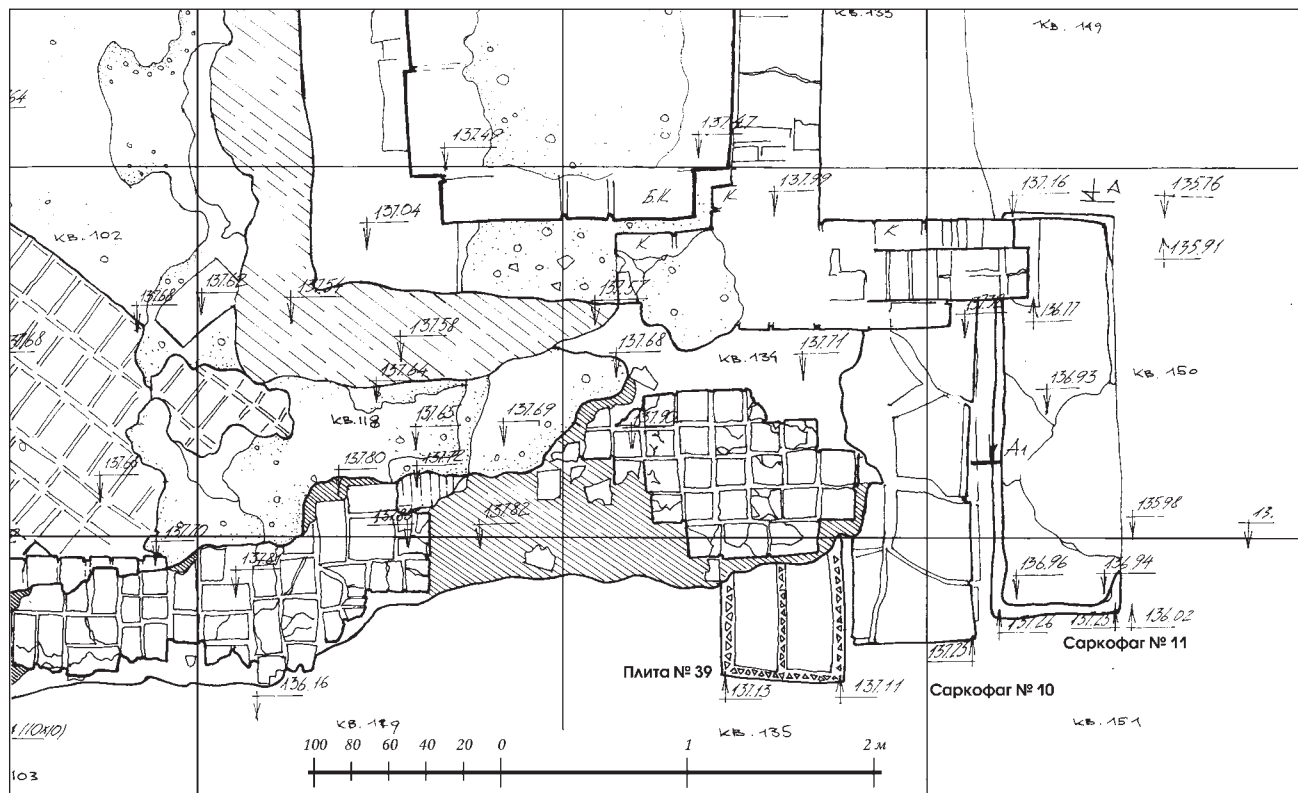

Рис. 2. Собор Рождества Богородицы во Владимире. Плита № 39 и саркофаги № 10–11 на плане раскопа

Ранние могилы разбросаны довольно свободно вдоль боковых стен в галерее и снаружи от нее, а также в нартексе и в наосе. Южнее и западнее юго-западного столба (т.е. в традиционной точке начала погребений в храме) встречена группа из трех погребений, включающая два саркофага и каменную надгробную плиту над деревянной домовиной¹². Эти погребения совершены через определенный промежуток времени после строительства собора — их перекрыл плитчатый пол, в слоях подсыпки под который, в том числе ниже погребений, содержатся фрагменты фресок, вероятно, попавшие в слой уже при ремонте интерьера (рис. 2–4).

Всего в первый же сезон работ (1997 г.) было учтено 38 погребений, с которыми связаны 36 белокаменных сооружений, плит и/или саркофагов¹³. Вскрыты были только три саркофага и одна

¹² На них сразу было обращено внимание и сделаны первые заключения, см.: *Беляев Л.А.* Новое в изучении надгробных памятников Средневековья // Русское средневековое надгробие. XIII–XVII вв.: Материалы к своду. М., 2006. С. 12–13. Рис. 1.

¹³ При проведении исследований Рождественского собора было установлено, что значительная часть надгробных плит находится в переотложенном состоянии в результате работ XIX–XX вв. или были перемещены еще в древности, и они не соответствуют каким-либо погребениям. Кроме того, в части саркофагов фиксировалось более одного погребения. Эти факты вынудили ввести отдельную нумерацию для погребений, надгробных плит и саркофагов.

могила под плитой. В описании А.В. Повелихина¹⁴ при этом вошли: условный саркофаг № 1 (часть днища, укрепленного на растворе XVII столетия в приделе Александра Невского)¹⁵; саркофаги с плоскими

¹⁴ К сожалению, не без некоторой путаницы, которую придется устранять путем сопоставления документации разных лет.

¹⁵ Контекст, в котором обнаружен «саркофаг № 1», необычен. В южной стене восточной части южной галереи, при входе в выделенный в ней (в XVII в.?) придел св. Александра Невского, часть днища каменного гроба была намеренно уложена на раствор поверх кирпичной кладки XVII в. Возможно, над ним имелся аркообразный или простая ниша, открывавшая доступ к камню. Письменные источники не фиксируют традиции почитания князя, но предполагать связь объекта с прославлением князя естественно. Важный аргумент в пользу этого — сам размер ниши, в плане точно отвечающий именно сохранившемуся фрагменту, а не целому гробу. Авторы отчета 1997 г. предположили, что дно саркофага сохраняли и почитали как вторичную реликвию, соприкасающуюся с мощами князя. Вероятно, этот контекст для почитания был сконструирован в XVII в., когда мощи перенесли из нартекса, где они были погребены, в специально построенный придел, устроив архитектурный «ковчег» для части старого саркофага тут же, вблизи придела. В каком виде был саркофаг в момент открытия мощей, мы не знаем. Останки князя переложили в новый гроб, из которого их вновь извлекли в начале XVIII в. для перенесения в Санкт-Петербург. См. подробнее: *Беляев Л.А., Зыков П.Л., Иоаннисян О.М., Сиренов А.В.* Погребение Александра Невского во Владимире: археология почитания // Исторический вестник. М., 2021. Т. 35. С. 76–108; там же литература.

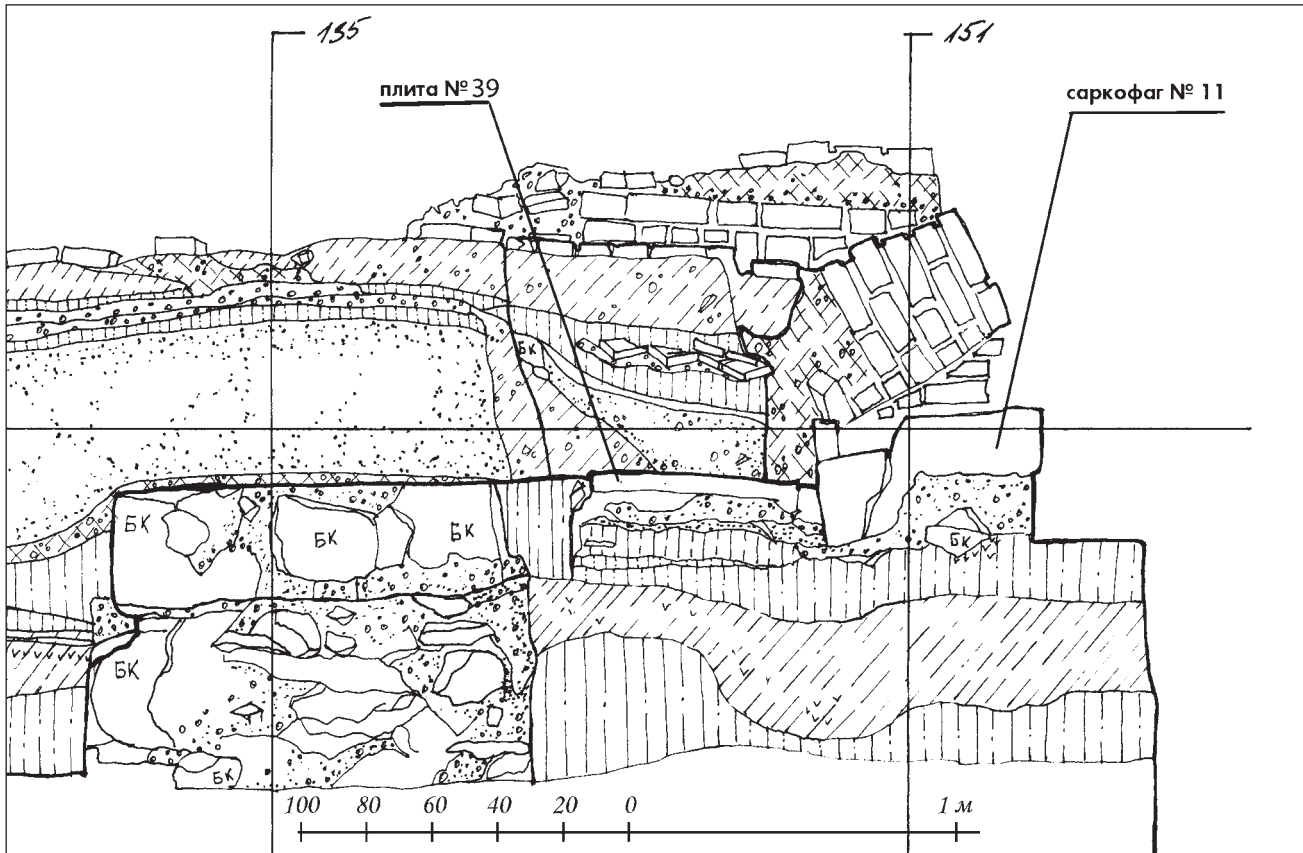

Рис. 3. Собор Рождества Богородицы во Владимире. Плита № 39 и саркофаг № 11 в профиле раскопа

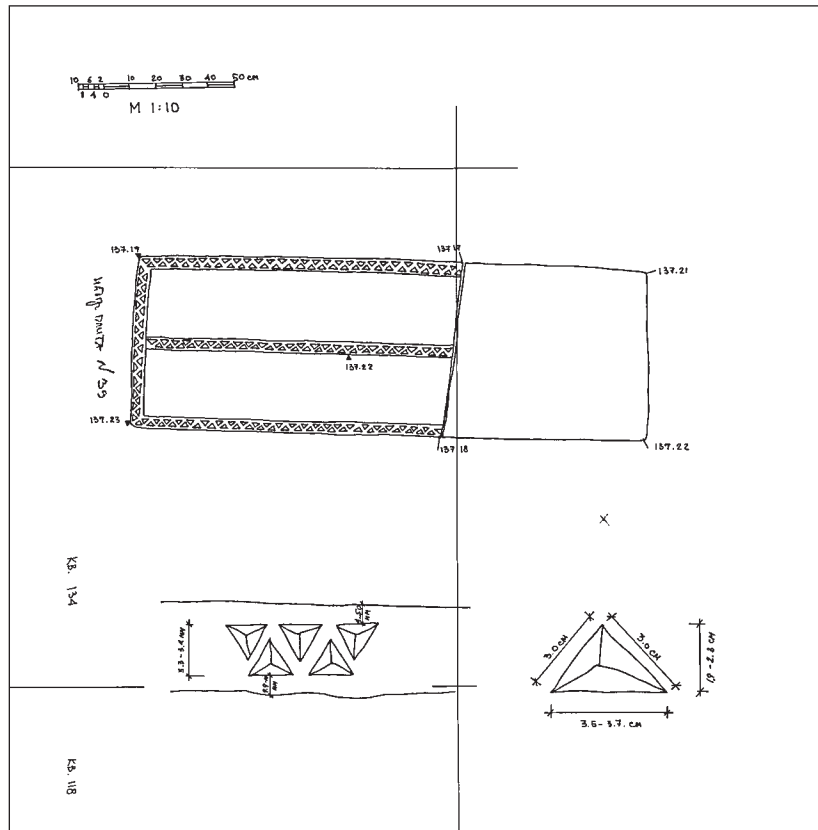

Рис. 2-4. (по материалам объединенной экспедиции Государственного Эрмитажа и Государственного центра по учету, использованию и реставрации памятников истории и культуры Владимирской области. Рук. экспедиции — О.М. Иоаннисян и В.П. Глазов)

Рис. 4. Собор Рождества Богородицы во Владимире. Плита № 39

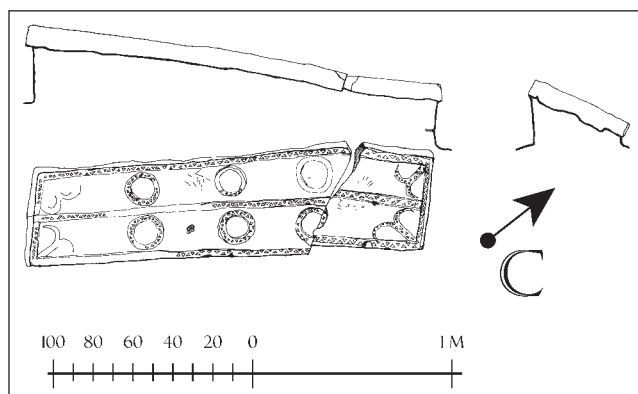

Рис. 5. Собор Рождества Богородицы во Владимире. Плита № 2а

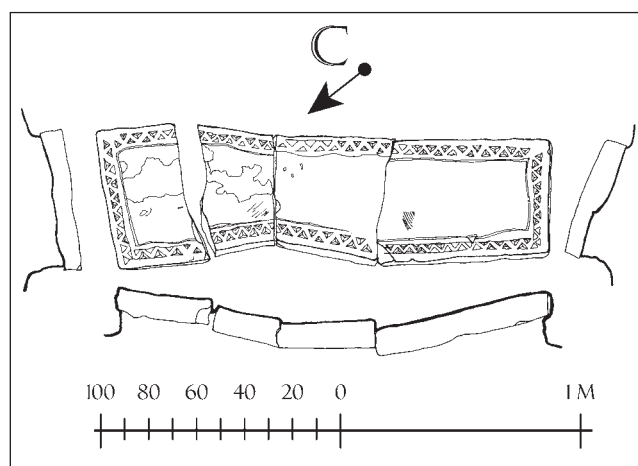

Рис. 6. Собор Рождества Богородицы во Владимире. Плита № 3

крышками без орнамента: № 17 (в восточной части северной галереи, с погребением № 11¹⁶; скелет мужчины, погибшего в бою от множества ран; с подголовником из куска плинфы), № 16 (севернее № 17, с погребением № 10) и № 5 (в апсидиоле южной галереи, с довольно странным погребением № 27 и добавленными к нему скелетными остатками), а также плиты: № 2 (в восточном конце южной галереи) и «от саркофага № 3» (в восточном конце южной галереи — отношения к саркофагам она не имеет). В ходе раскопок сложилось мнение, что под плитами № 2 и 3 не было погребений, возможно, они были уложены на подобии отмостки (рис. 5 и 6).

Был отмечен и ряд погребений в могилах без саркофагов или плит: № 1 (кв. 201), № 204 (кв. 158–159), № 28 (рядом с саркофагом № 5 в южной апсидиоле). По сути дела, в самой апсидиоле-«певнице» следует

¹⁶ В отчетах пронумерованы отдельно погребения, саркофаги, кирпичные склепы и надгробные плиты. Чтобы не создавать путаницы, мы сохраняем этот порядок.

видеть отдельное погребальное сооружение, род небольшой боковой капеллы (или очень крупного аркосолия оригинальной конструкции), выступавшей из внешней стены галереи в ее юго-западной части. Традиция погребальных капелл известна и Западной Средневековью, и Византии, и Руси (правда, не в форме боковых экседр) (рис. 7).

При продолжении работ (1998 г.) исследовали еще четыре погребения: № 7 (в белокаменном саркофаге № 11, XII–XIII вв.), № 24 (в белокаменном саркофаге № 30, XIII–XIV вв. в восточной части северной галереи собора), № 37 (со стеклянным сосудом XVII (?) в.) и № 16 (в кирпичном склепе № 24, с двумя костяками).

Несколько отмеченных ранее гробниц изучили в 1999 г. Внутри собора это погребение № 38 (в деревянной домовине, но под каменной плитой № 39¹⁷), южнее которого стояли два белокаменных саркофага: № 11 (погребение № 7) и не пронумерованный в отчете саркофаг (№ 10). Снаружи от галереи собора были отмечены более поздние комплексы погребений: от № 39 (рядом с кирпичным склепом № 40) до № 45 и от № 46 до № 50 (в зоне южной экседры). Против центральной апсиды (группа саркофагов № 42–45) был вскрыт № 44 (с одним погребением), а также № 51 (к югу от саркофага № 45), использованный как оссуарий¹⁸.

В 2000 г. на небольшом участке (40 кв. м) у южной экседры расчистили 68 погребений в несколько уровней. Их восточный ряд образовали три белокаменных саркофага¹⁹. Авторы работ отнесли их суммарно к XIII–XV вв., хотя отметили, что на одном из погребенных в могиле рядом с саркофагами сохранилась грибовидная пуговка, датируемая домонгольским временем. Поздние погребения совершались в кирпичных склепах, с кирпичными «подушками» в изголовье и с вещами XV–XVII вв.²⁰ В числе надгробий отмечено пять плит (№ 26, 33, 34, 39 и 40) с надписями XVI–XVII вв.²¹

¹⁷ Размеры плиты: 197 × 66 — 65 × 10 см.

¹⁸ Вскрытый саркофаг № 44 стоял против центральной апсиды, примыкая к ней изголовьем (между северным контрфорсом и основанием наружной пилястры), его северная стенка соприкасалась со стенкой саркофага № 43. Саркофаг — длинный (222,5 см), ширина в изголовье — 65 см, в ногах — 57 см, высота стенок уменьшается к ногам (41 и 39 см от дна, 47 и 45 см снаружи). Вскрытый саркофаг № 51 содержал в заполнении фрагменты керамики XIII–XVI(?) вв. В саркофаге — три скелета (все кости перемещены, частично утрачены).

¹⁹ Размеры саркофагов близки к 1,90–2,05 × 55–60 × 60 см.

²⁰ В том числе: каменный крестик с бронзовыми накладками на концах, сцепленными друг с другом проволокой, образующей ромб; костяной крест-тельник с изображением св. Николая (с благовествующей правой рукой и Евангелием в левой) на одной стороне и Голгофой с орудиями страстей на другой (первая половина — середина XV в.).

²¹ Эти плиты прочел и включил в отчет сотрудник экспедиции Е.Э. Слива. Их тексты указывают на погребения XVI–XVII вв. В слое имеются фрагменты плит с характерным каннелированным орнаментом боковых граней, типичным во второй половине XVI — середине XVII в.

Рис. 7. Собор Рождества Богородицы во Владимире. Погребения № 27–28 на плане раскопа

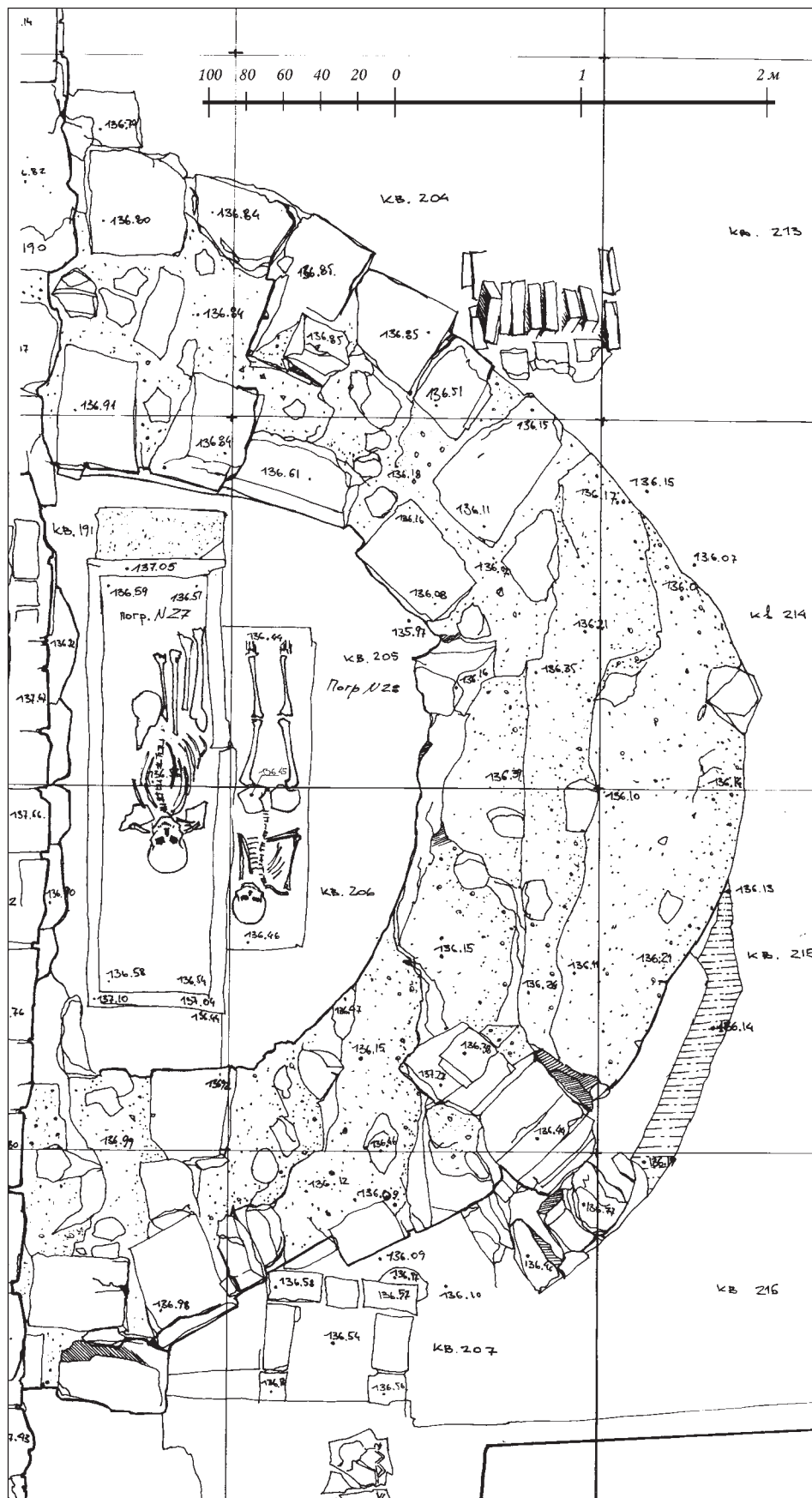

Рис. 5–7.
(по материалам
объединенной экспедиции
Государственного
Эрмитажа
и Государственного центра
по учету, использованию
и реставрации памятников
истории и культуры
Владимирской области.
Рук. экспедиции —
О.М. Иоаннисян
и В.П. Глазов)

Таким образом, в обширном погребальном комплексе изучено более 100 погребений, которые можно стратиграфически и типохронологически разделить на группы. Часть домонгольских и, возможно, удельного времени погребений совершены в белокаменных саркофагах (туда обычно ставили деревянный гроб) и деревянных колодах. Погребения XV–XVI вв. — в дощатых гробах. Погребения XVII–XVIII вв. — в кирпичных склепах²². Само кладбище носит упорядоченный характер, погребения располагались довольно строгими рядами. Оно, несомненно, привлечет интерес как монастырский некрополь, развивавшийся без помех более 500 лет, но здесь мы анализируем только раннюю часть конца XII — XIV в.

Для истории оформления надгробных сооружений интересны ранние части кладбища, лежащие в юго-западной части наоса, в обеих галереях и снаружи, за апсидами собора и с южной стороны от галереи, в том числе вблизи экседры (апсидиолы, «певницы»). Все эти погребения, как уже сказано, совершены в каменных саркофагах или под каменными плитами (но не то и другое сразу!). Все саркофаги — ящичной формы, в плане прямоугольные или трапециевидные, целотесаные (в одном случае прослежено повреждение стенок, тщательно стянутых и затем замазанных). Крышки — плоские, в ряде случаев со слабо выраженным гребнем по продольной оси или с низкими скатами. Орнаментов и надписей на них нет.

Судя по наблюдениям (см. вышеуказанные работы Л.А. Беляева и А.Е. Леонтьева), саркофаги с ребром могут уходить во вторую половину XII в., а каменные гробы с плоскими крышками, вероятно, появились несколько позднее — даты их вряд ли старше позднего XIII–XIV вв.

Ранние плиты сравнительно тонкие (7–9 см), слегка выпуклые по центру, иногда с намеком на ребро или скаты²³. По-видимому, их делали, стремясь вытесать прямоугольник, а не трапецию, но получалось не всегда: в плане плиты достаточно неровные. Элемент декора — единственный и однотипный: это волчий зуб из сравнительно крупных

равносторонних противопоставленных вершинами треугольников, тщательно и глубоко нарезанных и образующих змейку. На всех плитах использована графья. Линии бордюров применяются к неровностям плит. Композиция орнамента полностью симметричная, что указывает на связь намогильных плит, прямоугольных в плане ящичных саркофагов и их крышек. Всего орнаментированных плит раннего типа отмечено не менее пяти: две в восточной части южной галереи, восточная № 3 (кв. 199) и западная № 2 (кв. 200–201); одна № 4 — под полом южной галереи (кв. 175–176); одна № 39 — у юго-западного столба (кв. 134–135). Эти четыре плиты явно лежали на своих местах, в то время как пятая служила порогом двери из нартекса в наос и была уложена поперек, в направлении север–юг (кв. 106).

В композиционном отношении плиты делятся так: одна (кв. 199) имеет только простейший бордюр из волчьего зуба; на двух других добавлена осевая лента (кв. 200–201 и 106); на четвертой плите имеется бордюр, осевая, шесть парных пустых кругов-«венков» в два ряда и угловые скаты, обозначенные расходящимися ростками²⁴; наконец, плита № 4 (кв. 175–176) несет в центре большой круг («венок»), пересеченный осью, а углы отсечены четвертными сегментами (схематические «актротерии») (рис. 8). Все композиции — симметричные и прямоугольные.

Композиции орнамента имеют аналоги в комплексах Переяславля-Залесского и Москвы. Близкая схема (круги в две линии, без угловых скатов) отмечена в соборе Никитского монастыря Переяславля-Залесского²⁵. В том же соборе найден кусок крышки саркофага с вытесанными на тыльной стороне четвертями для крепления на ящик, тоже с бордюром и кругами (из них сохранилось два). Добавим крышку с орнаментом на цельнокаменном прямоугольном саркофаге в Преображенском соборе, ассоциируемом с князем Иваном Дмитриевичем (†1302)²⁶.

В Московском Кремле осевая линия с тремя кругами встречена на плитах середины — второй половины XIV в. с кладбищ Успенского собора²⁷ и церкви Космы и Дамиана²⁸.

²² В конце XX в. мы полагали, что кирпичные склепы — признак XVIII–XIX вв. После работ в суздальском Спасо-Евфимиевом и московском Новопасском монастырях можно считать установленным, что такие склепы ведут происхождение от XVII в., если не ранее. См.: Беляев Л.А. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М., 2013.

²³ Вопрос о толщине ранних плит не так однозначен. По-видимому, тонкие плиты восходят к крышкам саркофагов, но на некрополях встречаются, причем в несомненно ранних контекстах, и плиты значительной (15–30 см) толщины. Обычно они без декора, часто грубо околоты, но в редких случаях несут традиционный трехгранно-выемчатый орнамент наиболее архаического типа. Этот вопрос нуждается в дополнительной проработке, которая со временем, возможно, позволит выявить две линии развития ранних плит.

²⁴ Плита крупная, 198 × 55,5 × 56 см, но тонкая, 8–9 см.

²⁵ Предложенная в свое время дата, начало XV в., привязана к попытке обретения мощей св. Никиты Столпника и ненадежна, см.: Станюкович А.К. Гробница преподобного Никиты Столпника, Переяславского чудотворца. Звенигород, 2001.

²⁶ См.: Воронин Н.Н. Раскопки в Переяславле-Залесском // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1949. № 11. С. 199–200. Рис. 7.

²⁷ Шеляпина Н.С. Надгробия XIII–XIV вв. из раскопок в Московском Кремле // Советская археология. 1971. № 3. С. 284–289, таблица; Она же. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963–1965 гг. // Древности Московского Кремля. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 167). М., 1971. С. 117–157. Рис. 11 и 26; Беленькая Д.А. Археологические наблюдения в Успенском соборе в 1966 г. // Там же. С. 158–163.

²⁸ Панова Т.Д. Ранний этап развития московского надгробия. Материалы XIV–XVI вв. Из собрания музея-запо-

Вообще, на кладбищах Московского Кремля, как и на кладбище владимирского Рождественского собора, обнаруживается вся цепочка развития орнамента от практически пустых полей, ограниченных треугольчатым бордюром, до насыщенных деталями композиций. Аналог, целиком тождественный плите № 2, встречен на кладбище церкви Троицы в Полях²⁹, а частичные — в монастыре Богоявления за Торгом (часть крышки саркофага с большим кругом и осью, от которой отходят подобные «скатам» «ростки»)³⁰. Интересны параллели композиции «крупный круг по центру плиты», представленной небольшой частью плиты или крышки саркофага, найденной при раскопках под рук. Л.А. Беляева в 2015 г. в Зарядье, и хорошо известной крышкой саркофага из Старой Рязани (возможно, XIII в.). Все они сохраняют четырехстороннюю симметричность композиции.

Ситуация изменится, видимо, ближе к концу XIV — началу XV в., когда на кладбищах появятся трапециевидные плиты и асимметричные композиции орнамента, предвестники эпохи антропоморфных саркофагов и надгробий³¹. В монастыре Рождества Богородицы во Владимире таких нет, но трапециевидные ящичные саркофаги с такими же крышками встречаются.

Все саркофаги и плиты, согласно дате самой церкви, не ранее 1192–1196 гг.³² С учетом существующей сегодня хронологии, основанной на московском материале, эти погребальные сооружения можно относить к периоду с рубежа XII/XIII по конец XIV в., но вряд ли позже. Вероятно, можно считать установленным хронологически выраженный дрейф формы цельнотесаного саркофага от прямоугольной к трапециевидной в плане, что приведет к принятию в XV в. принципиально новой антропоморфной схемы. Наконец, встает ряд вопросов, касающихся появления плит раннего типа в Москве и их

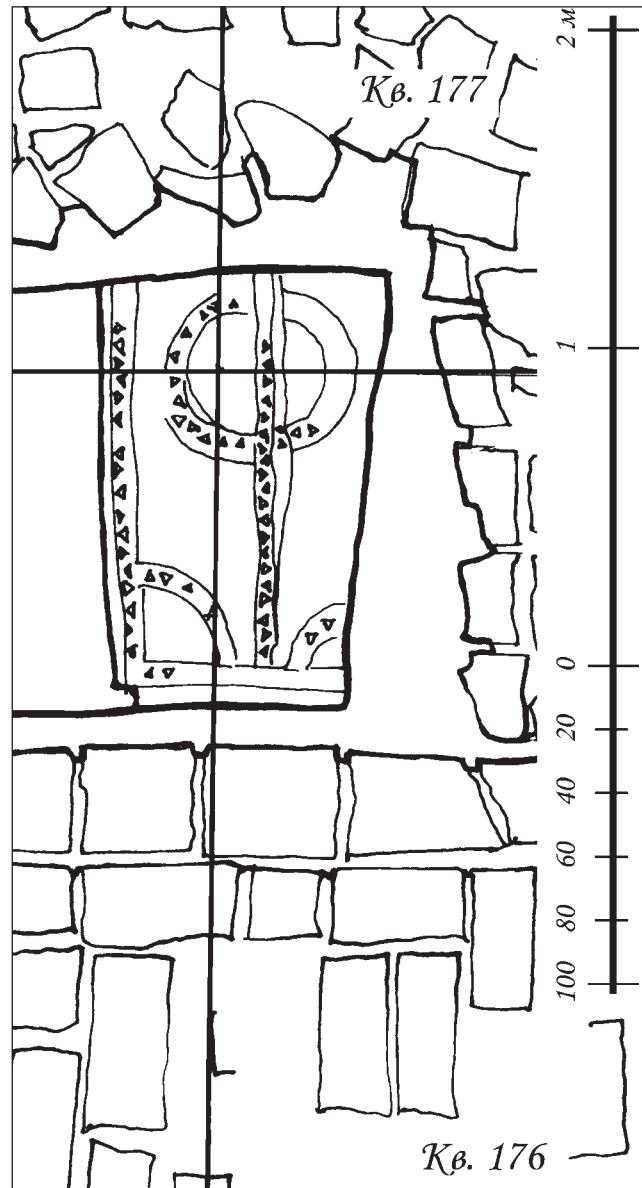

Рис. 8. Собор Рождества Богородицы во Владимире. Плита № 4 на плане раскопа (по материалам объединенной экспедиции Государственного Эрмитажа и Государственного центра по учету, использованию и реставрации памятников истории и культуры Владимирской области. Рук. экспедиции — О.М. Иоаннисян и В.П. Глазов)

ведника «Московский Кремль» // Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв.: Материалы к своду... С. 31–36.

²⁹ Векслер А.Г. Исследования в Китай-городе в 1999 г. в г. Москве. Отчет об охранных археологических раскопках церкви св. Троицы в Старых Полях (Третьяковский проезд, д. 1, 2) // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 22456–22461). На том же кладбище встречено около дюжины фрагментов ранних плит, но их археологический контекст в отчете представлен недостаточно ясно и нуждается в проработке.

³⁰ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие... С. 286–298. Фото 21–23, 159. Табл. I.

³¹ На кладбище кремлевского Чудова монастыря такая плита, с угловыми сегментами — «отсечками» и пущенными от них в изголовье, к центру, тончайшими линиями была даже использована как крышка антропоморфного саркофага (ее собственная дата, вероятно, вторая половина XIV — начало XV в.).

³² Одно погребение на кладбище снаружи от собора перекрыто саркофагом, т.е. совершено ранее, но дата того и другого точно не установлена; вероятно, оба появились после 1190-х гг.

распространения там. Более полную картину этого раннего, все еще скрытого от нас (чтобы не сказать загадочного) процесса мы надеемся получить по мере развития проекта, который предварительным образом заявлен здесь как «Погребальные белокаменные сооружения Северо-Восточной Руси XII–XIV веков: хронология, семантика, биографика».

Список литературы

- Баталов А.Л.* «Арабский цветок»: к вопросу о генезисе декоративных мотивов в московской архитектуре XIV–XV вв. // *Российская археология*. 2018. № 3. С. 154–164.
- Баталов А.Л., Беляев Л.А.* Архитектура Твери и Москвы // *История русского искусства*. Т. 4. Искусство середины XIII — середины XIV века. М.: Госинт-т искусствознания, 2019. С. 158–205.
- Беленькая Д.А.* Археологические наблюдения в Успенском соборе в 1966 г. // *Древности Московского Кремля*. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 167). М.: Наука, 1971. С. 158–163.
- Беляев Л.А.* Заметки по истории антропоморфных саркофагов в Европе и России // *Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: К 60-летию академика Н.А. Макарова / Рос. акад. наук, Ин-т археологии; [редкол.: П.Г. Гайдуков (отв. ред.) и др.]. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 365–374.*
- Беляев Л.А.* Исламский Восток и формирование материальной культуры Московской Руси: о методических подходах к оценке // *Поволжская археология*. 2016. № 2 (16). С. 18–43.
- Беляев Л.А.* К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV–XVII вв. // *Краткие сообщения Института археологии*. М.: ИА РАН, 2018. Вып. 252. С. 219–232.
- Беляев Л.А.* Новое в изучении надгробных памятников Средневековья // *Русское средневековое надгробие. XIII–XVII вв.: материалы к своду / Авт.-сост. Л.А. Беляев*. М.: Наука, 2006. Вып. 1. С. 7–30.
- Беляев Л.А.* Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М.: ИА РАН; Нестор-Традиция, 2013. 264 с.
- Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Институт археологии РАН, 1996. 568 с.
- Беляев Л.А., Зыков П.Л., Иоаннисян О.М., Сиренов А.В.* Погребение Александра Невского во Владимире: археология почитания // *Исторический вестник*. М., 2021. Т. 35. С. 76–108.
- Беляев Л.А., Сафарова И.А., Хохлов А.Н.* Спасо-Преображенский собор в Тверском кремле: итоги раскопок 2012–2014 гг. // *Российская археология*. 2018. № 2. С. 148–160.
- Векслер А.Г.* Исследования в Китай-городе в 1999 г. в г. Москве: Отчет об охранных археологических раскопках церкви Св. Троицы в Стаых Полях (Третьяковский проезд, д. 1, 2) // *Архив ИА РАН*. Ф. 1. Р. 1. № 22456–22461.
- Воронин Н.Н.* Раскопки в Переславле-Залесском // *Материалы и исследования по археологии СССР*. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. № 11. С. 193–202.
- Иоаннисян О.М.* Зодчество конца XII — первой половины XIII века // *История русского искусства*. М.: Северный паломник, 2021 (в печати). Т. 2. Ч. 3.
- Иоаннисян О.М., Глазов В.П., Зыков П.Л.* Исследования во Владимире в 1997 г. // *Архив ИА РАН*. Ф. 1. Р. 1. СПб.; Владимир, 1998. № 20918–20921.
- Леонтьев А.Е., Иоаннисян О.М.* Погребения XI в., церковь Иоанна Предтечи в Ростове и история саркофага св. Леонтия Ростовского // *Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры: К 60-летию Л.А. Беляева*. М.: ИА РАН, 2008. С. 43–51.
- Панова Т.Д.* Ранний этап развития московского надгробия: материалы XIV–XVI вв. Из собрания музея-заповедника «Московский Кремль» // *Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв. Материалы к своду / Авт.-сост. Л.А. Беляев*. М.: Наука, 2006. Вып. 1. С. 31–36.
- Полное собрание русских летописей*. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2001. 496 с.
- Седов Вл.В.* Саркофаг князя Всеволода Большое Гнездо в Успенском соборе (по данным Н.Н. Воронина) // *Краткие сообщения Института археологии*. М.: Изд. дом «Языки славянской культуры», 2017. Вып. 248. С. 278–289.
- Сиренов А.В.* Описание древнерусских некрополей в рукописях XVI–XVII вв. // *Российская археология*. 2011. № 1. С. 106–110.
- Станюкович А.К.* Гробница преподобного Никиты Столпника, Переславского чудотворца. Звенигород: Изд. авт., 2001. 47 с.
- Шеляпина Н.С.* Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963–1965 гг. // *Древности Московского Кремля*. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 167). М.: Наука, 1971. С. 117–157.
- Шеляпина Н.С.* Надгробия XIII–XIV вв. из раскопок в Московском Кремле // *Советская археология*. 1971. № 3. С. 284–289.
- Beĭyaev L.* The Seljuk stone carving of the late 14th — early 15th century: Jerusalem, Anatolia, Crimea and Moscow // *Abstract book of the 25th EAA Annual Meeting (Bern, 2019)*. Bern, 2019. P. 414 ([http: EAA2019_Abstract%20Book_22August.pdf](http://EAA2019_Abstract%20Book_22August.pdf)).

Л.А. Беляев

Московские типы: к истокам традиций

Ключевые слова: города Владимиро-Суздальской Руси, удельное время, ранняя Москва, формирование культуры, археологические типы, некрополь, саркофаги, надгробные плиты.

Аннотация: Статья посвящена анализу процесса перехода от эпохи Древней Руси к удельному и далее к московскому периоду и его отражению в археологических материалах. Предметом исследования служит материальная культура. Ставится вопрос о пороге появления собственной, отличающейся от домонгольской Руси индустриальной и художественной традиции, которая ярко проявит себя в XVI–XVII вв. Предлагается выделить из общей сферы объектов художественной культуры те, которые генетически восходят к древнерусскому этапу, но претерпевают существенные перемены, а также полностью новые типы, возникающие на почве московской культуры в XIV–XV вв. В их составе

— церковные древности, начиная от формы и декора храмов, а также погребальная традиция (надгробия, саркофаги, сосуды для елея, кресты), знаковые элементы государственности (монеты, печати), массовые бытовые изделия (керамическая посуда, малая пластика). Анализ показывает, что существует ряд линий, на которых можно проследить прямое и беспрепятственное наследование Москвой старых Владимиро-Суздальских традиций на протяжении XIII–XIV вв. и заметную их перестройку в конце XIV — середине XV в., подготовившую резкую трансформацию культуры в конце XV столетия. В это же время появляются совершенно новые элементы и формы, которые можно уверенно признать характерными для Москвы, поскольку они раньше не существовали и распространяются географически по мере роста территории Московского княжества и его доминирования.

L.A. Belyaev

Moscow types: toward the origins of tradition

Keywords: towns of Vladimir-Suzdal Rus', the period of appanage principalities, Moscow period, forming of culture, archeological types, necropolis, sarcophagi, gravestones

Abstract: The process of transition from the Old Rus' period to the time of appanage principalities and, further on, to Moscow period and reflection of that process in archeological materials are considered in the article. The material culture is the subject of study. The question of emergence of the threshold of proprietary, distinct from pre-Mongolian industrial and art tradition is raised. This new tradition would manifest itself brightly in the 16th and the 17th centuries. It is suggested to detach from the generality of art culture objects those that are genetically ascended to the Old Russian stage but underwent substantial changes as well as completely new types that emerged on the basis of Moscow culture in the 14th and the 15th centuries. This set of objects includes

the church ancientries (beginning from forms and décor of temples as well as the funeral tradition (gravestones, sarcophagi, vessels for balm, crosses). Symbolic elements of statehood (coins, stamps) are also included in the set that is enlarged with mass household goods (ovenware, small plastic figures). Analysis demonstrates that there are several lines along which it is possible to trace back the direct and unhampered inheritance of old Vladimir-Suzdal traditions by Moscow during the 13th and the 14th centuries and noticeable restructuring of these traditions at the end of the 14th and the middle of the 15th centuries. That restructuring prepared the drastic transformation of culture at the end of the 15th century. Completely new elements and forms appeared at that time. These elements and forms that can be recognized as specific Moscow ones because they did not exist earlier and spread on geographically in accordance to territorial expansion of Moscow principality and its prepotency.

Новые данные по исторической топографии восточной части Московского Кремля в XII–XIII вв.

Согласно существующим историческим представлениям, средневековое поселение на Кремлевском холме первоначально находилось в западной и центральной его частях, на Боровицком мысу и в районе современной Соборной площади и лишь позднее распространилось на восточную часть современного Кремля, на участок к востоку от Ивановской площади. Вплоть до 1970-х гг. ранняя Москва рассматривалась как мысовая крепость при впадении Неглинки в Москву-реку, с оборонительными сооружениями, отделявшими юго-западную часть Боровицкого холма от остальной территории современного Кремля¹. Археологические материалы, собранные в 1960-х–1980-х гг. в результате наблюдений и шурфовки на местах строительства и реставрации, выявили высокую концентрацию построек и артефактов домонгольского времени в северной части Соборной площади и стали основой для предположения о локализации центра домонгольского поселения на этом участке. Согласно новым историко-топографическим реконструкциям разработанным Т.Д. Пановой, первоначальное ядро города располагалось на краю высокой надпойменной террасы р. Неглинки в районе современных Троицких ворот. Это был небольшой детинец, к которому с юго-востока примыкал неукрепленный участок с плотной городской застройкой, некрополем и деревянным храмом².

Территории к востоку от Ивановской площади, где в XV–XVI вв. находились Чудов и Вознесенский монастыри, при любом решении вопроса о локализации

древнейшего ядра Москвы оказывались за пределами этого ядра. Наблюдения, проводившиеся здесь при земляных работах в 1970-х–1990-х гг., выявили культурный слой с керамикой конца XII — первой половины XIII столетия в целом ряде точек во дворах и подвалах 14-го корпуса, в районе Спасской башни и восточной части Большого Кремлевского сквера³. Эти материалы, однако, не дали возможности охарактеризовать уровень освоенности и застройку восточной части территории современного Кремля в домонгольское время и надежно определить местоположение укреплений, защищавших город с напольной стороны в этот период.

Важнейшими событиями в археологическом изучении этой части Кремля стало открытие и документирование на территории 14-го корпуса двух кладов украшений, сокрытие которых связывается с монгольским разгромом Москвы⁴. Клад 1991 г., содержащий немногим более 20 предметов женского убора (колты, височные кольца, плетеные гривны, нагрудный медальон, браслеты), по составу и количеству украшений достаточно обычен для семейных сбережений древнерусской знати, укрытых во время военных действий 1238 г. Большой кремлевский клад 1988 г., насчитывающий без малого 300 предметов, выделяется не только количеством, но и высоким художественным качеством украшений и рассматривается как княжеская казна⁵. Эта находка стала основой для предположения

¹ Рабинович М.Г. О древней Москве: Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI веках. М., 1964. С. 22–33.

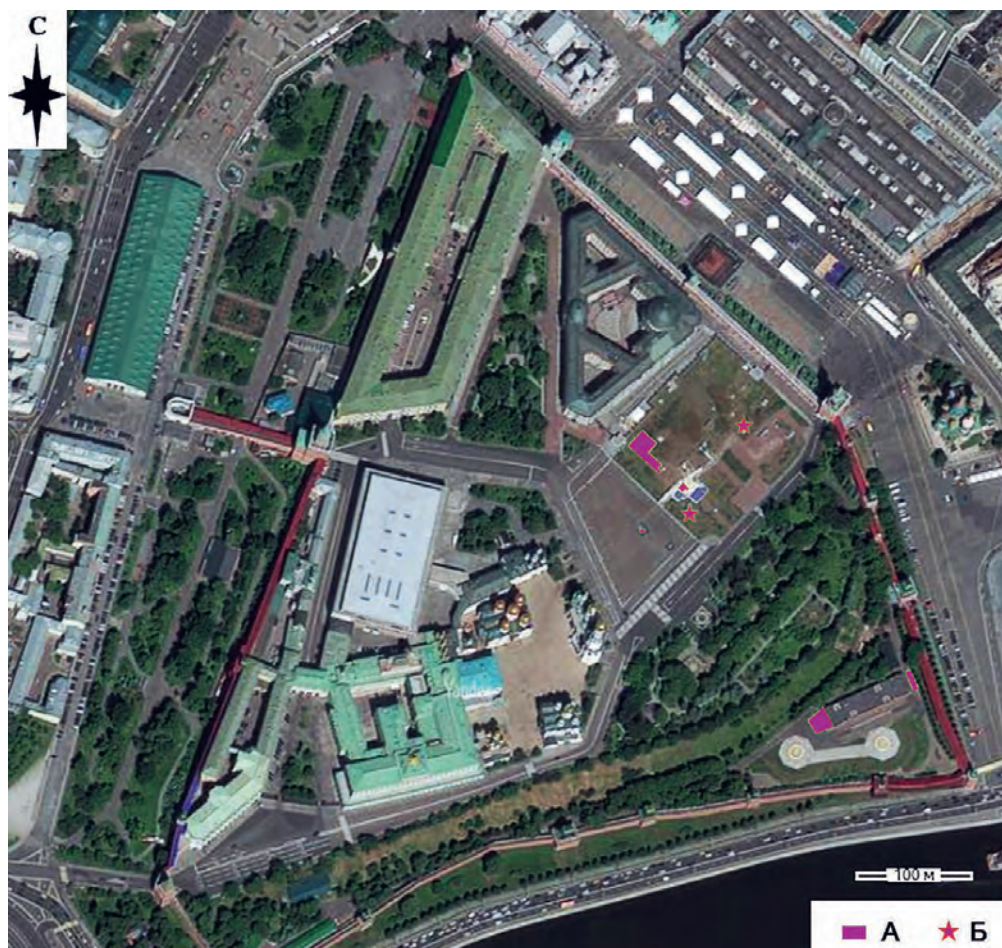
² Панова Т.Д. Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII — первой трети XVI века. М., 2013. С. 71–73.

³ Шеляпина Н.С. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963–1965 гг. // Древности Московского Кремля (Материалы и исследования по археологии СССР. № 167). М., 1971; Панова Т.Д. Историческая и социальная топография... Цв. вкл. 19.

⁴ Панова Т.Д. Клады Кремля. М., 1996. С. 26–60.

⁵ Панова Т.Д. Историческая и социальная топография... С. 222–223.

Рис. 1. Схема расположения раскопов в восточной части Московского Кремля. А – раскопы и шурфы 2007–2016 гг.; Б – клады 1988 и 1992 гг.

о размещении в восточной части Кремля, вблизи Спасских ворот, в конце XII — первой трети XIII в. княжеского двора, позднее перенесенного ближе к мысу Боровицкого холма, туда, где он известен по письменным источникам XIV–XV вв. К сожалению, археологический контекст обоих кладов недостаточно прояснен — условия находки не дали возможности связать их с какими-либо средневековыми постройками и усадьбами⁶.

В ходе археологических исследований 2007, 2014 и 2016–2019 гг. несколько участков в восточной части Московского Кремля впервые были исследованы методами археологических раскопок (рис. 1). Наряду с культурными напластованиями и остатками построек позднего Средневековья и Нового времени в раскопах и шурфах были выявлены культурные отложения домонгольского времени и керамика и артефакты XII–XIII вв., залегающие в перетолженном виде в позднейших слоях. Часть этих материалов уже введена в научный оборот. Новые материалы недостаточны для воссоздания истории заселения восточной части Кремлевского холма

в XII–XIII вв. во всех деталях и подробной реконструкции планировки и застройки этой части города, но позволяют представить общее пространство, интегрированное в городскую среду в домонгольское время, и характер освоения отдельных участков. Задача настоящей публикации — соединить эти данные в целостную картину.

В 2007 г. были проведены первые академические раскопки на Подоле Кремля (в Тайницком саду), где удалось выявить следы оврага, разрезавшего склон Кремлевского холма по диагонали к линии берега Москвы-реки. Овраг (в той части, которая попала в границы раскопа) стал застраиваться не ранее конца XIII в., но на склоне, обращенном к берегу реки, был зафиксирован участок культурного слоя, который можно относить к значительно более раннему времени — концу XII — первой половине XIII в. (рис. 2). Наличие этого слоя с характерными находками (4 обломка стеклянных браслетов) и керамикой (около 200 обломков) (рис. 3) позволяет думать, что застройка в этом районе существовала и ранее. К сожалению, упомянутый фрагмент слоя сохранился только на очень ограниченном участке площадью около 5–6 кв. м, поскольку на всей остальной территории пройденных

⁶Там же.

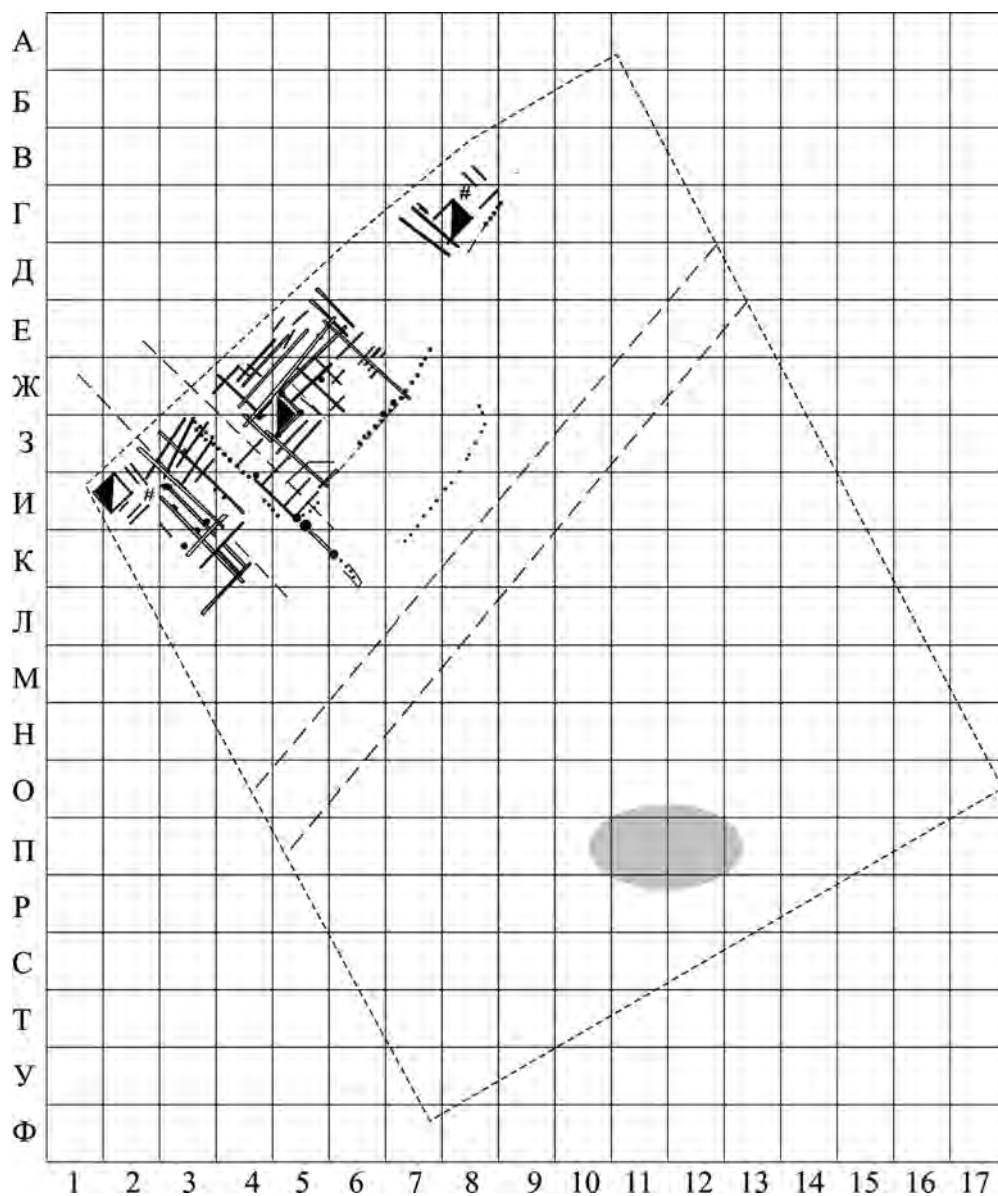

Рис. 2. Раскоп 1 на Подоле Кремля (2007 г.)
План построек конца XIII — первой половины XIV в. и участка с сохранившимся слоем домонгольской эпохи.

тут раскопов (общая их площадь достигала 700 кв. м) древнейшие отложения были полностью уничтожены (частично удалены, а частично переработаны) в ходе активного строительства, ведшегося здесь на протяжении XIV–XVII вв. Мы вправе говорить о том, что значительная часть ранних слоев была удалена отсюда, поскольку в толще более поздних отложений здесь были встречены лишь единичные образцы керамики и вещей домонгольской эпохи (15 стеклянных браслетов, 10 обломков византийских амфор), причем нет уверенности в том, что данные находки были связаны именно с этим местом, а не представляли собой мусор, смещенный вниз по склону с вершины Кремлевского холма. В то же время наличие даже очень небольшого по площади участка с непотревоженным культурным слоем домонгольского времени

позволяет утверждать, что в древности такой слой отлагался на всем москворецком склоне Кремлевского холма. Убеждает в этом и радиоуглеродная дата (1216–1260 гг. Кi-14278), полученная для основания культурного слоя на соседнем с описанным выше участком раскопе 2, где была также встречена керамика домонгольского времени, в том числе с отпечатками зубчатого колесика, которая в Москве может быть датирована первой половиной XII в.⁷

Оба участка с домонгольскими материалами размещались на склоне гривы, отделявшей овраг (врезанный в склон холма по диагонали

⁷ Кренке Н.А., Глазунова О.Н., Ершов И.Н., Олейников О.М. Стратиграфический раскоп на Подоле Московского Кремля // Краткие сообщения Института археологии. М., 2016. Вып. 243. С. 113, 114. Рис. 3.

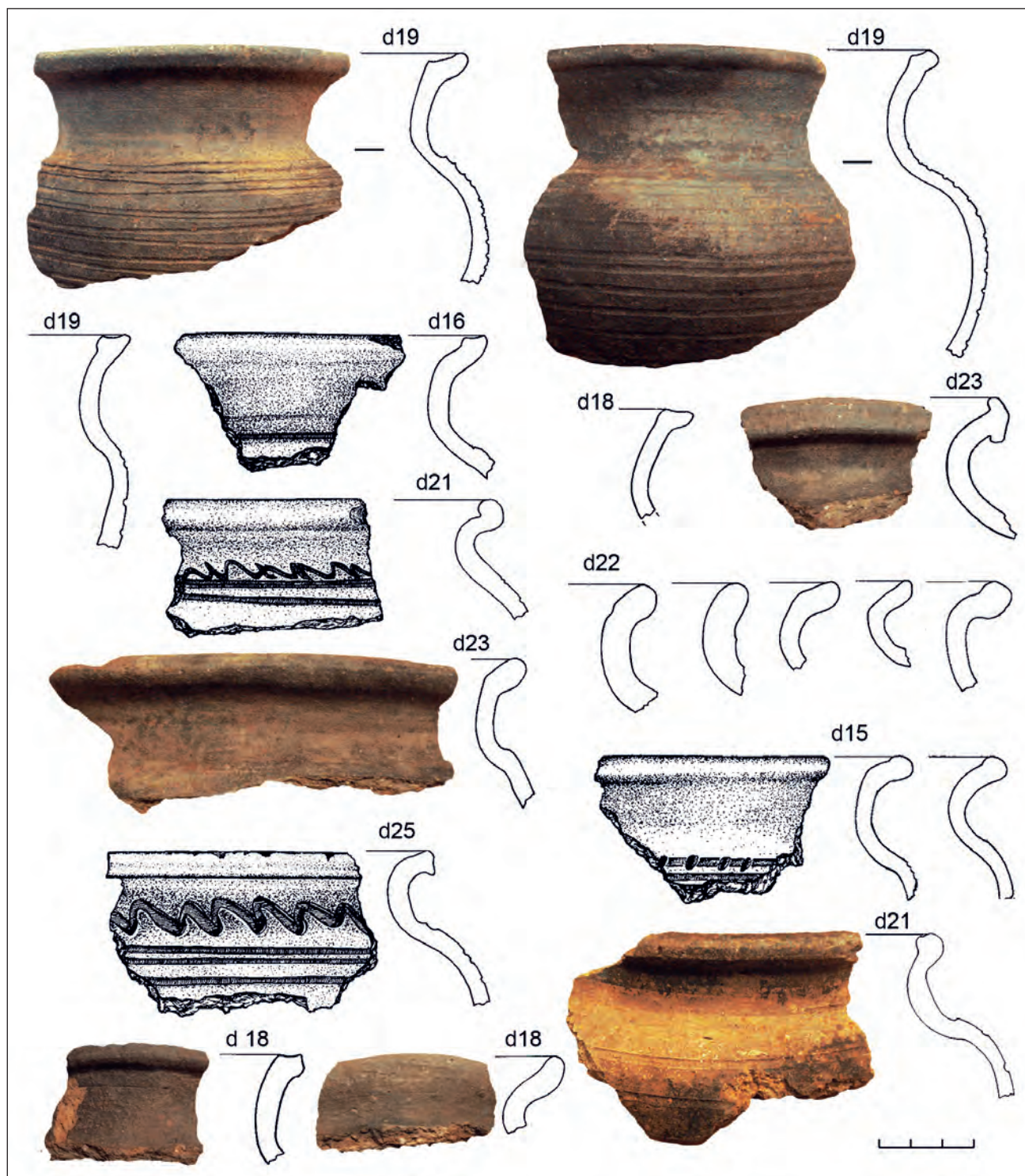

Рис. 3. Керамика домонгольской эпохи с раскопа 1 на Подоле Кремля (2007 г.).

к береговой линии реки) от низины на левом берегу Москвы-реки. Наличие отложений культурного слоя на этих участках позволяет думать, что он был освоен уже в самый ранний период жизни города. Появление впоследствии на вершине гривы (как

раз между двух раскопов) церкви свв. Константина и Елены (первое упоминание в 1470 г.)⁸ указывает

⁸Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 158.

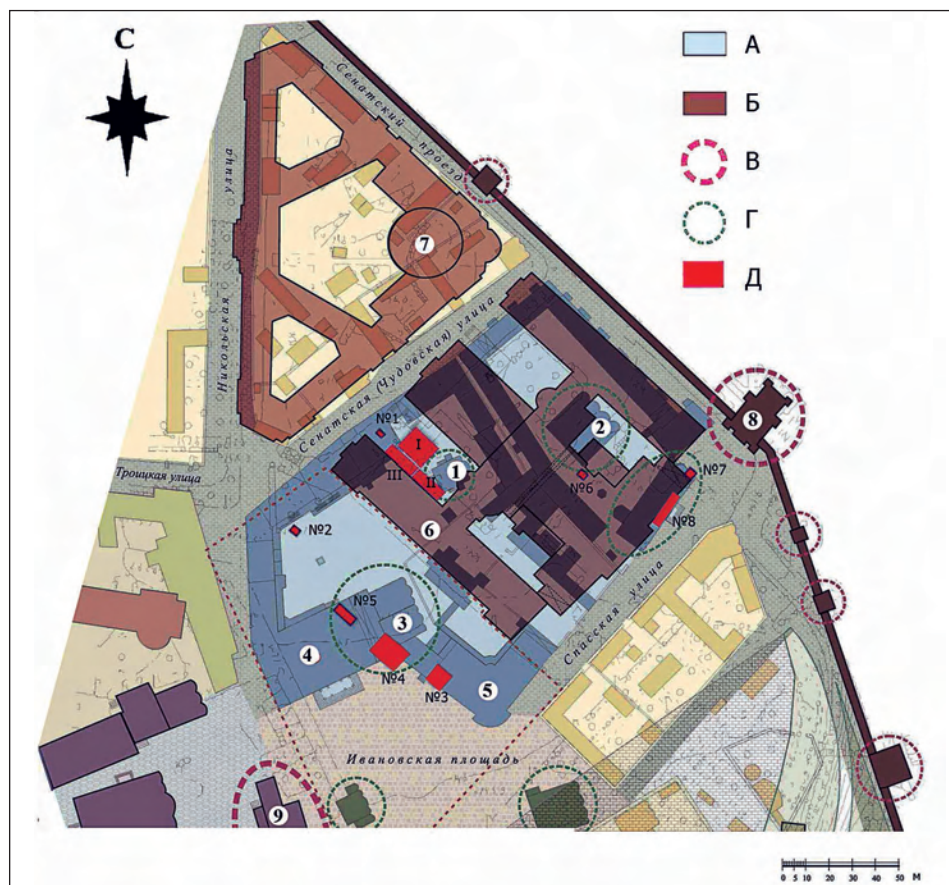

Рис. 4. Схема восточной части Кремля с размещением шурфов и раскопов 2016–2019 гг.

- 1 — собор Чуда Архистратига Михаила;
- 2 — собор Вознесения;
- 3 — церковь св. Алексия Митрополита;
- 4 — трапезная Чудова монастыря; 5 — Малый Николаевский дворец;
- 6 — контур корпуса № 14; 7 — Сенат;
- 8 — Спасская башня;
- 9 — колокольня Ивана Великого.

А — здания Чудова и Вознесенского монастырей, разрушенные в 1929–1932 гг.;

Б — стены и башни Кремля; В — существующие архитектурные доминанты; Г — утраченные церкви;

Д — раскопы и шурфы 2016 г. (I–III — раскопы, № 1–8 — шурфы).

на то, что вокруг этой церкви имелась зона жилой застройки, жители которой составляли ее приход. Вероятно, время формирования этой зоны застройки могло восходить к домонгольской эпохе. Надежно зафиксированное существование уже в XIV в. на гребне гривы дороги-улицы позволяет думать, что эта грива была одним из удобных путей подъема-спуска («взвоза») от берега Москвы-реки к стенам города на вершине Кремлевского холма. Этот взвоз мог использоваться и в более раннее (домонгольское) время, выступая в качестве стержня, формировавшего посадскую застройку ранней Москвы. Остатки наиболее ранних жилых построек, открытых на участке исследований к западу от церкви свв. Константина и Елены, относятся к концу XIII — первой половине XIV в., когда они стали выстраиваться вдоль дороги-улицы («взвоза»)⁹.

Еще более интересные результаты дали раскопки 2014 и 2016–2018 гг. на месте и вокруг корпуса № 14, проводившиеся в связи с его демонтажом (2015–2016 гг.). Некоторые важнейшие итоги этих

исследований опубликованы¹⁰. Наиболее обширный по площади участок раскопок размещался в центральной части того места, где в середине XIV столетия возник Чудов монастырь, рядом с несохранившимся собором Чуда Архангела Михаила в Хонех. Раскопом и шурфами 2014 г. удалось вскрыть небольшой участок (более 40 кв. м) к юго-востоку от собора, неподалеку от места обнаружения клада в 1988 г. Культурный слой здесь был сильно поврежден, но сохранились заглубленные в материк ямы домонгольского времени, судя по которым участок размещения клада в момент его тезаврации был застроен. Датировка археологических комплексов раннего горизонта на всей этой территории базируется на значительной серии вещей-хроноиндикаторов: стеклянных браслетов, шиферных пряслиц, обломков стеклянных сосудов киевского

⁹ Дубровин Г.Е., Коваль В.Ю. Усадебная застройка раскопа 1 в Тайницком саду Московского Кремля (предварительная публикация) // Археология Подмосковья. М., 2014. Вып. 10. Рис. 6–8.

¹⁰ Макаров Н.А., Энговатова А.В., Коваль В.Ю. Археологические исследования в восточной части Московского Кремля в 2014–2016 гг. // Краткие сообщения Института археологии. М., 2017. Вып. 246. С. 7–27; Макаров Н.А., Энговатова А.В., Коваль В.Ю., Модин Р.Н. Раскопки в восточной части Московского Кремля в контексте изучения городов Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. // Российская археология. 2018. № 4. С. 95–113; Археология Московского Кремля. Раскопки 2016–2017 гг. / Под ред. Н.А. Макарова и В.Ю. Ковалья. М., 2018.

производства, ключей от замков, роговых гребней, стеклянных, каменных и металлических бус, височных колец и других украшений¹¹.

Шурфы, заложенные южнее собора, на краю Ивановской площади, не только вскрыли фундаменты построек позднего Средневековья и Нового времени (Алексеевской церкви Чудова монастыря и Малого Николаевского дворца), но и показали присутствие в переотложенных средневековых слоях археологического материала домонгольского времени (рис. 4). В одном из шурфов над материком были зафиксированы слои конца XII — первой половины XIII в. и следы частокольной ограды (рис. 5а), в другом домонгольские находки фиксировались в позднем перекопе. Участки частокольных и плетневых (рис. 5б) оград сохранились и на площади раскопов, изученных в подвале корпуса № 14, причем они были связаны с самым нижним горизонтом культурного слоя, залегавшего непосредственно поверх материка. Здесь же были обнаружены остатки заглубленных в материк крупных погребов (размерами до 5 × 5 м) и небольших хозяйственных ям конца XII — XIII в., которые перерезали более ранние трассы оград¹². Важно указать на то, что ориентировка оград отличалась от пространственного размещения прорезавших их котлованов и ям, а это значит, что к моменту начала застройки территории вся планировка участка полностью изменилась. Таким образом, раздел земли оградами произошел тут на самом раннем этапе, еще до строительства строений с погребями. На этом этапе происходило лишь размежевание земли, но строительство еще не началось. Присутствие среди находок вещей и керамики, датируемых временем не позднее первой половины XII в. (подковообразной фибулы¹³, керамики с орнаментацией штампом-колесиком), позволяет думать, что восточная часть Кремлевского холма начала осваиваться в середине — второй половине XII в.

Наиболее крупные погребя, исследованные на раскопанных площадях, были датированы интервалом от конца XII до второй трети XIII в.,

¹¹ Археология Московского Кремля... С. 62–71; *Столярова Е.К., Коваль В.Ю.* Стеклянные браслеты восточной части Московского Кремля (предварительные результаты работ 2016 года) // Краткие сообщения Института археологии. М., 2017. Вып. 249. Ч. 2. С. 86–94.

¹² Археология Московского Кремля... С. 52–61.

¹³ Макаров Н.А., Энговатова А.В., Коваль В.Ю. Археологические исследования... Рис. 6, 3.

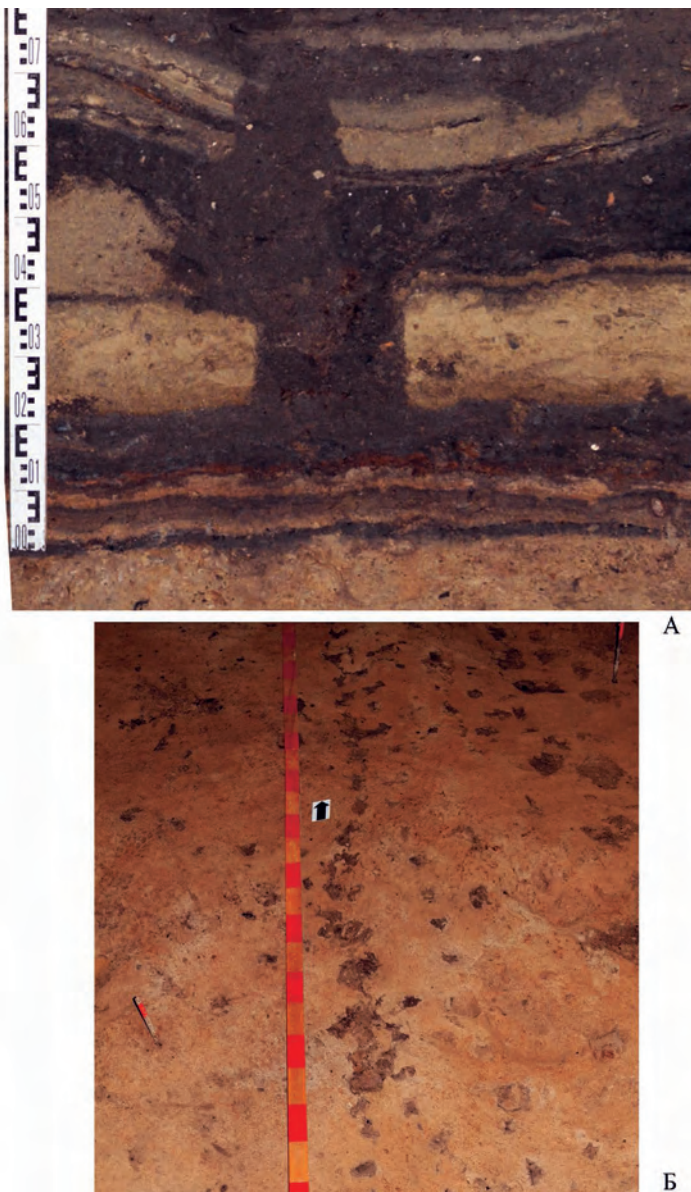

Рис. 5. Следы оград домонгольского времени в восточной части Кремля.

А. Разрез частокольной канавы в шурфе 4 на Ивановской площади.

Б. Следы плетневой ограды на материке в раскопе I в корпусе № 14 Московского Кремля.

прежде всего исходя из их стратиграфической позиции. С одной стороны, эти погребя прорезали остатки более ранних оград (описанных выше) и, как было уже замечено, имели совершенно иную ориентировку (сдвиг оси межевания составлял около 45°), а с другой — они были перекрыты культурным слоем, отложившимся после нивелировки котлованов. Датировка этого слоя может быть определена в пределах не позже второй четверти XIII в., поскольку он содержал максимальное количество

Рис. 6. Профиль раскопа II в подвале 14-го корпуса Московского Кремля с отложениями домонгольского времени (включая угольную прослойку пожара 1238 г., отмечена стрелкой)

наиболее крупных обломков стеклянных браслетов, тогда как в более высоко лежащих слоях обломки таких браслетов тоже встречались, но в меньшем числе и более мелкие по размерам, т.е. там они составляли уже переотложенный материал. Для примера приведем данные по яме 50, исследованной наиболее полно: в заполнении этой ямы, сформированной в ходе ее засыпки, присутствовали 10 обломков стеклянных браслетов, перекрывавших эту засыпку слое — 70 экз., а в еще более высоко лежащих слоях — 17 мелких обломков. Отсюда становится ясно, что заполнение ямы 50 (и других крупных котлованов) произошло также не позднее (или, что вероятнее, несколько ранее) предмонгольского времени, т.е. во втором-третьем десятилетиях XIII в. В ранних отложениях ямы 50 отсутствовал материал для радиоуглеродного датирования, однако он был получен из слоев, отложившихся в непосредственной близости к ней и стратиграфически с ней связанных. Среди этих дат имеются прямо указывающие на время Батыева нашествия, а в перекрывающих слоях — соответственно более поздние¹⁴.

Если признать, что сделанные выше наблюдения верны, то из них неизбежно следуют два вывода:

¹⁴ Макаров Н.А., Энговатова А.В., Коваль В.Ю., Модин Р.Н. Раскопки в восточной части Московского Кремля... С. 109; Археология Московского Кремля... С. 58, 60.

1) котлованы, засыпанные в первой трети XIII в., должны были быть выкопаны в более раннее время, отодвигающееся не позже чем в конец XII в., а может быть, и еще раньше, поскольку постройки с обширными погребями должны были простоять некоторое время — как минимум, 10–20 лет;

2) ликвидация погребов, а с ними и перекрывавших их наземных домов произошла не в связи с Батыевым нашествием, а несколько ранее. Этот вывод подтверждается также тем, что в заполнениях и — что более важно — на дне этих сооружений не встречено следов пожара или какого-то иного катастрофического их разрушения: здесь не найдено ни обугленной древесины, ни предметов вооружения. Еще более важно, что не встречено и каких-то иных бытовых вещей, остающихся обычно в погребке после любого бедствия, — брошенных или сломанных орудий, разбитых керамических сосудов. Отсюда можно сделать вывод, что погреба были оставлены в спокойной обстановке, все ценные вещи из них вынесены, а наземные части зданий разобраны.

К этим наблюдениям следует добавить еще одно, касающееся самых ранних домонгольских отложений культурного слоя на данном участке. Характер этих отложений необычен и включает чередующиеся прослойки материкового песка с гумусированными прослойками (рис. 6), которые почвоведы и палинологи интерпретируют как следы перекапывания земли (например, на огородах)

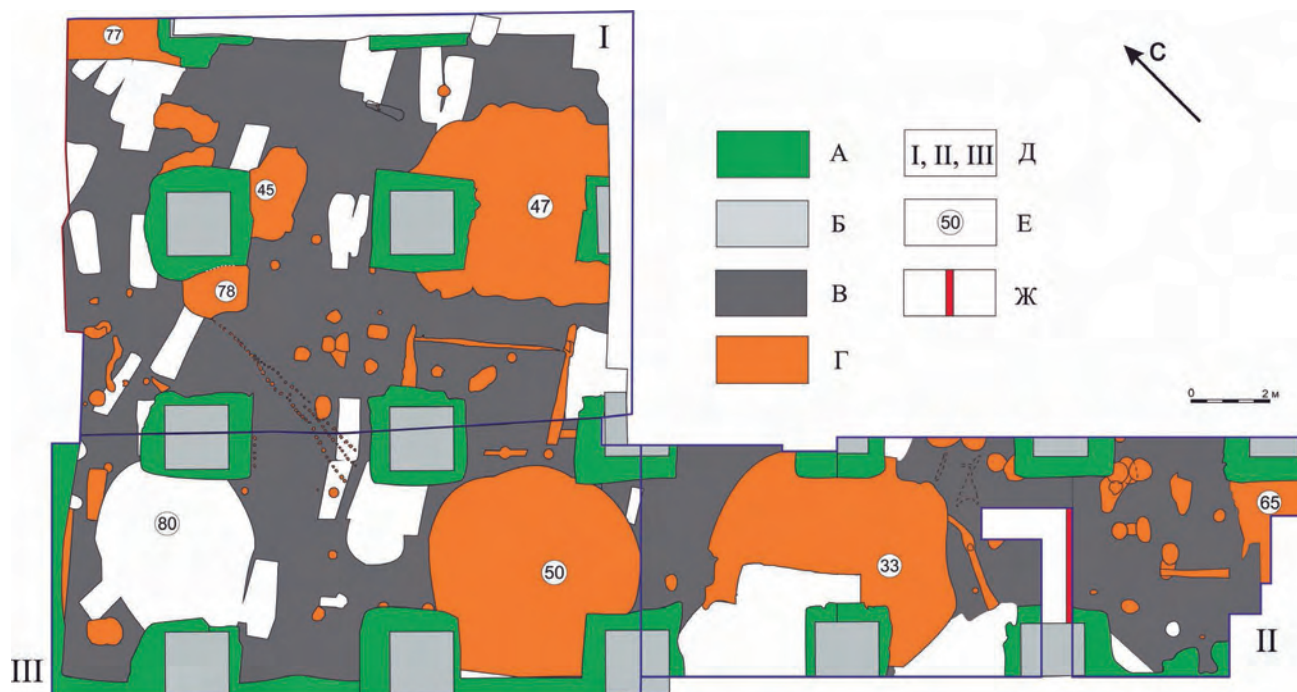

Рис. 7. План раскопов в подвале корпуса № 14

с размещением оград середины — второй половины XII в. и котлованов погребов конца XII — начала XIII в. А. Перекопы XX в. Б. Белокаменные базы колонн 1930-х гг. В. Культурный слой конца XII — первой половины XIII в. Г. Ямы и котлованы построек домонгольской эпохи. Д. Номера раскопов. Е. Номера объектов (ям). Ж. Профиль со стратиграфией, включающей слой пожара 1238 г. (см. рис. 6)

и прослойки древесного тлена, но не типичные городские культурные слои¹⁵. Учитывая, что в верхней части описываемой стратиграфии залежали следы пожара, который, по данным радиоуглеродного датирования¹⁶, можно связывать с Батыевым нашествием (как видим, это бедствие не минуло совсем восточную часть Кремлевского холма), вся оставшаяся толща разнохарактерных наслоений может быть отнесена к более раннему времени.

Чередование песчаных и гумусированных отложений, общая мощность которых превышает местами 60 см, можно объяснять самыми разными причинами: выбросами из котлованов погребов, следами иного строительства, делювиальным сносом материкового грунта вниз по склону с вершины холма, располагавшейся к северу, на месте нынешнего

здания Сената. Однако эти рассуждения проверяются очень просто: по самым скромным подсчетам, на площади около 400 кв. м (изученной раскопом) из имеющихся на ней котлованов была вынута масса материкового песка, равная примерно 150 куб. м. Если ее распределить равномерно по этой площади (за вычетом площади котлованов), то получился бы слой песка толщиной 30–50 см. Именно такую картину мы и видим в раскопе: из 50–60 см толщи слоистых отложений песок составлял не более двух третей (т.е. около 30–40 см). Поэтому допустимо предполагать, что все прослойки песка на данном участке являются именно выбросами из котлованов больших погребов.

Смена первоначальной планировки участка, фиксируемой по следам оград, на новую была связана со строительством ряда крупных погребов, маркирующих, несомненно, размещение усадеб с обширными наземными домами, многие из которых, вероятно, стояли непосредственно над погребями (рис. 7). Одинаковая ориентация всех исследованных котлованов заглубленных построек (погребов) приводит к неизбежному выводу о единой планировке данного участка и размещении построек вдоль улицы, трасса которой не попала в пределы раскопов. Судя по ориентировке котлованов, эта улица могла проходить по направлению с северо-запада на юго-восток

¹⁵ Алешинская А.С., Борисов А.В., Кочанова М.Д. Результаты палеопочвенных и палинологических исследований культурного слоя в восточной части Кремлевского холма // Материалы междисциплинарной научной конференции «Археология и естественные науки в изучении культурного слоя объектов археологического наследия», 14–15 ноября 2018 г., ИА РАН, Москва, М., 2018. С. 16–23; Гольева А.А., Хохлова О.С., Энговатова А.В., Коваль В.Ю., Алешинская А.С., Кочанова М.А., Макеев А.О., Пузанова Т.А., Курбанова Ф.Ф. Исследование древних почв восточной части Московского Кремля // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. М., 2019. Вып. 15. С. 29–42.

¹⁶ Археология Московского Кремля... С. 58.

параллельно ныне существующей стене Кремля несколько западнее исследованных раскопок (рис. 1, 4). Котлованы погребов несколько выделяются по своим размерам среди обычных сооружений такого рода, известных по раскопкам в городах Северо-Восточной Руси. Среди найденных здесь артефактов нет «статусных вещей», которые могли бы однозначно указывать на связь этих усадеб с боярством, но реконструированные размеры построек позволяют предположить принадлежность их нерядовому населению.

В результате реконструируется следующая последовательность освоения данного участка: в середине XII в. или немногим позже территория к западу от будущей Спасской башни Кремля использовалась в качестве огородов и разделялась на участки легкими частоколами или плетнями. На протяжении второй половины XII в. тут была проведена масштабная перепланировка, в ходе которой были размежеваны участки для усадеб, на которых возводились крупные постройки с глубокими и обширными погребями. Однако приблизительно в первой трети XIII в. все эти постройки были ликвидированы, а погребя засыпаны. При этом жизнь на данной территории не остановилась — здесь продолжал накапливаться культурный слой, насыщенный бытовым материалом, включая стеклянные браслеты, вырывались небольшие ямы, которые могли использоваться как подполья или подпечные ямы в жилых домах.

Случаи радикальной перепланировки обширных участков древнерусских городов в XII — первой половине XIII в. хорошо документированы археологическими исследованиями последних десятилетий, причины этих действий часто неясны. Рассматривая возможные причины перепланировки участка с городскими усадьбами в раскопе в подвалах 14-го корпуса можно в общем виде высказать предположение, что она могла быть связана с расширением или обновлением московских фортификаций в напольной их части, на том участке, который был наиболее уязвим и требовал наибольшего внимания. Однако оценить обоснованность этого предположения станет возможной лишь после того, когда археологам удастся точно локализовать и документировать оборонительные сооружения ранней Москвы в восточной ее части.

Т.Д. Панова, изучив материалы шурфов, наблюдений и геологических бурений на территории Кремля за период 1959–2000 гг., реконструировала линию укреплений предмонгольского времени на восточном фланге города фактически по трассе кирпичной стены конца XV в.¹⁷ Между тем никаких масштабных археологических исследований в этой зоне не проводилось. Здесь Т.Д. Панова опиралась

¹⁷ Панова Т.Д. Историческая и социальная топография... С. 50–71. Цв. вкл. 15, 16.

в основном на данные бурения, а также на материалы шурфа и двух «котлованов», располагавшихся на узком пространстве между Спасской башней и зданием корпуса № 14. Базой для вывода о наличии здесь «песчаного вала» стало обнаружение в этих вскрытиях массивов песка на небольшой глубине от современной поверхности, однако никаких данных для датирования этих отложений получено не было¹⁸. Отсутствовали они по понятным причинам и в скважинах геологического бурения. Между тем происхождение песка, зафиксированного фактически только в одном месте, остается не вполне ясным, но, даже если допустить, что он принадлежал остаткам «вала» (т.е. руинам древо-земляной стены), время появления этих конструкций здесь остается неясным и однозначных оснований отнести их к домонгольской эпохе нет.

Очевидно, что только дальнейшие раскопки в Кремле помогут ответить на вопрос об этапности расширения защищенной стенами территории, конструкции укреплений домонгольского времени и эпохи Ивана Калиты. Однако уже сейчас ясно, что до Батыева разорения заселенная территория, на которой размещались не только рядовые, но весьма богатые усадьбы, выходила за пределы детинца и распространялась вдоль левого берега Москвы-реки далеко на восток.

Массовый керамический материал является одним из наиболее надежных датирующих признаков, однако следует признать, что для Кремля этот признак пока нельзя рассматривать в качестве серьезно проработанного. Дело в том, что ранняя керамика Кремля крайне редко становилась объектом внимания археологов и до сих пор остается практически не опубликованной. Причины тому очевидны — в руки исследователей не попадали чистые и притом достаточно представительные комплексы домонгольского времени. Раскопки 1959–1960 гг. проводились на небольшой площади и фактически в авральном режиме, а шурфовки и археологические наблюдения последующих лет не позволяли получить такие комплексы. До недавнего времени о керамике Москвы домонгольской эпохи можно было судить лишь по материалам раскопок в Историческом проезде, в Казанском соборе, в Богоявленском монастыре и на правобережье р. Неглинной¹⁹, исследований подмосковных курганов²⁰, некоторых подмосков-

¹⁸ Там же. Ил. 39.

¹⁹ Беляев Л.А. Керамический комплекс из собора Богоявленского монастыря // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991. С. 14–19; Чернов С.З. Хронология московской керамики XIII — середины XV в. // Там же. С. 21; Археология Романова двора. Предыстория и история центра Москвы / Авт.-сост. Н.А. Кренке. М., 2009. С. 47–68. Рис. 176–199 (автор глав Н.А. Кренке).

²⁰ Равдина Т.В. Керамика из датированных погребений в курганах Подмоскovie // Московская керамика.

ных селищ²¹ и лишь в самой незначительной степени — по раскопкам 1959 г. на месте Дворца съездов. Здесь в пяти комплексах (срубная постройка, клетки древо-земляной стены, заполнение рва и предметериковые слои) были собраны 1072 обломка керамики, которые были отнесены к нескольким группам кухонной посуды — «серой» (629 шт.), «курганной» (413 шт.) и белоглиняной (9 шт.)²². Поскольку характеристики «серой» и «курганной» керамики чрезвычайно расплывчаты и взаимопересекаются, фактически можно говорить о едином по составу керамическом комплексе. В 1950-х–1960-х гг. шкала московской керамики еще не была всерьез разработана (если не считать первых, весьма приблизительных прикидок М.Г. Рабиновича²³). Эта шкала появилась лишь десятилетием позже благодаря трудам Р.Л. Розенфельдта²⁴, но и она не включала какой-то стройной градации керамики домонгольской эпохи, а первая типология так называемой серой керамики была разработана лишь 30 лет спустя С.З. Черновым²⁵. Не существовало ни типологии венчиков горшков домонгольской поры, ни данных о соотношении этих типов, как и разных групп керамики по технологии производства (такие исследования стали появляться лишь начиная с 1990-х гг.)²⁶, поэтому реальная структура обнаруженных в 1959 г. комплексов сегодня уже не может быть установлена. Допустимо лишь, опираясь на опубликованные М.Г. Рабиновичем и Т.В. Равдиной зарисовки профилей венчиков²⁷, давать суммарную оценку всей совокупности полученного при раскопках материала, полностью солидаризируясь с мнением

Новые данные по хронологии. С. 7–13; *Энговатова А.В., Коваль В.Ю., Зоц Е.П., Столярова Е.К., Сарачева Т.Г.* Мякининские курганы. Мякининский археологический комплекс в Подмосковье // *Материалы спасательных археологических исследований*. М., 2018. Т. 21. С. 91–98.

²¹ *Кренке Н.А.* Селище Дьяково-пойма — древнерусская деревня XI–XII веков в Коломенском // Коломенское: Материалы и исследования. М., 1992. Вып. 3. С. 7–15; *Нефедов В.С., Кренке Н.А.* Древнерусское селище Царицыно-3 // *Археология парка Царицыно: По материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002–2008 гг.* / Авт.-сост. Н.А. Кренке. М., 2008. С. 93–100; *Коваль В.Ю.* Новая методика статистической обработки керамики и некоторые результаты ее применения (на примере селища Мякинино-1 в Подмосковье) // *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале*, 2008 г. М., 2008. Т. 2. С. 340–345.

²² *Рабинович М.Г.* Культурный слой центральных районов Москвы // *Древности Московского Кремля* (Материалы и исследования по археологии СССР. № 167). М., 1971. С. 87–99.

²³ *Рабинович М.Г.* Московская керамика // *Материалы и исследования по археологии СССР*. М.; Л., 1949. № 12. С. 57–105.

²⁴ *Розенфельдт Р.Л.* Московское керамическое производство XII–XVII вв. (САИ. Вып. Е1-39). М., 1968.

²⁵ *Чернов С.З.* Хронологии московской керамики... С. 20–32.

²⁶ *Кренке Н.А.* Селище Дьяково-пойма... С. 7–15.

²⁷ *Рабинович М.Г.* Культурный слой... Рис. 19; *Равдина Т.В.* Еще раз о датировке древнего слоя Москвы // *Советская археология*. 1963. № 1. Рис. 3, 6.

Т.В. Равдиной о том, что самая древняя керамика из раскопок 1959 г. может быть датирована не ранее второй половины XII в., притом что керамики более раннего времени (XI — первой половины XII в.) среди опубликованных образцов нет вообще²⁸.

Из статистических данных, полученных в 1959 г., важное датирующее значение имеют сведения о том, что среди 1072 обломков керамики, собранных в ранних комплексах, только 9 принадлежали к белоглиняной керамике. В середине XX в. исследователи еще не знали о бытовании в Москве этой посуды. Сегодня такая керамика обнаружена при раскопках как в центральных районах Москвы, так и ее периферии — на селищах в Мякинино, Царицыно, а также в Звенигородско-Истринском регионе, где такая посуда бытовала в середине XII в., составляя на некоторых памятниках до половины керамических наборов²⁹. К последней четверти XII в. она перестала производиться в Верхнем Москворечье, хотя в это время она могла поступать в Москву из Поочья. Установлено, что к рубежу XII–XIII вв. белоглиняная керамика уже не использовалась в Москве и ее окрестностях. Таким образом, минимальное присутствие этой керамики в слоях Кремля, исследованных в 1959 г., свидетельствует об их отложении не ранее второй половины XII в.

Работы в Московском Кремле 2016–2018 гг. впервые дали возможность заново рассмотреть раннемосковский керамический материал из комплексов, датированных концом XII — первой половиной XIII в. (как слоев, так и заполнения ям и котлованов погребов), на современном научном уровне. Общий объем керамического материала из комплексов этого времени составил более 3,5 тыс. обломков.

В наиболее ранних прослойках раскопов, отложившихся до 1230-х гг. (стратиграфический слой «Г») было собрано 910 образцов керамики, которые целесообразно рассматривать, суммируя с комплексом из заполнения ямы 50 (котлована постройки, ликвидированного до монгольского нашествия, вероятно, в первой трети XIII в.), объем которого составлял 771 экз. Из суммарного комплекса, составлявшего 1681 образец, к белоглиняной керамике домонгольского времени относились всего 20 небольших обломков, составлявших 1,2% керамического сбора. Эти данные сопоставимы с материалами раскопок 1959 г., где такая керамика составляла 0,8% в ранних слоях, но резко

²⁸ *Равдина Т.В.* Еще раз о датировке... С. 108, 109.

²⁹ *Коваль В.Ю., Хижняков О.И.* Средневековые поселения в селе Аносино на Истре (к вопросу о керамике верхнего Москворечья в XII в.) // *Археология Подмосковья. Материалы научного семинара*. М., 2005. Вып. 2. С. 153–183; *Коваль В.Ю.* Светлоглиняная керамика в Подмосковье: Звенигородский регион // *Археология Подмосковья. Материалы научного семинара*. М., 2008. Вып. 4. С. 161–180; *Коваль В.Ю.* Новая методика... С. 340–345; *Нефедов В.С., Кренке Н.А.* Древнерусское селище Царицыно-3... С. 93–100.

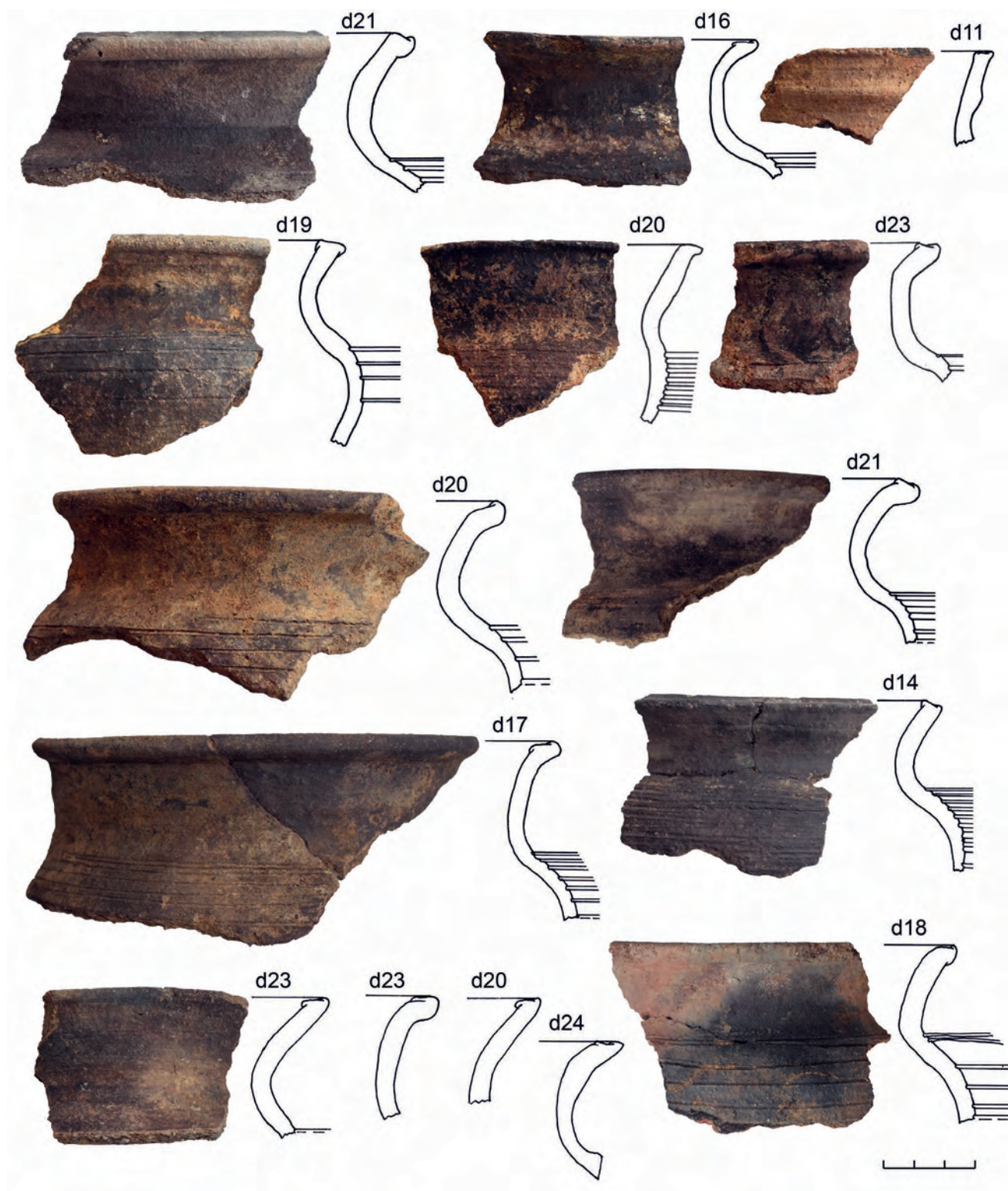

Рис. 8. Раскопы в подвалах 14-го корпуса. Профили венчиков горшков из ранних слоев. Тип. 1

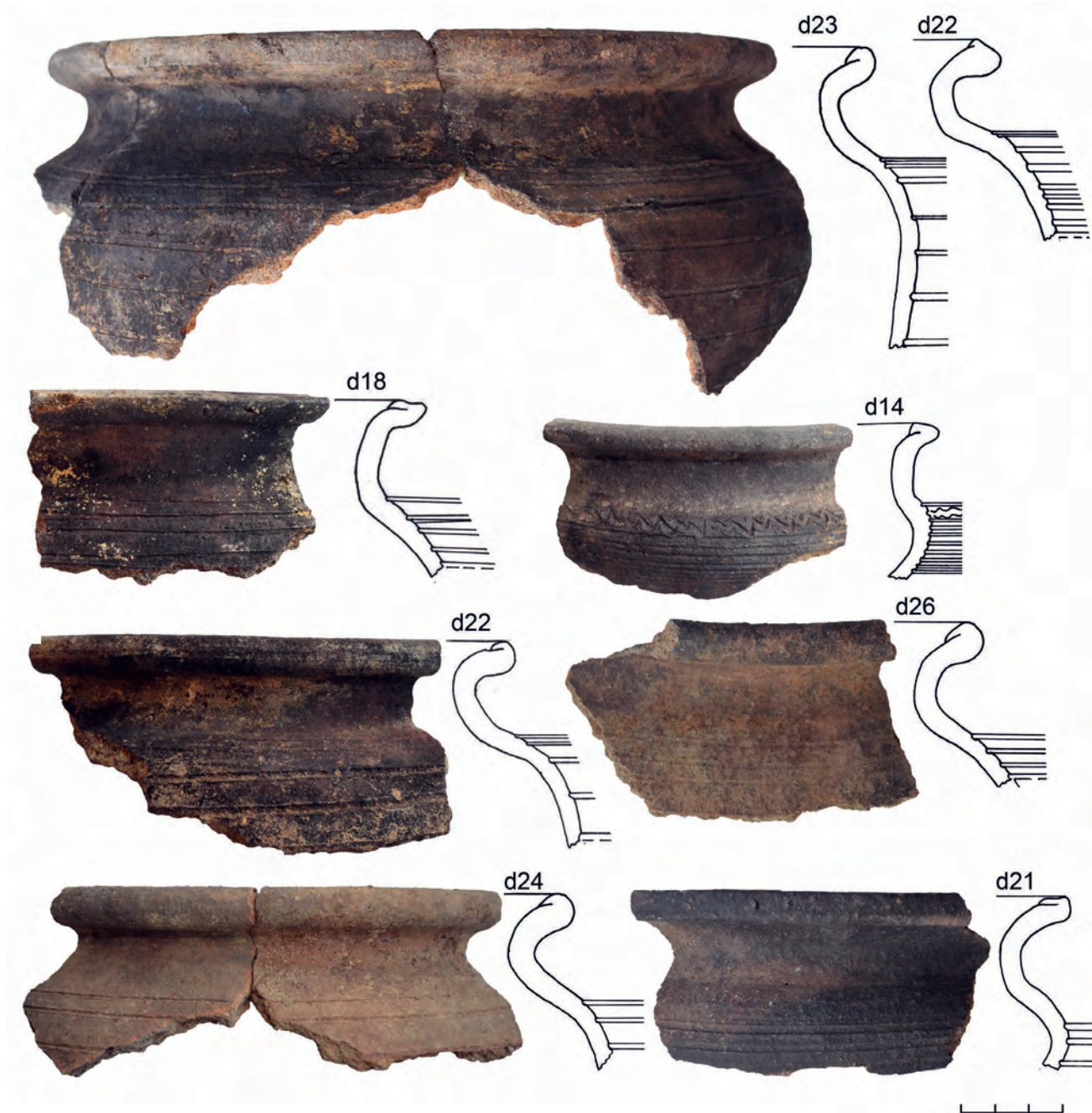

Рис. 9. Раскопы в подвалах 14-го корпуса. Профили венчиков горшков из ранних слоев. Тип. 7

отличаются от комплексов середины XII в., прослеженных в Мякинино и Царицыно, где белоглиняная керамика доминировала.

Для характеристики рассматриваемого керамического комплекса важно указать на такие его характеристики, как абсолютное преобладание днищ на подсыпках золы (тип 4)³⁰, доминирование вен-

чиков типов 1 и 8 при заметной доле венчиков типов 7 и 8а (рис. 8–11) и почти полное отсутствие любой

системе статистической фиксации керамики (Коваль В.Ю. Первичная фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы // Методика полевых археологических исследований. Вып. 9. М., 2016), применявшейся при раскопках в Кремле начиная с 2007 г. (Коваль В.Ю. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2016. Вып. 12. С. 437–475).

³⁰ Здесь и далее типология днищ и венчиков представлена по опубликованной, так называемой «упрощенной»,

Рис. 10. Раскопы в подвалах 14-го корпуса. Профили венчиков горшков из ранних слоев. Тип. 8

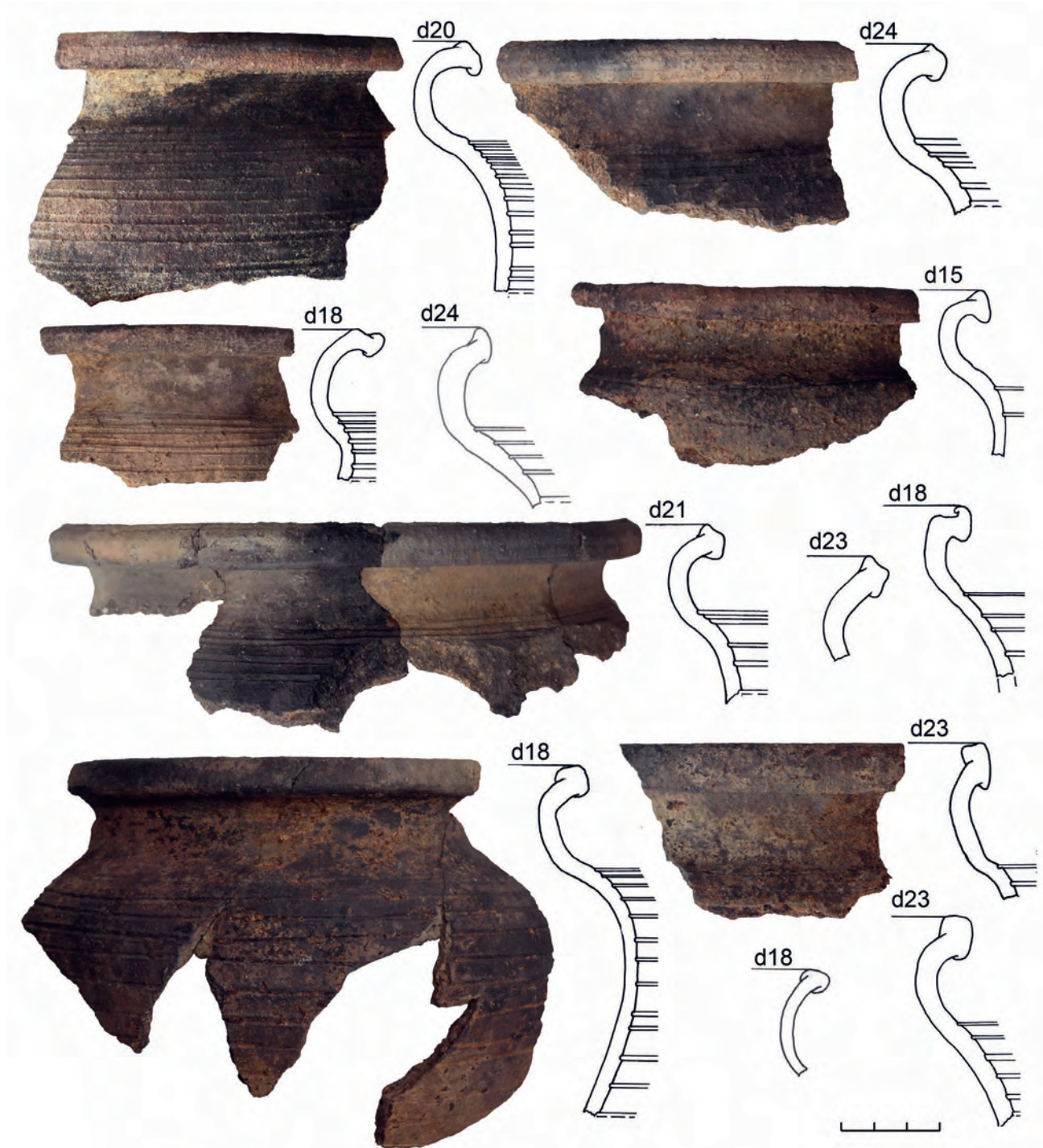

Рис. 11. Раскопы в подвалах 14-го корпуса. Профили венчиков горшков из ранних слоев. Тип. 8а

иной орнаментации, за исключением линейной, выполненной палочкой (табл. 1). Здесь надо указать на полную идентичность керамического материала из раскопок в корпусе № 14 и на территории Подола Кремля (рис. 3), а также на существенные его отличия от эталонных комплексов XIV в., изученных

на Подоле в 2007 г.³¹ Прежде всего, последние отличаются более высокой долей днищ на подсыпках дресвы (тип 5), в них практически отсутствовали венчики типа 1 («цилиндрические» и «в виде низкой

³¹ Коваль В.Ю. Керамика из раскопок на Подоле... Табл. 1.

конической воронки»), в 3–4 раза меньше доля венчиков типов 8 и 8а, но гораздо выше доля венчиков типа 7.

Определенный интерес представляет также рассмотрение признаков керамики, зафиксированной в горизонте «В-4», перекрывавшем яму 50 и, как было отмечено выше, характеризовавшемся максимальным количеством крупных обломков стеклянных браслетов. В этом горизонте собран представительный керамический комплекс из 1138 обломков керамической посуды (исключительно горшков), в котором белоглиняная керамика середины XII в. была представлена 9 обломками (0,8%). Все остальные характеристики этого комплекса в целом совпадают с комплексом слоя «Г» и ямы 50 (табл. 1), что позволяет говорить об их хронологической близости в рамках домонгольского периода. Таким образом, керамический материал, по меньшей мере, не противоречит предложенной на основании анализа стратиграфии и вещевых находок датировке ранних слоев началом или первой третью XIII в., а горизонта «В-4» — не позже второй четверти XIII в.

Таблица 1.
Основные статистические характеристики керамических комплексов из наиболее ранних слоев Московского Кремля (раскопки 2016–2018 гг.)

	Всего	Днища (типы)		Венчики (типы)				Орнаментация		
		4	5	1	7	8	8а	Лин.	Волн.	Штамп
Слой «Г»										
Шт.	1681	118	10	64	72	131	59	679	7	1
%	100	89	7,6	17,8	20,1	36,5	16,4	98,5	1,5	0,1
Горизонт «В-4»										
Шт.	1138	80	4	59	37	98	29	544	2	0
%	100	95	5	21,6	13,5	43,9	11,1	99,5	0,3	-

Раскопки 2016–2019 гг. на месте корпуса № 14 позволили сделать еще одно важное наблюдение — о длительном континуитете в заселенности исследованного участка Кремля. Культурные отложения здесь формировались без хронологических разрывов с конца XII вплоть до середины XIV в., после чего жилая застройка стала меняться на монастырскую и начал формироваться прицерковный некрополь. Наряду с культурным слоем второй половины XIII — первой половины XIV в. зафиксировано и несколько небольших ям этого периода (до 1,5–2 м в поперечнике), которые сложно точно интерпретировать, но все же наиболее вероятно их связь с жилыми постройками, где эти ямы могли служить в качестве небольших подполий (рис. 12). Концентрация этих сооружений существенно ниже по сравнению с домонгольским

периодом, однако наряду с ними обнаружены массивы печной глины (остатки разрушенных печей жилых построек) и остатки полностью сгоревшей наземной деревянной постройки с полом из массивных плах (сооружение 15 над ямой 33), датированной радиоуглеродным анализом в пределах XIV в.³² К сожалению, в сохранившейся части постройки, полные размеры которой не могли быть установлены, не было следов отопительного сооружения, поэтому однозначно определить назначение постройки невозможно. Однако из перечисленных фактов видно, что восточная часть нынешнего Кремля имела постоянную застройку на всем протяжении раннемосковского времени, причем ни Батыево нашествие, ни иные события не вызвали заметных перерывов в заселенности этой части города. Лишь переход участка во владение церкви повлек за собой существенные изменения в накоплении культурного слоя, его насыщенности и даже гранулометрическом составе (имеются в виду как выбросы материкового грунта из могильных ям, так и прослойки белокаменных отесков, формировавшиеся при каждом строительстве или ремонте собора Чуда Архангела Михаила и окружавших его строений).

Таким образом, раскопки в восточной части Московского Кремля, впервые проведенные здесь в каноническом академическом режиме, позволили существенно прояснить археологический облик и историческую топографию той части ранней Москвы, которая до последнего времени оставалась большим «белым пятном».

Собранные в различных точках материалы подтверждают наблюдения о распространении культурных отложений домонгольского времени здесь на значительной площади, включая как нижнюю часть склона Кремлевского холма на территории современного Тайницкого сада, так и участки на вершине коренной террасы, до недавнего времени занятые 14-м корпусом. На территории восточной части Кремля (по крайней мере, на отдельных ее участках) в последней трети XII в. сформировалась плотная усадебная застройка. Представление о ранней Москве как о большом городе, переживающем бурный рост в предмонгольское время, получает благодаря новым раскопкам серьезное подкрепление.

Исследования последних десятилетий выявили усадьбы с остатками построек внушительных размеров и с высокой концентрацией артефактов, характеризующих городской «стиль жизни», как в центрах, так и на окраинах древнерусских городов, в том числе за пределами городских стен. Тем не менее общий характер застройки и материальной культуры на участке, исследованном в подвалах 14-го корпуса, скорее, соответствует облику

³² Макаров Н.А., Энговатова А.В., Коваль В.Ю. Археологические исследования... Табл. 1. № 6.

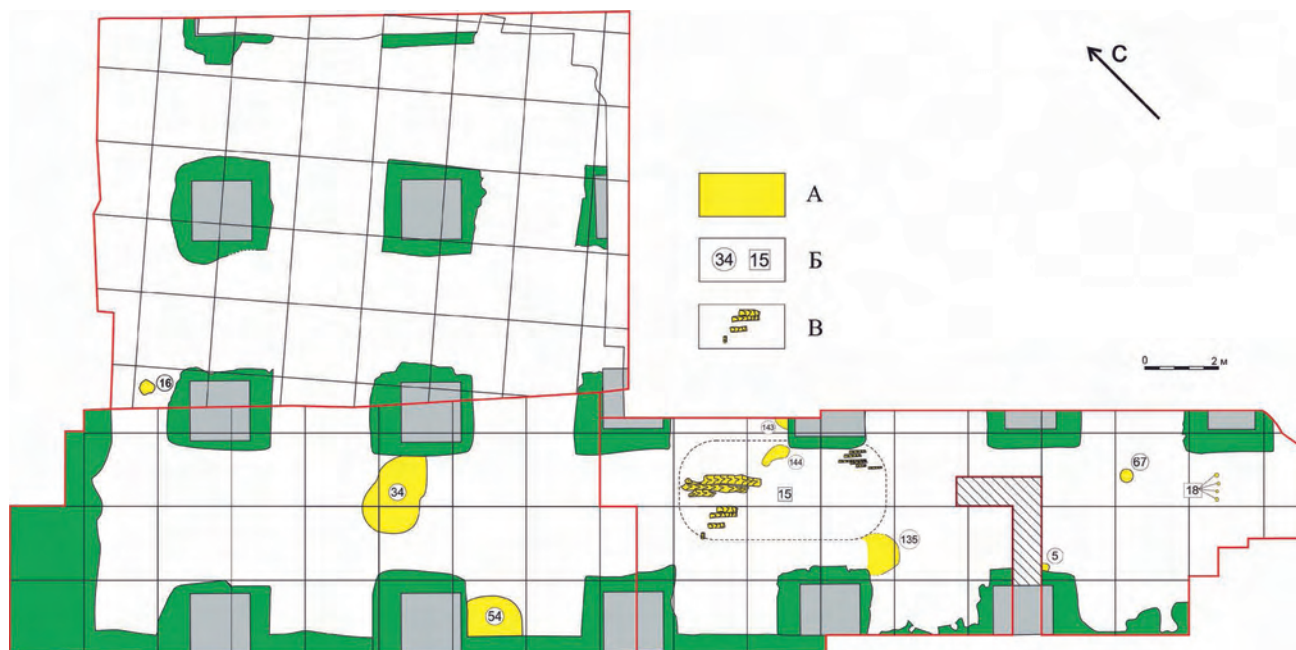

Рис. 12. План раскопов в подвале корпуса № 14 с размещением объектов второй половины XIII — первой половины XIV в.
 А. Пятна ям. Б. Номера ям и сооружений. В. Обугленные остатки сооружения 15.

усадеб, находящихся на основной городской территории, в пределах укреплений.

Хотя усадьбы, открытые в раскопе на месте 14-го корпуса, правомерно связывать с нерядовым населением (московской элитой?), раскопки не дали никаких находок, указывающих на связь этой территории с князем и княжеским двором. Атрибуция Большого Кремлевского клада 1988 г. как княжеской казны кажется допустимой, но из этого не следует,

что сокрытие клада было произведено на княжеской территории. Локализация княжеского двора в Москве домонгольского времени требует более широкого охвата раскопками различных участков Кремля. На современном этапе исследований логичнее искать его остатки в южной части кремлевской территории, вблизи Спасо-Преображенского собора, с которым прочно связывают двор московских князей XIV–XV вв. письменные источники.

Список литературы

Алешинская А.С., Борисов А.В., Кочанова М.Д. Результаты палеопочвенных и палинологических исследований культурного слоя в восточной части Кремлевского холма // Материалы междисциплинарной научной конференции «Археология и естественные науки в изучении культурного слоя объектов археологического наследия». 14–15 ноября 2018 г., ИА РАН, Москва. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018. С. 16–23.

Археология Московского Кремля. Раскопки 2016–2017 гг. / Под ред. Н.А. Макарова и В.Ю. Ковалья. М.: ИА РАН, 2018. 163 с.

Археология парка Царицыно: По материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002–2008 гг. / Авт.-сост. Н.А. Кренке. М.: ИА РАН, 2008. 364 с.

Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках / Авт.-сост. Н.А. Кренке (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12). М.: ИА РАН, 2009. 524 с.

Беляев Л.А. Керамический комплекс из собора Богоявленского монастыря // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991. С. 14–19.

Гольева А.А., Хохлова О.С., Энговатова А.В., Коваль В.Ю., Алешинская А.С., Кочанова М.А., Макеев А.О., Пузанова Т.А., Курбанова Ф.Ф. Исследование древних почв восточной части Московского Кремля // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2019. Вып. 15. С. 29–42.

Древности Московского Кремля (Материалы и исследования по археологии СССР. № 167). М.: Наука, 1971. 294 с.

Дубровин Г.Е., Коваль В.Ю. Усадебная застройка раскопа 1 в Тайницком саду Московского Кремля (предварительная публикация) // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН, 2014. Вып. 10. С. 94–110.

Коваль В.Ю. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 12. М.: ИА РАН, 2016. С. 437–475.

Коваль В.Ю. Новая методика статистической обработки керамики и некоторые результаты ее применения (на примере селища Мякинино-1 в Подмосковье) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. 2008 г. М.: ИА РАН, 2008. Т. 2. С. 340–345.

Коваль В.Ю. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы) // Методика полевых археологических исследований. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2016. 128 с.

Коваль В.Ю. Светлоглиняная керамика в Подмосковье: Звенигородский регион // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2008. Вып. 4. С. 161–180.

Коваль В.Ю., Хижняков О.И. Средневековые поселения в селе Аносино на Истре (к вопросу о керамике Верхнего Москворечья в XII в.) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2005. Вып. 2. С. 153–183.

Кренке Н.А. Селище Дьяково-пойма — древнерусская деревня XI–XII веков в Коломенском // Коломенское: Материалы и исследования. Вып. 3. М., 1992. С. 7–15.

Кренке Н.А., Глазунова О.Н., Ершов И.Н., Олейников О.М. Стратиграфический раскоп на Подоле Московского Кремля // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 243. М.: Изд. дом ЯСК, 2016. С. 107–126.

Макаров Н.А., Энговатова А.В., Коваль В.Ю. Археологические исследования в восточной части Московского Кремля в 2014–2016 г. // Краткие сообщения Института археологии. М.: Изд. дом «Языки славянской культуры», 2017. Вып. 246. С. 7–27.

Макаров Н.А., Энговатова А.В., Коваль В.Ю., Модин Р.Н. Раскопки в восточной части Московского Кремля в контексте изучения городов Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. // Российская археология. 2018. № 4. С. 95–113.

Нефедов В.С., Кренке Н.А. Древнерусское селище Царицыно-3 // Археология парка Царицыно:

По материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002–2008 гг. / Авт.-сост. Н.А. Кренке. М., 2008. С. 93–100.

Панова Т.Д. Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII — первой трети XVI века. М.: ТАУС, 2013. 408 с.

Панова Т.Д. Клады Кремля. М.: Музей-заповедник «Московский Кремль», 1996. 136 с.

Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1859. 301 с.

Рабинович М.Г. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 167). М.: Наука, 1971. С. 9–116.

Рабинович М.Г. Московская керамика // Материалы и исследования по археологии СССР. № 12. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. С. 57–105.

Рабинович М.Г. О древней Москве: Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI веках. М.: Наука, 1964. 354 с.

Равдина Т.В. Еще раз о датировке древнего слоя Москвы // Советская археология. 1963. № 1. С. 98–109.

Равдина Т.В. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.: ИА РАН, 1991. С. 7–13.

Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVII вв. // САИ. Вып. Е1–39. М.: Наука, 1968. 124 с.

Столярова Е.К., Коваль В.Ю. Стекланные браслеты восточной части Московского Кремля (предварительные результаты работ 2016 года) // Краткие сообщения Института археологии. М.: ИА РАН, 2017. Вып. 249. Ч. 2. С. 86–94.

Чернов С.З. К хронологии московской керамики XIII — середины XV в. // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.: ИА РАН. С. 20–32.

Шеляпина Н.С. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963–1965 гг. // Древности Московского Кремля (Материалы и исследования по археологии СССР. № 167). М.: Наука, 1971. С. 117–157.

Энговатова А.В., Коваль В.Ю., Зоц Е.П., Столярова Е.К., Сарачева Т.Г. Мякининские курганы. Мякининский археологический комплекс в Подмосковье // Материалы спасательных археологических исследований. Т. 21. М.: ИА РАН, 2018. С. 91–98.

Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль, Р.Н. Модин
Новые данные по исторической топографии
восточной части Московского Кремля в XII–XIII вв.

Ключевые слова: археология, планировка, домонгольская эпоха, улицы, усадьбы, керамика

Аннотация: В статье изложены сведения, полученные при археологических раскопках последнего десятилетия, о распространении культурного

слоя домонгольской эпохи по территории Кремля. Высказаны гипотезы о трассах прохождения ранних улиц, трансформации городской застройки, причинах перепланировки восточной части Кремля.

N.A. Makarov, V.Yu. Koval', R.N. Modin
New data on historical topography
of Moscow Kremlin's eastern part in the 12th–13th centuries

Keywords: archeology, planning, pre-Mongol epoch, streets, estates, ceramics.

Abstract: Information obtained in the process of archeological excavations of the recent decade is published in the article. Occupational layer of pre-Mongol

time was spread over the territory of the Kremlin. Hypotheses of the urban development, replanning of the Kremlin's eastern part and causes of urban development changes are outspoken.

Коломна в XIII–XV вв.

Коломна — один из средневековых городских центров Московского княжества XIV–XV вв.¹ Упомянутая впервые в 1177 г. как рязанское владение (вероятно, занимая третье место в Рязанском княжестве после самой Рязани и Пронска), в XII–XIII вв. она относилась к так называемым малым городам² Древней Руси. По археологическим данным, она основана в середине — третьей четверти XII в. близ впадения р. Коломенки в Москву-реку, в 5 км от устья последней. В домонгольское время из-за своего исключительно выгодного географического положения Коломна стала важным стратегическим пунктом в столкновениях владимирских и рязанских князей. В 1180-х и 1230-х гг. существовал Коломенский удел Рязанского княжества³. В январе 1238 г. под Коломной состоялось крупное полевое сражение соединенных русских дружин с монгольской армией Батыея, в котором погиб единственный за все время монгольских походов чингизид хан Кулькан. Вторично она была разорена в 1293 г., во время Дюденевой рати.

¹Здесь и далее для более подробного обоснования историографического и источниковедческого аспектов отсылаем читателя к нашей монографии: *Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства.* М., 2001.

²*Коваль В.Ю. Малые города средневековой Руси: исторические этапы формирования // Гороховец и земли Окско-Клязьминского междуречья в XII–XVII вв. История и археология: Материалы научной конференции.* М., 2017. С. 25–32.

³Обоснование см.: *Мазуров А.Б. Средневековая Коломна....* С. 40, 42, 42–51.

Особенности вхождения в Московское княжество

Хрестоматийно известная дата присоединения Коломны к Московскому княжеству (1301 г.)⁴ на самом деле не встречается в летописях. Она является плодом гипотезы Н.М. Карамзина, впервые связавшего упоминание города как московского владения в первой духовной грамоте Ивана Калиты (ныне относимой к 1336 г.) с пленением в этом году Даниилом Московским рязанского князя Константина Романовича и его убийством в 1306 г. Предполагается, что имело место вмешательство Даниила Александровича Московского в усобицы рязанских князей. Ныне общепризнано, что именно после описанных событий Коломна с ее округой (низовья Москва-реки и прилегающее течение р. Оки) вошла в Московское княжество. Однако вопрос о владельческой принадлежности города был актуален почти все XIV столетие. Рязанские князья не признали его захвата, пытаясь апеллировать к золотоордынским ханам. Впервые как вотчина Калитовичей город был признан в московско-рязанском договоре 1381 г. Это стало возможным после того, как Рязанское княжение попало под контроль Москвы после Куликовской битвы. Очевидно, признание ее вотчиной Дмитрия Донского стало одним из условий возвращения Олегу Ивановичу Рязанскому своего княжения. Однако 25 марта 1385 г., в большой церковный праздник Благовещения, Олег неожиданно, «изгоном» захватил Коломну, пленил наместника, прочих бояр и «лепших мужей». Захватив

⁴На самом деле речь должна идти о 1300 г., так как летописная статья 6809 г. в Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 383) — ультрамартовская.

«сребра и злата и всякого товара», большой полон, он возвратился в Рязань, оставив в Коломне своего наместника. В ответ Дмитрий Донской послал на Рязань большую рать во главе с Владимиром Храбрым. Начавшийся удачно для москвичей поход завершился поражением героя Куликовской битвы под Перевицком на р. Оке. Двойная победа Олега Ивановича явно дала ему надежды на возвращение Коломны обратно. Начались мирные переговоры. По летописям, «мнози ездisha к нему и никто не може утолити его». Дмитрий Донской обратился за помощью в заключении мира к своему духовнику преп. Сергию Радонежскому. В Рождественский пост тот пешком отправился в Рязань. После бесед с преподобным Олег Рязанский «перемени свирепство свое на кротость и покорися и укротися и умилися велми душею и устыде бо ся толь свята мужа». Итогом миссии стала нормализация московско-рязанских отношений — «мир вечный», по которому Коломна была возвращена обратно и признана окончательным владением Москвы. К тому времени она уже была глубоко интегрирована в Московское княжество. Таким образом, особенностью присоединения Коломны как первого «примысла» московских князей была юридическая неопределенность — на протяжении более чем восьми десятилетий рязанские князья не признавали захвата. Тем не менее потомки Даниила Московского сделали ставку на удержание города во что бы то ни стало и инвестировали в его развитие огромные ресурсы.

Уникальный статус Коломны в составе Московского княжества

В XIV в. Коломна стала главной финансовой и военной опорой великокняжеской власти, материальной опорой ее единовластия. Юридический статус ее был особенным. Город с округой (количество волостей в которой с 1336 по 1406 г. увеличилась с 16 до 21), будучи старым, хорошо освоенным земледельческим регионом, где располагались наиболее плодородные в Московском княжестве почвы (в том числе так называемое Северское ополье — по р. Северке), давал высокие доходы (по данным завещания Дмитрия Донского 1389 г., отсюда шло 342 из 1000 руб. ордынской дани). Начиная с завещания Ивана Калиты 1336 г., Коломна всегда передавалась в наследство старшему сыну великого князя московского. Если в Москве XIV–XV вв. владельческие права великого князя ограничивались, встраиваясь в систему «третнего владения», то Коломна принадлежала ему целиком на вотчинном праве. По завещанию Дмитрия Донского 1389 г., «Коломна с волостями» не могла дробиться и не подвергалась переделу в случае смерти владельца.

В зеркале летописей (письменные источники о Коломне XIV–XV вв.)

В первой половине XIV в. Коломна в летописях не упоминается вовсе, зато за вторую половину XIV в. (с 1353 г.) мы имеем 18 погодных упоминаний, в которых зафиксировано 28 фактов военной, церковной и политической истории. В 1362 г. город затронула эпидемия чумы. Он стал местом проведения свадьбы Дмитрия Донского и Евдокии Суздальско-Нижегородской в 1366 г. Исключительно велико было военное значение Коломны, стоявшей на основных маршрутах вторжения татар. На 15 августа 1380 г. здесь был назначен сбор общерусского войска для выхода навстречу Мамаю. На Девичьем поле близ города произошел смотр и «уряжение полков». В 1382 г. она была сожжена Тохтамышем. В 1395 г., во время нашествия Тамерлана, в Коломну с войсками вышел великий князь Василий I.

Интенсивность летописных упоминаний за XV в. заметно увеличилась. Зафиксировано 41 погодное упоминание с 54 фактами военной, церковной и политической истории. На первом месте оказываются именно церковные события (12 — в XIV в. и 28 — в XV в.), что связано с учреждением тут особой епархии. Пик внимания летописцев к Коломне падает на во многом рубежный отрезок 1470-х — 1480 г. (13 фактов), когда происходили важнейшие события в деле собирания Руси и борьбе за национальное освобождение. Парадоксальным выглядит отсутствие упоминаний о внутренней жизни Коломны в официальном великокняжеском летописании после 1476 вплоть до 1525 г. С одной стороны, после Стояния на Угре (1480 г.) наступила стабилизация отношений со Степью, а с другой — в руках Ивана III оказались огромные ресурсы и территории (Новгород, Тверь и др.), на фоне которых прежняя исключительность Коломны отошла в прошлое.

Недостаточность и однобокость летописной картины лишь отчасти восполняются по актовым источникам. Как теперь становится ясно, многие важнейшие факты (строительство и реконструкции кремля, возведение белокаменных соборов и церквей) исторической биографии города XIV–XV вв. совершенно в них не отражены. Однако они восстанавливаются по археологическим данным.

История археологического изучения Коломны

Коломна — крупнейший археологический памятник среди летописных городов Московской земли (за исключением, разумеется, Москвы). Площадь кремля составляет 24 га, средневекового посада — около 300 га. Целый ряд обстоятельств заставляет

Рис. 1. 1 — раскоп Н.П. Милонова 1936 г. в сквере «Блюдечко»; 2 — раскопки М.Х. Алешковского 1970 г. в Успенском соборе; 3 — раскоп 2001 г. у храма Воскресения на великокняжеском дворе; 4 — раскоп 1996 г. по ул. Лазарева; 5 — раскоп 1999 г. по ул. Пушкина; 6 — раскоп 2003 г. по ул. Болотникова.

обратить особое внимание на археологию Коломны. *Во-первых*, она исследуется археологически уже довольно продолжительное время (непрерывно — с 1989 г.). Это один из самых хорошо изученных городских центров на древнейшей территории Московского княжества. Здесь получены исключительно ценные и важные для XIV–XV вв. археологические материалы. *Во-вторых*, средневековая история Коломны хорошо изучена, и последние могут быть вписаны в соответствующий контекст, что не всегда осуществимо в других случаях. Возможности сопоставления с данными письменных источников здесь многократно возрастают, что выгодно отличает раннемосковский период от домонгольского. *В-третьих*, тут получены пионерные для своего времени результаты в области изучения раннемосковской архитектуры (1969–1970-е гг.), фортификации (изучение валов идет с 1991 г.) и по средневековому рыболовству (1990–1995 гг.).

В археологическом изучении Коломны, начавшемся в 1903 г., четко выделяются три периода.

1) 1903–1930-е гг. — период первичного знакомства с городом как памятником археологии (работы Г.Т. Синюхаева и М.А. Ратманова, А.В. Арциховского, К.Я. Виноградова, Н.П. Милонова)⁵. Наибольший прорыв достигнут в 1935–1936 гг., когда были сформулированы основные проблемы и задачи изучения этого крупного археологического памятника. Раскопками была охвачена площадь около 900 кв. м (рис. 1: 1). К сожалению, сохранность документации и коллекций по исследованиям середины 1930-х гг. не всегда удовлетворительна. Однако их тщательная реинтерпретация с привлечением максимальной возможной круга источников дает основание для твердо верифицируемых выводов.

2) 1947–1984 гг. — период исключительного внимания к памятникам раннемосковской архитектуры (раскопки Н.Н. Воронина, М.Х. Алешковского и Б.Л. Альтшуллера, А.А. Молчанова и В.В. Кавельмахера)⁶. Раскопки велись в Успенском соборе (рис. 1: 2),

⁵ Мазуров А.Б. Первое знакомство с археологией Коломны: эпизодические находки и исследования XVIII — начала XX в. // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания: Материалы Пятой областной научно-практической конференции. Коломна, 2012. С. 5–11; *Он же*. Начало археологического изучения Коломны // Вестник Коломенского государственного педагогического института. Специальный выпуск, посвященный Всероссийскому Дню славянской письменности и культуры. 2007. № 1 (2). С. 111–146; *Он же*. Раскопки К.Я. Виноградова в Коломне в 1935 году // Вестник МГОСГИ. Гуманитарные науки. 2013. № 1 (13). С. 22–33; *Он же*. Раскопки Н.П. Милонова в Коломне 1935–1936 гг. // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2017. № 1 (25). С. 3–62.

⁶ Мазуров А.Б. Архитектурно-археологические исследования в Коломне (1947–1984 гг.) // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2019. № 1 (33). С. 3–45.

церкви Воскресения Коломенского кремля, а также у храма Иоанна Предтечи в Городищах, в соборах Старо-Голутвина и Бобренева монастырей. В результате были выявлены неизвестные ранее памятники XIV в. и открыта совершенно новая страница развития раннемосковского зодчества.

3) С 1989 г. по сегодняшний день — период начала и развертывания охранных археологических исследований. Работы в этот период вели, помимо автора настоящей статьи, М.Г. Савицкий, В.Н. Огнев, В.Л. Державин, С.И. Самошин, А.С. Сыроватко, В.В. Черкасов, Ю.Н. Чувиляева, Т.Н. Ульянова, Ю.Н. Потемкина (рис. 1: 3–6). В 1989 г. в структуре Коломенского краеведческого музея был создан отдел под названием «Археологическая служба», с 1996 г. выделенный в самостоятельную структурную единицу муниципального уровня. Сейчас она существует как «Коломенский археологический центр».

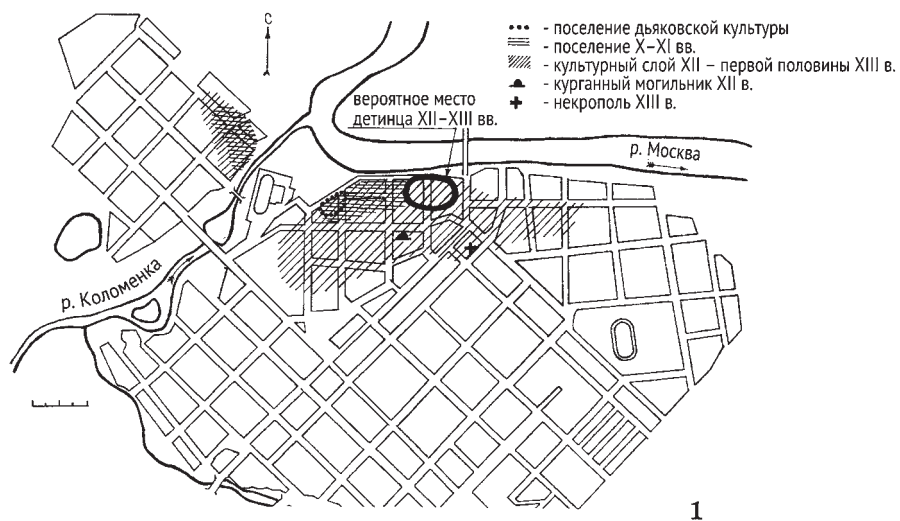
В настоящее время осуществлена полная обработка и публикация материалов раскопок до 1984 г. включительно. Готовится введение в научный оборот большого корпуса раскопок и наблюдений 1989–2000 гг. В данной статье обобщаются наиболее важные результаты за весь период исследований.

Стартовый уровень: Коломна в XIII в.

Коломна была упомянута в январе 1177 г., во время междоусобной войны Всеволода Большого Гнездо с рязанским князем Глебом Ростиславичем. К сожалению, до сего времени не удалось обнаружить домонгольский детинец Коломны XII в., у стен которого состоялось знаменитое сражение с монголами зимой 1237/38 г. Картографирование раскопок с учетом древнего рельефа и градостроительных аномалий нерегулярной планировки позволило методом исключения гипотетически локализовать его в северо-восточной части кремля 1525–1531 гг. (рис. 2: 1) и оценить площадь не более чем в 3–5 га⁷. Удалось также исследовать участок древнейшего некрополя Коломны, для которого характерна последовательная смена погребального обряда⁸. Датировка могильника определяется в пределах середины — третьей четверти XII в., в рамках достаточно узкого отрезка в три-четыре десятилетия, на протяжении которых кардинально изменилась погребальная традиция. Древнейший период представлен курганным некрополем (полностью вскрыт кольцевой ровик одного кургана, еще два

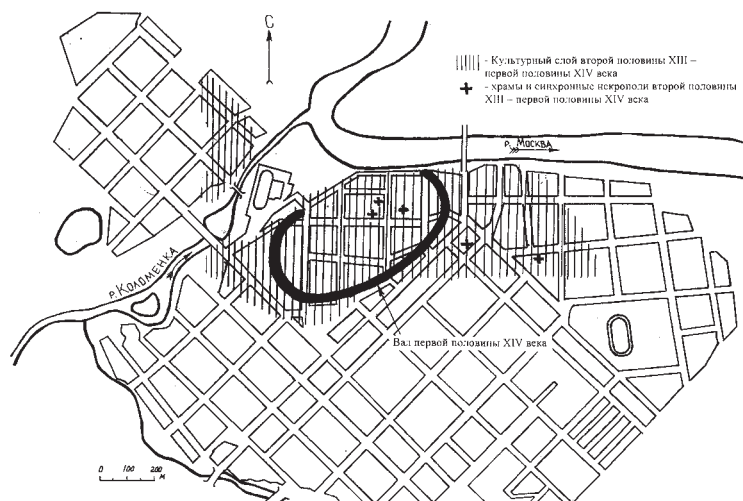
⁷ Мазуров А.Б. О расположении детинца и размерах Коломны в XII–XIII вв. // Краеведческие записки: Сб. науч. трудов Коломенского краеведческого музея. Коломна, 2001. С. 27–35.

⁸ Мазуров А.Б. Древнейший некрополь Коломны XII века // Краткие сообщения Института археологии. М., 2004. Вып. 216. С. 88–96.

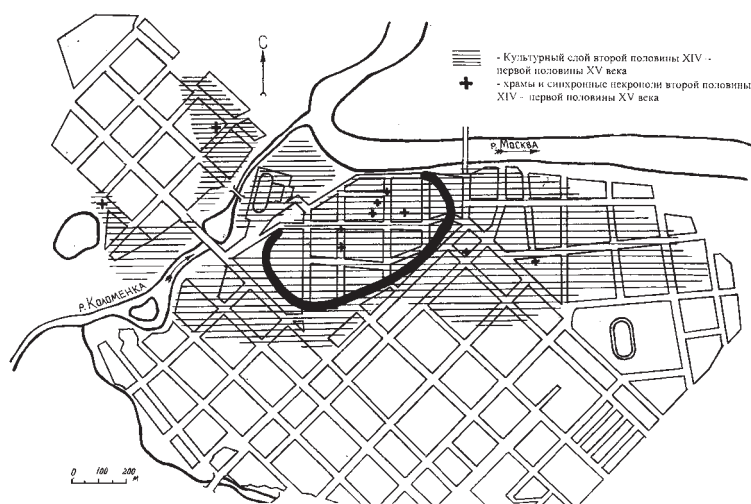

1

Рис. 2.
 1 — культурный слой конца XII — первой половины XIII в.;
 2 — культурный слой второй половины XIII — первой половины XIV в.;
 3 — культурный слой второй половины XIV — первой половины XV в.

2

3

ровика затронуты) на горизонте или на подсыпке. Это один из самых поздних курганных городских некрополей Древней Руси, которые обычно датируются XI — первой половиной XII в. Его сменило типично христианизированное кладбище (8 грунтовых погребений без инвентаря, совершенных в межкурганном пространстве). В конце XII в. некрополь был спланирован в ходе роста городской территории.

Если прочие напластования и комплексы второй половины — конца XII в. трудноуловимы, то территория распространения культурного слоя первой половины XIII в. поддается довольно точному определению (рис. 2: 1). Она локализуется по распространению фрагментов стеклянных браслетов, перстней и сосудов, бус, шаровидных из горного хрусталя и бипирамидальных из сердолика бус, шиферных пряслиц, амфорной керамики, а также комплексам и сериям находок древнерусской керамики рязано-окской традиции. Город предмонгольской поры занимал территорию около 35 га. Несмотря на то что контуры Коломны XII в. остаются туманными, очевиден ее значительный рост в первой половине XIII в. В округе сформировался агроландшафт, что зафиксировано как археологическими следами распашки, так и летописным сообщением о битве под Коломной в январе 1238 г. (она, разумеется, могла происходить лишь на открытых пространствах). В целом для домонгольского времени Коломна являлась одним из 66 городов, где, по данным письменных источников, имелись княжеские резиденции. Предмонгольский расцвет города надо поставить в связь с таким фактом ее политической истории, как появление здесь в 1180-х гг. особого княжеского стола (в составе Рязанской земли).

Двукратное разорение в ходе нашествий Батыя и Дюдени не привело к запустению или деградации. При раскопках в восточной части кремля найдены постройки и ярусы, дендрохронологически датированные 1240-ми и 1290-ми годами, маркирующие возобновление городской застройки после опустошений.

Развитие Коломны во второй половине XIII — XV в.

Первый основной факт, твердо установленный археологически для XIV столетия, — рост городской территории. Картографирование послемонгольских объектов позволяет утверждать, что в ранний послемонгольский период (вторая половина XIII — первая половина XIV в.) заселенная территория выросла на 60% по отношению к домонгольской и составила около 55 га (рис. 2: 2). В основном эта цифра, как представляется, характеризует первую половину XIV столетия. В указанный период

осваивается пойменное понижение на правом берегу Москвы-реки, по меньшей мере, на 400–600 м вниз от кремля. В раскопе № 1 в порту «Коломна», исследованном здесь, два древнейших предматериковых комплекса по результатам статистической обработки керамики датируются первой третью и первой половиной XIV в. В то же время имеются находки, носящие пережиточный характер, — обломок стеклянного браслета, византийская домонгольская бусина, шиферное пряслице. Но домонгольских напластований здесь нет. Указанные обстоятельства дали основание отнести освоение района к рубежу XIII–XIV вв. Раскоп попал на пограничье усадеб, маркируемое «гуляющими» канавками от частоколов. Границы усадеб были прямоугольными. Древнейшие ограды дворов поставлены на неосвоенном, слегка спланированном месте. Частокольные канавки раскопа № 1 забутованы либо чистой, либо слабогумусированной материковой породой и относятся к древнейшему периоду обживания. Имея в виду указанную датировку, следует заключить, что уже в это время городская община целенаправленно выделяла геометрически правильные дворовые участки на не освоенных прежде местах. Ровные прямоугольные участки небольшого размера, принадлежащие непривилегированному населению, открыты в Новгороде⁹. Они характерны для усадеб ремесленников. И в указанном коломенском раскопе слои конца XIII — XIV в. имеют ярко выраженную ремесленную характеристику (обработка железа, ювелирное и косторезное ремесло). В 75 м восточнее в раскопе по ул. Арбатской древнейшие находки датировались второй половиной или концом XIV в. Древнейший горизонт застройки зафиксировал разбивку на прямоугольные усадьбы, ориентированные на улицу, параллельную Москве-реке. Рост городской застройки вдоль реки — общая закономерность роста любого древнерусского города. Но в данном случае выявленные подробности проливают дополнительный свет в том числе и на проблемы социальной истории города.

В послемонгольское время осваивается значительный район к западу от сохранившегося прясла стены между Маринкиной и Грановитой башнями кремля 1525–1531 гг. В раскопе по ул. Гранатной 1998–1999 гг. выявлены следы смены планировки. Сначала (в конце XIII — начале XIV в.) перпендикулярно р. Коломенке возник один ряд дворов вдоль Московской дороги и крупного оврага-балки. Позднее, в первой половине XIV в., топографическая ситуация резко меняется. От Ивановских ворот кремля к возникшей церкви Михаила Архангела прокладывается улица, вдоль которой одновременно нарезаются прямоугольные дворы ремесленников небольших размеров. Эта планировка

⁹ Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1984. С. 63.

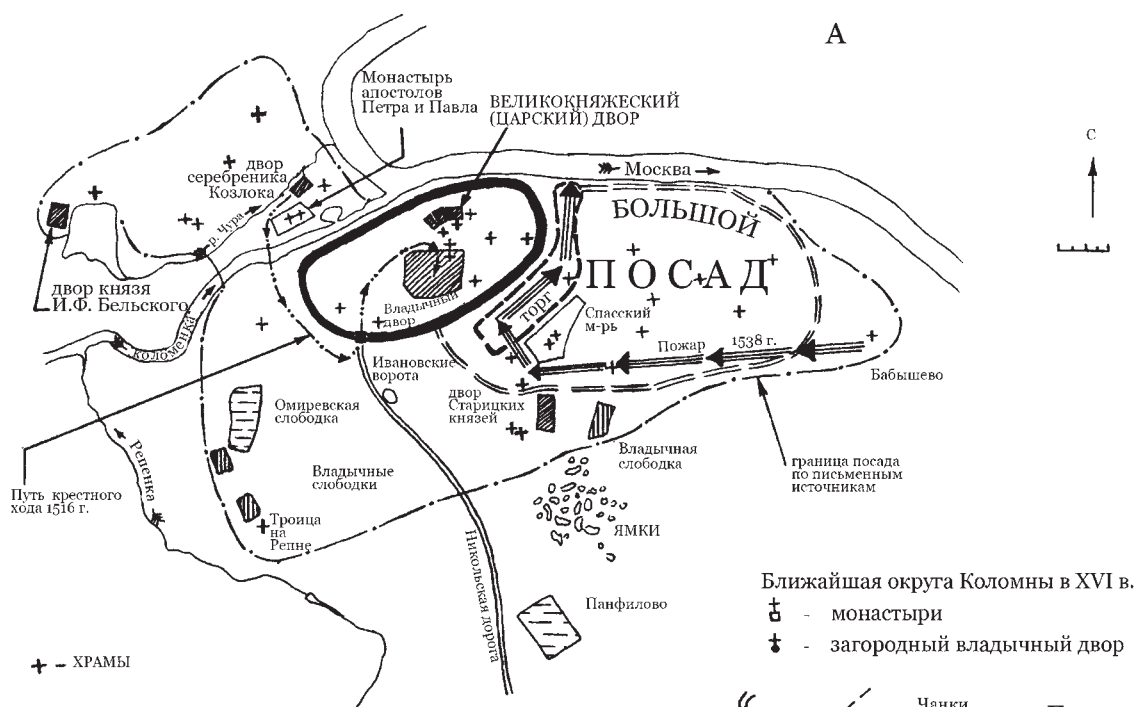

Рис. 3.
А — распространение культурного слоя первой половины XVI в. по данным письменных источников;
Б — ближайшая округа Коломны первой половины XVI в.;
В — топография Коломны XIV-XV вв.

Топография Коломны в XIV-XV вв.:

- 1,2. конюшенный и житный дворы великого князя
3. храм Михаила Архангела
4. храм Норовской иконы Божией матери
5. храм Симеона-Богоприимца
6. храм Николы Мокрого
7. Успенский собор
8. храм Воскресения на великокняжеском дворе

уже ориентировалась на возведенный в первые годы XIV в. новый обширный кремль. Улица вела к Ивановским воротам, от нее же шло ответвление к Михайловским воротам в прясле стены.

Напластования второй половины XIV — первой половины XV в. занимают еще более обширную площадь — около 85 га (рис. 2:3). Рост по отношению к предшествующему периоду — еще на две трети. Культурный слой следующего временного отрезка второй половины XV — первой половины XVI в. занимает территорию, оцениваемую в 100–115 га (рис. 3: А). Темпы роста упали (около 30%), но город продолжал поступательно развиваться.

Изучение укреплений XIV — первой трети XVI в.

Коломенские валы XIV–XV вв. открыты Н.П. Милоновым в 1935 г. по топографической карте кремля 1920-х гг. В то время территория кремля была плотно покрыта застройкой и садами частных владельцев и остатки древних укреплений не просматривались. Ныне после частичного сноса частной застройки в 1970-х гг. они хорошо читаются на местности в виде сильно расплывшихся возвышений по тыльному периметру кирпичных стен и башен 1525–1531 гг. (рис. 4: 1–2). В плане вал образует огромный полуовал (на набережных участках валов не было) площадью 20–22 га (рис. 2: 2; 3:В). Дерево-земляные укрепления Коломны — выдающийся и наиболее изученный памятник оборонного зодчества периода образования единого Русского государства (до постройки кирпичных кремлей)¹⁰. Раскопками валы изучались в 1991, 1994/1995, 1997, 2001–2003, 2007, 2014 гг. По мере накопления информации она оперативно вводилась в научный оборот. Результаты новых раскопок уточняют и дополняют сделанные ранее выводы. Особенно важными стали дендрохронологические данные, проанализированные Н.Б. Черных и А.А. Карпухиным¹¹. Проводились также палеопочвенные, палеоботанические и остеологические исследования.

История строительства **напольных укреплений** делится на пять этапов (рис. 5: А).

1) В первые годы XIV в. (до 1307 г.), вероятно сразу же после присоединения Коломны к Московскому княжеству, новые владельцы города закладывают крупный кремль площадью 20–22 га (реконструкция — рис. 5: Б). Из этого факта вытекает тот вывод, что Даниил или Юрий Московские твердо решили

отстаивать свой первый «примысел» и занялись его военным укреплением. К сожалению, отсутствие следов детинца XII–XIII вв. пока не позволяет представить соотношение охваченных укреплениями площадей рязанского и московского периодов. По косвенным данным, крепость XII–XIII вв. могла занимать 3–5 га. В любом случае площадь нового кремля выросла в 4–5 раз. Такие масштабные фортификационные работы были под силу только достаточно могущественным и амбициозным князьям, каковыми становились уже в начале XIV в. правители Москвы.

2) По дендрохронологическим данным, на рубеже 1320–1330 гг. (вероятно, в 1330 г.) укрепления подвергаются серьезной реконструкции. Увеличивается основание вала и за счет этого его высота (рис. 5: В). Интересно отметить, что это произошло ранее строительства дубового Московского Кремля в 1339 г.

3) Новый этап реконструкции на разных участках укреплений датируется по-разному. На одних раскопах он относится к второй половине 1370-х гг., на других — к рубежу 1380-х — 1390-х гг. Очевидно, деревянный кремль пострадал при взятии города Тохтамышем в 1382 г. Возможно, реконструкция шла постепенно, в пределах примерно 15 лет.

4) В 1408 г. эмир Едигей «град Коломный пожгоша», что сделало необходимым очередное поновление укреплений в 1410-х гг. Эти работы были завершены до 1418 г.

5) Позднее 1418 г. (в пределах XV в.) вал еще раз реконструируется. По-видимому, этот этап надо отнести к 1450-м гг. или третьей четверти столетия, когда обострилась опасность татарских вторжений и закончилась династическая война во второй четверти XV в.

Вал первого этапа не имел внутренних деревянных деталей (рис. 5: А). Он был возведен в два этапа, промежуток между которыми был небольшим (почва на поверхности не успела сформироваться). Непосредственно поверх него стояли деревянные стены, от которых не сохранилось никаких следов. Это был либо простой тын, либо заплот (рис. 5: Б). Последующие работы преследовали цель, *во-первых*, увеличить мощность вала и крепости в целом и, *во-вторых*, предохранить ее от разрушения. Вал второго этапа сформировался после установки рубленной сплошь, без промежутков стены, поставленной у основания вала 1 (рис. 4: 3–5; рис. 5: А; реконструкция — рис. 5: В). Внутренняя часть стены была засыпана грунтом, как и седловина между валом 1 и стеной. Реконструкции третьего–пятого этапов различались в деталях, но в целом выглядели одинаково. К существующему валу производилась досыпка, заключенная в деревянном каркасе П-образной формы. Тыльная часть вала при этом была облицована деревом (предохранявшим насыпь

¹⁰ Носов К.С. Русские средневековые крепости. М., 2013. С. 83–85.

¹¹ Черных Н.Б., Карпухин А.А. О хронологии оборонительных сооружений Коломны XIV в. (по данным дендронализа) // Краткие сообщения Института археологии. М., 2004. Вып. 216. С. 97–103.

Рис. 4. 1 — участок вала XIV–XV вв. у Грановитой башни (слева) Коломенского кремля на территории Брусенского монастыря; 2 — участок вала XIV–XV вв. у Ямской башни; 3 — звено рубленной сплошь, без промежутков подпорной стены вала II этапа (раскоп по ул. Лазарева, 2000 г.); 4 — то же, перевязка венцов; 5 — расчищенные отпечатки бревен подпорной стены II этапа (раскоп по ул. Лажечникова, 1997 г.); 6 — общий вид деревянных конструкций II (дальний план) и III (ближний план) этапов вала.

от оползания), державшимся за счет впущенных в насыпь крепежных бревен, игравших роль анкеров (рис. 4: б).

Важно отметить, что в археологическом материале пока не отражены (или еще не выделены), бесспорно, имевшие место ремонты XV — начала XVI в. Так, по летописям мы знаем, что в 1438 г. коломенский «город» полностью выгорел, а в 1439 г. сохранившиеся остатки были сожжены татарами. В 1521 г., в ходе нашествия крымских татар, стены и башни вновь обгорели. Однако связать эти события с археологическим материалом пока не удается.

Тщательное изучение документации по работам К.Я. Виноградова 1935 г. позволило воссоздать элементы **набережных стен** (предположительно первой половины XIV в.) в районе впадения р. Коломенки в Москву-реку¹². Здесь, в районе полового спускающегося берега, была осуществлена инженерная подсыпка с использованием трехстенных срубов («кожухов») и последующей засыпкой культурным слоем. Она создала горизонтальную платформу, на которой были возведены рубленные сплошь, без промежутков стены.

Парадоксально, но ни один из этапов строительства или реконструкции коломенских фортификаций не отражен в московском летописании. Заслуживает внимания прежде всего беспрецедентная интенсивность фортификационных работ. Примерно раз в четверть-треть века валы (а значит, и укрепления) перестраивались. Коломенский кремль играл очень важную роль в оборонительной стратегии правителей Московского княжества. И они не жалели людских и денежных ресурсов для поддержания в порядке его стен, валов и рвов. Строительством занимались горожане и сельское население «Коломенских волостей», несшие так называемую «городную» повинность.

Каменное строительство в Коломне в XIV–XV вв.

По летописным данным, было известно лишь о существовании белокаменного Успенского собора, заложенного Дмитрием Донским (предположительно в 1379 г.), обрушившегося в 1380 г. и достроенного в 1382 г. В результате архитектурно-археологических исследований 1947–1984 гг. воссоздана яркая история раннемосковского строительства в Коломне. Н.Н. Ворониным в 1947 г. был открыт фрагмент фундамента и белокаменные детали собора Дмитрия Донского. Уже тогда стало ясно, что это была одна из крупнейших построек зодчих Москвы XIV столетия. Существенно

уточнили и дополнили картину строительства в Коломне М.Х. Алешковский и Б.Л. Альтшуллер в 1969–1970-х гг. Им удалось вскрыть две трети внутренней площади ныне существующего Успенского собора 1670-х гг. Белокаменные кладки были открыты только в пределах собора XVII в. (рис. 6: 1). Фундаменты древнего собора имели совершенно необычную для раннемосковских памятников ширину (3–3,2 м), хотя общая ширина интерьера по оси север–юг (10,4 м) вполне сопоставима с соборами 1400–1420-х гг. Это дало основание думать, что коломенский собор стоял на подклете или довольно высоком подиуме. «Успение Пречистые» представляло собой четырехстолпный трехапсидный собор (рис. 6: 1), подкупольное пространство которого представляло собой прямоугольник с соотношением сторон 1:2¹³.

Выдающимся открытием М.Х. Алешковского и Б.Л. Альтшуллера стало обнаружение двух ранее неизвестных белокаменных храмов второй половины XIV столетия в Старо-Голутвинском и Бобреновом монастырях. В Богоявленском храме Старо-Голутвина монастыря был оконтурен двухапсидный храм с разновеликими апсидами общими габаритами 10,8 × 13,75 м (рис. 7: 1–2). В Рождественском соборе Бобренова монастыря раскопаны остатки трехапсидного храма с двумя проходами в алтарь (достоверно определяются размеры лишь четверика — 10,25 × 10,4 м) (рис. 7: 3). Вместе с Никольским храмом в с. Каменском и Благовещенским собором Московского Кремля последней трети XIV в. они составили оригинальную группу бесстолпных храмов с крестообразно организованным внутренним пространством и встроеными угловыми столпами-пилонами в углах четвериков. К этой же группе был отнесен частично сохранивший объем XIV в. храм в Городищах (8,25–8,85 × 12,3 м) (рис. 7: 4; рис. 6: 4). Тем самым была открыта самостоятельная типологическая группа храмов в раннемосковском зодчестве, предположительно связанная с деятельностью балканских мастеров. При этом три храма из пяти были построены в Коломне.

В 1982–1984 гг. А.А. Молчанов и В.В. Кавельмахер обнаружили новые древние фундаментные кладки вне интерьера собора 1670-х гг. и оригинальные резные блоки (рис. 6: 3, 5). Было выдвинуто осторожное предположение о наличии еще более древнего предшественника Успенского собора Дмитрия Донского.

Проведенный нами анализ отчетной документации по работам 1969–1984 гг. позволил сделать

¹² Мазуров А.Б. Раскопки К.Я. Виноградова в Коломне в 1935 году... С. 25–26 и рис. 8 на с. 30.

¹³ Альтшуллер Б.Л. Памятники зодчества Московской Руси второй половины XIV — начала XV века (Новые исследования): Дис. ... канд. архитектуры // Из творческого наследия архитектора-реставратора Б.Л. Альтшуллера: Статьи, воспоминания современников. М., 2013. С. 33–47.

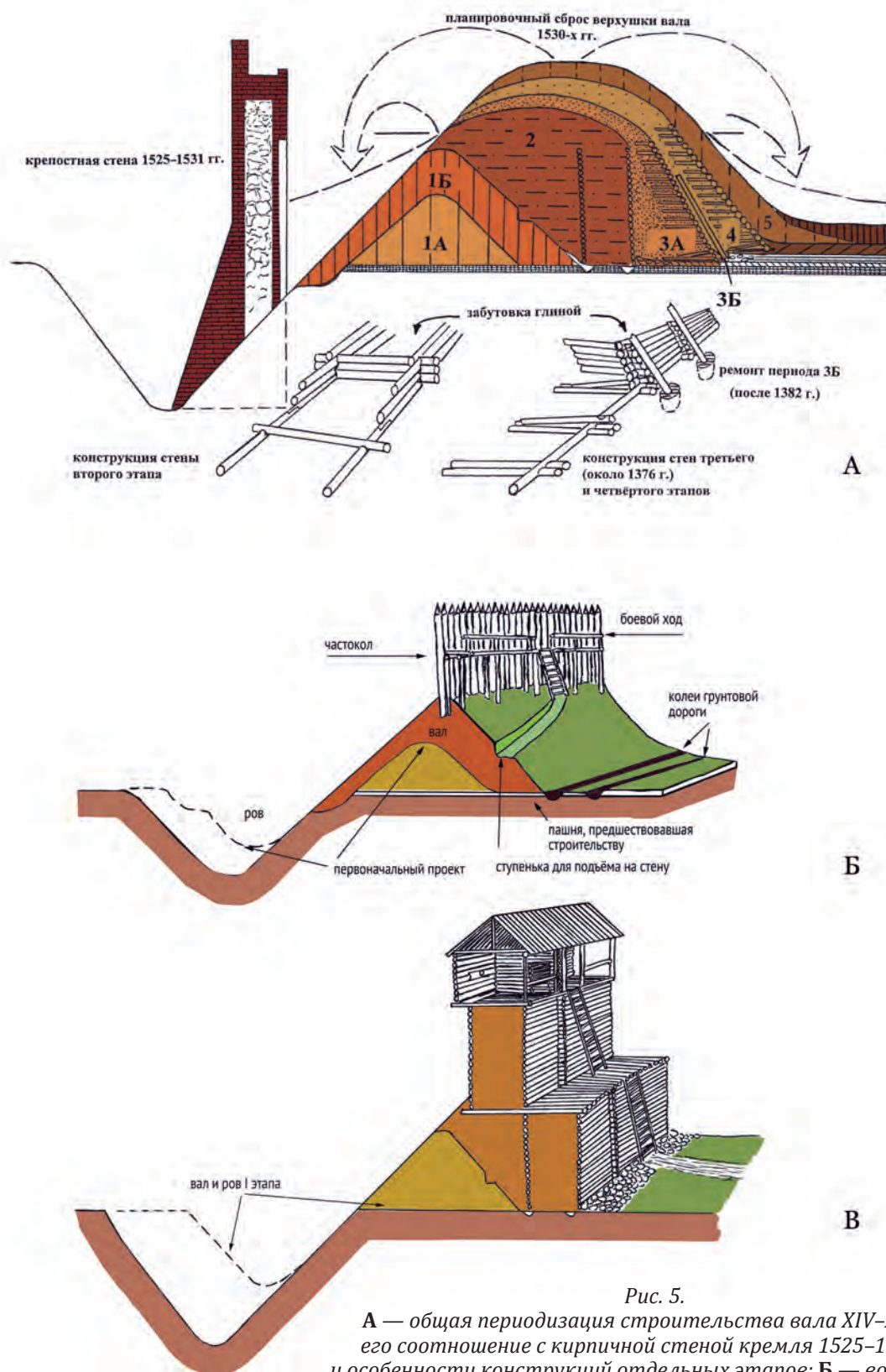

Рис. 5.
 А — общая периодизация строительства вала XIV–XV вв., его соотношение с кирпичной стеной кремля 1525–1531 гг. и особенности конструкций отдельных этапов; Б — возможная реконструкция укреплений, соответствующих первому этапу строительства вала (1300-е гг.); В — реконструкция укреплений, соответствующих II этапу строительства вала (ок. 1330 г.).

однозначный вывод о существовании последнего¹⁴. К фрагментам фундаментов наиболее раннего храма отнесены две кладки (одна — в интерьере, была использована в 1379–1382 гг. под основание столпа и пробита основанием северо-восточного столпа собора 1670-х гг.; другая — у северного фасада собора) и фрагменты фасадного убранства. К ним относится белокаменная оконная перемышка (рис. 6: 2), обнаруженная во вторичном залегании в основании юго-западного столпа собора 1379–1382 гг. На ней имеются следы не менее двух побелок, что позволяет предполагать, что храм, к которому она относилась, стоял достаточно продолжительное время. Важнейшими для атрибуции и датировки вновь обнаруженного храма оказались два резных блока (рис. 6: 3, 5). Один из них обнаружен при случайных обстоятельствах у северо-западного угла Успенского собора. Он представляет собой крепованный орнаментированный блок наружной стеной облицовки, поверхность украшает грубо высеченный рельефный вьющийся стебель. Второй фрагмент обнаружен при раскопках в фундаментной кладке собора 1670-х гг. Лицевая часть его была густо залита строительным раствором, примененным при строительстве 1379–1382 гг. Это означало, что он использован вторично, сначала при Дмитрии Донском, а потом уже в XVII в. Оба блока интерпретируются как элементы многообломной пучковой лопатки, на которой орнамент шел вертикально, окаймляя фасадное прясло. Грани камней грубо обработаны, края неровные, поверхности «мятые». Судя по этим деталям, кладка исполнялась без притески и подгонки блоков, на густом растворе и широких швах. На одной из граней оба блока имеют вертикальную врубку, которую В.В. Кавельмахер трактовал как след крепления тонкой облицовочной плиты с рельефами.

Ближайшие аналогии орнаментированным блокам обнаруживаются в последнем по времени памятнике владими́ро-суздальской домонгольской традиции — Георгиевском соборе Юрьева Польского 1230–1234 гг. Здесь многообломные пучковые лопатки украшены вьющимися стеблями с завитками¹⁵. Похожий волнообразный побег с пальметтами, побегами с трилистниками и отростками (последние два элемента очень близки коломенским) представлен на древнем реконструированном карнизе притвора этого же собора¹⁶. Становится очевидной связь резных блоков из Успенского собора Коломны с резьбой предмонгольской владими́ро-суздальской архитектурной традиции.

¹⁴ Мазуров А.Б. Архитектурно-археологические исследования... С. 42–43.

¹⁵ Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 2. XIII–XV столетия. М., 1962. С. 94. Рис. 63 (правый рисунок) и с. 105. Рис. 70.

¹⁶ Тимофеева Т.П. Реконструкция древнего карниза притвора Георгиевского собора XIII в. // Советская археология. 1988. № 4. С. 241–245. Рис. 3–4.

Как же могут датироваться блоки с резьбой и, соответственно, храм, которому они принадлежали? Впервые обратившие внимание на резной камень с трилистником В.В. Кавельмахер и С.П. Орловский писали, что древние камни принадлежат зданию, построенному за несколько десятилетий (если не столетий) ранее собора Дмитрия Донского и, вероятно, мастерами не московской, а иной школы¹⁷. Сейчас у нас есть возможность на основании косвенных данных рассмотреть более конкретную датировку.

Кажется совсем невозможным обсуждать их принадлежность к домонгольскому времени. Коломна в XII–XIII вв. принадлежала Рязанскому княжеству. Но каменные храмы помимо Старой Рязани и Ново-Ольгова городка в других центрах (например, втором по статусу Пронске) Рязанской земли неизвестны. После монгольского нашествия до конца столетия каменное строительство там вряд ли вообще имело место. Остается вариант строительства в рамках Московского княжества после присоединения к нему Коломны в 1300 г. Можно быть уверенными, что это не могло произойти ранее строительства Успенского собора в самой столице княжества — Москве — в 1326–1327 гг. Ведь именно со строительства главного городского собора началось оформление стольного города княжества, претендующего на собиранье всей Руси. Оно подчеркивало особый статус Москвы как центра пребывания митрополитов всей Руси, фиксировало богатство и повышенные амбиции Ивана Даниловича Калиты. Это строительство¹⁸ знаменовало собой начало возведения последовательной цепочки белокаменных храмов в Московском Кремле. В 1329 г. возводится храм Иоанна Лествичника и придел Поклонения веригам апостола Петра Успенского собора. В 1330 г. начато строительство храма Преображения Господня Спасского монастыря. А в 1333 г. воздвигается «в одно лето» Архангельский собор. Весьма вероятно, что двухлетний перерыв в строительстве в Московском Кремле (1328–1329 гг.) после постройки Успенского собора и до церкви Иоанна Лествичника связан со строительством каменного городского собора в Коломне. Это кажется весьма уместным и обоснованным, ведь Коломна была вторым по значению после Москвы центром княжества. И после соборного храма в столице резонно было бы начать новое строительство одинакового по посвящению собора именно там. Нельзя

¹⁷ Кавельмахер В.В., Орловский С.П. Два архитектурных фрагмента из Успенского собора в Коломенском кремле // Материалы творческого отчета треста «Мособлстройреставрация». М., 1984. С. 86–87.

¹⁸ Баталов А.Л., Беляев Л.А. Архитектура Москвы и Твери // История русского искусства второй половины XIII — первой половины XIV века. М., 2019. Т. 4. С. 158–205.

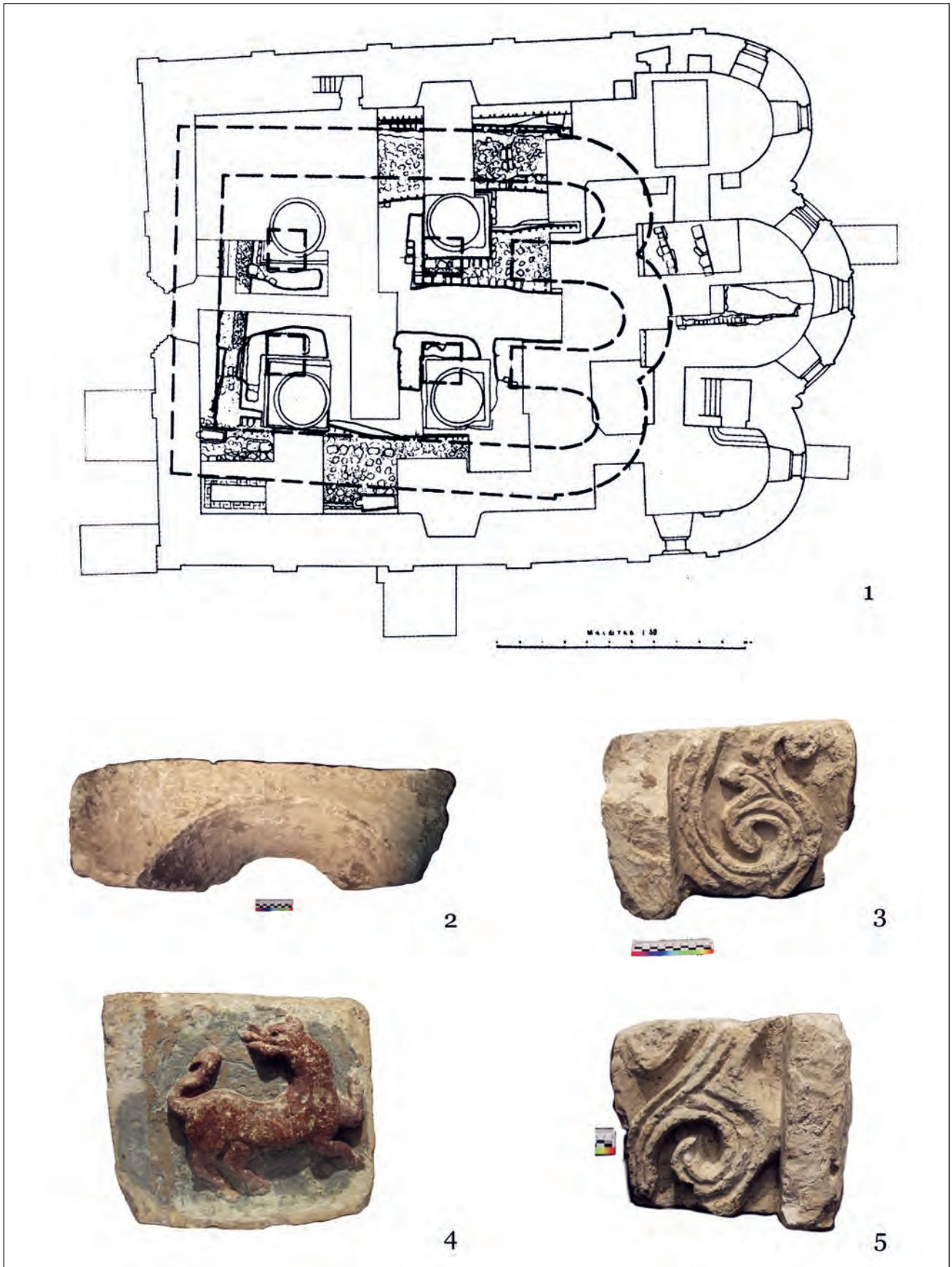

Рис. 6. 1 — общий план раскопок 1969–1970 гг. в Успенском соборе 1670-х гг. (по Б.Л. Альтшуллеру, 2013), пунктиром обозначен реконструируемый контур стен и столпов собора 1379–1382 гг.; 2 — оконная перемычка, найденная в забутовке основания столпа собора 1379–1382 гг.; 3 — резной блок с вьющимся стеблем, оканчивающимся крином (случайная находка 1979 г.); 4 — резной блок со «зверем» из храма Иоанна Предтечи в Городищах (ныне в музее-заповеднике «Коломенский кремль»); 5 — резной блок с вьющимся стеблем с завитком (из раскопок 1984 г.).

исключать возведение первого каменного собора Коломны и после завершения всей серии храмов Ивана Калиты в Московском Кремле (1333 г.). Освободившаяся строительная артель могла быть переведена во второй по значению городской центр княжества. В качестве верхнего хронологического рубежа надо указать на основание Коломенской епархии на рубеже 1352–1353 гг. Первейшей заботой епископа (если он не застал тут уже стоявший каменный храм) становилось строительство своего каменного кафедрального собора. Таким образом, максимально широкая возможная по косвенным данным датировка древнейшего белокаменного собора Коломны лежит в рамках конца 1320-х — 1350-х гг. Предпочтительными представляются более ранние даты в рамках указанного промежутка (1328–1329 гг.).

Формирование новой топографической модели

Кремль Коломны XIV–XV вв. по своему местоположению и форме укреплений может быть отнесен к овално-округлым крепостям, возведенным на тупоугольном мысу у впадения р. Коломенки в Москву-реку (рис. 3: В). При закладке кремля в начале XIV в. были максимально учтены особенности рельефа местности. В частности, две использованные в качестве естественных рвов разветвленные овражно-балочные системы позволили уменьшить большой объем земляных работ. Их отвершки были соединены рукотворным рвом, что и определило общую конфигурацию крепости.

Строительство обширного кремля оказало решающее воздействие на формирование топографической структуры города (рис. 3: В). Фактически оно определило все ее параметры на протяжении до XVIII в. включительно. Реликтовые остатки уличной сети рязанского периода (XII–XIII вв.) на дорегулярных планах города прослеживаются с большим трудом. Расположение трех воротных башен и одних проездных ворот в прясле стены в начале XIV в. определило направление улиц в кремле и на посаде. Заново стал формироваться центр кремля — Соборная площадь с храмами, к которой вела ул. Большая.

Таким образом, с точки зрения градостроительства исходным моментом в формировании топографической структуры Коломны

дорегулярного периода (до XVIII в. включительно) были первые годы XIV в., когда впервые возникли новые (по сравнению с домонгольскими) укрепления. Последующие реконструкции увеличили их мощь, но на топографию города повлияли слабо (главным образом корректируя лишь застройку непосредственно у валов).

Площадь дерево-земляного кремля составляет 20–22 га (территория кирпичного кремля за счет небольшой выдвинутости в поле обнимает 24 га). Это примерно соответствует площади, охваченной укреплениями Москвы XIV в. (кремль Калиты 1339 г., по данным Т.Д. Пановой, — 19 га и белокаменный кремль 1367/1368 г. — 23 га). Таким образом, по территории, охваченной фортификациями, Коломна также может считаться вторым после Москвы городом-крепостью Московского княжества. Понять исключительное место Коломны среди синхронных кремлей помогают сравнительные данные о площади, охваченной укреплениями, для центров пограничных с Московским княжеством регионов: Переяславля-Рязанского (12 га), Твери (19 га), верховских городов Карачева (5,9 га), Козельска (5,4 га) (в обоих случаях домонгольские укрепления), Новосиля (3 га), Одоева, Воротынска и Белева (1,3–1,5 га).

Закладка нового кремля вызвала синхронные изменения в топографии посада. В XIV в., как уже отмечалось выше, расцвет переживает район к западу от прясла стены между Маринкиной и Грановитой башнями кремля. На раннем этапе вдоль Московской дороги и оврага в один ряд вытягивались обширные дворы (при раскопках раскрыта задняя линия частокольных канавок). Появление нового кремля с Ивановскими и Михайловскими воротами привело к смене планировки, ориентированной на новый приходский храм Михаила Архангела. Ровные небольшие прямоугольные усадьбы, нарезанные одновременно, характеризуют усадьбы ремесленников. Здесь работали гончары (вероятно, выходцы из Волжской Болгарии), мастера по обработке меди и косторезы. При этом прослеживается полная преемственность усадебных границ вплоть до XVI в. включительно.

К XIV в. уже функционировали магистральные дороги, соединяющие Коломну с крупными городскими центрами Руси. Эти дороги начинались, продольная городские улицы. Так, например, Клязьмина ул. после пересечения р. Репинки становилась

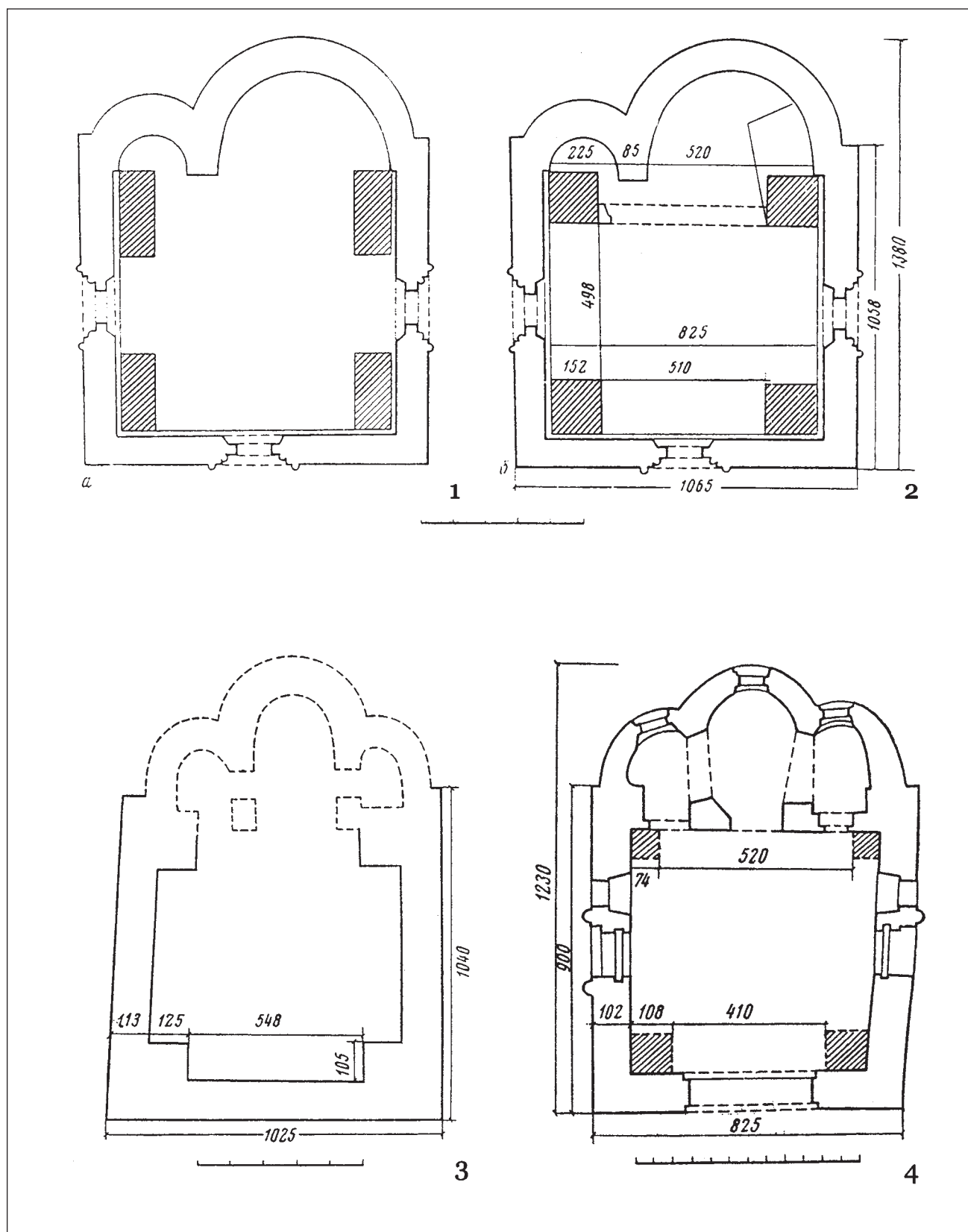

Рис. 7. 1-2 — план белокаменного Богоявленского храма конца XIV в. Голутвина монастыря (первый и второй строительные этапы соответственно); 3 — план Богородице-Рождественского собора конца XIV в. Бобринева монастыря; 4 — план храма Иоанна Предтечи в Городицах конца XIV в.

дорогой на Каширу (впервые как волость упоминается в 1350-х гг.). И уже в раннее время вдоль этих дорог возникают очаги городской застройки, села и монастырские ансамбли. Не позднее вхождения Коломны в состав Московского княжества начала действовать дорога на Москву. Она хорошо известна по циклу повестей о Куликовской битве. Близ этой дороги возникла и развивалась коломенская слобода Запруды, впервые поименованная в XVI в.¹⁹ К сожалению, этот район археологически обследован слабо. Однако из церкви Бориса и Глеба (приходского центра слободы) происходит храмовая икона XIV в. «Борис и Глеб в житии»²⁰. При шурфовке близ стен церкви выявлен некрополь XIV в. Следовательно, есть веские основания датировать возникновение здесь приходского деревянного храма, а значит, и застройки при нем временем не позднее XIV в. Летописное сообщение 1381 г. свидетельствует о существовании дороги на Переславль-Залесский с ответвлением на Владимир²¹. Эти дороги, судя по всему, функционировали еще с домонгольского времени. В конце XIV в. близ указанной дороги в 1,5 км от города возникает Богородице-Рождественский Бобренев монастырь. По дороге, идущей к «Девичьему полю» и далее на Рязань, возникает с. Репинское (не позднее 1389 г.). В 1 км вверх по р. Коломенке около середины XIV столетия в с. Городищи начинает функционировать загородная владычная резиденция. Село как центр епископских владений и его загородная резиденция известно с 1570-х гг.²² Но здесь расположена небольшая, явно входившая в загородный ансамбль белокаменная церковь Зачатия Иоанна Предтечи второй половины XIV в.²³ Таким образом, формирование епископского двора загородного типа с каменным храмом надо отнести ко времени не позднее этой даты. Вероятно, село было пожаловано великим московским князем коломенскому владыке сразу же после учреждения епархии. До этого оно было великокняжеским, причем посвящение храма Иоанну Предтече — патронально-му святому Ивана Калиты, возводит существование села ко второй четверти XIV в. Археологически тут под слоем белокаменного строительства у стен церкви выявлен культурный слой XIII–XIV вв. Наконец, близ слияния Москвы-реки и Оки в 1385/1386 г. возникает и Старо-Голутвинский монастырь. Здесь также открыт белокаменный храм конца XIV в., что принципиально подтверждает свидетельство «Жития Сергия Радонежского» о его основании.

¹⁹ Писцовая книга г. Коломны и уезда 1577/1578 г. // Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872. Ч. 1. Отд. 1. С. 310, 313.

²⁰ Смирнова Э.С. Московская икона XIV–XVII вв. Л., 1988. С. 267.

²¹ Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 131.

²² Писцовая книга г. Коломны... С. 385.

²³ Альтшуллер Б.Л. Бесстолпные храмы XIV века в Коломне // Советская археология. 1977. № 4. С. 169–173.

По косвенным данным, уже в XIV в. существовали Спасский, Мироносицкий и Петропавловский монастыри (все располагались в городе). Таким образом, к концу XIV столетия в Коломне было не менее пяти монастырей.

Резкий рост конфессионального самосознания фиксируется не только увеличением числа монастырей в XIV в., но и становлением приходской системы. К XVI столетию в Коломне, по данным писцовой книги 1577/1578 г., имелось более 20 приходских храмов. Мы не имеем никаких данных о количестве храмов в домонгольской Коломне. Не приходится, однако, сомневаться, что оно было очень невелико. В XIV в. ситуация резко меняется. Возникает целая сеть храмов, построенных городским населением, — фактически происходит становление приходской системы города. Выше уже говорилось о храмах Бориса и Глеба (существование его в XIV в. документировано некрополем и сохранившейся храмовой иконой того же времени). Некрополь конца XIV — первой половины XV в. неизвестного по посвящению храма открыт на берегу Бельского озера (Архирейского пруда). Некрополь XIII–XV вв. с несомненными следами братских захоронений XIII в. (одноуровневые слабозаглубленные прямоугольные котлованы с несколькими костяками) открыт в районе храма Норовской иконы Божией Матери, известного по писцовой книге позднегрозненского времени. По косвенным данным (планировка улицы и проулка XIV–XV вв. на раскопе по ул. Гранатной), с очень большой долей вероятности предполагается существование храма Архангела Михаила. Ранний некрополь, начавший функционировать не позднее первой половины XIV в., обнаружен и при шурфовке у стен храма Николы Гостиного. Это тем более интересно, что может трактоваться как свидетельство создания столь раннего по времени еще деревянного храма корпорацией коломенских купцов, специализировавшихся на международной торговле. Периферия кладбища XIV в. с канавками прицерковной ограды раскопана близ храма Симеона Богоприимца, существовавшего, согласно письменным источникам, в XVI–XVIII вв. Таким образом, сейчас имеются достоверные сведения о возникновении в послемонгольское время некрополей (и следовательно, храмов при них) не менее чем семи приходских храмов. К этому можно добавить, что во второй четверти XIV в. был выстроен первый белокаменный кафедральный Успенский собор (судя по косвенным данным, на его месте ранее также стояла деревянная часовня или храм), в последней трети XIV в. — загородный храм епископа в с. Городищи, а также домовый Воскресенский храм великокняжеского двора (первая половина XIV в.). Взятые в сумме, эти данные очень ярко демонстрируют фундаментальные подвижки в ментальности горожан XIII–XIV вв.

Материальная культура XIII–XV вв.

Наиболее массовая категория находок — круговая керамика Коломны — исследована в диссертации В.В. Черкасова²⁴. Получены важные и представляющие не только археологический, но и общеисторический интерес выводы.

Ценнейшими свойствами исторического источника обладает **кухонная посуда**, к характеристике которой мы и обратимся. В XII–XIII столетиях в Коломне сложилась собственная линия гончарного производства, резко отличавшаяся от московской²⁵. Это была рязано-окская традиция, связанная с привнесением уже сложившихся навыков гончарного дела переселенцами с территории Юго-Восточной Руси (Черниговского княжества) с участием местного (вятического) субстратного элемента. Наиболее принципиальное отличие от московской керамики заключается в раннем освоении коломенскими гончарами сырья из беложгущихся глин. Уже к середине XIII в. здесь достаточно активно производили белоглиняную керамику полного обжига окислительного режима без визуально фиксируемых примесей. В раннее послемонгольское время (вторая половина XIII — начало XIV столетия) в гончарстве здесь происходит определенный регресс (ухудшение ранее выработанных навыков, что связывается с монгольским разорением 1238 г.)²⁶. Тем не менее эволюционная линия развития прослеживается достаточно рельефно в формировании венчиков. Одновременно происходит появление новых технологических приемов, общих для территории Рязанской земли и Верхнего Подонья (четырёхкратное увеличение доли белоглиняной посуды полного обжига без искусственных отощителей, распространение волнистого декора и др.). Появляются новые функциональные формы: помимо горшка еще и кувшины с корчагами.

В XIV столетии складывается новая, по сравнению с домонгольской, керамическая традиция²⁷. Для нее характерен низкотемпературный обжиг,

отощитель в виде мелкого песка, горшки средних пропорций с использованием песчаных и зольных подсыпок, венчики овальной или подтреугольной формы. По верхней трети сосудов наносился линейный или волнистый («крутая волна») декор. Можно утверждать, что местная, непрерывная в своей основе ремесленная традиция (рецепт формовочных масс и эволюция венчиков) испытала влияние как южных территорий (использование различных подсыпок под днище и типов декора, венчики с заворотом «чернового» края наружу), так и московского гончарства (конусовидное тулово, ребро на месте перехода венчика в плечико, крутизна последних). И вновь принципиальным различием московского и коломенского керамических производств этого времени является белоглиняная посуда, развитие которой является стержневым процессом в гончарстве Коломны. На протяжении XIV в. ее доля увеличилась с трети (в начале) до половины (в конце), а доля такой посуды, сформированной из тонких глиняных масс — с одной пятой до трети.

Окончательное сложение новой (третьей по счету) гончарной традиции Коломны приходится на вторую половину XV в.²⁸ Кажется несчастливым тот факт, что оно пришлось на время интенсивного формирования единого Русского государства при Иване III. Несмотря на близость (115 км) такого крупного и мощного центра керамического производства, как Москва, и тесные связи с ней, коломенское ремесло развивалось по собственной траектории. Гончарное производство тут стало высокостандартизированным, при создании посуды технологическое разнообразие было сведено к минимуму. 75% всей выпускаемой посуды производилось из нежелезненных (белых) глин, половина которой проходила полный обжиг в окислительном режиме. Происходит отказ от искусственных отощителей, применяются только тонкие формовочные массы. Доминируют вертикальные или чуть отогнутые наружу венчики с внутренним валиком (и без него), заостренной или округлой формы, иногда с желобками на внутренней или внешней стороне. Декорируются сосуды палочкой с острым концом в виде разреженных или сгруппированных линий по верхней трети или только по плечикам сосуда. XV столетие характеризуется максимальным количеством форм: к ранее известным добавляются чашечки-елейницы, крынки, кумганы, кубышки. Есть основания относить к второй половине — концу века формирование Гончарной слободы, впервые зафиксированной в источниках лишь веком спустя, в Писцовой книге 1577/1578 г.

²⁴ Черкасов В.В. Круговая керамика Коломны XII–XVIII вв. (эволюция гончарной продукции): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

²⁵ Черкасов В.В. Домонгольская традиция гончарного производства Среднего Поочья (на примере керамики Коломны второй половины XII — XIII в.) // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 299–319.

²⁶ Черкасов В.В. Керамика Коломны второй половины XIII — первой половины XIV века (к вопросу об изменениях в гончарстве Среднего Поочья в золотоордынскую эпоху) // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. М., 2005. Вып. 2. С. 54–74.

²⁷ Черкасов В.В. Датированные керамические комплексы г. Коломны XIV в. и проблема происхождения местной белоглиняной керамики // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2010. Вып. 6.

²⁸ Черкасов В.В. Белоглиняная посуда Коломны XV в. (к вопросу о стандартизации гончарного производства) // Вестник МГОСГИ. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 1 (13). С. 34–41.

Изменения в коломенском гончарстве XV столетия сходны с процессами, происходившими на территории Верхнего Поочья. Представляет большой интерес сравнение керамики Коломны этого периода с синхронной посудой Москвы и Ростиславля-Рязанского. Несмотря на принципиальное отличие от Москвы середины — второй половины XV в. (полное освоение высокопластичных белых глин, отказ от искусственных отошителей и др.), сходным с нею являются высокие пропорции сосуда, конусовидное тулово, повышенная крутизна плечиков. В Коломне, однако, совершенно отсутствует такая типичная для бытовой керамики Москвы деталь, как вдавленность венчика в плечики. В Коломне формирование новой традиции шло постепенно, эволюционно. В этом ее отличие от белоглиняной керамики Ростиславля-Рязанского XV в., где она появляется внезапно, тогда как прежде существовавшие местные традиции пресекаются.

Интереснейшие процессы происходят в развитии **столовой и тарной посуды**. В первой половине XIII столетия в городе появляется редкая дорогая *поливная посуда*, по составу кроющей глазури типичная для древнерусского времени. В последующем ее количество постепенно растет. Однако время и место появления производства подобной зеленополивной посуды пока не определены²⁹.

Ранее, чем в Москве, в Коломне появилась *ангобированная красноглиняная керамика* (горшки, кувшины, миски, чаши)³⁰. Это произошло во второй половине XIV в., что объясняется распространением керамики из нежелезненных глин. Ведь полностью покрытая белым ангобом красноглиняная посуда возникает как имитация более высококачественной белоглиняной керамики. По мере увеличения керамики из нежелезненных глин расчет и количество ангобированной. Это может свидетельствовать об увеличении спроса именно на белоглиняную посуду и неполном насыщении ею местного рынка. Во второй половине XV в. этот класс керамики (ангобированная) перестает изготавливаться, так как надобность в ней пропала из-за массового производства белоглиняной керамики.

В конце XIII — первой половине XIV столетия в Коломне в малом количестве появилась привозная *красная лощеная посуда*. Местное ее производство началось в третьей четверти XIV в. Выходцами из золотоордынской Волжской Болгарии на территории Михайловской слободы производились высококачественные краснощенные кувшины, корчаги

и мисы. При раскопках тут на ул. Гранатной открыт вторичный горновой комплекс (рис. 8: 1)³¹, в котором собрано 1066 фрагментов керамики, принадлежащих примерно 17 сосудам (рис. 8: 2), в том числе со следами возможного брака (2 спекшихся и пережженных днища, 2 стенки, сливом кувшина). Из всего огромного комплекса лишь 2 венчика красноглиняной посуды принадлежат к местной русской традиции гончарного производства. Трудно себе представить, чтобы заброшенный горн специально забивали разбитой исключительно импортной посудой. Имеющиеся возможные следы брака также поддерживают версию трактовки комплекса как вторичного (рядом находился другой горн, бой и брак из которого сваливался в переставший работать более ранний). Монетные находки из придонных слоев предгорновой ямы (два дирхема Хызра 1360–1361 гг. (Сарай-ал-Джедид) и Кильдебека 1361–1362 гг. (Азак)) позволяют датировать обжигательное сооружение 1360-ми — 1370-ми годами. К моменту нашествия Тохтамыша в 1382 г. горн явно был заброшен. Высококачественная традиция производства красной лощеной керамики была воспринята местными гончарами, но качество их продукции было хуже в силу более низкого технологического уровня в подготовке сырья, составлении формочной массы и обжига. Во второй половине XV столетия высококачественная красная лощеная керамика перестала производиться, и коломенские гончары выпускали уже менее совершенные изделия. В XVI в. ее вообще прекратили изготавливать в силу производства нового класса столовой посуды — черной лощеной. Последняя традиция была явно привнесена в Коломну, не знавшую восстановительного обжига, извне, вероятно из Москвы.

С.Н. Козина изучила **гончарные клейма** средневековой Коломны, обобщив материалы за 1990–1999 гг.³² На основании исследования 80 клейм она пришла к выводу о том, что период их максимального распространения пришелся на домонгольское время, однако они продолжают встречаться на белоглиняной гладкой посуде до конца XV в. Значительное сходство по общему рисунку клейм отмечено со Старой Рязанью. Для XV столетия типичны квадратные клейма (в том числе вдавленные). Имеются в коллекции и индивидуальные клейма (кириллические буквы: «зело», «иже», «наш»; квадрифолийное). Коломенские материалы расширяют представления о клеймении гончарной продукции, хорошо изученном, например,

²⁹ Черкасов В.В. Поливная посуда из Коломны XIII–XVIII вв. // Вестник МГОСГИ. Серия «Гуманитарные науки». 2010. № 2 (10). С. 26–33.

³⁰ Черкасов В.В. Ангобированная керамика Коломны XIV–XVI вв. // Проблемы истории Московского края: Материалы Шестой научно-практической конференции. М., 2010.

³¹ Мазуров А.Б., Черкасов В.В. Этнокультурные контакты Руси и Золотой Орды во второй половине XIV в.: По материалам производства красной лощеной керамики в Коломне // Куликовская битва в истории России. Тула, 2012. Вып. 2. С. 100–111.

³² Козина С.Н. Гончарные клейма средневековой Коломны // Краеведческие записки: Сб. науч. трудов Коломенского краеведческого музея. Коломна, 2001. С. 36–42.

1

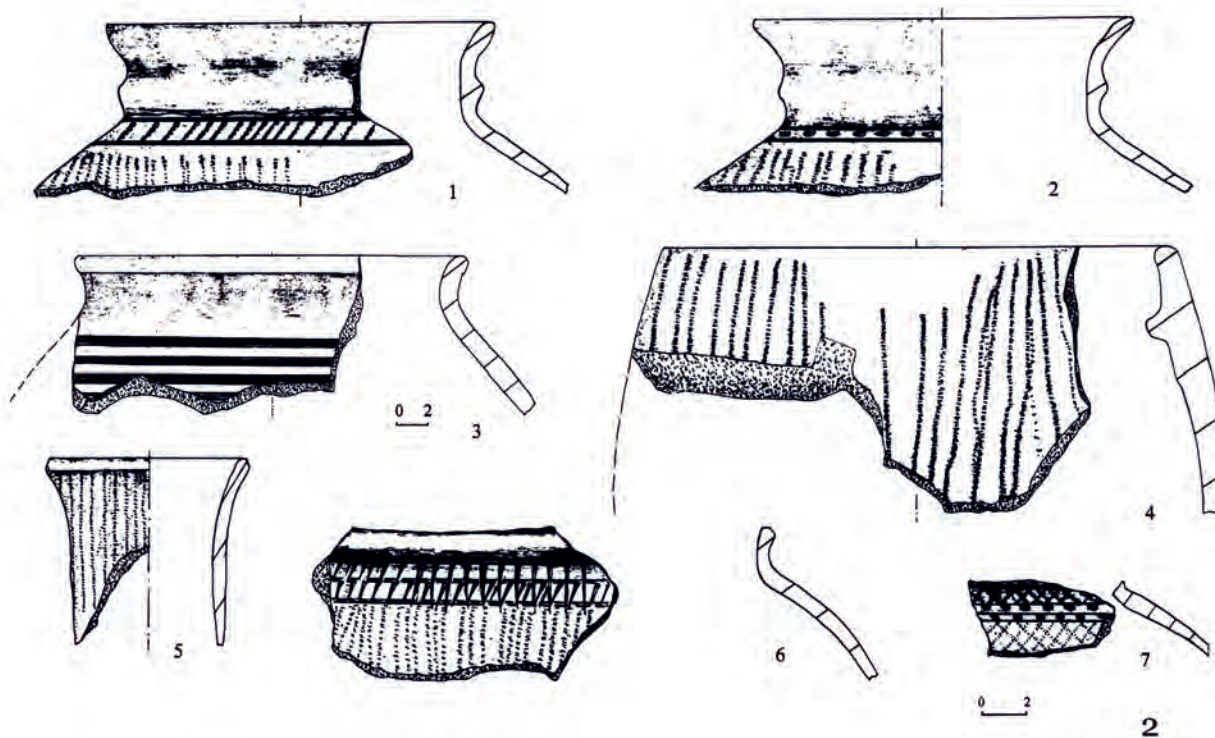

Рис. 8. 1 — общий вид на низ обжигательной камеры и провалы в топочную камеру гончарного горна XIV в. (раскоп по ул. Гранатной, 1999 г.); 2 — выборочные образцы керамики из заполнения топочной камеры горна.

по материалам Твери, Переяславля-Рязанского и Ростиславля-Рязанского.

Коломенские **керамические игрушки** были также изучены В.В. Черкасовым³³. Первые красноглиняные игрушки с покрытием белым ангобом относятся ко второй половине XV в. Они, в отличие от более поздних экземпляров, исчисляющихся десятками и даже сотнями, очень немногочисленны. Это две крупные головки (высота 5 см) крутогривых коньков с полным покрытием белым ангобом, тулово которых было полым. К фигурке человека относился также красноглиняный с полным покрытием белым ангобом сапожок с удлинненным и приподнятым носком, относящийся к концу XV — началу XVI в. Любопытно, что сапоги с подобным носком становятся популярными на Руси именно в XV в. Во второй половине XV в. также производились дисковидные (шайбовидные) красноглиняные погребушки с росписью белым ангобом «в сетку». Можно осторожно предположить, что это не привозные экземпляры, а продукция начального этапа местного производства.

Оценивая основные результаты изучения керамического производства Коломны в XIII–XV вв., следует обратить внимание на открывшуюся довольно сложную картину, полную нюансов и интереснейших деталей. Главная из них — сохранение и развитие самобытного пути развития гончарного ремесла, который дал во второй половине XV — XVI в. рождение широко распространенной керамики «коломенского типа»³⁴.

Среди импортных вещей (западноевропейские ножи с клеймами и пластинчатыми рукоятками; стекляные перстни, бусы и сосуды из Западной Европы; янтарные крестики и бусы) ярчайшее явление составляет **керамический импорт** Коломны XIII–XV вв.³⁵ Эта категория находок очень четко отражает изменения в статусе города. Домонгольскому периоду соответствует небольшое количество амфорной керамики (15 экз., в том числе редкая разновидность, представленная верхней третью небольшого сосуда) при полном отсутствии поливной (имеются лишь единичные древнерусские фрагменты последней). Раннемосковский период характеризуется массовыми находками привозной восточной керамики. Здесь найдено более 200 фрагментов поливной импортной керамики примерно

от 140 сосудов. В основном это кашинные сосуды. Три четверти объема этой категории поступили из Золотоордынского Поволжья (166 обломков от 94 сосудов), заметно меньшая часть из Крыма (или — шире — Причерноморья — 25 обломков от 21 сосуда), Ирана, Византийской империи, Китая. Представлены обломки пиалообразных чаш среднего и крупного размера, блюд, сосудов для розовой воды («гюльабдан»), кувшинов и миниатюрных сосудиков. Следует особо отметить фрагмент сосуда типа «минаи» с аппликацией из золотой фольги и два обломка чаш из селадона. Есть в коллекции и другие редчайшие вещи: обломки сосудов одного парадного сервиза (блюдо + чаша), изготовленного в уникальной технике росписи красками и кашином на внутренней стороне и только красками на внешней. Интенсивность контактов с Ордой подтверждают находки трех фрагментов декоративных глазурованных облицованных плиток из белого и серого кашина. Становится очевидным, что керамический импорт в полной мере отразил очень высокий (приближающийся к столичному) статус Коломны XIV–XV вв., когда она была главным домениальным городом великого князя московского.

Об активной торговой деятельности, помимо привозных предметов, свидетельствуют найденные при раскопках средневековые монетные гирьки и весы³⁶. Целые костяные весы для монет были найдены в раскопе на ул. Болотникова (рис. 10: 4). Они состоят из основания и коромысла с лопаточкой, украшенных глазковым орнаментом. Предназначались они исключительно для контроля полновесности монет и выбраковки легковесных, фальшивых и обретенных экземпляров. Проверка показала, что коломенские весы начинают «работать» с веса 0,84 г, т.е. этот вес и выше считался нормальным в Коломне для монеты-деньги рубежа XIV–XV вв. Три гирьки конца XIV — первой четверти XV в. кратны счетным единицам в алтын, пять алтын и полтине-слитку или соответствующему этим единицам количеству монет. Данные находки говорят о значительности сумм и большом количестве мелкого серебра, обращавшегося в это время в городе.

Интересную категорию среди артефактов XIII–XV вв. составляет коллекция **предметов личного благочестия**. К наиболее ранней группе относятся два наиболее распространенных в Древней Руси типа реликвариев³⁷. К сожалению, они найдены в переотложенных слоях, датировки их возможны только по аналогиям и технологическим

³³ Черкасов В.В. Коломенская глиняная игрушка XV–XVIII веков в игровой культуре средневековой Руси (по материалам археологических раскопок в Коломне в 1990–2000 годах) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2004. [Вып. 1.] С. 309–320.

³⁴ Коваль В.Ю. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь. XII–XIV вв. Тула, 2005. С. 251–265.

³⁵ Мазуров А.Б., Коваль В.Ю. Керамический импорт средневековой Коломны // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. С. 285–308.

³⁶ Самошин С.И., Мазуров А.Б., Сыроватко А.С. Средневековые монетные гирьки и весы из раскопок в Коломне // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2005. Вып. 2. С. 75–77.

³⁷ Мазуров А.Б. Древнерусские кресты-энколпионы XII–XIII вв. из Коломны // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 78–84.

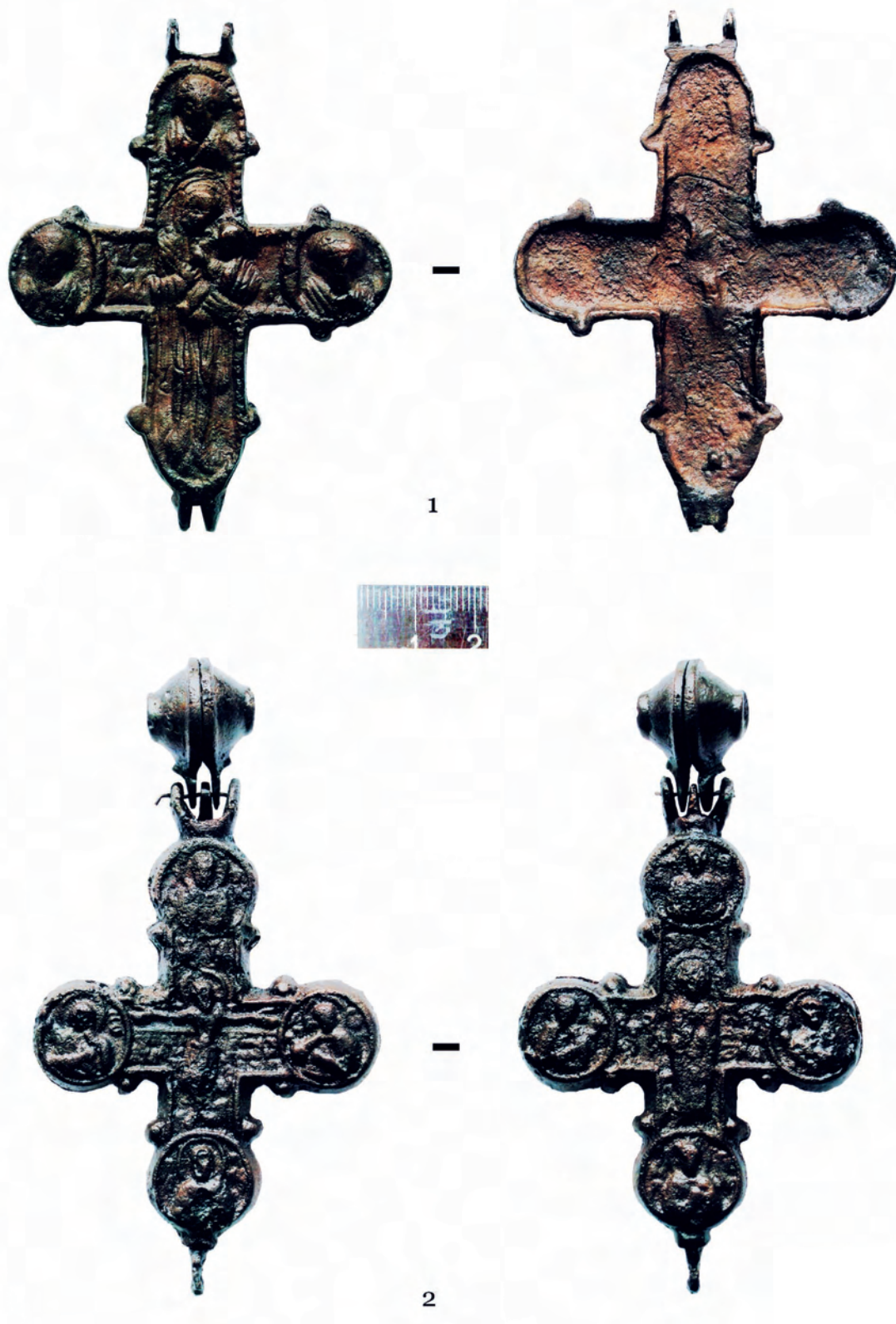

Рис. 9. 1 — оборотная створка энколпиона медного сплава с Богородицей Перивлентой и избранными святыми; 2 — лицевая и оборотная створки энколпиона медного сплава с надписью «Святая Богородица, помогай!».

особенностям. Это целый энколпион серии с надписью «Святая Богородица, помогай!», прототипы которого датируются первой третью XIII в. и составляют наиболее позднюю группу в металлопластике предмонгольского времени (рис. 9: 2). Второй экземпляр — створка энколпиона с Богородицей (Одигитрия Перивлепта), качественные отливки которых в массе своей датируются XII веком (рис. 9: 1). Коломенские энколпионы представляют собой отливки-реплики, изготовленные по оттиску в глине южнорусских оригиналов. Из-за этого обстоятельства датировка может быть возможной в пределах всего XIII века и даже более позднего времени. Ведь время их попадания в культурный слой может на десятки лет (а иногда и больше) запаздывать относительно времени изготовления. Складни из Коломны отражают связи окраинного города Рязанского княжества с Южной Русью, передвижение южнорусского населения на Северо-Восток в XIII столетии. Эти находки позволяют говорить о возможном местном тиражировании широко известных образцов с экземпляров киевского производства.

К раннемосковскому времени относятся три интересные находки. В комплексе первой половины — середины XV в. найден фрагмент наугольной части бордюрной басмы, изготовленный из сплава на медной основе (рис. 10: 2). Это крайне редкая находка в городском культурном слое происходит с территории великокняжеского двора. Ближайшая аналогия орнаменту находится в окладе иконы так называемой Малой Донской Богоматери конца XIV в.³⁸, являющейся уменьшенной копией Богоматери Донской, до XVI в. находившейся в Коломне и написанной для коломенского Успенского собора. Не исключено, что басмы отчеканены по одной матрице. Очень близки по декору описываемой басме также фрагменты правой части разновременного басменного оклада Евангелия Симеона Гордого (фоновой его части)³⁹.

При работах у храма Воскресения великокняжеского двора обнаружена фрагментированная створка бронзовой прорезной иконки-энколпия «Лоно Авраамово» конца XIV — XV в. (рис. 10: 3). Это часть двусторонней ажурной иконки, вероятно имевшей подложку из цветной слюды. Целиком сохранившийся экземпляр из Новгорода с Распятием и предстоящими на лицевой стороне и сохранившимся оглавием опубликован С.В. Гнутовой⁴⁰. Ею же очер-

чен круг аналогий, насчитывающий около десятка экземпляров. Иконография композиции «Лоно Авраамово» восходит к притче о Лазаре убогом (см.: Лк.: 16, 19–31), которому явились в раю восседающие на лоне Исаак, Авраам и Иаков. С.В. Гнутова предполагала, что указанные медные энколпии являются повторением почитаемого в Новгороде образца. Коломенский экземпляр выглядит как бы потертым, нечетким и представляет собой отливку, явно изготовленную по оттиску в глине с уже истершегося оригинала. Об этом говорит грубоватое утолщение всех тонких ажурных деталей, отсутствие проемов под седалищем, до неузнаваемости измененная клюющая ягоди райская птичка в верхней части под аркой. Отсутствуют надписи (на фрагменте должно было бы читаться «ИСАК АВ[РАМ...]]»). Вместо имеющегося на оригинале изящного декоративного поля в широкой рамке, заполненной штрихованными треугольниками, исполнитель коломенской отливки грубо выполнил резцом X-образный декор. Все это выдает вторичный характер иконки. Вместе с тем еще раз надо подчеркнуть большую редкость этой находки. Важен и ее топографический контекст. По-видимому, кто-то из высокопоставленных обитателей великокняжеского двора Коломны имел при себе отливку с новгородской «святыньки». После поломки и потери она попала в культурный слой.

К числу не просто редких, а редчайших вещей принадлежит крест-мощевик, изготовленный из спаянных тонких пластин медного сплава (рис. 10: 1). Подобные артефакты, изготавливавшиеся из серебра (иногда с золочением), принадлежали элите средневековой Руси и дошли до нас почти исключительно в составе ризниц⁴¹. Коломенская находка была найдена в переотложенном слое на усадьбе, которая в древности выходила на ул. Ильинскую — вторую по значимости в кремле (на ней проживала знать). Предмет дошел в очень поврежденном коррозией виде, но квалифицированная реставрация к.х.н. А.П. Тюпаева позволила расчистить почти бесформенный кусок окислов и сохранить предмет для науки. Форма креста — квадрифолийная. Центральное пространство отведено под деревянную иконку (следы дерева присутствуют); на верхней лопасти креста Ю.Л. Щапова под микроскопом диагностировала присутствие кусочков зеленой и красной эмали. Обратная сторона, судя по всему, была гладкой (она покрыта слоем коррозии, снимать которую было опасно для целостности предмета). Внутри видна прямоугольная центральная коробочка, в которую вкладывались мощи или реликвии. Аналоги этому уникальному

³⁸ Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 1. Древнерусское искусство X — начала XV века. М., 1995. С. 151.

³⁹ *Вздорнов Г.И.* Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV века. М., 1980. Каталог. № 30.

⁴⁰ *Гнутова С.В.* Новгородское медное художественное литье (мелкая пластика) XIV–XV вв.: Каталог // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV вв. М., 1996. С. 368, 378–379.

⁴¹ См. великолепный каталог собраний музеев Московского Кремля: *Моршакова Е.А.* Древнерусская мелкая пластика. Наперсные кресты, иконы и панагии XII–XV веков: Каталог. М., 2013. № 34/35. С. 161–172.

Рис. 10. 1 — quadriфолийный крест-мошевик медного сплава со стеклянными вставками и остатками деревянной иконы в среднике (раскоп по ул. Лазарева, 1996 г.); 2 — фрагмент наугольной части басмы медного сплава; 3 — лицевая створка двусторонней иконки медного сплава «Лоно Авраамово» (раскопки у храма Воскресения на великокняжеском дворе, 2000 г.); 4 — костяные рычажные весы для взвешивания монет, конец XIV — начало XV в.

для раскопок предмету находим среди княжеских фамильных реликвий, опубликованных и проанализированных Т.В. Николаевой⁴². Близкой параллелью является наперсный крест-мощевик конца XIV столетия с Вседержителем (центральная иконка), архангелами (верхняя и нижняя лопасти) и херувимами (боковые) из новгородского Знаменского собора. В отличие от коломенского этот крест — серебряный, с золочением и сканью. Изображения выполнены на бумаге или пергаменте темперой и покрыты стеклом⁴³. Все квадрифолийные кресты-мощевики подобной формы не выходят за пределы XIV в. (в конце этого столетия квадрифолий уже сильно деформируется). В пределах XIV столетия датируется и наш крест. Украшенное эмалью, резной (или живописной) деревянной иконкой и хрустальными вставками вместилище для мощей принадлежало, конечно, не князю (ибо материал — медный сплав), но состоятельному человеку высокого социального положения (например, боярину). Она была потеряна, конечно, при чрезвычайных обстоятельствах. Остается лишь пожалеть, что эта уникальная вещь лишена привязки к слою и археологической даты.

Д.О. Осипов изучил найденную в пределах усадьбы, где в XIII–XIV вв. функционировала сапожная мастерская, коллекцию кожаной обуви⁴⁴. Мастерская работала на готовом сырье. Исследования коломенских находок позволили уточнить время появления отдельных форм обувных деталей.

В 1990–1995 гг. автором совместно с Е.А. Цепкиным проводилась программа целенаправленного сбора и определения костных останков рыб из раскопок. Изучение этой коллекции (всего 639 определимых костей, не считая мелких фрагментов и чешуи) вместе с рыболовным инвентарем дало интересные результаты. Для большинства рядовых горожан рыболовство было эпизодическим занятием. Свои потребности в рыбе они в основном, удовлетворяли на торгу. Промысел ориентировался либо на добычу крупных особей крючными снастями, либо на наиболее продуктивный способ лова сетями, в ходе которого фактически «отцеживались» целые участки течения реки. Установлено, что пик потребления рыбы пришелся на XIV–XV вв. (52,25% всех костных находок), в то время как пик развития промысла горожан (судя по инвентарю) на XVII–XIX вв. Отмечена стандартизация размеров рыб, особенно ценных пород. Так, для стерляди наиболее типичны размеры 50–60 см, для русских

осетров и севрюг — 100–180 см. Эти размеры характерны для особей с максимальными потребительскими качествами. Лов этих рыб требовал специализированных крупноячеистых сетей. Все это говорит о том, что в XIV–XV вв. рыболовство было связано со специализированными промысловыми поселениями в округе Коломны, поставлявшими рыбу на торг. Это были крупные промысловые поселения Дединово (Раменской волости), Рыболово (в Песоченском стане) и Рыболовская слободка близ Голутвина монастыря. Есть все основания связывать резкое увеличение потребления рыбы горожанами в раннемосковский период со становлением стольничего пути великокняжеского хозяйства в Коломне (в его состав входили дворцовые рыболовы)⁴⁵.

Мы рассмотрели значительный по объему комплекс сведений, относящихся к Коломне и ее ближайшей округе XIV — начала XV в. Подведем некоторые итоги. Именно XIV век стал эпохой расцвета города. Сразу же после присоединения города в 1300 г. московские князья как бы вдохнули в Коломну новую жизнь. Сюда были вложены очень значительные ресурсы для развития городской инфраструктуры. Все началось со строительства огромного по средневековым меркам и характерного по размерам больше для столиц княжений деревянного кремля. Он был возведен в первые годы после присоединения. Второе знаковое событие для любого средневекового города — возведение первого белокаменного Успенского собора во второй четверти XIV в. (предположительно в 1328–1329 гг.). Синхронно в 1330 г. реконструируются в сторону серьезного усиления дерево-земляные укрепления Коломны. При содействии великих московских князей шло структурирование местной церковной организации. В промежуток между декабрем 1352 — началом марта 1353 г. Коломна превращается в епархиальный центр Русской митрополии. Чуть позднее, до 1379 г., возникает архимандрития, под управлением которой в конце XIV в. было не менее пяти обителей.

Новая реконструкция деревянного кремля и валов пришлась на период подготовки столкновения с Мамаем (вторая половина 1370-х гг.). Совсем неслучайным кажется то, что практически синхронно возводится новый (второй по счету) и более обширный белокаменный Успенский собор (1379–1382 гг., расписан в 1392 г.). В ближайшей округе города в эту же эпоху появляются белокаменные храмы в Городищах (загородная епископская резиденция), Старо-Голутвине и Бобренево монастырях. В XIV в. сложились основные звенья градостроительной

⁴² Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976.

⁴³ Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV вв. М., 1996. С. 207. Каталог. № 37.

⁴⁴ Осипов Д.Ю. Кожаная обувь из раскопок в Коломне // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. М., 2005. Вып. 5. С. 45–53.

⁴⁵ Мазуров А.Б., Цепкин Е.А. Рыболовный промысел в XII–XVIII вв. (по данным раскопок в Коломне) // Российская археология. 2003. № 4. С. 129–138.

структуры, остававшиеся стабильными вплоть до конца XVIII в. (екатерининской перепланировки): главные улицы, трассирующие дороги, наиболее крупные усадебные комплексы (великокняжеский и епископский дворы), городские площади, монастырские ансамбли. В XIV же веке оформилась и городская округа — ближние села с устойчивым владельческим статусом и монастыри.

Золотым веком Коломны стала эпоха Куликовской битвы. Это в полной мере проявилось не только в резком росте городской территории, фортификационном и белокаменном строительстве, но и в живописи. Город стал одним из ярких центров московской иконописной школы. Сохранились пять выдающихся икон конца XIV в. коломенского происхождения: «Богородица Донская» (на обороте «Успение»), «Борис и Глеб с житием», «Сошествие во ад», «Никола с житием», «Иоанн Предтеча — Ангел Пустыни». Ко второй половине XV в. относятся иконы из пригородного села Сандыри «Богородица Мати молебница» и «Богородица Ярославская с избранными святыми». Концом XV или началом XVI в.

датируется «Троица ветхозаветная» — копия извода Андрея Рублева — из храма Воскресения на великокняжеском дворе⁴⁶.

Как видим, развитие Коломны после вхождения в состав Московского княжества в первой половине XIV в. резко интенсифицируется. Все это превращает Коломну во второй по значению город Московского княжества, статус которого стал понижаться только с 1480-х гг., по мере присоединения Иваном III новых обширных территорий. Таким образом, в 1300 г. в исторической биографии Коломны произошла смена вектора исторического развития. После предмонгольского расцвета она прошла период короткого упадка, к концу XIII — началу XIV в. восстановилась и вступила в новый этап развития — но уже на принципиально новой основе — как бурно развивающийся великокняжеский домениальный город в составе Московского княжества.

⁴⁶ Мазуров А.Б. Культура средневековой Коломны конца XIV — начала XV в. // Россия и славянский мир: история, язык, культура: Сб. науч. трудов. М., 2008. С. 205–214.

Список литературы

Альтшуллер Б.Л. Бесстолпные храмы XIV века в Коломне // Советская археология. 1977. № 4. С. 169–173.

Альтшуллер Б.Л. Памятники зодчества Московской Руси второй половины XIV — начала XV века (Новые исследования): Дис. ... канд. архитектуры // Из творческого наследия архитектора-реставратора Б.Л. Альтшуллера: Статьи, воспоминания современников. М.: Новый хронограф, 2013. С. 11–158.

Баталов А.Л., Беляев Л.А. Архитектура Москвы и Твери // История русского искусства второй половины XIII — первой половины XIV века. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2019. Т. 4. С. 158–205.

Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV века. М.: Искусство, 1980. 551 с.

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 2. XIII–XV столетия. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 556 с.

Гнутова С.В. Новгородское медное художественное литье (мелкая пластика) XIV–XV вв.: Каталог // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV вв. М.: Наука, 1996. С. 351–411.

Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания. Т. 1. Древнерусское искусство X — начала XV века. М.: Красная площадь, 1995. 272 с.

Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука, 1985. 432 с.

Кавельмахер В.В., Орловский С.П. Два архитектурных фрагмента из Успенского собора в Коломенском

кремле // Материалы творческого отчета треста «Мособлстройреставрация». М., 1984. С. 80–87 (ротапринт).

Козина С.Н. Гончарные клейма средневековой Коломны // Краеведческие записки: Сб. науч. трудов Коломенского краеведческого музея. Коломна: ООО «Инлайт», 2001. С. 36–42.

Коваль В.Ю. Малые города средневековой Руси: исторические этапы формирования // Гороховец и земли Окско-Клязьминского междуречья в XII–XVII вв. История и археология: Материалы научной конференции. М.: ИА РАН, 2017. С. 25–32.

Коваль В.Ю. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь. XII–XIV вв. Тула: Инфра, 2005. С. 251–265.

Мазуров А.Б. Архитектурно-археологические исследования в Коломне (1947–1984 гг.) // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2019. № 1 (33). С. 3–45.

Мазуров А.Б. Древнейший некрополь Коломны XII века // Краткие сообщения Института археологии. М.: Наука, 2004. Вып. 216. С. 88–96.

Мазуров А.Б. Древнерусские кресты-энколпионы XII–XIII вв. из Коломны // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 78–84.

Мазуров А.Б. Коломна эпохи Куликовской битвы в конце XIV — начале XV в. // Куликовская битва в истории России. Тула: Левша, 2006. Вып. 1. С. 228–247.

Мазуров А.Б. Культура средневековой Коломны конца XIV — начала XV в. // Россия и славянский мир: история, язык, культура: Сб. науч. трудов. М.: Три квадрата, 2008. С. 205–214.

Мазуров А.Б. Начало археологического изучения Коломны // Вестник Коломенского государственного педагогического института. Спец. выпуск, посвященный Всероссийскому Дню славянской письменности и культуры. 2007. № 1 (2). С. 111–146.

Мазуров А.Б. О расположении детинца и размерах Коломны в XII–XIII вв. // Краеведческие записки: Сб. науч. трудов Коломенского краеведческого музея. Коломна: ООО «Инлайт», 2001. С. 27–35.

Мазуров А.Б. Первое знакомство с археологией Коломны: эпизодические находки и исследования XVIII — начала XX в. // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания: Материалы Пятой областной научно-практической конференции. Коломна: МГОСГИ, 2012. С. 5–11.

Мазуров А.Б. Раскопки К.Я. Виноградова в Коломне в 1935 году // Вестник МГОСГИ. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 1 (13). С. 22–33.

Мазуров А.Б. Раскопки Н.П. Милонова в Коломне 1935–1936 гг. // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2017. № 1 (25). С. 3–62.

Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М.: Александрия, 2001. 542 с.

Мазуров А.Б., Коваль В.Ю. Керамический импорт средневековой Коломны // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. [Вып. 1.] М.: ИА РАН, 2004. С. 285–308.

Мазуров А.Б., Цепкин Е.А. Рыболовный промысел в XII–XVIII вв. (по данным раскопок в Коломне) // Российская археология. 2003. № 4. С. 129–138.

Мазуров А.Б., Черкасов В.В. Этнокультурные контакты Руси и Золотой Орды во второй половине XIV в.: По материалам производства красной лощеной керамики в Коломне // Куликовская битва в истории России. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2012. Вып. 2. С. 100–111.

Моршакова Е.А. Древнерусская мелкая пластика. Наперсные кресты, иконы и панагии XII–XV веков: Каталог. М.: СканРус, 2013. 360 с.

Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. М.: Наука, 1976. 288 с.

Носов К.С. Русские средневековые крепости. М.: Эксмо, 2013. 352 с.

Осипов Д.О. Кожаная обувь из раскопок в Коломне // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2005. Вып. 5. С. 45–53.

Писцовая книга г. Коломны и уезда 1577/1578 г. // Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1. СПб.: Изд. Императорского Русского Географического Общества, 1872. С. 291–611.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. 580 с.; Т. 18. Симеоновская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. 316 с.

Самошин С.И., Мазуров А.Б., Сыроватко А.С. Средневековые монетные гирьки и весы из раскопок в Коломне // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2005. Вып. 2. С. 75–77.

Смирнова Э.С. Московская икона XIV–XVII вв. Л.: Аврора, 1988. 319 с.

Тимофеева Т.П. Реконструкция древнего карниза притвора Георгиевского собора XIII в. // Советская археология. 1988. № 4. С. 241–245.

Черкасов В.В. Ангобированная керамика Коломны XIV–XVI вв. // Проблемы истории Московского края: Материалы Шестой научно-практической конференции. М.: МГОУ, 2010. С. 36–41.

Черкасов В.В. Белоглиняная посуда Коломны XV в. (к вопросу о стандартизации гончарного производства) // Вестник МГОСГИ. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 1 (13). С. 34–41.

Черкасов В.В. Датированные керамические комплексы г. Коломны XIV в. и проблема происхождения местной белоглиняной керамики // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь: Старый город, 2010. Вып. 6. С. 22–33.

Черкасов В.В. Домонгольская традиция гончарного производства Среднего Поочья (на примере керамики Коломны 2-й половины XII — XIII в.) // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 299–319.

Черкасов В.В. Керамика Коломны второй половины XIII — первой половины XIV века (к вопросу об изменениях в гончарстве Среднего Поочья в золотоордынскую эпоху) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2005. Вып. 2. С. 54–74.

Черкасов В.В. Коломенская глиняная игрушка XV–XVIII веков в игровой культуре средневековой Руси (по материалам археологических раскопок в Коломне в 1990–2000 годах) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. [Вып. 1.] М.: ИА РАН, 2004. С. 309–320.

Черкасов В.В. Круговая керамика Коломны XII–XVIII вв. (эволюция гончарной продукции): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Изд-во МГУ, 2004. 30 с.

Черкасов В.В. Поливная посуда из Коломны XIII–XVIII вв. // Вестник МГОСГИ. Серия «Гуманитарные науки». 2010. № 2 (10). С. 26–33.

Черных Н.Б., Карпунин А.А. О хронологии оборонительных сооружений Коломны XIV в. (по данным дендроанализа) // Краткие сообщения Института археологии. М.: Наука, 2004. Вып. 216. С. 97–103.

А.Б. Мазуров Коломна в XIII–XV вв.

Ключевые слова: Московское княжество, Коломна, XIII–XV вв., топография, укрепления, ранне-московская архитектура, материальная культура.

Аннотация: В статье характеризуются основные параметры развития в XIII–XV вв. крупного городского центра Московского княжества — Коломны. После ее присоединения от Рязанского княжества к Московскому (1300 г.) владельческие права князя Даниила Александровича и его потомков на город с обширной сельской округой вплоть до конца XIV в. оставались неустойчивыми (окончательно признана «вотчиной» московских князей лишь в 1381 г.). Тем не менее Коломна стала одной из главных финансовых и военных опор великокняжеской власти, материальной базой ее единовластия. Недостаточность информации летописей и актов об истории города во многом преодолевается благодаря археологическим данным. Коломна является крупным археологическим памятником ранне-московской эпохи, впервые привлечшим внимание археологов еще в 1903 г. Наиболее важные результаты получены в результате охранных исследований последнего тридцатилетия. В статье освещается

динамика развития городской территории, формирование новой топографической модели, детально изученные укрепления XIV — первой трети XVI в., каменное строительство XIV столетия. Первый белокаменный храм в Коломне появился еще в эпоху Ивана Калиты, а в конце XIV в. в кремле и ближайших окрестностях города было выстроено еще четыре храма. Золотым веком для Коломны стала эпоха Куликовской битвы (конец XIV — начало XV в.). Дается общий обзор материальной культуры Коломны XIII–XV вв. (керамика местного производства и импортная; предметы личного благочестия и др.). Исторический путь развития города в результате комплексного анализа источников представляется вполне определенным. После предмонгольского подъема Коломна, являвшаяся одним из малых городов Древней Руси, прошла период короткого упадка, но к концу XIII — началу XIV в. восстановилась. В 1300 г. наступил новый этап ее развития как бурно развивающегося великокняжеского доменального города, который вплоть до 1480-х гг. сохранял статус второго по значению города Московского княжества.

А.В. Mazurov Kolomna in the 13th–15th centuries

Keywords: Moscow principality, Kolomna, the 13th–15th centuries, topography, fortifications, early Moscow architecture, material culture.

Abstract: Principal parameters of development of Kolomna. In the 13th–15th centuries the town was a major urban center of Moscow principality are characterized. After its accession to Moscow principality and its exit from Ryazan' principality property rights of prince Daniel Alexandrovich and his descendants to Kolomna and adjoining extensive rural area were unstable until the very end of the 14th century (the rights were finally recognized in 1381). Kolomna BECAME ONE OF financial and military props of the Great Prince authority and the material base of its autocracy. Insufficiency of information contained in chronicles and acts on urban history is overcome in many respects due to archeological data. Kolomna is a major archeological monument of the early Moscow period and initially attracted archeologists' attention as early as in 1903. The most important results have been attained due to protective measures taken in the last three decades. Dynamics of

urban territory development, formation of a new topographical model and fortifications studied in details, stone construction of the 14th centuries are elucidated and considered in the article. The first temple of white stone emerged in Kolomna as early as in the reign of Ivan Kalita and by the end of the 14th century 4 more temples were built in Kolomna and its vicinity. The "golden age" of Kolomna coincided with the times of Kulikovo battle at the Kulikovo field. The general survey of material culture of Kolomna is provided. It includes pottery of local production and imported pottery as well as items of personal piety. The historical path of the town's development in result of comprehensive analysis seems to be quite definite. After a pre-Mongolian ascent Kolomna (the town was one of small towns of Old Rus'; it got through a period of short decline but by the end of the 13th — early 14th centuries restored). In 1300 a new stage of its development came due. Kolomna became the town rapidly developed the Great Prince domennial town which preserved the status of the second significant town of the principality until 1480s.

К вопросу об исторической топографии Алексина XIV–XVI вв.¹

Одной из задач исторической географии является максимально точное определение места, где происходили исторические события. В случае же, если события связаны с территорией города, которая существует и ныне, перед исследователем встают довольно специфические задачи из-за проблем локализации географических объектов и изменений ландшафта по причине антропогенного фактора. Настоящие заметки посвящены топографии средневекового Алексина, определению его исторического ядра и попытке связать данные письменных источников и археологии.

Алексин располагался на важном в стратегическом плане месте «Берега» — здесь находилось два брода-перевоза через р. Оку².

Самое раннее упоминание Алексина помещено в Никоновской летописи XVI в. под 1347/1348 годом. В нем говорится, что Темир сжег посады «граду Алексину святого чудотворца Петра»³. В других летописях это сообщение не читается.

Согласно жалованной грамоте великого князя Ивана III Васильевича 1483 г., Алексин был выменен великим князем Василием Дмитриевичем у митрополита Киприана на слободку Кораш в границах «как купил Петр митрополит, земли и воды и борть, что будет ни потягло издавна к Олексину»⁴. Покупка Петра могла состояться с 1308 до 1326 г., когда он управлял русской митрополией. Обмен же Алексина на Караш произошел между 1389 г.

(начало правления Василия Дмитриевича) и 1402–1404 гг. (дата составления, по В.А. Кучкину, договорной грамоты между великим князем Василием Дмитриевичем и серпуховским князем Владимиром Андреевичем, по которой Алексин входит во владения последнего)⁵. В.А. Кучкин датировал мену между 6 марта 1390 г. (возвращение митрополита Киприана при Василии I в Москву) и 13 февраля 1392 г. (смерть боярина Данила Феофановича из рода Бяконтов)⁶. Таким образом, Алексин стал Московским владением между 1390 и 1392 гг. Как уже отмечалось, Алексин входил в состав удела князя Владимира Андреевича и его потомков⁷. Позже Алексин принадлежал можайскому князю Ивану Андреевичу⁸.

По духовной Василия II, Алексин уже стал великокняжеским городом и должен был отойти к его сыну Ивану⁹.

В июле 1472 г. «город» Алексин был осажден и взят штурмом ханом Ахматом¹⁰.

Иван III в феврале 1479 г. хотел пожаловать Калугу и Алексин своему брату князю Андрею Васильевичу¹¹.

⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. (далее — ДДГ). № 16. С. 43.

⁶ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 273–274. Также ср.: Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV в. М., 2008. С. 49. О Даниле Феофановиче см. подробнее: Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 248–249.

⁷ ДДГ. № 16. С. 43; № 17. С. 47.

⁸ ДДГ. № 41. С. 122; № 46. С. 141; № 48. С. 147.

⁹ ДДГ. № 61. С. 194.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. 2-е изд. М., 2001. С. 210–211; Т. 18. М., 2007. С. 242; Т. 26. М.; Л., 1959. С. 249–250; Устюжский летописный свод... (Архангелогородский летописец). М.; Л., 1950. С. 90–91.

¹¹ Иоасафская летопись. М., 2014. С. 119; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. 2-е изд. М., 2001. С. 290.

¹ Автор выражает благодарность А.В. Грибкову, В.К. Ефремову, С.В. Зацаринному, Г.А. Шебанину и А.В. Шевкову за помощь в написании статьи.

² РГАДА. Ф. 199. Портф. 365. Ч. 2. Д. 20. Л. 9, 26, 30об.; ОР БАН. Основное картографическое собрание. № 420.

³ ПСРЛ. Т. 10. М., 2000. С. 220.

⁴ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М., 1951. Ч. 1. № 1. С. 23–25. Также см.: Там же. М., 1961. Ч. 3. № 18. С. 36.

Рис. 1. Разрушенное Ильинское городище. Фотография Г.А. Доррера. 1938 г. (Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938 г. Ед. хр. 263; Доррер Г.А. Отчеты археологических экспедиций Тульского областного краеведческого музея. 1938 г. Л. 35)

По духовной грамоте московского великого князя Ивана III Алексин был завещан его сыну Андрею в 1503 г.¹² Выделение же удела произошло только к началу 1519 г.¹³ Алексинский уезд был выменян Иваном Грозным в феврале 1566 г. у старицкого князя Владимира Андреевича¹⁴.

На протяжении XVI столетия Алексин сохранял свое стратегическое значение крепости «на Берегу». Так, татары «приходили» под Алексин в 1512 г.¹⁵ С устройством Засечной Черты стратегическое значение Алексина стало падать. Но засеки не помешали использовать броды под Алексином для переправы крымским татарам в 1591 г.¹⁶

В годы Смутного времени Алексин поддержал Ивана Болотникова. Войскам царя Василия Шуйского пришлось 29 июля 1607 г. взять город штурмом¹⁷.

¹² ДДГ. № 89. С. 360.

¹³ ПСРЛ. Т. 26. С. 310; Зимин А.А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. М., 1977. С. 179–180.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 13. Пол. 2. М., 2000. С. 400.

¹⁵ Иоасафская летопись. М., 2014. С. 160.

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 133. Столпик 3. Л. 42, 45, 52.

¹⁷ См. подробнее: Смирнов И.И. Восстание Болотникова: 1606–1607. М., 1951. С. 172, 197, 342–343, 384–385, 448–449.

В 20-х гг. XVII — XVIII в. Алексин — уездный город Русского государства, находящийся на удалении от каких-либо боевых действий.

13 июля 1768 г. в Алексине произошел пожар, сгорел фактически весь город. Чуть раньше было проведено межевание городской земли. После пожара начала складываться регулярная застройка города¹⁸.

Таким образом, Алексин в XV — начале XVII в. несколько раз осаждался. Но где и когда находилась алексинская крепость? Всего в черте города известно три городища: Ильинское, Петровское и Сорокинское¹⁹. Так как в литературе встречаются противоположные точки зрения относительно их сохранности, рассмотрим историю изучения памятников археологии в черте города.

Уже любители старины XIX — начала XX в. отмечали, что «в древние времена город был на другом месте, на так называемой Ильинской горе, и оттуда перенесен на нынешнее место. Предание говорит, что переход жителей на другое место произошел

¹⁸ РГАДА. Ф. 1372. Оп. 1. Ед. хр. 412; РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Ед. хр. 6, 7. Государственный архив Тульской области. Ф. 291. Оп. 1а. Ед. хр. 1, 3.

¹⁹ Археологическая карта России: Тульская область. М., 1999. Ч. 1. № 43. С. 90–92.

вследствие страшной моровой язвы...»²⁰. Другие исследователи XIX в. указывают, что перенос города с Ильинской горы состоялся после сожжения Алексина в 1472 г.²¹ В 1938 г. Ильинское городище было осмотрено Г.А. Доррером²². В своем отчете археолог упоминает только одно городище, хотя им была осмотрена и территория Сорокинского городища²³. В следующем, 1939 году Г.А. Доррер констатировал, что городище было уничтожено карьером²⁴ (рис. 1).

Однако в 1973 г. Э.А. Юркевичем Ильинское городище было поставлено на учет как памятник археологии²⁵. Таким образом, непонятно, как объект, поставленный на учет в 1973 г., соотносится с Ильинским городищем, уничтоженным к 1939 г. Благодаря паспорту Э.А. Юркевича в исторической литературе имеют хождение две противоположные точки зрения о судьбе Ильинского городища (рис. 2)²⁶.

В 1985 г. Р.В. Клянин поставил на учет еще одно городище — Сорокинское²⁷. В 1996, 1998–1999 гг. этот памятник археологии изучался экспедицией объединения «Тульский областной историко-литературный и архитектурный музей» под руководством Ю.Г. Екимова²⁸. По итогам

²⁰ Анофриев Г.В. Алексин (местные предания и легенды) // Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Кн. 1. Тула, 1915. С. 217.

²¹ Афремов И.Ф. Собр. соч. / Сост. и науч. ред. Н.К. Фомин. Тула, 2008. С. 441, 444; Сахаров И.П. Памятники Тульской губернии. СПб., 1851. С. 17.

²² Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938 г. Ед. хр. 263; Доррер Г.А. Отчеты археологических экспедиций Тульского областного краеведческого музея. 1938 г. Л. 35–37.

²³ Там же. Л. 6–7об.

²⁴ Там же. 1939 г. Ед. хр. 219; Доррер Г.А. Отчет о раскопках Тульского областного музея в 1939 году. Л. 13.

²⁵ Архив государственного учреждения культуры Тульской области «Центр по охране и использованию памятников истории и культуры». Б/н. Паспорт памятника археологии «Городище “Ильинская гора”» / Сост. Э.А. Юркевич. 1973 г.

²⁶ Археологическая карта России: Тульская область. Ч. 1. № 43. С. 90–92; Воронникова И.А., Неделин В.М. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII вв. Т. 2. Кн. 1. М., 2016. С. 167; Зацаринный С.В. Закрытый комплекс XV в. с Сорокина городища (к вопросу о локализации летописного Алексина) // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. 2. Тула, 2003. С. 96; Шеков А.В. Верховские княжества: вторая половина XIII — середина XVI в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 206.

²⁷ Архив государственного учреждения культуры Тульской области «Центр по охране и использованию памятников истории и культуры». Б/н. Паспорт памятника археологии «Городище “Сорокинское”» / Сост. Р.В. Клянин. 1985 г.

²⁸ Екимов Ю.Г., Зацаринный С.В. Этапы заселения и хронология средневекового Сорокина городища // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Матер. X регион. научн. конференции. Калуга, 2003. С. 24–28; Зацаринный С.В. Закрытый комплекс XV в. ... С. 96–112; Зацаринный С.В., Екимов Ю.Г. Материалы домонгольского времени с Сорокина городища // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Матер. XI науч. конф. Калуга, 2005. С. 17–22.

исследований было высказано предположение, что именно на Сорокинском городище мог находиться Алексин, сожженный в 1472 г. (рис. 9).

В 1996 г. А.В. Шековым был заложен шурф на Петровском городище.

В 2018 г. начались исследования культурного слоя Алексина под руководством А.В. Грибкова²⁹.

Таким образом, для изучения топографии Алексина XIV–XVI вв. следует рассмотреть следующие вопросы: 1) местоположение, степень сохранности и датировка укрепленных центров исторического ядра города (Ильинское, Сорокинское и Петровское городища), их упоминания в письменных источниках; 2) локализация «Старого посада» Алексина.

I. Ильинское городище

Ключевой проблемой для того, чтобы понять, сохранилось или нет Ильинское городище, является его локализация.

Большая часть дореволюционных исследователей указывали, что городище находилось на Ильинской горе или близ нее, на р. Оке³⁰. Согласно сведениям начала XX в., рядом с городищем некогда располагались Ильинская церковь и Ильинское кладбище: «Близ гор. Алексина и Ильинской горы, на берегу р. Оки на почве песчано-глино-каменистой существует [отличная] от почв древних насыпь из лучшего чернозема. [Форма] круглая, имеет вид большого кургана. Оврагами окружена с восточной стороны, более удобный вход на насыпь с северной стороны. Сажень в 20-ти от насыпи и более находятся старинные упраздненные кладбища, три: на Ильинской горе, близ еврейского кладбища, за ручьем в начале Свинского леса, что, по преданию, была церковь арх[идиакона] Стефана, намогильные памятники явно выражены...»³¹; «по преданию прихода, на правом берегу реки Оки есть несколько холмов, имеющих название “Стружок”, “Ильинская гора” и несколько других меньших, не имеющих особых названий. На так называемой Ильинской горе, по преданию, имелась церковь св. пр. Ильи, но остатков от этой церкви не заметно нигде, а равно нет точных сведений. Молва приписывает свое существование означенной церкви...»³².

Как уже отмечалось выше, в 1938 г. Ильинское городище исследовал Г.А. Доррер: «Городище почти

²⁹ На момент написания статьи отчет еще не сдан в архив ИА РАН.

³⁰ Анофриев Г.В. Алексин (местные предания и легенды). С. 217.

³¹ Государственный архив Тульской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 437. Л. 45.

³² Там же. Л. 84.

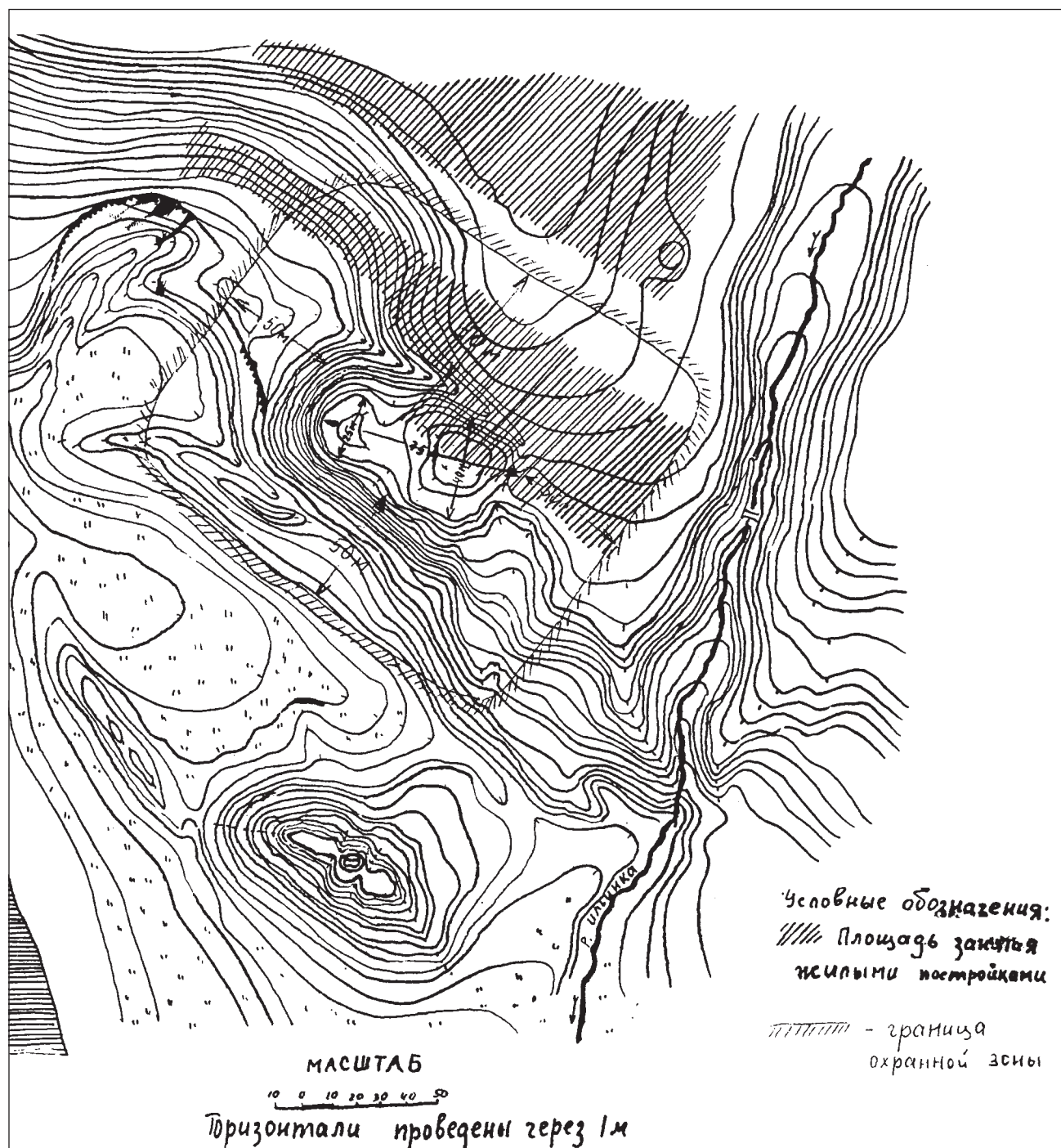

Рис. 2. План Ильинского городища. Сост. Э.А. Юркевич. 1973 г.

полностью разрушено каменным карьером, работы на котором непрерывно продолжаютсЯ начина с 1929 г. От городища осталась только небольшая часть заднего, северо-восточного вала и ров... Форму городища восстановить трудно, но, по указаниям старых работников карьера, в длину оно было около 130 метров, в ширину 70–80. Ориентированно длинной осью с СВ на ЮЗ. Задний и передний вал[ы]

городища назывались "стружками", т.к. имели форму опрокинутых лодок. Городище находилось на высоком холме над Окой. От уровня реки — 30 метров... Культурный слой вала был осмoтрен по прибытии, и на городище, и в нем были найдены различные предметы, относящиеся частью к славянскому поселению, частью к "дьяковской культуре". Культурный слой вала в наиболее мощной части имеет глубину

2 метра...»³³ В следующем, 1939 году Г.А. Доррер констатировал, «что остатки вала совершенно уничтожены искрышными (так в отчете. — А.Д.) работами на карьере и, таким образом, городище исчезло полностью»³⁴. Какой-либо план городища Г.А. Доррером не был снят, не было им и указано точное расположение городища. О местонахождении городища позволяет судить только фотография, сделанная с противоположного берега р. Оки и приложенная к отчету 1938 г.³⁵ На фотографии узнаются крайние с южной стороны дома Рыбной слободы и жилые постройки г. Алексина, стоящие на надпойменной возвышенности (рис. 1).

В 1973 г. территорию г. Алексина исследовал Э.А. Юркевич в рамках работ по составлению свода памятников истории и культуры. Он обнаружил не разрушенное карьером Ильинское городище на правом берегу р. Ильинки, правого притока р. Оки. Стоит отметить, что на планах Генерального межевания р. Ильинка называется р. Чюровкой; более ранних вариантов написания гидронима нам найти не удалось³⁶. Отметим, что исследователь не обнаружил на поставленном на учет памятнике следов вала. К критериям постановки памятника на учет относятся только «ров» и находки вещей и керамики. Обращение к плану, приложенному к паспорту, позволяет понять, что за ров археолог принял овраг. Таким образом, жестких оснований считать, что памятник археологии, обнаруженный Э.А. Юркевичем, является городищем, нет (рис. 2)³⁷.

Карьер же, описанный Г.А. Доррером, находится на северо-запад от описанного Э.А. Юркевичем памятника.

Обратим внимание, что на городских землях Алексина во времена генерального межевания находились две дачи, именовавшиеся Ильинскими: «Ильинская пустовая земля, что на Медвежьем верху ведомства Казенной полаты» и «состоящая в градской округе церковная земля Ильинская, что на речке Бухторме, ведомства Казенной полаты»³⁸. Первая дача находилась на большем удалении от р. Оки,

правее дороги на Тулу³⁹. В картуше плана второй дачи обмежеванная земля названа «старинное кладбище Ильинское»⁴⁰. Эта дача располагалась между выгонной землей и землей купцов и мещан г. Алексина в непосредственной близости от р. Оки⁴¹.

Самое раннее описание Ильинского кладбища мы встречаем в писцовой и межевой книге Алексинского уезда 1683/1684–1684/1685 гг.: «Кладбище Ильи пророка на старом посаде против Сорокина городища, едучи от перевоза от реки Оки на гору подле дороги на правой стороне, в длину 42 сажени, поперек в первом конце 9 сажень, в другом конце 18 сажень, посеред 22 сажени»⁴². Это кладбище было обмежевано в 1755 г. при проведении так называемого «елизаветинского» межевания⁴³. В 1777 г. кладбище было обмежевано вновь (рис. 5)⁴⁴.

Основой локализации кладбища является перевоз, который показан на ряде карт Алексина XVIII в., и метрические данные планов Генерального межевания (рис. 6). По ним кладбище локализуется где-то в районе пересечения современных ул. Муратова и ул. Ильинка. Похоже, оно на настоящий момент не попало под застройку, так как в этом месте известен участок с межевыми валами, полностью совпадающий по форме с тем, что мы можем наблюдать на плане Генерального межевания⁴⁵.

Кроме этого, в писцовой книге 1683/1684–1684/1685 гг. описано еще одно кладбище на городище: «Кладбище Николая Чудотворца, что на городище, в длину 22 сажени, поперек в первом конце 13 сажень, в другом конце 10 сажень, посеред 10 сажень с полусаженью»⁴⁶. Это кладбище тоже было обмежевано в 1755 г.⁴⁷ На межевании 1777 г. оно уже не показано как отдельная дача, и это, вероятно, говорит о том, что оно было примежевано к «селидебной земле» г. Алексина (рис. 3)⁴⁸.

В окладных книгах церквей и церковных земель XVIII в. содержится следующая запись: «С церковные земли Никольские в Алексине городище гостинной сотни на Ворфоломее Федотове сыне Анфимове оброку десять алтын з деньгою»⁴⁹. Таким образом, Никольское кладбище XVII–XVIII вв. располагалось на «Алексинском городище».

³³ Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938 г. Ед. хр. 263; Доррер Г.А. Отчеты археологических экспедиций Тульского областного краеведческого музея. 1938 г. Л. 6–6об.

³⁴ Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1939 г. Ед. хр. 219; Доррер Г.А. Отчет о раскопках Тульского областного музея в 1939 году. Л. 13.

³⁵ Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938 г. Ед. хр. 263. Л. 35.

³⁶ См., например: РГАДА. Ф. 1354. Оп. 535. Ч. 1. Ед. хр. В-10 син., К-39 син., С-10 син.

³⁷ Архив государственного учреждения культуры Тульской области «Центр по охране и использованию памятников истории и культуры». Б/н. Паспорт памятника археологии «Городище "Ильинская гора"» / Сост. Э.А. Юркевич. 1973 г.

³⁸ Города Российской империи в материалах Генерального межевания: Центральная Россия / Подгот. к изд. Д.А. Черненко, А.А. Голубинский, Д.А. Хитров. Тула, 2016. С. 618–619.

³⁹ Ее план см.: РГАДА. Ф. 1354. Оп. 535. Ч. 1. Ед. хр. И-8 син.

⁴⁰ Там же. Ед. хр. К-38 син.

⁴¹ Там же. Ед. хр. В-10 син., К-38 син.

⁴² Писцовые книги Тульского края / Под наблюдением И.С. Беляева. Ч. 1: Алексинский уезд // Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Кн. 1. С. 437.

⁴³ РГАДА. Ф. 1372. Оп. 1. Ед. хр. 412. Л. 4об.

⁴⁴ Там же. Ф. 1354. Оп. 535. Ч. 1. Ед. хр. К-38 син.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Писцовые книги Тульского края / Под наблюдением И.С. Беляева. Ч. 1: Алексинский уезд... С. 438.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1372. Оп. 1. Ед. хр. 412. Л. 4об.

⁴⁸ Там же. Ф. 1354. Оп. 535. Ч. 1. Ед. хр. А-16 син.

⁴⁹ Цит. по: Там же. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 261. Л. ХЧД (ед. хр. не имеет современной нумерации). Также см.: Там же. Ед. хр. 427. Л. 61.

Рис. 3. Фрагмент плана генерального межевания «города Алексина селидебной земли, что на осыпе». 1777 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 535. Ч. 1. Ед. хр. А-16 син.).

Цифрами отмечено: 1) Петровское городище;
2) вероятное расположение кладбища
Николая Чудотворца

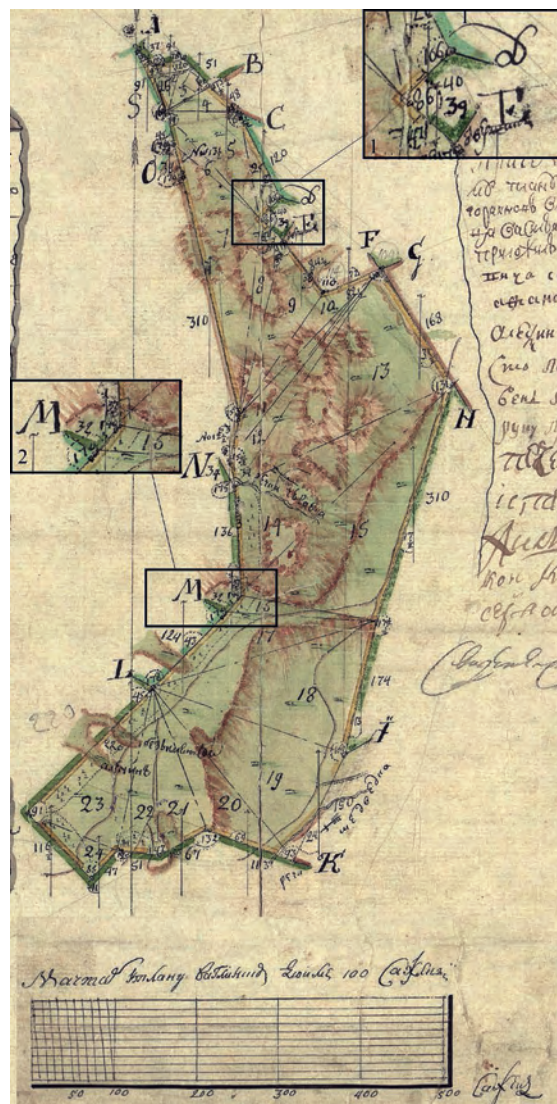

Рис. 4. Фрагмент плана Генерального межевания выгонной земли г. Алексина. 1777 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 535. Ч. 1. Ед. хр. В-10 син.).

Цифрами отмечено: 1) граница с дачей
Ильинского кладбища;
2) Сорокинское городище

На плане 1777 г. к южной части «селидебной земли» г. Алексина примыкает четырехугольник размеров, вполне соотносимых с описанием писцовой книги. При накладывании на современную карту территории кладбища оно попадает на карьер северо-западнее Пушкинского переулка (рис. 3).

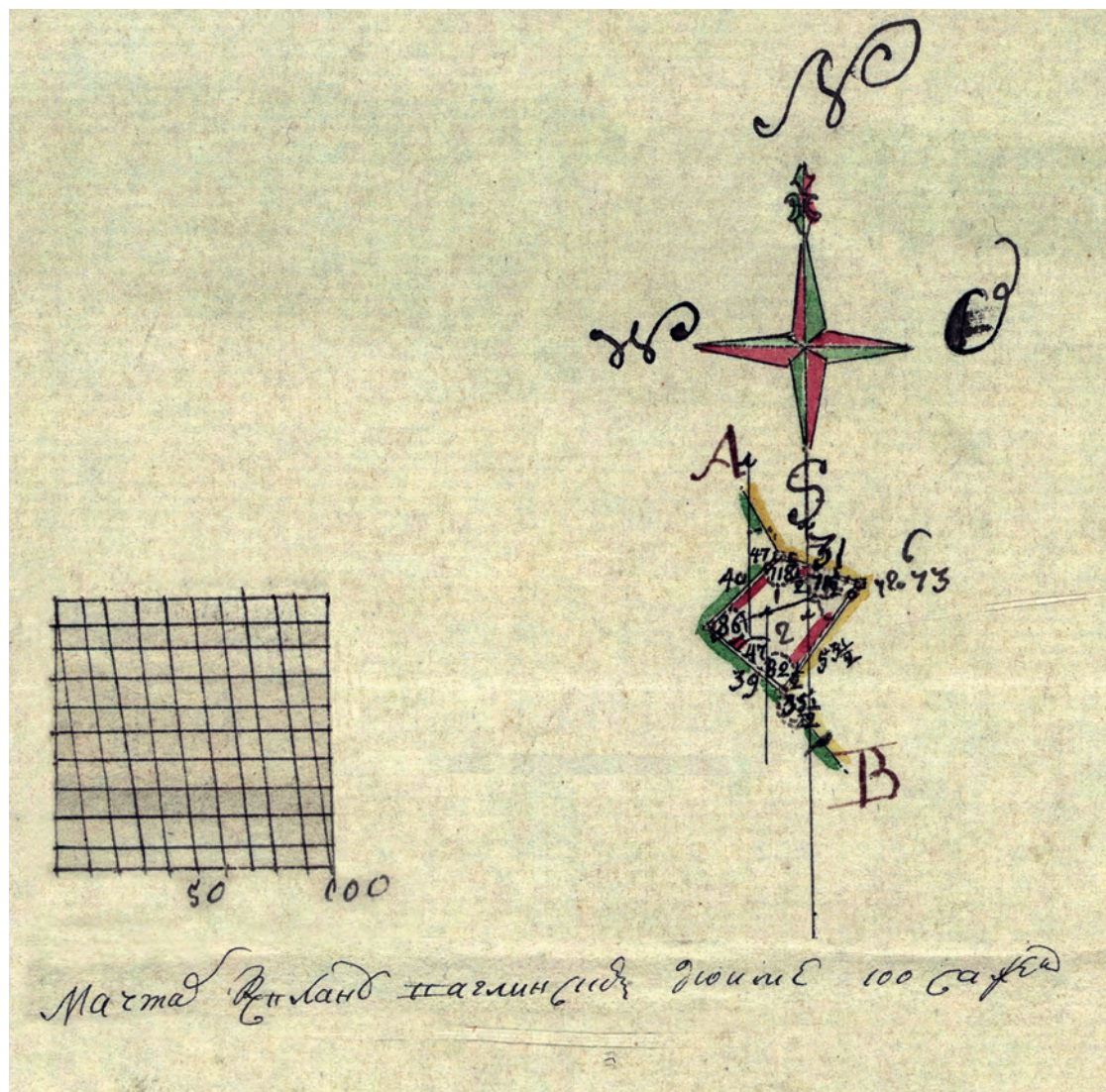
Рельеф местности до начала работы карьера позволяет установить военно-топографическая съемка Алексина 1853 г.⁵⁰ На ней на участке карьера 20-х-30-х гг. прошлого века показана площадка размером примерно 150 × 80 м, что соотносится

с размерами городища по Г.А. Дорреру. Как показывает немецкая аэрофотосъемка 1943 г., именно этот холм был уничтожен карьером. Таким образом, именно здесь находилось Ильинское городище (рис. 7).

Однако, как видно из аэрофотоснимка и совмещения его, современной карты и карты 1853 г., северо-западная площадка мыса, которую занимало городище, не была уничтожена карьером (рис. 8). Осмотр небольшого сохранившегося участка площадки этого мыса, предпринятый автором вместе с археологами А.В. Грибковым и Г.А. Шебаниным осенью 2018 г., позволяет говорить о возможности

⁵⁰ РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 5287.

Рис. 5.
Фрагмент
плана
Ильинского
кладбища
г. Алексина.
1777 г.
(РГАДА.
Ф. 1354.
Оп. 535. Ч. 1.
Ед. хр. К-38
син.)

сохранения здесь остатков фрагмента укреплений городища и наличия культурного слоя в переотложенном состоянии. Значит, нельзя полностью исключать, что участок Ильинского городища все-таки сохранился, но ответ на этот вопрос может дать только проведение археологических исследований. Учитывая, что в источниках XVII–XVIII вв. Ильинское городище фигурирует как «Алексинское городище», можно с большой уверенностью полагать, что именно здесь находился укрепленный административный центр города до переноса на Ильинскую гору.

II. Сорокинское городище

Как мы помним, в писцовой и межевой книге 1683/1684 — 1684/1685 гг. при описании Ильинского кладбища отмечается, что оно «против

Сорокина городища»⁵¹. Других сведений и указаний на расположение Сорокинского городища в письменных источниках в настоящий момент неизвестно. Само Сорокинское городище не фигурирует в работах исследователей XIX — начала XX в.⁵²

⁵¹ Писцовые книги Тульского края / Под наблюдением И.С. Беляева. Ч. 1: Алексинский уезд... С. 438.

⁵² Просмотрено: Анофриев Г.В. Алексин (местные предания и легенды)... С. 215–218; Афремов И.Ф. Собр. соч. С. 441–445; Борисов В.М. Курганы и городища в Тульской губернии // Известия Императорского Русского географического общества. Т. 15. Вып. 3. СПб., 1879. С. 240–241; Научный архив ГВИПМЗ «Куликово поле». Инв. № 4353; Нарциссов П.В. История, археология Тульской губернии. [1920-е гг.] Л. 66; Сахаров И.П. Географическое описание природы и хозяйства города Алексина и Алексинского уезда Тульской губ. (рукопись 1846 г.). Тула, 2005. С. 7–11, 13–14; Он же. Памятники Тульской губ. СПб., 1851. С. 17–18. Также см.: Наумова Т.В. История изучения археологических памятников Тульского края (1760-е–1930-е гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 321–322.

Рис. 6. План г. Алексина 1768 г. (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Ед. хр. 6).

Красными стрелочками показано: 1) Ильинское городище; 2) Ильинское кладбище; 3) Петровское городище

В 1938 г. местность Сорокинского городища осмотривал Г.А. Доррер, отметивший там наличие многочисленных находок, но не городища: «На 1 км вверх по Оке, поэтому же берегу в размытках и осыпях встречается в незначительном количестве славянская керамика, возможно, это селища, окружающие городок. По указанию Маслова К.А., здесь попадаются железные вещи...»⁵³

В 1985 г. в южной части Алексина, на площадке Сорокинского городища началось строительство мотодрома ДОСААФ, разрушившее культурный слой на участке более 500 кв. м. Работы удалось приостановить, после чего городище было осмотрено археологом Р.В. Кляниным: «Памятник состоит из двух площадок, соединенных узким перешейком. Площадка № 1 овальной

формы, размером 55 × 70 м находится на высоте 50–52 м над урезом воды и имеет покат на ЮЗ. С СВ стороны защищено валом, имеющим вспомогательное значение и идущим вдоль рва глубиной 2 м и шириной 10 м. Протяженность рва — 55 м. Поверхность площадки задернована, с СВ части склон подмыт и оползает. Площадка 2 имеет трапецевидную форму, размером 120 × 90 × 150 × 140 м. Площадка находится на высоте 39–51 м над урезом воды и имеет покат на ЮЗ. В северной части площадки были начаты земляные работы» (рис. 9)⁵⁴.

В 1996 и 1998–1999 гг. Сорокинское городище раскапывалось Ю.Г. Екимовым. Работы

⁵³ Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938 г. Ед. хр. 263. Л. 7.

⁵⁴ Архив государственного учреждения культуры Тульской области «Центр по охране и использованию памятников истории и культуры». Б/н. Паспорт памятника археологии «Городище "Сорокинское"» / Сост. Р.В. Клянин. 1985 г.

Рис. 7. Фрагмент военно-топографического плана Алексина 1853 г. (РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 5287). Цифрами отмечено: 1) Петровское городище; 2) Ильинское городище; 3) Сорокинское городище

велись как на верхней, так и на нижней площадке. Всего раскопами было вскрыто 688 кв. м.: 168 кв. м на верхней площадке (в 2012 г. на месте этого раскопа построена Ильинская часовня) и 520 кв. м на нижней. В результате удалось выделить четыре этапа заселения Сорокинского городища в Средневековье и Раннем Новом времени: 1) XI–XIII вв.; 2) конец XIV — третья четверть XV в.; 3) конец XV — первая половина XVI в.; 4) вторая

половина XVI — начало XVII в.⁵⁵ Обратим внимание, что с площадки Сорокинского городища из второго слоя XIV–XV вв., погибшего во время пожара, происходят знаковые находки: крест-энколпион с квадрифолийной центральной частью и округлыми

⁵⁵ Екимов Ю.Г., Зацаринный С.В. Этапы заселения... С. 24–28; Зацаринный С.В. Закрытый комплекс XV в. ... С. 96–112; Зацаринный С.В., Екимов Ю.Г. Материалы домонгольского времени с Сорокина городища... С. 17–22.

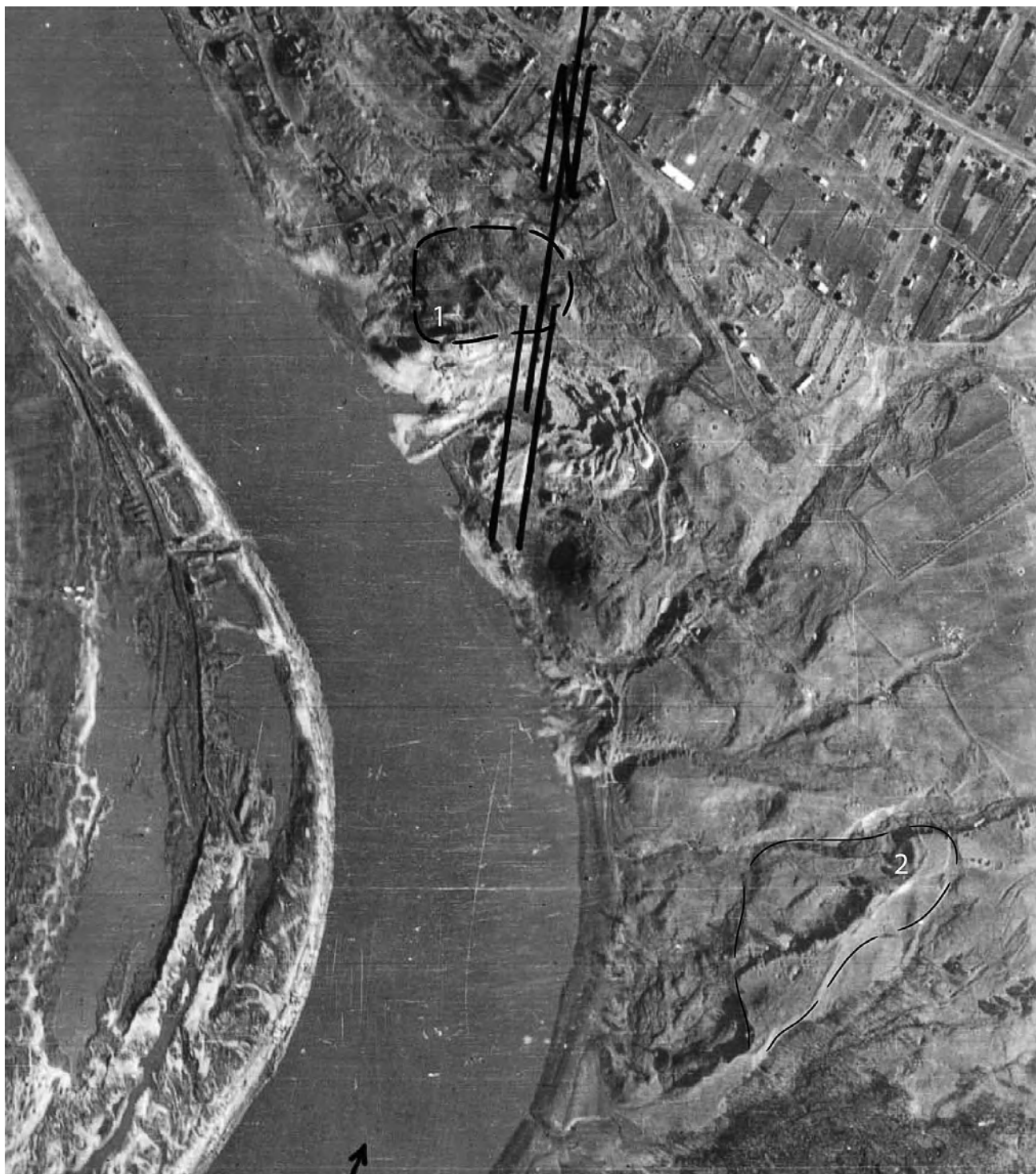

Рис. 8. Фрагмент немецкой аэрофотосъемки 1943 г.
Цифрами обозначены: 1) мыс, частично уничтоженный карьером, на котором располагалось Ильинское городище; 2) Сорокинское городище

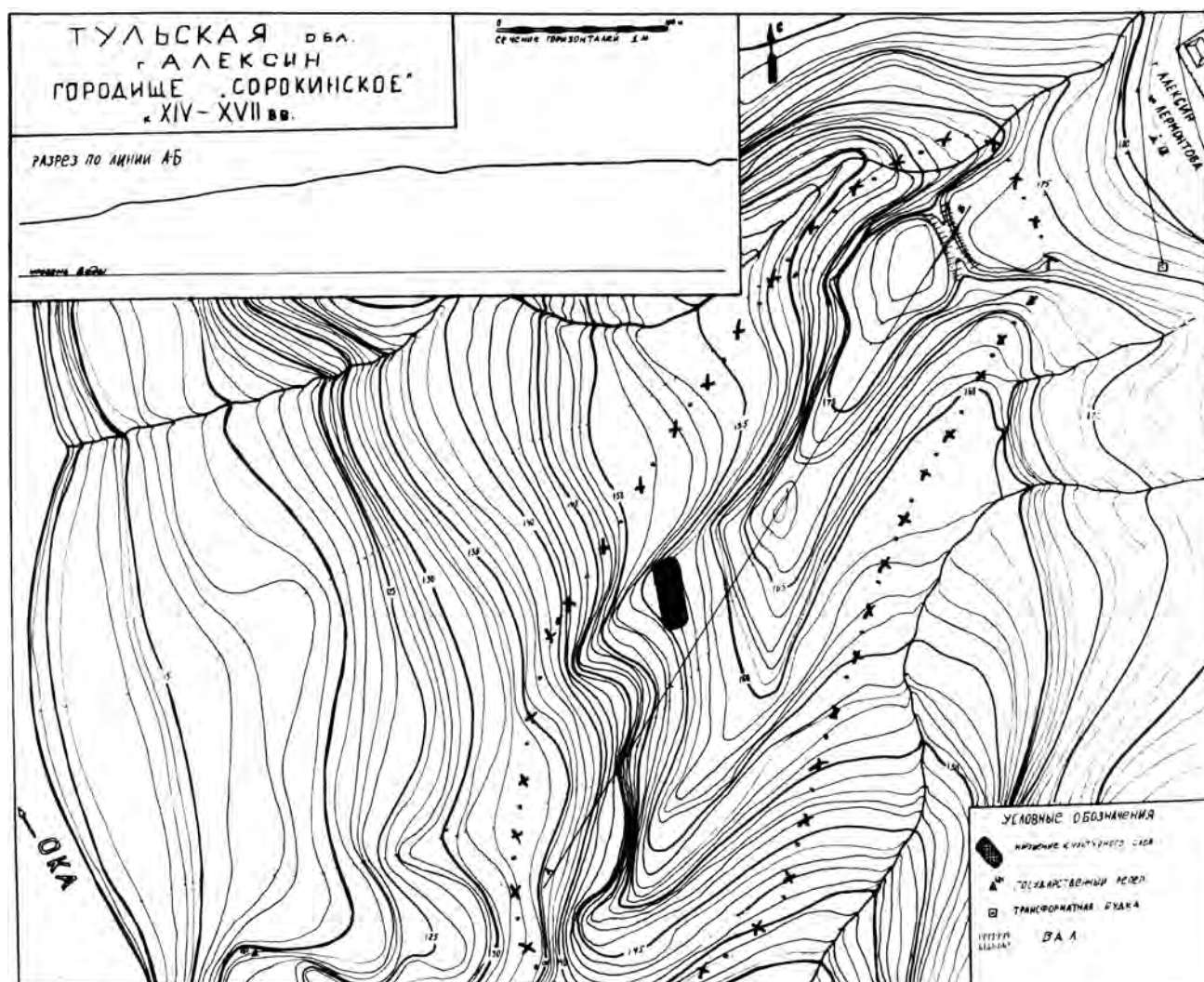

Рис. 9. План Сорokinского городища. Съёмка Р.В. Клянина. 1985 г.

лопастями, датированный авторами раскопок XIV–XV веками, фрагменты ключей и замков, фрагменты шпор, орнаментированная бронзовая накладка сердцевидной формы с арабским текстом «Султан Тохтамыш», шахматная фигурка и ряд монет XIV–XV вв. Находки позволили С.В. Зацаринному и Ю.Г. Екимову сделать вывод, что Сорokinское городище либо входило в систему оборонительных сооружений г. Алексина, либо же было той самой крепостью, сожженной в 1472 г.⁵⁶

Сорokinское городище в XVIII в., похоже, находилось на границе дач «старинного кладбища архидиакона Стефана» и градской выгонной земли⁵⁷.

Стоит отметить, что, судя по картографическому материалу последних 150 лет, площадки памятника

постепенно осыпаются в ближайшие овраги и их площадь сильно уменьшилась. Примерно реконструировать ранний внешний вид памятника позволяет военно-топографическая съёмка 1853 г.

На военно-топографической карте 1853 г., возможно, показан восточный ров городища с прямым углом. На западной стороне памятника проведена подобная линия — вероятно, уже утраченное из-за эрозии фортификационное сооружение — городище (непонятно, какая сторона для этого сооружения окажется внутренней или внешней). Если это так, то на памятнике было несколько этапов создания фортификационных сооружений. Его примерная площадь на середину XIX в., исходя из предположения, что вся территория между оврагами имела культурный слой, составляла 15–17 тыс. кв. м. Сейчас же территория памятника — около 8 тыс. кв. м (рис. 7)⁵⁸.

⁵⁶ Екимов Ю.Г., Зацаринный С.В. Этапы заселения и хронология... С. 26–27; Зацаринный С.В. Закрытый комплекс XV в. ... С. 97, 105–106.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 535. Ч. 1. Ед. хр. В-10 син., П-26 син.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 5287.

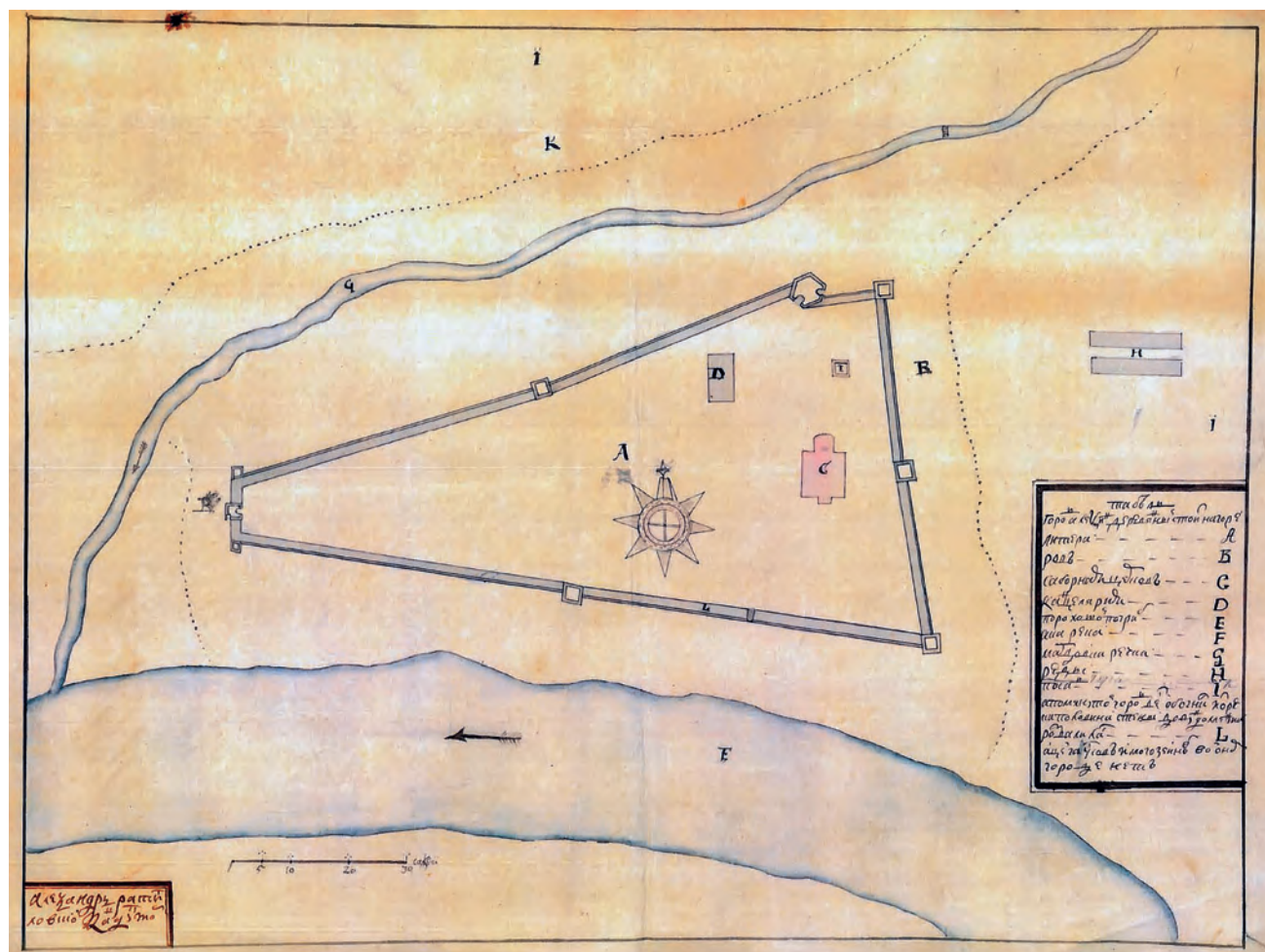

Рис. 10. План Алексинского острога. 1720-е гг.
(РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Ед. хр. 1133)

Таким образом, Сорокинское городище археологически подходит на роль летописного Алексина. Но, в отличие от Ильинского городища, оно не фигурирует как «городище Алексин».

III. Петровское городище

Третье городище, расположенное в историческом ядре г. Алексина, находится в устье р. Мордовки. Сейчас его территория находится под городским сквером и старым и новым зданиями Успенского собора.

Само Петровское городище было хорошо известно в XIX — начале XX в.⁵⁹ В северо-западной части мыса видны остатки вала высотой 1,5 м. В 1996 г. А.В. Шековым был заложен шурф 4 × 4 м в непосредственной близости от вала.

⁵⁹ Сахаров И.П. Географическое описание... Тула, 2005. С. 13; Он же. Памятники Тульской губ. С. 17.

В верхней части заполнения шурфа были найдены остатки сгоревшей наземной постройки, примыкавшей, вероятно, к фортификационным сооружениям, представленной прослойкой. Общая толщина культурного слоя в шурфе составила 1,6 м. В нем были найдены: копейка времени царствования Василия Шуйского, фрагмент черешка и части лезвия железного ножа, нательный крест и фрагменты круговой керамической посуды XVI–XVIII вв.⁶⁰

Алексинская крепость на Петровской горе хорошо известна по письменным источникам XVII–XVIII вв.⁶¹ Сохранился ее план 1720-х гг., который по-

⁶⁰ Шеков А.В. Верховские княжества: вторая половина XIII — середина XVI в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 206–208. Автор настоящей публикации надеется в ближайшее время совместно с Г.А. Шебаниным и А.В. Шековым опубликовать отдельную работу по шурфу 1996 г. и истории городища Петровская гора.

⁶¹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 141, 142; РГАДА. Ф. 248. Оп. 109. Ед. хр. 39. Л. 794; Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 909. Л. 8–9об.; Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 2–3об., и т.д.

Рис. 11. Сводный план г. Алексина

зволяет понять, что шурф 1996 г. был заложен возле одной из башен крепости (рис. 10)⁶².

В XVIII в. крепость «за ветхостью в прошлых годах разволилась, а некоторая часть разобрана, да остальной же в бывшей в городе Алексине в 768-м году пожар згорела»⁶³. Возможно, слой пожара, обнаруженный в шурфе 1996 г., следует связывать именно с пожаром 1768 г.

⁶² РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Ед. хр. 1133, 1134.

⁶³ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 129.

IV. «Старый посад»

Кроме проблемы локализации укрепленных памятников, необходимо рассмотреть и вопрос локализации неукрепленной части г. Алексина. До сих пор на территории города не была проведена археологическая разведка, насколько это возможно в условиях существующего современного городского поселения. Некоторые, пока весьма незначительные подвижки в этом вопросе следует связывать с работами А.В. Грибкова в 2018 г. Попробуем

наметить некоторые контуры средневекового посада г. Алексин.

Как уже отмечалось выше, в писцовой и межевой книге Алексинского уезда 1683/1684–1684/1685 гг. при описании кладбища Ильинского отмечается, что некрополь находится «на старом посаде»⁶⁴. Так как кладбище локализовано, то «старый посад» располагался на территории современных ул. Муралова, ул. Нагорная и северной части ул. Ильинка. К сожалению, рассматриваемый участок был довольно плотно застроен в XIX–XX вв.

Кроме этого, к посаду Ильинского городища стоит, скорее всего, относить памятник археологии, впервые описанный Э.А. Юркевичем в 1973 г. Этот участок частично подвергся застройке за последние 40 лет.

Территория между Ильинским и Сорокинским городищами остается неисследованной. Здесь культурный слой мог быть уничтожен оползнями, существовавшим в 1950-х гг. карьером и застройкой.

Территория неукрепленной части г. Алексина XVII–XVIII вв. устанавливается благодаря планам 1768 г., отразившим «допожарную» застройку. Но, наш взгляд, ретроспективно переносить ее на XVI в. не стоит. Дело в том, что работы Ю.Г. Екимова на Сорокинском городище показали наличие там объектов второй половины XVI — начала XVII в.⁶⁵ Это может говорить либо о том, что здесь располагалась одна из городских слобод, либо же об активном хозяйственном освоении этой части посада. Вероятно, создание городской топографии г. Алексина XVII–XVIII вв. связано уже с событиями Смутного времени.

Попробуем сделать некоторые выводы по исторической топографии г. Алексина (рис. 11).

Алексин XIV–XV вв. представлял собой достаточно крупное городское поселение на р. Оке. Его вероятным административным центром следует признать Ильинское (Алексинское) городище, которое в настоящий момент полностью или частично разрушено карьером. К Ильинскому городищу

⁶⁴ Писцовые книги Тульского края / Под наблюдением И.С. Беляева. Ч. 1: Алексинский уезд... С. 437.

⁶⁵ Екимов Ю.Г., Зацаринный С.В. Этапы заселения и хронология... С. 28.

прилегал посады около Ильинского кладбища и на правом берегу р. Чюровка (в источниках XX в. — р. Ильинка). Учитывая, что у местных жителей сохранились предания, что именно отсюда был перенесен город на Петровскую гору, то это городище предшествовало острогу XVI(?)–XVIII вв.

Южнее Ильинского городища находилось еще одно городище, Сорокинское. Большая часть площадки этого городища на настоящий момент, к сожалению, уничтожена по причине эрозии. По Ю.Г. Екимову и С.В. Зацаринному, его средневековые слои стоит датировать: 1) XI–XIII веками; 2) концом XIV — третьей четвертью XV в.; 3) концом XV — первой половиной XVI в.; 4) второй половиной XVI — начало XVII в. Исследователи предположили, что финал второго и четвертого периодов связан с событиями 1472 г. и Смутного времени. Вопрос о хронологическом соотношении Ильинского и Сорокинского городищ остается открытым: это могли быть как одновременно заселенные площадки, так и два городища, освоение которых происходит поочередно (ср. Тимофеевское городище, датируемое концом X — XI в. и концом XIV — началом XVI в., и Березовское городище, существовавшее в XII–XIII вв.)⁶⁶. При этом Сорокинское городище не может являться центром волости, которую купил митрополит Петр, и городом, сожженным, согласно поздней Никоновской летописи, в 1347/1348 г.

Укрепленный центр Алексина XVI(?)–XVIII вв. находился уже на Петровской горе. Фиксируемая в письменных источниках XVII в. топография городских слобод сформировалась, похоже, только после событий Смуты.

К перспективам дальнейшего исследования стоит отнести изучение сохранившихся участков Ильинского и Сорокинское городищ, выявление посадов и работы на Петровской горе для уточнения определения нижней даты возникновения здесь крепости.

⁶⁶ Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н.э. Тула, 2005. С. 185–186; Шеков А.В. Волкона — городской центр княжеского удела конца XIV — XV в. // Город средневековья и раннего нового времени: Археология. История: М-лы IV всероссийского семинара. Тула, 2013. С. 93–97; Он же. Политическая история и география Верховских княжеств: Середина XIII — середина XVI в. М., 2018. С. 312–318.

Список литературы

- Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М.: Изд-во Академии наук СССР. Ч. 1. 1951. 400 с.; М., 1961. 443 с.
- Анофриев Г.В.* Алексин (местные предания и легенды) // Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Кн. 1. Тула: Тип. губернского правления, 1915. С. 215–219.
- Археологическая карта России: Тульская обл. Ч. 1. М.: Институт археологии РАН, 1999. 301 с.
- Афремов И.Ф.* Собр. соч. / Сост. и науч. ред. Н.К. Фомин. Тула: Куликово поле, 2008. 512 с.
- Борисов В.М.* Курганы и городища в Тульской губернии // Известия Императорского Русского географического общества. 1879. Т. XV. Вып. 3. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1880. С. 240–247.
- Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 584 с.
- Воротникова И.А., Неделин В.М.* Кремль, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII вв. М.: Индрик, 2016. Т. 2. Кн. 1. 555 с.
- Города Российской империи в материалах Генерального межевания: Центральная Россия / Подгот. к изд. Д.А. Черненко, А.А. Голубинский, Д.А. Хитров. Тула: Аквариус, 2016. 760 с.
- Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н.э. Тула: Репринкс, 2005. 208 с.
- Доррер Г.А.* Отчеты археологических экспедиций Тульского областного краеведческого музея. 1938 г. // Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938 г. Ед. хр. 263.
- Доррер Г.А.* Отчет о раскопках Тульского областного музея в 1939 г. // Там же. 1939 г. Ед. хр. 219.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. Л.В. Черепнин. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1950. 585 с.
- Екимов Ю.Г., Зацаринный С.В.* Этапы заселения и хронология средневекового Сорокина городища // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Матер. X регион. научн. конференции. Калуга: Гриф, 2003. С. 24–28.
- Зацаринный С.В.* Закрытый комплекс XV в. с Сорокина городища (к вопросу о локализации летописного Алексина) // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. 2. Тула: Б.и., 2003. С. 96–112.
- Зацаринный С.В., Екимов Ю.Г.* Материалы домонгольского времени с Сорокина городища // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Матер. XI научн. конф. Калуга: Полиграф-информ, 2005. С. 17–22.
- Зимин А.А.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. М.: Наука, 1977. С. 162–188.
- Иоасафская летопись. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 256 с.
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 352 с.
- Мазуров А.Б., Никандров А.Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV в. М.: Инлайт, 2008. 276 с.
- Нарциссов П.В.* История, археология Тульской губернии. [1920-е гг.] // Научный архив ГВИПМЗ «Куликово поле». Инв. № 4353.
- Наумова Т.В.* История изучения археологических памятников Тульского края (1760-е – 1930-е гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 401 с.
- Паспорт памятника археологии «Городище «Ильинская гора»» / Сост. Э.А. Юркевич. 1973 г. // Архив государственного учреждения культуры Тульской области «Центр по охране и использованию памятников истории и культуры». Б/н.
- Паспорт памятника археологии «Городище «Сорокинское»» / Сост. Р.В. Клянин. 1985 г. // Архив государственного учреждения культуры Тульской области «Центр по охране и использованию памятников истории и культуры». Б/н.
- Писцовые книги Тульского края / Под наблюдением И.С. Беляева. Ч. 1: Алексинский уезд // Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Кн. 1. Тула: Типография губернского правления, 1915. С. 433–696.
- Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2001. 240 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 10. М.: Языки русской культуры, 2000. 244 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 13. Пол. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. 532 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 18. М.: Знак, 2007. 328 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 26. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1959. 412 с.
- Сахаров И.П.* Географическое описание природы и хозяйства города Алексина и Алексинского уезда Тульской губ. (рукопись 1846 г.). Тула: Ясная поляна, 2005. 126 с.
- Сахаров И.П.* Памятники Тульской губ. СПб.: Тип. Я. Трея, 1851. 60 с.
- Смирнов И.И.* Восстание Болотникова: 1606–1607. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. 588 с.
- Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1950. 127 с.
- Шеков А.В.* Верховские княжества: вторая половина XIII — середина XVI в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 274 с.

Шеков А.В. Волкона — городской центр княжеского удела конца XIV — XV в. // Город Средневековья и Раннего Нового времени: Археология. История: Матер. IV Всероссийского семинара. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2013. С. 93–136.

Шеков А.В. Политическая история и география Верховских княжеств: Середина XIII — середина XVI в. М.: Квадрига, 2018. 523 с.

А.В. Дедук

К вопросу об исторической топографии Алексина XIV–XVI вв.

Ключевые слова: Алексин, Московское княжество, Сорокинское городище, Ильинское городище, Петровское городище, городская топография.

Аннотация: В статье затрагивается проблема топографии средневекового Алексина. В археологической литературе фигурируют три городища со средневековыми слоями, некогда находившиеся в Алексине и его окрестностях: Ильинское, Сорокинское и Петровское. Относительно расположения

Ильинского городища и его сохранности (неясно, было оно уничтожено карьером или нет) были высказаны различные точки зрения. В работе на базе картографического материала XVIII–XIX вв. показана локализация Ильинского городища. Кроме этого, высказаны соображения по топографии Сорокинское и Петровское городищ и слобод города в конце XV — XVI в.

A.V. Deduk

Alexsin's historical topography of the 14th–16th centuries revisited

Keywords: Alexin, Moscow principality, Sorokin settlement, Il'insk settlement, Petrov settlement, urban topography

Abstract: The article deals with the problem of medieval Alexsin's topography. In archeological literature three fortified settlements with medieval layers that formerly were located in Alexsin and its suburbs are mentioned: Il'inskoye, Sorokinskoie, and Petrovskoie. In respect of

Il'inskoye settlement and its integrity (it's not clear whether it was destroyed by the open pit or not) various opinions were expressed. In a work based on map material of the 18th–19th centuries localization of Il'inskoye settlement is demonstrated. Besides that considerations on topography of Sorokinskoie and Petrovskoie settlements and urban settlements in the late 15th and the 16th centuries will be outspoken in the presentation.

Пространство жизни и пространство смерти: локализация средневековых сельских кладбищ Северо-Восточной Руси по материалам Суздальского Ополя

Средневековая, Московская Русь имеет свой узнаваемый облик культуры, в том числе погребальной, но, несмотря на расширение в последние годы источниковой базы в результате работ в Московском регионе¹, мы все еще недостаточно знаем о погребальных традициях сельского населения XII–XV вв., времени становления русских православных погребальных практик. Суздальское Ополе — один из тех регионов, где можно проследить пути сложения этих традиций в тех формах, которые нам известны по памятникам Москворечья.

Проведение разведочных работ в Ополе, направленное на максимально полную фиксацию выявляемых древностей, в том числе скоплений различных материалов в распаханных горизонтах, позволило составить список из 14 пунктов, где на территории средневековых поселений фиксируются разрушенные погребения: Вышеславское-18, Кибол-3, Кистыш-8, Крапивье-4, Красное-3, Михали-3, Поганое озеро-2, Подолец-1, Порецкое-2, Ратницкое-4, Скородумка-6, Теренево-1, Шекшово-3, Янево-6. Список невелик — нарушенные распахкой могильники встречены на площадках около 3% обследованных поселений. Столь

небольшое количество зафиксированных точек позволяет надеяться, что большая часть погребений залегает ниже уровня современной распахки и может быть обнаружена только в ходе раскопок.

Очевидно, что без дополнительных земляных работ невозможно дать культурно-хронологическую характеристику разрушаемым могильникам: лишь в одном случае на памятнике Крапивье-4 можно предполагать, что перед нами кладбище, функционировавшее в XVI в.: основанием для датировки является фрагмент надгробной плиты, правда, найденной не *in situ* (рис. 1). В одном случае данные об обнаружении костей человека при проведении земляных работ получены от местного населения (Янево-6), но эти сведения не проверены археологически.

Еще пять грунтовых кладбищ были выявлены в результате раскопок на селищах². В трех случаях — на памятниках Кидекша, Кибол-5 и Торки-1 — такие находки были весьма ожидаемы: работы велись на территории исторических сел, в непосредственной близости от храмов. Так, в Кидекше раскоп был расположен у собора Бориса и Глеба³, в Киболе — рядом с комплексом церквей конца XVIII — XIX в.⁴,

¹ Чернов С.З. Сельские некрополи XIV–XVI вв. на северо-востоке Московского княжества // Московский некрополь. История. Археология. Искусство. Охрана. М., 1991. С. 73–97; Чернов С.З., Гончарова Н.Н. Население средневековой деревни в свете антропологических и микроэлементных исследований могильника д. Власьевской // Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура. М., 2015; Чернов С.З. Кладбище деревни Власьевской XIV–XV вв. и воцерковление сельского населения Московского края // Российская археология. 2016. № 1. С. 70–84; Богомолов В.В., Гоняный М.И., Заидов О.Н., Шибанин Г.А., Шеков А.В. Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождествено // Археология Подмосковья. М., 2012. Вып. 8. С. 366–388.

² Определение антропологического материала проводилось А.П. Бужиловой (Весь 5, Кибол 3, Красное 3, Шекшово 3), М.В. Добровольской (Кибол 3, Кибол 5, Кидекша, Михали 3, Шекшово 2).

³ Седов В.В., Папин И.В., Шполянский С.В., Милованов С.И., Федорина А.Н. Церковь свв. Бориса и Глеба в Кидекше по результатам работ 2011–2012 гг. // Археологические открытия 2010–2013. М., 2015. С. 269–272; Шполянская Д.В. Кресты из раскопок у церкви Бориса и Глеба в с. Кидекша под Суздаlem // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. М., 2016. Вып. 6. С. 84–95.

⁴ Милованов С.И. Отчет о проведении научных археологических исследований на участке строительства автомобильной дороги в с. Кибол Суздальского района

Рис. 1. Фрагмент надгробной плиты из Крапивья.

в Торках — недалеко от развалин церкви⁵. Во всех трех случаях открыты участки кладбищ или отдельные погребения, датируемые не ранее XV–XIX вв. В двух случаях не затронутые распашкой грунтовые могилы исследованы в результате раскопок вне современных населенных пунктов — на поселениях Весь-5 и Шекшово-2⁶. На могильнике Весь-5 открыто два погребения — непотребоженное женское, которое на основании набора бус можно датировать XI веком, и переотложенное погребение, костные останки из которого попали в засыпку крупного подполя второй половины XII — начала XIV в.

Размеры серии скромны, но накопление материала и его публикация — необходимый шаг. Постепенная проверка распахиваемых могильников шурфами и раскопами позволяет начать разговор о христианских погребальных практиках сельского населения Северо-Восточной Руси. В настоящий момент такие работы проведены в четырех пунктах (Кибол-3, Красное-3, Михали-3, Шекшово-3).

На селище Шекшово-3 в траншее площадью 20 кв. м, заложенной на участке, где в предшествующие годы в распашке фиксировалось скопление

Владимирской области в границах территории выявленного объекта археологического наследия «селище Кибол 5» в 2013 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 40831.

⁵ Макаров Н.А. Отчет о результатах разведочных работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на территории Суздальского и Юрьев-Польского районов Владимирской области, Гаврилово-Посадского района Ивановской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 48031-48033. С. 52–64

⁶ Материалы из Веси 5 полностью опубликованы (Макаров Н.А., Красникова А.М., Карпунин А.А. Курганные могильники Суздальской округи в контексте изучения средневекового расселения и погребальных традиций // Великий Новгород и средневековая Русь: Сб. статей: К 80-летию академика В.Л. Янина. М., 2009). Результаты раскопок Шекшово-2 подробнее будут представлены ниже.

разрозненных человеческих костей, следов могильных ям обнаружено не было, но в заполнении пахотного слоя и вокруг шурфа собраны антропологические материалы минимум от четырех, максимум от шести индивидов. Возможно, погребения могильника, расположенные на небольшой глубине, были полностью уничтожены распашкой или не попали в площадь раскопа. Хронологическую позицию могильника прояснить не удалось.

На памятнике Красное-3 шурфом площадью 7,5 кв. м изучен участок кладбища, предварительно датируемого XVI–XVII веками, на основании фрагмента нательного креста-тельника с килевидным окончанием, найденного в засыпке могил. Выявлена серия из восьми погребений в подпрямоугольных могильных ямах шириной 0,5–0,7 м, на глубине от 0,52 до 0,74 м от современной поверхности, залегающих в несколько (до трех) ярусов. Во всех погребениях были открыты костяки детей и достаточно молодых женщин. Погребенные были ориентированы на юго-запад, лежали вытянуто на спине со сложенными на груди одной или двумя руками в узких могильных ямах, сопровождающий инвентарь отсутствовал. Практически все погребения были повреждены распашкой или относительно более поздними погребениями в более глубоких могильных ямах. Кроме упомянутого выше крестика среди находок, относящихся к кладбищу, были железные гвозди.

Могильник Шекшово-2 находится на удаленной от реки северной окраине одноименного поселения, на краю выположенного оврага⁷. Этот же овраг отделяет площадку поселения и грунтового кладбища от курганного могильника Шекшово-9, расположенного в 150 м к северу⁸. Первое грунтовое погребение выявлено в ходе шурфовки периферии селища в 2007 г.⁹, в 2011 г. при увеличении площадки раскопа найдено второе погребение¹⁰. В раскопе, общая площадь которого составила 119 кв. м, зафиксирована следующая стратиграфия культурных отложений: современный пахотный горизонт — переотложенный культурный слой с включениями

⁷ Макаров Н.А. Суздальское Ополе // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 207–209; Федорина А.Н., Красникова А.М. Средневековое расселение в Шекшовском микрорегионе // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. М., 2015. Вып. 5.

⁸ Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е. Средневековый могильник Шекшово в Суздальском Ополе: спустя 160 лет после раскопок А.С. Уварова // Краткие сообщения Института археологии. М., 2013. Вып. 230. С. 221.

⁹ Макаров Н.А., Красникова А.М., Карпунин А.А. Курганные могильники... С. 450–451.

¹⁰ Красникова А.М., Макаров Н.А. Отчет о результатах полевых работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на памятниках Шекшово-2, 9 Гаврилово-Посадского района Ивановской области в 2011 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 30166. № 30167 — Альбом иллюстраций к отчету.

фрагментов лепной и круговой керамики, костей животных, мелких камней с термическими сколами мощностью 0,28–0,4 м, под ним в центральной и северной частях раскопа выявлены отдельные пятна неповрежденного культурного слоя, содержащего небольшое количество лепной керамики, печины и костей животных; в северной части раскопа под слоем пахоты зафиксирован сохранившийся почвенный горизонт мощностью до 0,3 м (она увеличивалась в северо-западном направлении, в сторону оврага); в южной части раскопа, непосредственно под слоем современной распашки, зафиксирован материк — плотный желто-коричневый суглинок.

На материковой поверхности выявлены столбовые ямы и серия из пяти крупных материковых ям, представлявших собой остатки хозяйственных сооружений конца X — XI в. Наиболее выразительные датированные материалы — серия стеклянных бус, фрагменты лепной и раннекруговой керамики. Три ямы расположены довольно плотно в южной части раскопа, еще две — в 6 м к северу. В центральной части раскопа исследовано два погребения по обряду ингумации (рис. 2). Погребения совершены по одной линии (ЮЗ–СВ), расстояние между могилами — 3,1 м. Несмотря на значительные размеры вскрытой площади, других захоронений выявить не удалось. Если отсутствие погребений в северной части раскопа можно объяснить близостью к краю оврага и понижением рельефа, то пустота в южной части не находит удовлетворительного объяснения.

Погребение № 1 совершено в крупной подовальной яме размером 2,85 × 1,3 м с максимальным расширением в северо-восточной трети (до 1,6 м), вытянутой по оси ЮЗ–СВ. Основное заполнение ямы составлено перемешанным серым суглинком с включением измельченной керамики и костей животных — переотложенным культурным слоем с примесью желто-коричневого материкового суглинка. Погребение открыто на глубине 0,6 м, общая глубина ямы составила 0,68 до 0,7 м от уровня современной поверхности. Костяк, принадлежавший мужчине 25–35 лет (*Adultus 2*), лежал на спине в вытянутом положении. Ориентировка — юго-западная, с отклонением от оси З–В около 30°. Череп чуть повернут влево. Левая рука согнута в локте, кисть лежит на животе, правая рука чуть согнута в локте, кисть находится на тазовых костях. Ноги чуть сдвинуты в коленях, стопы развернуты в разные стороны. В районе левой ключицы и шеи погребенного расчищены две бронзовые сильно окислившиеся пуговицы неудовлетворительной сохранности.

Могильная яма погребения № 2 фиксировалась с уровня выявления погребенной почвы; заполнение, сильно нарушенное землеройными животными, также представляло собой переотложенный культурный слой предшествующего

периода, перемешанный с материковым суглинком. Яма — подпрямоугольная в плане с расширяющейся и скругленной западной границей, ориентирована по оси З–В с отклонением к югу. Ее длина составила 2,7 м при ширине от 1,1 м в восточной части ямы до 1,4 м в западной. Стенки ямы — отвесные, в северной части ямы отмечен выступ границы на 20 см к северу, во втором пласте фиксирующийся как материковая ступенька. Погребение открыто на глубине 0,3 м от уровня материковой поверхности и 0,6 м от уровня современной дневной поверхности. Погребенный, 25–35 лет, лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад с отклонением от оси З–В в 8° к югу. Левая рука согнута в локте под углом 90°, кисть лежит на животе, правая рука чуть согнута в локте, кисть находится на тазовых костях. Череп чуть повернут вправо. Ноги лежат прямо, стопы развернуты в разные стороны. Погребальный инвентарь отсутствовал. Единственная индивидуальная находка — фрагмент бронзового пластинчатого браслета, происходит из засыпки погребения и, вероятно, происходит из переотложенного слоя поселения. Глубина ямы составила 0,75–0,76 м от уровня современной поверхности.

Датировать исследованные погребения возможно только на основании косвенных данных. *Terminus post quem* для могильника — время прекращения жилой активности на данном участке. На основании вещевой и керамической коллекций, собранных в поселенческих объектах и в переотложенном виде в заполнении могильных ям, можно говорить о прекращении использования площадки не позднее середины XII в. К этому же времени отсылает серия радиоуглеродных дат, полученных по образцам из заполнения поселенческих ям. Верхняя граница калиброванных дат приходится на 1260-е гг.¹¹ Верхняя граница существования могильника может быть определена на основании датировки всего Шекшовского поселенческого комплекса. Он состоит из трех селитьбенных площадок — Шекшово-2, Большое Давыдовское-2 и Большое Давыдовское-6¹². На селище Шекшово-2 материалы второй половины XII — XIII в. представлены в значительно меньшем количестве, чем находки предшествующего периода, к хроноиндикаторам конца XIII — XIV в. можно отнести только одну находку. На площадке Большого Давыдовского-2 материалы XIII–XIV вв. представлены несколько шире; в основном они сконцентрированы на Большом

¹¹ Подробная публикация дат (Макаров Н.А., Федорина А.Н., Зайцева Г.И., Гроотс П.М. Радиоуглеродные даты памятников раннего железного века — Средневековья в Суздальском Ополье // Российская археология. 2011. № 4. С. 35–51).

¹² Федорина А.Н., Красникова А.М. Средневековое расселение...

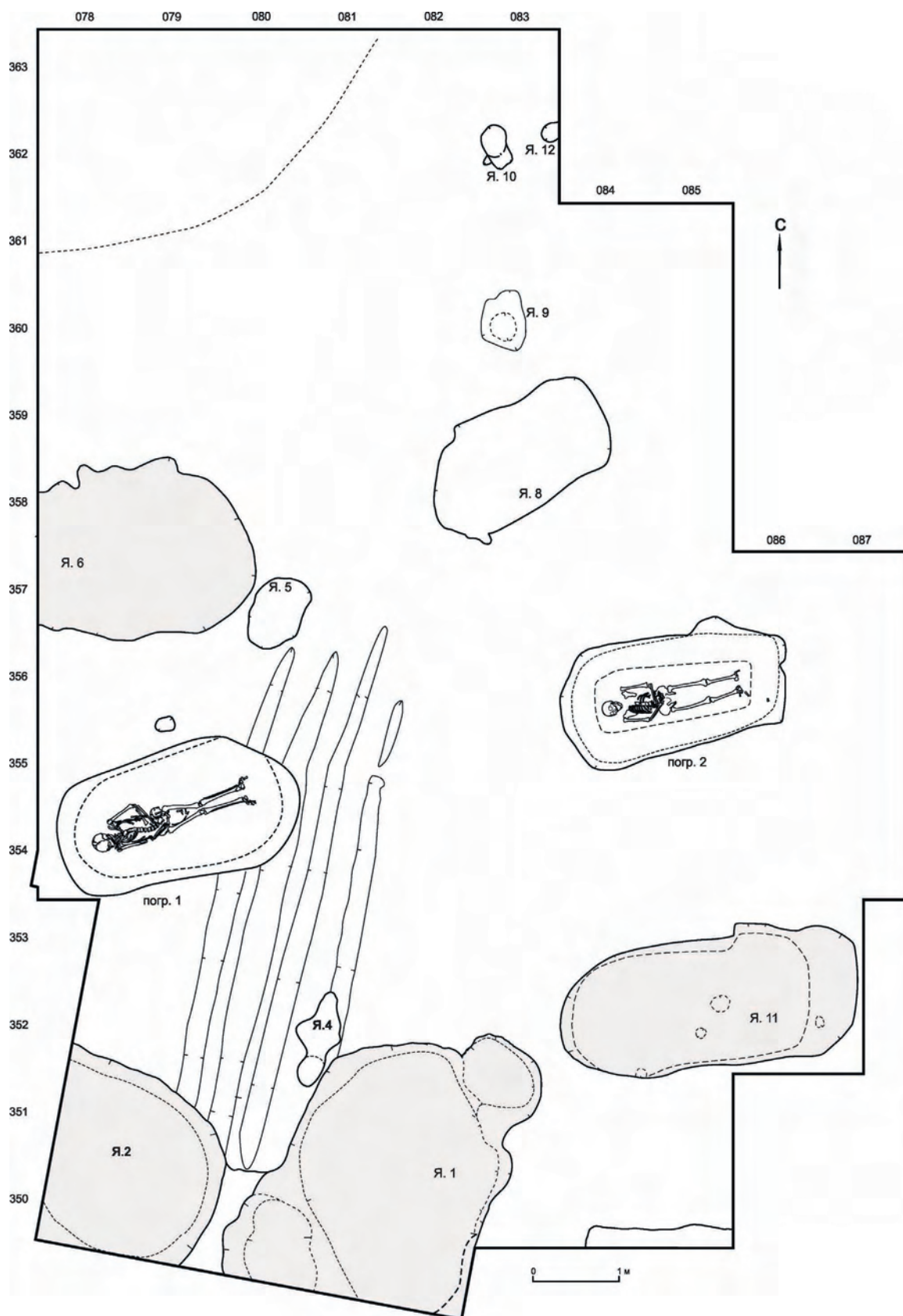

Рис. 2. Могильник Шекшово-2. План-схема раскопа 2007–2011 гг.; светло-серой заливкой показаны объекты, относящиеся к жилой застройке.

Давыдовском-6 — наименьшей площадке комплекса¹³. Следовательно, верхняя граница существования могильника не выходит за пределы XIII–XIV вв. Совершение захоронений в относительно неглубоких и при этом достаточно широких могильных ямах, на большом расстоянии друг от друга в сочетании с минимальной хозяйственной активностью на площадке основного поселения Шекшово-2 указывают на конец XII — XIII в. как наиболее вероятную дату захоронений.

Грунтовый могильник Кибол-3 был обследован при проведении работ по определению границ объектов культурного наследия Кибол-2-3-4 на правобережье р. Каменка, к югу от с. Кибол¹⁴. Могильник расположен на северо-восточной окраине средневекового археологического комплекса, на краю береговой террасы.

Первые сведения о грунтовом могильнике были получены в 2007 г. в ходе сбора подъемного материала. В распашке были обнаружены фрагменты черепной крышки и челюсть, принадлежащие, вероятно, одному ребенку восьми-девяти лет (кости были собраны на расстоянии около 20 м). В ходе работ 2014 г. на смежном участке были зафиксированы измельченные фрагменты костных останков одного индивида, фрагменты черепа и большая берцовая кость другого индивида — взрослого человека; в последующем оказалось, что они принадлежат погребению № 1, исследованному в заложенном здесь шурфе. Наличие на ограниченном участке серии останков, принадлежащих разным индивидам, косвенно свидетельствует о значительной плотности погребений на данном могильнике.

Общая площадь шурфа составила 13,5 кв. м. Культурный слой на всю глубину поврежден распашкой, частично затронувшей и материковый суглинок. Пахотный горизонт мощностью 0,2–0,3 м представлен темно-серым перемешанным суглинком с включением лепной и круговой керамики, костей животных, печных камней. В результате работ были раскрыты два грунтовых погребения западной ориентировки в неглубоких ямах. Погребение № 1 залегало почти у нижней границы пахотного горизонта и оказалось сильно поврежденным, погребение № 2 — несколько глубже, поэтому

оказалось более сохранным, хотя часть костей смещена землеройными животными (рис. 3).

Помимо погребений, описание которых будет дано ниже, под пахотным горизонтом, в восточном секторе шурфа, выявлена одна неглубокая (до 0,1 м) подпрямоугольная яма № 2 с однородным гумусированным заполнением с небольшим включением сильно измельченной лепной керамики, ориентированная меридионально. Ее перерезала яма погребения № 1. В западном секторе шурфа выявлены две крупные столбовые ямы диаметром 0,4 и 0,3 м. В большей из них зафиксировано скопление печных камней, фрагментов подлощенного лепного сосуда I тыс. н.э. и костей животных. Южный край обеих столбовых ям срезан погребением № 2. Таким образом, средневековое кладбище было расположено на участке поселения предшествующего времени. Судя по встреченным в заполнении могильных ям фрагментам лепной и круговой посуды, данный участок поселения прекратил свое существование около середины XII в. Расстояние между выявленными погребениями на уровне материка составляет около 0,6 м. Могилы расположены значительно плотнее, чем в Шекшово-2: в 0,3 м к югу от погребения № 2 расположена еще одна могильная яма, имеющая сходное заполнение (расчистка этого объекта не производилась, так как он вошел в шурф не полностью).

Могильная яма погребения № 1 имела подпрямоугольную форму (размеры ямы на уровне выявления 2,5 × 0,8 м) и незначительную глубину (от уровня материка не более 0,1 м, от современной поверхности — 0,25–0,3 м). Заполнение ямы представлено темно-серым перемешанным суглинком с включением лепной и круговой керамики, костей животных, печных камней — переотложенным культурным слоем предшествующей эпохи. В силу незначительной глубины погребения отдельные кости сильно смещены распашкой: часть костей черепа, крестец и правая большая берцовая кость перемещены на 0,5 м к западу, они также смещены и в вертикальной плоскости. Несмотря на это, удалось проследить значительную часть элементов погребального обряда. Погребенный — мужчина 35–44 лет, лежал вытянуто, на спине, головой на запад с небольшим отклонением к югу, лицо обращено влево. Руки погребенного были слегка согнуты, кисти сложены на тазовых костях, ноги чуть сдвинуты в коленях, ступни развернуты вонне. Сопровождающего инвентаря не зафиксировано. Вдоль правой ноги, на расстоянии около 0,3 м, прослежена полоска древесного тлена от досок гроба. На этом участке сохранность древесины была неудовлетворительна. Значительно лучше сохранилась нижняя планка: удалось проследить направление волокон и отобрать образец для радиоуглеродного датирования.

¹³ Макаров Н.А., Федорина А.Н., Шполянский С.В. Большие поселения X–XI вв. и структуры расселения XII–XIII вв. в Суздальском Ополе: проблемы преемственности // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. М., 2018. Вып. 8. С. 18–19.

¹⁴ Карпухин А.А. Отчет об археологических разведках (определении границ объектов археологического наследия) Суздальской экспедиции ИА РАН в Юрьев-Польском и Суздальском районах Владимирской области в 2014 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 45513. № 45514 — Альбом иллюстраций к отчету; Федорина А.Н. Группа памятников Кибол-2-3-4 по результатам разведочных работ 2002–2014 гг. // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. М., 2017. Вып. 7. С. 68–80.

Рис. 3. Могильник Кибол-3. Погребения, зафиксированные в шурфе № 10. Вид с востока.

Могильная яма погребения № 2 была расположена к юго-западу от погребения № 1 и имела подпрямоугольную форму (углы сильно скруглены, стенки вогнуты, размеры ямы на уровне выявления — 2,45 × 1,15 м). Глубина могильной ямы погребения № 2 была несколько большей (от уровня материка до 0,15 м), что вместе с чуть большей мощностью пахотного горизонта (глубина от современной поверхности — 0,35–0,45 м) обеспечило лучшую сохранность захоронения. Заполнение ямы также представлено переотложенным культурным слоем поселения, но с большим содержанием переотложенного материкового суглинка. Значительное количество археологического материала предшествующих эпох затрудняет атрибуцию отдельных железных предметов (стержень, гвоздь), обнаруженных в ходе разбора погребения. Они могут быть как деталями погребальных конструкций (гвозди гроба?), так и попасть в заполнение в переотложенном состоянии. Погребенная — женщина 30–39 лет, лежала вытянуто, на спине, головой на юго-запад. Руки вытянуты вдоль тела,

слегка согнуты, ноги лежат прямо, ступни развернуты вовне. У левой теменной кости черепа обнаружено перстнеобразное височное кольцо. Фрагменты древесного тлена обнаружены у правой руки, но сохранность древесины не позволила проследить детали конструкции.

Как и в случае с Шекшово-2, датировка кладбища в первую очередь основана на датировке поселенческого комплекса. Верхняя граница существования поселения Кибол-2-3-4 — XIII в.¹⁵ Наиболее поздний материал в засыпке погребений — круговая керамика с профилировкой и декором в виде частого линейно-волнистого орнамента, характерными для посуды XI — первой половины XII в. (типы I, III, VIA по В.А. Лапшину)¹⁶. Наиболее вероятная дата могильника — вторая половина — конец XII–XIII в.; в то же время нельзя исключать и более позднюю дату: радиоуглеродная дата, полученная

¹⁵ Подробнее см.: Федорина А.Н. Группа памятников...

¹⁶ Лапшин В.А. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М., 1992. С. 90–102.

по образцу дерева из погребения № 1, имеет калибровочные значения 1040–1390 гг. (образец Le-10662: 760 ± 160 ВР; 1δ 1040–1310 (64,3 %); 1360–1390 (3,9%); 2δ 850–1450 (95,4%)). Столь широкий хронологический диапазон может объясняться тем, что датированная доска гробовой конструкции — возрастное дерево, однако столь значительный период внутри XIV в. требует проверки и дополнительных подтверждений. В коллекции подъемного материала с селища Кибол-2 присутствуют отдельные фрагменты краснолощеной керамики, которые бытуют в регионе преимущественно в удельное время, следовательно, нельзя исключать существования изучаемого могильника и в XIV в.

Могильник Михали-3 — наиболее изученный памятник в регионе. Впервые раскопки на этом комплексе были проведены в начале 1990-х гг.¹⁷, но, к сожалению, какие-либо отчетные материалы об этих работах в архиве не обнаружены. Известно только, что в раскопе Т.Ф. Мухиной был зафиксирован как культурный слой селища, так и грунтовые погребения. Селище и могильник Михали-3 ассоциируются с владельческим селом, упоминаемым как «Мининское селище» в данной грамоте черницы Марины. Согласно изысканиям В.А. Кучкина, это поселение в XV в. находилось во владении Ногтевых — младшей ветви суздальских князей и было передано ими в суздальский Васильевский монастырь¹⁸.

Раскоп 2018 г. площадью 72 кв. м был заложен на юго-восточной оконечности селища, в западной части участка, где ранее в распашке фиксировались кости людей. Культурный слой в раскопе перемешан в ходе многовековой распашки на глубину 0,27–0,46 м. На отдельных участках в западной половине раскопа сохранился культурный слой поселения, его мощность невелика — до 0,07 м; на некоторых участках сохранились низы погребенной почвы — предматерик. Культурный слой раннего поселенческого этапа практически полностью перетолжен кладбищенскими перекопами. Находки, которые из него происходят, а среди них — шиферные пряслица, ножи, наконечник стрелы, датский денарий Свена Эстридсена (1047–1074 гг.) (определение Е.М. Ушанкова), астрагал, янтарный крестик, стеклянные бусы разных типов немногочисленны и датируют заселение площадки XI–XII веками. К этому же периоду относятся несколько заглубленных в материк объектов, датированных на основании керамического материала (сочетание лепной и круговой, преимущественно ранних типов керамики). Среди них можно выделить подполье постройки, лишь частично вошедшее в пределы раскопа и сильно нарушенное погребениями. В северо-западной

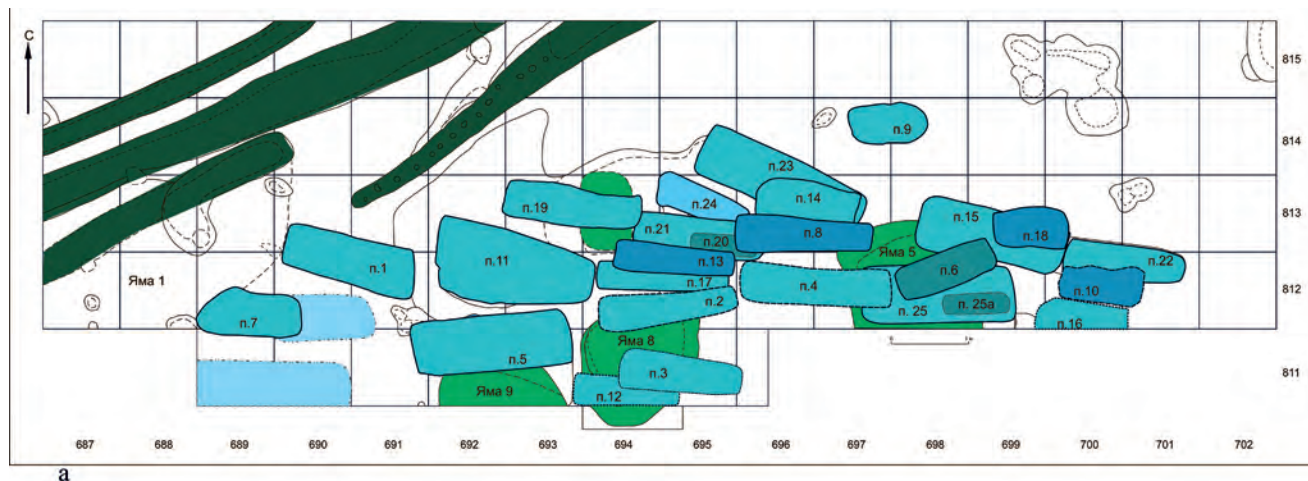
зоне площадки раскопа зафиксировано три ряда идущих параллельно частокольных канавок, относящихся к жилой застройке XII в.

В раскопе исследовано 25 непогребенных погребений, расположенных в несколько ярусов (до трех сохранившихся *in situ*), а также собрана обширная серия разрозненных останков индивидов разного пола и возраста из разрушенных погребений. Плотность размещения могильных ям достаточно высока, все они расположены на участке площадью не более 30 кв. м (рис. 4). Погребения имеют стандартную западную ориентировку, в некоторых случаях с отклонением к северо-западу (погребения № 1, 11, 20, 23, 24) или к юго-западу (погребения № 2, 5, 6); костяки лежат вытянуто на спине, иногда несколько смещаясь в связи с нарушениями слоя. Положение рук варьируется: наиболее частый вариант — одна рука на груди, преимущественно правая, вторая на животе (погребения № 2, 6, 8, 9, 13, 15, 19, 20, 23, 25), с вариантом одна рука на груди, другая на тазовых костях (№ 3, 5, 10, 12); одна рука на животе, одна на тазовых костях (№ 1, 4), обе руки на тазовых костях (№ 14, 22), наиболее редко встречаются руки, вытянутые вдоль тела (погребения № 16 и 11, где одна рука вытянута, а другая лежит на тазовых костях). В погребении № 2 обнаружена серьга в виде знака вопроса — яркий маркер материальной культуры Руси удельного времени и в погребении № 15 фрагменты нижней половины бронзовой квадратной (?) иконки. Во всех остальных погребениях вещей не обнаружено. Примерно в половине случаев удалось проследить остатки гробовин. Среди погребальных конструкций, которые в большинстве случаев надежно зафиксировать не удается из-за плохой сохранности дерева, стоит отметить присутствие, по крайней мере, двух вариантов — гробовин из досок и долбленых колод. Контуры могильных ям прослеживаются не всегда надежно — прежде всего, это связано с плотностью захоронений, а также с тем, что большая часть захоронений совершена на малой глубине, в толще культурного слоя, перетолженного могильными перекопами. Максимальная глубина могильных ям от уровня выявления достигает 0,08–0,2 м, максимальная глубина от уровня современной дневной поверхности — 0,8 м. Там, где это удастся надежно проследить, мы видим довольно узкие могильные ямы — шириной от 0,4 м (для детских погребений) до 0,8 м. Лишь в одном случае (погребение 11) мы имеем могильную яму значительных размеров — шириной 1,2 м.

Наличие крупных фрагментов деревянных конструкций позволило получить серию радиоуглеродных дат. Образцы из трех погребений датировались в Лаборатории радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии Института географии РАН и Центра изотопных исследований Университета Джорджии (США) методом

¹⁷ Седова М.В. Суздаль в X–XV веках. М., 1997. С. 19, 42.

¹⁸ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 220, 224.

а

б

в

Рис. 4. Селище и могильник Михали-3:
а — план-схема раскопа; б — погребения № 2, 3, 12; в — погребения № 13, 17.

ускорительной масс-спектрометрии. Погребения № 15 и 25 с вероятностью 68,3% могут быть датированы периодом 1291–1385 и 1314–1398 гг. соответственно (образцы IGANams 1735, 1731), что соответствует первоначальным представлениям о дате могильника, полученным на археологическом материале. В одном случае (погребение 11, образец IGANams 7130) радиоуглеродная дата получилась значительно более древней — 1167–1224 гг. (68,3% вероятности). Столь сильное выпадение даты требует дополнительных пояснений. С одной стороны, ее невозможно опровергнуть, исходя из стратиграфических и планиграфических наблюдений, так как погребение пререзает яму 2, которая содержит керамический и вещевой материал, позволяющий датировать ее вплоть до середины — второй половины XII в., а с другой — нельзя исключать, что для датирования был отобран образец из середины ствола, а не внешние кольца, и полученная дата не может восприниматься как близкая к порубочной и времени совершения захоронения.

Окончательный ответ на этот вопрос возможен только при расширении серии датированных образцов из этого погребения.

Подводя некоторые итоги, мы видим, что привычная для Московского региона и в целом Северо-Восточной Руси обрядность складывается довольно рано, хотя отдельные детали, в первую очередь расположение рук покойных, достаточно долго продолжают варьироваться. Наблюдается постепенное уменьшение размеров могильных ям: довольно просторные могильные ямы в Шекшово и Киболе косвенно подтверждают, что эти кладбища функционировали раньше, чем могильник в Михалиях. Так же как и для других регионов Руси, устойчивой традицией становится отсутствие металлических крестиков-тельников у погребенных, хотя достаточно представительные серии христианской металлопластики этого времени известны в материалах селищ¹⁹.

¹⁹ См.: Макаров Н.А., Красникова А.М. Христианские древности суздальских селищ: новые находки // Крат-

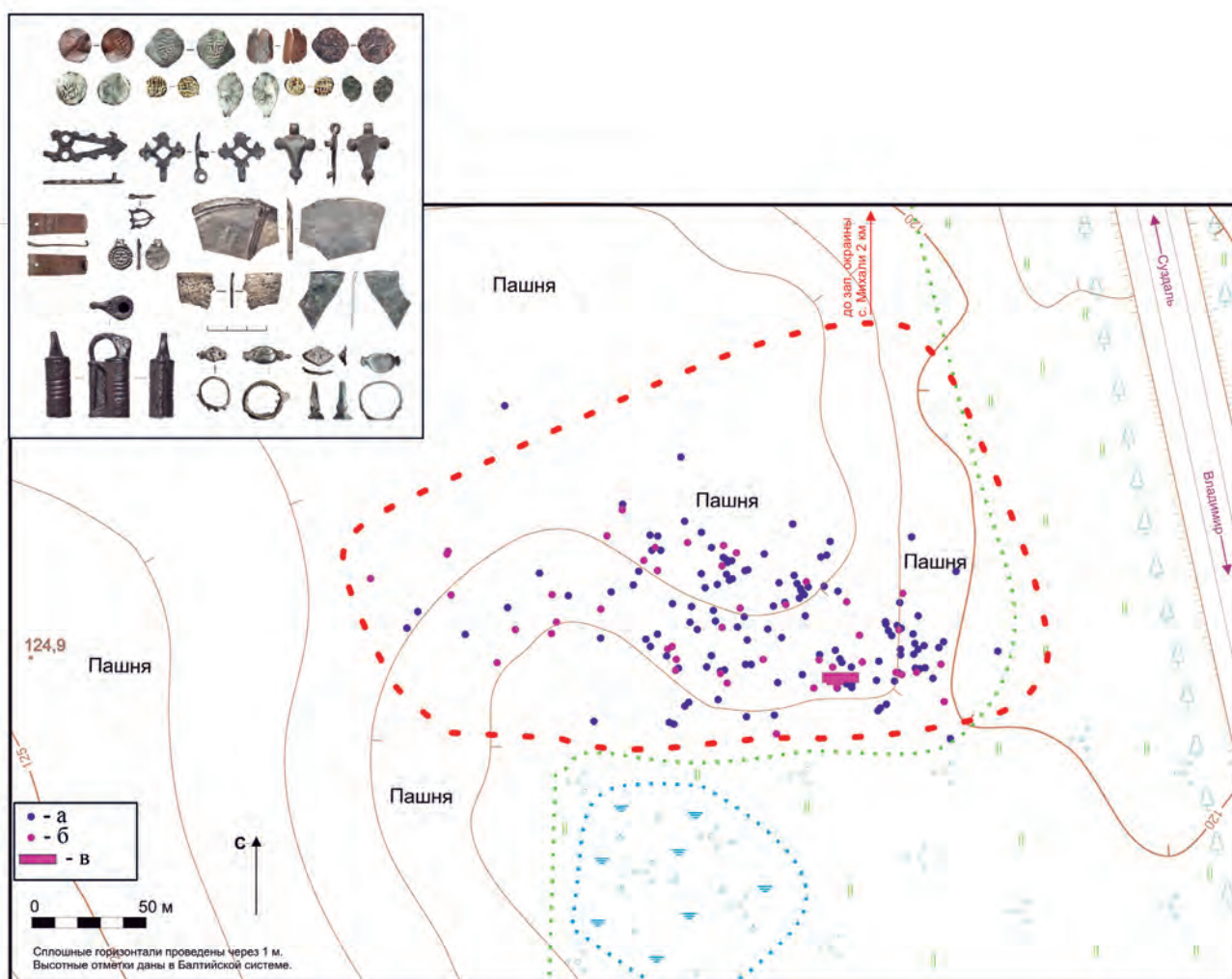

Рис. 5. Михали-3. Пространственное распространение предметов, синхронных могильнику. а — предметы, собранные в распашке, б — предметы, синхронные кладбищу, в — раскоп 2014 года

Наиболее интересен вопрос о топографии кладбищ внутри пространства каждого отдельного сельского поселения. Как уже упоминалось, все обследованные в Суздальском регионе могильники расположены на окраинах поселений и приурочены к выразительным элементам границы поселения (край береговой террасы, борт оврага). В то же время не удается выделить зависимость от высотного соотношения жилой и погребальной площадок. Наиболее высокий участок рельефа занимает могильник Шекшово-2, тогда как погребения Кибола-3 и Михалей-3 расположены либо на том же уровне, либо ниже по рельефу, чем синхронно

заселенные участки. Отметим, что использование под кладбище площадки на окраине жилой зоны предыдущего периода зачастую выше по склону — характерная особенность памятников Северо-Восточной Руси²⁰. В своих работах С.З. Чернов отмечает, что для периода XIV–XVI вв., исходя из канонических предписаний и эсхатологических представлений о скором пришествии Христа, предпочтение отдавалось участкам к востоку от жилой застройки²¹. В двух из трех могильников (Кибол-3, Михали-3) восточный вектор в размещении сельского некрополя в той или иной мере прослеживается. Для могильника Шекшово-2 он выражен в меньшей степени: преобладающее здесь направление — северное, хотя нельзя исключать, что на заключительном

кие сообщения института археологии. М., 2007. Вып. 221. С. 72–73; Шполянский С.В. Датированные находки второй половины XIII — первой половины XV в. из Суздаля и селищ Суздальского Ополя (по материалам археологических исследований последних лет) // Города и веси средневековой Руси... С. 207–209.

²⁰ Чернов С.З., Гончарова Н.Н. Население средневековой деревни...

²¹ Чернов С.З. Сельские некрополи XIV–XVI вв. ...; Чернов С.З. Кладбище деревни Власьевской XIV–XV вв. ...

этапе жизни поселения основные домовладения были сосредоточены к юго-западу от выявленных погребений; в шурфе в юго-восточной части памятника для этого периода зафиксировано существование производственного комплекса, связанного с обработкой железа²².

Расположение кладбищ в пределах староосвоенных площадок позволяет обратиться к вопросу о том, насколько велик зазор между выпадением площадки из жилого, хозяйственного обихода и превращением ее в пространство погребальное. Другими словами, осознавали ли жители поселения, что они находятся в пределах поселения, обжитого пространства, и насколько изолированы друг от друга пространства жизни и смерти в культуре русского Средневековья. Для этого обратим внимание на два аспекта.

Во-первых, попытаемся определить хронологическую лауну от заустения поселенческих окраин до устройства погребений: в ситуации Шекшово-2 этот период составляет 40–100 лет (исходя из того что наиболее поздние поселенческие материалы соотносятся со слоями, датированными 1260-ми годами по С14); для Кибола-2–3–4, вероятно, лауна в использовании площадки чуть больше: наиболее выразительные материалы, переотложившиеся в засыпке погребений, характерны для XI — начала XII столетия, но, видимо, не более 100 лет; для Михалей-3 — от 50 лет, если принимать радиоуглеродную дату для погребения № 11, до 120 лет (с учетом того, что погребения № 15 и 25, датированные с наибольшей вероятностью третьей четвертью XIV в., относятся к нижнему ярусу захоронений). Таким образом, речь может идти о шаге в два–четыре поколения между разными этапами использования одних и тех же

пространств, и велика вероятность, что площадка могильника смутно осознавалась как место в границах поселения.

Второй аспект — насколько близки синхронные материалы поселения и могильника — планиграфически прослеживается достаточно надежно, так как с изучаемых памятников происходят обширные коллекции подъемного материала с точными топографическими привязками: для Шекшово-2 это коллекция из 950 предметов и три планшета сбора массового материала общей площадью 2,8 га (1109 керамических фрагментов); для Кибола-2–3–4 это 97 предметов и 1860 фрагментов керамической посуды; для Михалей-3 — 491 предмет и 450 фрагментов керамики. В случае могильника Михали-3 не фиксируется какой-либо границы: предметы, синхронные могильнику: удельные монеты, бронзовые ордынские зеркала, овальнощитковые перстни, детали ременной гарнитуры, книжная застежка и некоторые типы замков и ключей, — собраны в непосредственной близости от зоны распространения костей в распушке и раскопа и охватывают ее с трех сторон (рис. 5). В материалах Кибола поселенческие и погребальные древности довольно близки — ближайшиe находки вещей с датировкой второй половиной XII–XIII в. зафиксированы в 50 м к западу и югу от могильника; в Шекшово керамический материал в незначительном количестве фиксируется в непосредственной близости от выявленных погребений; находки, которые могут быть синхронны захоронениям в ближайшей округе (25–75 м от раскопа) не выявлены.

Эти наблюдения позволяют осторожно предполагать единство, хотя и разграниченность пространства в средневековой сельской культуре Северо-Восточной Руси. Подтвердить или опровергнуть это наблюдение сможет лишь расширение обследованной выборки.

²² См.: Журбин И.В., Федорина А.Н. Комплексные геофизические исследования поселений Суздальского Ополья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 2. С. 62–70.

Список литературы

Богомолов В.В., Гоняный М.И., Заидов О.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В. Археологические исследования погоста XV–XVI веков у села Рождествено // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2009. Вып. 5. С. 281–326.

Богомолов В.В., Гоняный М.И., Заидов О.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В. Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождествено // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2012. Вып. 8. С. 366–388.

Журбин И. В., Федорина А. Н. Комплексные геофизические исследования поселений Суздальского

Ополья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 2. С. 62–70.

Карпунин А.А. Отчет об археологических разведках (определении границ объектов археологического наследия) Суздальской экспедиции ИА РАН в Юрьев-Польском и Суздальском районах Владимирской области в 2014 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 45513. № 45514 — Альбом иллюстраций к отчету.

Красникова А.М., Макаров Н.А. Отчет о результатах полевых работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на памятниках Шекшово-2, 9 Гаврилово-Посадского района Ивановской

области в 2011 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 30166. № 30167 — Альбом иллюстраций к отчету

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 350 с.

Лапшин В.А. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М.: ИА РАН, 1992. С. 90–102.

Макаров Н.А. Отчет о результатах разведочных работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на территории Суздальского и Юрьев-Польского районов Владимирской области, Гаврилово-Посадского района Ивановской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 48031–48033

Макаров Н.А. Суздальское Ополье // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 194–211.

Макаров Н.А., Красникова А.М. Христианские древности суздальских селищ: новые находки // Краткие сообщения Института археологии. М.: Наука, 2007. Вып. 221. С. 63–73.

Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е. Средневековый могильник Шекшово в Суздальском Ополье: спустя 160 лет после раскопок А.С. Уварова // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 230. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 219–233.

Макаров Н.А., Красникова А.М., Карпунин А.А. Курганные могильники Суздальской округи в контексте изучения средневекового расселения и погребальных традиций // Великий Новгород и средневековая Русь: Сб. статей: К 80-летию академика В.Л. Янина. М.: Памятники исторической мысли, 2009. С. 432–454.

Макаров Н.А., Федорина А.Н., Зайцева Г.И., Гроотс П.М. Радиоуглеродные даты памятников раннего железного века — Средневековья в Суздальском Ополье // Российская археология. 2011. № 4. С. 35–51.

Макаров Н.А., Федорина А.Н., Шполянский С.В. Большие поселения X–XI вв. и структуры расселения XII–XIII вв. в Суздальском Ополье: проблемы преемственности // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2018. Вып. 8. С. 7–25.

Милованов С.И. Отчет о проведении научных археологических исследований на участке строительства автомобильной дороги в с. Кибол Суздальского района Владимирской области в границах территории выявленного объекта археологического наследия «Селище Кибол-5» в 2013 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 40831.

Седов В.В., Папин И. В., Шполянский С. В., Милованов С. И., Федорина А.Н. Церковь свв. Бориса и Глеба в Кидекше по результатам работ 2011–2012 гг. // Археологические открытия 2010–2013. М.: Институт археологии РАН, 2015. С. 269–272.

Седова М.В. Суздаль в X–XV веках. М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1997. 320 с.

Федорина А.Н. Группа памятников Кибол-2-3-4 по результатам разведочных работ 2002–2014 гг. // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2017. Вып. 7. С. 68–80.

Федорина А.Н., Красникова А.М. Средневековое расселение в Шекшовском микрорегионе // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2015. Вып. 5. С. 147–158.

Федорина А.Н., Красникова А.М., Меснянкина С.В. Локализация и исследование жилых и хозяйственных сооружений на селищах Весь-5 и Шекшово-2 с использованием геофизики и археологии // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2008. Вып. 2. С. 2–35.

Чернов С.З. Кладбище деревни Власьевской XIV–XV вв. и воцерковление сельского населения Московского края // Российская археология. 2016. № 1. С. 70–84.

Чернов С.З. Сельские некрополи XIV–XVI вв. на северо-востоке Московского княжества // Московский некрополь. История. Археология. Искусство. Охрана. М.: НИИ культуры, 1991. С. 73–97.

Чернов С.З., Гончарова Н.Н. Население средневековой деревни в свете антропологических и микроэлементных исследований могильника д. Власьевской // Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 424–439.

Шполянский С.В. Датированные находки второй половины XIII — первой половины XV в. из Суздаля и селищ Суздальского Ополья (по материалам археологических исследований последних лет) // Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 199–212.

Шполянская Д.В. Кресты из раскопок у церкви Бориса и Глеба в с. Кидекша под Суздалем // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2016. Вып. 6. С. 84–95.

А.Н. Федорина, А.М. Красникова
Пространство жизни и пространство смерти:
локализация средневековых сельских кладбищ Северо-Восточной Руси
по материалам Суздальского Ополя

Ключевые слова: Погребальный обряд, сельские кладбища, Северо-Восточная Русь.

Аннотация: Устройство кладбищ, их соотношение с жилыми зонами и погребальная обрядность сельского населения XII–XV вв., времени сложения русской православной погребальной практики, по-прежнему изучены недостаточно.

Для Владимиро-Суздальского Ополя эта выборка особенно невелика. В настоящей работе мы хотели бы продемонстрировать некоторые результаты работ последних лет (Кибол-3, Шекшово-2, Михали-3), а также показать возможные пути расширения источниковой базы.

A.N. Fedorina, A.M. Krasnikova
Space of life and space of death: localization of medieval rural cemeteries
of North-Eastern Rus' (on materials of Suzdal Opolye region)

Keywords: Obsequies, rural graveyards, North-Eastern Rus'.

Abstract: Arrangement of cemeteries, their ratio to residential zones and funeral rites of the rural population of the 12th–15th centuries, the time when the Russian Orthodox funeral practice emerged, is still

studied inadequately. For Vladimir-Suzdal region this sample is particularly small. In the present work authors would like to demonstrate some results of recent years works (Kibol-3, Sheksovo-2, Mikhali-3) and to show possible ways of source base extension.

Текстиль XIII–XV вв. из влажного культурного слоя московского Зарядья¹

В 2015 г. в Москве перед строительством крупного ландшафтного парка на территории Зарядья проводились археологические раскопки (рук. Л.А. Беляев). Раскоп № 7 площадью 98 кв. м располагался в приречной зоне юго-западной части будущего парка, по трассе бывшего Мокринского переулка, проходившего параллельно берегу Москвы-реки. В XV в. это была улица, известная под названием Большой или Великой, имевшая важное торговое значение, так как она соединяла Кремль с пристанью на Москве-реке.

Исследуемый участок открыл небольшой фрагмент дороги шириной около 4,5 м, проходившей по переулку². Дорога функционировала довольно долго, начиная с XIII в. до 30-х–50-х гг. XX в. Она была изначально широкой и в течение веков никогда не меняла свое местоположение. Весь период существования на дороге постепенно слой за слоем в четкой хронологической последовательности откладывались культурные напластования, содержащие утерянные (?) проезжающими или проходящими путниками предметы (монеты, ювелирные украшения, декоративные накладки, торговые пломбы, ключи, мелкий инструмент и др.). Сформировавшийся за века мощный однородный влажный слой темно-серой супеси со слабо выраженными прослойками и высоким содержанием щепы и навоза практически нигде не был тронут никакими перекопами, на этом участке никогда не стояли никакие сооружения. Со второй половины XVI в. (?) улицу начали мостить. Этот факт подтверждается

остатками древесины от мощения, зафиксированными в ходе археологических работ в верхних горизонтах раскопа. Общая мощность культурных напластований в целом составила около 5,6 м.

Влажность слоя поспособствовала сохранности органики, в том числе и текстиля. В ходе полевых работ на разных высотах (от –180 до –400 см) была обнаружена 31 текстильная находка (табл. 1). Предметы прошли консервационные мероприятия, включающие предварительную механическую очистку и снятие деформаций. При проведении исследований для каждого предмета определялась природа волокна, проводился структурный анализ, определялся способ изготовления, отмечалось наличие или отсутствие орнамента. На основе проведенных исследований для некоторых предметов выполнены графические реконструкции.

В ходе изучения было определено, что в трех случаях под одним номером оказались два разных текстильных предмета, а в одном случае два образца оказались частями одного предмета. Таким образом, общее количество, с учетом вышесказанного, составило 33 текстильных предмета.

Найденный текстиль оказался довольно разнообразным как по материалу, так и по способу изготовления. Среди находок оказались фрагменты предметов, выполненных из шерсти, шелка и растительных волокон. Это остатки тканых, плетеных, вязаных, валяных и витых предметов. Большая часть из них выполнена в домашних условиях, отдельные предметы оказались импортными (или шитыми из импортных тканей) (рис. 1).

Некоторые текстильные находки удалось атрибутировать. Так, были определены шелковый кошелек (омоньер? реликварий?), тканые и плетеные пояса, а также выявлена небольшая шелковая деталь одежды (?) для застегивания. Остальные находки

¹ Статья подготовлена в рамках НИОКТР ААА-А-А18-118021690056-7 «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи Великого переселения народов до Московской Руси — археологическое измерение».

² Беляев Л.А. Новый адрес: Зарядье, раскоп № 7/2015 // Московское наследие. 2017. № 3 (51). С. 36; Он же. На старой дороге: работы 2015 года в Зарядье // Природа. 2019. № 3. С. 58, и др.

Таблица 1

Текстильные находки на территории Зарядья из раскопа № 7 (2015 г.)

№№	Наименование изделия	материал	квадрат	глубина	слой
1	Ткань (сукно)	шерсть	10	-260-270	Тсс+навоз+щепа
2	Ткань узорная (лансе (?))	шелк	7	-240-260	Тсс+навоз+щепа
3	Деталь одежды (?) (из ткани самит)	шелк	4	-380-400	Тсс+навоз+дерево+щепа
4	Ткань в полоску	шелк	1	-240-260	Тсс+навоз+дерево+щепа
5	Ткань узорная (лампас)	шелк	1	-240	Тсс+навоз+дерево+щепа
6	Кошелек (?) из камки	шелк	18	-260-280	Тсс+навоз+щепа
7	Ткань (сукно). Аналогична № 8	шерсть	17	-260-280	Тсс+навоз+щепа
8	Ткань (сукно) Аналогична № 7	шерсть	11	-220-240	Тсс+навоз+щепа
9	Вязаное изделие (вязание по спирали)	шерсть	6	-380-400	Тсс+навоз+щепа
10	ткань саржа домашнего изготовления	шерсть	11	-340-360	Тсс+навоз+щепа
11	Вязаное изделие (вязание по спирали)	шерсть	18	-360-380	Тсс+навоз+щепа
12	грубая ткань полотняная домашнего изготовления	шерсть	19	-180	Т.с.с.+дерево
13	Шнур витой	Растит. волокно	4	-220-240	Тсс+навоз+щепа
14	Шнур витой	шерсть	12	-200-220	Т.с.с.+дерево
15	Шнур витой	Растит. Волокно?	9	-320-340	Тсс+навоз+щепа
16	Шнур витой	шерсть	10	-320-340	Тсс+навоз+дерево+щепа
17	Шнур витой	Растит. волокно	7	-360-380	Тсс+навоз+щепа
18	Шнур витой	Растит. волокно	13	-360-380	Тсс+навоз+щепа
19	Шнур витой	Растит. волокно	4	-250-300	Плетень Тсс+навоз+щепа
20	Пояс (плетение «коса» в 5 концов)	шерсть	10	-360-380	Тсс+навоз+щепа
21	Пояс (тканье на дощечках)	шерсть	18	-260	Тсс+навоз+щепа
22	Шнур витой	шерсть	4	-340-360	Тсс+навоз+дерево+щепа (к югу от плетня)
23	Шнур витой	шерсть	18	-300-320	Тсс+навоз+дерево+щепа+б. суглинок
24	Шнур витой	шерсть	7	-200-220	Тсс+навоз+ щепа
25	25 а) Ткань (сукно)	шерсть	18	-340-360	Тсс+навоз+ щепа
	25 б) Войлок	шерсть			
26	Пояс узорный (тканье на бердечке)	шерсть	6	-220	Тсс+навоз+ щепа
27	Пояс (плетение по кругу в 5 концов)	шерсть	12+11	-380-400	Тсс+навоз+ щепа
28	Пояс узорный Состоит из двух разных поясов (28а и 28б), связанных между собой узлом (тканье на бер- дечке)	шерсть	13	-280-300	Тсс+навоз+ щепа
		шерсть			
29	Пояс узорный (тканье на бердечке)	шерсть	2	-229	Тсс+навоз+ щепа
30	30 а) плетеное изделие (пояс?) (Плетение «коса» в 3 конца)	Растит. волокно	12+11	-360-380	Тсс+навоз+ щепа
	30 б) веревка витая	Растит. волокно			
31	моток шерстяных нитей	шерсть	10	-300-320	Тсс+навоз+ щепа

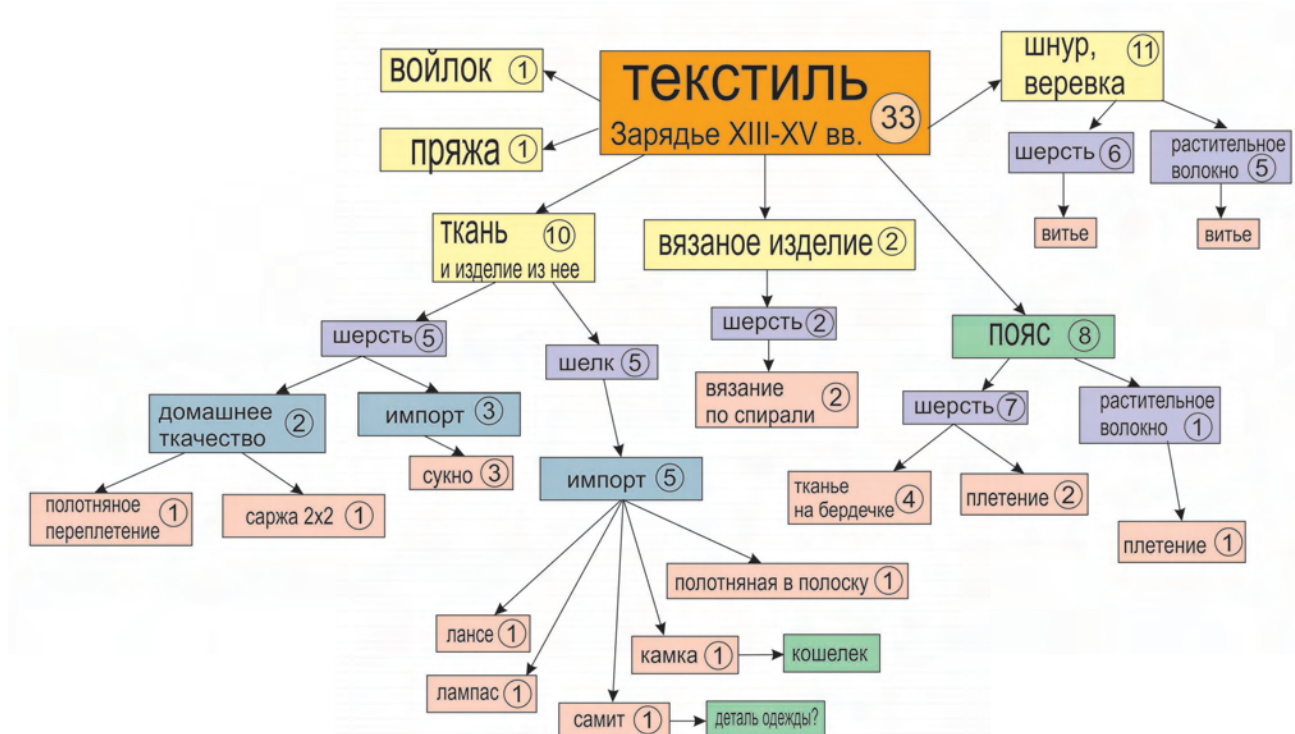

Рис. 1. Текстильные находки XIII–XV вв. из раскопа № 7 на территории Зарядья. Распределение по типам и способу изготовления

неопределимы. Они довольно бесформенны, не имеют швов и остатков кроя.

Кошелек? Омоньер? Реликварий? (образец № 6) (рис. 2)

Небольшой сильно загрязненный, потерявший первоначальную форму и цвет текстильный предмет был найден в горизонте вместе с находками, датированными концом XIV — началом XV в. После проведения реставрационных мероприятий оказалось, что предмет представляет собой шелковый мешочек прямоугольной формы размерами 7,5 × 8,5 см. Дальнейший анализ конструкции показал, что он был шит из трех прямоугольных деталей одинакового размера, выкроенных из узкой полосы шелковой ткани — камки. Предмет сшит соединительным швом «за иглу» светлой шелковой нитью толщиной 0,3 мм. Длина шва составляет 2 мм.

У верхнего края мешочка выявлено восемь отверстий, через которые продевался шнур, с помощью которого мешочек затягивался. Небольшие остатки шелкового шнура были обнаружены вместе с ним.

Светлая узорная ткань камка соткана из шелковых нитей Z-крутки. Толщина нитей по основе составляет 0,2–0,25 мм, по утку — 0,15 мм. Плотность по основе составляет 40–42 н/см, по утку — 54–56 н/см. Орнамент ткани фактурный и характеризуется сочетанием

блестящего фона (узора) с матовым узором (фоном), полученным при ткачестве путем чередования атласного и сатинового переплетений. Орнамент удалось частично реконструировать. Он представляет собой растительно-геометрический узор, основу которого составляют округлые медальоны.

Текстильных предметов-вместилищ для хранения чего-либо, бытовавших на территории средневековой Руси, кроме найденного на территории Зарядья, пока не обнаружено, хотя они известны по письменным источникам. По археологическим находкам Москвы и Новгорода известны только кожаные калиты или мошны, разнообразные по форме, размеру и конструкции. Зато хорошо известны шелковые кошельки, сумки и реликварии под общим названием «омоньеры», широко распространенные в период Средневековья среди богатых людей Западной Европы. Некоторые из них дошли до наших дней и являются экспонатами музеев Австрии, Германии, Бельгии, Франции. Они разные по размеру, шились из дорогих тканей, нередко украшались кистями и разнообразной вышивкой шелковыми и золотными нитями. Большинство омоньеров имело прямоугольную форму и конструкцию, аналогичную найденному предмету. Они также затягивались сверху с помощью шелкового или кожаного шнура, продетого в отверстия. Омоньеры носили на поясе или на ремне.

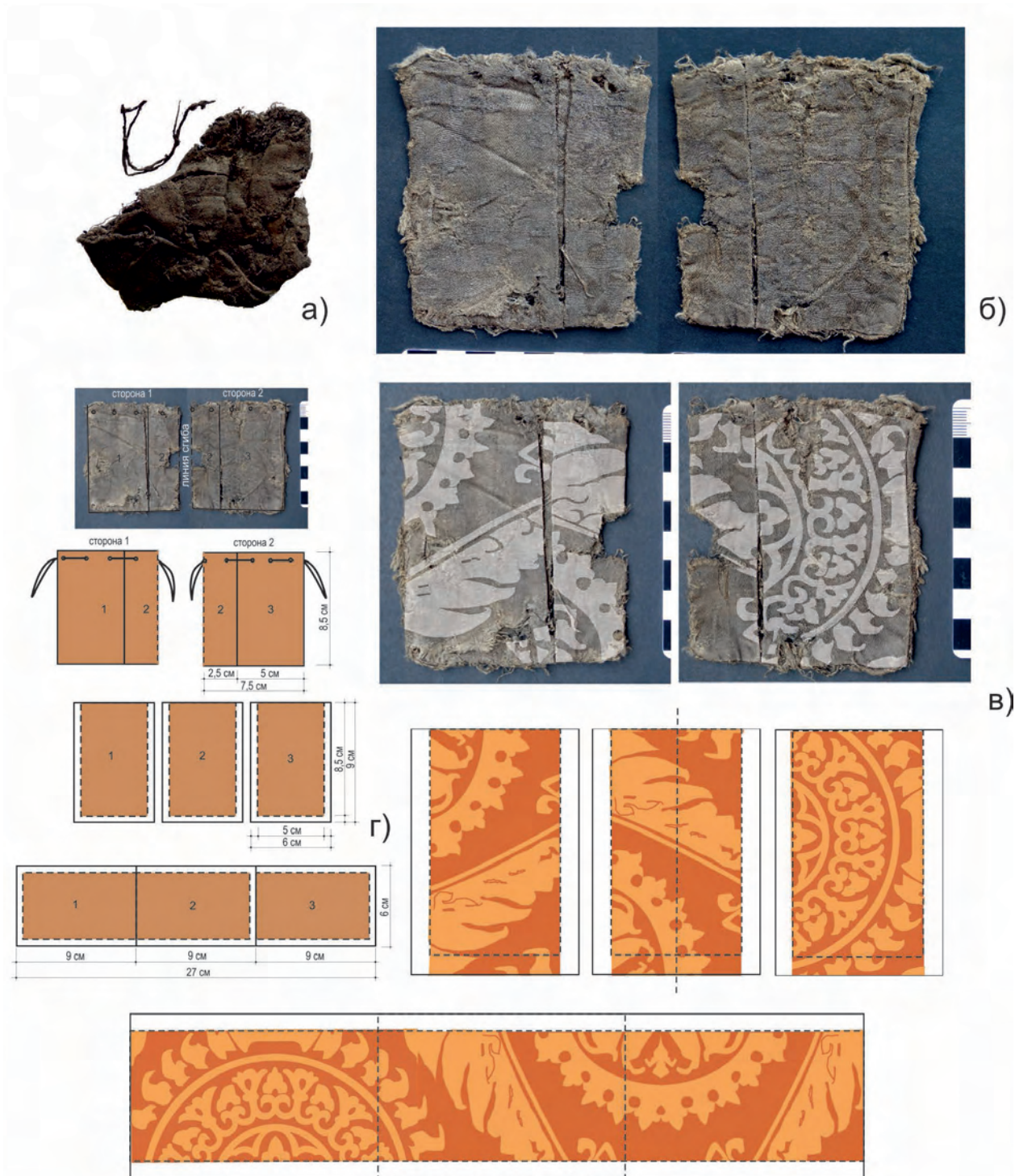

Рис. 2. Кошелек (?): а) после изъятия из грунта; б) после проведения консервационных мероприятий; в) реконструкция орнамента ткани; г) схема изготовления кошелька (?)

Обладателем предмета, найденного на территории Зарядья, был, вероятно, богатый человек, так как только богатые люди на Руси могли себе позволить иметь предметы (пусть даже очень маленькие), сшитые из дорогих шелковых тканей. Неясно, какую функцию нес найденный предмет. Судя по совсем небольшим размерам, он мог быть кошельком или реликварием. Принадлежал ли он русскому человеку или иностранцу? Известно, что в XIV в. русские люди в качестве реликвариев использовали металлические мощевики и энколпионы с помещенными в них частицами святынь, которые они носили подвешенными на груди, но не мешочки. Каким образом предмет оказался на дороге? Был ли он потерян проезжающим или проходящим путником? Почему внутри него ничего не было обнаружено? Может, предмет был первоначально кем-то украден у владельца, а затем выброшен за ненадобностью, после того как его содержимое вынули? Эти вопросы так и остаются открытыми.

Деталь одежды (?) (образец № 3) (рис. 3)

Небольшая шелковая деталь, вероятно, от одежды была найдена в нижних горизонтах раскопа. Функционально такая деталь могла быть использована для одежды в качестве застежки (хлястика?).

Деталь прямоугольной формы размерами 95 × 35 мм шита из шелковой ткани. На детали имеется воздушная петля длиной 10 мм и толщиной 1 мм, сплетенная из шелковой нити в три конца и пришитая к краю короткой стороны детали довольно небрежно. Деталь состояла из двух частей. Верхняя часть сохранилась целой. Ее края подогнуты вовнутрь по всем сторонам на 7–8 мм. Другая часть имеет такую же ширину, что и первая, но сохранилась фрагментарно на длину всего 1,5 см. Обе части сшиты вместе шелковой нитью мелкими незаметными стежками. Возможно, между сохранившимися частями застежки находился край основной детали одежды, которая могла быть изготовлена из другого материала (лен? неокрашенный шелк?), а потому не сохранилась.

Найденная деталь одежды шита из шелковой ткани самит. Эти ткани известны с VI по XIV в. и были распространены на довольно большой

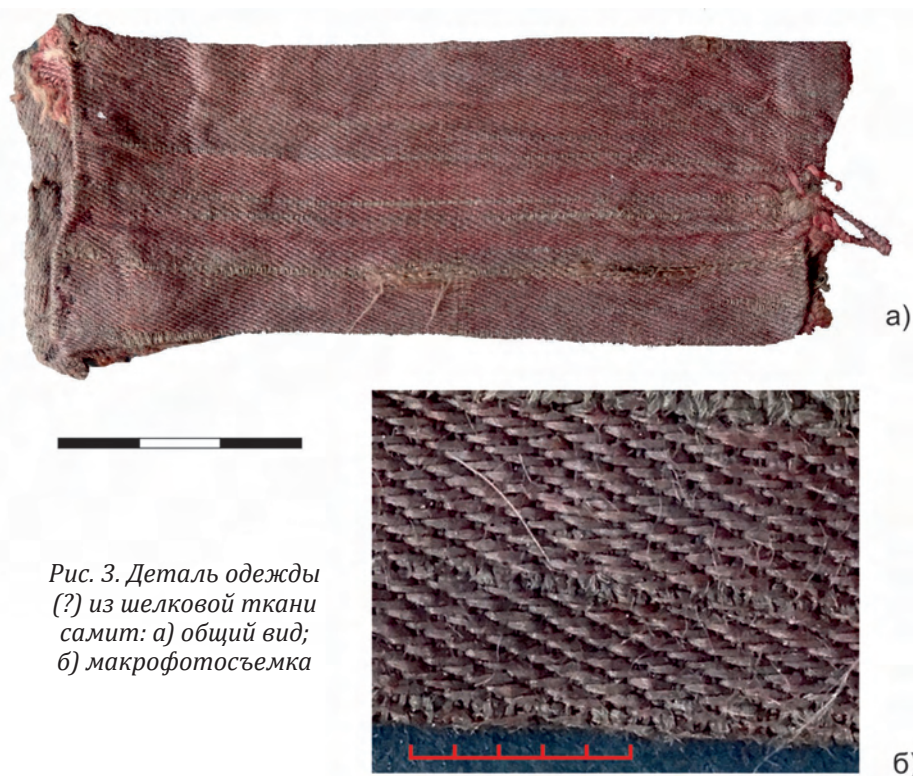

Рис. 3. Деталь одежды (?) из шелковой ткани самит: а) общий вид; б) макrofотосъемка

территории — от Ирана до Испании. Как правило, ткани были узорными, реже — однотонными. Это двухслойные ткани. При их изготовлении использовались две основы (коренная и связующая) и две системы утков (коренная и узоробразующая). Коренные основа и уток всегда расположены внутри ткани и не выходят на ее поверхность. Связующая основа «связывает» утки в единую ткань в системе саржи. Подавляющее большинство тканей самит были узорными. В таких тканях узоробразующих нитей утка было несколько (нити двух–пяти и более цветов), которые чередовались, создавая цветной рисунок на гладкой лицевой поверхности. Но в данном случае ткань оказалась однотонной. При ее создании в качестве узоробразующего утка использованы нити только одного (красного) цвета. Коренная основа переплетается с коренным утком саржевым переплетением в пропорции 1:2. Нити основы Z-крутки, нити утка некрученые. Толщина нитей по основе составляет 0,1 мм, по утку — 0,25–0,3 мм. Плотность по основе составляет 52 (26 × 2) н/см, по утку — 78–82 (39–41 × 2) н/см.

Ткани (табл. 2)

Среди неопределимых предметов имеются небольшие бесформенные фрагменты тканей. Всего было выделено девять образцов, из них определены

восемь разных тканей, так как образцы № 7 и 8 оказались фрагментами одного предмета. По природе волокна ткани разделились на шелковые и шерстяные.

Шелковые ткани

Всего в раскопе № 7 найдены три бесформенных фрагмента узорных шелковых тканей.

Ткань 1. Шелковая ткань в полосу (образец № 4) (рис. 4)

Фрагмент тонкой светлой ткани в темную полосу размерами 14,5 × 7,5 см обнаружен на уровне -240-260 см. Кромки у фрагмента нет, поэтому при описании ткани основа и уток приняты условно. Ткань полотняного переплетения соткана из некрученных нитей. Для основы использованы светлые неокрашенные нити толщиной 0,25-0,3 мм. Для утка кроме светлых нитей, аналогичных нитям основы, использованы шелковые нити темного цвета толщиной 0,3 мм.

Таблица 2

Ткани

№ ткани	№ образца	квadrat	глубина	материал	Размер фрагмента мм	крутка		толщина мм		плотность н/см		переплетение	примечание
						основа	уток	основа	уток	основа	уток		
1	4	1	-240-260	шелк	145x75	Не круч.	Не круч.	0,25-0,3	0,3	24	40	полотняное	Орнамент темные полосы на светлом фоне
2	2	7	-240-260	шелк	160x50	Z	Не круч.	0,15	0,3	40-42	38-40	сложное	Узорная ткань лансе (?) Орнамент неопределен
3	5	1	-240	шелк	110x35	Z	Z	0,15	0,2-0,25	92 (46x2)	60 (30x2)	сложное	Узорная ткань лампас Орнамент неопределен
4	10	11	-340-360	шерсть	130x115	Z	Z	1,3	1,3	5	9	саржа 2x2	Ткань зеленоватого цвета
5	12	19	-180	шерсть	190x130	2ZS	2ZS	3,5-4,0	3,5-4,0	2	4	полотняное	Очень грубая ткань домашнего изготовления из толстых нитей
6	1	10	-260-270	шерсть	85x60	Z	Z	0,9	1,1	12-14	14-16	полотняное	Сукно. Окрашено в красный цвет. Ворсовый настил с одной стороны.
7	7	17	-260-280	шерсть	40x25	Z	S	0,9	0,8-0,9	12-14	12-14	полотняное	Сукно. Окрашено в красный цвет. Ворсовый настил с двух сторон.
	8	11	-240	шерсть	30x20 20x20								
8	25	18	-340-360	шерсть	180x10	Z	Z	0,9-1,0	0,9-1,0.	12-14	12-14	полотняное	Сукно темного (черного?) цвета. Ворсовый настил с двух сторон.
Деталь одежды (?)	3	4	-380-400	шелк	105x35	Z	Не круч.	0,1	0,25 0,3	52 (26x2)	78-82 (39-42) x2	сложное	Ткань самит красного цвета без орнаментации
кошелек	6	18	-260-280	шелк	85x75	Z	Z	0,2-0,25	0,15	40-42	54-56	Сочетание атласного и сатинового переплетений	Ткань камка светлого оттенка Орнамент растительно-геометрический

Рис. 4. Шелковая ткань в полоску:
а) общий вид фрагмента; б) графическая реконструкция орнамента

Полосатый узор получен при ткачестве чередованием светлых и темных нитей утка. Уточные ряды сгруппированы в определенном количестве и порядке, образуя на светлом фоне ткани узор из темных полос разной толщины.

Ткань 2. Шелковая ткань сложного переплетения (образец № 2) (рис. 5)

Фрагмент узорной шелковой ткани сложного переплетения размерами 16,0 × 5,0 см, найден на отметке -240–260 см. Для создания рисунка на ткани использовано чередование различных переплетений основы и утка. Кроме того, в ткани использован дополнительный уток, поэтому ее можно отнести к типу «лансе». Для ткани характерно использование дополнительного лансировочного утка, проходящего по всей ширине ткани и выходящего на лицевую сторону только там, где это требуется по рисунку³. Для основы ткани использованы нити Z-крутки толщиной 0,15 мм, для утка — некрученые нити толщиной 0,3 мм. Плотность нитей по основе составляет 40–42 н/см, по утку — 38–40 н/см. Ввиду небольшого размера фрагмента и плохой сохранности рисунок на ткани установить не удалось.

³ Иерусалимская А.А. Словарь текстильных терминов. СПб., 2005. С. 24.

Рис. 5. Шелковая ткань сложного переплетения (лансе):
а) общий вид фрагмента; б) макросъемка

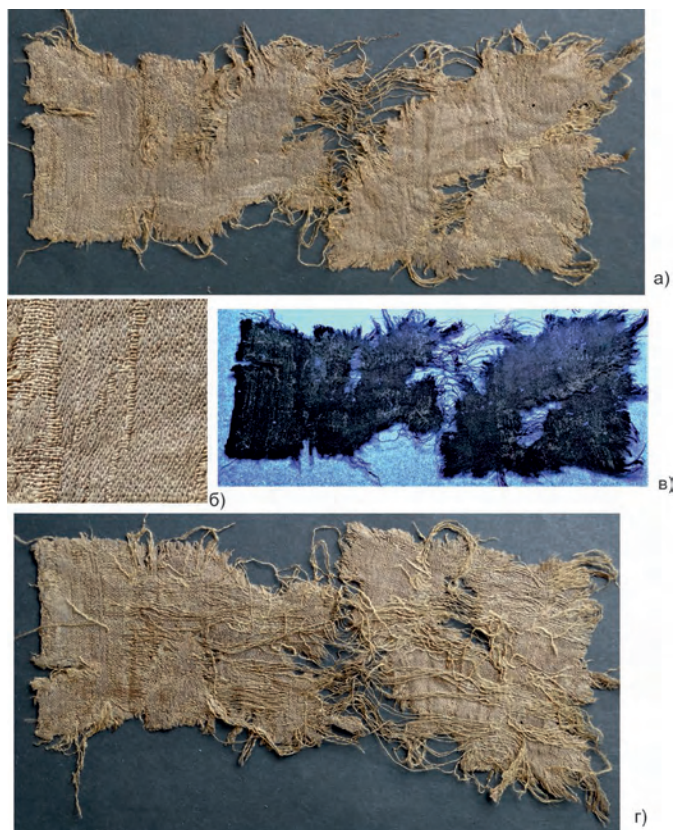

Рис. 6. Шелковая ткань сложного переплетения (лампас): а) лицевая сторона фрагмента; б) макросъемка; в) фотосъемка в ультрафиолетовых лучах; г) обратная сторона фрагмента

Таблица 3

Пояса

№ пояса	№ образца	квадрат	глубина	материал	Длина мм	Ширина мм	Кол-во нитей шт.	цвет	Толщина нитей	Крутка	Техника
1	26	6	-200-220	шерсть	100	14	основа - 9 уток - 1	Светлый Темный Красный (?)	1,5	2ZS	Тканье на бердечке
2	28	13	-280-300	шерсть	47 (17+30)	13	основа - 13 уток - 1	Светлый Темный Красный (?)	1-1,2	2ZS	Тканье на бердечке
3						15	основа - 15 уток - 1	Светлый Темный Красный (?)	1-1,2	2ZS	Тканье на бердечке
4	29	2	-229	шерсть	390	10-11	основа - 6 уток - 1	Светлый Красный (?)	1,2-1,3	2ZS	Тканье на бердечке
5	21	18	-260	шерсть	230	14-15	Основа - 6 Уток - 1	Светлый темный	1,7-2	2ZS	Тканье на дощечках
6	27	11-12	-380-400	шерсть	280	7-8	5	темный	1,5	2ZS	Плетение по кругу
7	20	10	-360-380	шерсть	150	7	5	темный	1,5	2ZS	Плетение «коса»
8	30 а	12	-360-380	Растит. Волокно (лыко?)	110	25	3	светлый	3	-	Плетение «коса»

Ткань 3. Шелковая ткань лампас (образец № 5) (рис. 6)

Фрагмент узорной шелковой ткани сложного переплетения размерами 11,0 × 3,5 см обнаружен на отметке -240 см. С короткой стороны фрагмента зафиксирована кромка. Ткань соткана из нитей Z-крутки. Ткань является двухслойной и относится к типу «лампас». При ткачестве использованы две системы нитей основы — коренная и связующая, и несколько систем утков — коренного и узоробразующих. Узор построен на контрасте основного перекрытия фона и уточного перекрытия узора. Коренная основа переплетается только с коренным утком, а связующая работает в паре с дополнительным утком, прижимая его к ткани с лицевой стороны и создавая отдельный слой с изнаночной стороны, когда дополнительные утки выходят на изнанку. Толщина нитей по основе составляет 0,15 мм, по утку — 0,2–0,25 мм. Плотность по основе составляет 92 (46 × 2) н/см, по утку — 60 н/см.

Несмотря на видимую однотонность ткани, установлено, что узор на ткани был образован не только контрастом переплетений, но и использованием нитей разных цветов. При осмотре ткани в ультрафиолетовых лучах зафиксировано свечение некоторых нитей утка. К сожалению, орнамент на ткани реконструировать не удалось ввиду небольшого размера фрагмента и его неудовлетворительной сохранности.

Шерстяные ткани

Всего найдено шесть фрагментов шерстяных тканей. Из них образцы № 7 и 8 оказались остатками одного предмета. Таким образом, определены пять разных шерстяных тканей, из которых две оказались грубыми тканями домашнего изготовления, три ткани определены как импортное высококачественное сукно.

Ткань 4. Ткань саржевого переплетения (образец № 10)

Фрагмент шерстяной ткани размерами 13,0 × 11,5 см найден на отметке -340-360 см. Для ткачества использованы темные неокрашенные нити Z-крутки толщиной 1,3 мм. Переплетение саржевое (саржа 2 × 2). Кромка на фрагменте не зафиксирована, основа и уток приняты условно. Плотность нитей по основе составляет 5 н/см, по утку — 9 н/см.

Ткань 5. Ткань полотняного переплетения (образец № 12)

Фрагмент довольно грубой ткани полотняного переплетения размерами 19,0 × 13,0 см найден на отметке -180 см. Для ткачества использованы толстые темные неокрашенные нити крутки 2ZS толщиной 3,5–4,0 мм. Кромка на фрагменте не зафиксирована, основа и уток приняты условно. Плотность нитей по основе составляет 2 н/см, по утку — 4 н/см.

Ткань 6. Сукно (образец № 1)

Фрагмент сукна насыщенного красно-коричневого цвета треугольной формы, размерами 8,6 × 6 см обнаружен на глубине –260–270 см. С двух сторон на фрагменте зафиксированы ровные, обретенные ножницами края. Ворсовый настил имеется на поверхности одной стороны ткани. Кромки на фрагменте нет, основа и уток приняты условно. Для основы и утка использованы нити Z-крутки толщиной 0,9 мм. Плотность нитей по основе составляет 12–14 н/см, по утку — 14–16 н/см.

Ткань 7. Сукно (образцы № 7 и 8)

Два небольших фрагмента сукна насыщенного красного цвета размерами 4,0 × 2,5 см и 3,0 × 2,0 см обнаружены на глубине –240–280 см. Толстый ворсовый настил имеется на обеих сторонах ткани. Кромка на фрагментах не зафиксирована, основа и уток приняты условно. Для основы использованы нити Z-крутки толщиной 0,9 мм, для утка — нити S-крутки толщиной 0,8–0,9 мм. Плотность нитей как по основе, так и по утку составляет 12–14 н/см.

Ткань 8. Сукно (образец № 25)

Узкий фрагмент сукна насыщенного темно-го цвета размерами 18,0 × 1,0 см обнаружен вместе с остатками войлока на глубине –340–360 см. Ворсовый настил имеется на обеих сторонах ткани. По длинному краю фрагмента зафиксирован ровный прямой срез от ножниц. Кромка на фрагменте не зафиксирована, основа и уток приняты условно. Для основы и утка использованы нити Z-крутки толщиной 0,9 мм. Плотность нитей как по основе, так и по утку составляет 12–14 н/см.

Пояса (табл. 3)

Среди найденных текстильных фрагментов выделено шесть изделий, которые определились как пояса. Еще два изделия отнесены к поясам условно. Все изделия, за исключением одного, изготовленного из растительного сырья, шерстяные.

По технике изготовления четыре пояса были выполнены в технике тканья на бердечке (рис. 7), один — в технике тканья на дощечках, три пояса оказались плетеными.

Пояс 1 (образец № 26)

Фрагмент пояса длиной 10,0 см обнаружен на глубине –220 см. Узорный пояс шириной 14,0 мм выполнен в технике тканья на бердечке. Для его изготовления использованы шерстяные нити основы трех цветов: светлые и темные неокрашенные нити, а также нити, окрашенные в красный цвет. Для утка использована темная нить. Все нити имеют одинаковую толщину — 1,5 мм и крутку 2ZS.

Пояс 2 и 3 (образец № 28)

Фрагмент пояса длиной 37 см, состоящего из двух частей длиной 17 и 30 см, связанных

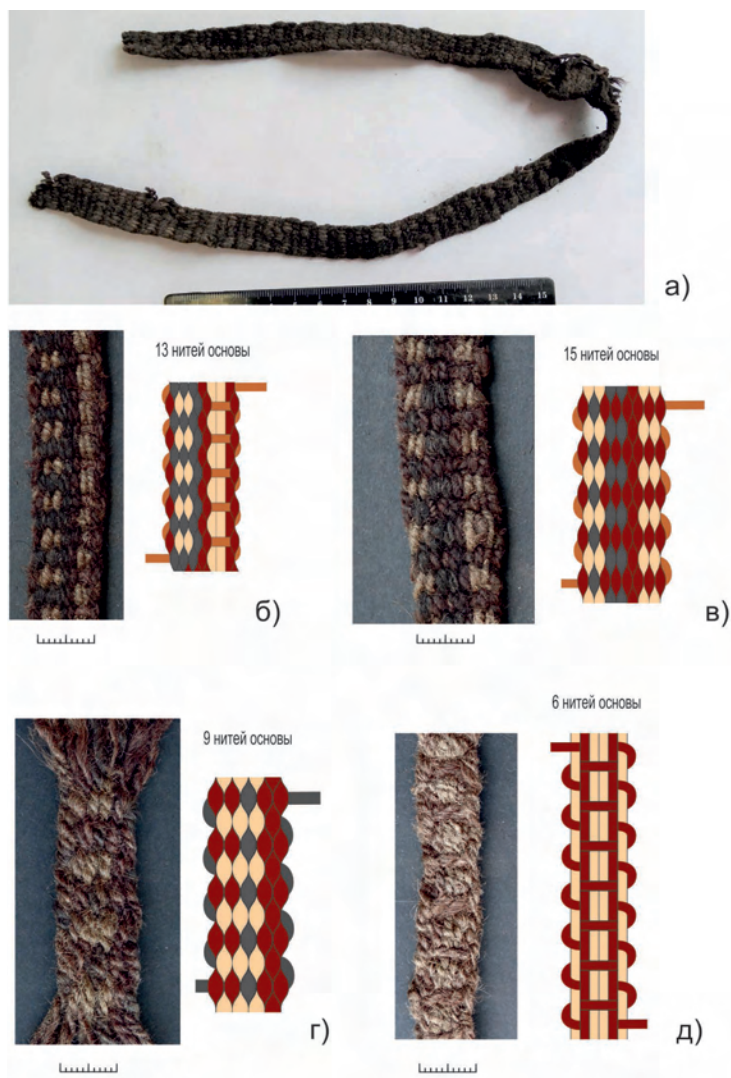

Рис. 7. Тканые пояса:

- а) общий вид пояса, состоящего из двух разных поясов, связанных между собой узлом (пояса 2 и 3);
- б) пояс 2 (общий вид и реконструкция);
- в) пояс 3 (общий вид и реконструкция);
- г) пояс 1 (общий вид и реконструкция);
- д) пояс 4 (общий вид и реконструкция)

между собой узлом, обнаружен на глубине –280–300 см. Обе части выполнены в технике тканья на бердечке. Скорее всего, первоначально это были два отдельных пояса. Они отличаются шириной и узором.

Пояс 2 (образец № 28а) шириной 13 мм. Для его изготовления использованы шерстяные нити основы трех цветов: светлые (белые) и темные неокрашенные нити, а также нити, окрашенные в красный цвет. Для утка использована нить, имеющая желтоватый оттенок. Нити имеют примерно одинаковую толщину — 1–1,2 мм и крутку 2ZS.

Таблица 4

Витые изделия

№№	№ образца	квадрат	глубина	материал	длина	толщина	крутка	Количество нитей
1	13	4	-220-240	Растит. волокно	70	5	Z	2S
2	14	12	-100-120	шерсть	55	3	S	2Z
3	15	9	-320-340	Растит. волокно	85	6	S	2Z
4	16	10	-320-340	шерсть	140	5	S	2Z
5	17	7	-360-380	Растит. волокно	120	5	S	2Z
6	18	13	-360-380	Растит. волокно	150	6	S	2Z
7	19	4	-250-300	Растит. волокно	90	10	S	2Z
8	22	4	-340-360	шерсть	110	8-10	Не опр.	Не опр.
9				шерсть	100	3-4	S	4Z
10	24		-200-220	шерсть	120	Не опр.	S	2Z
11	306	12+11	-360-380	Растит. волокно	180	10	S	3Z

Пояс 3 (образец № 286) шириной 15 мм. Для его изготовления использованы шерстяные нити основы трех цветов: светлые (белые) и темные неокрашенные нити, а также нити, окрашенные в красный цвет. Для утка использована нить, имеющая желтоватый оттенок. Нити имеют примерно одинаковую толщину — 1–1,2 мм и крутку 2ZS.

Пояс 4 (образец № 29)

Фрагмент пояса длиной 39,0 см обнаружен на глубине –229 см. Узорный пояс шириной 10–11 мм выполнен в технике тканья. Для его изготовления использованы шесть шерстяных нитей основы двух цветов: светлые неокрашенные нити и нити, окрашенные в красный цвет. Для утка использована также красная нить. Все нити имеют одинаковую толщину — 1,2–1,3 мм и крутку 2ZS.

Пояс 5 (образец № 21)

Фрагмент пояса длиной 23,0 см обнаружен на глубине –260 см. На нем зафиксировано два узла. Узорный пояс шириной 14–15 мм выполнен в технике тканья на дощечках из очень грубых темных и светлых неокрашенных шерстяных нитей. Для утка использована темная нить. Все нити крутки 2ZS неравномерной толщины — 1,7–2,0 мм.

Пояс 6 (образец № 27)

Фрагмент пояса длиной 28,0 см обнаружен на глубине –280–400 см. Пояс толщиной 7–8 мм выполнен из темных шерстяных нитей в технике плетения по кругу в пять концов. Нити толщиной 1,5 мм имеют крутку 2ZS.

Пояс 7 (образец № 20).

Фрагмент плетеного изделия длиной 15,0 см, условно отнесенного к поясам, найден на отметке –360–380 см. Изделие шириной 7 мм выполнено из темных шерстяных нитей в технике плетения «коса» в пять концов. Это плетеное изделие могло быть либо узким поясом, либо быть использовано в качестве декоративной отделки одежды.

Пояс 8 (образец № 20)

Фрагмент плетеного изделия длиной 11,0 см, также условно отнесенного к поясам, найден на отметке –360–380 см. Изделие шириной 25 мм выполнено из растительного сырья (лыко?) в простейшей технике плетения «коса» в три конца.

Вязаные изделия

Среди находок выделено два фрагмента изделий, выполненных в технике вязания по спирали при помощи толстой (деревянной или костяной) иглы. Размер образца № 9 составляет 35,7 × 22,2 см, образца № 11 — 4,6 × 3,9 см. Для вязания использованы темные нити (толщиной 1,5–1,7 мм) крутки 2ZS. К сожалению, по сохранившимся фрагментам определить тип изделий не представляется возможным.

Вязание по спирали является одним из наиболее ранних видов рукоделия. Такой вид вязания был известен с начала н.э. по археологическим материалам из Скандинавии⁴; его широко исполь-

⁴ Нахлик А.А. Ткани Новгорода. Опыт технологического анализа // Материалы и исследования по археологии СССР. № 123. М., 1963. С. 264–265; Wild J.P. Textiles in archaeology. Aylesbury, 1988. P. 52; Walton P. Textiles, Cordage and

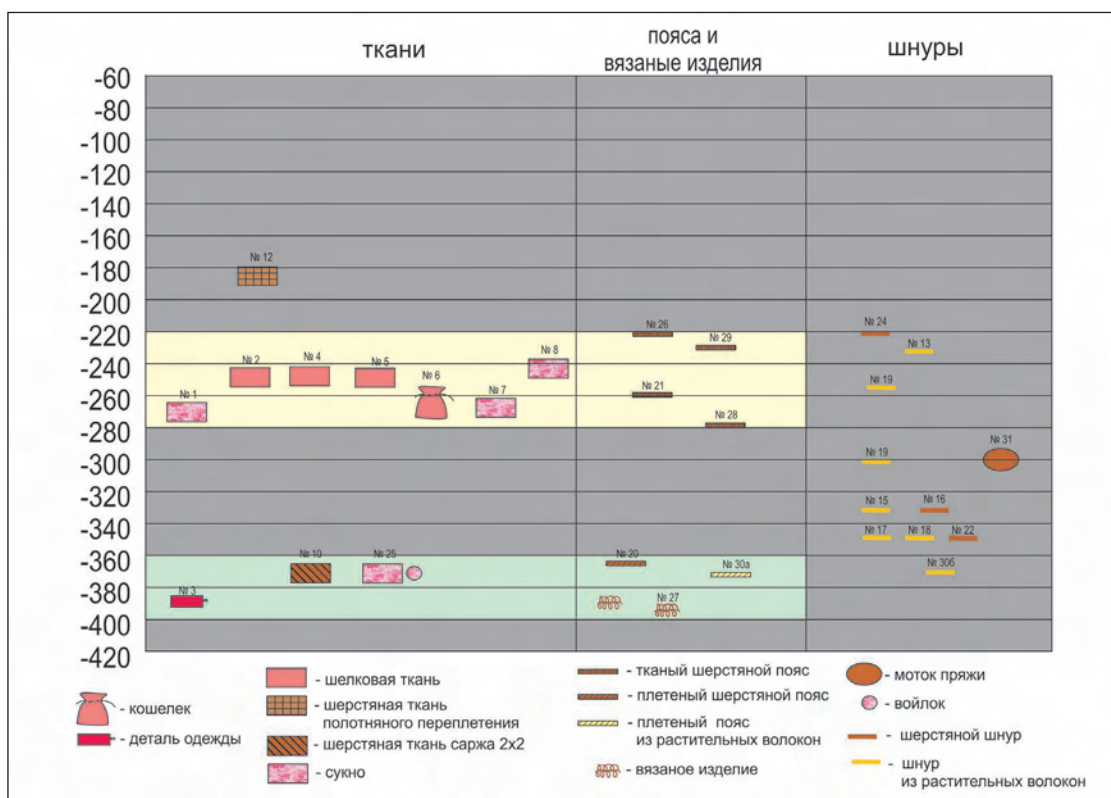

Рис. 8. Стратиграфическая шкала текстильных находок из раскопа № 7 на территории Зарядья

зовали во многих странах в эпоху Средневековья для изготовления рукавиц, чулок и других предметов одежды. Техника вязания по спирали была популярна и позднее, после появления других видов вязания (крючок, спицы).

К примеру, фрагменты вязаных изделий были найдены в Москве на территории Романова двора в слоях XVII в.⁵

Витые изделия (табл. 4)

Всего выявлено 11 текстильных изделий (шнуры, веревки, нити), выполненных в технике витья. Из них 6 выполнены из растительных волокон, 5 — из шерсти. Количество нитей в изделиях — от 2 до 4. Толщина шнуров в среднем составляет 5–6 мм. Но имеются как тонкие шнуры — до 3 мм (образцы № 14, 22б), так и веревки толщиной более 10 см (образец № 30б).

Raw Fibre from 16–22 coppergate // The archaeology of York The small finds. 17/5. London, 1989. P. 341–345.

⁵ Елкина И.И. Текстильные находки и плетеные изделия // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12). М., 2009. С. 153–157.

Кроме того, среди текстильных находок имеется довольно большой моток толстой шерстяной пряжи естественного темного цвета (образец № 31), а также обрывок валяного изделия темно-синего цвета (образец № 25б), найденного вместе с фрагментом темного сукна.

Датировка (рис. 8)

Все текстильные находки были обнаружены в мокром слое темно-серой супеси, содержащей щепу и навоз, на отметках от -180 до -400 см. С точки зрения планиграфии находки распределены по раскопу относительно равномерно. Но стратиграфическое распределение (концентрация) текстильных находок позволяет выделить два основных горизонта. Сопоставление текстиля с находками из других материалов на этих горизонтах позволяет его довольно четко датировать.

Горизонт 1. На отметках -220–280 обнаружены 13 текстильных предметов. Здесь выявлен наиболее «статусный» текстиль: шелковый кошелёк (реликварий?), фрагменты дорогого узорного шелка, высококачественного сукна, а также тканые цветные узорные пояса. Кроме того, найдены отдельные остатки витых шнуров из шерсти и растительных волокон.

В этом горизонте вместе с текстилем обнаружены следующие предметы, датирующие его концом XIV — XV веком: монеты правителей Орды, из которых самая нижняя (отметка -273 см) и ранняя — дирхем хана Узбека (?) (1313–1341), а также книжная застежка, фрагмент штампованного сосуда, перстень, гребень, ключ, колесико от шпоры, стремя.

Горизонт 2. В слое на отметках -360–400 см обнаружены девять текстильных находок, в основном домашнего изготовления: фрагменты простых плетеных поясов, шерстяных вязаных изделий. Единственным шелковым предметом оказалась деталь одежды (?) из красной ткани самит.

В этом горизонте вместе с текстилем обнаружены следующие предметы, датирующие его XIII — серединой XIV в.: перстень, кольцо, стеклянный браслет, нательный крест, металлическая накладка, ключ, рукоять и тыльник ножа, свинцовый грузик, наконечник стрелы, фрагмент кашинной керамики.

В промежутке между двумя четко выделенными горизонтами мощностью около 80 см найдены лишь единичные, совсем небольшие фрагменты витых шнуров и нитей из шерсти и растительных волокон, а также моток грубой пряжи, который, возможно, случайно утерян проезжим путником.

Также не оказалось текстильных находок выше горизонта 1 (исключение составляет единственный фрагмент очень грубой шерстяной ткани полотняного переплетения).

Заключение

Сохранность органики в городских слоях Москвы в целом крайне неудовлетворительная. На сегодняшний день известно совсем мало средневековых текстильных находок из слоев древней

Москвы, почти все они относятся к периоду позднего Средневековья (XVI–XVII вв.). Благодаря уникальным условиям мокрого слоя на территории Зарядья, позволившим органике сохраниться, впервые удалось получить коллекцию текстильных находок XIII–XV вв., имеющих, безусловно, важное значение. Находки показывают, что текстиль в Средневековье был довольно разнообразным как по материалу, так и по способу изготовления.

В ходе изучения были выделены два основных горизонта с текстилем: XIII — середины XIV и конца XIV — XV в. Ранний горизонт (горизонт 2) характеризуется в основном вязаными и плетеными изделиями домашнего изготовления. В этом же горизонте выявлен единственный шелковый предмет — деталь для застегивания одежды (?) из ткани самит. Известно, что ткани самит были популярны до XIV в. Поздний горизонт (горизонт 1) показал широкое бытование текстильного импорта: из 13 находок на этом уровне выявлено 6 предметов импорта. Это высококачественное сукно и разнообразный по способу изготовления шелк (кошелек (?) из шелковой камки, фрагменты тканей сложного переплетения, такие как лампас и лансе, а также ткань, орнаментированная полосками). Кроме того, горизонт 1 выявил остатки четырех тканых цветных узорных поясов.

Несмотря на то что коллекция текстильных находок из раскопа № 7 на территории Зарядья достаточно представительная и четко датируемая, она все же дает лишь самое небольшое представление об ассортименте тканей, о шитых, плетеных, вязаных, витых и валяных изделиях XIII–XV вв. и позволяет ответить только на отдельные вопросы, связанные с их изготовлением. Для фундаментальных выводов о бытовании текстиля на территории Москвы в Средние века необходимы новые находки.

Список литературы

Беляев Л.А. На старой дороге: работы 2015 года в Зарядье // Природа. 2019. № 3. С. 58–65.

Беляев Л.А. Новый адрес: Зарядье, раскоп № 7/2015 // Московское наследие. 2017. № 3 (51). С. 36–44.

Беляев Л.А., Гиппиус А.А., Зализняк А.А. Берестяная грамота Москва-4: результаты комплексного исследования // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2019. № 3 (77). С. 21–30.

Беляев Л.А., Савельев Н.И., Григорян С.Б. Раскопки в Зарядье (г. Москва) // Археологические открытия 2015 года. М.: ИА РАН, 2017. С. 117–121.

Елкина И.И. Текстильные находки и плетеные изделия // Археология Романова двора: предыстория

и история центра Москвы в XII–XIX вв. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12). М.: ИА РАН. 2009. С. 151–161.

Иерусалимская А.А. Словарь текстильных терминов. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2005. 95 с.

Нахлик А.А. Ткани Новгорода. Опыт технологического анализа // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1963. № 123. С. 228–313.

Walton P. Textiles, Cordage and Raw Fibre from 16–22 coppergate // The archaeology of York The small finds. 17/5. London, 1989. 474 p.

Wild J.P. Textiles in archaeology. Aylesbury, 1988. 68 p.

И.И. Елкина

Текстиль XIII–XV вв. из влажного культурного слоя московского Зарядья

Ключевые слова: Москва, Зарядье, Средневековье, археологический текстиль, ткань, плетение, вязание.

Аннотация: В ходе археологических работ на территории Зарядья в мокром слое темно-серой супеси, содержащей щепу и навоз, были обнаружены

фрагменты текстильных изделий XIII–XV вв. Изучение полученной коллекции показало широкое как по материалу, так и по способу изготовления разнообразие текстиля, бытовавшего в средневековой Москве.

I.I. Elkina

Textile of the 13th–15th centuries from the humid layer of Moscow Zaryad'e

Keywords: Moscow, Zaryadie, the Middle Ages, archaeological textile, netting, knitting.

Abstract: Fragments of textile products of the 13th–15th centuries were found in the process of archeological works in the humid layer of dark gray sandy loam

which contained wood chips and manure. Study of the collection obtained demonstrated variety of textile used in medieval Moscow and made by wide set of techniques and made of various materials.

О керамических кровлях Москвы рубежа XV–XVI веков¹

В начатой несколько десятилетий назад работе по выявлению оригинальных черт московской культуры есть зоны, ориентированные на отсутствие определенных культурных элементов. Эти своеобразные «аргументы от отсутствия» свидетельствуют о специфике в рецепции Россией наследия древних культур средиземноморского круга от древневосточных и классических до христианской и исламской. Чтобы привести пример не только археологического свойства, укажем на одну из ключевых точек в культурном коде — на театр: его до известной степени сохраняла Византия, но его нет на Руси. Так же как в репертуаре архитектурных композиций нет отдельно стоящих колонн и арок, безусловно, знакомых как элементы зданий. Все это войдет в русскую культуру только с преобразованиями Петра. Такие зоны в других областях, так же как вопрос о смысле и внутренних причинах таких делений, — тема для отдельной работы.

Есть, однако, элементы, которые принялись на новой почве и даже достигали известной широты распространения. Но при этом не были глубоко усвоены и через какой-то промежуток времени ушли на периферию или вовсе исчезли. Для них характерны, *во-первых*, ограниченные промежутки существования (так, антропоморфный саркофаг оставался главной формой захоронения знатных покойников два-два с половиной века); *во-вторых*, удивительное сходство с заимствованными (здесь это слово очень применимо) образцами; *в-третьих*, необъяснимость причин их конечного отторжения культурой (почему в середине XVII в. внезапно

откажутся от белокаменных антропоморфных саркофагов — совершенно непонятно).

К числу таких элементов относится черепица, история которой исключительно яркая модель временного и неглубокого усвоения.

В целом черепица относится к наиболее распространенным и крайне удобным, функционально оправданным строительным материалам. Она распространена настолько, что вопрос о едином или множественном источнике ее возникновения не только не решен, но, по сути дела, еще и не поставлен (хотя, при всех отличиях, черепица классического мира и Древнего Китая имеет и некоторые черты сходства). Черепицей покрывали здания по всей Евразии, от Португалии до Японии, по крайней мере, со времен Средневековья, а в большинстве случаев и раньше. Она хорошо известна классическому Средиземноморью, классической цивилизации и Древнему Востоку, ее зона простирается вплоть до Тихого океана. Крытые черепицей города занимают всю Западную Европу и значительную часть Восточной, буквально окружая Россию уже с момента ее зарождения в IX–X вв. Черепица прекрасно известна Византии (включая города Крыма, Малую Азию, приморский и горный Кавказ); ее будут использовать и в исламском мире (хотя в архитектуре, скажем, Болгара она не применялась и ее находки там неизвестны)².

Тем не менее археология практически не дает случаев проникновения черепицы в Древнюю Русь. В домонгольский период использовали только деревянные, металлические и, возможно, каменные (плитчатые) покрытия. И это при том, что Русь заимствовала строительную традицию целиком из Византии, где унаследованная от античности

¹ Статья подготовлена в рамках НИОКТР ААА-А-18-118021690056-7 «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи Великого переселения народов до Московской Руси — археологическое измерение».

² Благодарим В.Ю. Ковалева за своевременную справку.

черепица широко применялась как наиболее простой и дешевый кровельный материал³. Правда, черепица явно византийского облика использована при строительстве (или ремонте) Десятинной церкви в Киеве⁴. Были попытки увидеть ее и на сводах Софийских соборов XI в. (В.В. Суслов полагал, что на куполах Софии Новгородской им открыта аутентичная черепица; видели ее и на полоцкой Софии — но в обоих случаях она совсем поздняя)⁵. Черепица более поздняя, XIV–XV столетий, в Новгороде встречается только в связи с постройками на торговых дворах, Готском и Немецком, где ее появление явно связано со строительной традицией Северной Европы. Распространения она не получила. Что касается Владимиро-Суздальской Руси, то здесь черепица не была известна абсолютно, и наследники ее зодчества могли получить представление о таком кровельном материале только извне. Видимо, новый материал не прижился: на Руси его не применяли четыре столетия. И это при том, что очень близкие к черепице керамические строительные элементы, прежде всего плитки для пола, древнерусские мастера полюбили сразу и практически навсегда⁶.

Черепица же начнет распространяться только с русско-итальянского периода в строительстве Москвы, с конца XV и особенно XVI в. Правда, наука не слишком ею интересовалась, хотя этот материал по-своему очень заметен и в реставрационной практике часто обращает на себя внимание. Первую сводку подготовил еще Л.А. Давид, хотя опубликована она была только в начале XXI в.⁷ Отдельные случаи описали М.Б. Чернышев, Б.Л. Альтшуллер, С.С. Подъяпольский. Данные их записных книжек и отчетов, прежде всего по работам ЦНРПМ, собраны в удачно построенной сводке Е.Л. Хворостовой 2002 г.⁸ Туда включены и данные археологов, которые учитывали черепицу при раскопках, — их наблюдения ранее обобщил в известном своде московской керамики Р.Л. Розенфельд. Из богатых черепицей музейных собраний издана только коллекция Музеев Кремля, но фактически

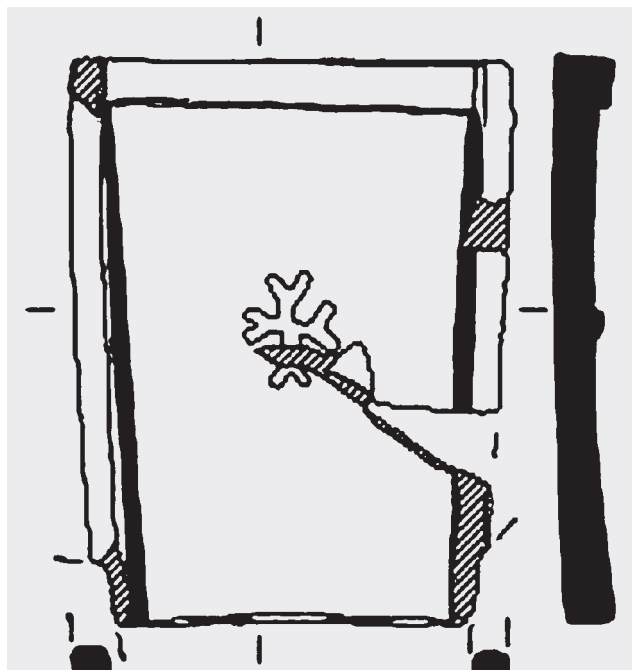

Рис. 1. Византийская лотковая черепица с крестом (МГОМЗ). КП 16077/11-и/8729. Рис. А.Д. Мусеева

без иллюстраций⁹. Тем временем постоянно увеличивается в объеме новый материал, собираемый при раскопках и реставрациях, который периодически публикуется.

Среди неизданных и фактически забытых материалов значительный массив образует черепица из коллекции МГОМЗ (в прошлом — музей «Коломенское»), начало которой положил еще П.Д. Барановский (рис. 1). Не менее важный резервуар сведений — учетные «анкеты» А.В. Филиппова. Инженер-технолог, художник и исследователь первой половины–середины XX в., он посвятил жизнь работе со строительной керамикой и, конечно, затронул черепицу. Его наследие отчасти приведено в известность¹⁰, однако работы по истории самых

³ Оустерхаут Р. Византийские строители / Пер. с англ. Л.А. Беляева. Киев; М., 2005. С. 160–161.

⁴ Каргер М.К. Древний Киев. М.; Л., 1961. Т. 2. Рис. 16; Виноградов А.Ю., Елшин Д.Е. Греческие клейма на черепицах Десятинной церкви // *Opus mixtum*. Київ, 2016. № 4. С. 113–121.

⁵ Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982; *Он же*. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. СПб., 1994. С. 101.

⁶ См. статью И.А. Сафаровой в настоящем сборнике.

⁷ Давид Л.А. Из научного наследия // *Реставрация и исследования памятников культуры*. М., 2001. Вып. 4. С. 5–33.

⁸ Хворостова Е.Л. Керамические покрытия кровель XV–XVII вв. (Москва и Московская область) // *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья*. Тверь, 2002. Вып. 4. С. 204–214.

⁹ Граценков А.В. Архитектурные детали и фрагменты сооружений XIV — начала XX века. М., 2010.

¹⁰ В ближайшем будущем материалы архива А.В. Филиппова, связанные с историей черепицы, в том числе его «паспорта» на отдельные находки, будут представлены в специальном исследовании. О других его работах см.: Баранова С.И. Реставрационная деятельность А.В. Филиппова // Академик Императорской Академии Художеств Николай Васильевич Глоба и Строгановское училище. М., 2012. С. 367–381; Беляев Л.А., Баранова С.И. У истоков изучения керамики средневековой Москвы: А.В. Филиппов, П.Н. Миллер, М.Г. Рабинович и другие // *Ученые и идеи: Тезисы докладов Международной науч. конф., Москва, 24–25 февраля 2015 г.* М., 2015. С. 10–11; Баранова С.И. Создание А.В. Филипповым технологического подхода в изучении русского изразца (по материалам личного архива) // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международной науч. конф.* Москва, 13–15 апреля 2017 г. М., 2017.

А. В. ФИЛИППОВЪ
МОСКВА, В. ПРАВАЯ, 7,
АРТЕЛЪ ХУДОЖНИКОВЪ-
ГОЩАГОВЪ „МУРАВА“.
ТЕЛ. 1-83-10.

Вопросы для собиранія матеріаловъ по
исторіи древне-русской керамики.

Отдѣль II: ЧЕРЕПИЦА.

Москва

1. Съ какого памятника? Рождественскій монастырь
2. Столѣтіе (или годы) постройки и покрытія черепицей? XVI в
3. Что покрывалось: шатеръ башни, колокольни? ворота, крыльцо, теремъ? куполь церкви, предѣла? постройка церковная или гражданская?
4. Общая площадь покрытія черепицей?
5. Покрыты ли были плоскости или кривая поверхность?
6. Форма крыши? Размѣры черепицы: высота 30 см; ширина 16,5-15 см; толщина 5,5 см (въ верхнахъ) — толщина черепицы 2 см
7. Количество черепицы на 1 кв. сажень?
8. Вѣсъ отдѣльной черепицы; вѣсъ нагрузки на 1 кв. саж.
9. Есть ли изогнутость на черепицѣ? Въ какомъ направленіи?
10. Способъ установки: какой подстилъ (кирпичъ, дерево) есть ли дырки, гвозди?
11. Примѣняются ли „стрѣлки“ на углахъ (черепица валиками, углами, „коньки“)?
12. Терракотовая черепица или поливная?
13. Цвѣтъ черепка: красный, свѣтлый? черный
14. Форма черепицы.
15. Цвѣтъ поливы? Вѣсь ли черепицы одного цвѣта? или двухъ? Какой цвѣтъ преобладаетъ?
16. Формы, размѣры и окраска „стрѣлок“?
17. Характеръ поливы: непрозрачная эмаль? просвѣчивающая глазурь? Есть ли металлическіе отблески?
18. Есть ли на поливѣ цѣкъ (кракле)?
19. Сохранность черепицы: а) черепка в) поливы
20. Нѣтъ ли слѣдовъ реставраціи: перестановки черепицы? замѣны части покрытія новой? закраски холоднымъ способомъ?
21. Гдѣ въ настоящее время находится? А. В. Филипповъ передалъ в Лабораторію керамики АА СС СР.

Время и мѣсто описи. 15. X. 1944. Получена от архива А. С. Фурфасва

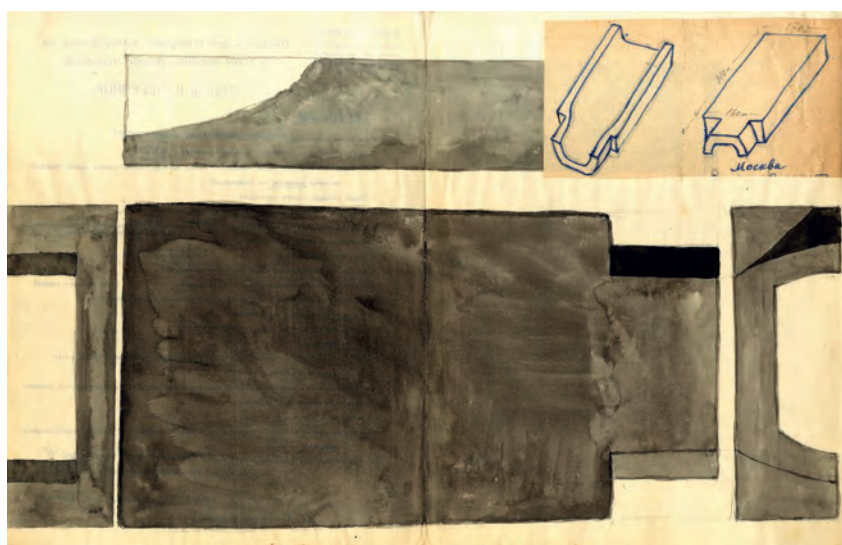

Рис. 2. Лотковая черепица из Рождественского монастыря в Москве: паспортный лист и обмерный рисунок из архива А.В. Филиппова.

массовых материалов (кирпич, черепица) до сих пор мало изучались. В их числе не только выписки из документов и наброски текстов, но и подробно фиксирующие отдельные экземпляры паспорта (листы с анкетным формуляром и масштабными изображениями предметов) (рис. 2, 3). Следует отметить, что после этих «вопросников» в археологии и реставрации возобладало представление, что черепицу следует учитывать обобщенно, как массовый материал. На самом деле внимательное изучение каждого (особенно целого) экземпляра как индивидуальной находки не менее плодотворно, поскольку со временем обещает возможность построить серии не просто однотипных, но вышедших из одних и тех же «ящичков» предметов (отдаленный аналог — монетный чекан, позволяющий выстраивать цепочки изделий, отмеченных одним штампом, вернее, одной из двух его половин).

Привлечение конкретных материалов позволяет рассмотреть историю черепицы на Руси с гораздо большей уверенностью.

Как известно, по форме черепица делится на две большие группы: плоская и лотковая, а по материалу — на красноглиняную, мореную (черную или серебристо-серую) и поливную. Сосредоточимся на вопросах: где обнаруживается первая черепица Москвы? когда и каким путем она сюда проникла и в каких формах?

Более полувека назад полагают, что древнейшая черепица

С. 74–75; *Она же*. Керамическая установка. По материалам архива и коллекций А.В. Филиппова / [концепция изд.: С.И. Баранова и др.; рук. проекта и науч. ред. С.И. Баранова; авт. колл.: С. Баранова, А. Броницкая, Е. Гаспарова, А. Лаврентьев, А. Трощинская]. М., 2017; *Она же*. Проект выставки художественной архитектурной керамики в Москве, 1934–1935 гг.: по материалам архива А.В. Филиппова // Вестник РГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 8. С. 83–99.

в Москве появилась на сводах памятников, построенных местными или псковскими мастерами. Она была плоской (дощатой), мореной с лощением¹¹ и фиксировалась на храмах посада Москвы (церкви Сретения на Поле; св. Анны в Углу в Китай-городе; св. Николы в Мясниках; св. Антипия на Колымажном дворе, св. Никиты за Яузой) и окрестных сёл (св. Трифона в Надпрудном, в с. Юркино), а также окрестных городов (церковь на Городище под Коломной). Именно такая черепица в ряде случаев была открыта непосредственно на кирпичных сводах, где была уложена на раствор и прибита гвоздями «внахлест». Обычно полагали, что эти покрытия появились в 1480-х гг., поскольку именно этим временем датировали сами храмы (например, рис. 4).

Черепица лотковой (коробчатой) группы, красного и, возможно, черного обжига, была вскоре открыта в Кремле и связана с русско-итальянскими постройками (дворец, Архангельский собор), т.е. могла появиться в конце XV — начале XVI в.¹² (рис. 5). К этим находкам добавились недавно переотложенные экземпляры, полученные при раскопках на месте зданий приказов конца XVI — XVII в., но на датировку и атрибуцию это не повлияло (рис. 6).

Если же говорить о дощатой чернолощеной черепице, то ее датировка в Москве равным образом зависит от общих представлений, во-первых, о развитии гончарства, а во-вторых, о хронологии архитектурных памятников.

¹¹ Лабораторные исследования А.В. Филиппова доказали использование местной «черепичной» (?) или красной гончарной глины с лощением до обжига, которая при морении давала черно-серый цвет.

¹² Меркелова В.Н. К реконструкции фасадов Архангельского собора // Искусство Москвы периода формирования Русского централизованного государства. (Материалы и исследования / Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 3). М., 1980. С. 76–86.

А.В.ФИЛИППОВЪ
МОСКВА, в. ПРЪСНИ, 7.
АРХЕЛЪ ХУДОЖНИКОВЪ-
ГОНЧАРОВЪ „МУРАВА“.
ТЭЛ. 1-33-10.

Вопросы для собиранія матеріаловъ по
исторіи древне-русской керамины.

Отдѣль II: ЧЕРЕПИЦА.

Москва

1. Съ какого памятника? церковь Николая в Мясниках.
2. Столѣтіе (или годы) постройки и покрытія черепицей? XVI в. (?)
3. Что покрывалось: шатеръ башни, колокольни? ворота, крыльцо, теремъ? куполъ церкви, предѣла? постройка церковная или гражданская?
4. Общая площадь покрытія черепицей?
5. Покрыты ли были плоскости или кривая поверхность?
6. Форма крыши? Размѣры черепицы: высота 248; ширина 80-157; толщина 28-35 мм (въ вершкахъ).
7. Количество черепицы на 1 кв. сажень?
8. Вѣсъ отдѣльной черепицы; вѣсъ нагрузки на 1 кв. саж.
9. Есть ли изогнутость на черепицѣ? Въ какомъ направленіи?
10. Способъ установкы: какой подстилъ (кирпичъ, дерево) есть ли дырки, гвозди?
11. Примѣняются ли „стрѣлки“ на углахъ (черепица валиками, углами, „коньки“)?
12. Терракотовая черепица или поливная?
13. Цвѣтъ черепка: красный, свѣтлый? Мореный в серо-серый цветъ.
14. Форма черепицы.
15. Цвѣтъ поливы? Вѣсь ли черепицы одного цвѣта? или двухъ? Какой цвѣтъ преобладаетъ?
16. Формы, размѣры и окраска „стрѣлокъ“?
17. Характеръ поливы: непрозрачная эмаль? просвѣчивающая глазури? Есть ли металлическіе отблески?
18. Есть ли на поливѣ цѣкъ (кракле)?
19. Сохранность черепицы: а) черепка в) поливы
20. Нѣтъ ли слѣдовъ реставраціи: перестановкы черепицы? замѣны части покрытія новой? закраски холоднымъ способомъ?
21. Гдѣ въ настоящее время находится? Гос. Музей в Коломенскомъ.

Время и мѣсто описи. 25. V. 1946.

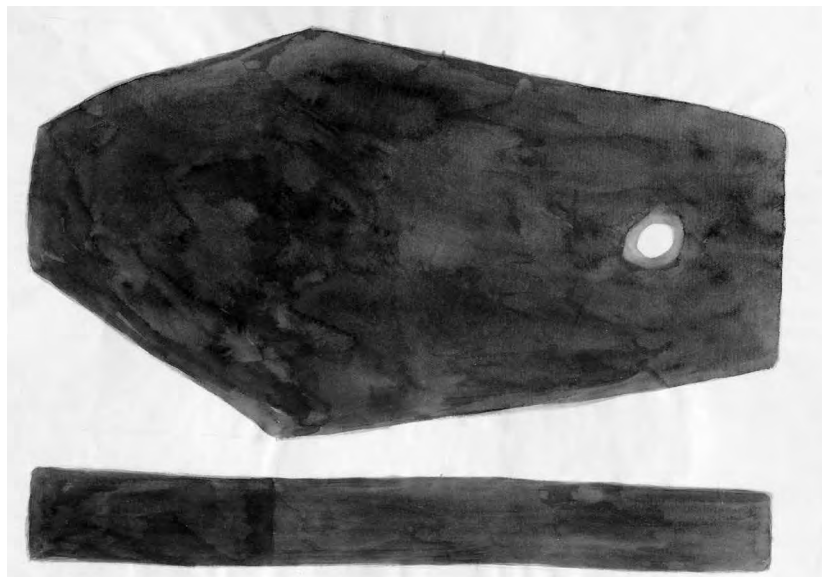

Рис. 3. Плоская черепица из церкви св. Николая в Мясниках (Москва): паспортный лист и обмерный рисунок из архива А.В. Филиппова.

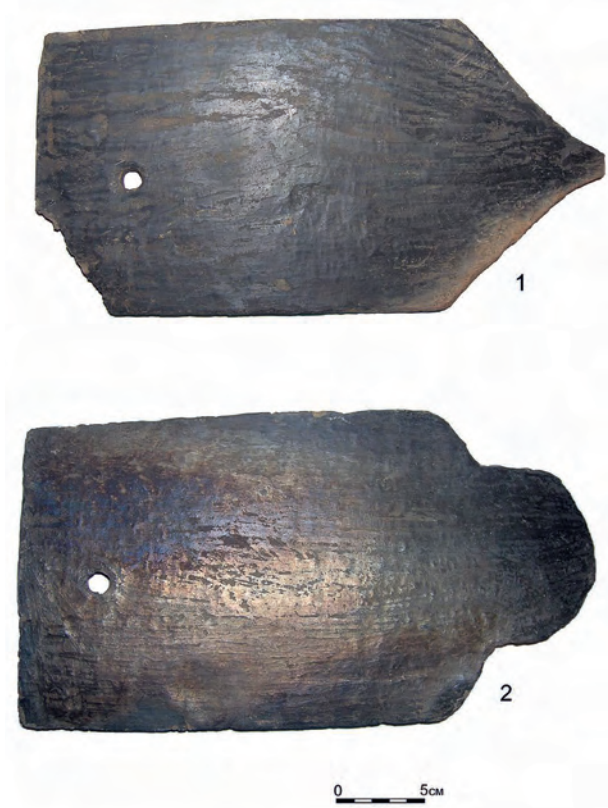

Рис. 4. Плоская чернолощенная черепица XVI–XVII вв. из Алексеевского Зачатьевского монастыря. Раскопки 2004–2010 гг. под руководством Л.А. Беляева.

Рис. 5. Виды черепицы, обнаруженной при реставрации Архангельского собора Московского Кремля (по: Меркелова В.Н. К реконструкции фасадов...).

Рис. 6. Лотковая черепица (красного обжига и мореная) из раскопа в Кремлевском сквере в 2019 г. Фрагменты тегул и имбрексов.

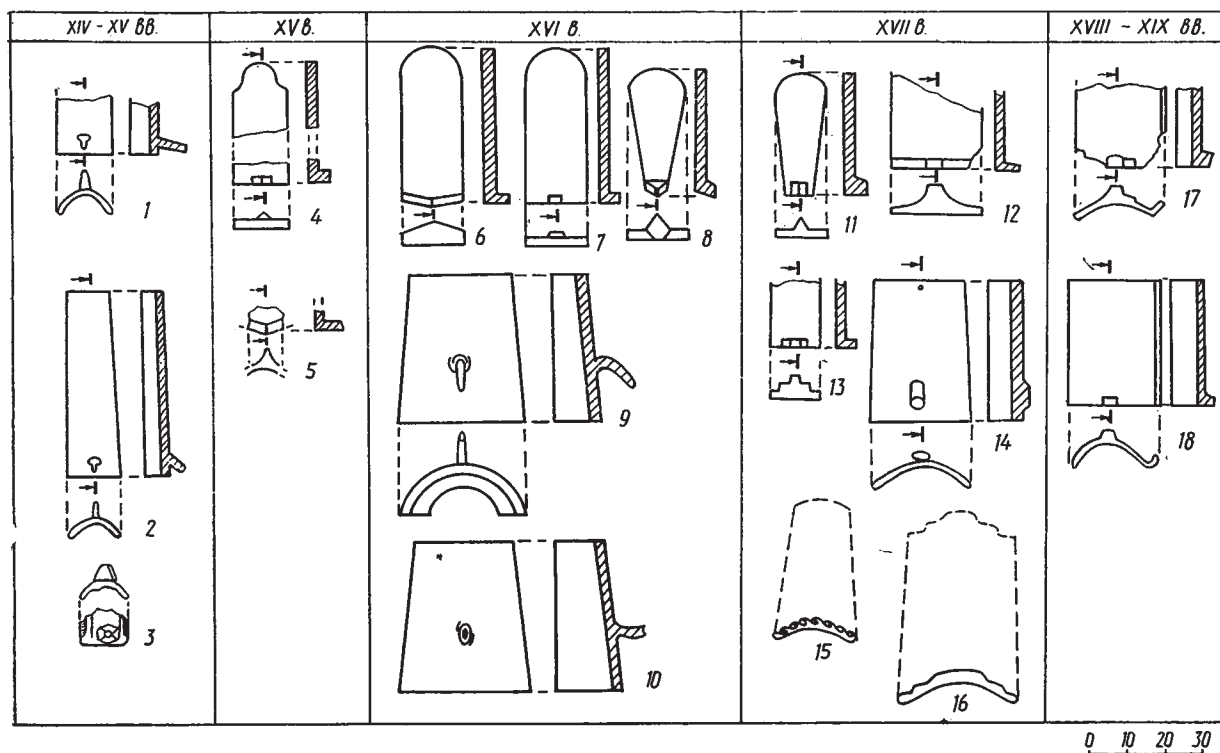

Рис. 69. Основные типы белорусской черепицы XIV—XVIII вв. 1 — фрагмент полуциркулярной черепицы XIV в. Новогрудок (раскопки М. В. Малевской); 2 — полуциркулярная черепица конца XIV — начала XV в. Лидский замок (реконструкция); 3 — фрагмент полуциркулярной черепицы конца XIV — начала XV в. Кревский замок; 4 — фрагмент черепицы «бобровый хвост» XV в. Гродно. Пречистенская церковь (раскопки И. М. Чернявского); 5 — фрагмент полуциркулярной черепицы со следами зеленой поливы. Костел в Ишкольди. Конец XV в.; 6—8 — черепица первой половины XVI в. Мирский замок; 9—10 — коньковая готическая черепица первой половины XVI в. Мирский замок (реконструкция Д. С. Бубновского); 11 — черепица начала XVII в. Замок в д. Гольшаны (раскопки И. М. Чернявского); 12 — плоская черепица XVII в. Мирский замок; 13 — плоская черепица XVII в. со сложнопрофилированным крепежным шипом. Минск (раскопки В. Е. Соболя); 14 — чернолощенная коньковая черепица XVII в. Гродно. Бригитский костел; 15 — коньковая черепица XVII в. Минск. Петропавловская церковь; 16 — коньковая черепица XVII в. Гродно. Бригитский костел; 17 — волнистая черепица XVIII в. Мирский замок; 18 — волнистая черепица XIX в. Пружанский р-н, Брестская обл.

Рис. 7. Типы литовской и белорусской черепицы XV–XVII вв.
(по: Трусов О.А. Памятники монументального зодчества Белоруссии...)

Согласно первым, технология морения в местных мастерских распространится не ранее начала второй четверти и даже второй трети XVI в.¹³ Правда, именно для черепицы (поскольку она связана с памятниками 1480-х–1500-х гг., в работах на которых принимали участие псковичи)

можно допустить более раннее проникновение этой технологии.

Что касается истории зданий, то твердо опираться на нее еще сложнее. В хронологии архитектуры для этого периода даты крайне ненадежны. В 1950-х–1970-х гг. перечисленные выше небольшие белокаменные храмы датировали существенно раньше, разница составляет от четверти до половины столетия, и, скажем, церкви Анны в Углу и Трифона в Надпрудном сегодня вполне обоснованно относят

¹³ Коваль В.Ю. Московская чернолощенная посуда // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. М., 2019. Вып. 15. С. 383–400.

к первой четверти или трети XVI в., а не к 1480-м гг.¹⁴ Кроме того, кровлю, как известно, приходится время от времени менять, и на долго живущих зданиях сохраняются обычно именно последние покрытия.

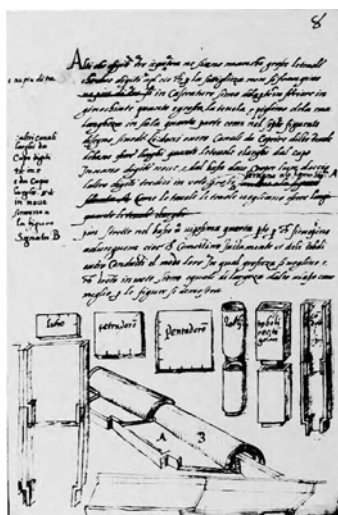
Стоит отметить и существенные подвижки, которые произошли в датах керамических материалов (прежде всего кирпича) в сторону омоложения. В массе своей они сдвинуты туда же, в первую треть XVI в. и даже позднее (например, «алевизовский маломер» сейчас в основном относится к строительству эпохи Ивана Грозного).

Интересно, что меняется и вектор заимствования технологии и формы. В Пскове и на территориях Ордена, а также в Литве и Белоруссии черепица известна раньше, по крайней мере с XIV в., но она полукруглая в разрезе или плоская (последняя — всегда с шипом, который в московской черепице появится только в конце XVII в.). Кроме того, она красноглиняная или поливная, но не чернолощенная (такая появится только в XVI в.)¹⁵ (рис. 7).

Говоря короче, пока нет особых оснований относить первые чернолощенные черепичные «доски» к XV в., хотя бы и к последним десятилетиям. Нет и уверенности в том, что ее появление как-то связано с Северо-Западом (Псков, Новгород). Вполне вероятно, что, как в случае с мореной посудой, за появлением черепицы стоит взятие Смоленска или иной импульс непосредственно из Западной Европы, где плоская черепица хорошо известна в чешуйчатых покрытиях, в том числе в Италии (круглые черепицы кровли мастера Санти ди Микеле Буглиони для купола церкви Мадонны ди Сан-Бьяджо в Монтепульчано 1544 г. — впрочем, поливные).

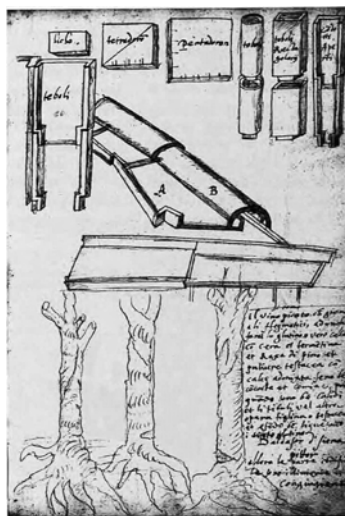
¹⁴ Подробнее об этом см.: Баталов А. Л. Утрата историчности: полемика о дате Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря // Искусствознание. 2020. № 4. С. 172–193.

¹⁵ Трусов О. А. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI–XVII вв.: Архитектурно-археологический анализ. Минск, 1988. С. 122–128.

18. Erste Kopie von Peruzzis Traktat-Entwurf, Illustration von Ziegelformen zum vierten Kapitel des ersten Buches. Wien, Österreichische Nationalbibliothek, Cod. 10873, 8r
Beischriften: lido, tetradoro(n), pentadoro(n), taboli, taboli recti (n) gulari, col (n) dotti apti (n) li A, B.

Рис. 8. Размеры кирпича и способы сборки кровли из тегул и имбрексов. Лист 8r из Трактата Балдассаре Перуцци (no: Günther H. Ein Entwurf Baldassare Peruzzis für ein Architecturtraktat...).

21. Kopie von Peruzzis Traktat-Entwurf, Illustrationen von Ziegelformen und Baumfällen zum ersten Buch. Wien, Österreichische Nationalbibliothek, Cod. 10935, 7r

Рис. 9. Размеры кирпича и способы сборки кровли из черепицы. Лист 7r из Трактата Балдассаре Перуцци (no: Günther H. Ein Entwurf Baldassare Peruzzis für ein Architecturtraktat...).

В отношении же лотковой (коробчатой) черепицы кремлевских зданий ситуация выглядит иначе. Эта версия кровли имеет античную традицию, которая была переосмыслена в эпоху Ренессанса в рамках общего движения витрувианцев, в том числе в архитектурных трактатах XV–XVI столетий. В них, как известно, обсуждались не только вопросы построения планов или декорирования фасадов — речь шла в первую очередь о технологии строительства, в том числе о кирпиче и черепице. Известен даже набросок трактата (приписывается Бальдассаре Перуцци, несет явный налет римского антикваризма), к которому сделаны уникальные таблицы, представляющие пропорции и формы архитектурной керамики¹⁶. Пропорциональный ряд кирпичей сопровождается рисунком сочленений круглых и квадратных в сечении труб, а также лотковой черепицы «с носиком», включая и показ способа ее продольной укладки с перекрытием стыков полукруглыми черепицами (тегулами) (рис. 8, 9).

Трактат различает, «по Витрувию», кирпич «греческий», вытянутых пропорций (в два квадрата — *lido*), и римский, т.е. квадратный. Указываются его размеры в древности (четыре и пять «ладоней» — тетрадорон и пентадорон, по-русски можно сказать «четыревершковый» и «пятивершковый» кирпич). Показана разметка этих долей, а также диагональ квадрата; даны указания по сушке и поддержке кирпича, по зависимости размеров от качества отмечена нежелательность слишком крупного кирпича (достигающего девяти ладоней и даже более) как более хрупкого.

¹⁶ Günther H. Ein Entwurf Baldassare Peruzzis für ein Architecturtraktat. Für Christof Thoenes zum 60. Geburtstag // Römisches Jahrbuch der Bibliotheca Hertziana. Bd. 26. Roma, 1990. S. 135–170; Беляев Л. А. Наброски по археологии Ренессанса в России XVI века // Археология художественного видения: художественно-исторические контексты. М., 2019. С. 212–234.

В Москве все это напоминает, во-первых, о внедрении Фиораванти (Fiorgovanti) кирпича «правильных» пропорций, который поразит москвичей вытянутостью (28 × 12 × 6,5 см)¹⁷, а во-вторых, об огромных кирпичах в кладках собора Покрова на Рву, в длину достигавших как раз 9–10 «ладоней»¹⁸.

Рисунки черепичного покрытия и комментарии к нему явно рождены современной итальянской практикой. Рекомендуется, в частности, для плоских лотковых тегул (*toboli*) оставлять суженное «колени» в четверть всей длины черепицы — им она будет вставляться в прямую тыльную часть следующего лотка; нежелательно делать тегулы слишком длинными (пропорция должна быть близка 2:1, при высоте бортика в четвертую часть ширины); нужно точно вдвигать узкие оконечности в широкие и тщательно перекрывать боковые стыки тегул полукруглыми в сечении, конусообразно суженными имбрексами (*canali*); приводится наилучшее соотношение широкого и узкого диаметров каналов (13:9, но известна и иная пропорция: 8,5/9,0:4,5/5,0, достаточно распространенная); длина лотков тегул (тоболи) и каналы (имбрексов) должна быть одинаковой; на поворотах и стыках нужно стесать края лотков под углом, близким к 45°. При соблюдении этих правил, заверяет трактат, черепица может перекрыть как угодно большую кровлю.

Такого экскурса в известных версиях «Витрувия» нет. Несомненно, мастер Возрождения описал свой практический опыт в достаточно сложном и точном техническом рисунке, поразительно похожем на реконструкцию, предложенную в 1970-х гг. Б.Л. Альтшуллером¹⁹, но известную и в массе других вариантов (рис. 10). Полагаем, что придется статистически анализировать пропорции известных в Москве черепиц, чтобы сравнить их с рекомендациями итальянского *trattato* и, возможно, получить представление о развитии московской черепицы во времени.

Отметим особо, что в Москву новая форма кровли пришла не из Византии (скажем точнее,

Рис. 10. Натурная реконструкция кровли из черно-лащенной лотковой черепицы XVI–XVII вв. Кириллов Белозерский монастырь, музейная экспозиция.

не из Крыма, не из Феодорб или Херсонеса)²⁰. Там она, конечно, известна, но в очень упрощенных вариантах, далеко ушедших от солидных произведений керамической индустрии Греции и Рима, имевших изощренные и проработанные формы с изгибами, закраинами, шипами и подчас рельефным декором. Московская ранняя черепица на крымскую похожа очень мало.

Зато общий набор форм черепицы поразительно точно совпадает в Москве и в Западной Европе, где эти наборы широко распространены и удерживаются до XVIII–XIX вв. Хороший пример — черепица кантона Во на западе Швейцарии²¹, но можно найти и массу других (рис. 11).

Можно ли уверенно утверждать в силу изложенного, что черепичное покрытие пришло в Московское великое княжество не из Восточной

¹⁷ За Спасо-Андрониковым монастырем, в районе нынешнего Калитниковского кладбища, у залежей глины были построены кирпичные печи: «И кирпичную печь доспе за Андроньевым монастырем в Калитникове, в чем ожигати и как делати, нашего рускаго кирпича уже да продолговатее и тверже...» (ПСРЛ. М., 2001. Т. 6. Вып. 2. Стб. 220–221).

¹⁸ Кирпичи обнаружены при раскопках вокруг собора (Беляев Л.А., Капитонова М.А., Чернов С.З. Археологические раскопки у храма Покрова Богородицы на Рву (собор Василия Блаженного) в Москве // Археологические открытия 2005 года. М., 2006. С. 114–117).

¹⁹ Альтшуллер Б.Л. Некоторые вопросы восстановления керамических покрытий XVII века // Теория и практика реставрационных работ. Сб. 3. М., 1972. Повторно: Из творческого наследия архитектора-реставратора Б.Л. Альтшуллера. Статья, воспоминания современников. М.: Новый хронограф, 2013. С. 178–187.

²⁰ См., например: Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры М.; Л., 1959. Рис. 158, 172.

²¹ Grote M. Les tuiles anciennes du Canton de Vaud. Avec une contribution de Jacques Morel. Les tuiles canal cisterciennes de l'église Notre-Dame de Bonmont. Lausanne, 1996 (Cahiers d'archéologie romande N° 67).

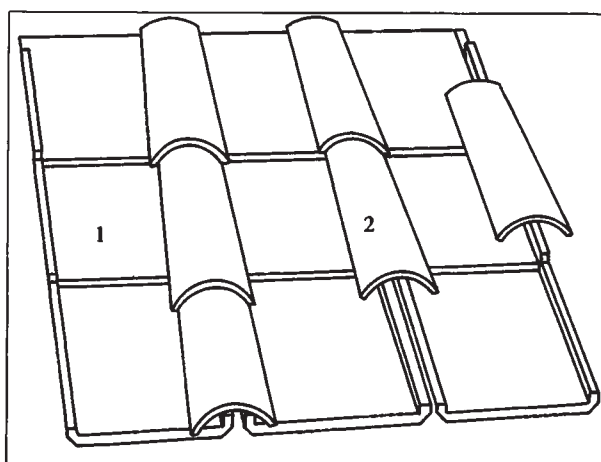

Рис. 11. Простейшая схема покрытия римской кровли тегулами и имбрексами (по: Grote M. *Les tuiles anciennes du Canton de Vaud...*).

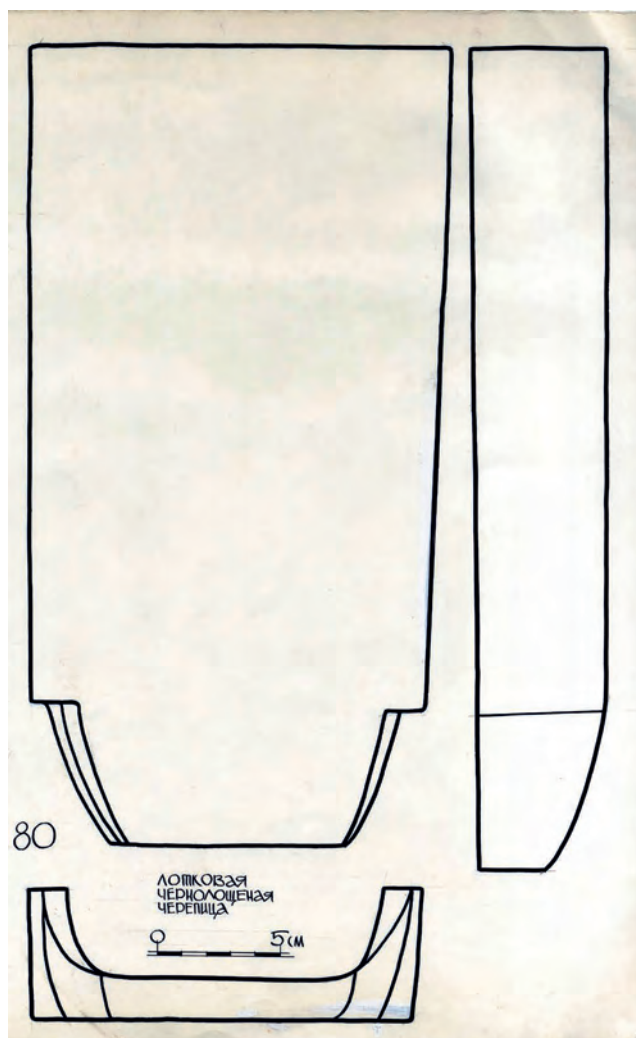

Рис. 12. Лотковая чернолощенная московская черепица XVII в. Москва, Казанский собор на Красной площади, 1636 г. Раскопки 1989 г.

Европы, не из поствизантийских, итальянских, армянских или татарских поселений Крыма и не из городов Золотой Орды, — с ним познакомили москвичей инженеры-итальянцы? Для них черепица была в то время уже не просто бытовой строительной традицией, сохранившейся со времен Средневековья, — ее переосмыслили в духе ренессансного, витрувианского подхода и воспринимали (что удивительно — совершенно верно!) в качестве наследия классической культуры, к которому следует вернуться на новом уровне. Это объясняет как высокое качество первоначальной красной и черной черепицы зданий Кремля, так и еще более сложные конструктивно и точно следующие «Витрувию» чернолощенные лотковые изделия, заполняющие слои XVI–XVII вв. (рис. 12).

Конечно, с точки зрения археологических источников предложенная здесь схема нуждается в дополнительной проработке. Нужно убедиться в том, что Древняя Русь периода расцвета действительно черепицей не пользовалась и что примеров более ранних, чем последняя четверть XV в. (находок черепицы в городах Волго-Окского междуречья) нет. А.Б. Мазуров привел сведения о находке краснолощенной плоской черепицы в слоях конца XIV — XV в. на Соборной площади Коломны²². Ее соотнесли с Успенским собором, но ни в его собственных слоях, ни на других памятниках города такая черепица не представлена, встречается лишь чернолощенная или поливная (рис. 13).

Важно также обозначить судьбу черепицы в зодчестве Руси XVI–XVII вв. и более позднего времени — ведь именно это определяет ее место в истории русской материальной культуры. Отметим, что применение черепицы, несмотря на ее сравнительную распространенность, в Московский период истории было сведено к использованию на каменных зданиях, и прежде всего на храмах. Она не только служила защитой от дождя и снега, но и украшала здание, а выделяя его из застройки, повышала его статус. На деревянных, и особенно жилых, постройках, не говоря уже о хозяйственных, черепица не встречается никогда (об этом спорили, впрочем, в конце XIX — начале XX в.).

С переходом русской культуры через рубеж Петровских преобразований черепица должна была бы необычайно распространиться, поскольку в число ее значений входит маркировка зданий европейского типа. Однако этого не случилось: новые формы черепицы, двояковогнутые, с выступающим

²² Мазуров А.Б. Архитектурно-археологические исследования в Коломне (1947–1984 гг.) // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2019. № 1 (33). С. 37. Мы обсудили этот вопрос с автором и удостоверились, что четкой стратиграфической связи между собором и находками черепицы нет. Благодарим Алексея Борисовича за эту консультацию.

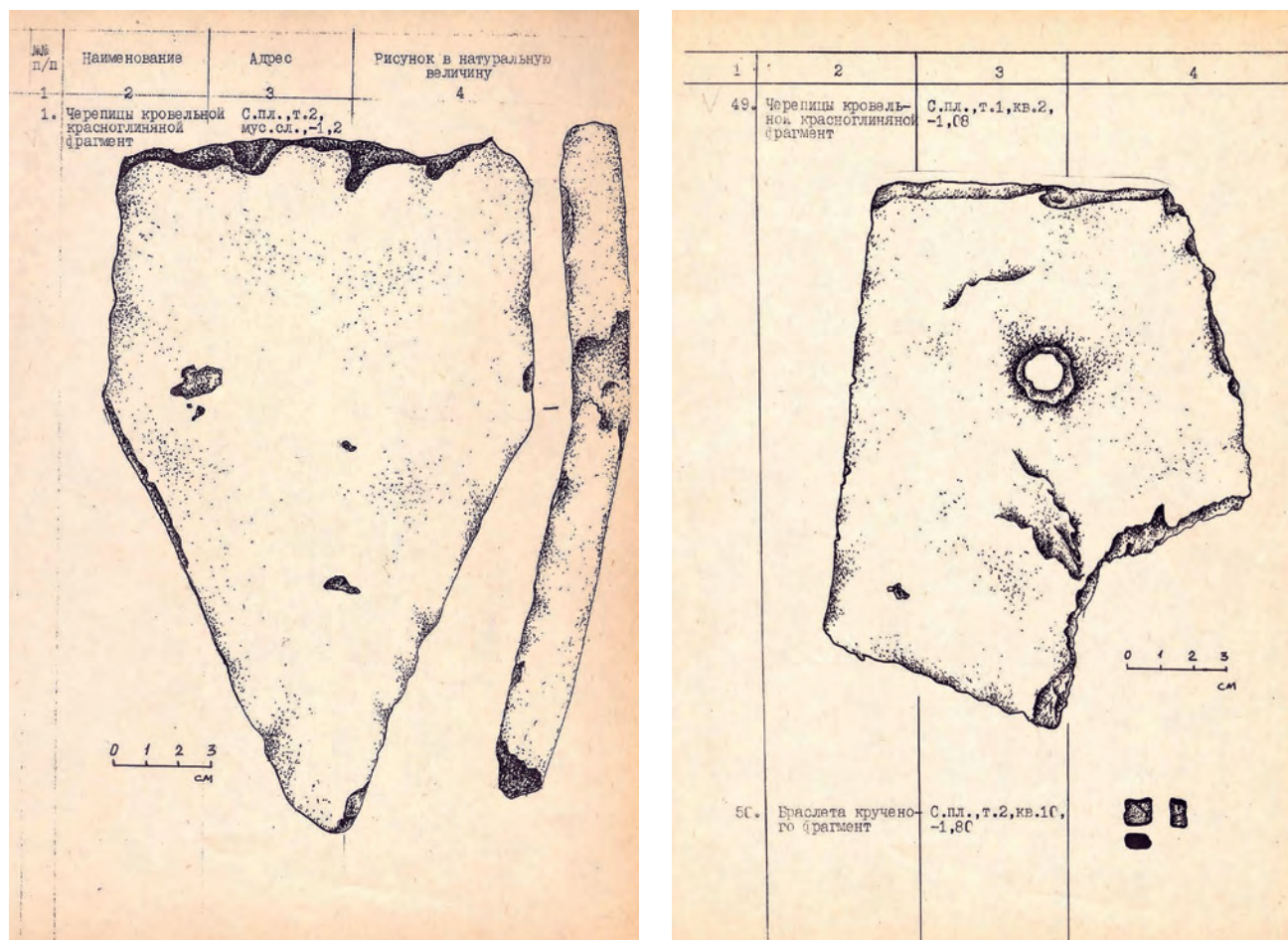

Рис. 13. Два фрагмента плоской красноглиняной черепицы. Коломна, раскопки на Соборной площади (по: Мазуров А.Б. Архитектурно-археологические исследования в Коломне (1947–1984 гг.)...)

зубом, действительно западные по происхождению, встречаются в слоях городов совсем не так часто, как ожидается. И это при том, что ими действительно покрывают не только своды и главы храмов, но и кровли домов, и в Россию их завозили в том числе из Западной Европы морем²³. Постепенно сходит на нет и черепица обычных форм XVI–XVII вв.²⁴

²³ Об этом свидетельствуют многие письменные источники, в том числе трактаты (Аркин Д.Е. Русский архитектурный трактат-кодекс XVIII века. Должность архитектурной экспедиции. Проект Указа императрицы Елизаветы Петровны // Архитектурный архив. М., 1946. Вып. 1), а также материалы раскопок в Санкт-Петербурге (в Большом дворе Зимнего дворца до 1730–1731 гг.; во дворах Эрмитажа, Главного Штаба, Зимнего дворца Петра I (после 1785 г. Эрмитажный театр) и др. (Реброва Р.В. Проблемы отбора массовых находок XVIII — начала XX в. в музейную коллекцию (на примере фонда Санкт-Петербургской археологии Государственного Эрмитажа) // Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. М., 2020. С. 363–370).

²⁴ В Санкт-Петербурге корочатая черепица уже не используется — ее нет среди находок, только плоская и желобчатая (Реброва Р.В. Проблемы отбора...). Видимо,

Так что, когда Василий Баженов решает сделать крыши дворца в Царицыне «золотыми», ему приходится чуть ли не заново создавать производство желто-коричневатой поливной черепицы. Эта акция останется локальным эпизодом, и возвращения черепицы придется ждать до современности, когда она окажется актуальной в основном для частного строительства.

Обратившись к теме черепицы, мы с удивлением обнаружили, что сходную с нами позицию недоумения по поводу того, как неохотно (вернее сказать, выборочно) использовали черепицу на Руси и в России, высказывали уже в XVIII в. (Яков Штелин), а в конце XIX — начале XX в. художники-технологи, работавшие в строительстве, такие как уже упоминавшийся выше Алексей Васильевич Филиппов (достаточно напомнить о его докладах

ее действительно не употребляли в Северной Европе ни в XVIII, ни в XIX в. — во всяком случае, ее нет в примерах печатного «патента» о пользе черепицы, созданного уже в советское время («Достоинства Глиняной Черепицы», 1919 г., экземпляр из архива А.В. Филиппова).

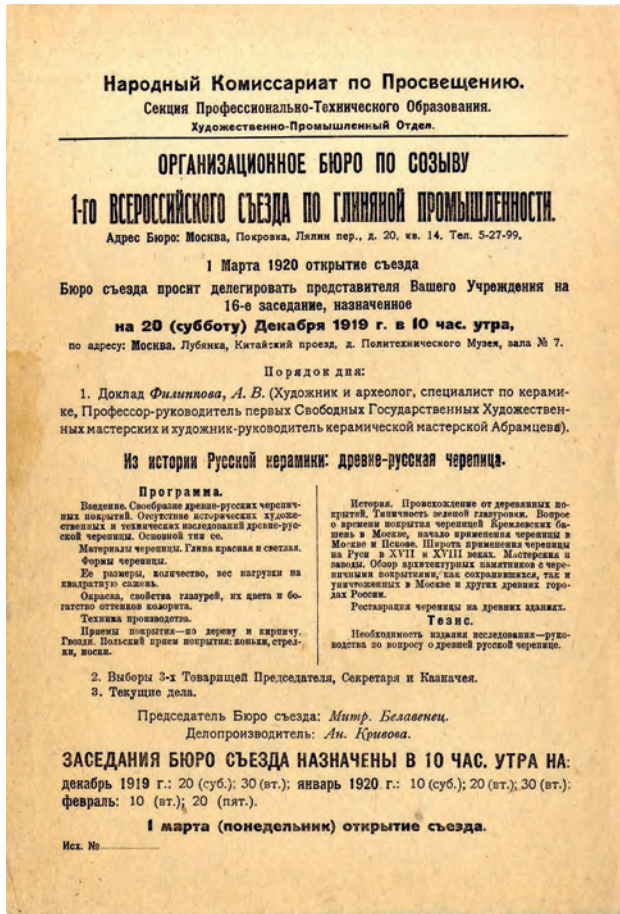

Рис. 14. Афиша к докладу А.В. Филиппова об истории черепицы на заседании оргбюро по подготовке I Всероссийского съезда по глиняной промышленности 1920 г.

Рис. 15. Лист патента М.И. Белавенца «Достоинства черепицы». Пг., 1919 г. Из архива А.В. Филиппова.

по истории и практике черепичного дела; рис. 14) и энтузиаст гончарного производства в строительстве Митрофан Иванович Белавенец (1874 — после 1934). Важность черепицы, ее достоинства как кровельного материала им пришлось заново доказывать русским строителям еще в 1920-х–1940-х гг. (нужно сказать, без большого успеха). Впрочем, тема исследования древней черепицы и внедрения ее в производство советского периода заслуживает отдельной разработки, и здесь мы на ней подробно не останавливаемся. Обратимся к выводам.

Трудно понять, почему древнерусское зодчество практически не использовало черепицу. А также и то, почему в Новое время от нее снова отказались, довольствуясь эпизодическим применением и видя в ней чуть ли не инвенцию. Но это зияние, безусловно, значимо. Период Московского царства оказывается единственным в истории Руси/России, когда черепица будет устойчиво распространяться и на два столетия станет важным элементом архитектуры, еще одной чертой *московскости*. Следует

отметить и прямое влияние здесь развитой европейской традиции, своего рода конвергенцию, течение которой будет нарушено, как ни странно, именно Петровской строительной революцией. Провал XVIII–XIX вв. показателен и, возможно, знаменует отказ не от «западного» элемента, а от уже укорененной в местном московском строительстве традиции, европейский характер которой не считается. Характерно, что к этому времени «античные» формы лотковой черепицы уже уходят из практики, и таблица ее типов, предлагавшихся М.И. Белавенцом как наиболее практичных, их не включает (рис. 15).

Таким образом, изучение искусственных кровельных материалов, на первый взгляд узкоспециальное и соотносимое с историей техники, важно в отношении культурно-художественном и семантическом. Это один из маркеров культурного круга. Черепица распространена не повсеместно, но связана с определенными областями древних цивилизаций, в нашем случае — с античным Средиземноморьем.

В Греции и Риме она входила в круг терракотовой отделки храмов, несла прямую иератическую нагрузку, что отчасти понимали в эпоху Ренессанса. Ареал распространения черепицы очень точно перекрыл зону западной цивилизации, охватив к XIV в. страны к северо-западу от России (Германия, Нидерланды, чуть позже Балтия). На юго-востоке «западная» черепица дошла до Причерноморья и Поволжья, где средиземноморская традиция встретилась с дальневосточной, берущей начало в Китае, но принесенной

в Дешт-и-Кыпчак монгольским завоеванием. Московия на этой «черепичной карте» оставалась до конца XV в. белым пятном, что ярко характеризует ее вынужденный и временный отказ от классического наследия, а также возвращение к нему благодаря вторичному приобщению к итальянской архитектурной традиции в эпоху Ренессанса. Черепица стала важным в эстетическом и отчасти семантическом отношении знаком усвоения московскими зодчими этой традиции.

Список литературы

- Альтшуллер Б.Л. Некоторые вопросы восстановления керамических покрытий XVII века // Теория и практика реставрационных работ. Сб. № 3. М.: Стройиздат, 1972. С. 39–46.
- Аркин Д.Е. Русский архитектурный трактат-кодекс XVIII века. Должность архитектурной экспедиции. Проект Указа императрицы Елизаветы Петровны // Архитектурный архив. М.: Изд-во Академии архитектуры, 1946. Вып. 1. С. 7–100.
- Баранова С.И. Керамическая установка: По материалам архива и коллекций А.В. Филиппова / [Концепция изд.: С.И. Баранова и др.; рук. проекта и науч. ред. С.И. Баранова; авт. колл.: С. Баранова, А. Броновицкая, Е. Гаспарова, А. Лаврентьев, А. Трощинская.] М.: Эксмо, 2017. 471 с.
- Баранова С.И. Проект выставки художественной архитектурной керамики в Москве, 1934–1935 гг.: По материалам архива А.В. Филиппова // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 8. С. 83–99.
- Баранова С.И. Реставрационная деятельность А.В. Филиппова // Академик Императорской Академии Художеств Николай Васильевич Глоба и Строгановское училище. М.: Индрик, 2012. С. 367–381.
- Баранова С.И. Создание А.В. Филипповым технологического подхода в изучении русского изразца (по материалам личного архива) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международной науч. конф., Москва, 13–15 апреля 2017 г. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 74–75.
- Баталов А.Л. Утрата историчности: полемика о дате Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря // Искусствознание. 2020. № 4. С. 172–193.
- Беляев Л.А. Наброски по археологии Ренессанса в России XVI века // Археология художественного видения: художественно-исторические контексты. М.: РГГУ, 2019. С. 212–234.
- Беляев Л.А., Баранова С.И. У истоков изучения керамики средневековой Москвы: А.В. Филиппов, П.Н. Миллер, М.Г. Рабинович и другие // Ученые и идеи: Тезисы докладов международной науч. конф., Москва, 24–25 февраля 2015 г. М.: ИА РАН, 2015. С. 10–11.
- Беляев Л.А., Капитонова М.А., Чернов С.З. Археологические раскопки у храма Покрова Богородицы на Рву (собор Василия Блаженного) в Москве // Археологические открытия 2005 года. М.: ИА РАН, 2007. С. 114–117.
- Виноградов А.Ю., Елшин Д.Е. Греческие клейма на черепицах Десятинной церкви // *Opus mixtum*. № 4. Київ, 2016. С. 113–121.
- Гращенков А.В. Архитектурные детали и фрагменты сооружений XIV — начала XX века. М.: Голден Би, 2010. 366 с.
- Давид Л.А. Из научного наследия // Реставрация и исследования памятников культуры. М.: Стройиздат, 2001. Вып. 4. С. 5–33.
- Из творческого наследия архитектора-реставратора Б.Л. Альтшуллера. Статья, воспоминания современников. М.: Новый хронограф, 2013. 523 с.
- Каргер М.К. Древний Киев. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. 2. 661 с.
- Коваль В.Ю. Московская чернолощеная посуда // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2019. Вып. 15. С. 383–400.
- Мазуров А.Б. Архитектурно-археологические исследования в Коломне (1947–1984 гг.) // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2019. № 1 (33). С. 3–44.
- Меркелова В.Н. К реконструкции фасадов Архангельского собора // Искусство Москвы периода формирования Русского централизованного государства. (Материалы и исследования / Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 3). М., 1980. С. 76–86.
- Оустерхаут Р. Византийские строители / Пер. с англ. Л.А. Беляева; ред. Л.А. Беляев, Г.Ю. Ивакин. Киев; М.: Корвин, 2005. С. 160–161.
- Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2001. Т. 6. Вып. 2. 447. стб.
- Раппопорт Л.А. Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Л.: Наука, 1982. 136 с.

Раннопорт П.А. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. СПб.: Наука, 1994. 158 с.

Реброва Р.В. Проблемы отбора массовых находок XVIII — начала XX в. в музейную коллекцию (на примере фонда Санкт-Петербургской археологии Государственного Эрмитажа) // Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. М.: Индик, 2020. С. 363–370.

Трусов О.А. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI–XVII вв.: Архитектурно-археологический анализ. Минск: Наука и техника, 1988. 157 с.

Хворостова Е.Л. Керамические покрытия кровель XV–XVII вв. (Москва и Московская область)

// Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2002. Вып. 4. С. 204–214.

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1959. 364 с.

Grote M. Les tuiles anciennes du Canton de Vaud. Avec une contribution de Jacques Morel, Les tuiles canal cisterciennes de l'église Notre-Dame de Bonmont. Lausanne, 1996 (Cahiers d'archéologie romande N° 67. 112 с.

Günther H. Ein Entwurf Baldassare Peruzzis für ein Architekturtraktat. Für Christof Thoenes zum 60. Geburtstag // Römisches Jahrbuch der Bibliotheca Hertziana. Bd. 26. Roma, 1990. S. 135–170.

Л.А. Беляев, С.И. Баранова

О керамических кровлях Москвы рубежа XV–XVI веков

Ключевые слова: кровельная черепица, архитектура XV–XVII вв., культурные традиции, Великое Московское княжество

Аннотация: Судьба черепицы в России — один из признаков культурного своеобразия, хотя в основном это аргумент *от отсутствия*. Черепица (*ceramic roof tiles*) — традиционный материал для покрытия крыш в странах Евразии от Португалии до Китая, по крайней мере, с I тыс. до н.э. Она знакома Древней Руси, Московскому царству, Российской империи и ее наследникам. Однако в Древней Руси знакомство с ней в X в. не привело к распространению, опыт остался единичным. Вновь черепица появится в России в самом конце XV в. Ее

местные формы отличаются от центральноевропейских, но близки к простейшим версиям средневековых западных и античных. Дело в том, что черепицу ввели в Москве итальянские строители. Они опирались на трактат Витрувия и археологические наблюдения над античной черепицей Средиземноморья. В XVI–XVII вв. русскую черепицу применяли только в строительстве церквей, дворцов и крепостей. Несмотря на усилия Петра I и ввоз европейской черепицы, такие кровли жилых зданий так и не получили распространения. Позже ее приходилось заново вводить в архитектуру (последний опыт такого рода — проекты развития черепицы в ранний советский период).

L.A. Belyaev, S.I. Baranova

On the roof tiles in Moscow at the turn of the 15th–16th centuries

Keywords: cultural traditions, Moscow Czardom, architecture of the 15th–17th centuries, Italian architects, Vitruvius, ceramic roof tiles.

Abstract: Fate of ceramic roof tiles in Russia is one characteristics of cultural singularity, though predominantly it is an argument from default. Ceramic roof tiles are traditional material used for roof covering in Eurasian countries from Portugal to China at least since the 1st millennium A.D. It was known in Old Rus', in Moscow czardom, in the Russian empire and its successors. However, the acquaintanceship with it in the 10th century did not bring about its spread. Experience of its use remained to be solitary. Ceramic roof tiles reappeared in Russia at the very end of the 15th century. Russian roof

tiles are different from Central European ones but close to medieval Western and classic roof tiles. The problem has a simple solution: ceramic roof tiles were imported by Italian builders who rested upon treatise by Vitruvius and archeological observations of antique roof tiles in Mediterranean. The Russian ceramic roof tiles in the 16th and 17th centuries were used only in construction of churches, palaces and fortresses. In spite of Peter the Great efforts and importation of European roof tiles, roof tiles claddings did not gain spread as roofs of dwelling-houses. Later on, roof tiles had to be introduced into architecture (the last attempt was undertaken in early Soviet period when projects of ceramic roof tiles development were offered).

Литовский Смоленск по археологическим данным¹

Смоленск, занимающий стратегически важную точку на карте Восточной Европы, несколько раз менял свою этнополитическую принадлежность: кривичский — скандинавский — древнерусский — литовский — московский — польский — российский — французский — российский — германский — российский. Видны ли эти трансформации через призму археологии? Можно ли точно диагностировать слои «завоевателей», проследить преемственность местной материальной культуры? Вопросы немаловажные для оценки возможностей археологии как исторической науки.

В настоящее время наиболее археологически изученным периодом истории Смоленска является древнерусский XII–XIII вв. Археологические работы последних лет свидетельствуют, что границы заселенной территории Смоленска на пике его развития в древнерусское время выходили за пределы каменной крепости рубежа XVI–XVII вв. и приближались к границам города XIX в.! (рис. 1). В XIII в. город сжался, как шагреновая кожа. Где проходили границы Смоленска в XIV в.? Какой город осаждал литовский князь Витовт? Как происходило развитие поселения, входившего в XV столетии в Великое княжество Литовское? Какой город осаждал московский князь Василий III? Эти вопросы имеют очевидную актуальность для археологического изучения. Для ответа на вопрос о границах Смоленска XV в. могла бы помочь керамика. Тип смоленской керамики XV в. выделен в работах Т.Ю. Сергиной² по материалам

раскопов на ул. Соболева (имевших стратиграфию и дендродаты) и В.С. Курмановского по результатам исследования комплекса Глушицы³. Проблема заключается в том, что верхняя хронологическая граница типа керамики, характерной для XV в., расплывчата. Для того чтобы разделить материалы XV и XVI вв., требуется систематическая сравнительная работа с эталонами, которая пока не проведена для многочисленных коллекций из раскопок в Смоленске.

Имеется еще одна «подсказка» для археологов — дендродаты. Согласно данным, имеющимся в архиве кабинета дендрохронологии ИА РАН (всего по Смоленску 600 образцов), более четверти датированы XV веком, т.е. относятся к «литовскому Смоленску». Эти спилы были отобраны из раскопок Д.А. Авдусина на ул. Соболева⁴. Несмотря на то что есть сомнения в валидности некоторых определений по сравнительно молодой древесине, можно думать, что в XV в. Смоленский подол под Соборной горой между ручьями Смолигов и рекой Смолянкой был заселен.

Западная окраина смоленского Подола или Пятницкий конец дали меньше материалов XV в. Судя по опубликованным таблицам, горшки XV в. представлены в незначительном количестве⁵. Тем

³ Курмановский В.С. Керамика поселений Глушицкого комплекса (Смоленская область): Проблемы хронологии и классификации // Археология Подмосковья. Вып. 10. М., 2014. С. 405–418; *Он же*. Работы на поселении Глушица 1 в 2016 г.: Предварительные результаты // De mare ad mare. Археология и история: Сб. ст. к 60-летию Н.А. Кренке. М.; Смоленск, 2017. С. 82–105; *Он же*. Смоленская керамика XI–XVIII вв.: Опыт рабочей классификации // Смоленская керамика VIII–XIX вв. Новые материалы и старые коллекции. М.; Смоленск, 2020. С. 18–29.

⁴ Авторы благодарны А.А. Карпухину за предоставленную информацию.

⁵ Пронин Г.Е., Соболев В.Е., Гусаков М.Г. Древний Смоленск Археология Пятницкого конца. Смоленск, 2011; Пронин Г.Е., Соболев В.Е. Древний Смоленск. Археология

¹ Статья подготовлена в рамках НИОКТР ААА-А-18-118021690056-7 «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи Великого переселения народов до Московской Руси — археологическое измерение».

² Сергина Т.Ю. Керамика Смоленска середины XIII–XVII веков // Смоленские древности. Вып. 3. Смоленск, 2004.

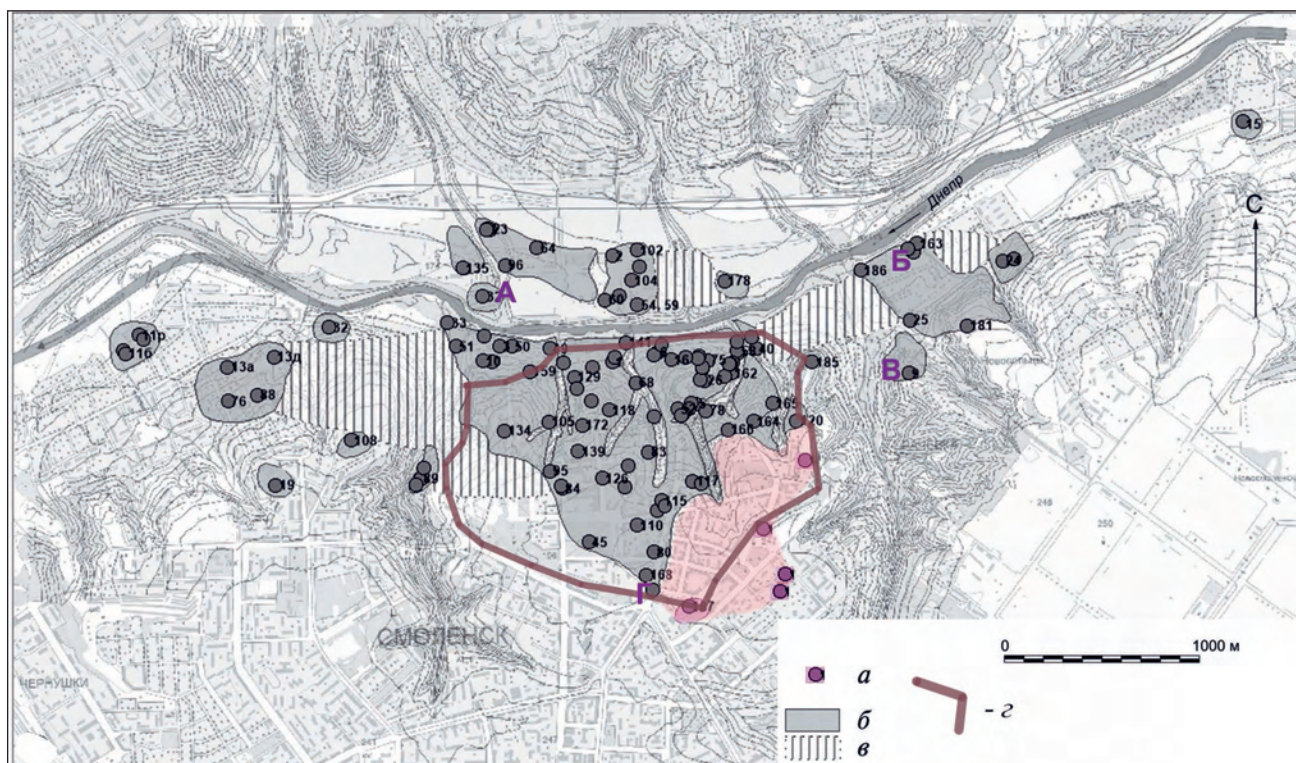

Рис. 1. Карта Смоленска с нанесенной границей культурного слоя XII–XIII вв. (составлена авторами совместно с Н.М. Эрман и В.А. Низовцевым). Кружками с номерами показаны раскопы с находками XII–XIII вв. А — раскопы на ул. Кашена, 15 Б; Б — шурфы на набережной Максима Горького 22, 24, 26; В — шурфы и раскопы в Новосельцах; Г — раскопы возле Молоховских ворот. Розовым цветом показан ареал поселения с находками XII–XIII вв., который был выявлен по результатам работ 2019–2021 гг. а — раскопы 2019–2021 гг.; б — заселенная территория Смоленска XII–XIII вв. по данным на 2018 г.; в — территории, где предполагается наличие культурного слоя XII–XIII вв.; г — границы крепости рубежа XVI–XVII вв.

не менее, можно быть уверенным, что в XV в. территория была заселена. На это указывают в первую очередь находки трех пражских грошей в пластах 11–13 Пятницкого раскопа⁶, происходящих в том числе из построек⁷. Именно этот тип монет являлся одним из основных в денежном обращении в Великом княжестве Литовском.

Восточная окраина древнерусского Смоленска в пойменной части долины Днепра изучена лишь разведочными шурфами, больших раскопов здесь не было. Шурфы 2015 и 2016 гг. в приборочной части поймы (ул. Набережная Максима Горького, 22–26) показали, что здесь хорошо представлены материалы XI–XII вв., а керамика XV в. фактически отсутствовала. Еще более выразительная картина была получена в 2020 г. при работах в тыловой части днепровской поймы,

на участке с адресом ул. Соболева, 49. Здесь древнерусский слой XII–XIII вв. был перекрыт слоем песчаного аллювия, отложившегося в период режима высоких паводков в эпоху Малого ледникового периода (XIII–XVII вв.). На плато высокого берега над р. Рачевкой также не оказалось следов заселения XV в. Здесь при проведении охранных исследований, связанных со строительством нового микрорайона в Новосельцах, были обнаружены следы селитьбы XII–XIII вв. В более позднее время территория использовалась для сельскохозяйственных нужд, сохранились межевые канавки границ участков. Возможно, что эта разметка относится именно к периоду XV в., но точных доказательств этому нет. Археологическая датировка более размыта — XV–XVI вв.⁸ Аналогичная разметка межевых канавок при отсутствии селитебного слоя XV в. была обнаружена на правом берегу р. Городнянки в Заднепровье и на участке плато, примыкающего к левому берегу

Пятницкого конца. Вып. 2. М., 2020.

⁶ Зайцев В.В. Монеты из раскопок в Смоленске // Пронин Г.Н., Соболев В.Е. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца... С. 326–336.

⁷ Пронин Г.Н., Соболев В.Е. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца... С. 94.

⁸ Кренке Н.А., Ершов И.Н., Платоновский Р.Б., Раева В.А. Ремесленные окраины древнерусского Смоленска // Российская археология. 2019. № 3. С. 158–170.

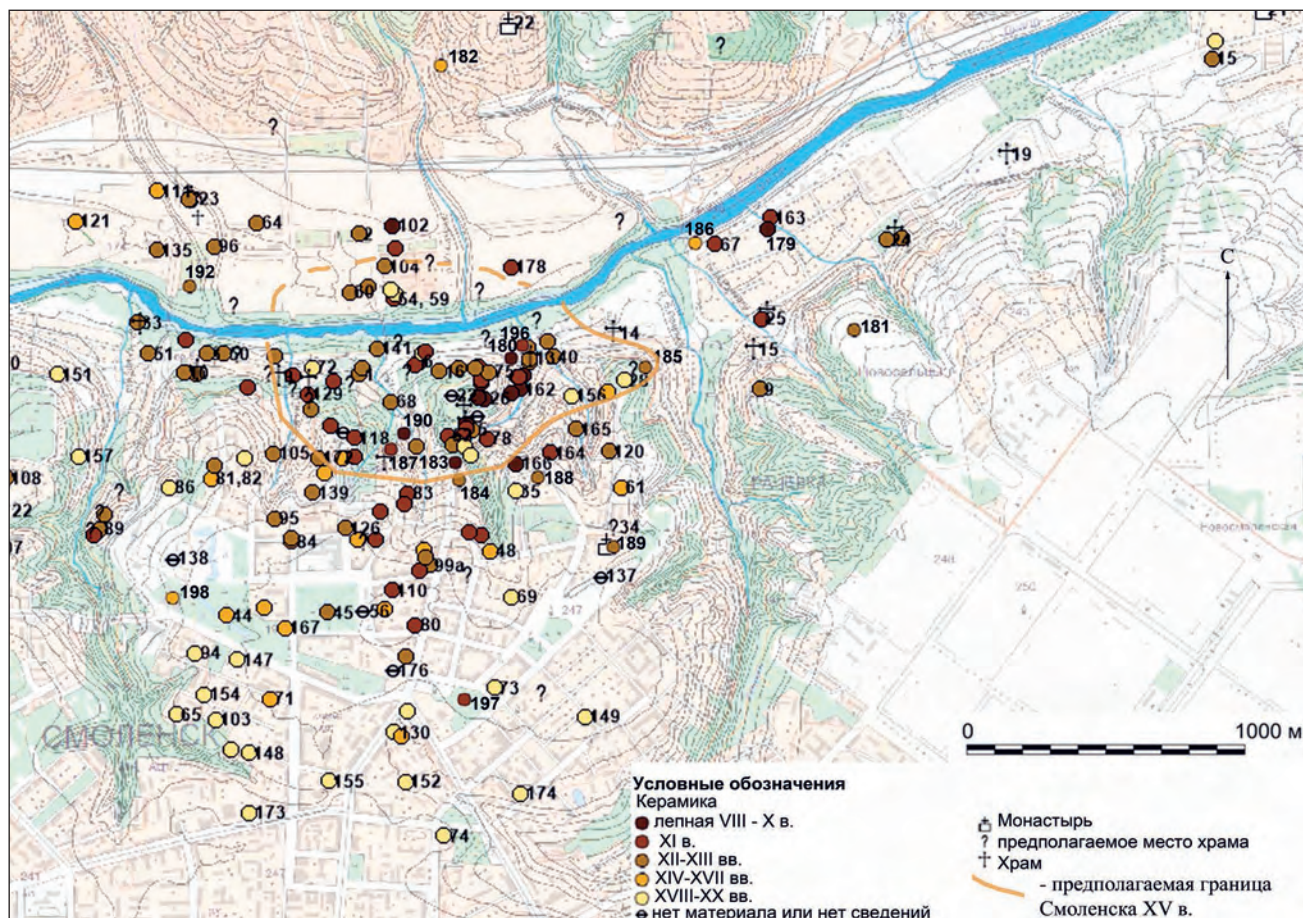

Рис. 2. Границы Смоленска XV в. (предполагаемые) на фоне археологической карты города, где обозначены места раскопов (цветные кружки).

р. Рачевки (ул. Мира). Эти аргументы «от противного» можно продолжить материалами раскопа 2001 г. (руководитель Н.В. Зубарев), изученного на перекрестке улиц Коммунистической и Большой Советской при строительстве офиса МТС ОАО «Мобильные телесистемы»⁹. На этом ключевом с точки зрения топографии города участке были обнаружены древнерусские материалы и комплексы XVII в. Находки XV в. отсутствовали, в том числе и нумизматические, при достаточном обилии находок монет XVII в.

Несколько ближе к Днепру, на уровне современных улиц Пржевальского, Коненкова, Ленина и на территории Троицкого монастыря, возле башни Веселухи в шурфах и раскопах, изученных О.М. Олейниковым и авторами, встречалась керамика, которую можно отнести к XV в.¹⁰ Важно учесть

⁹ Зубарев Н.В. Отчет о результатах охранных археологических исследований при строительстве административного здания ОАО «Мобильные телесистемы» по адресу ул. Б. Советская/Коммунистическая. М., 2002 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 23112.

¹⁰ Кренке Н.А. Отчет о разведочных (научных и охранных) археологических работах в г. Смоленске и Смоленской области в 2017 г. М., 2018 // Архив ИА РАН Р-1

также, что в Заднепровье была найдена монета смоленской чеканки конца XIV в.¹¹ Вероятно, что в XV в. жизнь в этом районе продолжалась.

Таким образом, территорию Смоленска XV в. приблизительно можно очертить следующим образом: от устья Пятницкого ручья вверх по его долине, затем на восток до верховьев Резницкого (Смолигова) оврага, далее на восток до Васильевской горы (территория Троицкого монастыря) и затем на северо-запад по кромке высокого берега, охватывая истоки Георгиевского ручья (речка Смолянка) до мыса, на котором стоит башня Веселуха и затем на север к руслу Днепра (рис. 2). Заднепровскую часть города можно обозначить сугубо условно, так как данных мало. Можно предположить, что освоен был прибрежный участок, непосредственно напротив заселенной правобережной части города.

(не оприходован); Олейников О.М. Раскоп на ул. Ленина, 8-А, в Смоленске (Результаты охранных археологических исследований 2005–2006 гг.) // Города, поселения, могильники: Материалы охранных археологических исследований. Т. 17. Чебоксары, 2015. С. 146–207.

¹¹ См. статью В.А. Волкова в настоящем сборнике.

Рис. 3. Топографический план Соборной горы Смоленска, на котором показана трасса дороги, мощенной камнем, выявленной шурфами 2020 г.

Совершенно новый колорит археологические данные о литовском Смоленске приобрели после работ 2020 г. на обращенном к Днепру северном склоне Соборной горы.

В северо-западной части Соборной горы ранее археологические работы велись лишь у ее подошвы — это раскоп УС-5 (аббревиатура обозначает улицу Соболева). Выше по склону в сторону Благовещенской церкви и далее вверх до Успенского собора раскопов не было,

за исключением лишь одного шурфа 1925/1926 г. возле соборной колокольни. В 2020 г. были заложены шурфы между склоном Соборной горы и зданием «гостиных палат» конца XVIII в. (ул. Соборная гора, 11). Примерно на глубине 1–1,5 м от современной поверхности были обнаружены четыре яруса деревянной мостовой, ориентированной по оси С–Ю, т.е. вытянутой по линии от верха Соборной горы вниз к Днепровским воротам. Вероятно, именно эту мостовую уже фиксировали возле

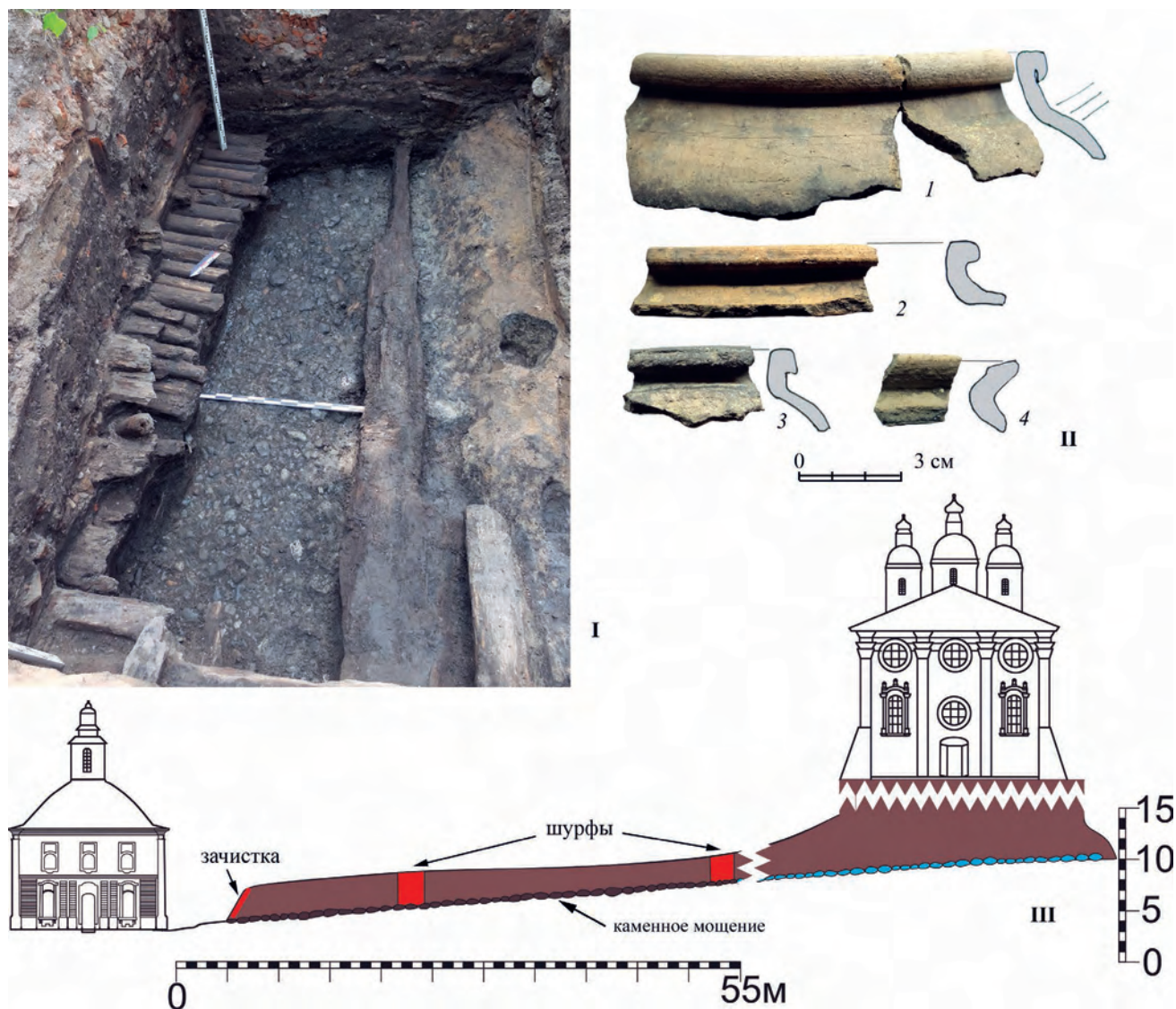

Рис. 4. Мощенная камнем дорога на Соборную гору.

I — фото участка дороги, вскрытого в шурфы 1; II — керамика XIV–XV вв. на поверхности дороги (1) и в слое, который подстилает каменное мощение (2–4); III — схема профиля дороги.

Днепровских ворот при работах 1955 г. в раскопе УС-5. Ширина мостовой была более 5 м. Некоторые ярусы были сложены из плах, местами использовались тонкие бревна. Датируются все четыре яруса, судя по монетным находкам (тверские медные пула, по определению В.В. Зайцева), XVI веком. Необычным было то, что в деревянных мостовых заплаты делались из камня и битого кирпича. Объяснение лежало ниже. Под деревянными мостовыми была обнаружена каменная. Ширина этой дороги была 4 м. Мощение сложено из некрупных камней (5–7 см), обломков кирпичей (плинф) и костей домашних животных. Мощеная дорога пролегла по искусственной выемке, вырытой в материковом суглинке. Дорога была прослежена на участке

протяженностью 35 м. Ориентация дороги – от верха Соборной горы прямо вниз к Днепру (рис. 3–5). Таким образом, была найдена совершенно необычная для древнерусской и московской архитектуры дорога с каменным мощением, строительство которой сопровождалось обширными земляными работами, имевшими цель сделать профиль дороги более пологим (на изученном участке уклон составляет 5 градусов). Для датировки времени создания дороги важны находки под ее полотном. Восточный край дороги подстилал культурный слой (выравнивающая подсыпка) с керамикой XIV–XV вв. Таким образом, судя по керамике, дорога датируется в широких пределах XV веком. Ее можно интерпретировать как одну из основных магистралей Смоленска,

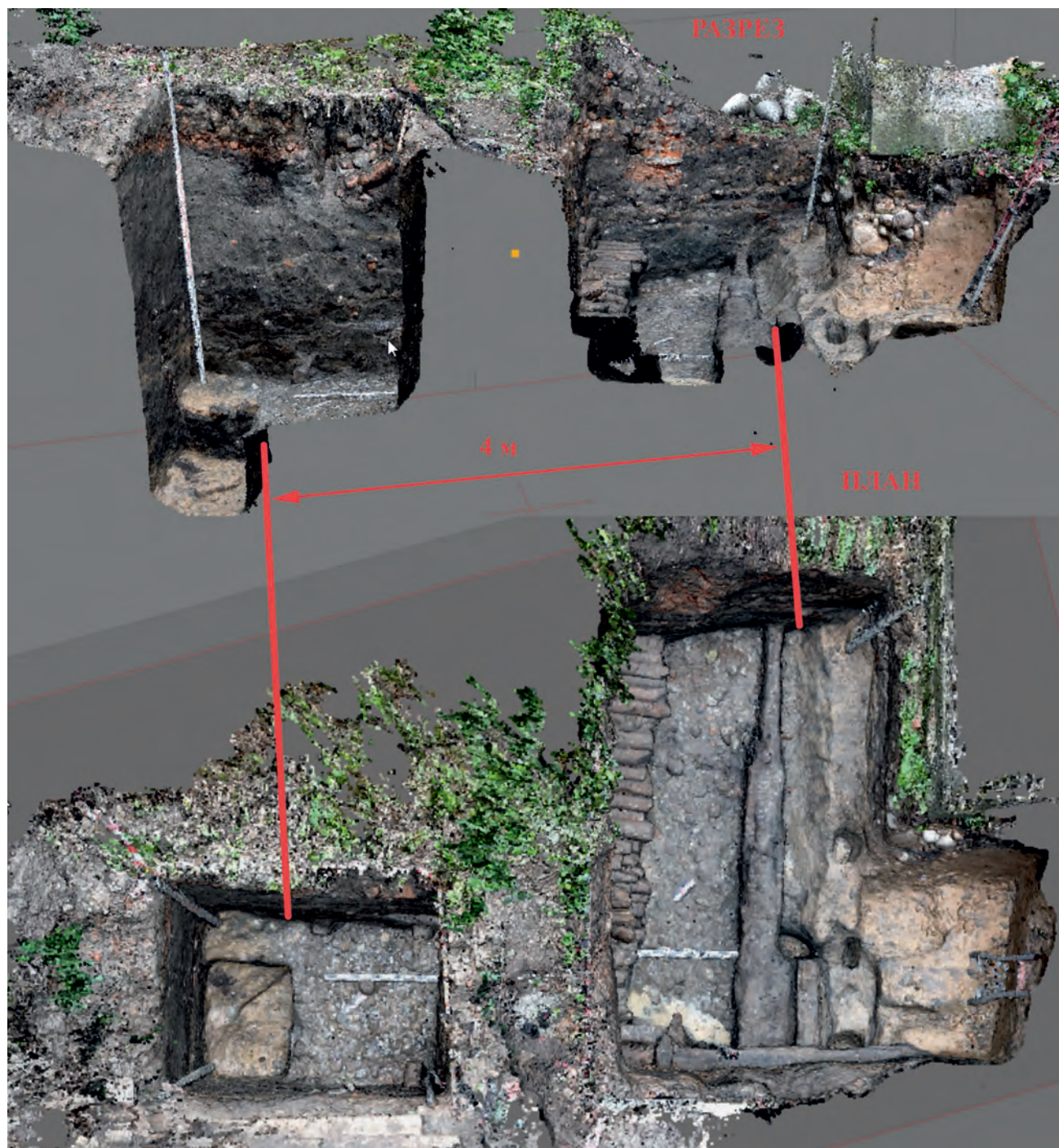

Рис. 5. Мощенная камнем дорога XV в. на Соборную гору Смоленска, план и разрез.

планировка которого определялась Великой улицей, пролежавшей вдоль левого берега Днепра, и перпендикулярной ей улицей, соединявшей Подол и нагорную часть города (именно она и была найдена). Для городов Московского княжества каменное уличное мощение – чрезвычайная редкость. Можно указать на каменное мощение Красной площади в Москве, сделанное итальянцами в конце

XV в.¹², и улицу в Белозерске¹³, также в XV в. Для литовских и польских замков и городов каменное мощение — норма. Таким образом, раскопками 2020 г. были выявлены следы работ по благоустройству

¹² Чернов С.З., Бойцов И.А. Раскопки в Историческом проезде и изучение великого посада Москвы в XIII–XV вв. // Российская археология. 1992. № 1. С. 211–230.

¹³ Сообщение Е.Л. Хворостовой.

города, когда он входил в Великое княжество Литовское. Масштаб этих работ был, видимо, весьма значителен. Это может указывать на устойчивое экономическое положение города. Каменные мостовые появились в нем вновь лишь в начале XIX в.¹⁴

Выводы. Смоленск XV в. существенно уступал по площади древнерусскому городу XII–XIII вв. и примерно соответствовал по размерам городу на начальной стадии его развития в XI в. Его площадь, может

¹⁴ Писарев С.П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894.

быть, равнялась 50–100 га. Наличие мощной каменной дороги, ведущей к Днепру, с очевидностью указывает, что был мост и, вероятно, Заднепровский посад. Обнаружение каменной дороги, ведущей на Соборную гору и устроенную на совершенно новом месте, указывает, что в городе в XV в. велись большие работы по благоустройству и, вероятно, по фортификации. Видимо, поступательное развитие города и его инфраструктуры в XV в. явилось мощным притягательным фактором для московского князя Василия III, обусловившим его желание присоединить Смоленск к своему княжеству.

Список литературы

Зайцев В.В. Монеты из раскопок в Смоленске // Пронин Г.Н., Соболев В.Е. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Вып. 2. М.: Ин-т археологии РАН, 2020. С. 326–336.

Зубарев Н.В. Отчет о результатах охранных археологических исследований при строительстве административного здания ОАО «Мобильные телесистемы» по адресу ул. Б. Советская/Коммунистическая. М., 2002 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 23112.

Кренке Н.А. Отчет о разведочных (научных и охранных) археологических работах в г. Смоленске и Смоленской области в 2017 г. М., 2018 // Архив ИА РАН Р-1 (не оприходован).

Кренке Н.А., Ершов И.Н., Платоновский Р.Б., Раева В.А. Ремесленные окраины древнерусского Смоленска // Российская археология 2019. № 3. С. 158–170.

Курмановский В.С. Керамика поселений Глушицкого комплекса (Смоленская область): Проблемы хронологии и классификации // Археология Подмосковья. Вып. 10. М.: Ин-т археологии РАН, 2014. С. 405–418.

Курмановский В.С. Работы на поселении Глушица 1 в 2016 г.: Предварительные результаты // De mare ad mare. Археология и история: Сб. ст. к 60-летию Н.А. Кренке. М.; Смоленск: Свиток, 2017. С. 82–105.

Курмановский В.С. Смоленская керамика XI–XVIII вв.: Опыт рабочей классификации // Смоленская керамика VIII–XIX вв. Новые материалы и старые коллекции. М.; Смоленск: Свиток, 2020. С. 18–29.

Олейников О.М. Раскоп на ул. Ленина, 8-А, в Смоленске (Результаты охранных археологических исследований 2005–2006 гг.) // Города, поселения, могильники: Материалы охранных археологических исследований. Т. 17. Чебоксары: Перфектум, 2015. С. 146–207.

Писарев С.П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск: Типо-лит. Ф.В. Зельдович, 1894. 296 с.

Пронин Г.Н., Соболев В.Е. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Вып. 2. М.: Ин-т археологии РАН, 2020. 336 с.

Пронин Г.Е., Соболев В.Е., Гусаков М.Г. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Смоленск: ИП И.А. Флиманкова, 2011. 208 с.

Сергина Т.Ю. Керамика Смоленска середины XIII–XVII веков // Смоленские древности. Вып. 3. Смоленск: Б/и, 2004. С. 5–190.

Чернов С.З., Бойцов И.А. Раскопки в Историческом проезде и изучение великого посада Москвы в XIII–XV вв. // Российская археология. 1992. № 1. С. 211–230.

Н.А. Кренке, И.Н. Ершов, К.А. Ганичев, В.А. Раева
Литовский Смоленск по археологическим данным

Ключевые слова: Смоленск, XV в., керамика, монеты, дороги.

Аннотация: В статье анализируются археологические материалы XV в., полученные в Смоленске. Определены приблизительные границы города в литовскую эпоху по местам обнаружения керамики и монет XV в. Описаны новые находки,

в том числе мощенная камнем дорога, поднимавшаяся от Днепра на Соборную гору. Выдвигается предположение о значительных работах по благоустройству города в XV в. Отмечается, что Смоленск XV в. отличался от городов Московской Руси, где доминировали деревянные покрытия улиц.

N.A. Krenke, I.N. Ershov, K.A. Ganichev, V.A. Raeva
Lithuanian Smolensk according to archaeological data

Keywords: Smolensk, 15 c. pottery, coins, roads.

Abstract: The article analyses the archaeological data of the 15th century obtained in Smolensk. The approximate boundaries of the city in the Lithuanian era are determined by the places of discovery of ceramics and coins of the 15th century. New finds are described,

including a stone-paved road that ascended from the Dnieper to the Cathedral Hill. The assumption is put forward about significant works in the improvement of the city in the 15th century. It is noted that Smolensk of the 15th century was different from the cities of Moscow Russia, where wooden street coverings dominated.

Денежное обращение Смоленской земли в 1404–1514 гг. по археологическим данным

Источниковая база по истории денежного обращения Смоленской земли в литовский период за последние два десятилетия значительно пополнилась. В то же время попыток цельно проанализировать эти сведения ранее не предпринималось.

Вот уже столетие, как в историографии обсуждается возможность чеканки Смоленском собственной монеты накануне и в момент его перехода под власть Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ)¹. В настоящий момент у исследователей не вызывает сомнений факт такой чеканки — выделена компактная группа мелких серебряных монет, идентифицированных как продукция монетного двора Смоленска. Принято выделять четыре основных типа чеканившихся на них изображений:

1) шагающий влево зверь с мордой в профиль и оканчивающимся головой дракона хвостом;

2) два расположенных друг над другом шагающих вправо зверя с мордами анфас, хвост верхнего из которых оканчивается геральдической лилией;

3) монограмма «Ю»;

4) Колюмны.

Вполне очевидно, что монеты с изображением Колюмн чеканились в тот момент, когда город находился под контролем литовской администрации. По нашему мнению, наиболее вероятно их эмиссия в период 1395–1401 гг., а окончательное прекращение работы монетного двора Смоленска можно датировать временем около 1404 г. В то же время некоторые исследователи придерживаются той точки зрения, что наиболее вероятно чеканка, по крайней мере, части этих монет в период между 1404 и 1408 гг.²

¹ Чижов С.И. Дроздовский клад русских денег времени великого князя Василия Дмитриевича Московского. Пг., 1922.

² Зайцев В.В. Русские монеты XIV–XVII вв.: Очерки по нумизматике. М., 2016. С. 105.

Имеются сведения, как минимум, о 68 монетах смоленской чеканки, однако, к сожалению, лишь три из них найдены в ходе археологических раскопок. В то же время одна из них найдена экспедицией ИА РАН именно в Смоленске в 2005 г. в ходе исследований на территории Заднепровского района на участке между улицами Желябова и Кашена. К сожалению, ее контекст малоинформативен — монета происходит из переотложенного в XVI в. мешаного слоя, содержавшего в числе прочего материалы XII–XIII вв.³ Примечательно, что остальные две монеты найдены в Литве в ходе раскопок на территории кладбища при костеле в Кернаве⁴ и Верхнего замка в Вильнюсе⁵.

На протяжении всего XV века основу денежного обращения ВКЛ составляли пражские гроши. Археологические находки говорят нам о том, что Смоленская земля не была исключением, — пражские гроши здесь относятся к наиболее многочисленной категории нумизматических находок этого периода. Имеются сведения, как минимум, о четырех кладах и более чем двадцати единичных находках. К сожалению, сведения о кладе, найденном в Смоленске в 1889 г., крайне скудны. Мы можем лишь говорить о том, что факт находки клада действительно был и что этот комплекс включал в себя, по меньшей мере, 411 пражских грошей и три серебряных слитка, два из которых весили 84,33 и 96,37 г соответственно. Сообщение С.П. Писарева о том, что все гроши клада были отчеканены в правление Вацлава II (1278–1305)⁶, следует поставить под сомнение. Дело

³ Там же. С. 101.

⁴ Luchtanas A. Sidabro lydiniių ir monetų radiniai Kernavėje // Numizmatika. Vilnius, 2000. № 1. P. 78.

⁵ Борейша Ю., Иванаускас Э. Смоленские монеты Витовта и Романа Михайловича. Каунас; Мн., 2008. С. 12. Рис. 7.

⁶ Марков В.В. Смоленск и его окрестности в XIV–XV вв. по данным нумизматики, археологии и письменным

в том, что на данный момент мы не знаем ни одной достоверной находки гроша чеканки Вацлава II на Смоленщине. Более того, на территории ВКЛ до сих пор не известно ни одного достоверно зафиксированного клада пражских грошей, который бы содержал исключительно монеты Вацлава II или в котором такие монеты хотя бы преобладали. Именно в его правление началась чеканка этих монет, а их широкое распространение происходит уже при последующих правителях. Очевидно, что С.П. Писарев не умел определять пражские гроши, а Вацлав II попросту был единственным известным ему эмитентом этих монет ввиду того факта, что именно он организовал их чеканку. Скорее всего, в действительности данные клады выпали в XV в. и в основном содержали монеты Вацлава IV (1378–1419).

К сожалению, у нас нет источников для установления основного пути поступления пражских грошей на территорию Смоленской земли, однако факт выявления в составе клада из Новых Батек монеты с контрмаркировкой в виде герба города Зоест⁷ дает основания полагать, что в первом десятилетии XV в., по крайней мере, часть монет поступала сюда из северогерманских городов.

Доминирование пражских грошей в денежном обращении ВКЛ начинает спадать после возобновления работы Виленской мынцы, в 1492 г. по указу Александра Казимировича (1492–1506) начавшей выпускать денарии и полугроши⁸.

С территории Смоленска и Смоленской области происходит уже более десятка находок джучидских дангов и подражаний им. Все они, за исключением происходящего с территории Смоленского района экземпляр с датой (819 г.х. (1417 г.) отчеканены во второй половине — конце XIV в.⁹ Этот материал дает нам основания полагать, что после рубежа XIV и XV вв. роль дангов в денежном обращении Смоленского княжества стала снижаться и к моменту включения этих земель в состав ВКЛ была незначительной. В то же время выглядит более чем обоснованным мнение В.В. Зайцева о том, что продукция смоленского монетного двора, какое-то время контролировавшегося и литовской администрацией, играла роль разменной монеты между пражским грошом и джучидским дангом:

источникам // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 7. М., 2019. С. 127–128.

⁷ Горлов К.В., Волков В.А. Об уточнении даты тезаврации клада пражских грошей из деревни Новые Батеки Смоленского района // Двадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. В. Новгород, 2019. С. 106.

⁸ Грамыка А. Літоўскія манеты Аляксандра Казіміравіча: класіфікацыя і перыядызацыя // Гулецікі Д., Галоўчанка Р., Грамыка А. Калекцыйная спадчына Вялікага княства. Мн., 2008.

⁹ Волков В.А. О новых находках монет XIV в. в Смоленской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 7. М., 2018. С. 257.

последний был эквивалентен трем монетам, а пражский грош — шести смоленским полуденьгам¹⁰.

Общеизвестно, что собственная монетная чеканка началась в ВКЛ в последней четверти XIV в. и была представлена исключительно монетами мелких — разменных — номиналов. Факт находки¹¹ на территории Монастырщинского района Смоленской области денария, относимого исследователями к эмиссии Ягайлы (1382–1392), мог бы дать основание предположить, что монеты литовской чеканки могли обращаться в Смоленском княжестве уже в XIV в. и оказать влияние на формирование местного денежного хозяйства, однако остальные факты говорят отнюдь не в пользу этой гипотезы. Средний вес монет смоленской чеканки находится в пределах 0,42–0,45 г, что говорит об их ориентации на вес московской полуденьги¹². Все серебряные слитки, контрмаркированные смоленскими князьями Юрием Святославичем (1386–1392; 1401–1404) и Глебом Святославичем (1392–1395), надчеканены также и клеймами московских князей¹³. Единственный на данный момент полноценно введенный в научный оборот происходящий с территории Смоленской земли клад с характерными для ВКЛ слитками датируется временем между 1405 и 1430 гг.¹⁴

Следующая по хронологии находка рассматриваемой группы — фрагмент денария Витовта с Погоней и Колюнами, найденный в ходе раскопок ИА РАН на Соборном холме Вязьмы в 2017 г.¹⁵ Считается, что чеканка этих монет осуществлялась в Вильно в первом десятилетии XV в. В литературе высказано мнение, что штемпеля для этих монет вырезаны вывезенным в Вильно мастером, который ранее работал над инструментом для чеканки смоленских монет¹⁶. Примечательно, что из того же раскопа происходит пражский грош Вацлава IV¹⁷.

Более поздним временем — 1413–1430 гг. — датируются денарии с изображением Колюмн и копья с крестом. Несмотря на то что находки этих монет на территории ВКЛ многочисленны, убедительной точки зрения на их точную датировку и место

¹⁰ Зайцев В.В. Русские монеты XIV–XVII вв. С. 96.

¹¹ Волков В.А. О новых находках монет... С. 258.

¹² Зайцев В.В. Новые находки ранних монет Великого княжества Литовского в России // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 2. М., 2007. С. 130.

¹³ Зайцев В.В. О клеймах смоленских князей на серебряных платежных слитках XIV в. // Банкаўскі веснік. 2018. № 4 (657). Апрель. С. 67.

¹⁴ Зайцев В.В., Романов С.Ю. Клад платежных слитков-полтин из Смоленской области // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 6. М., 2019. С. 246.

¹⁵ Кренке Н.А. Отчет о проведении археологических раскопок на Соборном холме в г. Вязьма в 2017 г. М., 2018 // Архив ИА РАН. Р-1 № (не оприходован). Илл. 124.

¹⁶ Борейша Ю., Иванаускас Э. Смоленские монеты... С. 17.

¹⁷ Кренке Н.А. Отчет о проведении археологических раскопок... Илл. 124.

чеканки до сих пор так и не высказано. Это связано прежде всего с тем, что до сих пор нет находок с узкодатируемым археологическим контекстом, а большинство кладов, из которых происходят эти монеты, состоят только из них. Полностью аналогична ситуация со Смоленщиной, откуда происходят, как минимум, один клад и 11 единичных находок этих монет¹⁸.

Считается, что следующим по хронологии типом были денарии Казимира IV Ягеллончика (1440–1492) с изображением Колюмн и Погоня. С определением их точного времени и места чеканки ситуация та же, что и у монет описанного выше типа. По крайней мере, три денария найдено на территории исторического центра Смоленска; кроме того, одна монета происходит из раскопок на территории селища Глушицы¹⁹.

После выпуска денариев с Колюмнами и Погоней чеканка собственной монеты в ВКЛ на какое-то время прекратилась и возобновилась в 1492 г., после открытия Виленской мынцы. Наряду с денариями — монетами разменного номинала — стали выпускаться полугроши, призванные заменить пражские гроши, до того преобладавшие в денежном обращении. На данный момент при археологических раскопках на Смоленщине зафиксирована только одна монета Александра Казимировича — денарий найден в 2021 г. в ходе раскопок ИА РАН на территории Гнёздовского археологического комплекса. К сожалению, монета происходит из ямы, не содержащей каких-либо иных выразительных находок и массового материала.

Найденный в 2014 г. в Монастырщинском районе Смоленской области Лобковский клад, датированный концом 1520-х гг., состоял из русских и литовских монет. Младшими монетами клада являются русские проволочные серебряные денги. Литовская часть клада представлена денариями Александра Казимировича и полугрошами Александра Казимировича и Сигизмунда I Старого (1506–1548), причем младшие из них отчеканены в 1514 г.²⁰ Этот комплекс, выпавший спустя более десяти лет после перехода Смоленска под власть Русского

государства, позволяет заключить, что, с одной стороны, к 1514 г. пражский грош перестал доминировать в местном денежном обращении, а, с другой — после 1514 г. сюда резко перестала поступать монета из ВКЛ и в обращение постепенно стали входить монеты чеканки московского, псковского и тверского денежных дворов.

Подведем итог. Археологические находки рисуют нам три этапа истории денежного обращения Смоленской земли в период ее нахождения в составе ВКЛ. В последние годы существования независимого Великого княжества Смоленского здесь обращались пражские гроши, джучидские данги и подражания им, а также осуществлялась чеканка собственной разменной монеты, по своим параметрам близкой полуденгам Великого княжества Московского. Кроме того, здесь контрмаркировались и обращались серебряные слитки, ввозившиеся с территории Великого княжества Московского. Смоленская монетная чеканка какое-то время контролировалась литовской администрацией, но не позднее первого десятилетия XV в. была прекращена. Второй этап наступает в последующие десятилетия, когда денежное обращение Смоленской земли утрачивает самобытность и соответствует ситуации на основной территории ВКЛ: основу обращения составляют пражские гроши, денарии литовской чеканки и типичные для территории ВКЛ серебряные слитки. Третий этап связан с возобновлением работы Виленской мынцы в 1492 г. Пражский грош и литовские денарии предшествующих правителей сменяются денариями и полугрошами Александра Казимировича и полугрошами Сигизмунда I. Сходит на нет роль слитков в денежном обращении. Как свидетельствует кладовый материал, после 1514 г. в Смоленск перестает поступать монетная продукция ВКЛ, однако оставшаяся от литовского периода низкопробная виленская монета циркулирует здесь, по крайней мере, до конца 1520-х гг.

До тех пор пока не будут составлены близкие по полноте и хронологии сводки для сопредельных со Смоленщиной не входивших в состав ВКЛ регионов, невозможно сделать корректные количественные сопоставления. Можно лишь отметить, что в литературе отсутствуют сведения о находках на их территории денариев ВКЛ с достоверным контекстом XV в., в то же время опубликованы данные о единичных находках пражских грошей в Великом Новгороде и Старой Ладогге, на Рюриковом городище, в Торжке, Калуге и Туле²¹.

²¹ Горлов К.В., Григорьева Н.В. Пражские гроши из Старой Ладогги в системе денежного обращения Новгородской земли // Актуальная археология 4. Комплексные исследования в археологии: Материалы научной конференции молодых ученых. СПб., 2018. С. 250.

¹⁸ Волков В.А., Сергеев В.Ю., Галанов В.И. О новых находках литовских денариев XV в. в Смоленской области // Трэція навуковыя чытанні памяці прафесара Валянціна Навумавіча Рабцэвіча (1934–2008): Тэз. дакл. Мінск, 16–18 мая 2018 г. Мн., 2018. С. 39–41.

¹⁹ Волков В.А., Сергеев В.Ю., Галанов В.И. О новых находках...; Курмановский В.С. Работы на поселении Глушица 1 в 2016 г.: Предварительные результаты // De mare ad mare. Археология и история: Сб. ст. к 60-летию Н.А. Кренке. М.; Смоленск, 2017. Рис. 18.

²⁰ Волков В.А. Клад русских и литовских монет первой четверти XVI в. из Монастырщинского района Смоленской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 6. М., 2017. С. 202.

Список литературы

- Борейша Ю., Иванаускас Э.* Смоленские монеты Витовта и Романа Михайловича. Каунас; Мн.: Б/и, 2008. 23 с.
- Волков В.А.* Клад русских и литовских монет первой четверти XVI в. из Монастырщинского района Смоленской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 6. М.: РИА «Внешторгиздат», 2017. С. 200–212.
- Волков В.А.* О новых находках монет XIV в. в Смоленской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 7. М.: РИА «Внешторгиздат», 2018. С. 252–258.
- Волков В.А., Сергеев В.Ю., Галанов В.И.* О новых находках литовских денариев XV в. в Смоленской области // Трэція навуковыя чытанні памяці прафесара Валянціна Навумавіча Рабцэвіча (1934–2008): Тэз. дакл. Мінск, 16–18 мая 2018 г. Мн.: Беларус. дзярж. ун-т, 2018. С. 39–41.
- Горлов К.В., Волков В.А.* Об уточнении даты тезаврации клада пражских грошей из деревни Новые Батеки Смоленского района // Двадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. В. Новгород: ООО «Типография “Возрождение”», 2019. С. 105–107.
- Горлов К.В., Григорьева Н.В.* Пражские гроши из Старой Ладogi в системе денежного обращения Новгородской земли // Актуальная археология 4. Комплексные исследования в археологии: Материалы научной конференции молодых учёных. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 250–252.
- Грамыка А.* Літоўскія манеты Аляксандра Казіміравіча: класіфікацыя і перыядызацыя // *Гулецкі Д., Галоўчанка Р., Грамыка А.* Калекцыйная спадчына Вялікага княства. Мн., 2008. 177 с.
- Зайцев В.В.* Новые находки ранних монет Великого княжества Литовского в России // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 2. М.: РИА «Внешторгиздат», 2007. С. 121–137.
- Зайцев В.В.* Русские монеты XIV–XVII вв.: Очерки по нумизматике. М.: Изд-во МБА, 2016. 304 с.
- Зайцев В.В.* О клеймах смоленских князей на серебряных платежных слитках XIV в. // Банкаўскі веснік. № 4 (657). Апрель. С. 64–68.
- Зайцев В.В., Романов С.Ю.* Клад платежных слитков-полтин из Смоленской области // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 6. М.: РИА «Внешторгиздат», 2019. С. 242–250.
- Кренке Н.А.* Отчет о проведении археологических раскопок на Соборном холме в г. Вязьма в 2017 г. М., 2018 // Архив ИА РАН. Р-1 № (не оприходован).
- Курмановский В.С.* Работы на поселении Глушица 1 в 2016 г. предварительные результаты // De mare ad mare. Археология и история: Сб. ст. к 60-летию Н.А. Кренке. М.; Смоленск: Свиток, 2017. С. 82–105.
- Марков В.В.* Смоленск и его окрестности в XIV–XV вв. по данным нумизматики, археологии и письменным источникам // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 7. М.: РИА «Внешторгиздат», 2019. С. 127–158.
- Чижов С.И.* Дроздовский клад русских денег времени великого князя Василия Дмитриевича Московского. Петербург: Российская Академия Истории Материальной культуры, 1922. 68 с.
- Luchtanas A.* Sidabro lydinii ir monetų radiniai Kernavėje // Numizmatika. № 1. Vilnius, 2000. P. 78–79.

В.А. Волков

Денежное обращение Смоленской земли в 1404–1514 гг. по археологическим данным

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Великое княжество Смоленское, средневековая нумизматика Восточной Европы, пражский грош, литовский денарий, джучидский данг.

Аннотация: В статье рассматриваются ключевые вопросы истории денежного обращения Смоленской земли в период нахождения этой территории в составе ВКЛ. Судя по археологическим

находкам, в начале XV в. местное денежное обращение отличалось своеобразием, но в последующие десятилетия различия сглаживаются и в Смоленске обращаются те же монеты и слитки, что и на большей части ВКЛ. После присоединения Смоленска Василием III оставшиеся от литовского периода монеты продолжают циркулировать здесь до конца 1520-х гг.

V.A. Volkov

**Archaeological investigations as source of information about history
of monetary circulation of Smolensk from 1404 to 1514**

Keywords: Monetary circulation of medieval Europe, Grand Duchy of Lithuania, Grand Duchy of Smolensk, Prague groschen, Lithuanian denarius.

Abstract: The article is about review of findings of coins linked with Smolensk as a part of Grand Duchy of Lithuania in 1404–1514. It shows us as in a short

period monetary circulation that orientated to Moscow changes to picture that is normal for main territory of Grand Duchy of Lithuania. The residual of Lithuanian coins circulated in Smolensk approximately for 15 years after the conquest of Smolensk by Basil III in 1514.

Сведения об авторах

Баранова Светлана Измайловна, РГГУ, svetlanbaranova@yandex.ru

Беляев Леонид Андреевич, ИА РАН, labeliaev@bk.ru

Богомолов Александр Викторович, bogomolovmail@yandex.ru

Волков Владислав Артурович, СПбГУ, vlad47777@list.ru

Гайдуков Петр Григорьевич, ИА РАН, russianchange@yandex.ru

Ганичев Кирилл Александрович, ИА РАН, kirganichev@yandex.ru

Горский Антон Анатольевич, ИРИ РАН, gor-ks@yandex.ru

Дедук Андрей Владимирович, РГАДА, deduk@list.ru

Домбровский Дариуш, университет Казимира Великого (г. Быдгощ, Польша), tatar1965@gmail.com

Елкина Ирина Игоревна, ИА РАН, ira-elkina@yandex.ru

Ершов Иван Николаевич, ИА РАН, ershovin@yandex.ru

Коваль Владимир Юрьевич, ИА РАН, kovaloka@mail.ru

Конявская Елена Леонидовна, ИРИ РАН, ekonyavskaya@gmail.com

Красникова Анна Михайловна, ГИМ, krasnikova.an@yandex.ru

Кренке Николай Александрович Кренке, ИА РАН, nkrenke@mail.ru

Кучкин Владимир Андреевич, ИРИ РАН, drgrus_iriran@mail.ru
Ленхофф Гейл, Калифорнийский университет, (г. Лос-Анджелес, США), lenhoff@humnet.ucla.edu

Мазуров Алексей Борисович, Государственный социально-гуманитарный университет (г. Коломна), mazurov.ab.1970@mail.ru

Макаров Николай Андреевич, ИА РАН, ia.ras@mail.ru

Маслова Светлана Алексеевна, ИРИ РАН, Sveta2687@yandex.ru

Модин Роман Николаевич, ИА РАН, modin.roman@mail.ru

Олейников Олег Михайлович, ИА РАН, olejnikov1960@yandex.ru

Постол Любовь Игоревна, Гамбургский университет (г. Гамбург, Германия), postol.liub@yandex.ru

Раева Вера Александровна, ИА РАН, veraraeva@mail.ru

Сафарова Ирина Александровна, ИА РАН, irina@safarov-tver.ru

Сквейрс Екатерина Ричардовна, МГУ, skvayrs@gmail.com

Уханова Елена Владимировна, ГИМ, evoukhanova@mail.ru

Федорина Анастасия Николаевна, ИА РАН, nasfed@yandex.ru

Флоря Борис Николаевич, Институт славяноведения РАН, ritlen@mail.ru

Чернов Сергей Заремович, ИА РАН, chernovsz@mail.ru

Список сокращений

- АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией
АлтГУ – Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
АН РТ – Академия наук республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АСЗ – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века
АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.
БАН – Библиотека РАН (г. Санкт-Петербург)
ВКЛ – Великое княжество Литовское
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГВИПМЗ «Куликово поле» – Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле» (г. Тула)
ГВНиП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949
ГИМ – Государственный исторический музей (г. Москва)
ГИС – Географическая информационная система
ГУГК – Главное управление геодезии и картографии
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.; Л., 1950
ДОСААФ – Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту
ИА – Институт археологии РАН (г. Москва)
ИГЕМ – Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН (г. Москва)
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург)
ИРИ – Институт российской истории РАН (г. Москва)
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МГОМЗ – Московский государственный объединенный музей-заповедник
МГОСГИ – Московский государственный областной социально-гуманитарный институт (г. Коломна)
МГУ – Московский государственный университет
МНР – Монгольская Народная Республика
НИОКТР – Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950
ОАО – Открытое акционерное общество
ОР – Отдел рукописей
ОРЯС – Отделение русского языка и словесности
ПетрГУ – Петрозаводский государственный университет
ПРП – Памятники русского права
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва)
РГБ – Российская государственная библиотека (г. Москва)
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва)
РГУ – Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)
РГИА – Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)
РИБ – Русская историческая библиотека
РНБ – Российская национальная библиотека (г. Санкт-Петербург)
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СО РАН – Сибирское отделение РАН
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
США – Соединенные Штаты Америки
ТНИИР – Тверской научно-исследовательский, историко-археологический и реставрационный центр
ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы
ЦНРПМ – Центральные научно-реставрационные проектные мастерские (г. Москва)
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей Российских
КНВ – Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów), wydali, wstępem i przypisami opatrzyli D. Dąbrowski, A. Jusupović przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł, [w:] Monumenta Poloniae Historica nova series, t. XVI, Kraków – Warszawa 2017

Содержание

Вступление.	Л.А. Беляев, Е.Л. Конявская. Московская Русь: первые шаги	6
-------------	---	---

РАЗДЕЛ 1. ОРДА И РУСЬ В XIII–XIV ВВ.

Глава 1.	А.А. Горский. Первое вступление московского князя на великокняжеский престол: традиция и политические реалии	18
Глава 2.	В.А. Кучкин. Завоевание Руси Батыем и ордынский «выход»	22
Глава 3.	С.А. Маслова. Монгольские чиновники по данным ярлыков XIII–XIV вв.	36
Глава 4.	Е.В. Уханова. Рисунки представителей Золотой Орды в древнерусских рукописях XI–XIV вв.	45
Глава 5.	Г. Ленхофф. К вопросу о чингисидской идентичности Петра, царевича Ордынского, и его рода	57

РАЗДЕЛ 2. НОВГОРОД, ТВЕРЬ, РЯЗАНЬ И ДРУГИЕ ЗЕМЛИ

Глава 6.	Б.Н. Флоря. Жалованные грамоты рязанских князей как исторический источник	66
Глава 7.	Е.Л. Конявская. Тверь: от Михаила Александровича до Михаила Борисовича	74
Глава 8.	И.А. Сафарова. Керамические плитки покрытия полов Твери XIII–XVI вв.	87
Глава 9.	Л.И. Постол. Грамматика коллективных обозначений социальных институтов в ганзейско-новгородской документации	98
Глава 10.	Е.Р. Сквайрс. О языковой работе канцелярий Ганзы над текстами посланий в Новгород	104
Глава 11.	П.Г. Гайдуков, О.М. Олейников, А.В. Богомолов. Археологическое свидетельство новгородско-шведской войны 1348–1349 гг.	114
Глава 12.	С.З. Чернов. Два погоста – одно «племя»: Мировая грамота 1375 г. и механизмы вепсской колонизации новгородского Обонежья	119
Глава 13.	Д. Домбровский. Об обстоятельствах заключения союза Всеволода Святославича Черного с Романовичами	154

РАЗДЕЛ 3. СТАНОВЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА

Глава 14.	Л.А. Беляев. Московские типы: к истокам традиций	166
Глава 15.	Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль, Р.Н. Модин. Новые данные по исторической топографии восточной части Московского Кремля в XII–XIII вв.	178
Глава 16.	А.Б. Мазуров. Коломна в XIII–XV вв.	196
Глава 17.	А.В. Дедук. К вопросу об исторической топографии Алексина XIV–XVI вв.	223
Глава 18.	А.Н. Федорина, А.М. Красникова. Пространство жизни и пространство смерти: локализация средневековых сельских кладбищ Северо-Восточной Руси по материалам Суздальского Ополя	239
Глава 19.	И.И. Елкина. Текстиль XIV–XV вв. из влажного культурного слоя московского Зарядья	251
Глава 20.	Л.А. Беляев, С.И. Баранова. О керамических кровлях Москвы рубежа XV–XVI веков	264
Глава 21.	Н.А. Кренке, И.Н. Ершов, К.А. Ганичев, В.А. Раева. Литовский Смоленск по археологическим данным	277
Глава 22.	В.А. Волков. Денежное обращение Смоленской земли в 1404–1514 гг. по археологическим данным	285

Сведения об авторах	290
---------------------------	-----

Список сокращений	291
-------------------------	-----

Contents

<i>Introduction</i>	<i>L.A. Belyaev, E.L. Konyavskaya. Moscow Rus: the First Steps</i>	11
---------------------	--	----

PART 1. HORDE AND RUSSIA IN THE 13TH-14TH CENTURIES

Chapter 1	<i>A.A. Gorski. The first accession of Moscow prince to the grand prince throne: tradition and political realities</i>	18
Chapter 2.	<i>V.A. Kuchkin. Conquest of Rus by Batu Khan and “exit” to Orda</i>	22
Chapter 3.	<i>S.A. Maslova. Mongolian officials according to the data of yarliks of the 13th-14th centuries</i>	36
Chapter 4.	<i>E.V. Ukhanova. Pictures of the Golden Horde’s representatives in old Russian manuscripts of the 11th-14th centuries</i>	45
Chapter 5.	<i>G. Lenhoff. On the Chingisid Identity of Petr, tsarevich of the Horde, and his Descendants</i>	57

PART 2. NOVGOROD, TVER, RYAZAN AND OTHER LANDS

Chapter 6.	<i>B.N. Florya. Patents of nobility given to princes of Ryazan as historical source</i>	66
Chapter 7.	<i>E.L. Konyavskaya. Tver’ from Michael Alexandrovich to Michael Borisovich</i>	74
Chapter 8.	<i>I.A. Safarova. The floor tiles of Tver’ of the 13th-16th centuries</i>	87
Chapter 9.	<i>L.I. Postol. Grammar of collective designations of social institutes in documents of the Hanseatic League and Novgorod</i>	98
Chapter 10.	<i>C.R. Squires. Hanseatic chanceries and their work on the correspondence with Novgorod</i>	104
Chapter 11.	<i>P.G. Gajdukov, O.M. Oleynikov, A.V. Bogomolov. Archaeological evidence of the Novgorod-Swedish War of 1348-1349</i>	114
Chapter 12.	<i>S.Z. Chernov. Two pogosts — one «tribe»: The amicable agreement of 1375 and the mechanisms of the Veps colonization of the Novgorod Obonezhye</i>	119
Chapter 13.	<i>D. Dombrovski. On circumstances of conclusion of Vsevolod Sviatoslavich Cheremnoi alliance with the Romanovichi</i>	154

PART 3. FORMATION OF THE GRAND PRINCIPALITY OF MOSCOW

Chapter 14.	<i>L.A. Belyaev. Moscow types: toward the origins of tradition</i>	166
Chapter 15.	<i>N.A. Makarov, V.Yu. Koval’, R.N. Modin. New data on historical topography of Moscow Kremlin’s eastern part in the 12th-13th centuries</i>	178
Chapter 16.	<i>A.B. Mazurov. Kolomna in the 13th-15th centuries</i>	196
Chapter 17.	<i>A.V. Deduk. Aleksin’s historical topography of the 14th-16th centuries revisited</i>	223
Chapter 18.	<i>A. N. Fedorina, A. M. Krasnikova. Space of life and space of death: localization of medieval rural cemeteries of North-Eastern Rus’ (on materials of Suzdal Opolye region)</i>	239
Chapter 19.	<i>I.I. Elkina. Textile of the 13th-15th centuries from the humid layer of Moscow Zaryad’e</i>	251
Chapter 20.	<i>L.A. Belyaev, S.I. Baranova. On the roof tiles in Moscow at the turn of the 15th-16th centuries</i>	264
Chapter 21.	<i>N.A. Krenke, I.N. Ershov, K.A. Ganichev, V.A. Raeva. Lithuanian Smolensk according to archaeological data</i>	277
Chapter 22.	<i>V.A. Volkov. Archaeological investigations as source of information about history of monetary circulation of Smolensk from 1404 to 1514</i>	285
<i>About the authors</i>		290
<i>List of abbreviations</i>		291

На шмуцтитулах использованы иллюстрации:

С. 5.
Раскоп на месте собора
Спаса Преображения
(1285–1290 гг.).
Фото августа 2014 г.
Вид с запада.

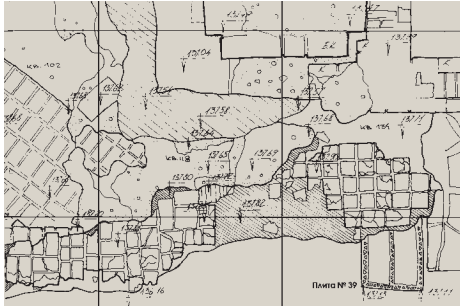
С. 16.
Хроника Георгия Амартола.
Первая половина XIV в.
(РГБ. Ф. 173/1. № 100).
Л. 160об. Рисунки.

С. 64.
Нижнее течение р. Оять
в районе Введено-Оятского
монастыря. 2017 г.

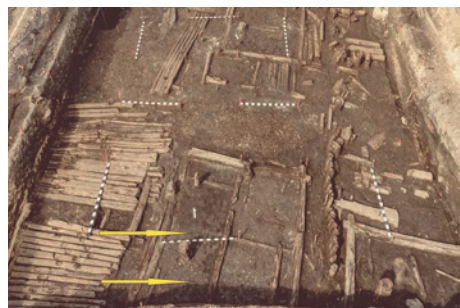
С. 164.
Фрагмент военно-
топографического
плана Алексина 1853 г.
(РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Ч. 3.
Ед. хр. 5287).

На фораце
Собор Рождства Богородицы
во Владимире. План раскопа.
Фрагмент.

На нахзаце
Собор Рождства Богородицы
во Владимире. Профиль раскопа.
Фрагмент.

На обложке
Раскоп в Великом Новгороде
на ул. Знаменская, 15. Вид с юга.

Научное издание

РУСЬ В XIII–XV ВЕКАХ

**НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ
В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ
И ИСТОРИИ**

Издательство «Индрик»

Оригинал-макет А.С. Старчеус

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

www.indrik.ru

or by tel./fax: **+7 495 938-01-00**

Формат 60×90 ¹/₈. Печать офсетная.

37,0 п. л. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ООО «Фотоэксперт»

Москва, Котляковская, д. 3, стр. 13

An aerial photograph of an archaeological excavation site. The central focus is a rectangular structure made of numerous parallel wooden planks, laid out in a grid pattern. Several black and white striped scale bars are placed on the ground around the structure for measurement. The surrounding area is dark, damp earth, with some scattered debris and other wooden fragments. The lighting is natural, highlighting the texture of the wood and the uneven ground.

Коллективный труд представляет опыт соединения фундаментальных исследований археологов и историков, работающих над проблемами XIII–XV вв. Работы имеют источниковедческую направленность и затрагивают сферы истории удельных княжеств в ордынский период, культуры, быта, городской и сельской жизни, государственного и общественного устройства. Предназначен археологам, историкам, искусствоведам, студентам исторических специальностей и всем интересующимся историей и культурой России.

The book represents the first Russian attempt to merge archaeological and historical scholarly studies of the New Time. The studies of the written and archaeological records deal with the history of culture and casual life; courtly and country life; of urbanism, industry and military affairs; state and society. For students and researchers in archaeology, history and art studies.